

МИФЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МИФЫ * ЛЕГЕНДЫ * СОБЫТИЯ

В КОРОЛЕВСТВЕ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ

БЕЛЫЕ БОГИ ИНДЕЙЦЕВ

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ДОЛИНА ЗАМКОВ

ДЕТИ ТИХОГО ОКЕАНА

КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ:
КЕЛЬТЫ ИЛИ КИТАЙЦЫ?

ПОПОЛЬ-ВУХ

МИФЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ,
СКАЗАНИЯ НОВОГО СВЕТА
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ИСПАНСКОЙ КОНКИСТЫ**

САРАТОВ
«НАДЕЖДА»
1996

Составитель В. И. Вардугин
Художник К. В. Бутенко

Мифы исчезнувших цивилизаций. — Саратов: «Надежда». — 1996. — 512 с., илл.

О загадочных народах Центральной и Южной Америки — майя, ацтеках, инках, муисках, киче, тольтеках и других рассказывают как фольклорные произведения этих племен («Пополь-Вух», «Долина замков», «Родословная владык Тотоникапана»), так и свидетельства современников завоевания Америки европейцами (Диего де Ланда, «Боги и люди майя»). Читатель познакомится не только с мифологией и этнографией аборигенов Нового Света, но и найдет ответы на многие вопросы, которые ставили перед современными исследователями удивительные цивилизации, погибшие в столкновении Старого и Нового Света.

М $\frac{4700000000-03}{921 (03)-96}$ без объявл.

ББК 63.5 + 82.33

ISBN 5-88618-051-6

© «Надежда», составление
© Бутенко Константин Владимирович, оформление,
1996

НЕЗАТОНУВШАЯ АТЛАНТИДА

Почему океан, разделяющий Старый Свет с Новым, называется Атлантическим? Одни утверждают — от имени мифических Атлантов, что «держат небо на каменных руках» как раз на берегу этого океана. Другие говорят: в честь Атлантиды — острова, затонувшего в его водах в незапамятные времена.

Вот уже не одно столетие ученые ищут следы некогда величественной цивилизации — государства Атлантиды. Пока поиски не увенчались успехом. Называют разные координаты легендарной страны: Азорские и Канарские острова, острова Зеленого мыса, остров Мадеру и остров Тенериф. Достоверных сведений об исчезнувшей цивилизации до сих пор не найдено, и все предположения о ней основаны на легенде, записанной древнегреческим философом Платоном. Вот что он сообщил нам:

«Солон, знаменитый, как мудрейший из семи мудрецов, великий афинский законодатель (живший около 600 лет до Рождества Христова.— В. И.), совершил однажды путешествие в Египет. Там на него произвел глубокое впечатление рассказ старого египетского жреца, посвятившего его в древнюю и давно забытую историю Афин. Величавая легенда гласила: «О многих великих и чудесных делах вашего государства повествуется в наших летописях; но одно из них величием и доблестью превосходит все остальные, потому что в этих летописях говорится о могучей силе, которая неудержимо надвигалась на всю Европу, и которой ваш город положил конец.

Эта сила шла со стороны Атлантического океана, ибо в то время по океану этому ходили корабли; и был тогда остров, расположенный против пролива, который вы называете Геркулесовыми Столбами (Гибралтарский пролив.— В. И.); остров был больше чем Ливия (Северная Африка.— В. И.) и Азия, взятые вместе, и чрез него лежал путь к другим островам, и с этого острова можно было проехать через весь материк, окружавший настоящий океан; потому что море, которое находится у Герку-

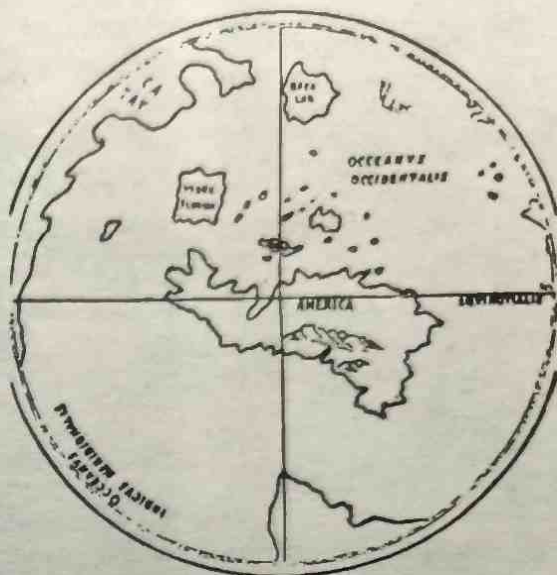
лесовых Столбов, есть только залив с узким входом, а это другое и есть настоящее море, и окружающую сушу можно по всей справедливости назвать материком. И вот на острове Атлантиде было великое и чудесное государство, которое владело всем островом и другими островами, также и некоторыми областями материка; и кроме них, оно подчинило себе часть Ливии по сю сторону Геркулесовых Столбов, вплоть до Египта, и часть Европы, до самой Тиррении (Этрурии, области средней Италии. В. И.).

Эта огромная, таким образом объединившаяся сила попыталась одним ударом покорить нашу страну и вашу, и всю землю, которая была по сю сторону пролива; и тогда, Солон, твоя страна засияла превосходством своей добродетели и могущества над всем человечеством, потому что она опередила всех отвагою и военным искусством и была во главе эллинов. И когда другие отпали от нее, так что она должна была положиться только на свои силы, то, претерпев самые крайние опасности, она разбила посягателей и восторжествовала над ними, охранила от рабства всех еще не покоренных и щедро даровала свободу всем тем, которые жили в пределах Геркулесовых Столбов. Но потом случились сильные потопы и землетрясения, и в один день и одну ночь непрерывного дождя все ваши воинственные борцы были поглощены землею, и остров Атлантида таким же образом исчез и потонул в море. Вот почему море в тех местах непроходимо и непроницаемо, ибо по пути встречается большое количество мелководного ила; и произошло это вследствие оседания острова».

Много веков к этому сообщению Платона относились как к басне, и лишь в эпоху так называемого Возрождения ученые стали серьезно обсуждать легенду об Атлантиде, предпринимая попытки «рационального» истолкования этого предания. Страна, поглощенная океаном, в их фантазиях рисовалась подобной древней Греции, что хорошо представлено на известной картине Д. Тиннати «Гибель Атлантиды»: храмы с высокими колоннами, стадионы, множество домов, заполнивших долину между гор... К середине XX века число книг, посвященных этому затонувшему царству, перевалило за двадцать тысяч, однако доказать существование Атлантиды так и не удалось.

Казалось, встреча европейской цивилизации с неведомой атлантической так и останется лишь в воображении пылких мечтателей. Но экспедиции испанских и португальских мореходов в конце XV — начале XVI веков принесли ошеломляющую весть: далеко на Западе, в Атлантическом океане лежит земля, населенная удивительным народом, построившим величественные города, по размерам и великолепию не уступающие лучшим европейским. Уж не Атлантида ли «всплыла» из глубин времен?

К сожалению, встреча двух цивилизаций привела не к сотрудничеству, а к войне: алчность европейских завоевателей за-

Часть карты Леонардо да Винчи (около 1514 года).
Одна из первых карт с названием «Америка».

топила древнейшие американские цивилизации надежнее, чем океанские воды — Атлантиду. На свою беду, аборигены Америки, не знавшие железа, умели выплавлять из золота и серебра украшения, затмившие своим блеском разум конкистадоров. По преданию, в день своей казни Великий Инка, правитель инков, простил испанцев, презрительно обронив, мол, что возьмешь с испанцев, ведь они родились там, где нет ничего прекраснее золотого кирпича... Характеристика — поистине убийственная.

Несколько столетий хозяйничали на американской земле солдаты, уничтожая не только людей, но и все, произведенное и созданное индейцами: разрушали города, переплавляли в слитки уникальные произведения искусства. «Святые отцы», католические священники, шедшие вместе с конкистадорами, дабы крестить новые земли, тоже приложили немалые усилия, уничтожая рукописи с «языческими» письменами. Короче, когда в XIX веке серьезно ученые начали изучать древние цивилизации, на их долю достались лишь разбитые вдребезги разрозненные фрагменты культуры, всего каких-то пять столетий назад бывшей целой и невредимой. Говоря об экспедиции Кортеса, разрушившего столицу майя, Шпенглер замечал: «Эта история дает единственный в своем роде пример насильственной смерти цивилизации. Она не угасла сама по себе, никто не заглушал и не тормозил ее развития — ей нанесли смертельный удар в пору ее расцвета, ее уничтожили грубо и насильственно, она погибла, как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку».

Сожжение индейцев испанцами. С гравюры XVI века.

Но, судя даже по осколкам, ученые поняли, что во время завоевания Америки «человек христианского Запада столкнулся не с остатками чужой цивилизации, которую надо было бы реконструировать, а с самой этой цивилизацией во плоти и крови. Встреча Кортеса с Монтесумой равносильна, например, встрече

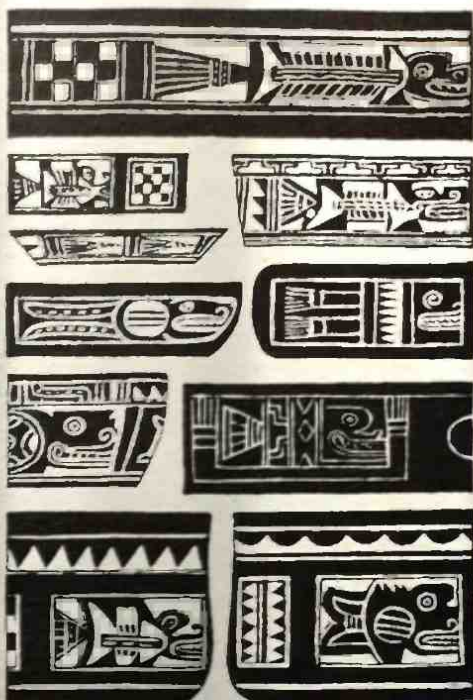
Бругш-бея с Рамзесом Великим в Деир аль-Бахари или Кольдевея с Навуходоносором, которого он повстречал бы вдруг, прогуливаясь по висячим садам Вавилона, и с которым вступил бы, как Кортес с Монтезумой, в беседу» (К. Керам, «Боги, гробницы, ученые», СПб, 1994, с. 282).

К счастью, во времена Кортеса в Америке оказались не только разрушители. Диего де Ланда (1524—1579), испанский церковный деятель и историк, в 1549 году был направлен в Юкатан (Мексика) миссионером. В 1561 году он был избран главой францисканцев в Юкатане и Гватемале; там он ввел инквизицию и на публичном аутодафе сжег немало ценнейших памятников культуры майя. Однако его заинтересовали индейские рукописи, и он стал их не сжигать, а изучать, в результате чего появилась книга «Сообщения о делах в Юкатане. 1566» — важный источник по вопросам истории, этнографии, культуры и религии майя.

Шаг за шагом перед исследователями открывалась изумительная картина: древнейшие американские цивилизации были не только равны европейской, но и по некоторым вопросам превосходили ее (скажем, календарь майя — до сих пор самый точнейший). Государство Майя насчитывало свыше ста городов, и не каких-нибудь скромных поселений, а украшенных великолепными храмами, дворцами, стадионами для игры в мяч. Постройки украшались рельефными изображениями, росписями, скульптурами. Майя имели свою письменность, и, несмотря на то, что из рукописей их осталось всего три манускрипта, до нас дошло немало надписей, повествующих о жизни этого загадочного народа — майя украшали храмы и дворцы надписями, выбитыми в камне.

Долгое время эти иероглифы молчали, пока в 1955 году русский ученый из Харькова Юрий Валентинович Кнорозов не нашел ключ к дешифровке письменности майя.

Культура ацтеков и майя (Центральная Америка) и инков

Древнемексиканские орнаменты. Стилизованные рыбы.

«Финал конкисты» (рисунок из старинной индейской рукописи).

(Южная Америка) была настолько необычной, а цивилизация такой высокоразвитой, что некоторые ученые (скажем, Джон Стефенс в XIX и Эдвард Томпсон в XX веке) предположили: не является ли Америка той страной, о которой Солону некогда поведал египетский жрец? Вероятно, это лишь смелое предположение. Хотя, кто его знает, какие еще сюрпризы преподнесут нам археологи, этнографы, лингвисты — все те ученые, которые пытаются, и не безуспешно, заглянуть в немыслимые дали прошлого. Америку хотя и называют Новым Светом, однако когда геологи исследовали лаву вулкана, уничтожившего пирамиду Куикуилько подле Мехико, оказалось, что цивилизация, воздвигшая эту пирамиду, насчитывает 8000 лет! Она старше шумерской цивилизации, и уступает только знаменитому Аркаиму — праславянскому городу на Южном Урале. Так что Новый Свет не намного «новее» Старого.

Слишком парадоксально такое предположение? Эта книга как раз и представляет собой сборник исследований, разрывающих привычные представления, усвоенные еще на школьной скамье. На страницах книги «Мифы исчезнувших цивилизаций» читатель найдет ответы на такие вопросы, как: почему землетрясения не разрушили старинные здания и стены, хотя их строители не употребляли цемента, а просто клали камень на камень, причем так, что в стыки между камнями нельзя просунуть даже лезвие бритвы? умели ли древние обитатели Америки делать операции... по пересадке сердца? почему золотые изделия индейцев, отнятые испанцами и переплавляемые, превращались не в золотые, а в медные слитки? почему майя, ацтеки, инки так легко покорились завоевателям?

Читатель познакомится и с богатой мифологией коренных жителей Америки. Хотя можно ли считать краснокожих корен-

ным народом Нового Света? Этот вопрос также отражен на страницах книги «Мифы исчезнувших цивилизаций».

А один миф, как нам представляется, будет развенчан в сознании читателя, познакомившегося с материалом этого сборника: миф о том, что Америку открыл Колумб. Находки археологов, ученых — специалистов других наук, смежных с археологией, — неопровержимо свидетельствуют о том, что задолго до Колумба материк, лежащий между Тихим и Атлантическим океанами, «открывали» и с запада, и с востока викинги, кельты, ливийцы, китайцы, полинезийцы... И «открытие» Америки продолжается и сегодня, благо загадки, хранимые древними цивилизациями этой незатонувшей Атлантиды, еще не исчерпаны.

Владимир ИВАНЧУК

БОГИ И ЛЮДИ МАЙЯ*

Дизго де ЛАНДА

Постройки и одежда

Некоторые юкатанские старики говорят, слыхав от своих предков, что эта страна была заселена неким народом, пришедшим с востока, который был спасен богом, открывшим ему двенадцать дорог через море. Если бы это было истинно, тогда пришлось бы считать, что все жители Индий происходят от евреев, а для того, чтобы пересечь пролив Магеллана, они должны были идти, распространившись более чем на две тысячи лиг по стране, где сейчас управляет Испания.

В этой стране только один язык, что очень удобно для сношений, хотя на побережьях есть некоторые отличия в словах и в манере говорить. Жители берегов также более изящны в обращении и языке, женщины покрывают грудь, чего не делают остальные [женщины] внутри [страны].

При постройке дома покрывали соломой, которая у них была очень хороша и в большом количестве, или листьями пальмы, подходящей для этого. У них были очень высокие крыши, чтобы они не протекали от дождя. Затем строили стену посредине, вдоль, разделявшую весь дом, и в этой стене оставляли несколько дверей в половину, которую они называли задней комнатой (*las espaldas de la casa*), где находились их кровати. Другую половину они очень красиво белили известью, а у сеньоров эти половины были разрисованы с большим изяществом. Эта половина служила приемной и помещением для гостей. Эта комната не имела дверей, но была открыта во всю длину дома, а очень низкая крыша спереди [служила] для защиты от солнца и дождя. Говорят, что [это делалось] также, чтобы изнутри дома господствовать над врагами в случае необходимости.

* Материал «Боги и люди майя» публикуется по книге «Сообщение о делах в Юкатане. 1566» (перевод со старо-испанского Ю. В. Кнорозова, М.-Л., изд-во Академии наук СССР, 1955). Об авторе и переводчике см. статью «Незатонувшая Атлантида», предшествующую этому материалу. Заголовок «Боги и люди майя» дан издательством «Надежда».

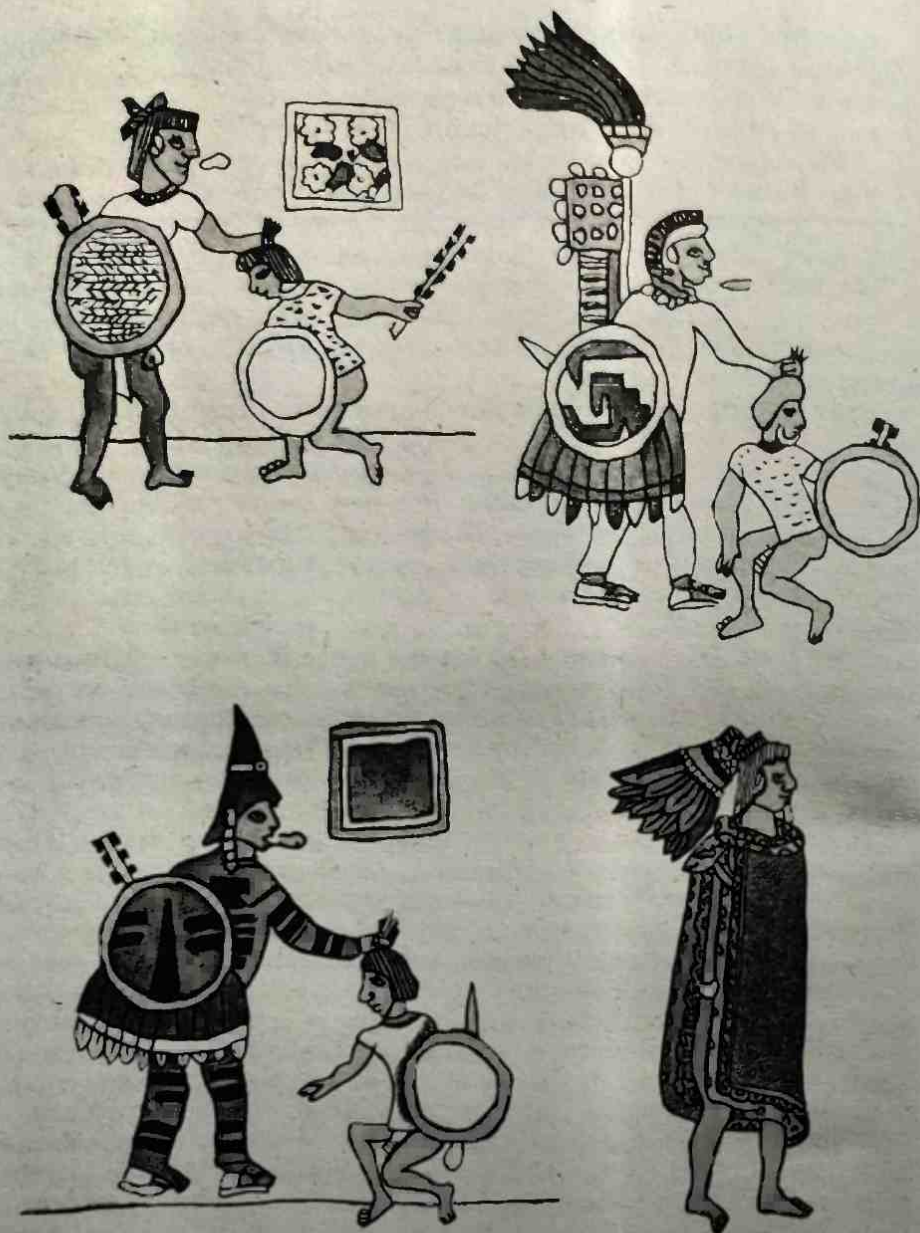
Простой народ строил за свой счет дома сеньоров. Так как дверей не было, они считали тяжелым преступлением причинять вред в домах других. Они имели заднюю дверь для необходимого пользования. У них есть кровати из прутьев (*de varillas*), с циновкой сверху, где они спят, покрываясь своими накидками из хлопка. Летом они спят обычно в [передних] побеленных [комнатах] на циновках, особенно мужчины. С другой стороны дома все население делало посевы для сеньоров. Они возделывали их и собирали урожай в количестве, которого было достаточно ему и его дому. Когда была дичь или рыба или когда приносили соль, всегда давали часть сеньору, потому что эти продукты они всегда добывали сообща.

Если сеньор умирал, хотя ему наследовал старший сын, других сыновей всегда очень почитали, поддерживали и считали сеньорами. Остальных знатных, низших, чем сеньоры, поддерживали всеми этими вещами, соответственно тому, каковы они были, или по милости, которую им оказывал сеньор. Жрецы жили своими службами и жертвами. Сеньоры управляли селениями, улаживая тяжбы, распоряжаясь и приводя в порядок дела своих общин (*sus repúblicas*). Все это делали руками наиболее знатных, которые были очень влиятельны и уважаемы, особенно люди богатые. Их посещали и они имели дворы (*tenían palacio*) в своих домах, где договаривались о делах и сделках, главным образом по ночам. Если сеньоры выходили из поселения, они вели с собой большую свиту, и так же было, когда они выходили из своих домов.

Индейцы Юкатана — люди хорошо сложенные, высокие, быстрые и очень сильные, но обычно кривоногие, ибо в детстве матери переносят их с места на место, посадив верхом на бедра. Они считают изящным быть косоглазыми, что делают искусственно их матери, подвешивая им, еще совсем маленьким, к волосам шарик (*un pegotillo*) из смолы, который спускается у них между бровей, доходя до глаз. Так как он постоянно двигается там, качаясь, они становятся косыми. У них головы и лбы сплющены с детства, что также дело их матерей. Они имеют уши, проколотые для серег и очень изрезанные из-за жертвоприношений. Они не носят бороды и говорят, что их матери им прижигают в детстве лица горячими тряпками, чтобы у них не появлялись волосы. Сейчас они носят бороды, хотя очень жесткие, как конский волос.

Они носят волосы, как женщины; на макушке они выжигают как бы большую тонзуру, поэтому [волосы] ниже [ее] растут сильно, в то время как волосы тонзуры остаются короткими. Они их заплетают и делают из них гирлянду вокруг головы, оставляя позади хвостик наподобие кисточки.

Мужчины все пользуются зеркалами, но не женщины. Также они говорят о рогатом, что жена поставила ему зеркало в волосы над затылком. Они мылись часто, не заботясь прикрыться перед

Мексиканские знаки достоинства. (Рисунки из кодекса Мендозы).

женщинами, кроме того, что можно прикрыть рукой. Они любители хороших запахов и поэтому употребляют букеты цветов и пахучих трав, оригинально и искусно составленные. Они имели обыкновение красить в красный цвет лицо и тело; это придавало им очень дурной вид, но считалось у них очень изящным.

Их одеждой была лента (*un liston*) шириной в руку, которая им служила шароварами и чулками. Они ею обвертывали несколько раз поясицу таким образом, что один конец спускался спереди, а другой сзади; их жены тщательно отделявали им эти концы узорами из перьев. Они носили плащи длинные и квадратные, и их завязывали на плечах; носили сандалии из тростника или кожи оленя, жестко выделанной, и не употребляли другой одежды.

Пища и питье

Главной пищей является кукуруза, из которой они делают различные кушанья и напитки. При этом напиток, как они его пьют, служит им [одновременно] пищей и питьем. Индианки кладут кукурузу на ночь размокать в воду с известью; утром она там делается мягкой и наполовину сваренной и таким образом отделяется шкурка и корешок. [Затем] они ее размалывают между камнями. Они дают ее наполовину размолотой рабочим, спутникам и мореплавателям большими комками (*grandes pelotas*) и [целыми] ношами (*cargas*). Она сохраняется несколько месяцев и только скисает. Они берут комок и растворяют его в сосуде из скорлупы плода, растущего на дереве, с помощью которого бог снабдил их сосудами. Они пьют эту жидкость и съедают остаток. [Это] вкусная и важная пища. Из более [мелко] размолотой кукурузы они выжимают молоко, сгущают его на огне и делают как бы кашу (*como poleadas*) на утро. Ее пьют теплой, а то, что осталось от утра, заливают водой, чтобы пить днем, ибо у них не принято пить чистую воду. Они также варят кукурузу, размалывают и разводят водой и, примешивая туда немного индейского перца или какао, получают очень освежающий напиток.

Они делают также из кукурузы и размолотого какао особую пену, очень вкусную, с которой справляют свои празднества. Они добывают из какао масло, напоминающее коровье, и из этого масла и кукурузы делают другой напиток, вкусный и ценный. Они делают [еще] другой напиток из вещества размолотой кукурузы, очень освежающий и вкусный.

Они делают разного рода хлеб, хороший и здоровый, но его плохо есть, когда он холодный. Поэтому индианки занимаются его приготовлением два раза в день. Не удается приготовить [из кукурузы] муку, которую можно было бы месить, как пшеничную, и если иногда делается хлеб, как пшеничный, ничего не получается.

Они тушили овощи и мясо крупной дичи и птиц, диких и домашних, которые многочисленны, и рыбу, которой много. Таким образом, они имеют хорошую пищу, особенно после того, как стали разводить свиней и птиц из Кастильи.

Утром они пьют теплый напиток с перцем, как это было сказано, днем пьют другие, холодные, а ночью едят тушеное мясо.

Если нет мяса, они делают соусы из перца и овощей. У них нет обычая мужчинам есть с женщинами; они едят отдельно на земле или в лучшем случае на циновке в качестве стола. Они едят много, когда имеют [пищу]; когда же нет, очень хорошо выносят голод и обходятся очень немногим. Они моют руки и рот после еды.

Пиршества, музыка и танцы

Они татуировали себе тела и чем больше [татуировались], тем более считались храбрыми и мужественными, ибо татуировка была большим мучением и делалась следующим образом: татуировщики покрывают часть, которую хотят [татуировать], краской (con tinta), а затем они надрезывают осторожно рисунок, и, таким образом, от крови и краски на теле остаются следы. Это делается понемногу из-за сильной боли. Они даже становятся после [этого] больными, ибо татуированные места воспаляются и выступает жидкость. Несмотря на это, они насмеются над теми, кто не татуируется.

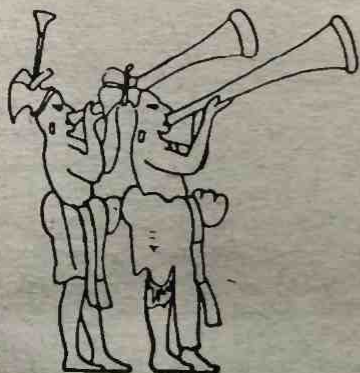
Они очень гордились обходительностью, грацией и природным изяществом. Сейчас они едят и пьют, как мы. Индейцы были очень распушены в питье и пьянстве, и у них от этого случилось много дурного; так, они убивали друг друга, насиловали в кроватях бедных женщин, ожидавших встретить своих мужей, [вели себя] даже с отцами и матерями, как в доме своих врагов, и поджигали их дома. Кроме всего этого, они разорялись от пьянства. Когда оргия была общей и с жертвоприношениями, ее оплачивали все; когда же она была частной, издержки нес тот, кто ее устраивал, с помощью своих родичей.

Они делали вино из меда и воды и определенного корня одного дерева, выращиваемого для этого, который делал вино крепким и очень вонючим. Они ели, [развлекаясь] танцами и зрелищами (con vailes y regozijos), сидя попарно или по четыре. После еды виночерпии (los escancianos), которые не имели обыкновения опьяняться, приносили несколько больших кувшинов (artezones) для питья, пока не начинались ссоры, и тогда женщины должны были отводить своих пьяных мужей домой. Они растрачивали на оргии то, что заработали за много дней торговли. У них было два обычая устраивать праздники: первый — обычай сеньоров и людей знатных — обязывал каждого гостя устроить другой такой же пир. Каждому из гостей давали жареную птицу, хлеб и напиток какао в изобилии, а в конце пира они имели обычай давать каждому плащ, чтобы покрыться, скамеечку и сосуд, очень изящный по возможности. Если один из них умирал, то обязан был устроить пиршество его дом или родичи. Другой обычай был между родственниками, когда их дети вступали в брак или праздновали память дел своих предков, и он не обязывал возместить [пир]; однако, если сто [гостей были приглаше-

ны] к индейцу на праздник, то каждый [из них] приглашал [его], когда устраивал праздник или женил детей. Они очень чувствительны к дружбе и сохраняют память об этих пирах, хотя бы и далеких одни от других. На этих праздниках им подают напитки красивые женщины, которые, подав сосуд, поворачиваются спиной к тому, кто его взял, пока он его не осушит.

Индейцы имеют очень приятные развлечения; в особенности комедианты (*farsantes*) представляют с большим изяществом, настолько, что испанцы нанимали их для того, чтобы они видели шутки испанцев с их служанками, супругами и с самими [индейцами] по поводу хорошего или плохого прислуживания, и затем они это представляли с таким искусством, как настоящие испанцы.

У них есть маленькие барабаны (*atabales*), по которым бьют рукой, и другой барабан из полого дерева с низким и унылым звуком. По нему бьют довольно длинной палкой с набалдашником из смолы одного дерева на конце. У них были трубы (*trompetas*), длинные и тонкие, из полого дерева, с длинными и кривыми тыквами на конце. У них был еще инструмент из панциря целой черепахи, очищенного от мяса. По нему били ладонями рук, и звук его заунывный и печальный. У них были свистки (*chiflatos*) из берцовых костей оленей и больших раковин и флейты (*flautas*) из тростника. На этих инструментах аккомпанировали танторам.

Горны майя (роспись на стене храма).

Божество, трубящее в горн, культура чавин.

Два танца (*vailles*) были особенно мужественны и достойны внимания. Один — это игра с тростником, почему они его называют *коломче* (*Colomche*), что и значит «тростник». Чтобы его исполнить, собирается большой круг танцоров вместе с музыкантами, которые им аккомпанируют. Следуя ритму [музыки], из круга выходят двое, один с пучком стеблей и танцует с ними, держась прямо (*en hiesto*), другой танцует на корточках (*en sus-*

lillas), оба согласно ритму круга (танцоров). Тот, который со стеблями, бросает их изо всей силы в другого, а последний с большой ловкостью отбивает их с помощью небольшой деревяшки (con un palo pequeño). Кончив бросать, они возвращаются, следуя ритму, в круг, и танцуют другие, делая то же самое.

Есть другой танец, когда танцуют восемьсот и больше или меньше индейцев с небольшими флажками, с военными широкими шагами и звуками (con son y passo largo de guerra). Среди них нет ни одного, кто бы нарушил ритм.

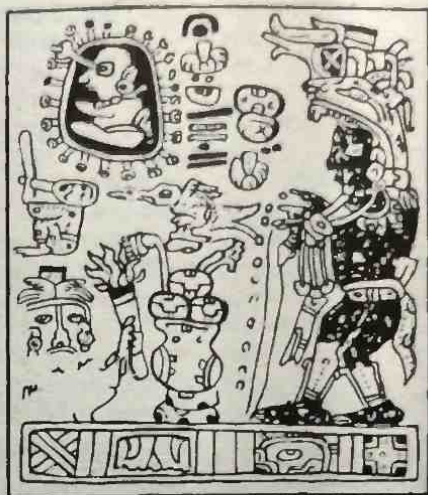
В своих танцах они тяжелы, ибо в течение целого дня не перестают танцевать, и им приносят есть и пить. Мужчины не имели обыкновения танцевать с женщинами.

Ремесла, торговля, земледелие и суд

Ремесленниками (los officios) у индейцев были гончары и плотники, которые много зарабатывали, делая идолов из глины и дерева, с соблюдением многочисленных постов и обрядов. Были также хирурги (cirujanos), или, лучше сказать, колдуны (hechizeros), которые лечили травами и многочисленными суеверными обрядами; и также были все остальные ремесла.

Занятием, к которому они наиболее склонны, была торговля. Они вывозили соль, ткани и рабов в землю Улуа и Табаско, обменивая все это на какао и камешки (cuentas de piedra), которые служили у них монетами. На них они имели обыкновение покупать рабов и другие камешки, изящные и красивые, которые сеньоры носили на себе как драгоценности на праздниках. У них были еще изделия из красных раковин в качестве монет и украшений. Они их носили в плетеных кошельках. На рынках они торговали всеми вещами, какие были в стране. Они продавали в кредит, давали займы и платили честно, без ростовщичества.

Прежде всего они были земледельцами и занимались сбором кукурузы и остальных посевов. Они их сохраняли в очень удобных подвалах (silos) и амбарах (trojes), чтобы продать в свое время. Мулов и быков у них заменяли люди. На каждого мужчину с женой они имели обычай засеивать участок в 400 [квадратных] ступней, который они называли хун-виник (hun-uinic), измеряемой шестом в 20 ступней, 20 в ширину и 20 в длину. Эти индейцы имеют хороший обычай помогать друг другу взаимно во всех своих работах. Во время посева те, у кого не хватает своих людей для работы, объединяются по 20 и больше или меньше и работают вместе, сообразно размеру [участков] и количеству работы у всех, и не бросают, пока не покончат со всеми [участками]. Земли сейчас общие, и первый занявший их владеет ими. Они сеют во многих местах, чтобы в случае недорода с одного [участка] возместить с другого. Обработывая землю, они только собирают сорную траву и сжигают ее перед посевом. Они работают с половины января до апреля и сеют с началом дождей.

Сцена «ритуального сева», рисунок из Мадридской рукописи майя, XV век по Р. Х.

Чак — бог дождя и плодородия у древних майя, несущий факел и каменный топор-кельт (характерные орудия майя-ского земледельца), рисунок из Дрезденской рукописи майя, XII век по Р. Х.

При посеве они носят маленький мешок (*un taleguillo*) за плечами, делают отверстия в земле заостренной палкой и кладут туда 5—6 зерен, зарывая их затем той же палкой. Во время дождей [посевы] всходят изумительно.

Они соединяются также по 50 и больше или меньше для охоты. Мясо оленей жарят на решетках (*assap parrillas*), чтобы оно не испортилось. Приходя в селение, они делают подарки сеньору и дружно распределяют [остальное]. То же делают с рыбой.

При посещениях индейцы всегда приносят с собой подарки согласно своему званию; посещаемый делает соответственный подарок. На этих визитах третьи [лица] говорят и слушают с вниманием, сообразно с тем, кто говорит, но, однако, все называют друг друга на ты. При вежливом разговоре самый низший из уважения повторяет название должности или достоинства старшего. Они имеют обычай помогать тому, кто сообщает вести, придыхательными звуками в горле, как бы говоря: так, хорошо. Женщины кратки в своих речах, и не было обычая рассуждать с ними, особенно если они бедные. Поэтому сеньоры высмеивали братьев, которые выслушивали с вниманием бедных и богатых без различия.

Обиды, которые они причиняли друг другу, приказывал удовлетворить сеньор селения обидчика. Но это был повод и средство

для больших раздоров. Если [обидчик] был из того же селения, их разбирал судья (el juez) в качестве посредника, устанавливал убытки и назначал удовлетворение. Если [обидчик] не был в состоянии возместить [убытки], ему помогали родственники и друзья. Обычным поводом для возмещения было случайное убийство кого-либо или когда муж или жена повесились по какому-либо поводу, вызвавшему этот случай, если кто-либо причинил пожар дому или имению, ульям или посевам кукурузы. Другие обиды, причинённые со злым умыслом, удовлетворялись всегда кровью и дракой.

Юкатанцы очень щедры и гостеприимны, так что никто не войдет в их дом, чтобы ему не дали еду и питье, которые они имеют, днем — их питье, ночью — их пищу. Если же не имеют, ищут ее по соседству. В дороге, если собираются люди, то делятся со всеми, хотя бы их доля стала из-за этого гораздо меньшей.

Имена. Порядок наследования

Их счет ведется по 5 до 20, по 20 до 100, по 100 до 400 и по 400 до 8000. Этим счетом они широко пользовались для торговли какао. У них есть другой счет, более длинный, который они продолжают до бесконечности, считая 8 тысяч 20 раз, что составляет 160 тысяч, затем, возвращаясь к 20, они умножают 160 тысяч на это число и так продолжают умножать на 20, пока не получают громадной цифры. Они считают на земле или на чем-либо гладком.

Они очень заботятся о знании своего происхождения (el origen de sus linajes), особенно если происходят от какого-либо майяпанского дома, и стараются узнать это у жрецов, что является одной из их наук. Они очень гордятся мужами, которые были выдающимися в их родах (en sus linajes). Имена отцов сохраняются у сыновей, у дочерей же нет. Своих сыновей и дочерей они всегда называли именем отца и матери; имя отца [употребляется] как собственное (como propio) и имя матери как нарицательное (como apellativo) следующим образом: сына Чель и Чан они называли На Чан Чель (Nachanchel), что значит «сын таких-то». По этой причине индейцы говорят, что [лица] одного имени — родственники (deudos), и считают себя таковыми. Поэтому, когда они приходят в незнакомое место и нуждаются [в помощи], они тотчас называют [свое] имя, и если там есть кто-либо [того же имени], их немедленно принимают и обходятся со всяческой любовью. Также ни мужчина, ни женщина не вступали в брак с кем-либо того же имени, ибо это у них было большим бесчестьем (imfamia). Сейчас имена, [полученные] при крещении, [являются] именами собственными.

Индейцы не разрешали дочерям наследовать вместе с братьями, кроме как по благосклонности или по доброй воле — тогда им давали что-либо [в наследство]. Остальное делили братья поровну, но тому, кто помог наиболее значительно увеличить имуще-

ство, давали соответственное возмещение (la equivalencia). Если были только дочери, то наследовали двоюродные братья (los hermanos) или ближайшие родственники. Если их возраст не позволял передать им имущество, его передавали опекуну из наиболее близких родственников, который давал матери на их воспитание, ибо был обычай не оставлять ничего во власти матери; или же отбирали детей, особенно если опекунами были братья умершего. Когда наследники достигали [надлежащего] возраста, опекуны отдавали им имущество. Не сделать этого было большим позором и причиной многих раздоров. Передача наследства производилась в присутствии сеньоров и знатных, за вычетом того, что давалось на воспитание. Не давали ничего из урожаев с наследственных участков, равно как с пасек и деревьев какао, ибо говорили, что достаточно было держать это в сохранности. Когда умирал сеньор и не имел сыновей, чтобы управлять [после него], но имел братьев, правил старший из братьев или наиболее предприимчивый. Наследника знакомили с обычаями и празднествами, для того [чтобы он знал их], когда станет мужем. Эти братья, даже когда наследник уже правил, рапоржались всю свою жизнь. Если [умерший] не имел братьев, жрецы и знатные люди выбирали подходящего для этого человека.

Брак

В древности они вступали в брак в 20 лет, сейчас — [в возрасте] от 12 до 13. Поэтому сейчас они разводятся более легко, так как женятся без любви, не зная брачной жизни и обязанностей супругов. Если отцы не могли их уговорить возвратиться к женам, то они искали им новых и новых. С такой же легкостью бросают своих жен мужчины, имеющие детей, не боясь, что другие возьмут их в жены или что они позднее возвратятся к ним. При всем этом они очень ревнивы и не переносят спокойно, когда их жены неверны. Сейчас, когда они видели испанцев, убивающих за это своих [жен], они начали грубо обращаться [с женами] и даже убивать их. Если дети еще маленькие, когда они разводятся, они их оставляют матерям; если большие, то юноши [идут] с отцами, а девушки с матерями.

Хотя развод был вещью столь общей и обычной, старики и те, кто держался лучших обычаев, считали его дурным. Многие никогда не имели больше одной жены, которую никогда не брали того же имени со стороны отца. Это было у них делом очень бесчестным. Если женились на свояченицах (cuñadas), женах своих братьев, это считалось дурным. Они не женились на мачехах, на свояченицах — сестрах своих жен (cuñadas hermanas de sus mugeres), на тетках — сестрах своих матерей, и если кто-либо делал это, считали дурным. Со всеми остальными родственницами со стороны матери они вступали в брак, хотя бы это была двоюродная сестра (prima hermana).

На отцах лежала большая забота отыскать [сыновьям] вовремя жен их положения и состояния и, если могли, из той же местности. У них считалось неудобным (*poquedad*) искать жен для себя или отцам [заботиться] о замужестве своих дочерей. Чтобы договориться об этом, отыскивали сватов, которые бы вели это дело. Условившись и договорившись, сговаривались о церемонии и приданом (*las aras y dote*), которое было очень невелико. Отец юноши давал его отцу невесты (*al consuegro*), а свекровь кроме того [давала] в приданое (*de dote*) одежды невестке (*a la puega*) и сыну. Когда наступал день [свадьбы], они собирались в доме отца невесты и там было приготовлено угощение. Приходили гости и жрец; собрав новобрачных и их родителей, жрец утверждал их бракосочетание, раз к этому хорошо отнеслись родители и было хорошо для них, и они отдавали юноше его жену в эту же ночь, если он был готов к этому (*si era para ello*). Затем устраивался обед и званый пир. С этого времени впредь зять оставался в доме тестя, работая 5 или 6 лет на тестя. Если он не делал этого, его выгоняли из дома. Матери заботились, чтобы жена всегда давала мужу есть в знак брака.

Вдовы и вдовцы вступают в брак без праздника и торжеств. Достаточно вдовцу придти в дом вдовы, быть принятым и получить еду, чтобы брак считался совершённым. Это приводит к тому, что они расходятся с такой же легкостью, как сходятся.

Юкатанцы никогда не берут более одной [жены], как случается в других странах, когда имеют многих сразу. Иногда отцы договариваются о браке своих малолетних детей до того, как они достигли [соответствующего] возраста, и считаются свойственниками (*como suegros*).

«Крещение»

Крещения нет ни в какой части Индий, кроме Юкатана, [где оно существует] под названием, которое означает «родиться снова или второй раз». Это то же самое, что в латинском языке *renascer*, ибо в языке Юкатана *сихил* (*zihil*) значит «родиться снова или другой раз» и употребляется [это слово] только в глагольном сочетании; так, *капут сихил* (*caput zihil*) значит «родиться снова». Мы не могли узнать о его происхождении, кроме того, что это обычай, который всегда существовал. Они к нему испытывали столько благоговения, что никто не забывал получить [крещение], и такое уважение, что имевшие грехи или склонные совершить их исповедовались в них особо жрецу при получении его. Они настолько верили в [крещение], что не повторяли его ни в каком случае. Они полагали, что через него получают предрасположение (*una previa disposicion*) быть добрыми в своих обычаях и не быть совращёнными демонами в мирских делах. Посредством этого и хорошей жизни они надеялись достигнуть блаженства (*la gloria*), в ко-

тором, как и в блаженстве Мухаммеда (Mahoma), они пользовались бы пищей и напитками.

У них был следующий обычай, чтобы подготовиться к совершению крещения. Индианки растили детей до возраста 3 лет и имели обыкновение на голову мальчика прикреплять к волосам на темени белую штучку (*una contezuela*). Девочки носили пояса (*zeñidas*) на бедрах, очень низко, с тонкой веревкой и привязанной к ней раковинной, которая у них приходилась на скромную часть. У них считалось грехом и большим бесчестьем снимать ее с девочки до крещения, которое они получали всегда от 3 до 12 лет, и их никогда не выдавали замуж до крещения.

Когда кто-либо хотел крестить своего сына, он шел к жрецу и сообщал ему о своем намерении. Последний объявлял в селении о крещении и о дне, в который это совершится. Они всегда заботились, чтобы это не был несчастный (*asiago*) день. Сделав это, тот, кто устраивал праздник, то есть тот, кто завел об этом беседу, выбирал по своему вкусу знатного человека селения (*un principal del pueblo*), чтобы тот ему помогал в его занятии и связанных с ним делах. Затем они имели обыкновение избирать четырех других людей, старых и уважаемых, которые помогали жрецу в день праздника в церемониях, и их выбирали всегда вместе с жрецом, по его вкусу. Об этих выборах всегда знали отцы всех детей, которых должны были крестить, ибо праздник был всеобщий. Тех, кого выбирали, называли чаками (*chaces*). Отцы детей и служители (*los oficiales*) постились три дня перед праздником, воздерживаясь от женщин.

В [назначенный] день все собирались в дом того, кто устраивал праздник, и приводили всех детей, которые должны были получить крещение. Их помещали во внутреннем дворе (*el patio*) или на площадке у дома, которая была очищена и усеяна свежими листьями. Они становились по порядку в ряд, мальчики и девочки отдельно. О них заботились в качестве крестных отца и матери (*con padrinos*) старая женщина при девочках и мужчина при мальчиках.

Затем жрец совершал очищение дома, изгоняя из него демона. Чтобы изгнать его, ставили четыре скамеечки в четырех углах двора, на которых садились четыре чака с длинной веревкой, протянутой от одного к другому таким образом, что дети оставались замкнутыми внутри веревки. Затем, перешагивая через веревку, входили в середину круга все отцы детей, которые постились. Перед этим или после в середину ставили другую скамеечку, на которую садился жрец с жаровней (*un brasero*) и небольшим количеством размолотой кукурузы и благовоний. Туда подходили по порядку мальчики и девочки, и жрец клал им в руку немного размолотой кукурузы и благовоний, а они [бросали их] в жаровню, и так делали все. Совершив эти курения, брали жаровню, в которой они это делали, и веревку, которой чаки их окружали, вливали в сосуд немного вина и давали все это одному индейцу, чтобы он унес это

из селения; ему советовали не пить и не оглядываться назад на обратном пути. После этого они говорили, что демон изгнан.

Дойдя до этого, подметали двор, очищали его от листьев дерева, которое называется *кихом* (*sihom*), и разбрасывали листья другого дерева, которое они называют *коно* (*soro*), и клали несколько циновок, пока жрец одевался. Одевшись, он выходил в плаще из красных перьев, украшенном (*labrado*) разноцветными перьями, по краям у него свисали другие большие перья, и как бы с колпаком (*soroza*) на голове из таких же перьев, а внизу плаща [у него было] много поясов из хлопка, [свисавших] до земли, как хвосты. [У него было] в руке кропило (*un isoro*) из короткой палки со многими узорами (*muu labrado*), и, как борода или волосы, у кропила [были] особые хвосты змей, подобных гремучим змеям. Он был так же важен, как папа при короновании императора. Запечатальная вещь, какое удовольствие доставляли им наряды. Чакки тотчас шли за детьми и клали всем на голову белые ткани, принесенные для этого их матерями. Они спрашивали у тех, которые были большими, не совершили ли они греха или нечистого (*feco*) прикосновения; если они это совершили, они признавались им и их отделяли от других.

Сделав это, жрец приказывал людям замолчать и сесть и начинал благословлять детей со многими молитвами и посвящать их кропилом с большой торжественностью. Окончив свое благословение, он садился, и вставал распорядитель (*el principal*), которого отцы детей выбирали для этого праздника, и с костью (*con un guesso*), которую ему давал жрец, шел к детям и прикасался ко лбу каждого девять раз костью. Затем он смачивал ее в сосуде с водой, который держал в руке, и смазывал им лоб, черты лица и между пальцами ног и рук, при всем этом не говоря ни слова. Эту воду они делали из определенных цветов и из какао, размоченного и растворенного в девственной воде, как говорили, взятой из углублений деревьев или камней в лесах.

Когда было окончено это помазание, вставал жрец и снимал у них с головы белую ткань и другие, которые у них были накинута на плечи, где каждый носил небольшую связку очень красивых перьев птиц и несколько [зерен] какао. Все это собирал один из чакков. Затем жрец отрезал у детей каменным ножом штуку (*la suenta*), которую они носили прикрепленной к голове. После этого шли все остальные помощники жреца с пучками цветов и трубкой (*un humaso*), которую индейцы употребляют для курения, прикасались девять раз каждым из этих [предметов] к каждому ребенку и затем давали ему понюхать цветы и потянуть из трубки. Затем собирали подарки, которые приносили матери, и давали немного каждому ребенку, чтобы съесть там, ибо подарки были съестные. Брали хороший сосуд с вином и тотчас же приносили его в жертву богам и с набожными мольбами просили их принять этот маленький дар от этих детей. Позвав другого служителя, который им помогал и которого они называли *кайом* (*Sayom*), они давали ему

[сосуд], чтобы он выпил его. Он делал это без отдыха, ибо, говорят, это было бы грехом.

Сделав это, они отпускали первыми девочек. Матери снимали с них сначала шнур (*el hilo*), который они носили прежде обвязанным вокруг талии, и раковину, которую они носили в знак чистоты. Это было как бы разрешением уже выйти замуж, когда пожелают отцы. После того как мальчики оставались одни, пришедшие отцы шли к груде накидок (*las mantillas*), которые они принесли, и делили их собственноручно между присутствующими и служителями. Затем они оканчивали праздник обильной едой и питьем. Они называли этот праздник *Эм К'у* (*Emku*), что означает «нисхождение бога». Тот, кто побудил его устроить и нес расходы, кроме трех дней поста, которые он соблюдал, постился еще девять [дней], и это они делали неукоснительно.

Исповедь, статуи богов, жречество

Юкатанцы, конечно, знали, когда они поступали дурно, и так как они верили, что дурные поступки и грехи причиняют им смерть, болезни и страдания, у них был обычай исповедоваться, существовавший у них еще [до христианизации]. Таким образом, когда из-за болезни или по другому случаю они были в опасности умереть, они исповедовались в своих грехах, а если были небрежны, то им напоминали ближайшие родственники или друзья. Тогда они публично рассказывали свои грехи; если там был жрец, — то ему, без [него] — отцам и матерям, жены — мужьям, а мужья — женам.

Грехи, в которых они обычно каялись, были: кража, человекоубийство, плотский грех и лжесвидетельство. После этого они считали себя в безопасности и часто, если избегали опасности, были раздоры между мужем и женой из-за несчастий, которые с ними случались, и с теми, которые их причинили.

Они исповедовались в своих слабостях, кроме тех, которые они совершили со своими рабынями, так как они говорили, что законно употреблять свои вещи по желанию. Грех помышлением не исповедовали, хотя считали дурным; в своих советах и проповедях они советовали избегать его.

Посты, которые они главным образом соблюдали, были: [воздержание] от соли в тушеном мясе и от перца, что им тяжело, и они воздерживались от женщин перед всеми своими праздниками.

Овдовевшие не вступали в брак один год, чтобы не знать мужчины или женщины в это время, и тех, которые этого не соблюдали, считали нескромными и [полагали], что с ними случится что-либо дурное. Во время некоторых постов при их праздниках они не ели мяса и воздерживались от женщин. Получение должности на праздниках всегда было связано с постами, равно как и должности общины (*de republica*). Некоторые [посты] столь длинные, что

продолжались до трех лет, и нарушить все эти [посты] было большим грехом.

Они были столь преданы своим идолопоклонническим молитвам, что во время нужды, вплоть до женщин, детей и девушек, все занимались этим, то есть жгли курения и умоляли бога освободить их от зла и сдержать демона, который им его причинил.

Путники в дороге также носили курения и тарелочку (*un platillo*), на которой их сжигали. Ночью, куда бы они ни прибывали, они ставили три маленькие камня, клали на них немного курения и ставили их перед другими тремя ровными камнями, на которые бросали курение, прося бога, которого они называли Эк'Чуах (*Echhuah*), о благополучном возвращении в свои дома, где не было недостатка [в тех], кто делал для них еще столько же [курений] и даже больше.

У них было множество идолов и храмов, пышных на свой лад, и даже, кроме общих храмов, сеньоры, жрецы и знатные люди (*gente principal*) имели молельни (*oratorios*) и идолов в доме для своих частных молитв и жертв. Они испытывали к Косумелю и к колодцу (*росо*) Чичен-Ицы такое уважение, как мы к местам паломничества в Иерусалиме и Риме. Они также ходили посещать и приносить дары, главным образом на Косумель, как мы в святые места; те же, которые не шли, всегда посылали свои дары. Те, которые шли, имели обычай входить также в покинутые храмы, когда проходили мимо них, чтобы молиться и жечь копал.

Они имели столько идолов, что им даже не хватало для них богов; поэтому не было животных или рептилий, статуй которых они не делали бы, и все их делали наподобие своих богов и богинь.

Статуя майя-тольтекского божества Чак Мооля, Чичен Ица.

У них были некоторые идолы из камня, но очень мало, другие [делались] из дерева и небольшого размера, хотя не такого, как из глины. Идолы из дерева уважались настолько, что они наследовались и поэтому считались главным в наследстве. Идолов из металла они не имели, потому что прежде металла не было. Они хорошо знали, что идолы были вещами мирскими, мертвыми и без божества, но их почитали за то, что они изображали, и поэтому их делали со столькими церемониями, особенно идолов из дерева.

Из них наибольшими идолопоклонниками были жрецы, чиланы, колдуны и лекари, чаки и наконы (пасонес). Обязанностью жрецов было заниматься их науками и обучать им, объявлять об опасностях и средствах от них, провозглашать и закрывать праздники, приносить жертвы и управлять их святынями. Обязанностью чиланов было давать жителям ответы от демонов, и они были настолько почитаемы, что случалось, их носили на плечах. Колдуны и лекари лечили кровопусканиями, делаемыми в части, где болит у больного, и бросали жребий, чтобы предсказывать, при исполнении своих обязанностей и в других случаях. Чаки — это четыре старых человека, избираемые всегда заново, чтобы помогать жрецу хорошо и полностью проводить праздники. Наконы — два должностных лица. Один постоянный и мало уважаемый, ибо это был тот, кто рассекал грудь лицам, которых приносили в жертву. Другой был выборный капитан для войны и некоторых праздников, он избирался на три года и пользовался большим уважением.

Жертвоприношения

В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, разрезывая уши кругом лоскутками и так их оставляли в знак [жертвы]. В других случаях они протыкали щеки или

Деревянный идол из колодца Чичен-Ицы.

нижнюю губу, или надрезали части своего тела, или протыкали язык поперек с боков и продевали через отверстие соломинку с величайшей болью. Или же надрезывали себе крайнюю плоть, оставляя ее, как и уши. В этом ошибся историк Индий, сказавший, что у них есть обрезание.

В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершали, собирались в храме, где, став в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав [это], они продевали [через них] возможно большее количество шнурка (*de hilo*), сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; также они смазывали кровью всех этих членов [статую] демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным. Их сыновья с детства начинали заниматься этим, и ужасная вещь, как склонны они были к этому.

Женщины не применяли этих кровопролитий, хотя они были достаточно набожны. Кроме того, кровью всех животных, которых они могли добыть, как птицы небесные, земные звери и водяные рыбы, они всегда намазывали лицо идолов. И они приносили в жертву другие вещи, которые имели. У некоторых животных вырывали сердце и его приносили в жертву, других целыми, одних живыми, других мертвыми, одних сырыми, других вареными. Они делали также большие приношения хлебом и вином и всеми видами кушаний и напитков, которые они употребляли.

Чтобы делать эти жертвоприношения, во дворах храмов были воздвигнуты узорные деревянные возвышения (*unos altos maderos y lagrados y enhiesto*), и около ступенек храма у них был круглый широкий пьедестал (*una reaña*) и посредине камень в четыре или пять пядей высотой, немного обтесанный. Наверху лестниц храма был другой такой же пьедестал.

Кроме праздников, на которых, чтобы их отпраздновать, приносили в жертву животных, также из-за какого-либо несчастья или опасности жрец или чиланы приказывали им принести в жертву людей. В этом участвовали все, чтобы купить рабов; или же некоторые по набожности отдавали своих детей (*sus hijitos*), которых очень услаждали до дня и праздника их [жертвоприношения] и очень оберегали, чтобы они не убежали или не осквернились каким-либо плотским грехом. Между тем их водили из селения в селение с танцами, они помогали жрецам, чиланам и другим должностным лицам.

Когда наступал день, они собирались во дворе храма, и если его надлежало принести в жертву стрельбой из лука, его раздевали догола, мазали тело лазурью, [и одевали ему] убор (*una sogasa*) на голову. Приблизившись к демону, народ исполнял торжественный танец с ним, все с луками и стрелами, вокруг столба, и, танцуя, поднимали его на нем и привязывали, все время танцуя и все смотря на него. Поднимался нечистый жрец (*el suzio del sacerdote*), одетый и со стрелой; была ли это женщина или мужчина, ранил его в скромную часть, извлекал кровь, спускался и смазы-

вал ею лицо демона, сделав определенный сигнал танцующим. Они начинали пускать в него стрелы по очереди, когда танцуя проходили с быстротой; сердце же его было отмечено белым знаком, и таким образом они превращали всю его грудь в мишень, [выглядевшую], как щетина из стрел.

Если должны были ему вырвать сердце, его приводили во двор с большой пышностью, в сопровождении народа, вымазанного лазурью и в его головном уборе (*su coroza*). Затем его приводили к круглому возвышению, которое было местом принесения жертв. Жрец и его служители мазали этот камень в голубой цвет и изгоняли демона, очищая храм. Чаки брали несчастного, которого приносили в жертву, с большой поспешностью клали его спиной на этот камень и хватали его за руки и за ноги все четыре, так что его перегибали пополам. Тогда након-палач подходил с каменным ножом и наносил ему с большим искусством и жестокостью рану между ребрами левого бока, ниже соска, и тотчас помогал ножу рукой. Рука схватывала сердце, как яростный тигр, и вырывала его живым. Затем он на блюде (*un plato*) подавал его жрецу, который очень быстро шел и мазал лица идолам этой свежей кровью.

В других случаях это жертвоприношение совершали на камне наверху лестниц храма (*grada alta*) и тогда сбрасывали тело уже мертвое, чтобы оно скатилось по ступенькам. Его брали внизу служители и сдирали всю кожу целиком, кроме рук и ног, и жрец, раздевшись догола, окутывался этой кожей. Остальные танцевали с ним, и было это для них делом очень торжественным.

Этих принесенных в жертву сообща они имели обычай погребать во дворе храма или иначе съедали их, разделив среди тех, кто заслужил (*que alcançavan*), и между сеньорами, а руки и ноги и голова принадлежали жрецу и служителям. Этих принесенных в жертву они считали святыми. Если они были рабами, взятыми в плен на войне, их сеньор брал кости, чтобы извлекать во время танцев как трофей в знак победы.

В других случаях они бросали живых людей в колодец Чичен-Ицы, полагая, что они выйдут на третий день, хотя они никогда более не появлялись.

Оружие и войска

У них было оружие для нападения и защиты. Для нападения были луки и стрелы, которые они носили в своих колчанах, с кремнями (*con pedernales*) в качестве наконечников и зубами рыб, очень острыми; ими они стреляли с большим искусством и силой. Их луки были из превосходного желтобурого дерева удивительной прочности, скорее прямые, чем изогнутые, а тетивы — из их конопли (*сапато*). Длина лука всегда несколько меньше, чем тот, кто его несет. Стрелы из тростника, очень тонкого, который растет в лагунах, длиной свыше пяти пядей. Они пригоняли к тростнику кусок тонкой палочки, очень прочной, к которой был прикреплен

кремь. Они не употребляли и не знали применения яда, хотя имели в изобилии [яды], которыми [можно отравить стрелы].

У них были топорики (*hachuelas*) из определенного металла такой формы [фиг. 1], которые прилаживали к деревянной рукоятке. Они служили оружием и для обработки дерева. Лезвие делали ударами камня, так как металл мягкий. У них были короткие дротики (*lançuelas*) в один эстадо [длиной] с наконечниками из твердого кремня, и они не имели другого оружия, кроме этого.

[Фиг. 1.]

Для защиты у них были щиты (*rodelas*), которые они делали из расщепленного тростника, тщательно сплетенные, круглые и отделанные кожей оленя. Они делали панцири, стеганные из хлопка и крупной соли, набитой в два ряда или слоя, и они были крепчайшие (*Hazian xacos de algodón colchados y sal por moler*). Некоторые сеньоры и капитаны имели как бы шлемы (*moriones*) из дерева, но их было немного. С этим оружием они ходили на войну; плюмажи (*plumajes*) и шкуры тигров и львов надевали те, кто их имел.

У них были всегда два капитана, один постоянный и наследственный, другой избранный со многими церемониями на три года, чтобы устроить праздник, который справлялся в их месяц Паш и приходился на 12 мая, или в качестве капитана другого отряда на войне. Они называли его након; он не должен был в эти три года знать женщину, даже собственную [жену], и есть мясо; они оказывали ему большое почтение и давали ему для еды рыб и игуан, которые подобны ящерицам. Он не опьянялся в это время и имел в своем доме сосуды и вещи для своего пользования отдельно; ему не служили женщины и он не общался много с народом.

Когда три года проходили, [все было], как прежде. Эти два капитана обсуждали военные дела и приводили свои дела в порядок. Для этого в каждом селении были люди, избранные как солдаты, чтобы при нужде придти на помощь с оружием; их называют *хольканы* (*holcanes*), и [если] не хватало этих, собирали еще людей, приводили в порядок и делили между собой. С высоким знаменем во главе они выходили в глубоком молчании из селения и так шли атаковать своих врагов, с большими криками и жестокостями, где заставляли врасплох.

На дорогах и в проходах враги выставляли против них лучников в укреплениях (*defensas*), обычно сделанных из камня или из дерева и кольев. После победы они вырывали у мертвых челюсть и, очищенную от мяса, держали в руке. Во время своих войн они приносили большие жертвы из добычи, а если брали в плен какого-либо выдающегося человека, его тотчас приносили в жертву, потому что не хотели оставлять [в живых] того, кто мог бы причинить вред после. Остальные люди, взятые в плен, были во власти того, кто их захватил.

Этим *хольканам*, кроме военного времени, не платили жалова-

ния, а тогда им давали капитаны известную [сумму] денег, но немного, потому что она была из их [средств]; если не хватало, то селение ему помогало. Селение давало им также пищу, и ее приготавливали для них женщины; ее носили на спине из-за недостатка [вьючного] скота, и поэтому их войны длились недолго. Закончив войну, солдаты совершали многие бесчинства в своих селениях, пока сохранялся дух войны; сверх того, они привыкали к служению и усладам, и если кто-либо убил [на войне] какого-нибудь капитана или сеньора, его очень почитали и чествовали.

Наказания. Воспитание детей

У этого народа остался от [времен] Майяпана обычай наказывать прелюбодеев следующим образом: сделав расследование и уличив кого-либо в прелюбодеейи, начальники (*los principales*) собирались в доме сеньора; приведя прелюбодеея, привязывали его к столбу и передавали его мужу виновной женщины; если он его прощал, [виновный] был свободен, если же нет, то убивал его большим камнем, [брошенным] в голову с высоты. Для жены достаточным возмездием было бесчестие, которое было велико, и обычно за это их бросали.

Наказанием человекоубийцы была смерть от преследований родственников [убитого], хотя бы [убийство] было случайным, или иначе [он должен был] уплатить за убитого. Кражу искупали и наказывали обращением в рабство, хотя бы была очень маленькая кража, и поэтому у них было столько рабов, особенно во время голода, и из-за этого мы, братья, столько трудились при крещении [индейцев], чтобы они дали им свободу.

Если они были сеньорами или людьми знатными (*gente principal*), собиралось все селение; схватив его, они в наказание надрезывали (*labravan*) ему лицо от подбородка до лба по бокам, что у них считалось большим бесчестием.

Юноши очень уважали стариков и спрашивали у них советов, а они таким образом хвастались [мудростью] стариков (*se jactavan de viejos*). [Старики] говорили юношам, что так как они больше их видели, им следует верить, и если они это делали, то остальные им больше доверяли. Они были настолько уважаемы при этом, что юноши не обращались к старикам, кроме как в неизбежных делах, [например] юноши при женитьбе; с [людьми] женатыми [они общались тоже] очень мало.

Поэтому был обычай в каждом селении иметь большой выбеленный дом, открытый со всех сторон, в котором юноши собирались для своих развлечений (*sus passatiempos*). Они играли в мяч, в игру с бобами, как в кости, и во многие другие [игры]. Они спали там же вместе почти всегда до женитьбы. Если я слышал, что в других местностях Индий обычен гнусный грех в подобных домах, то в этой земле я не слышал, чтобы они совершали таковой, и полагаю, что они не делают этого, ибо говорят об удрученных

этим гибельным несчастьем, что они не являются [такими] любителями женщин, какими были эти. Ибо в эти места они приводили публичных женщин и в них пользовались ими. Несчастные, которые среди этих людей занимаются этим ремеслом, хотя они получали от них вознаграждение (*gualardon*), но было столько юношей, которые их посещали, что они доводили их до изнеможения и смерти. [Юноши] раскрашивали себя в черный цвет до вступления в брак и не имели обыкновения татуироваться до брака, или же [татуировались] немного. В остальных вещах они следовали всегда своим отцам, привыкали быть столь же хорошими идолопоклонниками, как они, и помогали им много в работах.

Индианки воспитывали своих детей очень сурово, ибо четырех или пяти дней от роду новорожденного клали растянутым в маленькую кровать (*un lecho*), сделанную из прутьев, и там, [повернув] ртом вверх, они ему клали голову между двумя дощечками, одна на затылке, другая на лбу, между которыми ее сжимали с силой, и держали его там в мучениях, пока, по прошествии нескольких дней, голова его не становилась сплюсненной и деформированной (*llana y enmoldada*), как это у них было в обычае. Было столько неудобства и опасности для бедных детей, что некоторые рисковали погибнуть; автор этой [книги] видел, как у одного голова продырявилась сзади ушей, и так должно было происходить со многими.

Они растили их обнаженными (*en cueros*) и только с 4—5 лет давали им накидку (*una mantilla*) для сна и несколько поясков (*listoncillos*), чтобы прикрыть наготу, подобно своим отцам, а девочек они начинали покрывать от пояса (*de la cinta*) вниз. Они сосали долго, ибо матери никогда не переставали давать им молоко, пока могли, хотя бы они были 3 или 4 лет, почему и было среди них столько людей очень крепких (*de de buenas fuerças*). Они росли два первые года удивительно красивые и упитанные. Затем от непрерывных купаний их матерями и от солнца они становились смуглыми (*morenos*). Они были все время детства живыми и резвыми, всегда ходили с луком и стрелами, играя друг с другом, и так они росли, пока не начинали следовать образу жизни юношей, держать себя более на их манер и оставлять детские дела.

Женская одежда и косметика

Индианки Юкатана в общем лучшего сложения (*de mejor disposición*), чем испанки; они крупнее, хорошо сложены и не имеют таких бедер, как негритянки. Кичатся красотою те, кто их имеет, и действительно они не безобразны. Они не белые, но смуглого цвета, больше по причине солнца и непрерывного купанья, чем по своей природе. Они не подправляют лица, как наш народ, и это считают бесстыдством. У них есть обычай подпиливать себе зубы, оставляя их как зуб пилы, и это они считают изящным; занимают

ся этим ремеслом старухи, подпиливая их с помощью определенных камней и воды.

Они прокалывали ноздри через хрящ, чтобы вставить в отверстие камень янтарь, и считали это нарядным. Они прокалывали уши, чтобы вставить серьги, подобно своим мужьям. Они татуировали себе тело от пояса вверх, кроме груди из-за кормления, более изящными и красивыми рисунками, чем мужчины. Они купались очень часто в холодной воде, как мужчины, но они не делали это с достаточной скромностью, ибо им случалось обнажаться до гола у колодца, куда они приходили за водой для этого. У них был еще обычай купаться в горячей воде с паром (*en agua caliente* у *fuero*), но это редко и больше для здоровья, чем для чистоты.

Они имели обычай натираться красной (*colorado*) мазью, как мужья, а те, кто имел возможность, добавляли пахучую камедь, очень липкую; я считаю, что это жидкий янтарь (*liquidambar*), который на своем языке они называли *иш махмэ* (*iztahte*). Этой камедью они смазывали особый брусок (*ladrillo*), вроде мыла, украшенный изящными узорами; им они смазывали груди, руки и плечи и делались нарядными и надушенными, как им казалось; он сохранялся у них много [дней], не выдыхаясь, соответственно качеству мази.

Они носили очень длинные волосы и делали и делают [сейчас] из них очень изящную прическу, разделив на две части, и заплетали их для другого рода прически. Заботливые матери имеют обыкновение ухаживать за девушками брачного возраста столь усердно, что я видел многих индианок с такими редкими прическами, как у испанских модниц. У девочек, пока они не выросли, они заплетаются в четыре или в два рожка, что они считают красивым.

Индианки побережья и провинции Бак'халаль и Кампече более приличны в своей одежде, ибо кроме покрывала (*la sobertura*), которые они носят от середины [туловища] вниз, они прикрывают груди, связывая их двойной накидкой (*upa manta*), пропущенной под мышками. Все остальные не носят более одной одежды наподобие мешка, длинного и широкого, открытого с обеих сторон; он доходил у них до бедер, где был в обтяжку. У них не было иной одежды, кроме накидки (*la manta*), с которой они всегда спят; они имели обыкновение, когда шли в дорогу, носить [*ee*] сложенной вдвое или скатанной и так ходили.

Нравы и занятия женщин

Они считали себя добрыми и имели основание, ибо перед тем, как они узнали наш народ, по словам стариков, которые теперь на них жалуются, они были удивительно [целомудренны], чему я приведу два примера.

Капитан Алонсо Лопес де Авила, зять аделантадо Монтехо, захватил во время войны в Бак'халале одну молодую индианку, очень красивую и изящную женщину. Она обещала своему мужу,

опасаясь, что его убьют на войне, не зная другого [мужчины], если его не будет. Поэтому она предпочла скорее лишиться жизни, чем быть опозоренной другим мужчиной; за это ее затравили собаками.

Мне самому жаловалась одна индианка, еще не крещеная, на одного крещеного индейца, который был влюблен в нее, ибо она была прекрасна; однажды дождавшись отсутствия ее мужа, он ночью появился у нее в доме. После того как он объявил со многими любезностями о своем желании и не достиг ничего, он пробовал дать подарки, которые для нее принес, и так как не имел успеха, пытался изнасиловать ее. Но хотя он был великан и трудился над этим всю ночь, он не добился от нее ничего, кроме гнева столь большого, что она пришла ко мне жаловаться на низость индейца, и было это так, как я сказал.

Они имели обычай поворачиваться спиной к мужчинам, когда их встречали в каком-либо месте, и уступать дорогу, чтобы дать им пройти; то же самое, когда они давали им пить, пока они не оканчивали пить. Они обучают тому, что знают, своих дочерей и воспитывают их хорошо по своему способу, ибо бранят (giŋen) их, наставляют и заставляют работать, а если они виноваты, наказывают, щипая их за уши и за руки. Если они видят их поднимающими глаза, они их сильно бранят и смазывают им глаза перцем, что очень больно; если они не скромны, они их бьют и натирают перцем другое место в наказание и стыд. Они говорят как большой упрек и тяжелое порицание непослушным девушкам, что они напоминают женщин, воспитанных без матери.

Они очень ревнивы, некоторые настолько, что налагали руки на тех, кто вызвал ревность, и столь гневны и раздражительны, хотя [вообще] достаточно кротки, что некоторые имели обыкновение драть за волосы мужей, делая это, впрочем, с ними изредка.

Они большие труженицы и прилежные [хозяйки], потому что на них лежало большинство самых важных работ по обеспечению пищей их домов, воспитанию детей и платежу их налогов (tributos); при все этом они, если нужно, носят иной раз на спине большие тяжести, обрабатывают и засевают свои поля. Они удивительно бережливы, работают ночью в часы, которые у них остались от домашних дел, и ходят на рынки покупать и продавать свои вещицы.

Они разводят птиц для продажи и для еды, кастильских и местных. Они разводят птиц [также] для забавы и ради перьев, чтобы делать свои нарядные одежды. Разводят других домашних животных, из которых козлят кормят грудью, благодаря чему их выращивают настолько ручными, что они не убегают в лес, хотя их водят по лесам и выращивают в них.

Они имеют обычай помогать друг другу ткать и прясть и расплачиваются этими работами, как их мужья работами в поле. Во время этих работ они всегда шутят, рассказывают новости и иногда немного сплетничают. Они считают очень неприличным смотреть на мужчин и смеяться с ними; одно это настолько нарушало

приличия, что и без других вольностей их считали порочными. Они танцевали отдельно свои танцы (*vailles*), а некоторые с мужчинами, в особенности один, который они называли *наваль* (*naval*), не очень скромный. Они очень плодovitы, рано рожают и хорошие кормилицы по двум причинам: во-первых, питье, которое они пьют теплым по утрам, дает много молока, [а во-вторых], постоянное размалывание кукурузы и отсутствие стягивающей груди [одежды] делает их груди очень большими, почему в них и появляется много молока.

Они также опьянялись на пирах, но одни, ибо они едят отдельно, и не напивались так, как мужчины. Они хотят иметь много сыновей (*hijos*), те, у которых их не хватает; они просили их у своих идолов с дарами и молитвами; теперь они просят их у Бога.

Они благоразумны и разговорчивы с теми, кто их понимает, и удивительно щедры. Они плохо сохраняют тайну и не столь чисты сами и в своих делах, хотя купаются, как горностаи.

Они были очень набожны и религиозны и также очень почитали своих идолов, возжигая им свои курения и принося им в дар одежду из хлопка, кушанья и напитки; их обязанностью было готовить жертвенные кушанья и напитки, которые индейцы приносили в жертву на праздниках, но при всём этом они не имели обычая проливать свою кровь [в жертву] демонам и никогда не делали этого. Им также не позволяли приходить в храмы при жертвоприношениях, кроме определенного праздника, когда допускали некоторых старух для справления его. Во время родов они обращались к колдуньям, которые их заставляли верить в свои обманы и клали им под кровать (*la cama*) идола одного демона, называемого Иш Ч'ель; они говорили, что это Богиня деторождения (*de hazer las criaturas*).

Новорожденных детей тотчас обмывают; когда их наконец освобождали от пытки сдавливания лба и головы, шли с ними к жрецу, чтобы он посмотрел их судьбу, указал будущее занятие и дал имя, которое они должны были носить во время своего детства. Ибо они привыкли называть своих детей разными именами, пока они не крестились и не стали большими, затем они оставляли эти [имена] и начинали называть их именем отцов, пока они не вступали в брак, и [после этого] они назывались именем отца и матери.

Похороны

Эти люди крайне боялись смерти, и это они обнаруживали во всех служениях, которые они совершали своим богам и которые были не для другой цели и не ради другого дела, а только чтобы они даровали им здоровье, жизнь и пищу. Но когда приходила смерть, нужно было видеть сожаление и плач их по своим покойным и общую печаль, которую это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и очень горестными кри-

ками, и печально было слышать их. Они ходили удивительно грустными много дней; соблюдали воздержание и посты по покойному, особенно муж или жена, и говорили, что его унес дьявол, ибо они думали, что от него приходит к ним все дурное и особенно смерть.

Умерших они завертывали в саван (*amortajavan*), набивая им рот размолотой кукурузой, которая служит им пищей и питьем и которую они называют *к'ойем* (*koeyem*), и с ней несколько камешков, из тех, что они употребляют как монеты, чтобы в другой жизни у них не было недостатка в пище.

Они погребали [умерших] внутри своих домов или позади их, помещая им в могилу несколько своих идолов; если это был жрец, то несколько книг, если колдун, то его колдовские камни и снаряжение (*peltrechos*). Обычно они покидали дом и оставляли его необитаемым после погребения. Иначе было, когда в нем жило много людей, в чьем обществе они отчасти теряли страх, который вызывал у них мертвец.

Что до сеньоров и людей очень значительных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы, как показывают сделанные в древности, которые встречались в Исамале. В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если [умершие] были великими сеньорами.

Остальные знатные люди делали для своих отцов деревянные статуи, у которых оставляли отверстие в затылке; они сжигали какую-нибудь часть тела, клали туда пепел и закрывали его; затем они сдирали у умерших кожу с затылка и прикрепляли ее там, погребая остальное по обычаю. Они сохраняли эти статуи с большим почитанием между своими идолами.

У сеньоров древнего рода Коком они отрубали головы, когда они умирали, и, сварив их, очищали от мяса; затем отпиливали заднюю половину темени, оставляя переднюю с челюстями и зубами. У этих половин черепов заменяли недостающее мясо особой смолой (*de cierto betun*) и делали их очень похожими [на таких], какими они были [при жизни]. Они держали их вместе со статуями с пеплом и все это хранили в молельнях своих домов, со своими идолами, с очень большим почитанием и благоговением. Во все дни их праздников и увеселений они им делали приношения из своих кушаний, чтобы они не испытывали недостатка в них в другой жизни, где, как они думали, покоились (*descanzavan*) их души и пользовались их дарами.

Этот народ всегда верил в бессмертие души более, чем многие другие народы, хотя не имел такой культуры (*policia*). Ибо они верили, что была после смерти другая жизнь, более хорошая, которой наслаждались души, отделившись от тела. Эта будущая жизнь, говорили они, разделяется на хорошую и плохую жизнь, тягостную и полную отдыха. Плохая и тягостная, говорили они, для [людей] порочных; хорошая и приятная для тех, кто хорошо жил по

своему образу жизни.¹⁰⁹ Наслаждения (los descansos), которых, по их словам, они должны были достичь, если были хорошими, заключались [в том, чтобы] идти в место очень приятное, где никакая вещь не причиняла им страдания и где было изобилие очень сладостной пищи и дерево, которое они называли там *Яшче* (Yaxche), то есть сейба, очень прохладное и с большой тенью, под ветвями которого, в тени, они отдыхали и веселились все время.

Наказание за дурную жизнь, которое, по их словам, должны были получить злые, состояло [в том, чтобы] идти в место более низкое, чем [какое-либо] другое,— они его называют *Метналь* (Mitnal), что означает ад,— и в нем подвергаться истязаниям демонов и мукам голода, холода, усталости и печали. Они считают, что в этом месте находится демон, князь (príncipe) всех демонов, которому они все подчиняются, и называют его на своем языке *Хун Ахау* (Hunhau).

Они говорят, что эти жизни, хорошая и плохая, не имеют конца, ибо не имеет его душа. Они говорили также и считали вполне достоверным, что в этот их рай шли те, которые повесились. И поэтому были многие, которые из-за небольшой печали, тягости или болезни повесились, чтобы избавиться от них и идти блаженствовать в свой рай, где, говорили они, выходила их принимать (a llevar) богиня виселицы, которую они называли *Иш Таб* (Ixtab). Они не помнили о воскресении тел и не могут объяснить, от кого они получили сведения об этом их рае и аде.

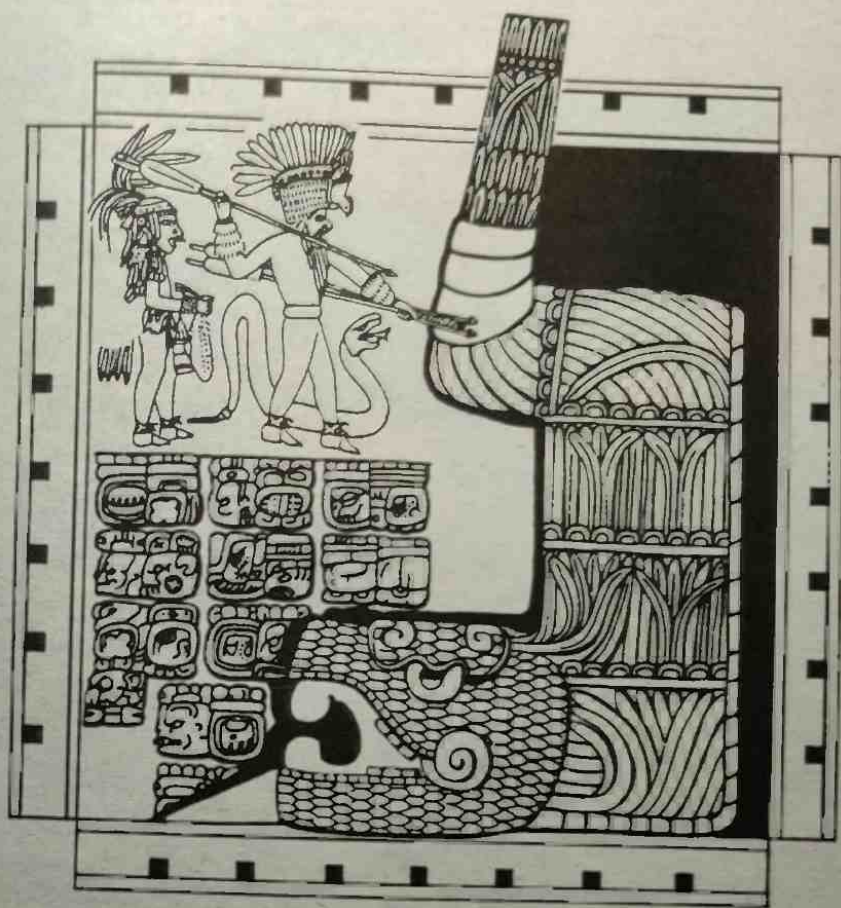

* * *

Смотри, как запад разгорелся
Вечерним заревом лучей,
Восток померкнувший оделся
Холодной, сизой чешуей!

В вражде ль они между собою?
Иль солнце не одно для них
И неподвижною средою
Деля, не соединяет их?

Ф. И. Тютчев

В КОРОЛЕВСТВЕ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ

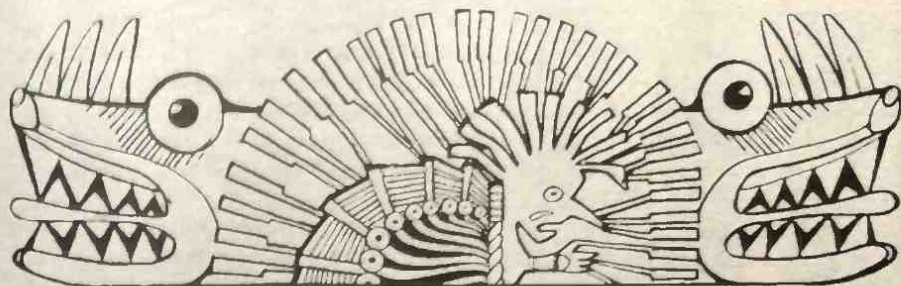

АЦТЕКИ

МАЙЯ

ИНКИ

З. Косидовский

В КОРОЛЕВСТВЕ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ*

Как Кортес завоевал страну ацтеков

Эрнандо Кортес, сын обедневшего испанского дворянина из Эстрамадуры, смолоду был повесой и ловеласом, каких мало. Пьянками в компании таких же бездельников, скандалами и тайными амурными делами он в конце концов так разозлил добропорядочных мещан, что ему пришлось, спасаясь от гнева городских блюстителей порядка, улепетывать во все лопатки. В то время молодой испанский дворянин, попавший в немилость, имел возможность пуститься в богатые странствиями приключения. Ведь это был 1504 год; после первой экспедиции Колумба не прошло и 12 лет. О золотых сокровищах Антильских островов ходили такие легенды, что от них могла закружиться голова не только у отчаянного Кортеса, но и у самого старого и почтеннейшего жителя Иберийского полуострова.

Кортес отправился в морское путешествие и высадился на острове Санто-Доминго. В 1511 году он вместе с Веласкесом двинулся завоевывать Кубу, где прославился не только как бойкий рассказчик пикантных историй, но и как жестокий колонизатор, подавлявший малейшую попытку к сопротивлению островитян-индейцев.

Захватив остров, Веласкес стал его губернатором, а Кортес получил в собственность немало земель и золотые копи. Вскоре он сколотил себе солидное состояние «Бог знает, ценой скольких жизней индейцев», как писал Бартоломе де Лас-Касас, испанский летописец XVI века.

Женившись, Кортес, возможно, дожил бы до конца своих дней, спокойно пожиная плоды труда рабов-индейцев, если бы не известие о новых открытиях, которое с быстротой молнии облетело остров.

* Глава печатается по книге З. Косидовского «Когда солнце было богом», М., Наука, 1991. Перевод с польского А. В. Лоевского.

Кортес в парадном одеянии. Слева вверху изображен его герб.

готова к путешествию: не хватало кораблей, солдат и, самое главное, — провианта. Порвав с представителем власти, Кортес стал пиратствовать, чтобы обеспечить себя всем необходимым.

В 1518 году Хуан де Грихальва исследовал северный и западный берега Юкатана. От местных племен индейцев он узнал, что в глубине материка есть могущественная, многолюдная и богатая золотом страна ацтеков.

Губернатор Веласкес решил послать в эти места военную экспедицию, и Кортес путем закулисных интриг, пообещав взять на себя часть расходов, в конце концов добился того, что стал во главе отряда.

На Кубе, в портовом городке Сант-Яго, новоиспеченный адмирал армады снарядил шесть кораблей и завербовал три сотни солдат. Однако Веласкес пожалел о своем решении и отменил назначение. Зная строптивый и отчаянный характер Кортеса, губернатор вскочил на коня и помчался в порт, чтобы лично сместить его с поста командующего экспедицией.

Но в момент его прибытия Кортес поспешно поднял паруса и вышел в море, хотя экспедиция еще не была

Древнемексиканские золотые украшения.

В порту Макака на Кубе он конфисковал все запасы продовольствия, опустошив даже королевские фольварки. В Тринидаде Кортес захватил торговый корабль с грузом, который только что прибыл из Испании. За эти проделки губернатор города хотел арестовать его, как обычного грабителя, но отчаянный адмирал направил на город пушки и пригрозил, что не оставит там камня на камне. Испуганный сановник убрался восвояси и уже больше не спорил с опасным авантюристом.

В другом порту Кубы — Капе Сан-Антонио — армада, наконец, закончила последние приготовления и в феврале 1519 года вышла в открытое море, взяв курс на Юкатан. Она состояла из 11 кораблей, на которых было 110 матросов, 566 солдат и 200 индейцев-носильщиков. Главной силой этой малой армии являлась кавалерия из 11 лошадей, но прежде всего — артиллерия, насчитывающая 10 тяжелых пушек и 4 легких бронзовых орудия. На вооружении пехоты были луки, пики, рапиры, 32 арбалета и 14 аркебуз.

Флотилия бросила якорь в устье реки Табаско на Юкатане, так как ее русло оказалось слишком мелким для кораблей. Кортес с частью экипажа двинулся на лодках в верховья реки, чтобы посетить столицу табасков. Грихальва рассказывал, что это индейское племя приняло его весьма дружелюбно.

Но Кортеса ждал неприятный сюрприз: с берегов рек, где в чаще манговых деревьев и лиан притаились сотни челнов с индейцами, посыпались стрелы и камни. Вскоре шлюпки испанцев столкнулись с индейскими пирогами; воины прыгали в воду, не прекращая ожесточенной схватки.

Через некоторое время испанцам удалось выбраться на берег, откуда они начали стрелять из аркебуз. Грохот неизвестного оружия произвел на индейцев ошеломляющее впечатление. Они бросились врассыпную, и Кортес быстро занял их столицу.

Назавтра табаски собрали всю армию — несколько десятков тысяч воинов. Со страшными криками и свистом индейцы пошли в атаку; даже огонь из пастей пушек не мог удержать нападающих, хотя земля была густо усеяна их трупами. В последний момент в тыл им ударила испанская кавалерия. Индейцы никогда в жизни не видели лошадей, поэтому при виде чудовищ, которые ржали и фыркали, они бросили оружие и разбежались в разные стороны.

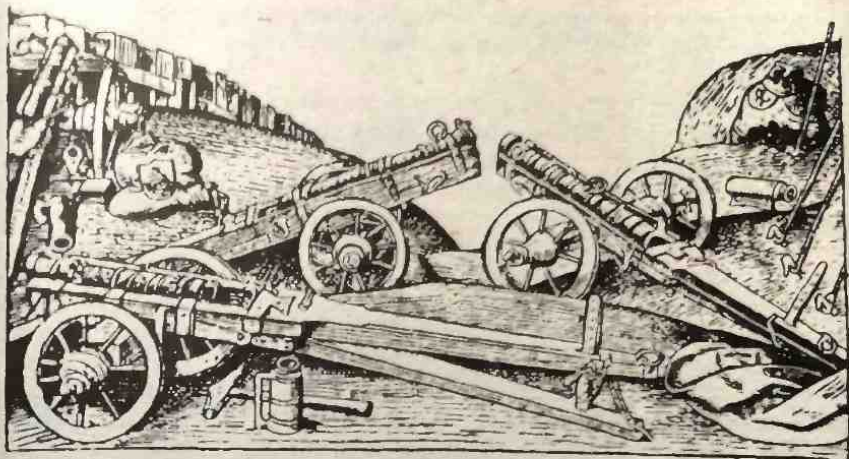
Двух вождей, взятых в плен, Кортес послал к королю табасков, предлагая заключить мир. Вскоре явился сам король с многочисленной свитой. Он принес щедрые дары из золота, а также привел 20 индейских невольниц, среди которых находилась красавица Малинтсин — испанцы называли ее Мариной — будущая переводчица, любовница и помощница Кортеса в покорении своих соплеменников.

Заклучив мир с табасками, конкистадоры снова сели на корабли и 21 апреля 1519 года разбили лагерь в том месте, где ныне лежит город Вера-Крус. Их окружали болотистые джунгли без конца

Посадка конкистадоров на суда. Со старинной гравюры.

и края, которые выделяли ядовитые испарения. К счастью, местные индейцы оказались более приветливыми и расторопными, чем табаски. Они моментально соорудили вокруг лагеря 1000 шалашей и побеспокоились о том, чтобы накормить гостей фруктами, овощами и жареной домашней птицей.

Артиллерия времен Кортеса. С гравюры XVI века.

Вождь индейцев Техатлиле преподнес испанцам щедрые дары: хлопчатобумажные ткани, плащи, искусно расшитые перьями экзотических птиц, а также корзины, наполненные золотыми украшениями. Кортес попросил Техатлиле послать гонцов к Монтесуме, властелину ацтеков, чтобы оповестить о прибытии испанцев, которые желают посетить его столицу.

Семь дней ждали конкистадоры ответа. Их окружала буйная тропическая растительность, насыщенная удушливыми запахами и влагой: манговые и раскидистые красные деревья, пальмы, высокий тростник и травы, извивающиеся, как змеи, лианы, усыпанные экзотическими цветами. В этих густых зарослях порхали колибри, переливаясь всеми цветами радуги, огромные бабочки и птицы с ярким оперением.

Тем временем во дворце Монтесумы шли непрерывные совещания. Столицу ацтеков Теночтитлан, которую позднее называли Мехико, охватило чувство страха и неуверенности. Властелин и придворные сановники никак не могли отважиться на какой-либо решительный шаг.

Почему же многочисленный народ воинов так испугался горстки пришельцев из-за моря? Виновником был бог ацтеков Кецалькоатль. Ацтеки представляли его себе белым человеком с волнистой бородой, хотя сами растительности на лице не имели. Легенда утверждала, что белый бог прибыл из «страны, где восходит солнце» на крылатом корабле (сами ацтеки парусов не знали) и сошел на землю как раз в том месте, где разбил свой лагерь Кортес. Белый бог научил индейцев ремеслам и добрым обычаям, дал им мудрые законы и религию, а также основал страну, где выращивали хлопок различных цветов, а кукуруза давала початки больше человеческого роста.

Исполнив свою миссию, белый бог возвратился туда, откуда прибыл. О его исчезновении у индейцев существовало несколько преданий.

Одно из них повествовало, что Кецалькоатль пал на колени перед шумящим Атлантическим океаном, горько заплакал и бросился в пылающий костер.

Его пепел поднялся в воздух и превратился в стаю птиц, а сердце повисло в небе, как утренняя звезда.

По другому преданию, бог ночи, стремясь хитростью изгнать белого бога из Мексики, приподнес ему чашу, якобы наполненную эликсиром бессмертия. И действительно, напиток пробудил в боге такую непреодолимую тоску по родине, что он поплыл на крылатом корабле в сторону восходящего солнца.

Но о главном все легенды повествовали одинаково: бородатый бог предсказал появление белых завоевателей из-за моря, которые покорят все индейские племена и низвергнут богов, заменив их иноземным богом. Под впечатлением этого предания ацтеки легко поверили, что исполняется давнее пророчество. Белые пришельцы казались им существами из иного мира. Они владели громами и молниями и обуздали каких-то четвероногих чудовищ, а табасков, несмотря на их громадный численный перевес, разгромили с помощью удивительных чар.

Сохранились письменные источники, из которых неопровержимо следует, что вера в приход белого бога являлась одной из причин легкого завоевания ацтеков и перуанских инков. Эта вера лишила их воли к борьбе и повергла в уныние военный совет, возглавляемый Монтесумой. Вместо того, чтобы объединить все свои силы и одним ударом покончить с горсткой наглых завоевателей, властелин ацтеков решил вести переговоры. Направленное им посольство должно было щедрыми дарами задобрить грозных иноземцев, наглядно показать им богатство и могущество ацтеков и, припугнув их этим, передать запрещение приближаться к столице.

Посольство состояло из нескольких сановников; за ними следом шло 100 рабов, нагруженных дарами. Послы были облачены в ниспадающие, богато вышитые одежды, на их головах возвышались пестрые султаны из перьев попугаев. Руки, ноги, шея и уши каждого были сплошь увешаны украшениями из золота.

Кортеса они приветствовали поклонами, касаясь пальцами по очереди то земли, то своих висков. Рабы разожгли благовония из экзотических растений и разложили на матах дары Монтесумы: щиты, шлемы, оружие, ожерелья и браслеты — все из чистого золота, султаны, жемчуг и драгоценные камни в огромном, ошеломляющем количестве, золотые и серебряные статуэтки изумительной работы, искусно вышитые хлопчатобумажные одеяния, тонкие, как шелк, но — самое главное — две золотые плиты, круглые и большие, как мельничные жернова, покрытые богатыми рельефными изображениями растений и животных.

Дары превзошли самые смелые ожидания конкистадоров и,

Монтесума, верховный властитель Мексики. Со старинной гравюры.

вместо того чтобы вселить в них робость, как предполагал Монтесума, разожгли в них необузданную алчность. Кортес вежливо, но решительно отклонил требования Монтесумы, заявив, что он при-

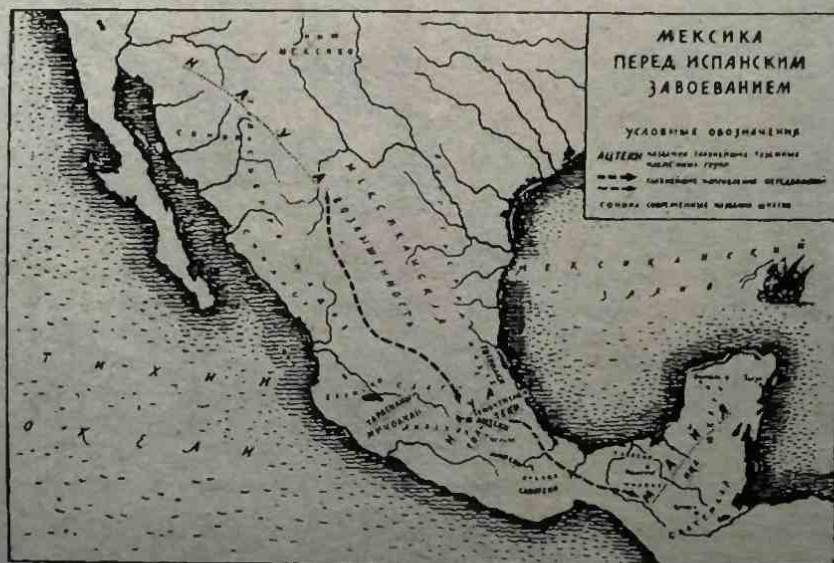
был сюда как посол испанского императора и не может не выполнить поручение своего повелителя.

На следующий день, на рассвете, испанцы заметили, что индейцы, которые обычно готовили им пищу, исчезли. Угрюмая тишина не предвещала ничего хорошего и свидетельствовала о том, что требованиями Монтесумы нельзя пренебрегать. Ведь это по его приказу они оказались на безлюдье, покинутые туземцами и обреченные на голодную смерть в убийственном климате маяярийных джунглей.

Кортес стоял перед трудной проблемой. Вернуться на Кубу, как этого все настойчивее требовали солдаты? Но там его ожидала виллиса. С другой стороны, забираться в глубь страны с многомиллионным населением вопреки воле ее властелина было бы явным безумием.

Когда положение стало совершенно безвыходным и Кортес, уступая требованиям своей армии, уже хотел вернуться на корабли, неожиданно под треск барабанов и писк дудок появилось большое посольство. Эти индейцы говорили совсем на другом языке и только двое знали язык ацтеков. Они сказали, что являются послами короля тотонаков, столица которого — Семпоала — находится на севере Мексиканского залива.

Покоренные могущественными ацтеками, тотонаки вынуждены были терпеть их гнет, но не теряли надежды, что обретут утраченную независимость. Их король, прослышав об удивительной победе заморских иноземцев над воинственными табасками, приглашал их к себе и предлагал союз против общего врага. Кортес обеими руками ухватился за эту возможность и быстро повел войско

Мексика перед испанским завоеванием.

в Семпоалу, убежденный, что государство ацтеков, которое — как это выяснилось — представляло собой конгломерат покоренных и всегда готовых восстать племен, можно будет легко завоевать.

Семпоала насчитывала около 30 000 жителей. Город был живописно расположен среди холмов, садов и кукурузных полей. Побеленные хижины сияли на солнце, словно серебряные. На центральной площади поднималась к небу белая пирамида с террасами, а на ее вершине виднелся деревянный храм.

Жители встретили испанцев гирляндами цветов, а король, высокий, плотный индеец в парадном облачении, принял их очень милостиво, одарив драгоценными украшениями и красивыми тканями. Он не только пообещал дать испанцам подкрепление в количестве 100 000 воинов, но и сообщил им о других врагах ацтеков — тласкаланцах, на помощь которых тоже можно было рассчитывать.

Ситуация складывалась весьма благоприятно для Кортеса, но солдаты волновались. Большая группа недовольных устроила заговор, готовясь захватить корабли и возвратиться на Кубу. Кортес пронюхал об этом, зачинщиков приговорил к смерти, а сам решился на невероятно отважный шаг. Он приказал «сжечь за собой и своим войском мосты»: велел разобрать корабли, их деревянные корпуса предать огню, а железные части, такелаж и паруса спрятать.

Основав на месте высадки укрепленный лагерь и назвав его Вилья-Рика де Вера-Крус, т. е. «Богатый город истинного креста», Кортес начал поход в глубь континента, захватив с собой 1 500 воинов-тотонаков. Так как особенностью индейской цивилизации было то, что она не знала колеса и вьючных животных, багаж и пушки несли тысячи индейцев-носильщиков. Этот поход начался 16 августа 1519 года.

Вначале шли по низинным тропическим джунглям, среди кустов ванили и какао, где порхали попугаи, колибри и разноцветные бабочки. Но уже через несколько дней пришлось подниматься по склонам плоскогорья, затем появились первые дубы — предвестники нагорного пояса умеренного климата. Перед глазами пришельцев предстали уходящие высоко в небо горные цепи. Справа простирался поросший лесом мощный горный массив Сьерра-Мадре, на юге сиял своей снежной вершиной одинокий гигант Анд — вулкан Орисава, почитаемый туземцами как божество.

Индейцы, которые встречались на пути, приветствовали армию Кортеса очень дружелюбно. В долинах и на плоскогорьях конкистадоры увидели людные городки с непременной пирамидой, мирные селения, поля золотистой кукурузы, алоэ и кактусов. Это был край, который буйно расцветал под живительными лучами горного солнца.

Спустя еще несколько дней тропа привела их в страну грозных вершин и ущелий. Солдаты и носильщики взбирались вверх, стараясь не смотреть вниз, где на дне глубоких оврагов бесновались

кипящие потоки. Дожди и ледяные ветры, град и снег страшно изматывали испанцев и особенно индейцев, одетых совсем легко.

По совету тотонаков Кортес направился в страну тласкаланцев. Эти извечные враги ацтеков непрестанно боролись с ними за свою независимость, поэтому Кортес рассчитывал на их вооруженную помощь. Однако его встретила неприятная неожиданность. Как только конкистадоры оказались в пределах их границ, небольшой отряд воинов напал на испанцев с такой яростью, перед которой поблдно неистовство табасков. Мужество новых врагов, их презрение к смерти сильно встревожили Кортеса. Но больше всего его удивило то, что тласкаланцы не испытывали никакого страха к лошадям. Хотя индейцы видели их впервые в жизни, они смело бросались на наездников, стаскивали их с седел и даже убили двух скакунов своеобразным оружием — деревянными палицами с острыми, как бритва, шипами из вулканического стекла, так называемого обсидиана. И неизвестно, чем кончилось бы это столкновение, если бы выстрелы из аркебуз и пушек не остановили нападающих.

На другой день утром, преследуя этот отряд индейцев, конкистадоры попали в какое-то ущелье. Их поразило небывалое зрелище — перед ними, куда ни глянь, стояли тласкаланцы. Среди воинов, разрисованных бело-желтыми полосами, выделялись вожди. Золотые или серебряные шлемы и оружие, развевающиеся пестрые султаны, но прежде всего переливающиеся всеми цветами радуги плащи из перьев — все это варварское великолепие делало их похожими на надменных экзотических птиц. Над армией колыбался лес пик, а также регалии отдельных отрядов — изображения зверей. Впереди стоял индеец огромного роста и держал на древке эмблему государства тласкаланцев — золотого орла, усыпанного жемчугом и сапфирами.

Кортес сразу понял, насколько примитивной и наивной была тактика тласкаланцев. Сбившись в ущелье, армия, естественно, не могла развернуться и как следует использовать свое численное превосходство. Поэтому он сомкнутой колонной ворвался в самую середину вражеского войска. Тактика оказалась правильной; хаос битвы, правда, поглотил испанцев, как бушующее море, но индейские воины в страшной тесноте оказались почти беспомощными.

Закованные в железо, испанцы медленно прорубались сквозь толпу воинов, пока не выбрались на открытое место по другую сторону ущелья, откуда они начали крушить врагов частыми залпами. Тласкаланцы, понеся серьезные потери, покинули поле боя.

На третий день путь испанцам преградила еще более многочисленная армия. Кортес окопался на пригорке и решил применить оборонную тактику. Индейцы стремительно бросились в атаку, но и на этот раз шли беспорядочной толпой без какого-либо стратегического плана. Их стрелы из луков и камни из пращей попадали в редуты или скользили по шлемам и кирасам испанцев. Часто падали только воины союзников — тотонаков.

Кортес принимает тласкаланских правителей, несущих подарки. Рядом с ним переводчица Марина. Рисунок из древнемексиканской рукописи.

Но вот загрохотали пушки и аркебузы. Тласкаланцы валились как снопы, а когда остальное войско, напуганное потерями, стало отступать, на них вихрем налетел кавалерийский отряд, рубя и топча бегущих в панике воинов.

Целый день и всю следующую ночь индейцы с беспримерным мужеством возобновляли атаки, но каждый раз откатывались назад. Решающую роль тут сыграли более продуманная тактика, дисциплинированность испанцев и неизвестное индейцам огнестрельное оружие. Вскоре среди индейских вождей начались разногласия, некоторые из них, обескураженные неудачей, собрали свои отряды и покинули поле боя.

Когда Кортес предложил заключить мир, тласкаланцы охотно согласились; более того, они пригласили испанцев в свою столицу. И вот — о диво! — их враждебность ни с того ни с сего сменилась импульсивной дружбой. Жители города вышли встретить недавних врагов с охапками цветов, на шею коней и солдат вешали гирлянды, а жрецы в белых туниках окуривали их благовониями.

В городе слышались громкие крики, музыка, пение и треск барабанов. Над узкими улицами колыхались фестоны, сплетенные из неведомых испанцам цветов. Старый король Шикотенкатль обнял Кортеса и пригласил пришельцев на пиршество.

Встретив отказ, он попросил испанцев направиться в город Чолулу, где приготовил им квартиры.

В городе Чолуле, религиозной столице ацтеков, находился храм уже известного нам бога Кецалькоатля, являвшийся местом паломничества всех индейцев Мексики. Испанцы отмечали, что город был прекраснее Флоренции, и это в какой-то степени подтверждают руины, сохранившиеся там до наших дней. Громадная пирамида, на которой стоял храм, и ныне вызывает изумление. Ее основание намного больше основания пирамиды Хеопса, хотя само сооружение было несколько ниже.

Город живо напоминал Мекку, Иерусалим или средневековый Рим. С утра до вечера по его улочкам лились нескончаемые потоки странников и нищих, жрецов и монахинь. Над городом возносилось к небу 400 храмовых башен, на вершинах которых пылал вечный огонь. С пением и кадилами ежедневно по городу двигались процессии.

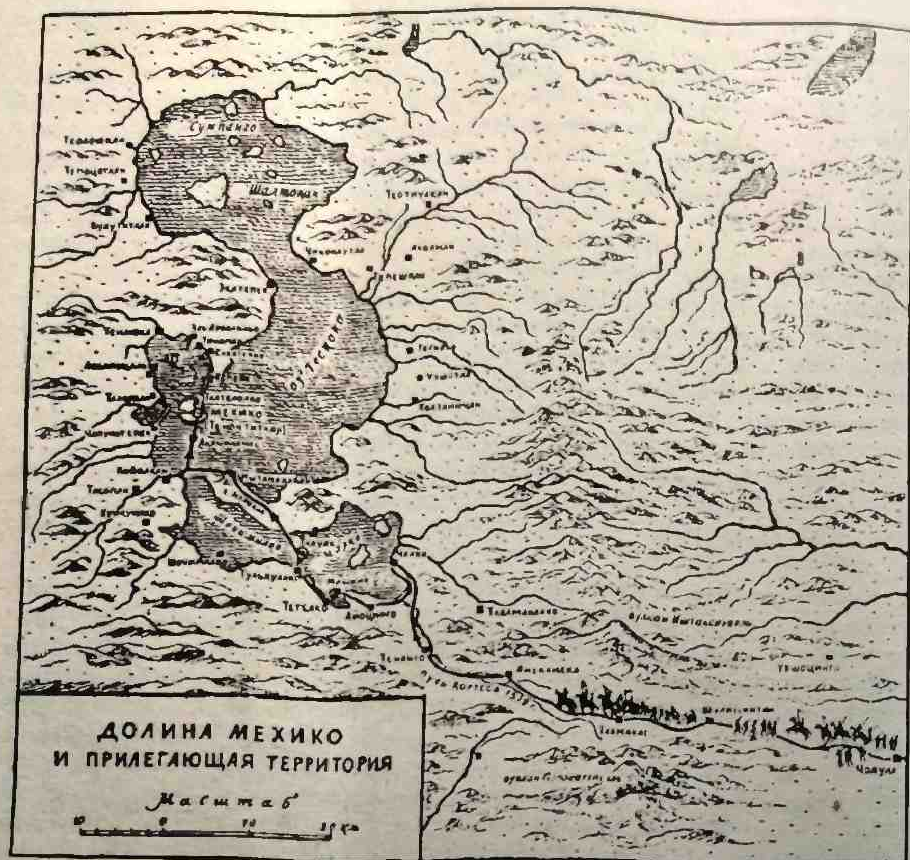
Испанцы вместе с тотонаками и тласкаланцами расположились во дворе одного из храмов. Однажды Марина узнала от жены городского сановника, что против пришельцев по приказу Монтесумы готовится заговор.

Кортес решил ударить первым и составил дерзкий план истребления аристократии Чолулы, чтобы таким образом лишить город его вождей. Он пригласил к себе всех сановников под предлогом сообщения им важных известий. Как только они собрались во дворе, вооруженные испанцы неожиданно напали на них и началась резня. Крики ужаса вырвались из грудей безоружных индейцев. Охваченные отчаянием, одни бросались с голыми руками на конкистадоров, другие бегали по двору, пытаясь найти выход из страшной ловушки. Но ни одному из них не удалось избежать смерти. Испанцы, измазанные кровью и задыхающиеся, как шакалы, бросились на трупы, сдирая с них драгоценности и одежду.

Вопли несчастных подняли на ноги весь город. Огромная толпа окружила двор и пыталась прорваться внутрь. Испанцы ответили залпами из пушек и аркебуз. При виде трупов толпа обратилась в бегство. Тогда из ворот вырвалась конница, лавиной двинулись конкистадоры и их союзники-индейцы. Они рубили направо и налево, целый день испанцы грабили дома и храмы, сжигая то, чего не могли унести, и возвращались в свои квартиры, нагруженные добычей. К вечеру от цветущего города остались только руины.

Через две недели после этих событий конкистадоры двинулись дальше. Теперь дорога лежала через перевал горного хребта, окружающего долину Мексики. С каждым шагом воздух делался все более разреженным — становилось трудно дышать. Ледяной ветер пронизывал до мозга костей. По бокам высились горы североамериканского континента — вулканы Попокатепетль и Ихтасигуатль.

Поднявшись на перевал, испанцы не поверили собственным глазам. Из грудей вырвались возгласы восхищения: «Вот она —

Долина Мехико.

земля обетованная!» Долина Мексики, названная индейцами страной Анагуак, производила неизгладимое впечатление. В кристально чистом воздухе, пронизанном яркими лучами солнца, виднелась, как на ладони, цветная мозаика небольших полей, садов, лесов и ярко-голубых озер. Посредине самого большого озера, словно на полированной глади хрустального зеркала, в тени бесчисленных пирамид лежала белоснежная столица ацтеков — Теночтитлан — «Венеция Запада», как сразу же называли ее конкистадоры.

8 ноября 1519 года армия испанцев и их союзников направилась к городу. Озеро Тескоко перерезала ровная, как стрела, плотина, построенная из камней и песка. С обеих ее сторон плыли бесчисленные пироги, нагруженные всевозможными товарами. В конце плотины, окруженный сановниками в парадных одеяниях, их ожидал, сидя в золоченном паланкине, сам Монтесума. Это был мужчина около 40 лет, высокого роста, с лицом хищной птицы. На

его голове развевался огромный головной убор из пурпурно-зеленых перьев, усыпанных жемчугом и бирюзой. Плащ Монтесумы представлял собой настоящее чудо ремесленного искусства: тысячи перьев всех цветов радуги сливались в ослепительно богатый орнамент. Весь царский наряд блистал золотом и драгоценными камнями. Даже подошвы его башмаков были сделаны из золота.

Монтесума приветствовал Кортеса с изысканной учтивостью и подарил ему нитку шлифованного хрусталя, который ценился у ацтеков дороже золота. Потом он повел испанцев в город. Войско развернуло знамена и под звуки труб и грохот барабанов вступило в предместье. Толпы индейцев, собравшиеся на улицах и плоских крышах домов, смотрели на иноземцев с любопытством и беспокойством.

Наконец колонна остановилась на главной площади города. С одной стороны им бросилась в глаза огромная пирамида; рядом с ней гордо возвышался обширный комплекс дворцов Монтесумы, построенный из тесаного камня. На противоположной стороне находилась большая резиденция отца нынешнего властелина, окруженная мощной крепостной стеной. Монтесума ждал гостей во дворе, чтобы лично разместить их по квартирам.

На другой день Кортес в сопровождении самого короля посетил со своими офицерами пирамиду. Сооружение было возведено в центре просторной площади, замкнутой оборонительной стеной с башенками и бойницами. Здесь на случай народного бунта всегда находились военные отряды карателей.

Пирамида состояла из пяти ярусов с террасами. На вершину, где виднелись два храма, похожие на деревянные башни, вели очень крутые лестницы, насчитывающие 340 ступеней.

На головокружительно высокой вершине пирамиды Монтесума взял Кортеса под руку и пояснил ему детали открывавшейся оттуда панорамы. В столице ацтеков насчитывалось 300 тысяч жителей — она являлась в то время одним из крупнейших городов мира (Лондон имел тогда 200 тысяч жителей). Вдоль берегов озера раскинулись другие города, поменьше, среди которых выделялся величиной Тескоко. Все эти города были теснейшими узлами связаны между собой, так что по сути дела население Теночтитлана достигало 3 млн. жителей.

Вот как выглядел город с высоты птичьего полета: Теночтитлан лежал в центре озера на овальном острове, соединенном с материком тремя плотинами, пересекаемыми каналами, с переброшенными через них разводными мостами. Кроме того, через озеро к городу тянулся большой акведук с терракотовыми трубами, по которым текла вода с соседних гор, так как озеро было соленым. Испанцы с беспокойством заметили, что город может стать ловушкой и, в случае вооруженного конфликта, из него нелегко будет выбраться.

Перед храмом торчал огромный монолит из красной яшмы, на котором в жертву богам закалывали людей. Внутри одной храмо-

Общий вид города Мехико после испанского завоевания.

вой башни находился бог войны Уицилопочтль — огромный и уродливый идол, вечно алчущий человеческой крови.

«Это изваяние, — пишет один из офицеров Кортеса Берналь Диас, — было целиком покрыто золотом и драгоценностями. В правой руке чудовище держало лук, а в левой пучок стрел. На шее огромного идола висело ожерелье из человеческих черепов, инкрустированных сапфирами».

Но самое жуткое впечатление производила чаша, стоявшая перед статуей, на которой все еще дымились три человеческих сердца. А у подножья пирамиды испанцы увидели деревянное сооружение из гигантских лестниц, где насчитали 136 тысяч человеческих черепов, аккуратно нанизанных на перекладины.

Через неделю Кортес начал вынашивать планы завоевания страны и захвата ее богатств. По опыту он знал, что индейцы впадали в панику и прекращали борьбу, как только убивали или брали в плен их вождя. Поэтому он решился на беспримерно дерзкий шаг: схватить Монтесуму и от его имени взять власть в свои руки.

Вскоре произошел случай, который послужил поводом для организации заговора. Один из провинциальных ацтекских губернаторов убил нескольких испанских пленников.

Побежденный в сражении, он сознался под пытками, что сделал это по наущению Монтесумы. Тогда Кортес во главе нескольких ворвался во дворец, обвинил короля в измене и под вопли и рыдания всего двора увел его в свой лагерь. Он лично заковал властелина ацтеков на несколько часов в кандалы; в это время на площади жгли на костре несчастного губернатора.

Но даже испытав такой позор, Монтесума не призвал народ к борьбе. Более того, когда на площади стали собираться толпы обеспокоенных подданных, он показался на крепостной стене и начал уверять их, что пришел к своим гостям добровольно. Страх перед пришельцами лишил его не только мужества и чувства собственного достоинства, но и обычного разума.

Покорность властелина и пассивность жителей привели к тому, что конкистадоры совершенно распоясались. Вскоре они вынудили Монтесуму выдать им всю ацтекскую сокровищницу якобы в качестве дани испанскому императору. Но верхом наглости была перестройка одного из храмов в католическую часовню, когда испанские наемники на глазах всего города столкнули статую бога со ступеней пирамиды.

В мае 1520 года, т. е. через шесть месяцев после того, как Кортес прибыл в столицу, из Вера-Крус пришло тревожное известие. Там высадился корпус испанцев во главе с Нарваесом, которого послал губернатор Кубы Веласкес, чтобы схватить Кортеса и вырвать у него добычу.

Кортес передал командование в руки Альварадо, а сам, не мешкая, в сопровождении 233 солдат двинулся против нового врага. Нарваес вступил в столицу тотонаков и укрепился на вершине пирамиды. Но это был офицер бездарный и нерешительный. Под покровом ночи, во время тропической бури и ливня войско Кортеса подкралось к пирамиде и неожиданно захватило позиции неприятеля. Нарваес был тяжело ранен, а солдаты — 1 200 пехотинцев и 100 кавалеристов сложили оружие. Кортес не скупился на подарки и обещания — и всех солдат перетянул на свою сторону, значительно усилив свою армию.

Едва он успел уладить эти дела, как от Альварадо прибыл гонец со страшной вестью. В Теночтитлане вспыхнуло восстание. Разъяренные жители загнали испанцев в их квартиры и отрезали подвоз продуктов. В любую минуту индейцы могли начать штурм и перебить осажденных.

Что же произошло? По случаю торжества в честь бога войны на площади возле пирамиды собралось 600 высоких ацтекских са-новников, чтобы отметить ежегодный праздник традиционным обрядом-пением и шествиями. Альварадо дал знак — конкистадоры напали на безоружных людей и вырезали их всех до одного. Потом стали сдирать с трупов драгоценности. Злодеяние ничем не было спровоцировано. Причиной зверства наемников явилась мерзкая жажда убийств и грабежа.

Кортес форсированным маршем поспешил на помощь осажденным и 24 июня вступил в город. На опустевших улицах и площадях царил зловещая тишина. По странному стечению обстоятельств никто даже не пытался помешать объединению двух армий.

Но едва Кортес успел закрыть за собой ворота, как в городе раздались грозные возгласы. Через минуту к крепостным стенам,

Монтесума. С портрета написанного по приказанию Кортеса

словно надвигающаяся буря, стали приближаться громадные толпы индейцев, вооруженных до зубов. Прилегающие улицы, крыши и даже пирамида были запружены мужчинами, женщинами и детьми. На осажденных сначала посыпался град камней, а затем ацтекские воины в небывалом беспорядке, отталкивая друг друга, начали напирать на стены, не обращая внимания на то, что залпы пушек и аркебузов опустошают их ряды.

Испанцы не понесли серьезных потерь, но ярость штурмующих вселила в них страх. Кортес то и дело предпринимал вылазки с кавалерией и пехотой, но по существу это был сизифов труд. Индейцев топтали лошадьми, рубили мечами, они отступали,

но через минуту возвращались снова, обеими руками хватались за коней, стаскивали с коней всадников. Взятых живьем они немедленно отводили к алтарю бога войны и закалывали. Воды каналов и озера бурлили от заполнивших их пирог с воинами. На плотинах ацтеки разрушили мосты и построили баррикады, отрезав испанцам путь к отступлению. Кортес рвал и метал, чувствуя собственное бессилие, затем он приказал жечь дом за домом, квартал за кварталом. Вскоре весь город превратился в море огня.

В конце концов он понял, что единственная возможность уцелеть — это заключить перемирие и покинуть город. Кортес обратился к Монтесуме с просьбой помочь ему в этом деле. Повелитель ацтеков, то ли желая спасти столицу от окончательного уничтожения, то ли совершенно потеряв голову от страха, не отказал в посредничестве.

Облачившись в самый лучший королевский наряд, он появился на крепостной стене и елейным голосом приказал своему народу прекратить борьбу. Но повстанцы уже потеряли всякое уважение к королевскому сану Монтесумы. Над площадью разнесся всеобщий рев негодования, посыпались оскорбления. Монтесуму забросали камнями. Один из камней попал ему прямо в лоб, и смертельно раненый король упал на землю.

Последние минуты своей жизни Монтесума провел в одиночестве и отчаянии. Он срывал с себя повязки, отказывался от пищи,

с нетерпением и тоской призывал смерть. Испанцы выдали тело Монтесумы ацтекам, и до сих пор неизвестно, где он погребен.

Как только наступили безлунные ночи, Кортес решил тайком вырваться из ловушки. Индейцы не имели обыкновения выставлять в спящем городе караулы, поэтому замысел мог увенчаться успехом. По заранее приготовленному переносному мосту испанцы и их союзники-индейцы уже успели перейти первый канал, пересекающий плотину, и приближались как раз ко второму, как вдруг какая-то индианка, занятая стиркой, несмотря на позднюю пору, заметила их в темноте и подняла тревогу.

С жителей моментально слетел сон, и они бросились в погоню за беглецами. Плотину заполнили толпы воинов, на озере показались пироги — и закипела битва. В растянувшуюся колонну завоевателей полетел смертоносный град стрел и камней. Воины с пирог стягивали испанцев в воду и брали их живыми на жертвы ацтекским богам.

Захватчики отчаянно защищались, но потери росли с каждой минутой. От окончательного разгрома их спасли сокрушительные атаки конницы, а также залпы орудий, которые разбивали пироги в щепки и сметали индейцев с узкой плотины. Воспользовавшись минутным замешательством, испанцы бросились в воду, чтобы вплавь добраться до берега, где они могли маневрировать с большей свободой. После сражения войско Кортеса представляло собой жалкую толпу окровавленных и ободранных недобитых завоевателей. Испанцы потеряли почти третью часть солдат, а тласкаланцы свыше 5 тысяч воинов. Среди тех, кто вышел живым из битвы, не было ни одного без легкой или тяжелой раны. Пропали все пушки и аркебузы, много арбалетов и большая часть лошадей. На дно озера пошло также все золото ацтеков, которое испанцы поделили между собой перед битвой и пытались вынести из города.

Кортес направился в столицу тласкаланцев. Через несколько дней конкистадоры стали взбираться на склон горного хребта, отделявшего их от страны тласкаланцев.

Поднявшись на перевал, они остановились, словно пораженные громом. Вся долина Отумба была запружена ацтекскими воинами, одетыми в ватные панцири из белой ткани. Издали казалось, что долина завалена снегом.

Над головами индейцев возвышались копья, военные регалии и пестрые султаны; на вождях красовались странные шлемы, изображающие головы зверей.

Испанцы и тласкаланцы, встреченные оглушительным воплем и свистом, решили, что пробил их последний час. В отчаянии, желая дороже продать свою жизнь, конкистадоры врзались в самый центр этой плотной человеческой массы. Их вел Кортес на своем коне, следом за ним двигались испанские наемники, пробивая себе путь рапирами, пиками и стилетами. Колонну замыкали тласкаланцы, вооруженные страшными палицами с острыми шипами из обсидиана.

Вожди ацтеков не извлекли никакого урока из предыдущих битв с иноземцами и с непонятным безрассудством снова допустили тактическую ошибку, от которой не убереглись тласкаланцы, а вслед за ними и они сами в уличных сражениях в Теночтитлане. Сбившись в замкнутой, тесной долине, ацтеки не могли использовать своего численного преимущества и одновременно бросить в атаку тысячные отряды своих воинов. Битва свелась к отдельным поединкам, в которых индейцы не справились с конкистадорами, закованными в железо и отлично владевшими рапирами. Несмотря на это, горстка обреченных в конце концов была бы раздавлена под натиском превосходящих сил врага. У солдат уже не слушались руки, многие из них получили серьезные раны и едва держались на ногах. Даже Кортес упал с убитого коня и сильно ушибся. Массы ацтеков продолжали наседать, испанцам угрожал полный разгром.

В последнюю минуту Кортес заметил нечто такое, что влило в него новые силы: поблизости, окруженный свитой, стоял главный вождь армии ацтеков. Кортес узнал его по громадному султану на золотом древке. Он бросился к вождю и, прежде чем успели ему помешать телохранители, пробил его пикой, а у знаменосца вырвал из рук государственный флаг.

И снова повторилось явление, столь характерное для индейских племен того времени: тотчас же свита и телохранители разбежались в разные стороны, а среди воинов, только что демонстрировавших образцы дисциплины и беззаветной отваги, началась паника, она ширилась, как степной пожар, заражая самых храбрых. Ацтеки бросились врассыпную, покидая поле боя. Так 8 ноября 1520 года испанцы одержали в Мексике самую крупную победу.

В стране тласкаланцев Кортес сразу же стал готовиться к новому походу против ацтеков и с этой целью послал в Вера-Крус за подкреплением. Тем временем среди ацтеков вспыхнула эпидемия черной оспы, привезенная завоевателями из Европы. Жертвами болезни оказались тысячи индейцев и среди них вождь восстания Куитлауак, брат Монтезумы. И хотя его преемник Куаунтемок (по другим источникам Кватимосин) объявил священную народную войну, стараясь привлечь на свою сторону тласкаланцев, отдельные города и племена наперегонки присылали Кортесу заверения в своей лояльности, подписывая тем самым приговор и себе и своим соотечественникам.

Судьба, казалось, улыбалась Кортесу. Отовсюду стали приходить подкрепления, которых он даже не ожидал. В порту Вера-Крус бросил якорь посланный Веласкесом корабль с Кубы, на борту его имелось большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Отряд из 100 солдат-пехотинцев и 20 кавалеристов, направленный губернатором Ямайки для завоевания Юкатана, немедленно перешел на сторону Кортеса. Какой-то судовладелец продал ему свой корабль вместе с грузом оружия, а экипаж присо-

единился к конкистадорам. Уже во время блокады Теночтитлана в Вера-Крус прибыло, неизвестно откуда, еще три корабля с отрядами из 200 солдат и 70 конников.

В результате этих событий армия Кортеса стала сильнее, чем когда бы то ни было, она состояла теперь из 818 солдат-пехотинцев (из них 118 были вооружены арбалетами и аркебузами), 110 кавалеристов, 75 тысяч тласкаланских воинов и имела три больших железных орудия и 15 легких бронзовых лушек, так называемых фальконетов.

Кортес помнил, как их сильно потрепала флотилия ацтекских пирог, поэтому решил противопоставить ей свой собственный флот. Он приказал построить 13 парусных бригантин, использовав такелаж, паруса и железные части сожженной армады.

Вскоре на ацтекских повстанцев обрушился страшный удар: союзник и брат — город Тескоко, лежащий напротив Теночтитлана, на берегу того же озера, в результате династических интриг предложил Кортесу союз и пригласил его к себе. Таким образом, благодаря измене в самом ацтекском государстве, конкистадоры получили базу почти под боком у столицы.

Транспортировка тяжелых бригантин из столицы тласкаланцев в Тескоко через высокогорные перевалы на расстояние в 100 километров — случай беспрецедентный. И совершили это тысячи индейских носильщиков под охраной 20 тысяч тласкаланских воинов.

В течение нескольких месяцев Кортес старался окружить Теночтитлан кольцом блокады: его люди заняли все близлежащие городки и селения, разрушили акведук, и город оказался без воды. Готовясь к штурму, Кортес разделил свою армию на три оперативные группы, которые должны были одновременно форсировать три плотины, соединявшие город с материком.

Куаунтемок организовал хорошо продуманную оборону. Плотины он укрепил рвами, баррикадами и редутами, защищаемыми с фланга громадным количеством воинов на пирогах.

Кортес предпринимал атаку за атакой, но всякий раз завоеватели отступали под градом камней и стрел, устилая плотины трупами. Вскоре ситуация изменилась в пользу конкистадоров. Из Тескоко прибыла флотилия бригантин.

Неожиданное появление огромных лодок с белыми парусами, которые с неимоверной скоростью резали поверхность озера, вызвало среди индейцев изумление и ужас. Бригантины стремительно налетали на утлые челны индейцев, поливая их огнем из фальконетов и мушкетов. Озеро тотчас же покрылось трупами и остатками разбитых в щепки пирог.

Разгром ацтекской флотилии открыл фланги и тылы возведенных на плотинах баррикад.

Окруженные со всех сторон, ацтекские воины защищались, правда, с исключительной храбростью, но не могли сдержать атак и гибли. Кортес одну за другой захватывал баррикады, продвигаясь вдоль плотин к столице.

В городе испанцам пришлось брать приступом каждый дом и каждую пирамиду. Нередко они попадали в ловушки. С крыш, с вершин пирамид — со всех сторон — мужчины, женщины и дети засыпали их камнями и стрелами из луков. Завоевателям пришлось поспешно отступить, оставив трупы людей и лошадей.

Не имея возможности сломить народное сопротивление, Кортес приказал поджечь город и уйти на середину плотин. Пожар превратил дома в пылающие факелы, разбрасывающие миллионы искр. Отважным жителям казалось, что наступил конец света. Шатаясь от голода и усталости, они, как привидения, блуждали по городу и вдоль каналов, переполненных трупами. С вершин пирамид доносились мрачные заклинания жрецов и глухая дробь военных барабанов.

Как-то ночью испанцы схватили вождя повстанцев Куаутемока, когда тот пытался на пироге выскользнуть из осажденного города. Кортес принял его с почетом и заверил, что отнесется с уважением к его королевскому сану. Куаутемок обратился к Кортесу с просьбой, чтобы он позволил жителям покинуть город и поселиться в окрестных деревнях.

Кортес беседует с захваченным в плен Куаутемоком и его женой.

На рассвете из дымящихся руин высыпали жители столицы, оставшиеся в живых. 70 тысяч мужчин, женщин и детей в течение трех дней и ночей брели измученные вдоль плотин. Их ожидали тяжкие скитания.

Блокада длилась три месяца. Потери ацтеков, по разным источникам, исчислялись от 120 до 240 тысяч убитыми. Среди тласкаланцев погибло 30 тысяч воинов. И только испанцам победа досталась ценой незначительных потерь. Итак, вся тяжесть войны легла на плечи индейских племен, хотя выгоды от нее имели только белые пришельцы из-за моря.

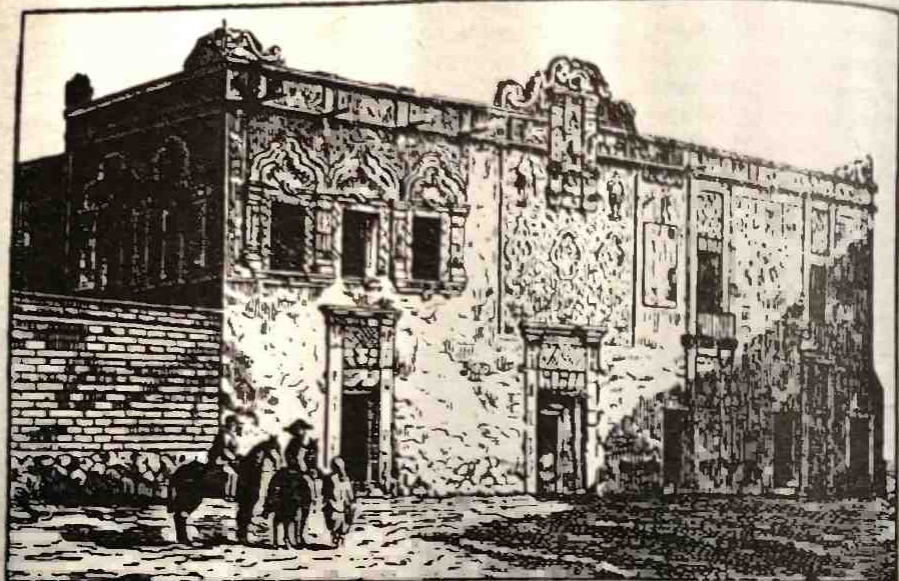
Заняв город, конкистадоры немедленно стали искать затопленные в озере сокровища Монтесумы. Нырятьщики обыскали дно озера и каналов, солдаты обшарили все закутки города, но удалось найти лишь пятую часть сокровищ, отложенных в свое время для испанского императора.

И тогда Кортес совершил подлость, которая навсегда покрыла имя его позором (с точки зрения моральной вся деятельность Кортеса была сплошной подлостью и позором. — ред.). Нарушив свое слово, он подверг Куаутемока пыткам, чтобы тот выдал спрятанные сокровища. Но мужественный индейский вождь не произнес ни слова. Через несколько лет Кортес приказал повесить Куаутемока якобы за то, что он подстрекал народ к бунту.

Остатки сокровищ ацтеков Кортес отправил в Испанию, но они туда не попали. В письме от 15 мая 1522 года капитан корабля сообщил, что на него напал корсар, состоявший на службе короля Франции. Случай — этот охотник до шуток — сделал так, что золото Монтесумы, предназначенное для Карла V, попало в руки его лютого врага Франциска I.

Разрушение Теночтитлана не сломило духа индейских народов. Еще долгие годы они вели ожесточенную партизанскую войну. «Во всей Новой Испании каждая попытка обложить туземцев налогами становилась поводом к восстанию, — писал Берналь Диас. — Сборщики податей, которые старались их выколотить, зачастую расставались с жизнью, как, впрочем, и все другие испанцы, которые попадали в руки индейцев. В провинциях сопротивление было обычным явлением, так что мы постоянно патрулировали по стране с большим войском, чтобы удержать народ в повиновении».

Сразу же после одержанной победы испанцы стали систематически разрушать столицу. Обломками дворцов и храмов засыпали каналы, пирамиды сравнивали с землей и на месте Теночтитлана построили свой город, назвав его Мехико. Там, где на пирамиде возвышался храм бога войны, ныне стоит кафедральный собор, а на руинах дворца Монтесумы высится бывшая резиденция испанского губернатора. Не прошло и пяти лет, а столица ацтеков — богатейшая сокровищница скульптуры и архитектуры — оказалась настолько основательно погребенной под фундаментами испанских домов, что от нее не осталось и следа.

Дом Кортеса в Мехико после завоевания страны.

Индийская метрополия перестала существовать, однако народ ее не погиб. Живописные толпы индейцев: ремесленников и лавочников, ткачей и гончаров, ювелиров и огородников снова заполнили улицы и рынки испанского города. Испанские дворцы и виллы были лишь островками среди широкого и полноводного индейского моря. Элементы чисто индейские и привнесенные извне послужили основой новой мексиканской культуры с ее своеобразным, глубоко национальным обликом.

Конец пожирателей человеческих сердец.

Король города Тескоко, путешествуя переодетым по своей стране, встретил однажды мальчика в лохмотьях, который старательно собирал хворост в открытом поле. Король спросил его:

— Почему ты не собираешь хворост вон в том лесу? Ведь там его намного больше, чем здесь.

— Мне еще не надоела жизнь... Лес принадлежит королю, там запрещено собирать под страхом смерти.

— В самом деле? Что же это за человек, наш король?

— О, это строгий человек... Он отказывает людям даже в том, что является даром Божьим.

В этой ацтекской новелле, близкой по сюжету к сказкам из «Тысячи и одной ночи» о бродящем по улицам Багдада халифе, ярко отразились классовые противоречия индейского общества то-

го времени. Мы видим здесь безжалостного и даже жадного повелителя, видим бедного мальчика, представителя обездоленного люда, который остро чувствует несправедливость общественного уклада.

Мы уже знаем непосредственные причины того беспрецедентного в истории факта, что девятимиллионная держава воинов распалась под ударами горстки испанских авантюристов. Знаем, какую роль сыграло то, что среди самого индейского народа возникла измена, что индейские вожди бессмысленно держались старой, примитивной военной тактики и не могли приспособиться к новой ситуации, что, наконец, Монтесума, очевидно, боялся иноземцев и проявил нерешительность.

Но корни поражения нам следует искать, как это показывает новелла, значительно глубже, а именно — в соотношении общественных сил и в истории индейских народов.

Ко времени Конкисты давнишняя племенная община, выборность вождей и раздел земли среди родов и семей существовали уже только формально. С того момента, как ацтеки путем завоеваний создали свое государство, углубилось имущественное и общественное неравенство; возник могущественный аристократический класс воинов, которые не только присваивали себе земли, но и наживали громадные богатства, захватывая львиную долю добычи и пленных. Управление родами перешло в руки немногочисленных семей, власть вождя стала наследственной.

Возросло также могущество жрецов. Короли давали им все больше земель, так что в конце концов в стране ацтеков не осталось уголка, где бы храмы не владели обширными поместьями.

К тому же жрецы пользовались правом взимать десятину со всех крестьянских хозяйств, расположенных в окрестностях храма.

Два верховных жреца занимали второе по значению — после короля — положение в государстве. Их влияние достигало отдаленнейших уголков, так как они располагали многочисленным нижним клиром, рассеянным по всей стране. Достаточно сказать, что при главном храме в Теночтитлане жило 5 тысяч жрецов разного сана. Во время правления Монтесумы именно они, а не сановники решали политические дела.

Некогда свободные члены родов превратились в безземельных крестьян, попав в растущую экономическую зависимость от сановников и жрецов. Со временем их положение стало почти таким же, как положение рабов. Наряду с ними существовал класс настоящих рабов, ряды которых постоянно пополнялись за счет военных пленников и выходцев из крестьянских семей, еще детьми проданных обнищавшими родителями в рабство.

Индейское общество раскололось на богачей и бедноту, на землевладельческую аристократию и касту жрецов, с одной стороны, и на крестьян и ремесленников с другой. Эти две основные общественные группы разделяло не только имущественное неравен-

ство, но даже разные обычаи: аристократия, например, носила совершенно иные одежды, чем крестьяне и ремесленники.

В то время как представители господствующей верхушки утопали в роскоши, народ гнул спину, чтобы в тяжком труде зарабатывать кусок хлеба. Конкистадоры нередко отмечали в своих дневниках, что рядом с пышными дворцами густо лепились мазанки из глины и пальмовых листьев, в которых обитала основная масса индейцев. В Чолуле и Теночтитлане внимание Кортеса привлекли толпы нищих, которые настойчиво просили у прохожих подаяния. Из индейских хроник мы знаем, что обедневшие родители, доведенные до крайней нужды, продавали своих детей не только в рабство, но и храмам для кровавых жертв. Доходило даже до того, что некоторые супруги постоянно занимались этим страшным «промыслом» и плодили детей с целью продажи их на ритуальное заклание.

Некоторое представление о богатстве аристократии дает хотя бы тот факт, что в одном только Тескоко находилось 300 дворцов из тесаного камня, окруженных парками, фруктовыми садами, клумбами и фонтанами. Покои этих зданий были украшены богатыми барельефами, ценными тканями и изделиями из чистого золота.

Короли ацтеков почитались, как боги. Когда умер король Тескоко Насауальпилль, на костре вместе с его трупом сожгли 12 рабов и рабынь. Прах короля положили в золотую урну, инкрустированную драгоценными камнями, и поместили в храме бога войны.

Монтесума вступил на трон в 1502 году и сразу же показал себя исключительным деспотом. Считая себя равным богам, он относился к подданным с надменностью и презрением. Прославленных в войнах ветеранов, которым его отец пожаловал различные придворные титулы и должности, Монтесума приказал изгнать из дворца только потому, что они происходили из черни, а не из аристократических родов. Придворные должны были падать ниц при появлении повелителя; обращаться к королю позволялось только через его секретаря. Монтесума вызвал недовольство народа значительным повышением податей. В стране из-за этого то и дело вспыхивали бунты, которые сурово подавлялись солдатами короля. Средства от податей шли в основном на содержание двора: сотен чиновников, придворных и слуг, но прежде всего — нескольких сот наложниц, которые жили в отдельном крыле дворца.

Монтесума питал слабость к роскошным нарядам. Он переодевался четыре раза в день и никогда не облачался вторично в те же самые одеяния, хотя на изготовление каждого из них искусные индейские ремесленники затрачивали несколько месяцев кропотливого труда.

Перед обедом в покои приносили сотни тарелок с разнообразнейшими изысканными яствами. Монтесума выбирал себе то, что ему в эту минуту хотелось, а остальные выносили для придворных. Это были блюда из дичи и домашней птицы, из рыбы, кото-

рую специальные бегуны приносили с берегов Атлантического океана, а также кушанья из овощей и фруктов.

Прислуживали Монтесуме придворные и красивые индейские женщины. Властелин восседал на подушках под золоченым балдахином, за низким резным столиком. Тарелки из тончайшей керамики или золота подавались только один раз, потом их отдавали придворным. Столовую освещали лучиной из смолистого дерева, распространяющей сильный аромат. За едой король попивал шоколад, заправленный ванилью и экзотическими кореньями.

После обеда Монтесума мыл руки в серебряной чаше, закури-вал трубку и смотрел выступления клоунов, карликов, эквилибристов, фокусников и танцовщиц. Потом он шел в свою спальню и несколько часов отдыхал.

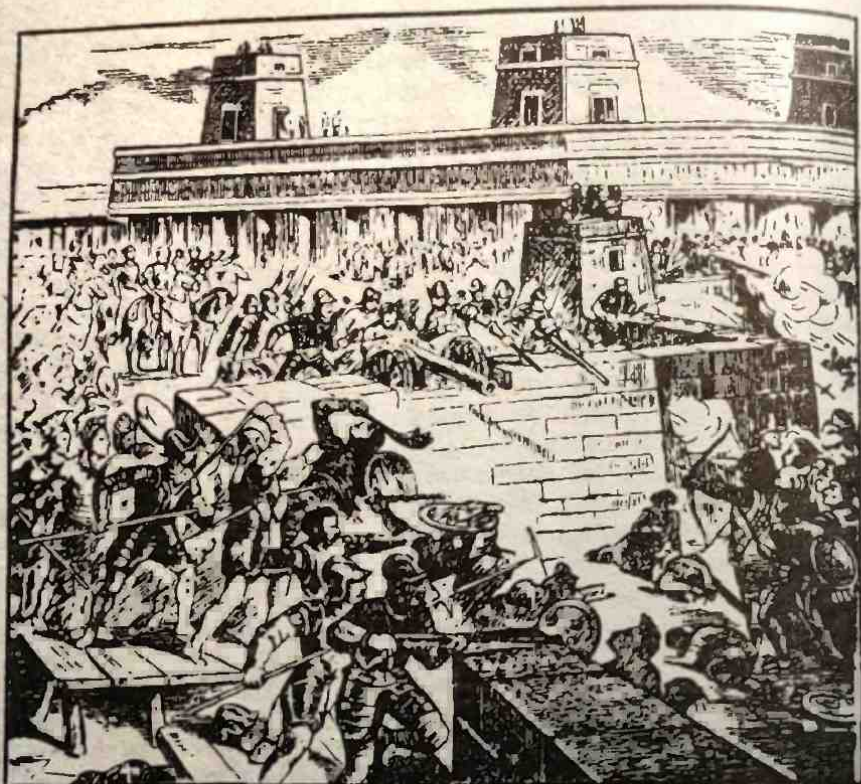
Роскошь, в которой утопала аристократия, эксплуатировавшая трудящиеся массы, можно было сохранить только с помощью силы. Опасаясь народных восстаний, аристократы жили в отдельных кварталах города, окруженных крепостными стенами. В Теночтитлане такой район назывался Теепан. Кроме дворцов там находились также главные центры религиозного культа. Огромная пирамида бога войны была окружена мощной стеной с башнями; на ее площади в постоянной готовности стоял боевой отряд из нескольких сот воинов.

В свете этих фактов нам легче понять на первый взгляд странное равнодушие индейского народа к провокационным поступкам конкистадоров. Даже пленение испанцами Монтесумы не вывело индейцев из состояния апатии, и если бы не кровавая резня, учиненная Альварадо, то, возможно, не вспыхнуло бы и восстание.

Безразличие народа к судьбам угнетателей наглядно показывает следующий инцидент. Армия Кортеса во время блокады Теночтитлана расположилась лагерем в Тескоко. Отношения между союзниками — испанцами и тласкаланцами — были далеко не самыми лучшими, так как испанские наемники не упускали случая, чтобы не выказать индейцам своего презрения. Какой-то испанец дошел до того, что страшно оскорбил одного из тласкаланских вождей.

Взбешенный сановник пошел к Кортесу с жалобой. Ничего не добившись, он покинул в страшном гневе Тескоко и отправился домой. Кортес приказал его схватить и приговорил к смерти за дерзительство. Экзекуция состоялась среди белого дня на глазах 75-тысячной армии тласкаланцев, но никто из присутствующих не шевельнул даже пальцем, чтобы защитить своего вождя и соплеменника.

Только глубокой классовой пропастью между народом и его повелителями можно объяснить другое удивительное явление — то, что индейские армии, потеряв вождя, сразу же бросались врассыпную и покидали поле боя, как будто считали войну делом вождей, а не своим собственным. Итак, война ацтеков с испанцами представляла собой войну аристократии и не носила характера борьбы

Штурм цитадели испанцев.

народа за независимость. Только восстание в Теночтитлане явилось поистине народным, но было уже слишком поздно.

Ответственность за ход войны падала исключительно на аристократию индейских племен. Мы уже знаем, какими отсталыми методами вели ее индейские военачальники. При столкновении с конкистадорами армии табасков, тласкаланцев и ацтеков сбивались в кучу и оказывались под обстрелом испанцев, не прекращавших методичные атаки. С этой точки зрения хуже всего выглядели ацтекские вожди. Наперекор всему предыдущему опыту они повторили ту же фатальную ошибку в долине Отумба, снова заставив воинов сгрудиться.

Неминуемым следствием господства аристократии были захватнические войны, которые непрестанно велись между индейскими племенами. Имущие классы, неукротимые в своей алчности, нападали на соседей, захватывали лучшие земли и облагали их данями в виде ценных металлов, изделий ремесленников и крестьян, а также людей, предназначенных в жертву богам или же для рабского труда в имениях сановников и жрецов. В этой борьбе за гегемонию постепенно взяли верх ацтеки, которые в 1427—1440 годах создали великую державу на территории Мексики,

Юкатана и Гватемалы. За исключением тласкаланцев они победили все племена: тотонаков, табасков, сапотек, мистеков и многих других. В покоренных городах стояли гарнизоны ацтекских солдат, а сборщики податей выколачивали дань, доставляя ее на склады в Теночтитлан. За попытку уклониться от податей грозила смертная казнь, за малейшую провинность племена отдавали цвет своей молодежи на кровавые жертвы, приносимые ненасытным богам ацтеков.

Ацтеки добились руководящего положения благодаря своей воинственности, вызывавшей всеобщий страх, но главным образом благодаря железной дисциплине своей общественной организации, напоминающей дисциплину у крестоносцев. Мужчины, за исключением жрецов, жили группами, которые подразделялись на несколько ступеней и отличались друг от друга особыми знаками, а также одеждой и вооружением. В группу самой высокой ступени входили воины аристократического происхождения, но даже в их рядах существовали различные ранги. Военный кодекс ацтеков был чрезвычайно суровым: самая незначительная провинность каралась смертной казнью. Один из королей Тескоко приговорил к смерти двух своих сыновей за какое-то мелкое нарушение дисциплины перед лицом неприятеля.

Ацтеки изо дня в день усиливали политический и экономический гнет. Но покоренные индейцы, разоренные и враждующие, не могли сбросить с себя это ненавистное иго. Предшественник Монтесумы в течение всего своего правления усмирал бунтующих, а Монтесума постоянно вел войны, во время которых одна часть народа укрощала другую.

Приняв во внимание эти факты, нетрудно понять, почему Кортес с такой легкостью сумел разгромить многомиллионную державу ацтеков. Порабощенные племена, как, например, тонаки, видели в Кортесе союзника и освободителя, другие же вначале оказывали сильное сопротивление, как это было с тласкаланцами, но в конце концов становились его яркими сторонниками и представляли громадные армии для борьбы против общего врага. Со временем ацтеки настолько изолировались, что оказались в меньшинстве. Кортес сделал то, чего никогда не смогли бы сделать сами покоренные индейские племена: объединил их. Во время блокады Теночтитлана он уже командовал 100-тысячной армией индейских воинов, которые жаждали отомстить своим угнетателям. Победа Кортеса явилась по существу победой индейцев над индейцами.

Картина будет неполной, если не упомянуть о религии ацтеков, которая в еще большей степени, чем любая другая религия в мире, была орудием гнета не только за пределами собственно ацтекского государства, но и внутри него. Ее жестокий и кровавый ритуал поглощал бесчисленные человеческие жертвы: мужчин, женщин и даже детей, в том числе и младенцев. Религия ацтеков явилась политеистической. Они верили, что божества повелевают силами природы и действиями людей. Богов ацтеки изображали похожи-

ми на людей, но придавали им гротескные, чудовищные черты, иногда даже звериные. Богов было такое множество, что только одно их перечисление заняло бы целую главу.

Среди этого громадного количества божеств мы уже знаем Кецалькоатля, которому, несмотря на его доброту, также приносили человеческие жертвы. Ацтеки очень почитали бога солнца и его жену — богиню луны. Восход солнца жрецы встречали псалмами и кровавыми жертвами. Затмение солнца воспринималось как величайшее несчастье: в храмах тогда трубили тревогу и били в барабаны, а люди захлебывались в рыданиях и расцарапывали себе губы.

Верховным божеством считался бог солнца, источник всякой жизни, однако ацтеки поклонялись прежде всего грозному богу войны Уицилопочтлю. В его лице и в приносимых ему жертвах нашли свое выражение кровожадные инстинкты ацтеков. Этот омерзительный бог, едва появившись на свет, запятнал себя кровью собственной семьи: он отрубил головы своим братьям и единственной сестре. Его мать, отвратительное существо с черепом мертвеца вместо головы и когтями ястреба вместо пальцев вызывала у всех ужас.

Человеческие жертвы ацтеки приносили следующим образом. Четыре жреца, размазанные в черный цвет, в черных одеждах, хватали юношу за руки и ноги и бросали его на жертвенный камень. Пятый жрец, облаченный в пурпурные одеяния, острым кинжалом из обсидиана распарывал ему грудную клетку и рукой вырывал сердце, которое затем бросал к подножию статуи бога. У ацтеков существовало ритуальное людоедство: сердце поедали жрецы, а туловище, сброшенное со ступеней пирамиды, уносили домой члены аристократических родов и съедали его во время торжественных пиршеств.

Кроме 18 главных празднеств в году, нередко продолжавшихся по несколько дней, едва ли не каждый день отмечался праздник какого-нибудь из богов, поэтому человеческая кровь лилась непрерывно.

Самым любопытным был праздник в честь бога Тескатлипока. Уже за год до торжества выбирали жертву — статного юношу без физических недостатков. Избранник получал одежды, имя и все атрибуты бога. Люди поклонялись ему как Тескатлипоку на земле. На протяжении всего подготовительного периода избранник жил в роскоши, беспрестанно развлекался; его постоянно приглашали на пиры в аристократические дома. В последний месяц ему давали в жены четырех девушек.

Возлагались на него также и определенные обязанности соответственно легенде о боге Тескатлипоке. Существовало предание, что это божество бродило по ночам и уносило людей на тот свет. Чтобы его задобрить, ацтеки ставили вдоль дорог каменные лавки, на которых утомленный бог мог бы отдохнуть. Юноша, предназначенный в жертву, должен был ночью выходить на дорогу и время

от времени садиться на придорожные лавки. Обычно его сопровождала многочисленная свита из числа золотой молодежи, возможно, для того, чтобы обреченный не сбежал.

В день праздника его несли в паланкине к храму, где жрецы убивали его уже известным способом.

Богине плодородия приносили в жертву молодую девушку. Раскрашенная в красный и желтый цвет, что символизировало кукурузу, она должна была исполнять изящные ритуальные танцы, а потом гибла на жертвенном алтаре.

В религии ацтеков существовал даже особый покровитель человеческих жертв — божок Хипе. В его честь жрецы сдирали кожу с живых юношей, которую натягивали на себя и носили в течение 20 дней. Даже сам король надсвал кожу, срезанную со стоп и ладоней.

Верхом дикости представляется нам ритуал, связанный с культом бога огня. Жрецы разжигали в храме этого бога огромный костер, потом раздевали догола военных пленников, и связав их, бросали в огонь. Не дожидаясь, пока они погибнут, вытаскивали их крючьями из пламени, клали себе на спину и исполняли ритуальный танец вокруг костра. Только после этого жрецы закалывали их на жертвенном камне.

Религия ацтеков не щадила даже детей. Во время засухи жрецы убивали мальчиков и девочек, чтобы бог дождя смилостивился. Младенцев, купленных у нищих родителей, наряжали в праздничные одежды, украшали цветами и в колыбелях вносили в храм. Закончив ритуальные обряды, их убивали ножами.

Как только появлялись первые ростки кукурузы, детей умерщвляли по-иному: им отрезали головы, а тела хранили в горных пещерах как реликвии. В период созревания кукурузы жрецы покупали четырех детей в возрасте пяти-шести лет и запирали в подвалах, обрекая на голодную смерть.

Своеобразной традицией была бескровная битва, которую ацтеки и тласкаланцы ежегодно устраивали в условленном месте. Воины не использовали тогда оружия и боролись друг с другом как атлеты, голыми руками; каждый старался взять противника в плен. Посадив пленников в клетки, ацтеки и тласкаланцы отвозили их в свои храмы и приносили там в жертву.

Другой обряд живо напоминал римские бои гладиаторов. Пленника привязывали к тяжелому камню длинной веревкой и давали ему в руки щит и палицу настолько миниатюрных размеров, что трудно было ими что-либо сделать. На бой с ним выходил нормально вооруженный ацтек. Привязанный и почти безоружный пленник не имел никаких шансов выйти из боя победителем, но если ему все-таки удавалось одолеть одного за другим шестерых противников, а сам он не получал ни единой царапины, то ему давали свободу.

Такой необыкновенный случай произошел с одним из тласкаланских королей, славившимся своей нечеловеческой силой, но все

же попавшим к ацтекам в плен. Победив по очереди шестерых противников, он получил право на свободу, однако предпочел умереть, так как согласно индейским верованиям воины, побежденные в таком поединке, попадали в особый рай.

Точно неизвестно, сколько человеческих жертв приносилось ежегодно в государство ацтеков. Ученые считают, что 20—30 тысяч. Возможно, эти цифры преувеличены, но нет сомнения, что они все-таки были внушительными. Доказательством служат настоящие склады с десятками тысяч черепов, найденные конкистадорами во всех ацтекских городах, и в особенности уже упомянутое сооружение в Теночтитлане, где Берналь Диас насчитал 136 тысяч черепов.

Ацтекскому государству постоянно приходилось беспокоиться о том, чтобы обеспечивать ненасытных богов жертвами. Особая группа воинов только тем и занималась, что захватывала пленников и доставляла их в храмы. Не одну войну ацтеки начали лишь затем, чтобы добыть пленников. Мерилом доблести, а следовательно, и заслуг ацтеков было количество пленников, которое имелось на счету у каждого воина, поэтому ацтеки вместо того, чтобы убивать противников и наносить им раны, старались во что бы то ни стало брать их в плен. В этом страшном обычае, наверно, и следует искать объяснение того, что среди конкистадоров оказалось поразительно мало убитых и раненых.

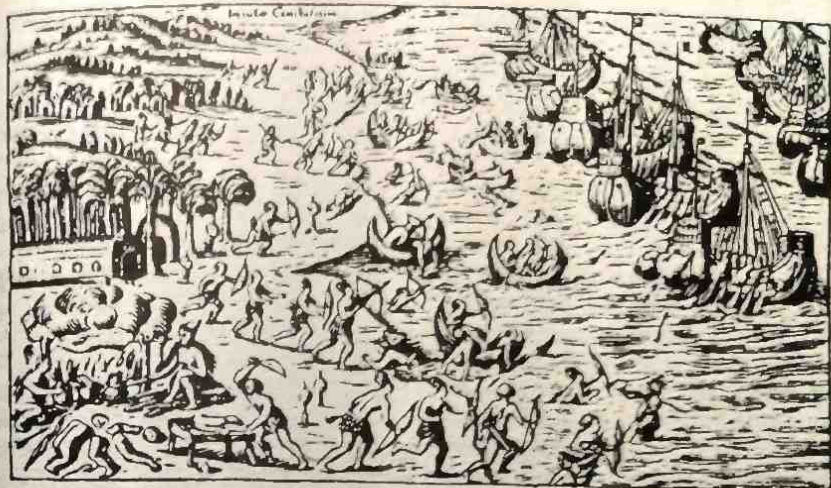
Монтесуму как-то спросили, почему он терпел в столь близком соседстве независимое государство тласкаланцев. Он ответил, не задумываясь: «Чтобы оно поставляло нам людей для жертв богам».

В 1479 году должен был состояться великий праздник освящения каменной плиты с изваянием на ней ацтекского календаря — знаменитого ныне «Камня Солнца», которым удивительнейшим образом играла судьба и который в конце концов оказался в Национальном музее Мексики. Король Ахаякатль созвал на совет королей союзников и военачальников, чтобы подумать, кому объявить войну для получения необходимого количества пленников. Решили двинуться против племен тласкаланцев. Но войска ацтеков понесли позорное поражение и вернулись с пустыми руками.

Короли и вожди долго совещались, и битву начали меж собой сами союзники. Ацтеки взяли в плен 700 воинов, а их союзники — 400. Так как торжество освящения камня являлось делом общим, то в жертву предназначили и тех, и других. Пленных воинов поставили в ряд возле «Камня Солнца», потом король, жрецы и сановники закололи их кинжалами. Ни один не остался в живых.

Во время торжественного освящения храма бога войны в Теночтитлане, состоявшегося в 1486 году, было убито таким образом 20 тысяч пленников, а Монтесума, чтобы отметить свою коронацию, послал на смерть 12 тысяч воинов. Нетрудно представить себе атмосферу, царившую в Мексике к моменту прихода туда испанцев.

Исторические факты говорят о том, что массовые человеческие

Сражение испанцев с каннибалами. Со старинного рисунка.

жертвы были введены ацтеками только в начале XIV века, т. е. в тот период, когда племенная община уже разложилась и возникла правящая верхушка во главе с королем. Эта верхушка, несомненно, воспользовалась древним ритуалом как орудием террора, чтобы защитить полученные привилегии и присвоенное народное достояние.

Тот, кто осмеливался протестовать, кончал свою жизнь на жертвенном камне бога войны. Уже только один вид жрецов мог лишить людей даже мысли о сопротивлении. Облаченные и раскрашенные в черное или пурпурное, со сгустками крови в волосах, они производили жуткое впечатление хищных демонов, которым не свойственны человеческие чувства.

Из сообщений конкистадоров мы знаем, что в религиозных торжествах в Чолуле и Теночтитлане принимали участие главным образом члены аристократических родов, а также то, что население, как правило, относилось с безразличием к фактам профанации их богов и храмов. Поэтому можно смело утверждать, что религия ацтеков являлась исключительно религией ацтекской аристократии.

Характер народа был полнейшей противоположностью жестокости мрачных жрецов. Обычный индеец, независимо от того, из какого он происходил племени, отличался гостеприимностью, добродушием и трудолюбием муравья. Он с увлечением и даже с некоторой беззаботностью отдавался всем радостям жизни, он любил побродить в толпе на улице или рынке, охотно принимал участие в играх, народных гуляньях и массовых танцах, с интересом следил за игрой уличных актеров, за выступлениями фокусников и эквилибристов, любил спокойные живописные и многолюдные религиозные обряды, во время которых пел и приносил божествам жертвы в виде цветов и фруктов. Больше всего он любил цветы.

Эта любовь к цветам сохранилась в Мексике до наших дней и является самой обаятельной чертой мексиканского народа. Все города, через которые проходили конкистадоры, буквально утопали в цветах. Цветы были всюду — на островах, на улицах и площадях, во дворцах и даже свисали гирляндами с плоских крыш домов.

Где бы ни появлялись испанцы, везде народ встречал их гирляндами и охапками цветов. Индейцы делали это очень охотно.

Большой популярностью пользовались среди индейских народов всевозможные виды спорта. Но на первом месте стояла игра в мяч, так называемая «тлачтли», для которой в каждом городе имелся специальный стадион. Игроки должны были забросить резиновый мяч (индейцы уже знали каучук) в обруч, прикрепленный к стене. Правила запрещали играть руками, ногами и головой; мяч разрешалось отбивать только бедрами. Некоторые игроки, подобно испанским тореадорам, становились народными героями, окруженными общей любовью.

Несмотря на беззаботный характер, индейцы в случае необходимости проявляли исключительное мужество. Они смело сражались со страшными и непонятными иноземцами, убивая палицами их лошадей и идя под огонь пушек конкистадоров.

Индейский народ не запятнал своей чести в этой трагической борьбе. В пропасть уничтожения его втянула немногочисленная верхушка одичавших, темных и тупоумных сановников и жрецов, поведение которых перед лицом опасности по сути дела явилось предательством.

Слепой ученый открывает погибшие цивилизации

В период испанских завоеваний во дворцах и храмах Мексики хранилось множество исторических хроник, в которых жрецы записали историю не только ацтеков, но и древних индейских народов — майя, тольтеков и мистеков. Писали они удивительными и искусными картинками-письменами на различном материале: на хлопчатобумажном полотне, на мягкой, хорошо обработанной коже, а чаще всего — на бумаге из агавы «магей», которая напоминала египетский папирус.

Сложные индейские иероглифы вселяли в испанцев суеверный страх: они считали их знаками сатаны, обладающими силой злых чар. Поэтому конкистадоры с рвением фанатиков начали выискивать их и систематически уничтожать, не заботясь о том, что многие из этих документов, уже благодаря своим цветным иллюстрациям, являются настоящим памятником искусства.

Во всей Мексике запылали костры, на которых горели собранные отовсюду записи и хроники — неисчерпаемые источники сведений о завоеванной стране. То, что уцелело после дикого, варварского погрома, послужило лишь шатким основанием для воссозда-

ния истории этой несчастной цивилизации, развитие которой было столь грубо прервано.

Первым призвал к повсеместному аутодафе (сожжению еретиков и еретических сочинений на костре) мексиканский архиепископ Хименес, который 20 годами раньше уничтожил в Испании рукописи прекрасной некогда мавританской культуры.

По стопам архиепископа пошли и другие. Так, например, губернатор дон Лоренсо Савала опустошил в Теночтитлане все архивы ацтеков, и собранные рукописи продал мелким торговцам как оберточную бумагу. Точно так же испанцы поступили и с памятниками индейской архитектуры: они громили и разрушали их с такой яростью, что через пять лет испанского владычества от столицы ацтеков по существу не осталось и следа. Грандиозные руины храмов и дворцов были использованы на то, чтобы засыпать озеро и каналы. Вскоре город уже ничем не напоминал ту «Венецию Запада», которую увидели первые конкистадоры. Даже могучие пирамиды не уцелели: одни из них, как, например, пирамиду бога войны, испанцы сравнивали с землей, а другие, забытые людьми, ветшали, утрачивали свои формы, покрывались растительностью и превращались в холмы. В них уже никто не мог бы узнать давнишние мощные сооружения.

В этом виноваты были в равной мере как религиозный фанатизм, так и политическое вероломство захватчиков, заботившихся только о том, чтобы не потерять добычу. Индейцев лишили земли и погнали на невольничьи работы в копи и на плантации, поэтому колонизаторы стремились стереть с лица земли все, что напоминало бы народу о его былом величии. Когда в середине XVIII века в Чатапультеке нашли каменную плиту с барельефом, изображающим Монтесуму, мексиканские власти тотчас же приказали тайно разбить ее на части и закопать в укромном месте. Не прошло и сотни лет, как культура индейских народов канула в небытие. Никто уже не знал секрета чтения индейских иероглифов. 300 лет историки и археологи относились с непонятным безразличием к этим древним, чрезвычайно богатым и самобытным цивилизациям. Память о них пережила века только в глухих индейских селениях, где люди из поколения в поколение передавали друг другу предания о древних богах и жрецах, о Монтесуме и героических битвах индейцев с конкистадорами.

В науке об исчезнувших цивилизациях совершил переворот Уильям Прескотт, автор сочинения «Завоевание Мексики», изданного в 1843 году в Нью-Йорке. Книга, насчитывающая несколько сот страниц убористого текста, сразу же завоевала огромную популярность и ныне вошла в золотой фонд мировой классической литературы.

Чем можно объяснить этот необычайный успех? Прежде всего тем, что автор необыкновенно добросовестно изложил все сведения о народах Центральной Америки, которые только можно было отыскать в библиотеках и архивах мира. Этот совершенно неиз-

вестный материал явился сенсацией даже для специалистов. Человечество, словно протерев глаза, с изумлением узнало о мирах, которые погрузились в мрак забвения.

Автор оказался к тому же очень талантливым писателем с богатым воображением. «Завоевание Мексики» читается от начала до конца одним духом, как интересный приключенческий роман. Мы как живых видим Кортеса, Монтесуму, их окружение, напряженно следим за военными схватками, осматриваем города, живописные, полные движения, знакомимся с жителями, познаем обычаи, религию и историю индейских народов — словом, охватываем взглядом величественную панораму неизвестного нам мира, нарисованную с талантом и размахом подлинного художника.

Необычной в этой книге была также явная симпатия к индейцам. Автор с большой любовью повествует о крупных завоеваниях их цивилизации, о героизме индейцев в борьбе с захватчиками, хотя, естественно, не закрывает глаза на их слабости и ошибки. Что касается испанцев, он срывает с них лицемерную маску бескорыстных католических миссионеров, показывает их жестокость и алчность, скрытую под личиной религиозности, описывает поход конкистадоров как цепь злодеяний и предательств, но при всем при этом не замалчивает незаурядных способностей Кортеса и его храбрости на поле боя.

Кто же он, Уильям Прескотт? Жители Нью-Йорка, узнав о нем некоторые подробности, были поражены. Автор монументального исторического труда жил в скромном домике, на одной из боковых улиц Манхэттена. Репортеров принял в затемненной комнате почти слепой мужчина лет 47. Прескотт охотно рассказал о своей жизни. Родился он в 1796 году, учился на юридическом факультете Гарвардского университета, а потом работал в адвокатской конторе своего отца. Еще в студенческие годы один из приятелей запустил в него коркой хлеба и попал в левый глаз. Через некоторое время Прескотт ослеп на один глаз, а потом постепенно и на второй. Это вынудило его бросить адвокатскую деятельность и отправиться в Европу, где он надеялся получить помощь у известных специалистов.

К сожалению, лечение не принесло никаких результатов. Настал день, когда Прескотт с болью в сердце понял, что навсегда потерял зрение. Но он не падал духом. Его утешали два обстоятельства: то, что материально он ни от кого не зависел и что мог избрать в своей жизни иную цель. Будучи влюбленным в историю, он решил целиком посвятить себя историческим исследованиям и писать книги.

Целыми годами Прескотт почти не выходил из затемненной комнаты, он писал, пользуясь аппаратурой для слепых. Кроме того, нанял себе секретаршу, которая ежедневно читала ему вслух исторические сочинения и документы. Потеряв зрение, он выработал феноменальную память, на которую мог целиком полагаться в своем творчестве. Закончив «Историю правления Фердинанда

и Изабеллы», он какое-то время работал над биографией Мольера, но сразу же оставил эту тему, наткнувшись на лаконичную заметку о завоевании Мексики Кортесом.

Мелькнула мысль, что еще нет научно разработанной истории Мексики и что он сам мог бы этим заняться. Но дело оказалось довольно сложным. Исторические документы были рассеяны по библиотекам Испании, Италии, Англии и Франции. О том, чтоб туда поехать, Прескотт не осмеливался даже мечтать. Оставалась только одна возможность — получить источник по почте. Для этого следовало установить контакты с библиографами и переписчиками, которые отыскиали бы их и скопировали. Это, конечно, требовало немалых денег, но, несмотря на все препятствия, самоотверженному и терпеливому исследователю удалось собрать 8 тысяч страниц копий с различных документов, на основании которых он и написал свой замечательный труд.

Какие же это были источники? Их можно разделить на две категории: материалы самих ацтеков, уцелевшие, несмотря на все аутодафе, и дневники испанцев, побывавших когда-то в Мексике. К первой категории относились собрания лорда Кингсборо, а также три так называемых «Кодекса», а также история индейских народов, написанная на испанском языке потомком короля Тескоко, князем Ихтлилхочитлом; ко второй — прежде всего произведения францисканца Бернарда де Сахагены, который находился в Мексике одновременно с Кортесом и оставил ценное историческое сочинение о Мексике. Немало интересных сведений заключено в записках другого миссионера Мексики — Хуана де Торкемады. Наконец, здесь следует упомянуть о дневниках нашего старого знакомого, соратника Кортеса, Берналя Диаса, изданных под названием «Истинная история завоевания Новой Испании».

Кроме «Завоевания Мексики» Прескотт написал еще одно монументальное историческое сочинение — «Историю завоевания Перу», в которой показал, как испанский конкистадор Писарро разгромил государство перуанских инков. Так ослепший человек, не покидая четырех стен кабинета, лишь на основании старых записей и хроник воссоздал картину жизни народов, о которых без малого 300 лет люди абсолютно ничего не знали.

Немало воды утекло, прежде чем за это дело взялась археология. А ведь землю, на которой вырос современный город Мехико, буквально устилали обломки скульптур, статуй и каменных плит с надписями. Каждый удар кирки выбрасывал на поверхность различные археологические памятники, ярко свидетельствовавшие о богатстве культуры ацтеков.

Было бы неправильно возлагать всю вину на высокомерных и темных испанских завоевателей. Здесь действовали, как мы уже говорили, четко выраженные политические тенденции. Об этом, между прочим, свидетельствует удивительная судьба знаменитой плиты-календаря. Этот огромный диск, изваянный из глыбы порфира, имеет в диаметре почти 4 метра и весит 20 тонн. На диске

мы видим барельеф бога солнца, которого окружают символические фигуры и иероглифические надписи.

Громадный монолит ацтеки принесли издалека и в 1509 году установили перед храмом бога солнца в Теночтитлане. Конкистадоры сбросили его с пирамиды и закопали в руинах ацтекских зданий. В 1560 году перекапывали центральную площадь Мехико и натолкнулись на легендарный «Камень Солнца». Епископ, опасаясь, что находка повлияет на патриотические чувства индейцев, приказал его снова закопать на том же месте. Камень покоился там еще свыше двух столетий. Только в 1790 году рабочие откопали его во второй раз. Громадный диск сразу же вмуровали в фасад католического кафедрального собора, но в 1885 году его оттуда вынули и поместили в Национальном музее Мексики. С тех пор «Камень Солнца» стал одним из ценнейших экспонатов ацтекской культуры.

Подобная судьба постигла и изваяние бога войны, описанное в воспоминаниях Берналя Диаса. Испанцы прекрасно знали, что этот ценный археологический памятник погребен среди руин на центральной площади Мехико. Когда в 1790 году его случайно извлекли на свет, испанские власти велели немедленно бросить статую назад в яму и засыпать. Только в 1821 году изваяние снова откопали и поместили в музей. Теперь статуя, у подножия которой лились реки человеческой крови, является одной из ужаснейших реликвий ацтекского религиозного культа.

В музее находится также обнаруженный в развалинах жертвенный камень бога войны, на котором только в течение одного года жрецы закалывали тысячи человеческих жертв. Это глыба метровой высоты, диаметром около трех метров. По бокам высечены барельефы, изображающие процессию богов-победителей, а сверху находится углубление в виде большой чаши с каналом для стока крови. В 1900 году, копая близ кафедрального собора глубокий колодец, рабочие наткнулись на один из углов громадной пирамиды, считавшейся погибшей. Прекрасные барельефы и массивность сооружения свидетельствуют о том, что, описывая пирамиды, конкистадоры нисколько не преувеличивали. Найдены были также ее остатки ступеней и балюстрады, которая заканчивалась огромной головой змеи.

С тех пор не проходило дня без новых археологических открытий, постоянно обогащавших наши знания об ацтеках. Большая заслуга в этом принадлежит плеяде способных мексиканских археологов: Хосе Рейгедесу Вертесу, Игнасию Маркина, Альфонсо Касо, Эдуардо Ногера и др.

Используя новейшие научные методы, ученые достигли замечательных успехов. Сегодня уже можно осмотреть откопанные и приведенные в порядок руины таких ацтекских городов, как Чолула, Тескоко, Тласкала.

И все же мексиканская археология еще не сказала своего последнего слова. Мы можем ожидать много новых, даже сенсацион-

ных открытий: не следует забывать, что, например, до сих пор не обнаружены сокровища Монтесумы. И дело это не такое уж нереальное, как могло бы показаться. Множество вещей из чистого золота то и дело находятся в Мехико. В 1932 году Альфонсо Касо удвоил найденное число уцелевших драгоценностей ацтеков, когда открыл нетронутую могилу высокого сановника. В саркофаге находились золотые ожерелья, серьги, перстни, диадемы и браслеты, свидетельствующие о высоком искусстве ацтекских ювелиров.

Мир существует только 52 года

Декабрь в Мексиканской долине — месяц цветов. Все вокруг превращается тогда в настоящую феерию горячих, сочных красок, которые горят огнем под лучами солнца. Возле домов, словно яркие ракеты, пышно расцветают кармазиновые пуанзеции, на бугенвиллеях, напоминающих акацию, висят тяжелые кисти. Куда ни глянь, всюду сияют на деревьях чаши кетмий самых разнообразных цветов и оттенков. Поля, особенно песчаные склоны, устланы пылающими коврами цветущих кактусов — белых, желтых, пунцовых и золотисто-розовых.

Казалось бы, люди должны радоваться, пребывая среди покоряющей красоты. Однако в последние дни декабря 1507 года жители прекрасной долины словно неожиданно ослепли, они перестали замечать ее. В домах и во дворцах раздавались страшные, отчаянные рыдания. Огоньки пред статуэтками домашних божков исчезли. Людей охватил панический ужас и неудержимая жажда все разрушать. Они царапали ногтями лицо, рвали в лохмотья свои одежды и выносили за порог всю посуду и мебель, чтобы их разбить и изломать. Не было видно беременных женщин и малых детей. Женщин запирали в кладовках, чтобы, избави бог, злые духи не обратили их в диких зверей; детям не разрешали спать, как бы жалобно они ни плакали от усталости — во сне они могли превратиться в крыс.

По улицам городов и селений бродили ободранные, окровавленные толпы людей в полуобморочном состоянии. Тут и там в зловещем молчании тянулись угрюмые процессии жрецов, облаченных в черное и пурпурное. Видно было, как на вершинах пирамид догорают священные огни, которые обычно поддерживали ацтекские весталки.

В такой общий иступленный траур ацтеки погружались каждые 52 года, свято веря, что на склоне одного из этих 52-летних периодов наступит конец света. Но так как даже жрецы не могли предвидеть, какой из циклов принесет людям смерть, то ацтеки каждый раз готовились к самому страшному.

В последний день 1507 года перед заходом солнца процессия жрецов двинулась к вершине погасшего вулкана, который возвышался над Мексиканской долиной. Люди толпились на склонах го-

ры, на крышах домов и террасах пирамид, в страхе и напряжении ожидая катастрофы.

Жрецы приготовили хворост для костра и начали наблюдения за небом. Вот созвездие Плеяд (Стожары) вышло из зенита — это означало, что 52-летний период минул спокойно, — они высекли искру на груди убитого пленника и зажгли костер. Увидев пламя, толпа взорвалась радостными криками облегчения. Гонцы, присланные со всех концов страны, зажгли труты и, держа священный огонь в ладонях, разбежались по своим городам и селениям; на пирамидах и в домах снова запылали негаснущие огни.

После траура наступил 13-дневный период радости, период ацтекского карнавала. Люди убрали и белили свое жилище, приобретали новую утварь и мебель, а потом празднично одевались и украшали себя гирляндами цветов. Началось всеобщее веселье. На улицах водили хороводы танцоры и танцовщицы в масках, одетые в фантастические наряды. На площадях днем и ночью не прекращались игры, народные гулянья и танцы под музыку оркестра из барабанов, флейт, раковин и струнных инструментов. Музыка, мало мелодичная, но ритмичная, звучала беспокойно, как неспокойно билось сердце этого талантливого, но странного народа.

В 1507 году торжество состоялось в последний раз — через 12 лет пришли испанцы, которые положили конец ацтекской цивилизации. Но удивительный обычай оказал большую услугу археологам. Ацтеки, желая отблагодарить богов за дарованные им дополнительные 52 года жизни, имели обыкновение увеличивать пирамиды, окружая их новыми стенами. Достаточно было определить, сколько стен содержит та или иная пирамида, чтобы узнать, каковы возраст сооружения и даже точная дата его возникновения.

Убедиться в этом мы можем на примере пирамиды в Таноюке. Берналь Диас упоминает о ней в своих дневниках. Нашли ее только в 1925 году в холме, который все считали делом рук природы. Исследования показали, что сооружение состоит из шести каменных слоев, наложенных один на другой в 1299, 1351, 1403, 1455 и 1507 годах. Это позволило не только узнать возраст пирамиды, но и установить интереснейший факт: сооружение возникло до того, как ацтеки пришли в Мексиканскую долину, а следовательно, его возвели их предшественники — тольтеки, которые потом переселились в другое место.

Развиваясь на континенте, отрезанном от остального мира, культура ацтеков не могла использовать опыта других народов. Отсюда вытекает странная диспропорция в ее развитии, которую трудно даже объяснить.

Ацтеки были замечательными строителями, достигли высокого мастерства в скульптуре, прикладном искусстве, ткачестве, в изготовлении золотых украшений (хотя частично это умение заимствовали у своих предшественников — майя и тольтеков), выработали собственное письмо и календарь, основанный на точных астрономических наблюдениях, словом, создали богатую, совершенно

самобытную культуру, которая свидетельствует об их творческих способностях и высоком умственном развитии.

Тем более нас удивляет и поражает то, что ацтеки (не говоря об их диком религиозном ритуале) не приручили ни одного выючного животного, но самое главное — не изобрели колеса и гончарного круга. Их металлургия до последнего времени находилась в зачаточном состоянии: ацтеки не открыли сплава бронзы, а медь ковали, не разогревая. Не знали они и железа, их инструменты и оружие были очень примитивны: кинжалы ацтеки изготавливали из обсидиана, иголки — из шипов агавы, а наконечники для стрел и копий — из кости или кремня.

Любопытны представления ацтеков о ценности камней и металлов. Выше всего у них ценилась яшма, затем шла медь, потом серебро и, наконец, золото. Из меди ацтеки выковывали маленькие звоночки, которые использовали в качестве денег. Серебро в Мексике встречалось гораздо реже, чем золото, поэтому из него изготавливали только декоративные и ювелирные изделия.

Яшма постоянно возбуждала гнев конкистадоров. Всякий раз, когда они требовали от ацтекских городских властей выдать находящиеся в сокровищнице ценности, им приносили предметы из яшмы. Испанцам казалось, что это издевка над ними. Позднее они объяснили удивленным индейцам, что золото служит испанцам лекарством от болезни, которая постоянно мучит их — аргумент, кстати сказать, не лишенный доли истины, так как ненасытная алчность была действительно их болезнью.

Одним из первых разобрался в этом вопросе Берналь Диас. Перед тем как ретироваться из осажденного Теночтитлана, испанские солдаты так нагрузились золотом, что во время схватки и бегства они с трудом передвигались, и в конце концов им пришлось бросить свою добычу. Один только Диас положил за пояс четыре небольших кусочка яшмы. Когда конкистадоры, ободранные и нищие, прибыли к тласкаланцам, он мог за яшму получить все, что ему хотелось, даже большое количество золота.

Прибыв в Теночтитлан впервые, испанцы больше всего были изумлены плавающими на озере островками с огородными грядками. На них суетились крестьяне в белой одежде, погружая на лодки урожай или же отталкивая островки, как плоты.

Ацтеки называли эти острова чинампами. Делали их следующим образом. На плетенку из водорослей, тростника и водяных лилий набрасывали слой ила, добытого со дна озера. На таком плоту сажали овощи и фрукты. Чтобы получать хороший урожай, каждый год нужно было накладывать новый слой ила. Плоты погружались все глубже и глубже и, наконец, оседали на дне, становясь обычными островками. Такие островки постепенно соединялись вместе — и вот возник огромный остров города Теночтитлана. Но крестьяне создавали все новые и новые плавучие островки, этот процесс продолжался и в то время, когда пришли испанцы.

Родословная этих островов является самым убедительным сви-

детельством творческих способностей ацтеков, которые прибыли в Мексику в начале XIV века как немногочисленное и слабое варварское племя. Коренное население загнало их на два небольших естественных островка, поросших тростником. В этих условиях ацтекам угрожала голодная смерть, возникла острая потребность в пахотных землях. Тогда-то они и придумали эти искусственные островки. Население росло, увеличивалось количество островков, наконец, здесь возникла столица могущественной ацтекской державы. В современных мексиканских провинциях Хочимилько и Чало, где ацтеки выращивают овощи по методу своих предков, плавающие острова существуют до сегодняшнего дня, их можно увидеть там собственными глазами.

Замечательным достижением ацтеков было их письмо. Кортес столкнулся с ним при исключительных и весьма любопытных обстоятельствах. Произошло это в Вера-Крус вскоре после высадки конкистадоров на Юкатанском полуострове. В посольстве табасков Кортес заметил индейца, который палочкой усердно рисовал на полотне различные миниатюрные картинки. Они удивительно точно изображали испанцев, их одежду и оружие, пушки и коней и даже лица в профиль — все в соответствующем цвете.

Кортес, очарованный этой искусной работой, спросил, какое назначение имеют рисунки. Начальник табасков ответил, что индеец пишет сообщение Монтесуме. Ацтекский писарь сопровождал испанцев до самого Теночтитлана: фрагменты его рапортов до сегодняшнего дня хранятся в Национальном музее Мексики.

То ли из чувства юмора, то ли в знак дипломатической вежливости Монтесума послал в составе второго посольства сановника, настолько похожего на Кортеса, что конкистадоры это тотчас же заметили и прозвали его «мексиканским Кортесом».

К сожалению, секрет чтения ацтекского письма исчез уже в XVII веке. Ныне, несмотря на огромные усилия, археологи научились читать одни только цифры. Это дает возможность путем сложнейших вычислений установить даты возникновения многих сооружений. Трудность расшифровки заключается в том, что письмо представляет собой смесь самых различных элементов. Некоторые знаки изображают предметы, т. е. являются картинными иероглифами. Другие — те, что обозначают воздух, воду, день, ночь, — передаются с помощью символов (например, вода — волнистая голубая линия). Отвлеченные понятия выражались идеографическими иероглифами. Кроме того, существовали и фонетические знаки, свидетельствовавшие о том, что в письме ацтеков появилась сильная тенденция к развитию более высоких фонетических форм.

Гордостью ацтекской культуры является, без сомнения, прикладное искусство. Мы уже говорили в предыдущих главах о плащах и щитах, покрытых орнаментом из тысяч многоцветных птичьих перьев. В искусстве мозаики никто в мире не смог превзойти ацтеков. В музеях Мексики и Соединенных Штатов Америки нахо-

дится много экспонатов, демонстрирующих утонченный художественный вкус и несравненное мастерство ацтекских ремесленников. Среди бесчисленных предметов, украшенных мозаикой из бирюзы, металлов, перламутра, драгоценных и полудрагоценных камней, особое внимание привлекает замечательный щит, который хранится в музее индейской культуры в Нью-Йорке. Этот щит покрыт сложным картинным орнаментом, выложенным из 15 тысяч кусочков бирюзы.

Скульптуры из черепахи, дерева, кости и камня говорят о том, что искусным ацтекским ваятелям был по силам любой материал. В музеях имеются статуэтки из горного хрусталя, изображающие людей, животных и божков. Все они прекрасно отполированы, несмотря на миниатюрные размеры. Кроме горного хрусталя ацтекские скульпторы обрабатывали яшму, агат, топаз, сапфир, аметист и все другие драгоценные камни, которые встречаются в Мексике. Некоторые скульптурные работы настолько малы, что остаются непонятным, как их можно было изготовить без лупы.

Но больше всего славились ацтекские мастера-ювелиры. Они выковывали, не разогревая металл, тысячи художественных предметов чрезвычайно сложной и изящной формы, а также украшали золотом и серебром каменные изваяния богов, словом, создавали шедевры ювелирного искусства. Большая часть этих предметов, к сожалению, погибла во время ацтекского восстания или оказалась на дне Мексиканского залива вместе с затонувшими кораблями. Но мы имеем свидетельства об этом искусстве двух замечательных знатоков — Дюрера и Челлини.

Немецкий художник эпохи Возрождения Альбрехт Дюрер в 1520 году осматривал первые дары, присланные Кортесом испанскому императору. Под непосредственным впечатлением он написал: «Никогда в жизни ничто так не порадовало моего сердца. Среди вещей я видел изумительные художественные ценности и восхищался прекрасным вкусом и изобретательностью людей из далеких стран».

В науке ацтеки не могли похвастаться особыми достижениями. Их математика не вышла за пределы элементарных арифметических действий, причем в основе счета у них лежала двадцатичная система. Год у ацтеков состоял из 18 месяцев, по 20 дней в каждом, что в результате давало только 360 дней. Чтобы увязать календарь с солнечным годом, они ежегодно добавляли пять дней, в которые не работали, а каждые четыре года накидывали еще один — високосный — и этим целиком выравнивали календарь с периодом обращения Земли вокруг Солнца.

Медициной занимались исключительно жрецы. В основе ее главным образом лежала магия, но некоторые болезни лечили травами, компрессами и паровыми ваннами. Производились также некоторые хирургические операции — жрецы лечили переломы, делали кесарево сечение и трепанацию черепа.

Необычайно интересным представляется законодательство ац-

теков. Так, например, пьянство считалось тягчайшим преступлением и каралось смертью. Если глава семьи напивался, то семья имела право убить его палицей на том месте, где пьяницу находили в бесчувственном состоянии. Напиваться могли только мужчины, которым перевалило за 70 лет, а также все другие мужчины во время некоторых религиозных праздников.

За кражу, а особенно за кражу кукурузы с поля, тоже грозила смерть (вора убивали камнями) или же в некоторых случаях пожизненная неволя. Однако странникам разрешалось брать с поля столько кукурузы, сколько им нужно для того, чтобы утолить голод. Смертью карали также чернокнижников и прелюбодеев, а клеветникам отрезали губы и уши.

Наряду с этими по-варварски суровыми правовыми нормами существовали и гуманные законы. Так, например, ребенок, родившийся от связи свободного гражданина с рабыней, являлся свободным и должен был быть взят на воспитание отцом. Беглый раб, которому удалось укрыться в королевском дворце, сразу же обретал свободу.

Ценнейший дар, который получил мир если и не от самих ацтеков, то во всяком случае при их посредничестве от индейских народов Центральной Америки, — это разнообразнейшие растения, плоды которых мы часто употребляем в пищу, не зная, откуда они происходят. Следует прежде всего назвать кукурузу, ваниль, какао, дыню, ананас, зеленый и красный перец, различные виды фасоли, а также табак. Уже одними достижениями в области сельского хозяйства ацтеки и другие индейские народы навсегда заслужили нашу благодарность.

Разбитая барка в зеленом море джунглей

В 1836 году один мексиканский полковник по фамилии Гарлиндо ездил по глухим селениям Юкатана и Центральной Америки, проводя среди местных жителей рекрутский набор. В рапорте начальству он упомянул об удивительном открытии: в бескрайних дебрях девственных лесов он неожиданно увидел загадочные, очень древние руины, покрытые буйной растительностью, сквозь которую проглядывали барельефы.

Через три года рапорт неизвестно какими судьбами очутился в Нью-Йорке и попал в руки адвоката Джона Ллойда Стефенса. Лаконичное замечание о таинственных сооружениях произвело на него сильное впечатление. Надо сказать, что увлечениями Стефенса были археология и античная история. Этим наукам он посвящал почти всё время, нередко забрасывая свои адвокатские дела. Он уже путешествовал по Египту, Аравии, Палестине, Греции и Турции. О своих приключениях Стефенс написал две книжки, которые пользовались немалой популярностью. Он всегда мечтал совершить какое-нибудь великое открытие, и вот — о диво! —

Стефенс узнает из рапорта неизвестного военного, что великие открытия ожидают его, можно сказать, совсем рядом — в Мексике.

Решение было принято мгновенно: он поедет туда и увидит собственными глазами то, о чём пишет Гарлиндо. Готовясь к поездке, Стефенс перевернул все доступные ему сочинения историков и путешественников, чтобы собрать информацию о стране, в которую собирался отправиться. Но тут его ожидало разочарование. Кроме банальных заметок он не нашел абсолютно ничего такого, что могло бы хоть как-нибудь помочь ему в его намерениях. О народах Мексики, Юкатана и Центральной Америки никаких сведений просто-напросто не существовало.

А ведь Стефенс мог бы легко получить всю необходимую ему информацию, если бы только знал, что в том же городе, чуть ли не за стеной, живет Уильям Прескотт, единственный и величайший в то время знаток ацтеков, майя, тольтеков и других индейских племен американского континента.

И все же зацепка была найдена. В одной из книг Стефенс наткнулся на заметку некоего Фуэтнеса. Этот мексиканский испанец в 1700 году бродяжничал по Гондурасу и возле Копана открыл огромный ансамбль старинных, хорошо сохранившихся зданий и пирамид. Поэтому Стефенс решил отправиться именно в Гондурас, хотя не имел ни малейшего представления о трудностях, связанных с путешествием в глубь диких, безлюдных джунглей. Он уговорил принять участие в экспедиции своего друга, замечательного художника Фридриха Казервуда.

В 1839 году небольшой караван Стефенса, который состоял из мулов, проводников и индейцев-носильщиков, оказался на границе Гондураса и Гватемалы. Там, как это уже было с Лэйярдом на берегах Тигра, их застала революция. Вся Центральная Америка оказалась в огне политической борьбы. По стране вдоль и поперёк сновали отряды трёх соперников, борющихся за власть: бывшего президента Сальвадора Марасана, вождя мулатов, и будущего кровавого диктатора Гватемалы Ферреро, а также индейского революционера Карреро.

В городах и селениях болтались вооружённые до зубов негры, индейцы и мулаты, которыми командовали бывшие дезертиры из армии Наполеона или европейские авантюристы всех мастей. В разоренной голодной стране царил террор. Охваченные страхом коренные жители едва держались на ногах от голода; нигде нельзя было достать даже черствой краюхи хлеба. У Стефенса была, правда, охранный грамота, которую подписал один из вождей революции, но на практике она не очень-то помогала. Разнузданные банды пьяных наемников постоянно приставали к путешественникам, а иногда даже обстреливали их. Однажды какой-то совершенно обнаглевший начальник, вымогая выкуп, запер всю экспедицию в сарае. Только благодаря энергичному вмешательству старшего офицера, случайно там оказавшегося, Стефенсу удалось выйти из этой переделки целым и невредимым.

Отделавшись от распоясавшихся солдат, друзья, наконец, достигли джунглей. Путешественники держали путь к Копану, поэтому углубились в мрачную чащу дикой растительности. Только теперь Стефенс начинал понимать, почему никто не смог открыть этих руин. Непреодолимая стена джунглей стерегла их тайну лучше, чем самые толстые слои земли и песка, нанесенные в течение веков. Маленькая группа смельчаков продиралась сквозь зеленый ад с неописуемыми трудностями. Навьюченные животные по брюху проваливались в смрадные болота. Колючие лианы цеплялись за одежду и впивались в тело. Влажное урочище кипело, как бурлящее ядовитое варево, гнилостные испарения отравляли организм, обессиливая путешественников. Ночью джунгли наполнялись тысячами невероятных звуков, раздавались дикие вопли и завывания. Сумасшедший визг обезьян, скрипучие голоса попугаев, пронзительный рев и стоны — казалось, что воют, извиваясь от боли, тысячи раненых животных, — этот жуткий концерт не давал путешественникам сомкнуть глаз.

Через несколько дней, которые показались вечностью, Стефенс, Казервуд и сопровождавшие их индейцы прорубились через джунгли и добрались до Копана, покрытые струпьями и грязью. Воспаленными от бессонницы глазами они посмотрели на группу нищенских мазанок, которая называлась Копаном, — и сердца их охватило отчаяние. Они не увидели следа руин, поэтому стали подозревать, что сообщение Фуэнтеса было сплошным вымыслом. Спросили о руинах местных жителей, но те смотрели на пришельцев большими глазами и пожимали плечами.

Подавленные путешественники решили задержаться на несколько дней в селении, чтобы восстановить силы после изнурительного пути, а потом придумать, что делать дальше. Стефенс пришел к мысли, что не мешало бы как следует осмотреть ближайшие окрестности. Джунгли были настолько непроходимыми, что, кто знает, может, там что-то и скрывается. К тому же он заметил, что местные жители вообще не отходили далеко от своих хижин, а пуши боялись, как огня.

После короткого отдыха исследователи отправились в густые заросли девственного леса. Индейцы, которые участвовали в экспедиции, тяжелыми ножами — мачете — прорубали тропинку, а жители Копана следили за ними с насмешливым любопытством. И вот вскоре экспедиция остановилась, как вкопанная, перед мощной стеной, построенной из тесаных глыб, плотно подогнанных одна к другой, но не скрепленных раствором. Крутые ступеньки вели куда-то вверх, в неизвестное, в самую гущу зарослей. Путешественникам казалось это невероятным — рядом с селением стоят могучие руины, а его жители даже не подозревают об их существовании.

А может, подумали они, уже не веря собственному счастью, — это только остатки какой-то испанской крепости? Ведь именно здесь проходил в 1524 году Кортес, который спешил в Гондурас,

чтобы усмирить восставших, а в последующие годы испанцы вели здесь отчаянные бои с коренными жителями, прежде чем смогли набросить на них свое ярмо.

Но эти сомнения рассеялись, как только они заметили каменную плиту. Выкорчевав заросли, исследователи увидели огромную стелу, высота которой достигала четырех метров, а ширина — около метра. Плиту сверху донизу покрывали барельефы с удивительными рисунками. В уголках и углублениях виднелись следы ярких красок — это свидетельствовало о том, что стела была когда-то богато раскрашена. На передней стороне вырисовывалось выпуклое изображение мужчины с суровым лицом, наводящим суеверный страх.

Стиль и композиция были необычны, но вызывало восхищение мастерство и тонкость исполнения. Самые мельчайшие детали, самые филигранные орнаменты вырисовывались чётко и выразительно, как будто их изваяли не в твердом камне, а вырезали бритвой из мягкого материала. От этих гротескных украшений повеяло древними веками. Кто же эти люди, терпеливо и вдохновенно трудившиеся, а потом исчезнувшие, растворившиеся в туманной дали прошедшего времени? «Эта странная карикатура на человека, — писал Стефенс в своих дневниках, — была как бы духом минувших народов, стоящих на страже своих древних родных селений».

Углубляясь в джунгли, путешественники открывали одну стелу за другой, пока не насчитали их 14. Они отличались друг от друга, но все были удивительно богато украшены выпуклыми рисунками и символами. Уже смеркалось, когда путники вернулись в лагерь, ошеломленные успехом.

На следующий день на рассвете к Стефенсу явился местный портной — метис фон Хосе Мария и торжественно заявил, что вся земля вдоль реки Рио-Копан является его собственностью. Стефенс расхохотался — настолько нелепой ему показалась уже сама мысль о том, что руины в джунглях могли кому-то принадлежать, тем более человеку, который до вчерашнего дня не имел ни малейшего представления об их существовании. Поэтому он пренебрежительно выпроводил гостя.

Но дело, как выяснилось, было не таким уж простым. С того момента, как Стефенс отказался удовлетворить претензии портного, любое требование его бойкотировалось всем населением. Никто не хотел наниматься работать, продавать кукурузный хлеб. Путешественники стали предлагать жителям лекарства, блестящие безделушки и деньги, но те от всего единодушно отказывались. Теперь речь уже шла не только о помощи; в стране, где пылала революция, столкновение с местными жителями могло повлечь за собой нежелательные последствия. Стефенс решил как-то договориться с метисом.

Дон Хосе приглашение принял, но, видимо, его страшно оскорбило то, как с ним обошлись в прошлый раз. Стефенс, дитя своей

капиталистической страны, с изумлением узнал, что метис даже не думал о материальных выгодах. Заявляя о своей собственности, он руководствовался лишь бескорыстной гордостью хозяина, поэтому он был буквально огоршен, когда Стефенс предложил ему продать руины. Метис не мог понять, зачем иностранцам покупать эти никому не нужные и ни на что не пригодные камни. Он стал подозрительным и внимательным. Переступая с ноги на ногу, метис попросил ему дать время на размышление — было видно, что он просто тянет. К вечеру портной явился снова. После долгих переговоров Стефенс за 50 долларов получил в собственность руины города Копан. Легкая улыбка, промелькнувшая на лице метиса, выдала его мысли: дон Хосе посчитал американца отчаянным чудачком, которого совсем легко обвести вокруг пальца.

Торговое соглашение Стефенс отметил большим банкетом примирения, на который пригласил всех жителей селения. Вечер прошел в приятельской обстановке: все танцевали и пели, а на жаровне, распространяя аппетитный запах, жарился поросенок. Индейцы с изумлением рассматривали стелы, страшно удивляясь, что они находились в джунглях совсем неподалеку от их селения. В конце американцы угостили их сигарами, и гости разошлись по домам, готовые во всем услужить щедрым иностранцам.

Наладив дружбу с местными жителями, Стефенс приступил к дальнейшим поискам. Он пробился сквозь джунгли до самого берега реки Рио-Копан, где сделал свое величайшее открытие. Это была гигантская, суровая по своим формам пирамида, построенная из огромных каменных плит. Стефенс и Казервуд стали взбираться по ступеням, которые вели куда-то вверх через мрачную чашу деревьев и лиан. Всюду прыгали обезьяны — они выли, пищали и кричали на незваных гостей, как рассерженные торговки.

С вершины пирамиды перед исследователями открылась ни с чем не сравнимая панорама. Среди зарослей, как в бушующем море, возвышались, сколько видел глаз, руины пирамид, дворцов, храмов и одинокие изваяния. Путешественники испытывали такое чувство, словно они перешагнули границу реальной жизни и оказались в мире привидений. «Город напоминал, — пишет Стефенс, — разбитую барку среди океана, потерявшую мачты и брошенную на произвол судьбы неизвестным экипажем. Никто уже не мог сказать, чья это барка, откуда она приплыла, долго ли находилась в пути и что ей принесло гибель».

В течение следующих дней два друга из Нью-Йорка обследовали ближайшие окрестности, открывая все новые и новые статуи, плиты и барельефы, ступени и террасы. Уже от одного только количества находок голова могла пойти кругом. Огромные монолиты, вывороченные из земли могучими корнями, лежали среди листьев и пней, превратившихся в труху. Статуи в смертельных объятиях лиан и других вьющихся растений, казалось, поднимались с земли, борясь за свет и воздух. Кое-где стояли каменные божки, не тронутые хищной природой, а у их подножия чудом со-

хранились алтари, на которых когда-то приносили жертвы. Плиты целиком были покрыты орнаментом и загадочными иероглифами, начертанными резцом древних скульпторов. Выпуклые изображения идолов, казалось, почти отрывались от своего каменного фона.

Руины ошеломили Стефенса. В голове возникли тысячи вопросов. Не оставалось и тени сомнения, что он открыл столицу какого-то могущественного гениального народа. Этот город ваятелей и строителей-циклопов, наверное, жил здесь многие века — ведь столько зданий, статуй и пирамид могло возникнуть лишь в результате упорного труда нескольких поколений. Как люди тех времен доставляли сюда эти глыбы, весящие несколько тонн? Стефенс обнаружил каменоломни, находившиеся на другой стороне реки Рио-Копан в нескольких километрах от берега. Чрезвычайно интересная и почти необъяснимая вещь: не имея выючных животных и технических приспособлений, люди не только сумели доставить такие огромные тяжести по суше, но и переправить их через реку.

Казервуд сразу же стал старательно зарисовывать скульптуры и орнаменты, но дело продвигалось очень медленно. Стиль и композиция были необычайно сложны и настолько не соответствовали художественным представлениям белого человека, что порой он чувствовал себя совершенно беспомощным и откладывал карандаш. Кроме того, прежде чем приступить к работе, приходилось сначала вырубать густые заросли, чтобы получить необходимое освещение и доступ к изображаемому объекту. И все же несмотря на все эти трудности, Казервуд в короткое время сделал 50 очень точных рисунков, которыми позднее Стефенс проиллюстрировал свою книгу.

На обратном пути исследователи посетили Гватемалу, Чиapas и северную оконечность Юкатанского полуострова. И всюду им встречались бесчисленные руины: пирамиды, дворцы, статуи, целые города. Это были неведомые, таинственные миры, которые возникли из небытия. Их существование вызвало громадное количество исторических и археологических вопросов.

В письмах друзьям Стефенс с восторгом описывал свои открытия, но его сообщения принимались с недоверием. Однако изданная им в 1842 году книжка «Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чиapas и Юкатан» вызвала небывалую сенсацию, вспыхнула полемика. За короткое время книга несколько раз переиздавалась и была переведена на другие языки.

При этом вспомнили о книге Фредерика де Вальдека «Романтическое и археологическое путешествие по провинции Юкатану», вышедшей во Франции на четыре года раньше. Из нее следовало, что первооткрыватель руин француз, а не американец. Только Вальдеку не повезло; свое произведение он издал в то время, когда Франция была увлечена новыми открытиями в Египте, и его книгу даже не заметили.

Под впечатлением книги Стефенса историки наперебой стали ворошить старые испанские источники и пришли к выводу, что строителями замечательных городов были майя. За много столетий до прихода ацтеков они создали богатую культуру, на территории Центральной Америки и Юкатана возникли их города-государства.

В полемическом задоре относительно происхождения майя возникали самые фантастические и даже нелепые теории. Одни утверждали, что майя пришли из Азии, спасаясь бегством от потопа. Другие считали их уцелевшими жителями Атлантиды, легендарной земли, которую якобы поглотили бурные воды Атлантического океана. Испанские конкистадоры в своих сообщениях постоянно обращали внимание на то, что религия майя поразительно похожа на христианство. Были там символы креста, исповедь, идеи мессии и т. п. Это дало повод к возникновению еще одной теории о том, что майя происходят якобы из Палестины и имеют что-то общее с первыми приверженцами Христа. Уже менее фантастическими казались взгляды ученых, стремившихся доказать, что открытые сооружения в форме пирамид могут свидетельствовать о каком-то родстве майя с древними египтянами. Кто же такие были майя на самом деле?

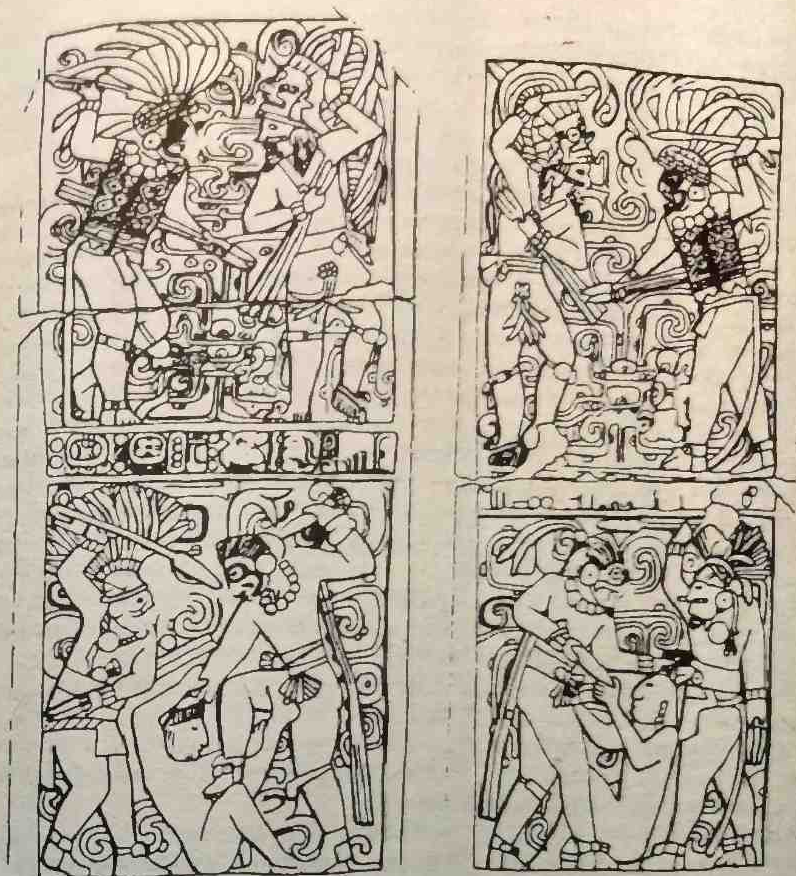
В королевстве Большого Змея

Над джунглями Юкатана кружил туристский самолет. Гул мотора многоголосым эхом катился над диким безлюдьем. Время от времени самолет опускался так низко, что почти задевал колесами вершины вековых деревьев, устилавших землю непроницаемым ковром. В ярком обрамлении зелени тут и там белели пирамиды и дворцы, и тогда самолет снижался и делал над ними круги.

Это был 1930 год. В кабине самолета сидели два мексиканских археолога — Мадейро и Масон. После долгих хлопот осуществились, наконец, их мечты: правительство выдало им самолет, и теперь ученые усердно фотографировали и наносили на карту еще неизвестные островки древних поселений майя.

И действительно, здесь было что фотографировать и записывать. В одном лишь Юкатане, кроме трех уже известных столиц — Чичен-Ицы, Майяпана и Ушмаля, — насчитали 70 других городов. Огромные, все еще не исследованные пространства — без малого 100 тысяч квадратных километров — принадлежали некогда Королевству Великого Змея, как называли свою державу майя. В 1947 году археологическая экспедиция, проводя исследования в мексиканских штатах Чиapas и Бонампак, открыла 11 храмов, относящихся к первым векам нашей эры. На стенах их виднелись изображения воинов, жрецов и королей, нарисованные желтыми, красными, коричневыми, зелеными и голубыми красками.

Характерной деталью сооружений майя является то, что их

Битва тольтеков с майя. Каменный рельеф из Чичен-Ицы.

возводили на искусственных платформах из камня в форме пирамиды с усеченной вершиной. Стены храмов и дворцов, как правило, очень толстые, облицовывались каменными плитами с резьбой. Внутри зданий вели необычайно узкие и низкие входы, а своды комнат имели вид удлиненных остроконечных арок, характерных лишь для архитектуры майя. И вообще эти здания производили впечатление приземистых крепостей, если бы не сюжетные барельефы, украшавшие их стены сверху донизу. На них изображены головы людей и животных, страшные змеи и идола, напоминавшие химер средневековых соборов, будто выхваченных из бредового сна, но стиль барельефов отличается выразительностью и точностью рисунка.

Вся цивилизация майя опиралась на выращивание кукурузы и цвела в окружении буйной растительности, однако в ее прикладном искусстве удивительно мало растительных элементов. Даже колонны, которые во всем мире восходят к стволу какого-то дере-

ва, у майя воспроизводят туловища змей-чудовищ с вынутыми языками. Особенно знамениты две такие колонны-змеи, находящиеся на фасаде Храма Воинов в Чичен-Ице. Головы змей с открытыми пастьми приплюснуты к земле, туловище, покрытое оперением, извивается сначала по земле, а потом вертикально поднимается вверх, чтобы поддержать крышу храма.

Среди руин встречаются здания с такими маленькими входами и комнатами, словно их построили для пигмеев. Наиболее известен так называемый Дом Карликов в Ушмале. Описывая весьма своеобразные сооружения, археологи выдвигали самые различные гипотезы. Одни считали, что в этих местах когда-то жили племена карликов, но более правдоподобно предположение, что майя строили эти дома для духов или даже каких-то мифических существ, которым они желали дать приют.

Город майя Чичен-Ица превосходил все другие города пышностью архитектуры, богатством скульптур, красотой цветных фресок, но главное — своими размерами: он занимал свыше 3,5 квадратных километров. Руины стоят теперь на открытом, расчищенном от зарослей месте. К городу ведет отличная автострада, по которой курсирует автобус из юкатанской столицы Мерида.

Следует сказать также о Храме Ягуаров, который выделяется богатством декоративных мотивов и изумительным ажурным аттиком, вырезанным из твердого камня. Не менее знаменит Храм Воинов с его колоннадой, внутри которой лестницы ведут на верхние платформы пирамиды. Самой высокой является пирамида Кастильо. Она состоит из восьми этажей с террасами, а на ее вершине возвышается храм, посвященный белому богу Кукулькану, символ которого был «пернатый змей».

Приблизительно в центре города возвышается, касаясь облаков, громадное круглое сооружение. Когда-то здесь размещалась астрономическая обсерватория майя. Ее окна расположены так, что взгляд по прямой линии падает на определенные созвездия. Но наиболее интересен стадион. Надо сказать, что майя были страстными любителями игры в мяч. Мы видим на стадионе огромную стену, украшенную барельефами, с карнизом в виде извивающихся змей. На стене горизонтально укрепленный каменный обруч радиусом в полтора метра.

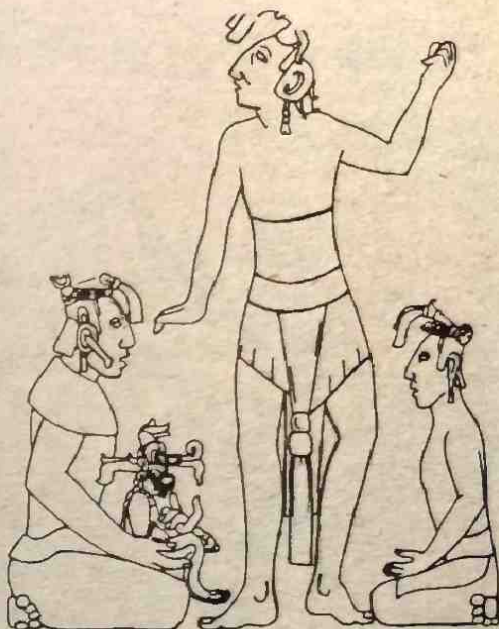
На этом стадионе жители Чичен-Ицы следили за жаркими состязаниями разных команд, бились об заклад, восторженно приветствовали своих любимцев и осыпали бранью и насмешками тех, кто не оправдал их ожиданий. В хрониках сообщается, что проигравшие должны были у всех на виду раздеться догола и отдать свою одежду победителям.

В северной части Юкатана на небольшом расстоянии друг от друга находятся два других города — государства майя — Ушмаль и Майяпан. Богатством архитектурных и художественных памятников они почти не уступают Чичен-Ице. Ушмаль особенно славится великолепными зданиями, украшенными щедрым орнамен-

том. Это Дом Пророков, Дом Монахинь, Дом Губернатора, Дом Черепахи, Дом Старой Женщины, Дом Голубей и др. Названия этим домам дали археологи в зависимости от характерных декоративных мотивов.

Перенесемся теперь на юг, в мексиканский штат Чиapas. В конце глубокого ущелья, среди гор и девственных лесов белеет древний, священный город майя, который именуют ныне Паленке — по названию соседней индейской деревеньки. Если учесть то обстоятельство, что каменная часть города была религиозным центром, где жили только жрецы и аристократия, а все остальное население обитало в ма-
занках, от которых, естественно, не осталось и следа, следует предположить, что город насчитывал в период расцвета около 100 тысяч жителей. Эта громада покрытых изображениями, тщательно отесанных каменных глыб производит неизгладимое впечатление. Достаточно сказать, что там сохранилось 18 прекрасных дворцов и храмов, а также 22 других сооружений, среди которых — высокая башня для астрономических наблюдений. Все эти постройки были возведены на фундаментах в форме пирамид.

Археологи считали, что пирамиды майя, в противоположность египетским пирамидам, не являлись гробницами царей, а служили искусственными подножьями храмов и дворцов. Но в 1952 году они изменили мнение. За четыре года до этого археолог Альден Масон заметил на полу Храма Надписей в Паленке какую-то плиту с отверстиями. Когда ее подняли, показалась узкая, забитая камнями лестница, ведущая в глубь пирамиды. Четыре года продолжалась кропотливая работа — и, наконец, археологи вошли в маленькую комнату с большим каменным саркофагом, в котором находились кости пяти молодых индейцев — двух девушек и трех юношей. Огромное количество украшений из яшмы указывало на то, что молодые люди — наверно, жертвы религиозного ритуала — происходили из аристократических родов. Через треугольный вход, закрытый многотонным монолитом, исследователи вошли в огромный зал, буквально очаровавший их своими сталактитами,

Рельефное изображение правителя и слуг в одном из зданий Паленке.

Изображение правителя на верхней плите-крышке саркофага.

свисавшими с потолка, и сталагмитами, торчавшими с пола лесом игл. В блеске карбидных ламп засверкали ослепительные искры, казалось, в зале началась дьявольская феерия.

Посередине зала стоял тяжелый каменный саркофаг с останками какого-то короля или высокого жреца. Покойник был усыпан

украшениями из зеленой яшмы, а его лицо закрывала маска, отделанная мозаикой из плиток яшмы. Ткань одеяний совершенно истлела.

Саркофаг был украшен сюжетным орнаментом и иероглифами, из которых Масон сумел выделить и расшифровать дату: 27 января 603 года. Значит, в этот день состоялось погребение выдающегося мужа города Паленке, вероятно, самого могущественного властелина и жреца в истории майя.

Паленке принадлежал к городам старой империи майя. Следует отметить, что археологи делят их историю на два больших периода: на новую и старую империю. Первые майя населяли южную часть Юкатанского полуострова, современные — Гондурас, Гватемалу и мексиканские штаты Чиapas и Табаско. Это было приблизительно с 1000 года до н. э. до VI в. н. э. На первые века нашей эры приходится вершина расцвета старой империи. Около 610 года н. э. в государстве майя произошло нечто совершенно беспрецедентное в истории мира. Однажды утром население запаковало свои пожитки и навсегда покинуло города с их замечательными улицами и площадями, храмами и дворцами, чтобы в северной части Юкатана возвести совсем новые города — Чичен-Ицу, Майяпан и Ушмаль.

Каким образом удалось узнать о неожиданном и удивительном странном уходе целого народа? В какой-то степени заслуга в этом принадлежит архиепископу Диего де Ланде, жившему на Юкатане в XVI веке. Подружившись с одним индейским князем, он записал его рассказы о богах, войнах и обычаях майя.

Ланда зарисовал также иероглифы, обозначающие дни и месяцы, благодаря чему гротескные барельефы на зданиях и стенах приобрели для археологов особый смысл. Некоторые сообщения Диего де Ланды казались маловероятными, но все же удалось выяснить, что в прикладном искусстве майя все мотивы — будь то изображение людей или животных — непременно связывались с определенной датой. Кроме того, каждая постройка и даже каждая ее часть по сути дела являлись календарем, так как обозначали какую-то дату или астрономическое явление.

Благодаря работам современных археологов ученые довольно точно расшифровали некоторые иероглифы майя, начертанные на зданиях и стелах, но это принесло им разочарование, так как все надписи содержали одни только даты. Среди десятков тысяч надписей не удалось найти ни малейшей информации о жизни и обычаях майя. Как видно, сведения такого рода майя никогда не увековечивали на камне (новейшие работы американских ученых Т. Проскуряковой и Э. Келли показали, что иероглифические надписи на стелах майя связаны не только с календарем или имеют религиозное значение, а говорят и о другом, например, о смене династий — ред.).

На основании этих фактов ученые пришли к выводу, что майя стали рабами своего календаря. Возможно, свои постройки они

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рисунки из рукописей майя. 1.— доставание меда из улья; 2 — лодка (на носу сеть); 3 — добывание огня; 4 — ткацкий станок; 5 — плетение циновки; 6 — курение; 7 — женщина с заплечной сумкой; 8 — хижина; 9 — пленник.

возводили не столько для того, чтобы ими пользоваться, сколько потому, что этого требовал календарь. Каждые пять, десять или двадцать лет майя строили новые каменные сооружения и снабжали их соответствующей датой. Иногда они упрощали свою задачу, обстраивая старое здание новой каменной оболочкой и помечая ее новой датой.

А теперь мы приближаемся к самой сути дела. Постройки старой империи, т. е. в городах, лежащих на юге, датированы лишь примерно до 610 года. Приблизительно с этого же года начинают возводиться сооружения в Чичен-Ице, Майяпане, Ушмале и других городах северного Юкатана. Вывод из этого поразительного факта может быть только один: майя покинули свои поселения неожиданно и все вместе.

Как только ученые убедились в исторической достоверности этого события, отовсюду, как из рога изобилия, посыпались различные теории, пытающиеся его объяснить. Самая первая гипотеза, согласно которой майя будто бы вынуждены были бежать от завоевателей, быстро пошла в архив. Держава майя в то время достигла вершины своего военного могущества, в их соседстве никогда не было племени, настолько сильного, чтобы совершить такое нашествие, да к тому же в руинах не удалось найти никаких следов вторжения.

Более правдоподобным казалось утверждение, что майя ушли после страшного стихийного бедствия или эпидемии, но и против этой теории говорили веские аргументы. Во-первых, как только миновала опасность, население сразу же вернулось бы в свои замечательные древние города, но этого не произошло. Во-вторых, буйный рост северных городов, их культурное и политическое развитие противоречат предположению, что здесь жил народ, который только что сильно пострадал от стихийного бедствия или эпидемии.

Мысль о том, что причиной эмиграции явилось неожиданное изменение климата, также не выдерживает критики. Такое изменение обязательно наступило бы и в Чичен-Ице, городе, расположенном по прямой линии на расстоянии всего лишь 400 километров от южных городов старой империи.

И только несколько лет назад археолог Сильванус Грисвольд Морли выдвинул теорию, которая считается наиболее убедительной. Вот ее суть.

Хотя майя в большинстве были горожанами, они все-таки не могли существовать без земледельческого труда и его продуктов, основным из которых являлась кукуруза. Жизнь майя находилась в зависимости от урожая кукурузы.

Общественная структура майя выявляет острые классовые противоречия, которые особенно наглядно видны в застройке их городов. Дворцы аристократии и храмы из тесаного камня составляли отдельный район, своеобразную крепость, где жили богачи, опасаясь гнева трудящихся масс. Вокруг каменного города теснились нищенские мазанки городской бедноты — от них, понятно, не осталось и следа.

Доля земледельцев была необыкновенно тяжелой. Одну треть урожая они отдавали сановникам, другую — жрецам, и только последнюю треть им позволялось оставлять себе. В период между сбором и сбором урожая их гнали на работы в каменоломни и на строительство.

Отсталость, спесь и отрыв аристократии от жизни народных масс привели к тому, что общество остановилось в своем развитии. Это особенно отразилось на сельском хозяйстве, где методы обработки земли были чрезвычайно примитивными. Достаточно сказать, что майя не знали даже плуга.

Чтобы вырастить кукурузу, крестьянин поджигал участок джунглей и на полученной таким образом полянке делал заостренной палкой ямки, в которые бросал зерна. Когда земля на участке истощалась и переставала родить, он переходил на другое место, потому что удобрять землю майя не умели. Заброшенные участки зарастали джунглями и только много лет спустя их можно было снова обрабатывать.

В поисках урожайной земли крестьяне все больше углублялись в джунгли, удаляясь от городов, которые им приходилось кормить. Между городами и землей-кормилицей росли широкие пояса выжженной и бесплодной степи. Жить горожанам становилось все труднее, в их дома начинал заглядывать голод. Огромные пространства оказались истощенными, и народ понял, что единственное спасение — это эмиграция. В то время, когда на севере возникла новая империя, древние города Ушактун, Тихаль, Наранхо, Копан и Паленке затерялись в диких зарослях, тысячи лет скрывавших от людских глаз руины старой империи.

Подтверждением этой теории является любопытный опыт, который недавно провел датский ученый Аксель Стеенсберг. Желая в точности воспроизвести условия, в которых обрабатывали землю люди эпохи шлифованного камня, он отправился со своими ассистентами в Ютландию, выкорчевал там каменными топорами участок дубового леса и посадил с помощью заостренной палки овес. В первый год урожай был неплохой, но потом из года в год резко сокращался. На четвертый год выкорчеванная земля стала совершенно бесплодной.

Источником исторических сведений о городах новой империи являются хроники, написанные в XVI—XVIII веках на языке майя латинскими буквами и названные в честь группы жрецов, славившихся своими пророчествами, — книгами Чилам Балам. Мы узнаем из них, что в северном Юкатане существовало три главных политических центра: города-государства Майяпан, Чичен-Ица и Ушмаль. Властителями Майяпана были жрецы во главе с королем, которые считали себя непосредственно потомками белого бога Кукулькана и поэтому носили искусственные бороды. Зато в Чичен-Ице и Ушмале правили воины, вожди аристократических военных каст.

В 1000 году названные города объединились в федерацию. Но уже около 1200 года между ними разразилась война. Вождь армии Майяпана Хунак Кеель с помощью наемников из племени тольтеков захватил и разрушил Чичен-Ицу, а его правитель увел с собой как заложников. В 1441 году в захваченных городах вспыхнуло восстание. Войска повстанцев под предводительством князя

Жертва Кукулькану, богу племени майя. С каменной плиты, хранящейся в Британском музее в Лондоне.

Ушмаля из династии Шиу превратили Майяпан в груды развалин. После этих событий разбитая и ослабевшая страна майя стала легкой добычей ацтеков.

Когда прибыли испанцы, культуры майя уже не существовало.

Потомки великих зодчих, художников, астрономов распались на слабые, полудикие племена, говорили на разных наречиях, отличались друг от друга одеждой и обычаями, а о своей общей славной истории имели очень туманное представление. Правда, они исповедовали старую религию, но уже в довольно искаженной форме.

Города новой империи постепенно утонули в глубинах джунглей, как в морской пучине, и никто о них уже не упоминал. Только некоторые племена индейцев в руинах этих городов совершали свои тайные религиозные обряды.

Обручение бога Дождя

«Сеньор, мы приехали!» — густой голос метиса отозвался многоголосым эхом в ночной тишине. Лохматые мексиканские лошади стали, как вкопанные, и тотчас опустили головы, чтобы наконец подремать. Молодой американец, внезапно пробудившийся от сна, покачнулся и, пожалуй, упал бы с лошади, если бы его не поддерживал проводник. Он открыл глаза и замер, очарованный волшебным зрелищем. Перед ним высилась темно-синяя стена пещи, а над верхушками деревьев, словно плывущий в облаках, белел в полусвете луны какой-то храм или дворец, возведенный на вершине пирамиды.

Так в 1885 году 25-летний Эдвард Герберт Томпсон прибыл в Чичен-Ицу, величайший и могущественнейший город-государство майя, о котором ходили по свету самые фантастические легенды.

Едва забрезжил рассвет, Томпсон вскочил с постели и, выпив несколько глотков кофе, немедленно помчался к пирамидам. Взбравшись на первую попавшуюся, он долго любовался панорамой руин. Вдруг, пристально всмотревшись вдаль, Томпсон радостно вскрикнул — среди деревьев, как серебряное зеркальце, блестел небольшой круглый пруд.

— Священное озеро — храм бога дождя, — шепнул он мексиканцу.

Смуглое одутловатое лицо спутника просияло.

— Да, сеньор, священное озеро, — сказал тот, добродушно улыбаясь. — Люди разное о нем болтают... Некоторые говорят, что в определенные времена года воды озера превращаются в кровь. А другие видели, как из его глубин выходил хоровод плачущих девушек. Тогда в чаще звучит пение невидимых жрецов, играют флейты и грохочут барабаны.

Тем временем уже совсем рассвело.

«Я стоял на крыше храма, — пишет Томпсон в своих воспоминаниях, — когда далеко на горизонте первые лучи солнца зарумянили небо. Вокруг царила глубокая утренняя тишина; день еще не отозвался своими голосами. Казалось, что земля и небо затаили

дыхание, словно ожидая чего-то неизвестного. А потом выплыл огромный пылающий диск солнца, и вмиг весь этот широкий мир зазвенел песнями. Птицы на деревьях и насекомые на земле запели свой великий гимн солнцу».

Через некоторое время пришельцы спустились по крутым ступеням вниз и по узкой тропинке направились к пруду. Озеро имело очень мрачный вид, и нечего удивляться, что местные жители боялись к нему приближаться. Это была по существу зияющая бездна — яма, наполненная водой. Берегами её являлись отвесные каменные стены высотой до 20 метров. Поверхность черного омута покрывали водоросли, листья и плавающие стволы полуистлевших деревьев.

Томпсон опустил лот и убедился, что глубина пруда достигает приблизительно 25 метров. На берегу виднелись руины алтаря, от которого украшенная барельефами плотина вела к храму, стоящему на пирамиде.

Тщательно обследовав берега озера, Томпсон сел на камень и еще раз задумался над смыслом своей экспедиции. Он вынул из кармана книжку с сообщениями архиепископа Диего де Ланды и в который уже раз прочитал: «Если в этой стране было когда-нибудь золото, то большая его часть должна находиться на дне озера в Чичен-Ице».

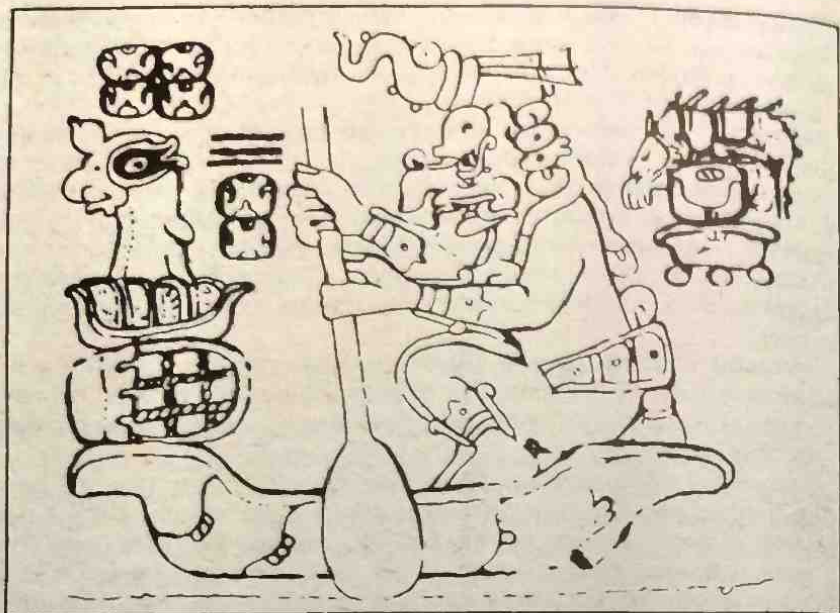
Майя в отличие от ацтеков своим многочисленным божкам приносили в жертву, как правило, лишь цветы и фрукты. Только когда наступала засуха и нужно было умиловить разгневанного бога дождя Чак-Мооля, который, по преданиям, жил на дне озера, жрецы посылали ему невесту, самую красивую девушку. Люди давали ей очень богатое приданое: бросали в воду драгоценности и различную домашнюю утварь.

К замечанию Ланды почти все относились с недоверием. Ученые считали, что это типичная романтическая народная легенда, лишенная реальных оснований.

Но молодой Томпсон сразу ей поверил. Сообщение Ланды настолько сильно подействовало на пылкое воображение юноши и так увлекло его, что он решил разгадать тайну озера на месте. Хотя знакомые и подшучивали над Томпсоном, называя его фантазером, он отправился в путешествие на Юкатан, чтобы разработать план извлечения из глубин озера древних сокровищ майя.

Пока метис раскладывал костер, собираясь готовить обед, Томпсон сидел на жертвенном камне и, устремив взгляд в мрачную пучину озера, пытался представить себе, как праздновалось торжество в честь бога дождя.

Вот по ступеням пирамиды сходит процессия во главе с королем, жрецами и сановниками. Их пышные одеяния переливаются всеми цветами радуги, над головами развеваются пестрые султаны. Мерно покачивается плотно закрытый паланкин, в котором сидит юная избранница бога. Под ритуальное пение жрецов, под звуки флейт и барабанов все медленно шествует вдоль плотины, за-

Маяский бог дождя Чак, плывущий в лодке, рисунок из Дрезденской рукописи.

тем останавливаются у алтаря и молча ждут, пока не выкатится из-за горизонта багровый диск солнца и первые лучи его не заиграют огоньками на водной глади. Тогда жрецы выводят из паланкина бледную, испуганную девушку, накидывают на нее прекрасное свадебное покрывало, а голову украшают венком из цветов. При виде невесты толпа взрывается громом приветствий; исступленно звучат флейты, а барабаны грохочут с такой силой, что кажется, будто на землю обрушился страшный град.

Жрецы заканчивают пение и молитвы — наступает мертвая тишина. Четыре жреца поднимают девушку и с размаху бросают ее в озеро. Крик ужаса несчастной жертвы пронизывает воздух, затем слышится глухое, страшное бульканье воды — бог дождя принял в свое царство новую избранницу. Вслед за жертвой в озеро сыплется дождь ожерелий, браслетов, ларцов, гребней, булавок, ваз и керамических чаш с замечательным орнаментом.

Можно ли извлечь таинственные сокровища из черного и смрадного омута? Томпсон пришел к выводу, что для этого необходима специальная землечерпалка и водолазный скафандр. Но где взять денег?

Возвратившись в Соединенные Штаты, Томпсон развернул активную деятельность: он выступал с лекциями в университетах и на научных конгрессах, пока не собрал, наконец, необходимые средства. Потом он отправился в Бостон, где под руководством опытного водолаза освоил трудное водолазное искусство и достиг

неплохих результатов, хотя физически был человеком довольно хилым.

Но особую надежду молодой ученый возлагал на свое приспособление, напоминающее землечерпалку, которое сделали на заводе по его заказу. Механизм состоял из 10-метровой мачты, ковша с зубчатым краем, кривошипа, стальных тросов и блоков.

В Юкатане американец нанял нескольких рабочих, прежде всего ловца жемчуга, опытного водолаза, грека, который работал на острове Багама. Вместе с ними он прибыл в Чичен-Ицу.

Диаметр озера составлял около 70 метров, поэтому не могло быть и речи о том, чтобы обыскать все его дно. Томпсон справился с этими трудностями очень остроумно. Толстый ствол дерева, напоминающий по контуру человеческую фигуру, он бросал в воду до тех пор, пока не определил место, куда, по всей вероятности, попадали живые жертвы. Здесь он и пустил в ход свой механизм.

Ковш извлекал на поверхность черный, как смола, ил, гнилые ветви, истлевшие деревья, а однажды даже сцепленные между собой кости ягуара и серны, немое свидетельство лесной трагедии. Солнце пекло немилосердно; на берегу росли кучи ила и грязи, наполняя воздух невыносимым смрадом. Так работа продолжалась изо дня в день, не принося никаких результатов. Но однажды появился первый робкий вестник успеха: среди ила ученый обнаружил бело-желтые кусочки какой-то смолистой массы. Разогретые на огне, они распространяли сладковатый пьянящий аромат. Томпсон не сомневался, что нашел благовония, которые жрецы использовали во время церемонии приношения жертвы.

Вскоре, как из рога изобилия, посыпались разнообразные находки. Каждый ковш приносил добычу: украшения, вазы, копья, ножи или чаши из обсидиана и яшмы. Окончательным подтверждением рассказа Ланды был скелет молодой девушки, извлеченной со дна озера.

Томпсон торжествовал: ему припомнился исполненный трудностей путь, по которому в конце концов он пришел к успеху, разочарования, насмешки со стороны людей, считавших его неисправимым мечтателем. И вот теперь он совершил одно из величайших археологических открытий в Америке.

Дальнейшие поиски молодой ученый решил проводить в скафандре водолаза. Свои подводные переживания и приключения он описывает настолько красочно и с таким драматическим напряжением, что лучше предоставить слово ему самому.

«Когда я ступил на первую перекладину лестницы, — вспоминает Томпсон, — парни, которые обслуживали помпу, по очереди подходили ко мне и с мрачной миной пожимали руку. Нетрудно было угадать их мысли: они прощались со мной навсегда, не веря, что я вернусь живым. Отпустив лестницу, я погрузился как мешок, наполненный свинцом, оставляя за собой цепочку серебристых пузырьков.

Свет стал сначала желтым, потом зеленым, наконец, пурпурно-

Изображение на золотом диске из «Колодца жертв» в Чичен-Ице. Мексиканские воины (1, 2 — два справа, 3 — два слева) и воины майя.

ковш. И еще представьте себе, что каждую минуту какой-то валун, подмытый водой, соскальзывал на наши головы. Однако это не было настолько грозным, как могло бы показаться. Пока мы

черным, и вот я очутился в кромешной тьме. Уши пронзила острая боль — возросло давление. Погружаясь, я ощутил, что очень быстро теряю в весе, и когда, наконец, стал на колонне, которая отвалилась от руин алтаря на берегу, мне показалось, что я скорее пузырь, а не человек, одетый в тяжелый скафандр.

Приятно было думать, что я — единственный человек в мире, который посетит это место живым и живым его покинет. Рядом со мной появился водолаз-грек, мы пожали друг другу руки.

В иле и грязи ковшом был проделан коридор с отвесными стенами шестиметровой высоты. В этих стенах, как изюминки в тесте, торчали камни различной формы.

Представьте себе, как мы двигались наощупь в потемках, окруженные со всех сторон этой стеной грязи, шарили в щелях и трещинах известнякового дна, разыскивая предметы, которые не захватил

Золотой диск из «Колодца жертв», изображающий победу тольтеков над майя. Чичен-Ица.

держались на определенном расстоянии от стены, нам не грозила опасность.

Наши рабочие верят, что в черных глубинах «священного озера» живут гигантские змеи и чудовища. Водолаз-грек и я как-то раз настолько увлеклись работой, собирая памятники древности, что забыли об обычной осторожности. Неожиданно что-то громадное незаметно соскользнуло сверху и с непреодолимой силой стало вдавливать меня в грязь. На мгновение меня до мозга костей пронзил ужас, холодные мурашки пробежали по телу. Но потом я почувствовал, как грек стал отталкивать этот предмет и освободил меня от тяжести. Это был огромный гнилой ствол дерева, который оторвался от стены ила и упал на меня как раз в то время, когда я наклонился».

Результаты поисков были буквально сенсационными и полностью подтвердили предание о том, что майя бросали в озеро девушек. На поверхность извлекли тысячи разнообразных предметов: бусы, браслеты, чаши и статуэтки идолов, сделанные из яшмы, золотые щиты с сюжетным барельефом, ножи и прекрасно отполиро-

Золотой диск из «Колодца жертв», изображающий тольтеков, приносящих в жертву пленного воина майя.

ванные зеркала из обсидиана, но главное — черепа молодых женщин.

Почти все предметы оказались разбитыми на мелкие части. Майя верили, что мертвые вещи имеют души, поэтому перед тем, как бросить в воду, они лишали их жизни, разбивая на алтаре, чтобы их души могли лучше служить своей хозяйке в королевстве бога дождя.

Осматривая останки молодых женщин, Томпсон сделал неожиданное открытие: нашел череп, который явно принадлежал старцу. Чей же это череп? Неужели жреца принесли в жертву боги дождя? Конечно, нет. Хроники ни разу не упоминают о таких жертвах. Но, может быть, его бросили в воду завоеватели в период братоубийственных войн между Майяпаном, Чичен-Ицей и Ушмалем? Эта гипотеза тоже не выдерживала критики. Можно ли поверить, что разъяренные солдаты бросили в воду только одного человека и притом какого-то старика?

Наиболее близким к истине нам кажется третье предположение. Вслед за девушкой бросился в воду охваченный отчаянием

Воины майя, отступающие под натиском победоносных тольтеков; изображение на золотом диске из «Колодца жертв».

отец. Ведь недаром в старой индейской песне поется:

Догорает от жажды кукуруза в поле,
Чак-Мооль зовет тебя, милая доченька,
Но обильнее, чем дождя потоки,
Потекут мои слезы, мои горькие слезы.

Помпеи Нового Света

Короли ацтекского города-государства Тескоко активно покровительствовали искусствам, их двор являлся центром культурной жизни. Один из королей этого города прославился как великий народный поэт, которого глубоко почитали все ацтеки. Прямым потомком королевского рода был князь Ихтлихочитль, человек очень одаренный. Он быстро изучил испанский язык и владел им настолько хорошо, что губернатор Мексики предложил ему должность переводчика и секретаря.

Ихтлихочитль написал на испанском языке подробную историю своей страны. В ней он поведал о народах, которые еще за-

долго до прихода ацтеков в Мексику строили огромные города и воздвигали величественные пирамиды.

Но испанцы не поверили ему, решив, что ацтекский князь рассказывает сказки. Ведь на всей мексиканской земле не осталось даже следа руин этих якобы богатых городов. Правда, француз Десире Шарней, бродя по стране в поисках сокровищ, наткнулся в 1885 году на остатки пирамиды в окрестностях города Тула-де-Аллендо в штате Идальго, но и тогда испанцы не могли допустить мысли, что это руины столицы тольтеков — Тулы, о которой с такой уверенностью сообщал ацтекский князь.

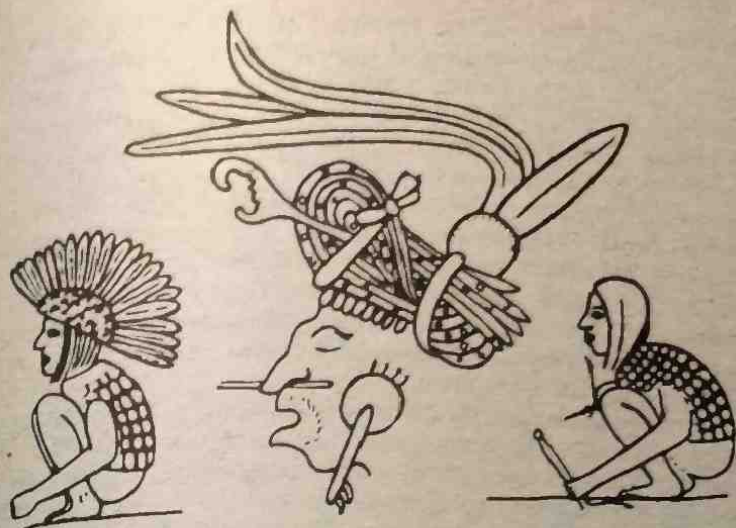
Положение изменилось только с 1940 года, когда мексиканские археологи приступили к систематическим раскопкам на месте древнейшего поселения тольтеков. Выяснилось, что в 80 километрах от города Мехико под слоем земли и зарослей скрывались от людских глаз мощные руины. Там обнаружили две большие пирамиды, посвященные богу солнца и богу луны, множество изваяний и рельефов, колонн, а также широкую сеть водопроводных труб из терракоты. Однако наиболее интересным памятником оказался спортивный стадион с каменными лавками, который свидетельствовал о том, что игра в мяч была традиционным увлечением всех без исключения индейских племен Центральной Америки.

На ацтекского историка стали смотреть иными глазами — каждое его сообщение теперь казалось правдоподобным. От него мы узнаем, между прочим, что тольтеки построили свою столицу в 648 году, а оставили ее по неизвестным причинам в 1051 году. Они знали письменность и математику, на основании обращения луны создали календарь и были замечательными строителями. Их религия и законодательство отличались мягкостью, а короли славились мудростью. Тольтеки, по преданию, вывели путем скрещивания несколько сортов хлопка различной окраски.

Вторую по времени столицу тольтеков мексиканские археологи открыли в нынешнем штате Сан-Хуан. Называлась она Теотихуакан и, судя по руинам, занимала площадь около 12 квадратных километров. Здесь находилось несколько огромных пирамид и десятка полтора великолепных дворцов, украшенных барельефами и фресками. На пирамидах солнца и луны виднелись, как утверждает Ихтлилхочитль, эмблемы из полированного золотого листа. Они днем и ночью ярко сияли и служили своеобразным маяком для путников.

Так же, как и во всех других индейских городах, основным декоративным мотивом в Теотихуакане был пернатый змей, символ белого бородатого бога. Но есть там сюжеты и на другие весьма оригинальные темы. На многих фресках мы видим жизнь бога дождя, а также картины рая: веселые, радостные мертвецы играют на лугу в мяч.

У подножья пирамиды Солнца проходит так называемая Дорога Смерти. Вдоль нее найдено бесчисленное количество могил с останками умерших, мозаичными масками, гротескными терра-

«Портреты тольтеков», представленные на древних предметах из Чичен-Ицы.

котовыми головками и богато украшенными черепками глиняной посуды. Теотихуакан опустел в X или XI веке нашей эры. Причиной этого явилось истребление лесов, в результате чего земля стала совершенно бесплодной — окрестные холмы и поныне стоят абсолютно голые. Тольтеки переселились в Юкатан, где объединились с местными племенами майя.

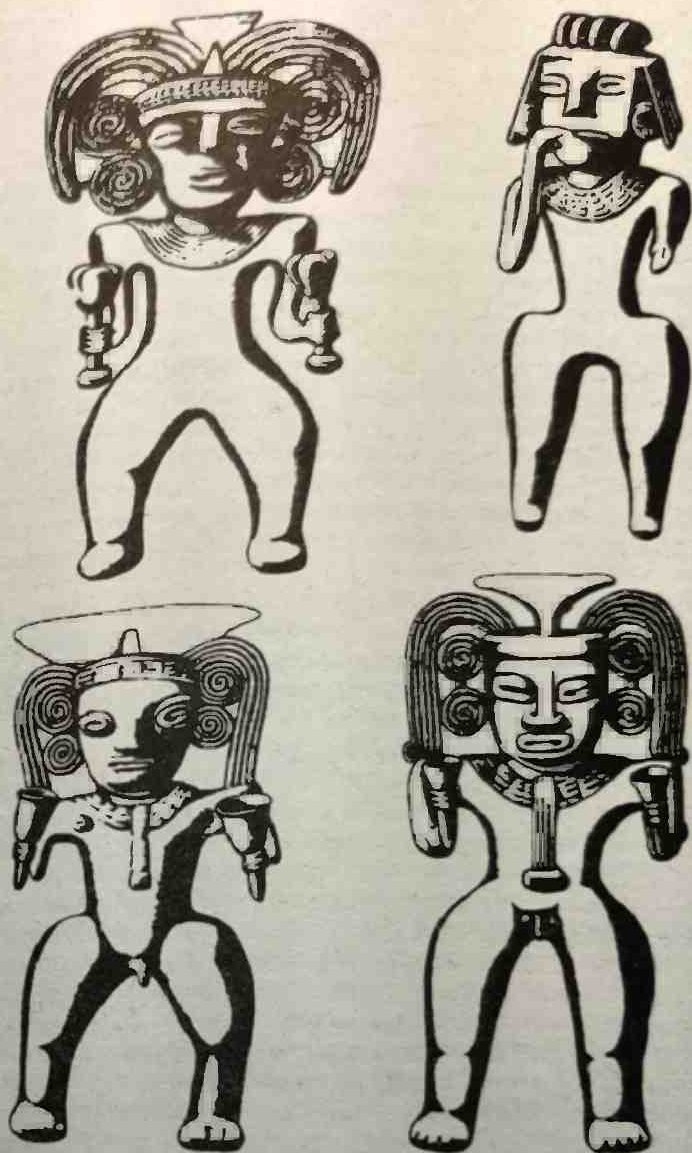
В долине Тлаколула, в 30 километрах на юго-восток от мексиканского города Оахака, из-под толстого слоя земли археологи откопали руины Митлы, столицы сапотеков. Их знали уже ацтеки и называли развалины «Местом Печали». Кроме пирамиды и дворцов, которые обычно встречаются в индейских городах, особого внимания там заслуживает знаменитый Колонный зал с гигантскими фаллическими столбами.

В 1831 году мексиканский археолог Альфонсо Касо сделал сенсационное открытие. Проводя раскопки на Монте-Альбан (Белая Гора) в штате Оахака, он наткнулся на огромный, овеянный таинственностью город. Многие археологи считают, что он древнее Митлы и являлся когда-то столицей сапотеков. Это обширное нагромождение руин величественных храмов и дворцов, статуй, керамики редкой красоты, каменных плит с иероглифами и барельефами, изображающими богов.

Однако больше всего славится Монте-Альбан найденными там сокровищами. В многочисленных древних могилах покоились скелеты, богато украшенные драгоценностями из прекрасно отшлифованного горного хрусталя, золота, яшмы, жемчуга, янтаря, кораллов, обсидиана, перламутра и зубов ягуара. Среди ожерелий, булавок, серег, брошей, диадем, браслетов и колец там были найдены золотые табакерки, веера из разноцветных перьев, а также золотые маски, которые точно передавали черты лица покойных. Имеются данные, что сапотеков из этого города в XII веке изгнали тольтеки.

Благодаря археологическим изысканиям мы знаем, что уже за несколько столетий до нашей эры Центральную Америку населяли многочисленные и высокоразвитые народы, в истории которых произошло чрезвычайно много трагических событий и катастроф. В 1942 году археолог А. Г. Веррил обнаружил в Панаме руины так называемой культуры «кокле». Огромная площадь в 1400 квадратных километров была буквально усеяна могилами, статуями, храмами, но прежде всего — совершенно невероятным количеством керамических черепков, орудий и предметов домашнего обихода.

Наиболее интересным археологическим памятником является Храм Тысячи Богов, расположенный между двумя реками и занимающий площадь в 100 акров. Сотни статуй и огромных базальтовых колонн, сверху донизу покрытых полихромированными барельефами и иероглифами, расставлены в форме правильного четырехугольника. Колонны имеют самые различные профили: квадратные, круглые, восьмиугольные и эллиптические.

Золотые фигурки божков из Панамы, найденные в колодезе Чичен-Ицы.

Все статуи — людей, птиц, пресмыкающихся, а также всех четвероногих животных, обитающих в Панаме, — смотрят на восток. Обнаженные человеческие фигуры имеют своеобразные головные уборы и в качестве украшения — ожерелья.

Сцены, выполненные резцом неизвестных скульпторов, наводят ужас. Мы видим, например, «сиамских близнецов» со сросши-

мися спинами. В другом месте ягуар держит лапу на поваленном мужчине или пожирает младенца. Очень часто встречаются статуи представительных мужей, которые поглаживают рукой длинные кудрявые бороды.

Ближайшие каменоломни, где жители города брали строительный материал, находились за рекой, на расстоянии свыше 15 километров. Доставить эти громадные монолиты к храму представлялось бы сегодня делом нешуточным, что же говорить о тех далёких временах, когда, по всей вероятности, люди полагались лишь на свою физическую силу. Справиться с этим гигантским заданием мог только объединенный труд широких народных масс. Храм Тысячи Богов был возведен несколькими поколениями представителей уже организованного и значительно продвинувшегося вперед в своем историческом развитии общества.

У подножий колонн стояли хорошо отесанные и отшлифованные плиты из прозрачного порфира или из яшмы желтого и красного цветов. На них лежали человеческие кости и зубы, смешанные с окаменевшим деревом и голенищами. Напрашивается вывод, что это были алтари, на которых приносили богам человеческие жертвы.

Земля вокруг храма бесплодна и для обработки не годится. Возникает вопрос, как же там могли жить люди. Ответ найти нетрудно; когда-то земля давала неплохие урожаи и только пепел и лава вулкана Гвакамайо, который возвышается поблизости, у подножья Кордильер, превратили её в пустыню.

Кратер вулкана до сегодняшнего дня стоит обшарпанный, голый и закопченный; из глубины доносится глухой рокот и вырываются клубы пара и горячая вода, а все окрестности покрыты саваном вулканической пыли. Летом весь край — выжженная солнцем пустыня, а в период дождей — непролазное болото.

Ряд обстоятельств свидетельствует о том, что панамские руины относятся к древнейшим временам. На постройках лежит слой земли от одного до трех метров. Мексиканские археологи путем сложных вычислений определили, что слой земли толщиной в один метр мог возникнуть не менее чем за 1200 лет.

Из этого следует, что панамский город жители окончательно покинули где-то около VII века, но некоторые его районы, покрытые трехметровым слоем земли, опустели уже за 1700 лет до нашей эры.

Этот город, прежде чем в нем замерла жизнь, несомненно, уже был безмерно старым. Если даже работы выполняли тысячи или десятки тысяч строителей, то транспортировка монолитов и возведение стольких сооружений не могли быть плодом усилий всего лишь нескольких поколений.

Одной из удивительных особенностей этих руин является обилие керамических черепков. Они валяются всюду, но больше всего их на территории храма, у подножий статуй и колонн.

Чем объяснить это? Археологи разрешили загадку совершенно

случайно. На колоннах и статуях они обнаружили немало следов от ударов глазурованной посудой. Вероятно, религиозный обряд требовал приношения в жертву богам гончарных изделий.

О древности этого обычая свидетельствует то обстоятельство, что в некоторых местах слой черепков достигает шести метров. Это позволило археологам проследить ход развития неизвестной культуры. В самых нижних наслоениях найдена керамика с очень примитивным линейным орнаментом, а в верхних — посуда с удивительно прекрасной глазурью и богатой орнаментацией. Прошло много веков, прежде чем искусство керамики достигло вершин совершенства.

Однажды археологов охватило волнение, не поддающееся описанию. Не веря собственным глазам, они увидели на одном из бесчисленных барельефов отчетливое изображение слона! Слоны действительно водились в Центральной Америке, но вымерли приблизительно 10 тысяч лет тому назад. Неподалеку от Теотихуакана расположен городок Тепехпан. В 1947 году там нашли останки индейского охотника и кости слона. Исследования показали, что находки относятся к XV тысячелетию до нашей эры.

Но каким же образом панамскому пранароду удалось увидеть слона? Ответ может быть лишь один: либо город существовал за 10 тысяч лет до нашей эры, либо его население поддерживало непосредственные отношения со странами Востока морским путем.

Об этом народе мы знаем совсем немного. Известно только, что он был миролюбивым — во время раскопок ученые нашли совсем мало оружия, — что его культура удивительно похожа на культуру майя, что он поклонялся солнцу и, как все другие народы Центральной и Южной Америки, верил в пернатого змея. Судя по барельефам, мужчины были рослые, мускулистые, с круглыми головами и строением тела не походили на американских индейцев.

Какая же катастрофа обрушилась на эту богатую, буйную культуру и уничтожила ее? Мы имеем на это совершенно определенный ответ. Его дают нам сами камни, красноречиво повествующие о ходе событий.

Огромные колонны, разбросанные и изломанные, словно спички, монолитные глыбы, как будто бы рукой великанов разбитые и далеко отброшенные от своих пьедесталов, статуи, перевернутые вверх ногами, изрезанная глубокими складками земля, слой вулканического пепла — разве все это не свидетельствует о мощном землетрясении?

Нетрудно представить себе, что произошло. Вулкан Гвакамайо, находящийся на расстоянии 10 километров, однажды пробудился ото сна, заревел и взорвался огненным фонтаном. Земля зашаталась, как пьяная. Ислуганные жители, уцелевшие после первого подземного толчка, побежали, как сумасшедшие, в храм, чтобы гекатомбами (большими жертвоприношениями) умиловить разгневанных богов. Но их мольбы не были услышаны. Земля продолжала содрогаться и раскачиваться, как разбушевавшееся море, вул-

кан рокотал и гремел, засыпая окрестности раскаленным пеплом. Люди, не погибшие под дождем огромных валунов и не отравившиеся ядовитыми испарениями, убежали в глубь джунглей и смешались с дикими племенами индейцев. Над обширной страной Панама, где в течение тысячелетий была ключом жизнь талантливой народа, воцарилась мертвая тишина.

Сокровища позолоченного человека

В марте 1536 года близ Калифорнийского залива с группой испанских путешественников произошел необыкновенный случай. Заикаясь и глотая слова от возбуждения, отчаянно жестикулируя, им неожиданно преградил дорогу белый мужчина в окружении нескольких индейцев. Своей бородой и длинными волосами он напоминал библейского патриарха.

Незнакомец сбивчиво рассказал, что его корабль потерпел крушение у берегов Флориды, и из всего экипажа уцелел только он один. Выброшенный волнами на берег, он пробирался на Запад; пользуясь гостеприимством индейцев, незнакомец пересек весь американский континент и, наконец, оказался возле Тихого океана, в Калифорнии.

Однако наибольшее впечатление на испанцев произвели его рассказы о семи чудесных городах Сиболи, которые якобы лежали где-то на севере. Их обитатели будто бы жили во дворцах, усыпанных сапфирами, а золота у них было столько, сколько им хотелось.

Слух о легендарных городах молниеносно разнесся по всей Европе. Сюда стали прибывать бесчисленные толпы искателей сокровищ и приключений. Самую большую экспедицию организовал Франсиско Васкес де Коронадо. Но вместо золота, сапфиров и бирюзы Коронадо нашел в Аризоне нищенские мазанки индейцев. Семь городов Сиболи оказались сущим вымыслом мечтателей.

В глубине южно-американского континента, кроме того, якобы существовало легендарное Эльдorado — город, целиком построенный из золота, который был виден за много миль: он блистал на солнце, как огненная гора. Жители волшебного города сгибались под тяжестью украшений и изумрудов величиной с куриное яйцо.

Эльдorado очаровало и захватило воображение многих странствующих рыцарей, бродяг и авантюристов. Свыше 100 лет тысячи людей в поисках призрачного города переносили невероятные лишения, гибли от болезней, нездорового климата и отравленных стрел воинственных индейцев.

В 1536 году молодой испанец Гонсало Хименес де Кесада возглавил экспедицию из 875 солдат, чтобы двинуться на поиски Эльдorado. Его армия выглядела живописно и воинственно. Вождь был вырван в черный вельветовый камзол, расшитый серебром; на его голове поблескивал стальной шлем. Офицеры щеголяли

в роскошных одеяниях из пурпурного шелка и в широких шляпах, увенчанных заливхватскими султанами. Солдаты — громилы, как на подбор, — были закованы в железо.

Марш по джунглям Южной Америки, а потом через высокогорные перевалы Анд, однако, показался им настоящим адом. Блестящее войско растаяло наполовину: солдаты умирали, болели и дезертировали. Павлиньи наряды вождя и офицеров превратились в лохмотья.

Через несколько месяцев у измученных конкистадоров снова появилась надежда. Одна из многочисленных стычек с индейцами принесла им добычу в виде изумрудов и золотых украшений. Это разожгло аппетиты завоевателей и придало им сил. Но из 875 солдат к тому времени уже осталось только 200 жалких, недобитых вояк, которые походили на нищих.

На вершинах Анд, касающихся облаков, в современной Колумбии дорогу им преградила армия индейцев из племени чибча (муска). Битва была короткой, но отчаянной. Индейцы со своими копьями и пращами не могли одолеть испанцев, вооруженных аркебузами; конкистадоры одержали победу.

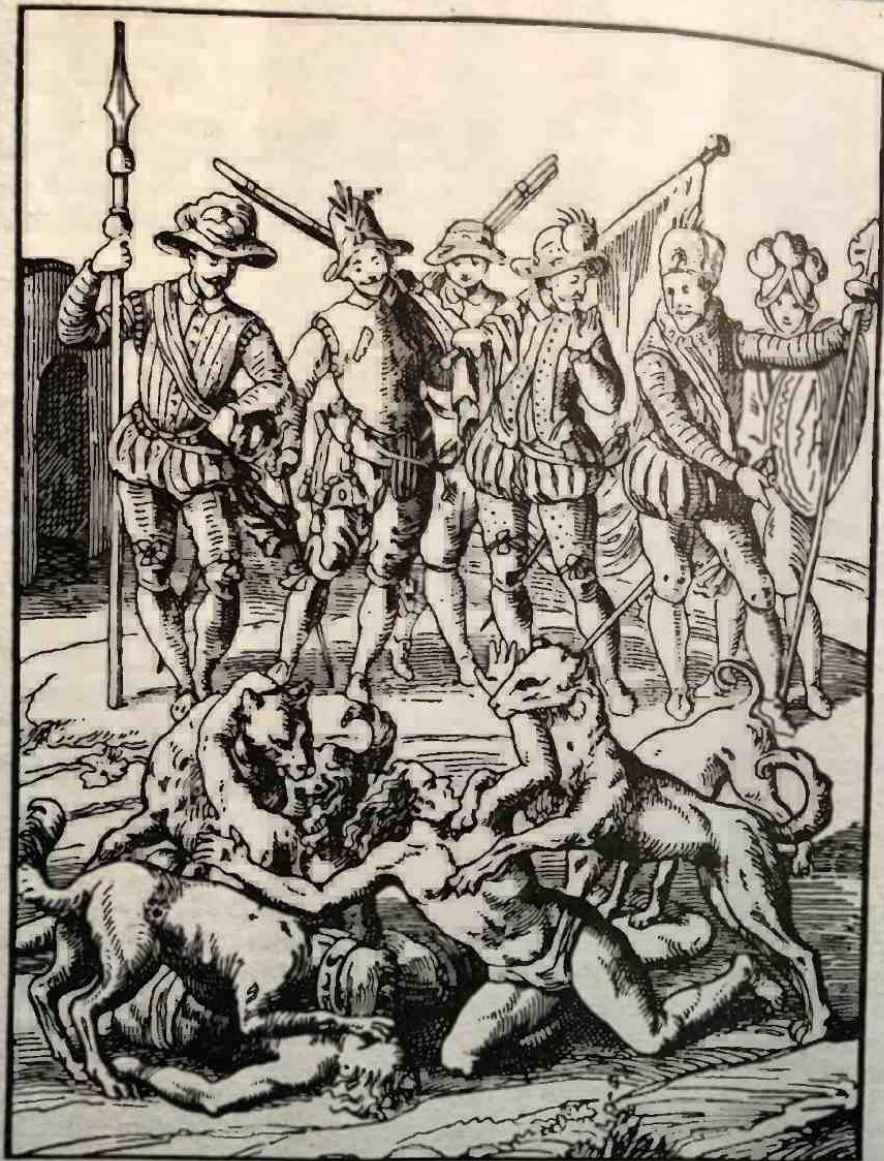
В стране чибча лежит озеро Гватавита, обрамленное отвесными скалами. Испанцы разбили там лагерь и бросились грабить индейцев, отбирая у них все золото. Когда его больше не стало, завоеватели начали пытаться индейских вождей, требуя, чтобы они сказали, где спрятаны предполагаемые золотые сокровища. Но единственным ответом, который они получали от несчастных, подвергнутых пыткам, был жест, указывающий на глубины озера; именно там якобы находилось все золото племени.

Как-то утром под звуки флейт и барабанов к озеру с пением стала приближаться танцевальным шагом длинная процессия индейцев. В самом центре шествия несли паланкин, в котором восседал король племени. На берегу короля высадили из паланкина, раздели догола, намазали смолами и густо обсыпали золотым порошком. Позолоченный человек, блестя на солнце, вошел в лодку, выплыл на середину озера и нырнул в воду.

Через некоторое время он появился на поверхности, уже смыв с себя золото, и вернулся на берег. Индейцы громкими возгласами приветствовали короля. И тут испанцы были ошеломлены: в конце обряда посыпался обильный дождь из различных золотых драгоценностей — ожерелий, диадем, браслетов, колец и брошей, добытых из тайников. Все эти сокровища пошли на дно озера.

В основе ритуала, как узнали испанцы через переводчиков, лежала старая легенда индейцев чибча. Было это очень давно: король Сипа посадил на кол любовника своей жены, а ее заставил есть его тело. Жена, обезумев, схватила дочку и бросилась в озеро, где с тех пор живет рядом с новым супругом — пернатым змеем.

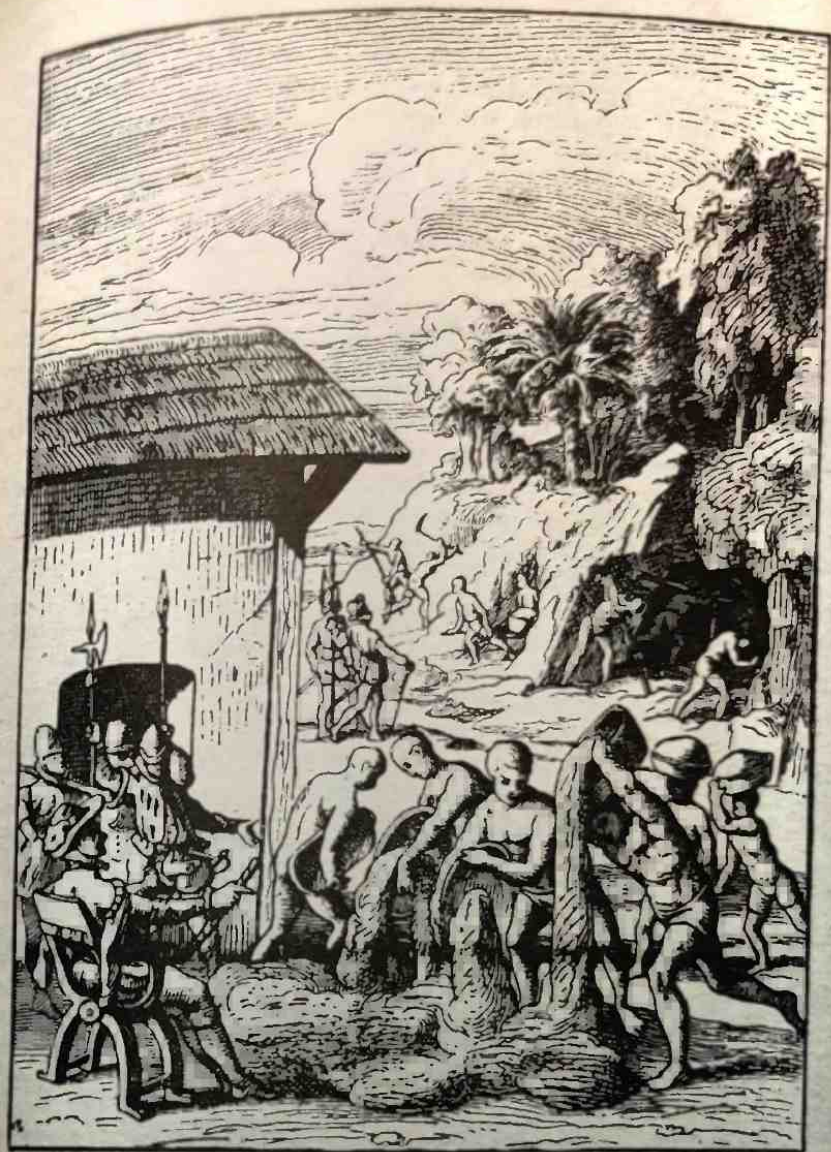
Прошло много времени, но каждый год — так говорится в песне жрецов — короли племени чибча по традиции ныряют в озеро,

Испанцы травят индейцев собаками. Со старинной гравюры.

чтобы жертвами из золота и изумрудов вымолить прощение за ужасный проступок своего предка.

Этот обычай существовал уже несколько столетий. Но удивительнее всего было то, что чибча не имели золотых россыпей. Золото они получали от соседей в обмен на картофель, кукурузу, фасоль и прежде всего — изумруды, которых было очень много в горах. Изумруды индейцев чибча путем обмена доходили до народа кокле в Панаме и даже до Мексики, где в руки Кортеса попал прекрасный изумруд величиной с утиное яйцо.

Индейцы Эспаньолы, добывающие для испанцев золото. Со старинной гравюры.

В поисках сокровищ испанцы как-то раз зашли в селение Тунха, лежавшее на восток от озера Гватавита. Они увидели там необычное зрелище. Над завалинками индейских хижин висели большие золотые листы, тонкие, как бумага. На ветру золото раскачивалось, издавая нежные звуки, напоминающие арфу.

Жрецы носили золотые серьги исключительно тонкой работы и диадемы, в которые были воткнуты разноцветные перья. Все жители украшали свои одежды изумрудами величиной с грецкий

орех. С носов у них свисали огромные золотые украшения, закрывавшая губы и придавая их голосам странный металлический оттенок.

Два года шныряли конкистадоры по этой стране, грабя индейцев. По словам Хименеса Кесады, они собрали столько золота, что могли бы им заполнить большую комнату до самого потолка, кроме того, захватили 1185 очень ценных изумрудов. Во время этих грабительских походов завоеватели основали город Боготу, нынешнюю столицу Колумбии, которая лежит на высоте 2645 метров над уровнем моря.

В феврале 1539 года разнеслась весть, что приближается какая-то неизвестная испанская армия. Оказалось, что ею командует Себастьян де Бенадькасар, бывалый конкистадор, сильный, отчаянный авантюрист, в жилах которого текла огненная мавританская кровь. В Анды его тоже заманила легенда об Эльдорадо.

Жизнь Бенадькасара была полна приключений. Начал он ее погонщиком ослов. Однажды осел попал в трясину, и это так разозлило Бенадькасара, что он убил его одним ударом кулака. Боясь наказания, он убежал в Кадис, где нанялся на корабль, отплывающий в Америку.

Бродя по Южной и Центральной Америке, он основал в 1534 году города Леон и Кито. Там Бенадькасар узнал от индейцев о «позолоченном человеке» и немедленно пустился в путь, быстро собрав отряд отчаянных головорезов.

Две армии остановились одна против другой в полной боевой готовности. Стычка вот-вот уже должна была произойти на глазах индейцев, как вдруг, к их неописуемому удивлению, из джунглей показалась третья армия, состоявшая из испанских обормотцев на тощих, измученных клячах. Возглавлял это войско рыжебородый немец Николаус Федерман из города Ульма, агент тех, кто получил во владение от германского императора Венесуэлу. Прослышав о золоте племени чибча, Федерман двинулся во главе отряда из 400 солдат на запад, к Андам. Свыше трех лет он продирался сквозь джунгли, борясь с воинственными индейцами и малярией. Стычки и болезни до такой степени опустошили отряд, что когда он появился у озера Гватавита, в его рядах насчитывалось только 100 совершенно изможденных смертников.

После долгих и напряженных переговоров конкистадоры решили отказаться от вооруженной борьбы, а вопрос о том, кто будет господствовать над племенем чибча, передать на рассмотрение испанского императора. Однако прошли годы, все они умерли в Испании, так и не дождавшись решения монарха.

Союз, заключенный разбойниками, обернулся против индейцев чибча. Совершенно ограбленные, закованные в кандалы и обреченные на рабский труд, они вскоре полностью вымерли. Конкистадоры захватили все украшения и, не считаясь с художественной ценностью, переплавили в золотые слитки.

Но оставались еще сокровища на дне озера. В 1580 году купец из Лимы Антонио Сепульведа приобрел право поднять их

Ловля жемчуга индейцами. Со старинной гравюры.

наверх. К делу он приступил весьма оригинально. Купец взял несколько сот индейцев и приказал им вырубить в скалистом берегу канал, чтобы спустить из озера воду. Вскоре на берегах показался черный ил, в котором, как изюминки в тесте, виднелись бесчисленные золотые украшения и изумруды.

Однако дно озера имело форму глубокой воронки, и чтобы

добраться до самой середины — ведь именно там находилась еще часть сокровищ — уровень воды следовало понизить еще больше. Тем временем, когда Сепульведа извлек из озера прекрасный скипетр, усыпанный изумрудами, капиталы его исчерпались. Императорские чиновники конфисковали найденные сокровища, а сам Сепульведа умер в приюте для нищих. Драгоценности, которые он добыл, ныне хранятся в музее Колумбии, вызывая всеобщее восхищение.

Из колумбийских архивных документов мы узнаем, что на протяжении XVII и XVIII веков предпринималось очень много попыток извлечь из озера сокровища чибча. Но с помощью технических средств того времени невозможно было настолько осушить озеро, чтобы добраться до самого глубокого места воронкообразного дна, туда, где лежала большая часть сокровищ. В XIX веке это дело снова приобрело широкую известность благодаря немецкому географу и путешественнику Александру Гумбольдту, который еще в молодости мечтал отыскать сокровища Эльдorado. В 1801 году он прибыл в Боготу, где организовал экспедицию на озеро чибча. Знаменитый путешественник составил точную карту озера и подсчитал, что на дне должно находиться не менее 50 млн. золотых украшений.

В 1912 году в Англии для эксплуатации озера было основано общество с капиталом в 30 тысяч стерлингов. Современные искатели золота решили полностью осушить озеро и с этой целью переправили на мулах через Анды мощные паровые насосы.

Через несколько недель напряженного труда озеро превратилось в маленький пруд, лежащий на целых 12 метров ниже своего обычного уровня. Из густого зловонного ила рабочие-индейцы выгребли лопатами невероятное количество золотых украшений и изумрудов. Казалось, что озеро будет вынуждено, наконец, отдать столь ревниво оберегаемую сокровищницу. Но на солнце ил мгновенно высыхал, застывая, как бетон, и здесь даже новейшая техника оказалась бессильной. Англичане были вынуждены прекратить работы.

Так, сотни тысяч, а может и миллионы золотых изделий огромной исторической и художественной ценности продолжают лежать в глубинах озера Гватавита. Нет сомнения, что в ближайшем будущем их снова попытаются извлечь с помощью новейших технических методов. Но теперь, при современном состоянии науки, они уже не станут жертвой бессмысленной алчности авантюристов, не будут переплавлены в золотые слитки; под заботливой опекой археологов они окажутся в музеях мира, прославляя гений погибшего племени чибча.

В стране тысячи тайн.

Исследователи Центральной и Южной Америки, как это следует из предыдущих глав, могут похвалиться блестящими ре-

зультатами археологических изысканий. Но по сути дела мы еще очень мало знаем о народах, которые населяли эти пространства до прихода белых. Их история до сих пор окутана тайной. Нам не известно происхождение этих талантливых народов, истоки их общественной и культурной жизни, и пока что мы не можем установить обстоятельство и причины их гибели.

Археологи встретились здесь, пожалуй, впервые с тем, что культурные наслоения хранят глухое молчание о постепенном развитии этих цивилизаций, об их многовековом росте и расцвете. Письмо майя относится к удивительнейшим достижениям человечества; оно могло быть лишь результатом многовекового и сложного развития. Но в надписях нет и следа этой эволюции. То же самое можно сказать о многих других достижениях индейских народов в области астрономии, математики, искусства и строительства.

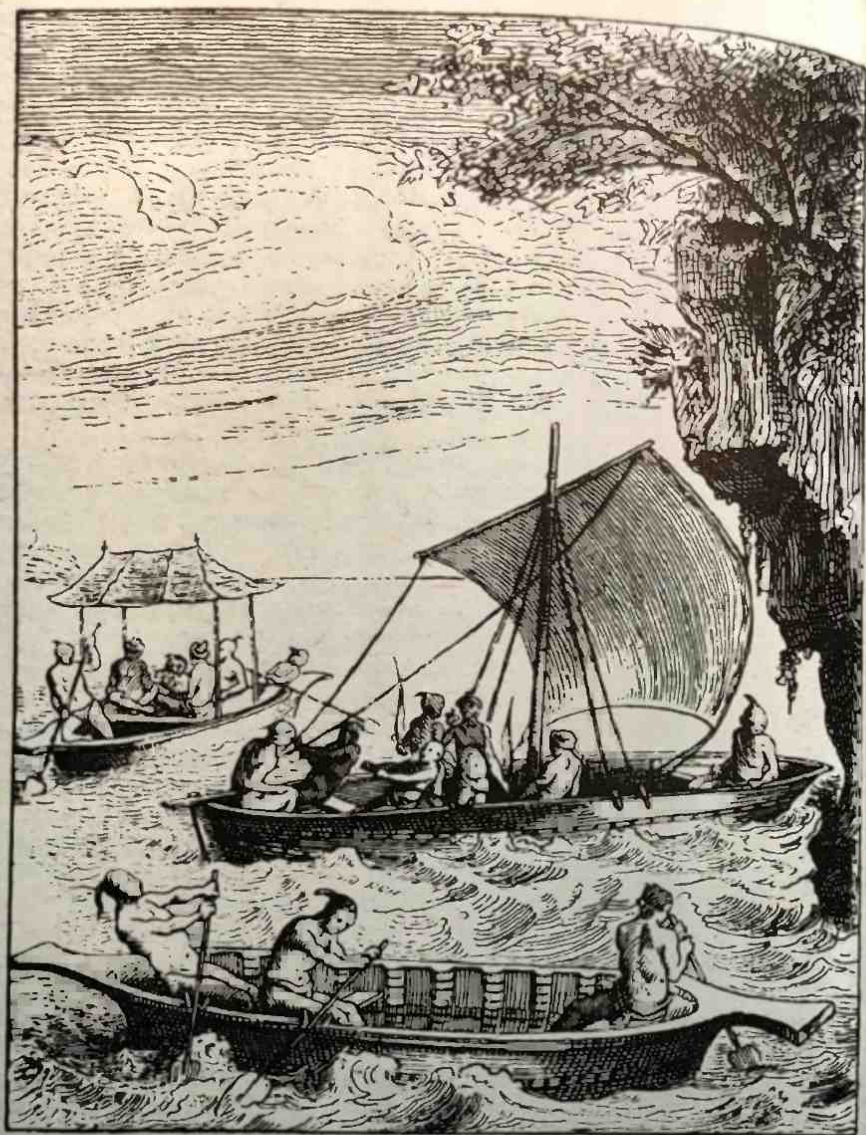
Только одно ясно: народы американского континента родственны между собой как в расовом, так и в культурном отношении. У них много общего и в обычаях, и в религии. Все индейцы строили храмы на гигантских фундаментах в форме пирамид, исповедовали культ солнца и луны, а также верили в миф о белом бородатом боге, символом которого являлся пернатый змей. У них были общие, очень своеобразные предрассудки, не встречающиеся больше нигде в мире. Так, например, они жили, постоянно охваченные фаталистической верой в конец света, который должен был наступить на склоне одного из 52-летних циклов. В индейских хрониках, календарных исчислениях, легендах и пророчествах далеко не последнюю роль играло число «13», которое считалось священным и приносящим счастье.

Археологические изыскания в руинах Паленке и других городов показали, что все древние народы Мексики знали и почитали знак креста. В их религии имелись обряды, напоминающие христианские: исповеди, покаяние, крещение младенца и нечто вроде причастия — они ели божков, слепленных из кукурузной муки.

Эти народы во многих отношениях достигли высокого уровня развития и тем не менее не смогли изобрести колеса и гончарного круга, не приручили ни одного вьючного животного (исключение составляют индейцы — жители Анд, которые приручили ламу). Они мастерски обрабатывали медь, золото и серебро, но не открыли железа, а это кажется особенно странным: ведь даже примитивнейшие негритянские племена в Африке научились его выплавлять.

Неожиданное появление этих развитых цивилизаций может иметь только одно объяснение: индейцы не коренное население американского континента, они явились там, уже обладая большими культурными достижениями. Но откуда они могли прийти?

Ученые выдвигают три предположения. Какие-то кочевые

Индейцы на своих пирогах. Со старинной гравюры.

племена, преследуя на охоте зверей, перешли всю Сибирь и однажды в изумлении остановились перед Беринговым проливом. Он имеет всего лишь 50 километров ширины, поэтому в безоблачные дни на противоположной стороне отчетливо вырисовывается берег Аляски. При виде неизвестной земли, манящей своей загадочностью, охотники загорелись желанием переправиться туда любой ценой.

Путешествие на байдарках через морской пролив в то время не представляло никаких трудностей, как теперь. Уровень воды тогда был значительно ниже, а поэтому нынешние Алеутские острова тянулись длинной цепью, соединяя оба континента.

Одним из аргументов в пользу этого предположения является то, что лица многих индейцев выдают их монгольское происхождение. (Никакие несомненные доказательства того, что древние цивилизации Америки развились в результате появления народов из Старого Света, пока не найдены.— Ред.)

Другая группа ученых считает, что индейцы прибыли на американский континент из Океании или с какого-то уже не существующего архипелага. Но могло ли большое количество индейцев переплыть огромные морские просторы на примитивных плотах, кое-как сделанных из пальмовых стволов и растительных веревок?

Сторонники этой гипотезы отвечают следующим образом. Да, это лежало в границах возможного, ведь уже доказано, что остров Пасхи является остатком огромного архипелага, который относительно недавно погрузился в глубины Тихого океана. Архипелаг тянулся в сторону американского континента, а ветры в Тихом океане чаще всего дуют в этом направлении; поэтому достаточно было довериться парусам, чтобы, переправляясь от острова к острову, в конце концов достичь берегов Америки.

Некоторые открытия служат веским доказательством этой гипотезы. Прежде всего установлено, что десятки слов американских племен не только похожи по звучанию на слова в диалектах Океании, но более того — имеют одинаковое значение. Свои доказательства привела также и археология. В доисторических могилах Калифорнии найдены топорики, вытесанные из камня, который встречается только на островах Тихого океана. Следует, наконец, упомянуть о наблюдениях этнографов: цветом кожи, чертами лица и рядом других расовых признаков некоторые индейские племена очень напоминают туземцев Океании.

Однако наиболее убедительной кажется точка зрения третьей группы ученых, которые не видят никакого противоречия между двумя предыдущими гипотезами. Они считают, что разнообразность расовых типов среди индейцев указывает на то, что иммиграция индейских племен происходила в течение многих столетий обоими названными путями: и через Берингов пролив, и с островов Тихого океана.

Совершенно иного мнения придерживаются те ученые, которые утверждают, что индейцы прибыли с востока, т. е. из Европы, колонизировали американский континент, а потом на примитивных плотах переплыли Тихий океан и заселили острова Океании. К этой группе принадлежит норвежский этнограф Тур Хейердал.

Желая доказать возможность такого морского путешествия, он построил бальсовый плот и вместе с несколькими товарищами

переплыл Тихий океан. Его книжка «Путешествие на «Кон-тики» получила широкую известность во всем мире.

Мировая печать принесла интереснейшие известия об археологическом открытии Тура Хейердала. Стремясь найти более веские доказательства в пользу своей гипотезы, Хейердал отправился на остров Пасхи, известный тем, что там находятся десятки гигантских каменных изваяний, сооруженных много веков назад каким-то таинственным исчезнувшим народом.

На склонах вулкана Рану Рарака норвежец откопал огромные каменные скульптуры. Это были статуи людей, на груди которых виднелись резные изображения парусников с поднятыми парусами. Другие орнаменты на этих статуях своим стилем и манерой исполнения удивительно напоминают искусство перуанских инков. Кроме того, в горах открыты террасы, окруженные стенами; точно такие же террасы встречаются в стране инков, на склонах величественных Анд.

Это открытие имеет немалое значение — оно свидетельствует о том, что инки уже в давние времена колонизировали остров Пасхи. Однако этот факт не решает проблемы происхождения индейцев: он может служить доказательством как первой, так и второй миграционных гипотез.

В сфере предположений находится также вопрос о времени появления индейцев на американском континенте. Но бесспорным можно считать одно: город культуры «кокле» в Панаме существовал еще за 2 тысячи лет до нашей эры. Сенсацией явился найденный там барельеф слона, ведь это могло бы свидетельствовать о том, что за 10 тысяч лет до нашей эры, т. е. в те времена, когда в Америке еще водились слоны, люди уже строили там города.

Установить эту дату помогло в какой-то степени открытие пирамиды, лежащей на южной окраине города Мехико среди мощного нагромождения базальтовых глыб и окаменевшей лавы. Пирамиду вместе с окружающими ее селениями также постигло стихийное бедствие. Соседние вулканы Ахуско и Хитли, ныне уже погасшие, однажды плюнули огнем и залили все окрестности потоком лавы высотой в десять метров.

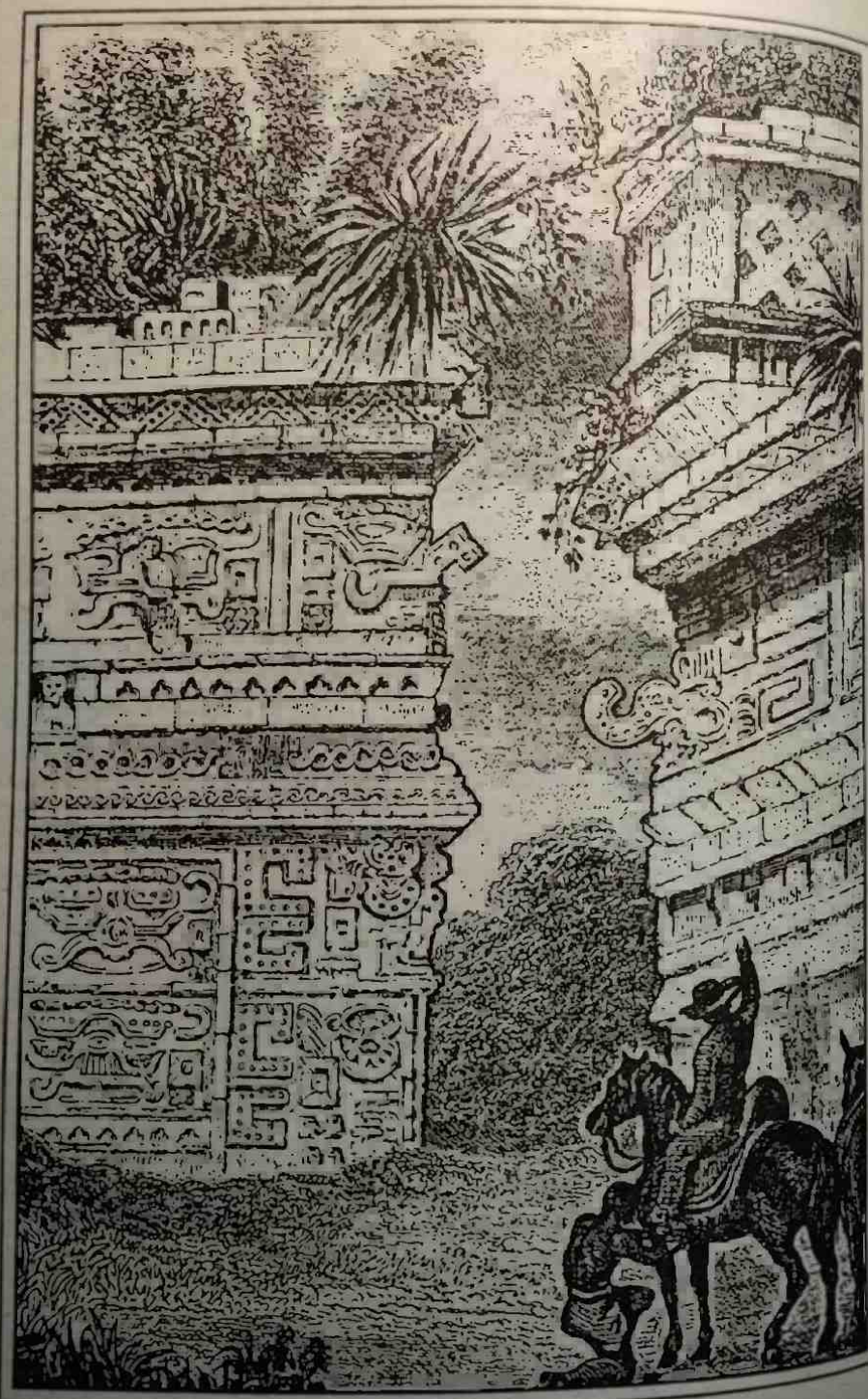
Археологи, желая установить, когда произошла катастрофа, обратились за помощью к геологам, которые определили на основании анализа окаменевшей лавы, что это случилось без малого 8 тысяч лет назад.

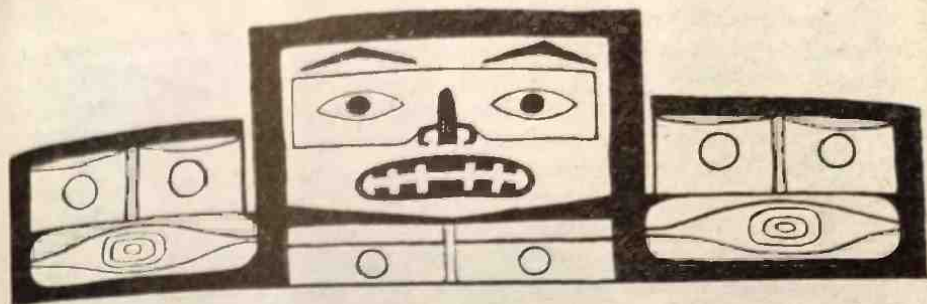
Если их расчеты научно правильны (некоторые геологи ставят их под сомнение), то мы имели бы здесь дело с самой древней культурой мира, намного более древней, чем культуры Месопотамии и Египта.

БЕЛЫЕ БОГИ ИНДЕЙЦЕВ

Н. Непомнящий

БЕЛЫЕ БОГИ ИНДЕЙЦЕВ*

Пропавшая экспедиция

Когда немецкий путешественник прошлого века Генрих Барт впервые обнаружил в Сахаре наскальные изображения влаголюбивых животных и рассказал об этом в Европе, его подняли на смех. После того, как другой немецкий исследователь, Карл Маух, поделился с коллегами своими впечатлениями о гигантских сооружениях Зимбабве, его окружила стена холодного молчания и недоверия. Англичанина Перси Фосетта, путешествовавшего по Бразилии в начале нашего века, ждала та же неблагодарная участь, если бы он не исчез навсегда в джунглях, оставив лишь книгу путевых заметок, которую назвали потом «Неоконченное путешествие».

Вот что сообщал в ней Фосетт: «На Кари живут белые индейцы,— сказал мне управляющий.— Мой брат однажды отправился на баркасе вверх по Тауману, и в самых верховьях реки ему сказали, что поблизости живут белые индейцы. Он не поверил и только посмеялся над людьми, которые это говорили, но все-таки отправился на лодке и нашел безошибочные следы их пребывания.

...Потом на него и его людей напали высокие, красивые, хорошо сложенные дикари, у них была чистая белая кожа, рыжие волосы и голубые глаза. Они сражались как дьяволы, и когда мой брат убил одного из них, остальные забрали тело и убежали».

Перечитывая комментарии к дневникам, с горечью убеждаешься, насколько глубоко за последние десятилетия в сознание людей проникло недоверие к свидетельствам очевидцев, в частности путешественников. Впрочем, это можно понять — слишком много за это время родилось подделок и мистификаций, дискредитировавших истинное положение того или иного вопроса. Фосетту не верят. Вернее, верят, но очень немногие. Может быть,

* Глава печатается по книге «Тайное, забытое, невероятное...», М., Общество по изучению тайн и загадок Земли, Ларге, 1991.

это объясняется таинственностью и кажущейся нереальностью событий, описываемых в книге?.. «Здесь я снова услышал рассказы о белых индейцах. Я знал человека, который встретил такого индейца, — сказал мне британский консул. — Эти индейцы совсем дикие, и считается, что они выходят только по ночам. Поэтому их зовут «летучими мышами». «Где они живут?» — спросил я. «Где-то в районе потерянных золотых приисков, не то к северу, не то к северо-западу от реки Диамантину. Точное местонахождение их никому не известно. Мату-Гроссу — очень плохо исследованная страна, в гористые районы на севере еще никто не проникал... Возможно, лет через сто летающие машины смогут это сделать, кто знает?»

Летающие машины смогли сделать это через три десятка лет. В 1930 году, пролетая над районами Гран Сабана, американский летчик Джимми Энджел обнаружил огромные неизвестные провалы в земле и гигантский водопад. И это в век, когда, как считается, все уголки Земли уже открыты и исследованы...

Успех конкистадоров.

...Все началось с Колумба. «Мои посыльные сообщают, — писал он 6 ноября 1492 года, — что после долгого марша нашли деревню на 1 000 жителей. Местные встретили их с почестями, поселили в самых красивых домах, позаботились об их оружии, целовали им руки и ноги, пытаясь дать им понять любым способом, что они (испанцы — Н. Н.) — белые люди, пришедшие от бога. Около 50 жителей попросили моих посыльных взять их с собой на небеса к звездным богам». Это первое упоминание о почитании белых богов у индейцев Америки. «Они (испанцы — Н. Н.) могли делать все, что угодно, и никто им не препятствовал; они резали нефрит, плавили золото, и за всем этим стоял Кецалькоатль...» — писал вслед за Колумбом один испанский хронист.

Бесчисленные легенды индейцев обеих Америк повествуют о том, что некогда на берегах их страны высадились белые бородастые люди. Они принесли индейцам основы знаний, законы, всю цивилизацию. Они прибыли на больших странных судах с лебедиными крыльями и светящимся корпусом. Подойдя к берегу, корабли высадили людей — голубоглазых и светловолосых — в одеяниях из грубого черного материала, в коротких перчатках. На лбу у них были украшения в форме змеи. Эта легенда почти без изменений дошла до наших дней. Ацтеки и тольтеки Мексики называли белого бога Кецалькоатль, инки — Кон-Тики Виракоча, для чибча он был Бочика, а для майя — Кукулькан...

Много лет занимаются этой проблемой ученые. Собраны обширные данные устных традиций индейских племен Центральной и Южной Америки, археологические свидетельства и материалы средневековых испанских хроник. Рождаются и гибнут гипотезы...

Христофор Колумб. Со старинной гравюры.

В письме Колумба ясно видно то благоволение и почтение, которое было оказано первым испанцам на американской земле. Мощная цивилизация ацтеков с прекрасной военной организацией и многомиллионным населением уступила немногочислен-

Франсиско Писарро. Со старинной гравюры.

ным испанцам. В 1519 году отряд Кортеса свободно шел через джунгли, поднимаясь к столице ацтеков. Ему почти не препятствовали...

Войска Писарро также использовали как могли заблуждение инков. Испанцы ворвались в храм в Куско, где стояли золотые

и мраморные статуи белых богов, разбили и потоптали украшения, поражаясь странному поведению инков. Им, испанцам, не оказывали сопротивления. Жители Перу опомнились слишком поздно...

Детали конкисты хорошо описаны во многих книгах, и останавливаться на них нет смысла. Но далеко не везде содержатся попытки как-то объяснить непонятное поведение индейцев.

Ацтекские жрецы высчитали, что белый бог, покинувший их в год Ке-Акатль, вернется в этот же «особый» год, повторявшийся каждые 52 года. По странному стечению обстоятельств Кортес высадился на американском берегу как раз при смене определенных жрецами циклов. По одежде он тоже почти полностью «совпадал» с легендарным богом. И понятно, что индейцы несколько не сомневались в божественной принадлежности конкистадоров. А когда засомневались, было уже поздно.

Еще один интересный факт. Правитель ацтеков Монтесума послал одного из своих сановников (история сохранила его имя — Тендиле или Теутлите) к Кортесу с подарком — головным убором, наполненным золотом. Когда посланник высыпал украшения перед испанцами и все сгрудилось посмотреть, Тендиле заметил среди конкистадоров человека в шлеме, отделанном тончайшими золотыми пластинами. Шлем поразил Тендиле. Когда Кортес предложил ему отнести ответный дар Монтесуме, Тендиле умолил его дать только одну вещь — шлем того воина: «Я должен показать его правителю, ибо эта каска выглядит точно так же, как та, что однажды надел белый бог». Кортес отдал ему шлем с пожеланием, чтобы его вернули наполненным золотом...

Чтобы понять индейцев, нам нужно перенестись во времени и пространстве — в Полинезию первых веков нашей эры.

Шествие бородатых богов

Современные ученые сходятся во мнении, что расовая принадлежность полинезийцев до сих пор неясна. Несмотря на то, что они обязаны своим происхождением двум, а может быть, и нескольким расам, смешавшимся между собой, среди них и ныне часто встречаются люди с ярко выраженной доликоцефалией (длинноголовые) и светлой, как у южных европейцев пигментацией. Сейчас уже по всей Полинезии обнаружен так называемый арабскосемитский тип (термин Т. Хейердала) с прямым носом, тонкими губами и прямыми рыжими волосами. Эти черты отмечали еще первые европейские путешественники на всем протяжении от острова Пасхи до Новой Зеландии, так что говорить о каких-либо поздних смешениях с европейцами в данном случае нельзя. Люди этого странного типа, называемые полинезийцами «уру-кеу», произошли, по их мнению, от древней светлокожей и беловолосой «расы богов», первоначально населявших острова.

На острове Пасхи, наиболее удаленном от Полинезии и приближенном к Америке клочке суши, сохранились предания о том, что предки островитян пришли из пустынной страны на Востоке и достигли острова, проплыв 60 дней в сторону заходящего солнца. Сегодняшние островитяне — смешанные в расовом отношении — утверждают, что часть их предков имела белую кожу и рыжие волосы, в то время как остальные были темнокожими и черноволосыми. Это засвидетельствовали первые европейцы, побывавшие на острове. Когда в 1722 году остров Пасхи впервые посетил голландский корабль, то на борт в числе прочих жителей поднялся белый человек, а об остальных островитянах голландцы записали следующее: «Среди них есть и темно-коричневые, как испанцы, и совсем белые люди, а у некоторых кожа вообще красная, как будто ее жгло солнце...»

Из ранних сообщений, собранных в 1880 году Томпсоном, стало известно, что страна, находящаяся по легенде в 60 днях пути на восток, называлась так же «место захоронений». Климат там был так жарок, что люди умирали и растения сохли. К западу от острова Пасхи на всем огромном протяжении до Юго-Восточной Азии нет ничего, что могло бы соответствовать этому описанию: берега всех островов закрыты стеной тропического леса. Зато на востоке, там, где и указывали жители, лежат прибрежные пустыни Перу, и нигде больше в районе Тихого океана нет местности, которая лучше бы соответствовала бы описаниям легенды, чем перуанское побережье, и по климату, и по названию. Вдоль пустынного берега Тихого океана расположились многочисленные захоронения. Сухой климат позволил сегодняшним ученым детально изучить погребенные там тела. По первоначальным предположениям находящиеся там мумии должны были дать исследователям исчерпывающий ответ на вопрос: каков был тип древнего доинкского населения Перу? Однако мумии сделали все наоборот — они только задали загадки. Вскрыв захоронения, антропологи обнаружили там типы людей, доселе не встречавшихся в древней Америке. В 1925 году археологи открыли два больших некрополя на полуострове Паракас в южной части центрального перуанского побережья. В захоронении лежали сотни мумий древних сановников. Радиоуглеродный анализ определил их возраст — 2200 лет. Рядом с могилами исследователи нашли в больших количествах обломки твердых пород деревьев, которые обычно использовались для постройки плотов. Когда мумии вскрыли, то обнаружилось разительное отличие их от основного физического типа древнеперуанского населения.

Вот что писал тогда американский антрополог Стюарт: «Это была оторванная группа крупных людей, абсолютно не типичных для населения Перу». Пока Стюарт изучал их кости, М. Троттер делала анализ волос девяти мумий. По ее данным, цвет их в целом красно-коричневый, но в отдельных случаях пробы дали очень светлый, почти золотой цвет волос. Волосы двух

Атагуальпа, последний рисунок инка (правитель инков). Со старинной гравюры.

мумий вообще отличались от остальных — они вились. Далее Троттер установила, что форма среза волоса у различных мумий разная, и в захоронении встречаются практически все формы...

Еще один показатель — толщина волос. «Она здесь меньше, чем у остальных индейских, но и не такая маленькая, как у средней европейской популяции (например, голландцев)». Сама Троттер, сторонница «однородного» населения Америки, попыталась оправдать столь неожиданное для самой себя наблюдение тем, что смерть-де меняет форму волос. Но ей возразил другой авторитет в этой области, англичанин Доусон: «Я считаю, что после смерти с волосами не происходит сколько-нибудь значительных изменений. Выющиеся остаются выющимися, гладкие — теми же гладкими. После смерти они становятся ломкими, но цветовых изменений не происходит».

Франсиско Писарро писал об инках: «Правящий класс в перуанском королевстве был светлокожим, с кожей цвета спелой пшеницы. Большинство вельмож удивительно походили на испанцев. В этой стране я встретил индейскую женщину такую светлокожую, что поразился. Соседи зовут этих людей «детьми богов...»

Можно предположить, что эти слои придерживались строгой эндогамии и говорили на особом языке. Таких членов королевских семей было к приходу испанцев 500. Хронисты сообщают, что восемь правителей инкской династии были белыми и бородастыми, а их жены — «белыми, как яйцо». Один из летописцев, Гарсильясо де ла Вега, сын инкской царицы, оставил впечатляющее описание, как однажды, когда он еще был ребенком, другой сановник повел его в царскую усыпальницу. Ондегардо (так его звали) показал мальчику одну из комнат дворца в Куско, где вдоль стены лежало несколько мумий. Ондегардо сказал, что это бывшие инкские императоры и он спас их тела от разложения. Случайно мальчик остановился перед одной из мумий. Волосы ее были белы как снег. Ондегардо сказал, что это мумия Белого инки, восьмого правителя Солнца. Так как известно, что умер он в юном возрасте, то белизна его волос никак не может быть объяснена сединой...

Сопоставив данные о светлопигментированном элементе в Америке и Полинезии с легендами острова Пасхи о родине на Востоке, можно предположить, что белокожие люди шли из Америки в Полинезию (а не наоборот, как считают некоторые исследователи). Одно из доказательств тому — сходный обычай мумификации тел умерших в Полинезии и Южной Америке и полное отсутствие его в Индонезии. Распространившись на берегах Перу, способ мумификации знати был перенесен мигрантами (белыми?) на разрозненные и непригодные для этого островки Полинезии. Две мумии, найденные недавно в пещере на Гавайских островах, «продемонстрировали» в мелочах все детали этого обычая в древнем Перу...

Значит, белые божества индейцев жили в Перу?

Достаточно поверхностного знакомства с огромной и разножанровой литературой по истории Перу, чтобы обнаружить там

множество упоминаний о бородатых и белокожих индейских богах...

Уже упоминаемый нами Писарро и его люди, грабя и ломая инкские храмы, оставляли подробные описания своих действий. В храме Куско, стертом с лица земли, стояла огромная статуя, изображавшая человека в длинном одеянии и сандалиях, «точно такая же, что рисовали испанские художники у нас дома»...

В храме, построенном в честь Виракочи, тоже стоял великий бог Кон-Тики Виракоча — мужчина с длинной бородой и гордой осанкой, в длинном балахоне. Современник событий писал, что когда испанцы увидели эту статую, то подумали, что Святой Бартоломей дошел до Перу и индейцы создали монумент в память об этом событии. Конкистадоры были так поражены странной статуей, что не разрушили ее сразу, и храм на время миновала участь других подобных сооружений. Но скоро и его обломки растащили в разные стороны нищие крестьяне.

Обследуя территорию Перу, испанцы наткнулись и на огромные мегалитические сооружения доинкских времен, также лежавшие в развалинах. «Когда я спросил местных индейцев, кто построил эти древние памятники,— писал испанский хронист Сьеса де Леон в 1553 году,— они отвечали, что это сделал другой народ, бородатый и белокожий, как мы, испанцы. Эти люди прибыли задолго до инков и осели здесь». Насколько сильно и живуче это предание, подтверждает свидетельство перуанского археолога Валькарселя, который через 400 лет после де Лео-на слышал от индейцев, живших близ руин, что «эти сооружения были созданы народом-чужестранцем, белым, как европейцы». Озеро Титикака оказалось в самом центре «деятельности» белого бога Виракочи, ибо все свидетельства сходятся в одном — там, на озере, и в соседнем городе Тиауанако была резиденция бога. «Они рассказали также,— продолжает Леон,— что на озере, на острове Титикака в прошлые века жил народ, белый как мы, и один местный вождь по имени Кари со своими людьми пришел на этот остров и вел войну против этого народа и многих убил...» В особой главе своей хроники, посвященной древним сооружениям Тиауанако, де Леон говорит следующее: «Я спросил местных жителей, были ли эти строения созданы во времена инков. Они посмеялись над моим вопросом и заявили, что им доподлинно известно, что все это сделано задолго до власти инков. Они видели на острове Титикака бородатых мужчин. Это были люди тонкого ума, пришедшие из неведомой страны, и было их мало, и убито их много в войнах...»

Когда француз Банделье 350 лет спустя принялся за раскопки в этих местах, легенды были еще живы. Ему рассказывали, что остров в древние времена населяли похожие на европейцев люди, они женились на местных женщинах, и дети их стали инками... Информация, собранная в различных районах Перу, расходуется лишь в деталях... Инок Гарсильясо расспрашивал своего

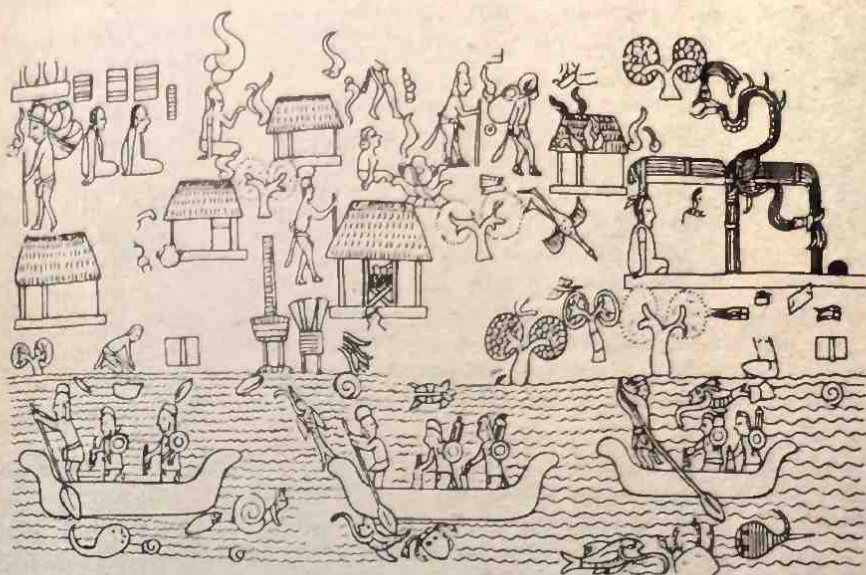
царственного дядю о ранней истории Перу. Тот отвечал: «Племянник, с удовольствием отвечу на твой вопрос, и то, что я скажу, ты навеки сохрани в своем сердце, знай же, что в древние времена весь этот район, тебе известный, был покрыт лесом и зарослями, и люди жили как дикие звери — без религии и власти, без городов и домов, без обработки земли и без одежды, ибо не умели они выделять ткани, чтобы сшить платье. Они жили по двое или по трое в пещерах или расселинах скал, в горах под землей. Они ели черепахи и коренья, фрукты и человеческое мясо. Тело свое они прикрывали листьями и шкурами животных. Они жили как звери и с женщинами обращались тоже как животные, ибо не умели жить каждый с одной женщиной...» Де Леон дополняет Гарсильясо: «Непосредственно после этого появился белый человек высокого роста, и обладал он большим авторитетом. Говорят, он во многих поселках научил людей нормально жить. Везде они называли его одинаково — Тикки Виракоча. И в честь него создали они храмы и воздвигли в них статуи...»

Когда хронист Бетансос, принимавший участие в первых перуанских походах испанцев, спросил у индейцев, как выглядел Виракоча, они ответили, что он был высокого роста, в белом одеянии до пят, волосы закреплялись на голове тонзурой, ходил он важно и в руках держал что-то, похожее на молитвенник. Откуда же пришел Виракоча? На этот вопрос единого ответа нет. «Многие считают, что его имя — Инга Виракоча, и означает это «морская пена», — замечает хронист Сарате. Гомара же утверждает, что, по рассказам старых индейцев, он перевел своих людей через море.

Легенды индейцев чиму повествуют о том, что белое божество пришло с севера, со стороны моря, а затем поднялось к озеру Титикака. «Очеловечивание» Виракочи наиболее четко проявляется в тех легендах, где ему приписывают различные, часто земные качества — называют его умным, хитрым, добрым, однако при этом величают Сыном Солнца...

Многие легенды сходятся на том, что он приплыл на камышовых лодках к берегам озера Титикака и создал мегалитический город Тиаяуанако. Отсюда он посылал бородатых послов во все концы Перу, чтобы те учили людей и говорили, что он — их творец. Но, в конце концов, недовольный поведением жителей, он решил покинуть их земли. Во всей огромной инкской империи вплоть до прихода испанцев индейцы единодушно называли путь, по которому уходил Виракоча и его сподвижники. Они спустились к тихоокеанскому побережью и ушли по морю на запад вместе с солнцем. Как мы видим, они ушли в сторону Полинезии, а пришли с севера...

На севере инкского государства, в городах Колумбии, жили чибча, еще один загадочный народ, достигший к приходу испанцев высокого уровня в культуре. Его легенды также содержат сведения о белом учителе Бочика. Описание его то же, что

Изображение кораблей майя на фреске из «Храма Воиннов», Чичен-Ица, X—XII вв. по Р. Х.

и у инков. Он правил ими много лет, и его называли также Суа, то есть «солнце» на местных диалектах. К ним он пришел с востока...

К востоку от области чибча, в Венесуэле и соседних областях мы снова наталкиваемся на свидетельства пребывания таинственного странника. Его называли Тсума (или Суме) и сообщали, что он обучил их земледелию. По одной из легенд, он велел всем людям собраться вокруг высокой скалы, встал на нее и поведал им законы и наставления. Пожив с людьми, он покинул их.

Непосредственно к северу от Колумбии и Венесуэлы в районе сегодняшнего Панамского канала живут индейцы куна. Они сохранили сообщения о том, что после сильного наводнения пришел некто и обучил людей ремеслам. С ним было несколько молодых сподвижников, распространивших его учение.

Еще дальше на севере, в Мексике, к моменту испанского вторжения цвела высокая цивилизация ацтеков. От Анауака (современный Техас) до Юкатана ацтеки говорили о белом божестве Кецалькоатле. По преданиям он был пятым правителем тольтеков, прибыл из страны Восходящего солнца (конечно, ацтеки имели в виду не ту страну, которую подразумеваем под этим названием) и носил длинную накидку. Он долго правил в Толлане, запретив человеческие жертвоприношения и проповедуя мир. Люди больше не убивали животных и питались растительной пищей. Но это длилось недолго. Дьявол заставил Кецалькоатля предаться тщеславию и погрязнуть в грехах. Однако скоро ему стало стыдно за свои слабости, и он решил покинуть страну. Пе-

ред уходом бог заставил улететь всех тропических птиц и превратил деревья в колючие кустарники. Он исчез в южном направлении...

«Карта сегунда» Кортеса содержит отрывок речи Монтекумы: «Мы знаем из писем, доставшихся нам от предков, что ни я, ни кто-либо другой, населяющий эту страну, не являются ее коренными жителями. Мы пришли из других земель. Мы знаем также, что ведем свой род из правителя, подчиненными которого мы являлись; он пришел в эту страну, он снова захотел уйти и забрать с собой своих людей. Но они уже женились на местных женщинах, построили дома и не захотели идти с ним. И он ушел. С тех пор мы ждем, что он когда-нибудь вернется. Вернется как раз с той стороны, откуда пришел ты, Кортес...» Какой ценой расплатились ацтеки за свою «сбывшуюся» мечту, нам уже известно...

Как доказали ученые, соседи ацтеков — майя также не всегда жили в сегодняшних местах, а мигрировали из других районов. Сами майя рассказывают, что их предки приходили дважды. Первый раз — это была наиболее крупная миграция — из-за океана, с востока, откуда были проложены 12 нитей-путей, и вел их Ицамна. Другая группа, меньшая, пришла с запада, и среди них был Кукулькан. У всех них были ниспадающие одежды, сандали, длинные бороды и непокрытые головы. О Кукулькане вспоминают как о строителе пирамид и основателе города Майяпака и Чичен-Ицы. Он же научил майя пользоваться оружием... И снова, как и в Перу, он покидает страну и уходит в сторону заходящего солнца...

Путешественник, едущий из Юкатана на запад, непременно должен проехать через область Цельталь в джунглях Табаско. Легенды населения этих мест хранят сведения о Вотане. В далекие эпохи Вотан пришел с востока. Его послали боги, чтобы разделить землю, раздать ее человеческим расам и каждой дать свой язык. Страна, откуда он пришел, называлась Валум Вотана. Когда посольство Вотана прибыло в Цельталь, люди находились «в плачевном состоянии». Он распределил их по деревням, обучил выведению культурных растений и изобрел иероглифическое письмо, образцы которого остались на стенах их храмов. Говорят также, что он написал там свою историю. Миф кончается очень странно: «Когда наконец подошло время печального ухода, он не ушел через долину смерти, как все смертные, а прошел сквозь пещеру в подземный мир».

Но в действительности таинственный Вотан ушел не под землю, а на плоскогорье Соке и получил там имя Кондой. Соке, о мифологии которых почти ничего не известно, были соседями жителей Цильталя. По их легенде, пришел отец бог и научил их жить. Они тоже не верили в его смерть, а считали, что он в легком золотом одеянии удалился в пещеру и, заделав отверстие, ушел к другим народам...

К югу от майя Соке жили киче Гватемалы, по культуре близкие к майя. Из их священной книги «Пополь Вух» мы узнаем, что их народ также был знаком со странником, проходившим через земли. Киче называли его Гугумац.

Таким образом, белый бородатый бог прошел от берегов Юкатана через всю Центральную и Южную Америку до перуанского побережья и уплыл в сторону Полинезии. Это засвидетельствовали легенды индейцев и хроники ранних испанских наблюдателей. А остались ли какие-нибудь археологические свидетельства на этот счет? Или может быть, белокожие и бородатые пришельцы были лишь призраком, продуктом воспаленного ума индейцев?

Средневековые испанцы разрушили не все статуи. Кое-что жителям удалось спрятать. Когда в 1932 году археолог Беннет делал раскопки в Тиауанако, то наткнулся на красную каменную статуэтку, изображавшую бога Кон-Тики Виракоча в длинном одеянии, с бородой. Его балахон был украшен рогатыми змеями и двумя пумами — символами высшего божества в Мексике и Перу. Беннет указывал, что эта статуэтка была идентична найденной на берегу озера Титикака — на полуострове, ближе расположенном к острову того же названия. Другие подобные изваяния находили вокруг озера. На перуанском побережье Виракочу увековечили в керамике и рисунках — камня для статуэток там не было. Авторы этих рисунков — ранние чиму и мочика. Подобные вещи встречаются в Эквадоре, Колумбии, Гватемале, Мексике, Сальвадоре. (Заметим, что бородатые изображения отмечал еще А. Гумбольдт, разглядывая рисунки древних манускриптов, хранившихся в Имперской библиотеке Вены в 1810 году). До нас дошли и цветные фрагменты фресок храмов Чичен-Ицы, повествующие о морской битве черных и белых людей. Эти рисунки не разгаданы до сих пор...

Белые бородатые божества индейцев... Кецалькоатль, Кукулькан, Гугумац, Бочика, Суа... Что же говорят обо всем этом ученые?

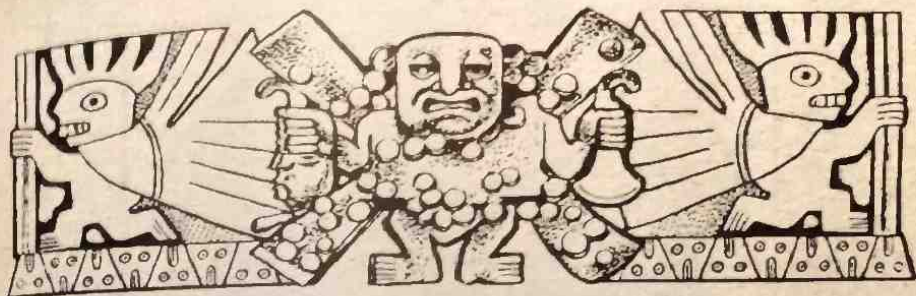
Несомненно, широкий круг источников указывает на распространение в Новом Свете светлопигментированного населения. Но когда это было? Откуда оно произошло? Как могло это кавказоидное (по определению Хейердала) меньшинство сохранить свой расовый тип в течение длительной миграции от Мексики до Перу и Полинезии, проходя через районы, населенные многочисленными индейскими племенами? На последний вопрос можно ответить простым упоминанием европейских цыган — ситуация была приблизительно такая же. Строгое соблюдение эндогамии — брака внутри этнических групп — способствовало сохранению антропологического типа. «Говорят, что солнце женилось на своей сестре и велело делать то же самое своим детям», — гласит индейская легенда, записанная в 1609 году...

«Никаких белых индейцев, о которых пишет Фосетт в своей

книге, в Америке нет»... Видимо, все-таки есть. В 1926 году американский этнограф Гаррис изучал индейцев Сан-Бласа и писал, что волосы у них цвета льна и соломы и комплекция белого человека. Совсем недавно французский исследователь Омэ описал встречу с индейским племенем вайка, волосы у которых были каштанового цвета. «Так называемая «белая раса», — писал он, — имеет даже при поверхностном обследовании массу представителей среди амазонских индейцев». Американская сельва обладает способностью изоляции не меньшей, чем остров, причем изоляции многовековой...

Мы подняли лишь несколько свидетельств испанских хронистов, только часть легенд американских индейцев и малую толику археологических и антропологических свидетельств — надводную часть айсберга... Кем были эти белые бородатые боги? Что не инопланетяне — это точно. Их происхождение явно земное. Древние творцы мегалитических сооружений Старого и Нового Света? Народы моря? Критяне? Финикийцы? А может быть, и те и другие? На этот счет существует много интересных точек зрения. Но это уже тема отдельного большого разговора...

И. Федоров

ПЕРУАНСКИЕ МУМИИ*

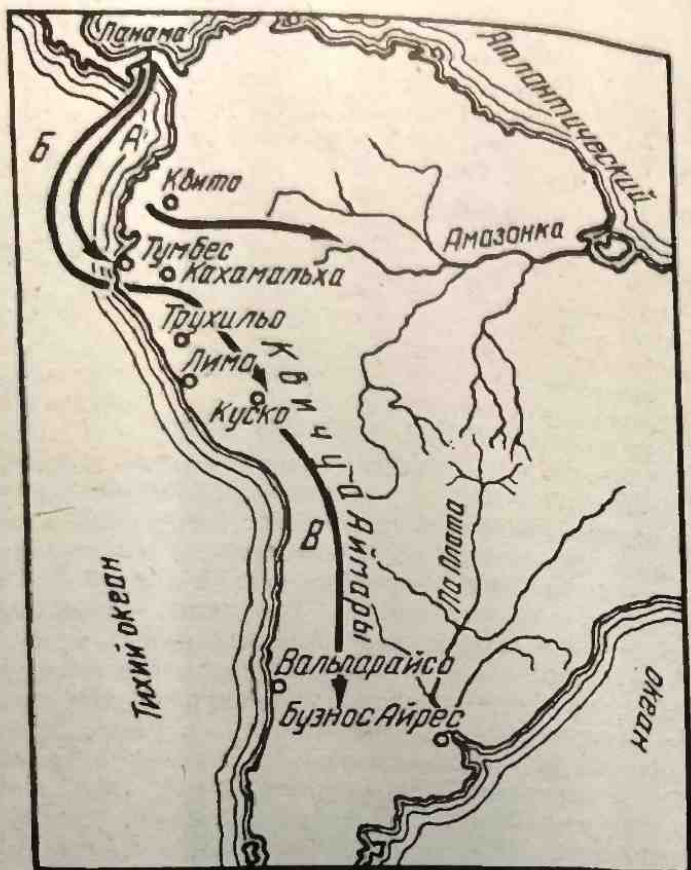
Еще задолго до нашей эры, гораздо раньше, чем Рим осуществил свои мечты владычества во всем Средиземноморском мире, Египет жил уже не духом, а одною только внешней формой. Он был страной мертвых, страной культа смерти — в переносном и реальном смысле. Строили гробницы, бальзамировались мумии, воздвигались алтари усопшим владыкам, но все это делалось уже без экстаза веры, а исключительно в силу традиций, во исполнение обычая. Чувствовался грядущий переворот мировоззрений и религиозных веяний. Слияние с Римом еще больше подорвало основы религиозного уклада страны, а христианство нанесло ему окончательный и непоправимый удар. Египетское царство мумий, пирамид и обелисков умерло. Остались одни гробницы прошлого, но и те с каждым годом глубже и глубже тонули в песках пустыни.

Велико же было изумление европейских выходцев, когда в XVI веке они набрали на подобное же царство мумий в Америке; но это царство в то время еще было полно жизни и отличалось своеобразной культурой, не тронутой посторонними влияниями.

Первое знакомство испанцев с «живыми мумиями» носило почти анекдотический характер.

Завоеватель Перу Пизарро был занят снаряжением карательной экспедиции против мятежного предводителя перуанских войск Киц-Кица, грабившего окрестности столицы, когда к нему явилось одно из лиц, близких к владыке Перу, с просьбой исходатайствовать для него разрешение вступить в брак с родственницей царственного дома Перу. Пизарро поручил эту миссию брату своему Педро, который естественно думал, что придется иметь дело с какой-либо высокопоставленной особой, состоящей в родстве с инками... Между тем эта высокопоставленная особа

* Статья «Перуанские мумии» перепечатывается из журнала «Природа и люди», № 23, 1914, СПб.

Завоевание Перу. А — первая экспедиция Пизарро (1531 г.). Б — вторая экспедиция Пизарро (1534 г.). В — экспедиция Альмагро (1535 г.). Г — экспедиция Гонсало Пизарро к истокам Амазонки (1540 г.).

оказалась мумией! По одну сторону ее сидел придворный кавалер, по другую — статс-дама, которым переводчик изложил ходайство Педро Пизарро. Оба приближенные долго смотрели друг на друга, а затем изрекли, что мумия согласна на предстоящий брак...

Позже, когда испанские авантюристы вступали в столицу царства — Куско, они застали в храме солнца целую плеяду мумий древних властителей страны: разодетые и раззолоченные, они сидели на золотых креслах с золотыми опорами для ног, и глаза их были завешаны золотой фольгой. Так же восседали покойные императрицы в храме богини луны.

Испанцы не пощадили ни тех, ни других, расхитив с них все золото. На другой же день мумии куда-то исчезли, и место их хранения до сих пор не найдено.

Все эти мумии считались посмертно правящими. У каждой был свой штат, свой бюджет, свои органы правления и с ними приходилось считаться в делах государственной политики. Они принимали участие во всех торжествах и церемониях; без них не мог быть сделан ни один решительный шаг. Каким страшным тормозом в государственной машине были мумии, можно судить хотя бы по тому, что предшествовавших испанскому нашествию царей из дома инков было тринадцать, а владетельных князей из династий, царивших раньше инков — девяносто. Придворные их мумий ревниво блюли привилегии и права каждого усопшего члена династии — ибо под их покровом вели беззаботную жизнь за счет невежественного населения.

Перуанские мумии в том виде, как их теперь находят при раскопках, представляют свертки более или менее ценного тряпья, пелен и покрывал, внутри которых помещается тело усопшего. Освобожденное от этой оболочки, оно предстает в виде сидячей фигуры с вынутыми внутренностями. Наружные покровы свертка грубо подражают контурам человеческого тела, с частью намалеванными, частью нашитыми подробностями. Нередко мумия обвешана снаружи изображениями близких людей, предметов обстановки, профессиональных инструментов. Таковы, например, помещенные в объятиях матери карикатурные уродцы, изобража-

Мумия без покровов (слева); рентгеновский снимок с перуанской мумии.

Сверток с мумией.

никогда ни о каком Египте не слыхали. Оттого так непосредственны и наивны дошедшие до нас письменные документы о том времени.

Не далее, как в XIX столетии, возникла гипотеза о заатлантическом происхождении египетской цивилизации. Она опирается не только на сходство обычаев погребения и культа мертвых, но и на аналогии архитектурных и мифологических мотивов. Творцом и фанатиком идеи о заатлантической прародине египетской культуры был покойный англо-американский ученый Пленджен, о деятельности которого не раз уже говорилось на страницах журнала «Природа и Люди». Если Пленджен прав, то переселение прапредков древних египтян из Америки (через гипотетическую Атлантиду, предполагаемый материк) в Африку должно было происходить приблизительно при следующей обстановке. Ушли в поисках новой родины навстречу солнцу наиболее энергичные, передовые представители народа. Остались бывшие хранители вековых традиций и поработанные слои бесправной черни. На новой родине переселенцы из Америки пришли к своеобразному расцвету на древних основах принесенной

юющие ее потомство. У одной женской мумии найдена подвешенная на ремешке корзина с необходимыми приспособлениями для рукоделий и шитья. В большинстве случаев мумии снабжены ярлычком или табличкой с таинственными знаками, вероятно, письменами.

Мумии царственных особ ставились в храмах. Менее знатные погребались на дне воронкообразных колодцев и засыпались непосредственно землей или песком.

Мы говорили о сходстве между Перу и Египтом. Но современники Пизарро, вожаки европейских искателей приключений, были люди невежественные; они не имели других интересов, кроме алчности к золоту и жажды наживы; и конечно, они далеки были от проведения параллелей между Египтом и Америкой. Вероятнее всего, что они даже

издалека цивилизации; при этом не обошлось без заимствований у народов, ранее их осевших в восточном углу Средиземного моря. Американская же родина застыла в мертвой неподвижности.

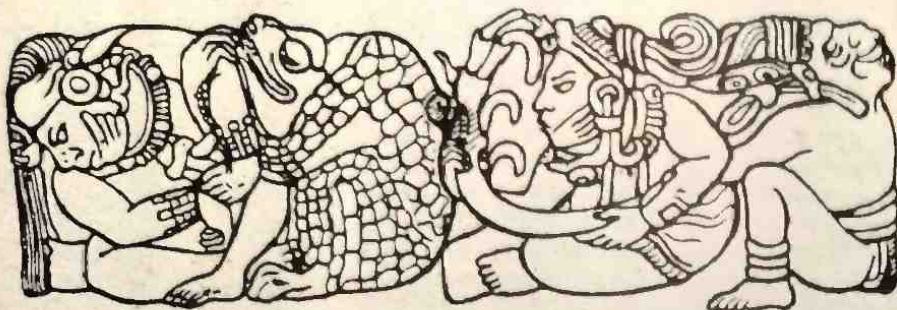
Похоронные обычаи древних перуанцев, действительно, как бы свидетельствуют о гораздо более глубокой старине, сравнительно с египетскими: скорченное положение, которое придавалось мумиям, восходит к тем временам существования человечества, когда оно жило в ветвях деревьев и спало, прислонившись спиной к стволу и охватив ступнями толстую ветку. Так отдыхают и поныне представители некоторых первобытных племен и низшие обезьяны.

Уродливость мумий, примитивность мест погребения — все свидетельствует о глубокой древности американской культуры сравнительно с египетской. Нельзя оставить без внимания и еще одну подробность, говорящую в пользу теории Пленджена — надгробные кресты над местами погребения Перуанских мумий, исполнявшие мужества сердца спутников Пизарро, которые видели в них издевательство нечистого над святым символом. Теперь мы знаем, что за много тысячелетий до Р. Х. крест имел священное значение для доисторических народов Передней Азии. Он был символом солнца, вечно катившего по небу огненное колесо жизнедавца-бога. Невольно напрашивается вопрос: не занесен ли этот символ креста-солнца прапредками доисторических египтян из далекой прародины — Америки и не заимствован ли он у них впоследствии народами Передней Азии?

Однако, вполне возможно, что не было ни заимствований, ни переселения: обе культуры — и американская, и египетская — могли развиваться независимо одна от другой, исходя из общих основ человеческого духа. Невольно применяющегося к окружающей обстановке. Главные местонахождения перуанских мумий лежат среди песков высокого сухого плоскогорья между теперешней столицей Перу — Лимой и ее гаванью Каллао, т. е. между морем и горами, как и Египет. Сушь, пески, твердые осыпи известняков и гравия способствуют сохранности трупов и наводят на мысль об их искусственной мумификации.

Наконец, существует еще третий взгляд, разделяемый сторонниками так называемого «панвавилонизма». Согласно этому учению, считают культуру древней Америки заимствованной из древнего Вавилона: переселенцы древнего Вавилонского царства перенесли элементы этой культуры в Египет, а вавилонские мореплаватели распространили ее до берегов далекого Американского материка.

Решить все поставленные вопросы очень трудно, и кто знает, будет ли человечество когда-либо в состоянии ответить на них с полной достоверностью?

В. Лебединский, Л. Кириченко

КАМЕНЬ В ДОКОЛУМБОВОЙ АМЕРИКЕ*

Население доколумбовой Центральной и Южной Америки по использованию камня можно разделить на две группы. Население первой группы применяло камень для изготовления орудий труда и охоты. Это были племена бродячих охотников и земледельцев, живших в условиях первобытного общества. Значительно шире использовали камень оседлые земледельческие народы — ольмеки, майя, инки и ацтеки.

На юге современной Колумбии обнаружена доисторическая мегалитическая культура с каменными храмами, саркофагами и статуями. Эта культура получила название Сан-Агустин — по одноименному селению, разместившемуся среди лесистых холмов на склоне Центральных Анд на высоте 1 700 метров над уровнем моря. Она зародилась 2 500 лет назад и процветала 17 веков.

Храмы и могильники сложены из крупных блоков камня. Врытые вертикально в землю каменные глыбы — стены храмов — удивительно напоминают дольмены (древние погребальные сооружения) Европы и других районов земного шара.

Очень разнообразны скульптуры человека и богов. Высота их различна — от 40 сантиметров до 4 метров и более. Многие статуи несут на плечах вторую фигуру. Смысл такого сочетания неясен, вероятно, это одна из форм религиозной символики.

Для скульптур характерны диспропорции между размерами головы и туловища, нередко намеренно искаженные формы. Таким приемом первобытные скульпторы добивались особой выразительности. Как правило, головы статуй непропорционально велики, а туловище, руки и ноги укорочены. Тщательнее всего скульпторы прорабатывали лицо, нередко наделяя его очень большим ртом с длинными острыми клыками. Из рта часто высовываются ленты-языки с крохотными изображениями голов на кончике. Фигуры

* Статьи «Камень в доколумбовой Америке» и «Размягчение камня» печатаются по книге В. И. Лебединского, Л. П. Кириченко «Книга о камне», М., Недра, 1989. Перевод статьи А. Сандерсона с английского С. Кастальского.

этих полулюдей-полузверей украшены ожерельями и браслетами. одни из них держат в руках жезл или скипетр, другие — дубинку или добычу. Среди изваяний встречаются также изображения орла, змеи, ящерицы и лягушки, возможно, символизирующие власть, дождь и воду.

«Человек из Сан-Агустина, — пишет колумбийский археолог Перес де Баррадас, — довольствовался соломенной хижинкой. Но для своих богов он сооружал храмы из огромных каменных глыб, титаническим трудом вырубал в каменоломнях и доставлял к месту строительства. Он пользовался грубым каменным орудием, и орудия эти не совершенствовались с течением времени. Но, благоговея перед своими богами, он с бесконечным прилежанием действовал этими грубыми орудиями, высекал величественные статуи, которые сейчас нас поражают своей монументальностью и совершенством выполнения».

Археологические исследования показали, что человек из Сан-Агустина был рослым (около 175 сантиметров) и крепко сложенным, перед ритуальными церемониями раскрашивал свое тело в красный, черный, темно-синий и охристый цвета.

Ольмеки населяли южную часть побережья Мексиканского залива (примерно от VIII—VII вв. до н. э. до I—VI вв. н. э.). Их культура уникальна по богатству и великолепной обработке каменных изделий, по влиянию, которое она оказала на другие культуры. Об ольмекских каменных памятниках ничего не было известно до второй половины XX века, когда в ряде труднодоступных мест тропического штата Веракрус (Мексика) обнаружили древнейшие, ранее неизвестные каменные скульптуры и памятники доколониального периода — алтари, стелы, саркофаги и изваяния из монолитов базальта массой до 30 тонн. Исключительно своеобразны громадные базальтовые головы юношей-воинов с выразительными самобытными чертами лица. Они лежали на фундаментах, скрытых в земле. Взоры их были обращены в сторону Мексиканского залива. Ныне базальтовые головы находятся в музее г. Халапа, столицы штата Веракрус. Высота «Колоссальной головы» (название скульптуры, стоящей у входа в музей) 275 сантиметров, масса ее 16 тонн.

Еще более широкое и разнообразное применение камня характерно для живших позже народов — майя, инков и ацтеков.

Камень в культуре майя

Еще в XVI веке испанские завоеватели встречали на своем пути развалины больших древних городов, поражавшие размерами и изяществом. Дж. Л. Стивенс, американский исследователь древностей, первый высказал предположение, что создателями этих замечательных памятников прошлого были древние майя. В настоящее время известно более 500 городов майя. Главными из них называют Копан, Тикаль, Паленке, Пьедрас-Неграс, Ушмаль, Чи-

чен-Ица, Бонампак, Сайплъ и Коба. По тем временам это были крупные населенные пункты с 30—40 тысячами жителей. Каждый город представлял собой отдельное государство, верховная власть в нем принадлежала жрецам. Раннеклассовое общество майя развивалось в условиях позднекаменного века. Изобразительное искусство утверждало власть многочисленных божеств, прославляло силу и величие правителей и родовой знати.

Мастера майя знали многие горные породы и умели их хорошо обрабатывать. Камень широко применялся в монументальной архитектуре, скульптуре, прикладном искусстве, при строительстве дорог, в ритуальных целях, для изготовления оружия и орудий труда.

Монументальные сооружения — дворцы и храмы — были представлены в основном двумя типами. Для первого характерна форма четырехгранной ступенчатой пирамиды с большим числом уступов. Сооружение завершалось двух- или трехкомнатным храмом. От подножия храма к входу в святилище вела длинная, широкая и очень крутая лестница. Чаще всего она накладывалась на склон пирамиды, но иногда была и врезанной. Узкие вытянутые здания, состоявшие из нескольких помещений, свойственны второму типу сооружений. В большинстве случаев они окружали двор и площадь. Были в городах майя и стадионы, где проводились культовые игры в мяч.

В некоторых городах (Киригуа, Алтар-де-Сакрифисьюс, Пусильха, Тонина) при строительстве использовался в основном песчаник, на территории современного Белиза — шифер, в среднем течении реки Усумасинта — доломит, в Копане (юго-восток Гондураса) — андезит.

Сохранились описания работ в древних каменоломнях. Поверхность скалы выравнивалась и размечалась на части канавами. В них выдалбливали глубокие отверстия, в которые загоняли деревянные клинья. Канавы заливали горячей водой, клинья разбухали и раскалывали скалу на части. Блоки обрабатывали молотками из кремня и диоритовыми резцами.

Монументальные здания воздвигались на огромных насыпях из земли и щебня (своеобразных стилоботах), покрытых каменными плитами или штукатуром (смесь извести с песком и белой землей — выветрелым, распавшимся в щебенку известняком). Иногда для пьедесталов зданий использовались скальные выступы. В этом случае каменотесы сглаживали их и придавали желаемую форму. Облицовочные камни различной формы, преимущественно прямоугольной, укладывались в определенном порядке. Обычно соединения блоков в первом ряду перекрывались блоками второго ряда и т. д. Такие постройки были менее прочными, чем сложенные из тесаного камня.

В Тикале, Иашчилане, Паленке и некоторых других городах известняковые плиты неправильной формы укладывались в известь, выступающие части камня скалывались, затем стены

сплошь покрывались штукатуром. Пол в монументальных постройках был известковый или из штукатурки. Встречается кладка и каменными плитами (например, в храме Надписей в Паленке).

В северных городах штукатур не применялся. Часть облицовочной плиты оформлялась в виде шипа, который затем внедрялся в основу из известки. Внешняя часть глыбы обтесывалась и аккуратно присоединялась к остальным.

Из камня выполнялись также карнизы, украшавшие пирамиды, платформы и террасы. В южных городах они были довольно простыми и состояли из двух рядов каменной кладки, несколько выдающихся над стеной (например, в Копане). На севере декорировка усложняется. Особенно характерны каменные барельефы по верху фасада. Подобные барельефы встречаются и в нижней части строений, на монументальных лестницах и в других частях зданий.

Необычна планировка храма в Копане. Он сооружен из очень тщательно обработанных глыб зеленоватого туфа. Вход в храм обращен к югу. К нему ведет величественная каменная лестница с очень крутыми ступенями. Вход в святилище оформлен в виде огромной раскрытой пасти змеи. Орнаментом из кружков и шести больших изогнутых клыков обозначена нижняя челюсть змеи. Кружки на фасаде отмечают края рта. Широкая прямоугольная панель над входом изображает верхнюю челюсть. Роль коренных зубов играют большие круглые камни, выступающие из стен. Клыки и резцы несколько меньшего размера. Подобное оформление характерно и для храмов на полуострове Юкатан.

В VII—IX вв. н. э. распространяется несколько иной архитектурный стиль. Для него типично свободное расположение зданий и широкое использование тесаного камня в их облицовке. Из многих тысяч тонких каменных пластин, плотно пригнанных друг к другу, выкладывались изображения змей, ягуаров, разных чудовищ, фантастические маски. Очень широко были распространены и различные геометрические орнаменты, украшавшие фасады почти всех построек. Отдельные элементы некоторых облицовок поражают размерами. Достаточно сказать, что некоторые пластины весили до 80 килограммов и достигали в длину 90 сантиметров. Число пластин, составляющих облицовку, иногда было очень велико. Так, на облицовку дворца губернатора мастера употребили 20 тысяч пластин. Наиболее тщательная их отделка отмечается в строениях на юге полуострова Юкатан.

В зодчестве майя на территории Юкатана в декорировке распространены каменные колонны с сужающимися посередине стволами и квадратными капителями. Использовались также и каменные полуколонны. Близко поставленные друг к другу, они нарушали монотонность. Такие особенности архитектуры свойственны дворцу в Сайиле.

Площади дворцов и храмов украшали своеобразные памятники из камня — стелы и алтари. Стелы — известняковые, реже базальтовые или из другой горной породы — обычно имели высоту 3—

3,5 метров, ширину до 1 метра, толщину 0,3—0,5 метра, но известно и значительно больших размеров. Так, стела в Киригуа, высеченная из монолита базальта, поднимается почти на 11 метров и весит около 65 тонн.

Стелы майя характеризуются одно-, двух- или трехфигурным изображением на передней стороне и иероглифическими надписями на задней и боковых поверхностях.

Алтарь майя прост — круглая каменная плита диаметром до 2 метров покоится на трех каменных подставках. Верхние и боковые поверхности плиты и подставки покрыты изображениями и надписями. Алтарь обычно стоит перед стелой. По мнению советского исследователя Р. В. Кинжалова, стелы и алтари воздвигали в честь какого-либо знаменательного события (восшествия правителя на престол, победы над врагом, вступления в брак и т. п.).

Неповторимы причудливые каменные скульптуры из Киригуа и Копане. В археологической литературе они известны под названием чудовищ, или зооморф. Это огромные валуны, которым придана форма мифологических существ, похожих одновременно на черепаху и жабу, и т. д. Зооморфы сооружались вместо стел или же ставились рядом с ними.

Говоря о роли камня в строительстве майя, нельзя не упомянуть о прекрасных дорогах, которые соединяли города. Их основанием служила насыпь из щебня и гальки, облицованная плитами известняка. Покрытие состояло из толстого слоя грубого штукатурки, плотно утрамбованного каменными катками. Возводились также каменные мосты. Некоторые из них сохранились в Паленке, Пусильхе, Эль-Бауле и Агуатеке.

Для мелких скульптурных изделий использовали нефрит (разновидность минералов, поделочный камень), жадеит (минерал из группы пироксенов, плотный поделочный камень), оникс, кремнь, глину. Нефрит и близкие к нему жадеит и хлоромеланит (редкий минерал) были у майя излюбленным материалом с глубокой древности. Камень был местный. В Центральной Америке имелись собственные залежи нефрита, который по ряду признаков отличался от азиатского. Наиболее совершенные изделия из нефрита изготавливали в городах Тонина и Небах.

Обработка нефрита требовала много времени. Прежде всего кусок нефрита распиливали лучковой или бамбуковой пилой, подсыпая кварцевый или нефритовый песок. Отверстия делали сверлами — массивными (из хлоромеланита) или полыми (из бамбука, костей птиц, тростника). Затем камень покрывался резьбой, шлифовался, а если нужно, и полировался. Из нефрита получали различного вида таблички и дощечки. Обычно на них изображались фигуры правителей, героев, богов. Любопытна так называемая лейденская табличка, найденная в 1864 г. около Пуэрто-Барриоса (Гватемала). На лицевой стороне тоненькой дощечки из бледно-зеленого нефрита торжествующий победитель попирает ногами поверженного противника. На обратной стороне вырезана дата

8.14.1.3.12, соответствующая 320 г. н. э. Археологи считают, что табличка служила, вероятно, одним из знаков отличия тикальского правителя.

Из нефрита мастера майя изготавливали также статуэтки людей и животных, посмертные мозаичные маски, бусы, губные и ушные вставки, сложные серьги, топоры-кельты. Маленькими кусочками инкрустировали зубы. Особенно впечатляет погребальная маска размером 24×18 сантиметров из саркофага храма Надписей (Паленке), состоящая из 200 кусочков нефрита. Она передает не только возраст и внешние черты правителя, но и его суровый, властный и беспощадный характер. Чрезвычайно разнообразны подвески из нефрита. Наряду с очень тщательными миниатюрными головами богов и людей встречаются грубо обработанные кусочки камня в виде человеческого лица.

Образцом скульптурного произведения классического периода (II—IX вв.) служит голова молодого воина в шлеме из светло-зеленого нефрита. Она была найдена в погребении г. Тикаля. Позже (X—XV вв.) изделия из нефрита становятся грубее по форме и технике обработки камня.

Майя также добывали и мастерски обрабатывали кварц, горный хрусталь, сланец, алебастр, слюду, железный колчедан и другие горные породы и минералы. На песчанике выкладывались пластинки колчедана с зеркальной поверхностью. Зеркало из целого куска колчедана было найдено в Лавадеросе. Из кристаллов топаза делали палочки, втыкавшиеся в носовой хрящ. Из бирюзы изготавливали бусы и мозаику. Жидкая ртуть, киноварь и графит использовались в ритуальных целях.

В Лабаантуане, древней цитадели майя (ныне в Белизе), в 1927 году нашли женский череп из полированного кварца массой 5 килограммов. Мельчайшие детали этой необычной скульптуры выполнены со скрупулезной точностью. Исследование под микроскопом позволило установить, что череп высечен из огромного кристалла кварца без применения металлических орудий. Изделие отполировано смесью кварцевого песка и кварцевой крошки, приготовленной в виде пасты. Нижняя челюсть подвижна и закреплена в полированных гнездах. Если череп подвесить в воздухе, то достаточно небольшого усилия, чтобы челюсть начала двигаться. Создавалось впечатление, что череп заговорил.

Поражают световые эффекты в этом черепе. Свеча, поставленная под ним, вызывает блеск в глазницах. Если свечу заменить каким-нибудь предметом, то при определенном положении он будет виден в глубине черепа. Эти оптические эффекты вызваны сложной системой призм, линз и каналов внутри этого изделия. Археолог Митчел-Хеджес считает, что череп играл важную роль в религиозных обрядах майя.

Применяли майя и краски минерального происхождения. Красная краска добывалась из гематита разных оттенков, желтая — из охристых глин, зеленую получали, смешивая желтую и синюю

глины. Технология изготовления синей краски до сих пор не раскрыта. Установлено только, что она состоит из аттапульгита (минерал — адсорбент, катализатор) и неизвестного органического вещества.

Другим излюбленным материалом в быту и искусстве майя была глина. Она широко использовалась в культовой и бытовой керамике, для изготовления музыкальных инструментов (флейт, барабанов), орудий труда (грузики для сетей, веретена, штампы), курительниц, статуэток, фигурных сосудов и свистулек в виде животного или человека. Следует отметить, что древние майя не знали гончарного круга.

Оружие и режущие орудия труда майя изготавливали из кремня и обсидиана (природное вулканическое стекло). Обсидиан добывался в Эль-Чайале около Копана, Киригуа и Пачуки. Основным поставщиком кремня был Юкатан. Из хрупкого кремня получали высокохудожественные изделия, называвшиеся фигурными кремнями. Многие из них были найдены под основанием стел и в захоронениях. Вероятно, часть фигурных кремней служила знаками отличия или навершиями церемониальных жезлов. Таковы замечательные фигурки сановника (или жреца) с ножом в руке из Копана, ажурная пластинка в виде квадрата с человеческими головами по углам из Эль-Пальмара, кинжал с рукояткой, изображающей пернатую змею из Киригуа и др.

Диорит, кремень, базальт, нефрит и жадеит использовались для изготовления ударных и рубящих орудий. Из известняка, песчаника, гранита и базальта делали зернотерки, скалки, ступки и песты.

Культура майя прекратила свое существование в середине XVI в., после испанского завоевания.

Города и дороги инков

В Перу на некоторых хребтах южноамериканских Анд до сих пор сохранились развалины древних городов инков. История инков начинается на рубеже X—XI вв., когда они объединились в небольшой союз племен, превратившийся вскоре в централизованную империю. После завоевания царства Кито (занимавшего территорию нынешнего Эквадора) империя становится центром древней цивилизации Южной Америки. Успеху войн инков способствовало не только применение бронзового оружия, в то время нового, но и централизованная система государства. Во главе государства стоял император Великий Инка, считавшийся живым богом, сыном самого Солнца. Жители страны были разделены на отряды от 500 до 10 000 человек, занимавшиеся прокладкой дорог, строительством зданий, сельским хозяйством и военным делом. Считают, что всего в империи инков жило около 12 миллионов человек.

Инки очень искусно использовали камень при строительстве дорог и дворцов. Дороги пересекали огромные пространства, протянувшись почти на 20 тысяч километров по территории современ-

ных Перу, Колумбии, Эквадора, некоторых районов Боливии, Чили и севера Аргентины. Знаменитый исследователь доколумбовой Америки Александр Гумбольдт называл дороги инков самым поразительным и полезным из всего, что когда-либо было создано руками человека. Во многих отношениях они превосходили знаменитые римские дороги древнего мира в Италии, Франции и Испании.

Основной была Большая царская дорога шириной 8 метров, пересекавшая страну инков с севера на юг без извилин и поворотов на протяжении 5 000 километров. Она проходила через обширные равнины и пустыни, иногда резко поднимаясь до высоты 5 000 метров. Царский путь пролегал через два города империи — Куско и Кито. С остальными он соединялся боковыми дорогами, которые часто прорубались прямо в скалах.

Дороги были вымощены камнем, нередко привозившимся из отдаленных мест. Из летописей известно, что индейцы доставляли для строительства дорог каменные глыбы массой до 10 тонн. Не располагая ни машинами, ни средствами для перевозки, не зная железа и стали, они были настолько искусными строителями, что места соединения каменных плит едва различимы. И ныне на сохранившихся участках дороги воды ливневых потоков не просачиваются сквозь стыки плит. Вдоль дороги воздвигали каменные и глинобитные стены, на которых росли кактусы, а по обочине высаживали деревья, защищавшие людей от солнца. Вдали Большой дороги в канале струилась чистая вода для путников и вьючных животных, были построены почтовые станции, склады и придорожные гостиницы. Несмотря на разрушительные действия стихий и варварство испанских завоевателей, отдельные участки дороги сохранились и по сей день.

Священной столицей инков был Куско. В центре города располагался величественный храм Солнца, возведенный на вымощенной порфиром платформе. Храм состоял из пяти «часовен», каждая из них была украшена по-особому. Значительная роль в оформлении храмов принадлежала драгоценным и цветным камням. В «часовне» Звезд потолок и стены были сплошь усыпаны аметистами, топазами и полудрагоценными камнями.

Крупные блоки камня объемом до 1,5—2 м³ в постройках Куско и других инкских городов настолько точно подогнаны друг к другу, что в стыки между ними не входит и лезвие бритвы. Глыбы словно притерты и прочно держатся без строительного раствора. Любопытно, что в кладке стандартность формы и размера блоков не соблюдалась. Большие блоки так обрабатывали, чтобы от их середины боковые поверхности слегка сходились. На каждый такой скос клали другой блок, который выходил за пределы первого и сам служил опорой для следующих камней в кладке.

В строительстве использовались и особые камни, игравшие роль скоб и гвоздей. Часть блоков из-за большого числа поверхностей можно назвать многогранниками. В углу одного здания был обнаружен блок с 32 углами.

В Перу время от времени происходят катастрофические землетрясения. От одного из них, произошедшего уже в наше время, Куско сильно пострадал. Разрушились здания, построенные испанцами. А здания инков полностью сохранились, хотя камни в стенах не скреплены строительным раствором.

Гордостью инков была столичная крепость Саксауаман (Соколиное гнездо). Она возведена на крутой горе, возвышающейся между двух речных долин. Крепость ограждали трехъярусные, поднимающиеся одна над другой зигзагообразные в плане стены. Каждая из них толщиной около 3 метров и высотой до 6,5 метра протягивалась на 3 километра и имела 40 выступов. Стены крепости сложены из огромных (ширина до 3 метров, длина до 8 метров, масса до 200 тонн) полигональных блоков, серого гранита.

Конкистадоры, увидев крепость Саксауаман, были поражены мощью и искусством кладки боевых стен, особенно наружной. Испанский хронист Гарсиласа де ла Вега писал: «Первая стена демонстрировала мощь власти инков, и хотя две другие не меньше первой, но первая поражает величиной каменных глыб, из которых она состоит; тот, кто видел сам, не поверит, что из таких камней можно что-то строить; они внушают ужас тому, кто рассматривает их внимательно». Инкская крепость заставляет вспомнить пирамиды Египта, храмы Баальбека, каменных идолов острова Пасхи и легенды о творениях циклопов.

По преданию, крепость Саксауаман строили 20 тысяч рабов в течение 15 лет. Однако и сейчас нелегко представить, каким образом люди, не знавшие железа, колеса и тягловых животных, обрабатывали огромные каменные блоки, поднимали их на вершину горы. Есть сведения, что в транспортировке монолитов участвовало до 20 тысяч человек. Они одновременно тянули камень на длинных канатах. Нам непросто представить эту работу, но ведь еще нужно было ее организовать так, чтобы многие тысячи людей одновременно, как единый механизм, тянули груз.

Мачу-Пикчу — город-крепость инков

После завоевания испанцами Куско в 1534 г. уцелевшие жители бежали в самые труднодоступные части Анд, в долину реки Урубамбы, захватив священные золотые пластинки и легендарных «Акльяс» — самых красивых инкских девушек, посвятивших себя служению Солнцу. О последнем убежище инков испанцы не знали, и только в поздних устных преданиях индейцев глухо упоминались загадочные руины на вершине Мачу-Пикчу.

В 1911 г. районы реки Урубамбы изучала археологическая экспедиция из Иельского университета (США) под руководством Х. Бингхэма. После головокружительного и опасного подъема на 600 метров над рекой археологи на седловине между двумя высокими снежными пиками, на высоте 2 520 метров увидели руины города с постройками из белого гранита. Это было настоящее ор-

длинное гнездо, с трех сторон окруженное бушующей рекой. И только с юга к нему подходил узкий хребет шириной не более 8—10 метров. Позиция была настолько выгодной, что оборонять ее могли 2—3 бойца. С соседними крепостями Мачу-Пикчу связывали дороги, проложенные в скалах. Почти отвесные склоны к реке были покрыты террасами, некогда занятыми огородами и садами.

Город-крепость Мачу-Пикчу воздвигнут на неровной скалистой площадке гребня. Здесь археологи обнаружили храм со стенами толщиной до 4 метров и трапециевидным входом, ряд культовых построек, двухэтажные жилые дома, мельницу, площадь, похожую на военный плац, и другие здания. В гранитной скале были высечены бассейны для хранения воды и желоба, по которым она текла на террасы. В городе было настолько тесно, что местами улицы соединяли лестницы, вырубленные в скале. Более 100 лестниц проложено между зданиями Мачу-Пикчу! А там, где нельзя было высечь лестницу, каменные брусья заделывали в скалу. Получалась узкая, висящая над бездной улочка-помост. Мачу-Пикчу был многолюдным городом. Археологи считают, что в нем жило около 8 тысяч человек.

Одной из любопытнейших археологических находок оказался сам храм Солнца (или храм «Трех окон»), из которых видна вся долина реки Урубамбы. Любопытно, что первые солнечные лучи, проникая через окна, отражались от полированных каменных плит пола и уходили далеко в глубину храма, освещая мумии инков.

Самую высокую точку города занимало культовое сооружение Интихуан («Солнечные оковы») — высеченные в граните призматический обелиск и платформа для наблюдений за Солнцем. Магические обряды у обелиска должны были воспрепятствовать исчезновению светила во время продолжительной зимы.

Х. Бингхэма поразила тонкая обработка блоков гранита, из которых воздвигнуты сооружения города. Об искусстве строителей говорят сложные формы некоторых блоков, с глубокими выемками для выступающих частей соседних камней. Блоки необыкновенно тщательно подогнаны, сложены без раствора. Камни тщательно отесаны и отшлифованы, но лишены каких-либо украшений. В зданиях нет карнизов, наличников, орнамента.

Как же инки поднимали монолиты камня? Считают, что древние строители пользовались способом противовеса. При возведении Мачу-Пикчу каменные блоки надо было поднять на высоту около 400 метров. Делали это с помощью веревок, двигавшихся в цилиндрах с промасленными желобами (еще раз напомним, что колеса инки не знали). Один конец веревки закреплялся на ящике с монолитом, другой — на своего рода корзине из бревен. В нее загружали небольшие камни, каждый из которых мог перенести один человек, с таким расчетом, чтобы общая масса камней была близка к массе монолита. После этого не составляло большого труда поднять камень вверх. Когда монолит оказывался на нужной высоте, его забирал кран-перехват типа журавля и ставил на место.

На вершине Мачу-Пикчу нашли глиняный сосуд, расписанный, в отличие от инкских, сценами битв и жертвоприношений. Поэтому многие археологи считают, что крепость была построена неизвестным народом до инков. Вероятно, первые обитатели покинули Мачу-Пикчу и другие горные крепости в долине Урубамбы в конце первого тысячелетия нашей эры. После прихода инков обветшалые города-крепости были приведены в порядок, а на искусственных террасах на склоне гор разбиты огороды.

До сих пор остается загадкой, почему прекратилась жизнь в Мачу-Пикчу, городе без следов стихийного бедствия или вражеского нападения. Предполагают, что причиной послужили либо голод, последовавший за истощением почвы на искусственных террасах, либо исчезновение источников воды.

Каменный календарь ацтеков

В начале XIV века население долины Мехико объединялось под единой властью племени тепанеков. Им подвластно было и немногочисленное племя теночков, или ацтеков, которые, как повествует легенда, жили раньше на западе Мексики на острове посреди озера. Остров назывался Астлан, от него и произошло название астеки («люди из Астлана»). Однако в долине Мехико ацтеки прожили недолго — на них напали соседние племена. Оставшиеся в живых бежали на остров Тлателолко и основали город Теночтитлан (ныне Мехико). С материком он соединялся подъемными мостами, которые в случае опасности разводились.

Теночтитлан, как и другие города ацтеков, был правильно распланирован. Его пересекали каналы, облицованные камнем и цветными плитками. Прямые улицы вели к главной площади со священным участком и дворцами правителей. На священном участке, огороженном каменной стеной с резными изображениями змей, размещались пирамиды с двумя святилищами в честь бога дождя Тлалоко и бога войны Уицилопочтли, храм Кецалькоатля и стадион. Дома знатных людей возводились на платформах, их стены облицовывались камнем или штукатуркой. Каждый квартал имел свой храм-пирамиду.

Ацтеки были искусными мастерами обработки камня. До наших дней сохранились замечательные скульптуры из обсидиана, горного хрусталя, лунного камня, опала, аметиста и нефрита. Образцом совершенного искусства служит календарь, вытесанный из огромной глыбы базальта. Когда-то он украшал в Теночтитлане вершину большого храма Уицилопочтли. Каменный календарь имеет форму диска диаметром более 3,5 метра и массой более 20 тонн. Обработывали его на месте в каменоломне. А для переноса в Теночтитлан и подъема на храмовую пирамиду пришлось созывать людей из всех подвластных ацтекам областей.

На базальтовом круге искусными мастерами вырезана история мира, как ее понимали ацтеки. В середине камня изображен бог

Камень-календарь, Мехико. По фотографии.

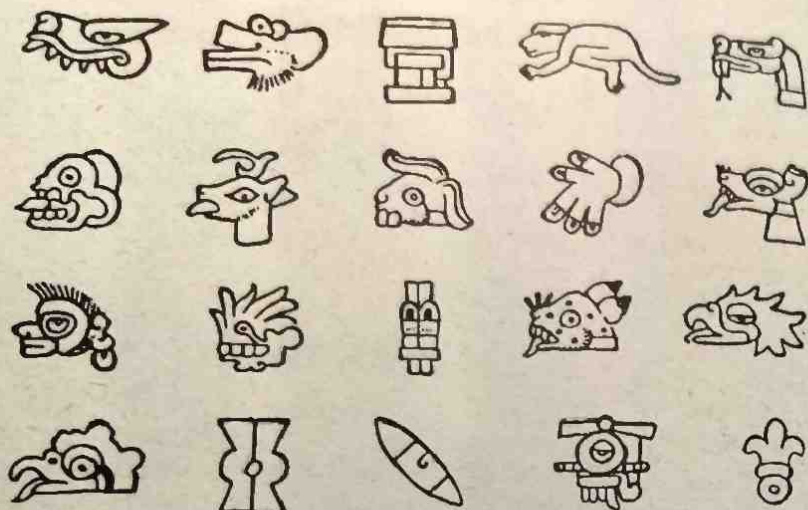
Солнца Тонатиу. На его лице страшная маска. От головы божества расходятся концентрические круги с замысловатыми рисунками. Первый круг включает названия дней ацтекского календаря. Затем следует круг знаков «нефрит» и «бирюза», означающих соответственно «драгоценность» и «небо». На внешней части диска изображены лучи солнца и символ звезд. Большие змеи, символизирующие время, окаймляют края диска. Нужно еще добавить, что каменный календарь был раскрашен яркими красками (о буйстве красок дает представление цветной макет, сделанный по описаниям хронистов прошлого).

Испанские захватчики сбросили грандиозный памятник с вершины пирамиды и зарыли его в землю. Там он пролежал до конца XVIII века, утратив краски. В настоящее время каменный календарь выставлен в Национальном музее антропологии в Мехико.

И в наше время немало мексиканцев придерживаются древнеиндейских традиций и по-ацтекски встречают новый год 23 декабря у входа в Национальный музей антропологии, где хранится ацтекский календарь.

Каменные загадки Перу

Из испанских хроник известно, что конкистадоры на одном из плато в Перу встретили громадные изваяния людей и животных.

Знаки для обозначения дней ацтекского календаря (сверху вниз и слева направо): Крокодил.— Голова смерти.— Обезьяна.— Коршун.— Ветер.— Олень.— Трава.— Движение.— Дом.— Кролик.— Тростник.— Кремневый нож.— Ящерица.— Вода.— Оцелот.— Дождь.— Земля.— Собака.— Орел.— Цветок.

Подобные сообщения появлялись и позже. Согласно легенде, могущественный император Тупак Инка Юпанке превратил в камень некоторые племена своего государства, не выполнившие его приказаний.

Эти сведения заинтересовали перуанского ученого Даниэля Русо, который в 1952 году отправился с экспедицией к таинственному плато Маркагуаси. Небольшое холмистое плато находится в Кордильерах на высоте 3 800 метров. Его длина 3 километра, ширина до 1 километра. К плато, окруженному неприступными горами и глубокими ущельями, ведет узкая дорога. На месте Русо обнаружил множество памятников, которые были видны лишь в определенное время и под определенным углом зрения: одни — только при низком стоянии солнца, другие — при высоком, третьи — когда оно поднималось на определенную высоту, четвертые — при сумеречном или лунном освещении и т. д. Это были фигуры животных, не обитающих на таких высотах, — черепах, обезьян, а также неизвестных в Южной Америке до испанского завоевания — коров, лошадей, слонов, львов и верблюдов.

Русо увидел и скалы, изображавшие головы людей с чертами европейцев и негров. Некоторые изваяния по манере исполнения напоминали загадочные скульптуры острова Пасхи. Они были без глаз, но лучи света, проникая в определенный час дня сквозь особый вырез сбоку, создавали иллюзию зрачка. Были найдены скульптуры, по идее и композиции сходные с египетскими. Все это

навели Русо на мысль о возможности древних связей Америки со Старым Светом.

Среди скульптур удалось выделить три типа. Самые древние принадлежат неизвестному в истории Америки племени. Следующие по времени каменные памятники сделаны народом, населявшим плато до инков. Самые поздние скульптуры относятся к инкской эпохе.

Многие ученые считали, что очертания людей и животных на скалах появились в результате стихийного действия природы в течение тысячелетий. По мнению же Д. Русо, часть фигур вчерне могла быть «набросана» самой природой. Затем такие «заготовки» окончательно обрабатывались древними ваятелями, которые выбирали строго определенное место, с которого была видна цельная картина. Действительно, на плато Маркагуаси обнаружили такое место, оформленное в виде каменного кресла. Впоследствии каменные скульптуры в труднодоступных горах на плато Маркагуаси были описаны многими американскими и европейскими исследователями, в том числе и советскими, например, ученым Н. Ф. Жировым.

Первоначально Русо предполагал, что эти грандиозные изваяния типичны лишь для перуанской мегалитической культуры. Но в дальнейшем подобные открытия были сделаны в Колумбии, Мексике и других странах Центральной и Южной Америки, а также на островах Тихого океана. Гипотезу Русо в наши дни поддерживают многие ученые, в особенности сторонники теории контакта между древними цивилизациями Америки и остальной частью мира в доколумбово время.

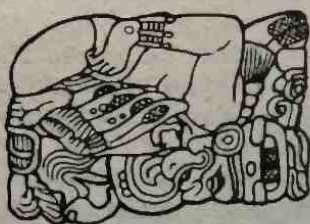
Не менее загадочны каменные шары самой разной величины, обнаруженные в Мексике, Коста-Рике и США (штат Нью-Мексико). Некоторые из них не больше теннисного мяча, но встречаются и настоящие гиганты диаметром до 3 метров. Материалы шаров — обсидиан и гранит.

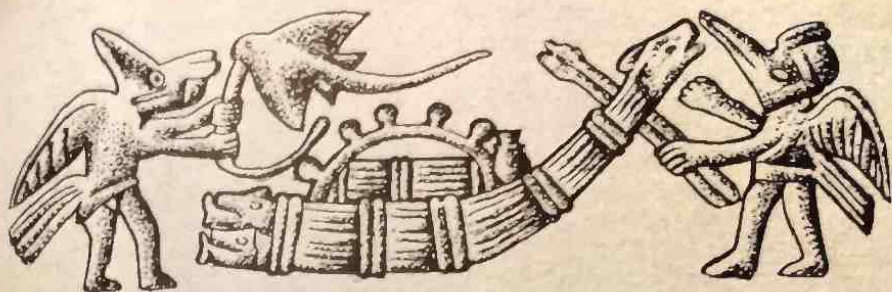
Американский ученый Р. Смит следующим образом объясняет возникновение обсидиановых шаров. В выпавшем раскаленном вулканическом пепле по мере охлаждения происходит процесс, сходный с образованием льда в воде. Стекловидные частицы пепла слипаются и свариваются, возникают разрозненные участки спекшегося материала. Разрастаясь и сливаясь друг с другом, они дают сплошную горную породу, очень похожую на вулканическое стекло. В долине, где охлаждение шло быстро, шары не успели слиться и остались обособленными в вулканическом пепле. За долгое время дожди и ветер разрушили пласт вулканического пепла и на поверхности оказалась россыпь небольших каменных шаров. Определение абсолютного возраста мексиканских обсидиановых шаров показало, что они возникли в третичный период, т. е. до появления человека.

Но если образование обсидиановых шаров понятно, то возникновение гранитных шаров пока необъяснимо. К тому же некоторые

из них, например в Коста-Рике, прекрасно отшлифованы и, несомненно, являются творением рук человека. Не менее удивительно и то, что когда костариканские ученые взглянули на этот район с вертолета, то увидели, что шары слагают гигантские треугольники, квадраты, круги и прямые линии, точно ориентированные по оси север — юг. Искусные мастера не только вытесали из множества глыб шары правильной формы, но и расставили их с помощью неизвестно каких приспособлений в строгом геометрическом порядке. Для чего и с какой целью это было сделано, пока остается загадкой.

В последние годы в Перу найдено еще одно археологическое чудо. В густых лесах на восточных склонах Анд на высоте около 2 500 метров над рекой Мараньон, мощного истока Амазонки, в малонаселенной местности археолог Д. Савой обнаружил развалины очень крупного древнего города, раскинувшегося на площади около 40 км². Некоторые из каменных строений были огромны и достигали высоты современного 15-этажного дома! Предполагают, что этот город был центром какого-то государства, расцвет которого приходился на конец первого тысячелетия нашей эры, а затем завоеванного инками в конце XV века.

А. Сандерсон

РАЗМЯГЧЕНИЕ КАМНЯ

В городе майя Юкатане, Центральная Америка, вы можете лицезреть здание, которое называется «женский монастырь». Это жуткое сооружение сплошь покрыто барельефами. Я гарантирую, что после получасового осмотра этих барельефов вы даже не вспомните, что у создателей их не было никаких металлических инструментов, а в радиусе двести миль невозможно найти ни одной твердой горной породы. Вы зададите себе вопрос, каким образом они умудрились расписать все эти поверхности, причем некоторые изображения — не просто барельефы, а барельефы, выполненные внутри замкнутых окружностей. Попробуйте высечь тысячу фигурок на куске известняка, пользуясь для этого другим куском известняка, стоя позади поверхности, над которой работаете, а место для манипулирования «инструментом» — один дюйм.

Правда ли, что майя высекали эти барельефы с помощью каменных топориков, вкалывая из дня в день? Проанализируем эту возможность, задав всего один простой вопрос: что такое бетон?

Откройте энциклопедию, и вас ждет сюрприз. Оказывается, это «смесь камня, песка, воды и цементирующего материала». Мы постоянно упускаем из вида, что путем чисто механического смешивания четырех веществ можно получить монолитную скальную породу, обладающую поразительным долголетием. Мы можем создавать скалы!

Теперь давайте рассуждать в противоположном направлении: а можно ли разрушить монолитную породу? Конечно же, можно, существуют два простых способа — превращение в порошок или нагрев. Однако оба требуют гигантских затрат энергии. Для того, чтобы «разжижать» скалы, необходима поистине чудовищная температура. Но подумайте: если мы можем так просто создать скалу (бетон) за счет всего лишь внутренней химической энергии, неужели нельзя разрушить ее аналогичным способом?

Ответ готов: конечно же, можем! При условии, что у нас есть необходимые вещества, или реагенты, которые в определенной

концентрации будут растворять хотя бы один компонент, входящий в состав скалы (большинство скал состоит из смеси нескольких веществ в кристаллической форме). И в этом нет ничего странного. Подобный процесс происходит в природе сплошь и рядом, хотя, как правило, он протекает медленнее, чем в наших лабораториях. И тем не менее лишь только два столетия назад мы (в рамках нашей «западной», ориентированной на науку культуры) научились разрушать скалы в лабораториях.

Но, может быть, другие народы, существовавшие до нас, умели делать это другими способами?

Среди скал постоянно попадают всякие неортодоксальные и «нештатные» предметы — и я говорю не об окаменелостях, а о предметах, сделанных человеком. Весьма впечатляют металлические стержни, словно вплавленные в огромные однородные (гомогенные) и внешне нетронутые скалы и скальные массивы. Их можно наблюдать в монументальных сооружениях самых различных культур, особенно когда эти здания рушатся или при их реставрации. В Тиауанако, Перу, и в ведических храмах Индии обнаружены внутренние серебряные крепления; в монументах додинастического Египта (ок. 3 200 г. до н. э.) найдены аналогичные медные скобы. (Интересно: каким образом сдвоенную скобу можно одновременно пропустить через два каменных блока?!)

И еще кое-что. Все — даже архитекторы и археологи — недоумевают: каким способом все эти древние (главным образом обитатели высокогорных Анд) обтесывали огромные глыбы строительного камня так, чтобы они подгонялись друг под друга без малейшего зазора — между ними не пройдет даже лезвие ножа! Если в месторождении скалы не имеют заранее заданной формы, на них множество выступов и углов, каким образом можно прогнозировать форму прилегающих друг к другу поверхностей? А между тем длинная стена в Куско сложена из нескольких сот тысяч бесформенных глыб, и стена, кстати, идеальна. Любой современный инженер, архитектор или математик честно скажет вам, что он не знает, как это было сделано. И никто этого не знает.

Но что, если наши предки знали способ размягчения камней — эти камни, подобно мешкам с бетоном, которые сегодня укладывают прямо на дно реки при строительстве дамб, автоматически принимали контуры своих соседей, а в тех случаях, когда рядом камня не было, взбухали, как это можно видеть по краям стены в Куско?

И более того, если эти древние строители хотели как-то украсить свои сооружения, им вовсе не надо было целое лето махать топориком, чтобы отбить маленький кусочек камня — они размягчали поверхность до консистенции пластилина и потом всего за какой-нибудь час формировали неповторимый лик своего любимого божества? Могло ли такое быть?

Но был ли какой-нибудь способ подобного размягчения массивных камней — гранитов, базальтов, диоритов, андезитов и других неосадочных пород?

Никто не может сказать наверняка, но латиноамериканские индейцы утверждают, что такой процесс существовал. И природные проявления его можно встретить в горах на юге Мексики, в Центральной Америке, а также в городах Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии.

Но и это еще не все! Есть одна выдающаяся личность, на чьи работы я очень часто ссылаюсь. Это полковник П. Х. Фосетт. Он был офицером Британской армии и занимался топографической съемкой — в начале нашего века его часто приглашали правительства разных стран Латинской Америки для уточнения государственных границ. Для проведения этой работы ему пришлось снарядить восемь экспедиций. Из последней он не вернулся, что дало повод для всевозможных домыслов, легенд и прочих бредней, касающихся причин его исчезновения.

Фосетт пропал не один, с ним были его старший сын и помощник-англичанин. Второй сын, Брайан Фосетт, позже опубликовал его дневники, в которых полковник подробно описывал семь своих предыдущих экспедиций. Эта книга буквально напичкана поразительной информацией. Полковник Фосетт был необыкновенным человеком. За свои заслуги он был награжден Золотой медалью августейшего Королевского географического общества в Лондоне, а южноамериканские правительства, на которые он работал многие годы, буквально забросали его орденами и медалями. Можно сказать, что он в каком-то смысле был мистиком — он не сомневался, что помимо инков в Южной Америке были и другие великие цивилизации, и постоянно искал свидетельства их существования. Он так и не обнаружил ничего конкретного, но ему попадались довольно странные вещи, которые одна за одной начинают всплывать только сегодня.

Например, птицы. В лесах на склонах перуанских и боливийских Анд живет маленькая птичка, немного похожая на зимородка — она гнездится в небольших, идеально круглых отверстиях в поверхностях скал, стоящих у горных ручьев и рек. Такие отверстия можно видеть только в тех местах, где обитает эта птичка, и они есть во всех скальных породах — осадочных, метаморфических и неосадочных, таких, как гранит. Фосетт был поражен и задал себе вопрос: почему эти отверстия всегда находятся там, где маленькой птичке удобнее всего? Ответ он получил не от местных жителей, а от европейцев, которые уже более пятидесяти лет жили в этих горах. Отверстия делают сами птицы. Фосетт стал наблюдать за ними и обратил внимание, что птицы садятся на скалы и прилепляются к ним подобно стригам или ласточкам, облюбовавшим печную трубу. Каждая птица держит в клюве лист растения и затем начинает тереть поверхность скалы круговыми движениями до тех пор, пока лист не искрашивается. Потом она снова улетает и возвращается с таким же листом, и процесс повторяется. После примерно четырех таких операций птичка начинает клевать камень, и — хотите верьте, хотите нет — скала на глазах крошит-

ся. Через какое-то время образуется идеально круглое отверстие, достаточно большое, чтобы птица могла в него забраться, сделать гнездо, отложить яйца и вывести птенцов.

На первый взгляд это противоречит тому, что мы знаем о скалах, листьях и птицах. Но так ли это нелогично? Некоторые скалы вы можете растворить при помощи слабой соляной кислоты, а некоторые растения вырабатывают отнюдь не слабые кислоты и щелочи. Кто возьмет на себя смелость утверждать, что какая-то порода птиц не обнаружила некое растение, которое не растворяет кератин (роговое вещество) клюва, зато крошит гранит, словно это зубной порошок?

Полковник Фосетт обратил внимание еще на два явления, имеющих отношение к данной теме. О первом ему рассказал один человек, совершивший пятидневную поездку по девственному лесу вдоль реки Пирене в Перу. Лошадь весь день хромала, и ему пришлось спешиться и вести ее в поводу. Когда он добрался до места, то обнаружил, что его шпоры проржавели практически насквозь. Пораженный, он показал шпоры своему товарищу, и тот, разволновался, спросил, не проходил ли он через густые заросли низкорослого кустарника с мясистыми листьями. Он ответил утвердительно, и тогда его знакомый сказал, что именно они «съели» шпоры, добавив: «Этими растениями пользовались инки для обработки камня».

Другое наблюдение Фосетта еще более замечательное. Один англичанин, долгое время проработавший в управлении шахтами Сьерро де Паско в центральном Перу, рассказал ему следующую историю.

Он и несколько европейцев и американцев в выходной день отправились посмотреть на древние захоронения. Они взяли с собой местного жителя, который должен был осуществлять раскопки, и прихватили несколько бутылок крепкого алкогольного напитка, весьма популярного в той местности. Они нашли несколько нетронутых могил и взялись за дело, время от времени отдавая должное возлияниям. Вскоре один из участников довольно крепко набрался и стал распекавать аборигена. Дело шло к вечеру, а им больше нечем было похвастаться, кроме одной большой глиняной бутыли. Она была надежно запечатана, и, судя по встряхиваниям, в ней еще оставалась какая-то жидкость. Наконец они решили открыть ее.

В бутыли оказалась густая, черная, тягучая и неприятно пахнущая жидкость. Подпивший член компании решил, что надо провести дегустацию, и выбрал для этой цели беднягу местного.

Приятели нацедили стаканчик и поднесли бедняге. Тот понюхал жидкость, и реакция его была мгновенной и однозначной: он побледнел, подпрыгнул и попытался бежать. Но скачущие гринго схватили его и заставили пить (дело происходило в 1915 году, примерно за полвека до того, как сложились наши нынешние взгляды на расовые взаимоотношения). Несчастный сопротивлял-

ся, как безумный, и наконец сумел вырваться и убежал в кусты. Во время схватки бутылка упала и разбилась, а ее содержимое лужицей разлилось по камню, на котором бутылка до этого стояла.

Предводитель «экспедиции», рассказавший об этом случае Фосетту, был поражен, увидев, что жидкость исчезла, а вместо нее весь камень оказался покрыт каким-то веществом, немного похожим на глиноподобную замазку. Жидкость исчезла, а вместе с ней поверхность камня! Соединившись, они образовали какую-то пасту, которую можно было формировать и лепить из нее все, что угодно, словно это пластилин или горячий воск!

Так существует ли сок растения, который может растворять твердые породы — даже гранит? И действительно ли древние, главным образом жители Нового Света, знали об этом давным-давно, делали из него экстракты и размягчали камни, из которых строили свои невероятные крепости, храмы и другие сооружения? Действительно ли они пользовались тем же или аналогичным веществом, чтобы размягчить камни для украшения фронтонов своих зданий, размягчая и затем формируя свои фантастические и непревзойденные лабиринты, потрясающие барельефы, скульптуры и другие произведения искусства, спокойно при этом работая пальцами, а не откалывая месяц за месяцем по кусочку от камня?

Были ли индейцы Центральной и Южной Америки единственными, кто открыл этот способ? И есть ли в тропиках Азии маленькие птички, которые также делают отверстия в гранитных скалах?

БЕЗ ИМЕНИ

*Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.*

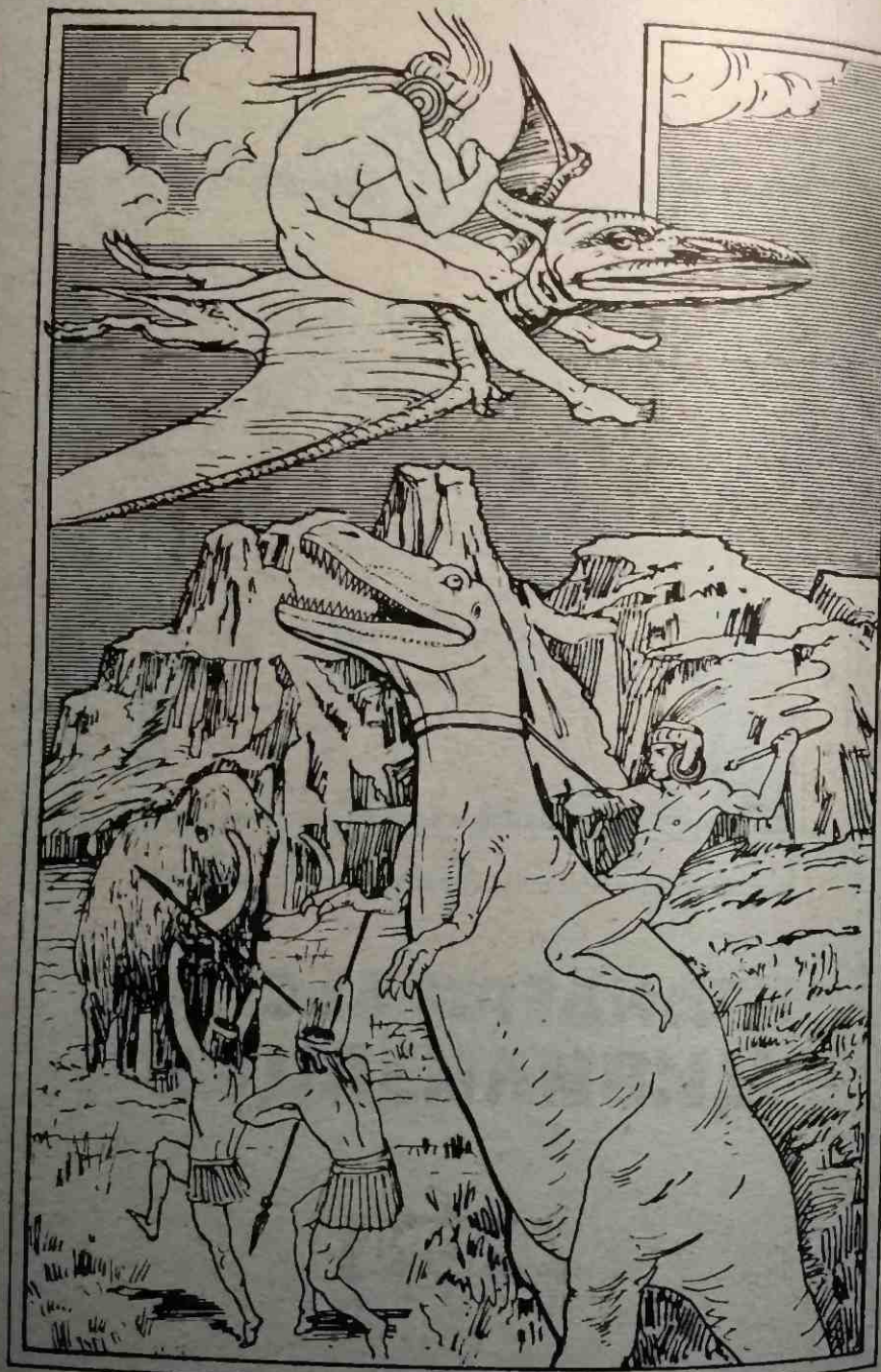
*Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унеслась на черном скакуне.*

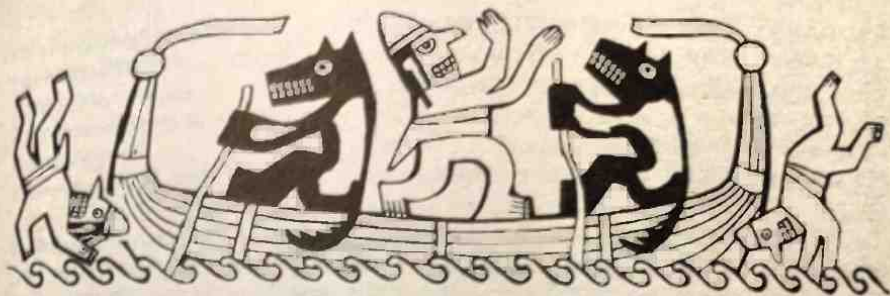
И. А. Бунин

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ю. Зубрицкий

НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Мы не спешим объявить неандертальцев предшественниками человека современного типа. Дело в том, что существует много разновидностей неандертальцев. Мы будем говорить о двух основных типах — более поздних, или «классических» и более ранних неандертальцах. И вот что странно. Более ранние неандертальцы, естественно, более примитивны, но у них больше черт современного человека, нежели у более поздних, «классических». Поэтому большинство археологов полагает, что современный человек произошел от раннего типа неандертальца. Более поздние же неандертальцы, создатели мустьерской культуры, оказались тупиковой ветвью и исчезли с лица Земли примерно 40—50 тысяч лет назад.

Из этого удивительного явления следует простой вывод: не наши непосредственно предки, а родственники наших предков, боковая ветвь человечества в свое время была олицетворением высшей ступени развития разума. Но если это так, то совсем нетрудно согласиться с предположением, что какая-то другая боковая ветвь, иная разновидность неандертальца, могла бы еще больше преуспеть в развитии производственных сил, а тем самым во всестороннем развитии человеческого общества.

Видимо, именно это и случилось, если основываться на находках, собранных перуанскими учеными Хавьером Кабрерой Даркеа. Тихоокеанское побережье Перу давно уже фигурирует в археологических справочниках, и внимание к этому району непрерывно возрастает. Ведь именно здесь были обнаружены десятки очагов древнейших археологических культур, от которых нас отделяют не только века, но и тысячелетия, даже десяток тысяч лет. Здесь, на побережье, или по соседству с ним, начиная с 11 тысячелетия до н. э. расцветали блестящие цивилизации Чавин, Паракас, Наска, Мочика и другие. Но при чем здесь неандертальцы? Ведь все эти культуры и цивилизации созданы *Homo Sapiens*, людьми со-

* Глава печатается по книге «Тайное, забытое, невероятное...», М., Общество по изучению тайн и загадок Земли, Ларге. 1991.

временного типа, предшественниками инков. При чем здесь неандертальцы, если человек пришел на американский континент уже в эпоху верхнего палеолита, когда неандертальцы безвозвратно уже ушли в разряд ископаемых? Тем более, что Америка, по-видимому, никогда не входила в область прародины человечества. На американском континенте никогда не было и нет человекообразных обезьян.

Что человекообразных обезьян на американской земле нет сейчас — это, пожалуй, верно, хотя и по сей день в бескрайних джунглях Ориноко-Амазонского бассейна еще много, очень много «белых пятен», неисследованных территорий... Но кто поручится, что человекообразных обезьян не было в Америке в прошлом? Почему так категорично утверждение, что территория Америки не входила в область прародины человека? Потому что этого не подтвердили археологические находки? Объем археологических исследований, проводившихся в Америке, совершенно несоизмерим с ее территорией; их просто ничтожно мало, чтобы можно было всерьез делать вывод об отсутствии на американском континенте ископаемых человекообразных обезьян, древнейших предков человека, или какой-то «боковой» тупиковой ветви человечества.

Нужно сказать, что полемика по этим вопросам идет не абстрактно, как мы ее изобразили. Спор конкретизирован совершенно реальными археологическими находками — камнями различных размеров (до метра и больше в поперечнике в длину) с нанесенными на них изображениями.

По мнению доктора Кабреры, эти камни были уложены в строго определенном порядке и являли собой своеобразную гигантскую научную библиотеку, вернее, литотеку некой великой и очень древней цивилизации. Местонахождение литотеки — к югу от перуанского города Ика, на тихоокеанском побережье. Тектонические процессы, морские бури и ураганы, наконец, поздняя человеческая деятельность привели к тому, что «книги» — камни «библиотеки» оказались под землей и довольно разрознены. Ведь с момента ее создания прошло много, очень много лет, минул огромный срок. Ну, а нет ли какого-нибудь указателя, который помог бы нам более точно определиться, сколько воды утекло с того момента. На камне, запечатленном фотографом, изображены лошадь и всадник. Однако, вспомним, лошадь была завезена в Америку лишь после открытия континента Колумбом. Вариант же американской лошади вымер 150—200 тысяч лет тому назад. 150 тысяч лет! А *Homo Sapiens*, человек современный (так называемый кроманьонский человек), появился лишь 40 тысяч лет назад. Так кто же этот всадник?

На другой каменной глыбе нетрудно разглядеть человека верхом на слоне, что является еще одним подтверждением глубокой древности камней, поскольку американский слон также исчез с лица земли примерно одновременно с лошадью. Любопытны еще две каменные зарисовки — человек на альтикамиллусе, человек и ди-

нозавр! Изображения животных неоспоримо свидетельствуют о том, что время их создания спускается ниже эпохи верхнего палеолита. Впрочем, об этом говорит и сам облик людей. Бросается в глаза несоразмерно большая голова. Она относится к остальной части тела, как 1:3, между тем у современного человека это соотношение 1:7, 1:6. Сквозь очертания фигуры изображенного человека все четче проступает правота Кабреры: эти люди не наши предки; голова поздних неандертальцев, как это засвидетельствовано археологией, по отношению ко всему телу была больше, нежели у современного человека. Доктор Кабрера обращает также большое внимание на строение руки существ, изображенных на камне. Большой палец не противостоит остальным, почти так же, как у обезьян. Особенно явно это видно на глыбе, условно названной «Ученики и учитель»; объясняя ученику устройство какого-то аппарата, учитель использует большой палец в качестве указательного. Да и на некоторых других глыбах различимо «обезьяноподобное» строение руки.

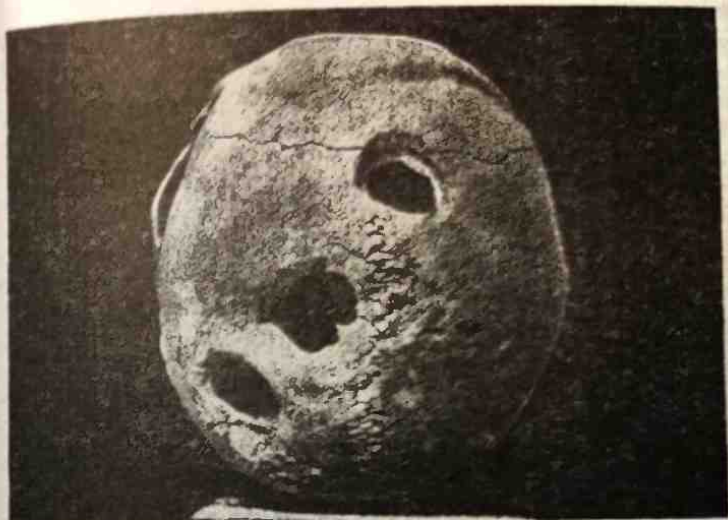
Согласуется ли это с данными археологии? В общем — да; большой палец у неандертальца, правда, противопоставлен остальным, но в гораздо меньшей степени, нежели у человека современного вида. Одна из отличительных черт строения черепа у неандертальцев — низкий покатый лоб. Подобный лоб мы видим на всех без исключения каменных рисунках, наблюдается также и покатость лба, хотя и не всегда. Таким образом, если перед нами изображены неандертальцы, то не совсем те, остатки которых найдены в Ла Шапель-о-Сен или в Спи. Это особая их ветвь, по каким-то причинам быстро развивавшаяся. Назовем условно эту ветвь «неандерталец разумный». Эволюция данной ветви, как видно из множества рисунков на камнях, базировалась на широком применении энергии животного мира. Из любого элементарного курса археологии хорошо известно, что неандертальцы были прекрасными охотниками, загонявшими в засаду даже гигантов-мамонтов и шерстистых носорогов. А от охоты на животного до его приручения, а затем и одомашнивания — один шаг. Может быть именно приручение (одомашнивание) лошадей, слонов, летающих ящеров (да! есть камни с соответствующими изображениями) и послужило основой для стремительного, относительно, конечно, роста производительности труда, приведшего к расцвету науки и искусства. Нет основания бояться этих слов. Один лишь факт создания литотеки дает право на употребление этих терминов к деятельности «неандертальцев разумных». Уже сейчас усилиями доктора Кабреры собрано свыше пятнадцати тысяч камней-гравюр с интереснейшими изображениями. В недрах земли, считает он, их скрывается еще около 200—300 тысяч. Уже одно это обстоятельство указывает на существование целой армии граверов-художников, которые запечатлевали в каменных экспозициях соответствующие сцены, выполняли заказы неандертальских «географов», «биологов», «этнографов», «медиков». Не скроем, мы долго колеба-

лись, заключать ли перечисленные специальности в кавычки. Во всяком случае, в отношении медиков мы это сделали зря. Опять обратимся к фотографиям. Даже не призывая на помощь воображение, мы легко видим на них... операцию по пересадке сердца. Сравнительно молодому человеку врач вскрывает грудную клетку. Ассистент держит набор инструментов. Затем подчеркнуто немасштабно изображено только что вынутое сердце, подготавливаемое к пересадке. Следующий сюжет — удаление больного сердца из грудной полости старого человека (стилизованно изображены морщины на лице), а затем фрагмент пересадки старику здорового сердца молодого человека. Следующий камень изображает пожилого пациента с уже пересаженным органом и свежешагитым швом. Его состояние, по-видимому, крайне тяжелое. Во всяком случае, ему в гортань введены две трубки, соединенные с насосами, для поддержания искусственного дыхания. Описание операции, а может быть каменное учебное пособие было бы неполным без завершающих хирургических сюжетов. Они выгравированы на других глыбах. Оперированный переходит постепенно на самостоятельное дыхание (одна из трубок исчезла), врач с помощью обычного стетоскопа прослушивает биение пересаженного сердца. И, наконец, ассистент удаляет оставшиеся медицинские приспособления, и пациент дышит сам. Операция завершена. Понятно, что с изъятием сердца останавливается кровообращение и наступает мгновенная смерть. Чтобы этого не случилось, к кровеносной системе старика подключено другое сердце, сердце беременной женщины, которая питает своей кровью в момент операции организм старика.

Очевидно, что делать подобные операции могли только люди, блистательно знавшие физиологию и анатомию человека (кстати, очень точно показано строение и расположение внутренних органов), постигшие реанимацию, владеющие санитарией, имеющие отличный медицинский инструмент.

Доктор Кабрера считает, что существа, изображенные на камнях, оставили после себя и другие памятники высочайшей культуры. К ним относятся знаменитые полосы долины Наска, плохо видимые с земли и ясно различаемые с самолета. Ничего удивительного, утверждает доктор Кабрера, ведь «неандертальцы разумные» приручали летающих ящеров и использовали их в качестве летательных аппаратов. Эти же существа, полагает перуанский ученый, были творцами наиболее древних частей Саксауamana, Мачу-Пикчу, Тианауанаку и других циклопических построек. Им, располагавшим тягловой силой слонов и летающих ящеров, это было нетрудно. «Ольмекские головы» в Мексике, вырубленные из камня, также плод их усилий, как и каменные истуканы острова Пасхи.

Крайний интерес представляет вопрос об общественном строе данной цивилизации. Прямых свидетельств на этот счет не имеется, но обратимся вновь к операции по пересадке сердца. Молодой человек, донор пересаживаемого сердца, не имеет видимых внеш-

Трижды трепанированный череп из Куско, Перу, Южная Америка.
По Муньису и Мак Джи.

них ранений. Сердце изымается у живого и здорового человека. Скорее всего, это раб, жизнь которого приносится в жертву хозяину, занимающему, вероятно, высокое положение в обществе.

На некоторых каменных гравюрах изображены сцены охоты, не оставляющие ни малейшего сомнения в социальном неравенстве ее участников. Причем это неравенство определяется расовой принадлежностью. Люди с чертами лиц, напоминающими негроидов, всегда выступают в качестве распорядителей и руководителей. Таким образом, перед нами общество либо уже расколовшееся на классы, либо идущее по пути раскола. А это означает, что можно говорить не только о культуре, но и о социальном строе неандертальской цивилизации, широко распространенной на значительной части земного шара. Может быть, это цивилизация той самой Атлантиды, смутные воспоминания о которой остались у древнеегипетских жрецов и были поведаны миру Платоном? Впрочем, упоминание об Атлантиде требует оговорок и уточнения. На камнях, запечатлевших географические карты нашей планеты того далекого времени, Атлантида действительно представлена в качестве одного из обитаемых материков, породившего высокую цивилизацию. Однако значительные территории Атлантиды заштрихованы, а это, по мнению доктора Кабреры указывает, во-первых, на то, что они стали непригодны для жизни и деятельности разумных существ, и, во-вторых, ...на приближающийся катаклизм!

Сила и мудрость неандертальской цивилизации вытекала из ее органического единения с природой, особенно с животным миром, заключалась в умении искусно и целенаправленно использовать взаимосвязи и предметы этого мира. Но в этом же таилась и ее

слабость, ибо единственным источником энергии, по-видимому, была мускульная сила животных или самого человека. А энергия — это необходимое условие существования каждой цивилизации. Отнимите у любого, самого высокоразвитого общества его энергетические источники — и оно немедленно рухнет. Очередное оледенение, приведшее к резкому изменению климата на земле, отняло у разумных неандертальцев их энергетическую основу. Доледниковый животный мир, столь совершенно освоенный ими, начал стремительно изменяться. Вымирали традиционно используемые крупные животные, исчезали энергетические источники и ресурсы. Подступила агония великой цивилизации. Неандертальцы, лишившись своих энергетических возможностей, так и не смогли приспособиться к изменившемуся и так сурово обобшедшемуся с ними миру. Жалкие их остатки рассеялись по земле, в том числе и на значительной части Американского континента. А когда закончилось оледенение, уже другие человеческие расы и виды господствовали на планете.

«Классический» неандерталец, а впоследствии кроманьонец — «человек разумный», добывали остатки великого народа, изредка включая их в состав своих стад, орд, а впоследствии родов и племен. Сливаясь с новыми господами Земли, «разумные неандертальцы» передавали им остатки смутных воспоминаний о блестящем прошлом, давая тем самым начало иногда новому, поразительно быстрому развитию знаний и навыков, а иногда — обычаям, до неузнаваемости уродовавшим древние достижения. Позже, нежели в других частях света, этот процесс завершился на американском континенте, ибо сюда довольно поздно проник *Homo Sapiens*.

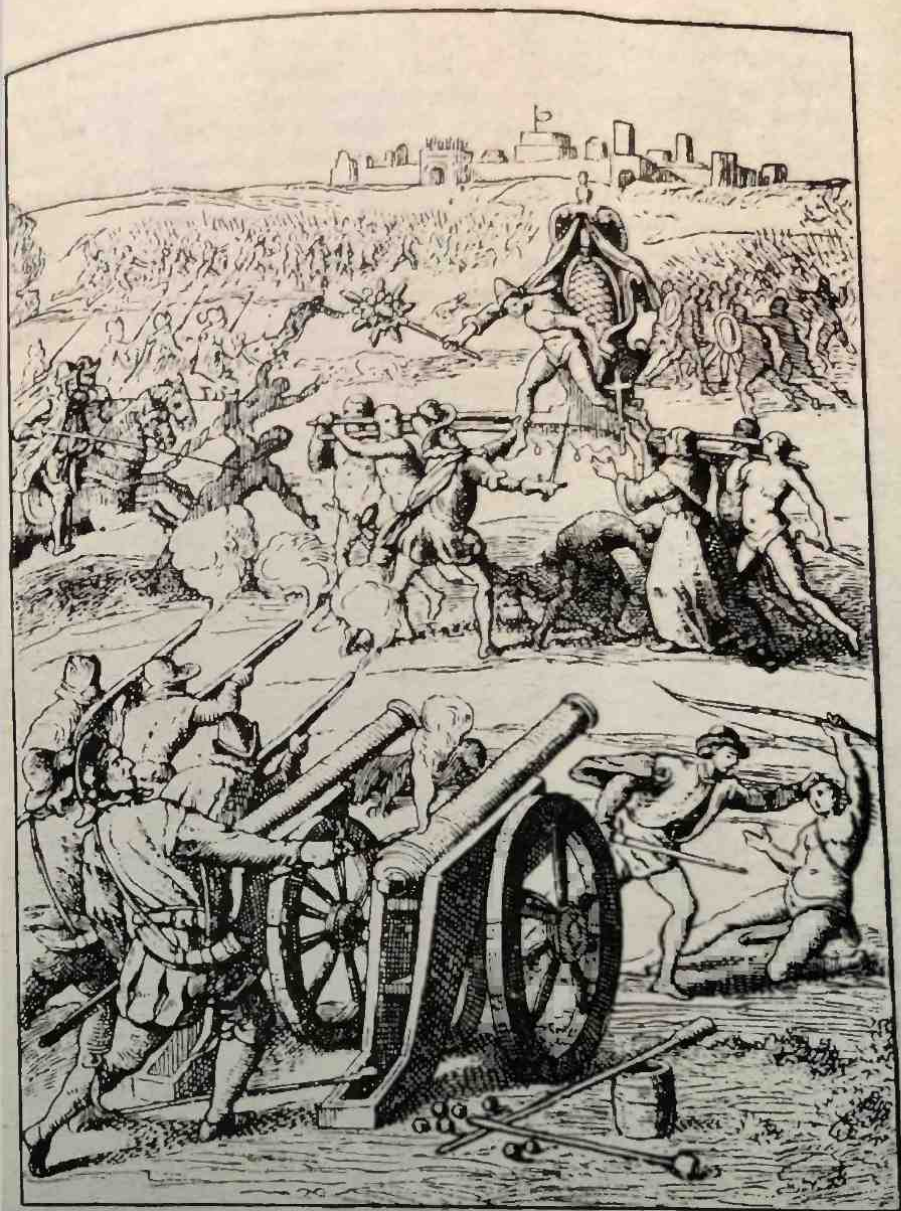
Не воспоминание ли о неандертальских пересадках сердца, о сердцах рабов, приносимых в жертву сильным мира, положило начало изуверскому и бессмысленному обычаю некоторых индейских народов вырывать человеческие сердца и приносить их в жертву богам? Не воспоминанием ли о неандертальских лошадях вызван тот факт, что в инкском дворце Кориканца как величайшая драгоценность хранился конских хвост, а также тот необычайный интерес и любопытство, которое проявил Инка Атауальпа к испанским лошадям, и та поразительная быстрота, с какой Инка Манко и его соратники, поднявшиеся на священную борьбу против испанцев, стали использовать лошадей, отнятых у пришельцев? А удивительная инкская хирургия?

И уж, конечно, без всяких вопросительных знаков можно указать на значительное сходство изображений на неандертальских камнях и знаменитых тканях Паракаса (V в. до н. э. — V в. н. э.).

Таким образом, считает доктор Кабрера, задолго до «кроманьонской истории», до истории *Homo Sapiens*, на Земле прошла история другого вида разумных существ.

* * *

Материалы коллекции Х. Кабреры вызвали не только большой интерес, но и множество сомнений. И прежде всего возникает во-

Пленение Атагуальпы. С гравюры XVI века.

прос о возможности фальсификации. Нет слов, сам доктор Х. Кабрера, человек возвышенных идеалов, большой культуры и редкой искренности, — вне всяких подозрений. Но не стал ли он сам жертвой фальсификации? В этом нужно еще разобраться, а не отмахиваться от фактов только потому, что они не соответствуют нашим

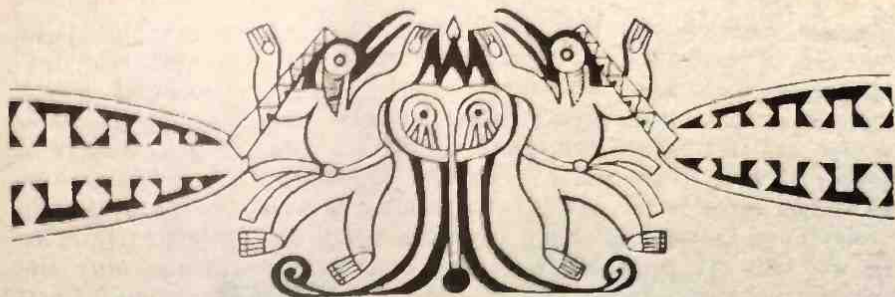
привычным представлениям. К сожалению, заведомо отрицательное отношение к работе доктора Кабреры имеет место. Не так давно одно компетентное лицо, например, высказало (и даже скрепило своей подписью на официальном документе) мнение, что камни, собранные Кабрерой, являются современной подделкой, поскольку у древних перуанцев не было инструментов, с помощью которых они могли бы нанести на них упомянутые изображения. Но подобное заключение весьма напоминает нам сентенцию известного литературного героя: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Как можно судить, каким орудием располагала или не располагала абсолютно нам не известная цивилизация (или культура), если мы еще ничего о ней не знаем?

А теперь коснемся еще одного деликатного вопроса. Предположение о том, что таинственная цивилизация была создана одной из ветвей неандертальцев, не принадлежит перуанскому ученому, хотя и основывается на собранных им материалах. Предположение это выдвинуто автором данной статьи. Сам же Х. Кабрера возводит корни цивилизации к космическим пришельцам, переселившимся на Землю и очеловечившим (так сказать «образумившим») часть лемуров. Кроме того причину гибели цивилизации он видит не в «энергетическом голоде», а в том, что неосторожное и чрезмерное пользование энергией пара привело к обволакиванию планеты плотным слоем облаков, парниковому эффекту и к резкому сокращению притока солнечной энергии.

Впрочем, эти разногласия не снимают главного вопроса о существовании на земле цивилизации разумных существ в самые древнейшие времена.

Долг историков, археологов, социологов помочь перуанскому ученому разобраться тщательно и основательно в собранном им материале. Ибо если перед нами не фальсификация (а судя по всему — нет), то речь, безусловно, идет о величайшем открытии.

Джеймс Д. Фрэзер

СКАЗАНИЯ О ВЕЛИКОМ ПОТОПЕ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ*

У бразильских индейцев, живших в окрестностях нынешнего Рио-де-Жанейро в те времена, когда европейцы впервые проникли в эти места, существовала легенда о потопе, от которого спаслись лишь два брата со своими женами. Согласно этой легенде, потоп залил всю землю, все люди погибли, за исключением прародителей этих индейцев, спасшихся на высоких деревьях или, как думают другие, в лодке.

Француз Андре Теве, путешествовавший по Бразилии в середине XVI в., передает следующее сказание индейцев, живущих у мыса Кабу-Фриу. У одного великого чародея, по имени Соммай, было два сына, которых звали Тамендонаре и Ариконте. Первый обрабатывал землю, имел жену и детей и был примерным отцом и мужем. Не таков был его брат Ариконте. Он занимался только войной, и его единственным желанием было покорить соседние народы и даже собственного прямодушного и миролюбивого брата. Однажды этот свирепый воин, возвращаясь с битвы, принес брату отрезанную у убитого врага руку и при этом презрительно сказал: «Убирайся вон, трус ты этакый! Я хочу отнять у тебя твою жену и детей, потому что ты не сможешь защитить их». На это добрый человек, уязвленный высокомерием брата, насмешливо отвечал ему: «Если ты такой храбрый, как уверяешь, то почему не принес все тело своего врага?» Колкий ответ привел Ариконте в негодование. Он бросил отрубленную руку на порог дома своего брата. В это самое мгновение деревня, в которой они жили, вознеслась к небу, но оба брата остались на земле. Тогда Тамендонаре, от изумления или с досады топнул ногой с такой силой, что из-под земли забил огромный фонтан воды, который поднялся чуть ли не выше облаков и залил все холмы кругом; вода лилась и лилась, пока не затопила всю землю. Братьям пришлось взобраться на самую высокую гору и там вскарабкаться вместе с женами на

* Публикуется по книге Д. Фрэзера «Фольклор в Ветхом Завете». М., Политиздат, 1985. Перевод с английского Д. Вольпина.

деревья. Тамендонаре влез на дерево, называемое пиндона; французский путешественник видел два рода этого дерева, из которых один имел более крупные плоды и листья, нежели другой. Спасаясь от поднимающейся воды, Тамендонаре успел втащить на дерево одну из своих жен; брат же его со своей женой влезли на другое дерево, называемое генипер. Через некоторое время Ариконтэ дал своей жене несколько плодов с дерева, сказав ей: «Брось один из них вниз». Она так и сделала, и по плеску воды они поняли, что вода еще высока и еще не время спускаться в долину. Индейцы верят, что во время этого потопа погибли все люди, за исключением тех двух братьев с их женами, и что от этих двух пар после потопа произошли два различных племени — тоннассаре по прозвищу тупинамба и тоннай-гуайяна по прозвищу томину, которые постоянно враждуют и воюют друг с другом. Принадлежащие к племени тупинамба, желая прихвастнуть и показать свое превосходство над соседним племенем, говорят: «Мы приходим от Тамендонаре, а вы — от Ариконтэ», разумея при этом, что Тамендонаре был лучший человек, чем Ариконтэ.

В несколько иной версии та же легенда была записана иезуитом Симоном де Васконсельос. По этой версии, спаслась только одна семья, а о злом брате не упоминается вовсе. Жил на свете, гласит эта легенда, искусный чародей и волшебник Тамандуаре. Великий бог Тупи открыл ему, что скоро наступит большой потоп, который зальет всю землю, даже высокие деревья и горы. Только одна вершина будет подниматься над водой, на ней большое дерево с плодами наподобие кокосовых орехов. На этом-то дереве волшебнику вместе с семьей можно будет спастись в надлежащее время. Тамандуаре немедленно поспешил уйти со своей семьей на вершину той горы. И когда они очутились здесь в полной безопасности, начался дождь, который все лил да лил. Вода покрыла всю землю, залила гору и даже смыла верхушку ее. Тогда человек с своей семьей взобрались на пальму и оставались на ветвях ее все время, пока длился потоп, питаясь плодами дерева. После спада воды они спустились с пальмы и были так плодовиты, что со временем вновь заселили опустошенный потоком мир.

Индийское племя каинганг, или короадо, в провинции Риу-Гранди-ду-Сул, на юге Бразилии, имеет свое предание о великом потопе, залившим всю страну, в которой жили их предки. Только одна из вершин прибрежной горной цепи Серра до Мар оставалась еще над водой. Люди трех индейских племен — каинганг, кайурукр и каме — плыли с зажженными факелами в зубах, держа путь к горам. Но индейцы двух последних племен устали в пути и утонули, и души их поселились в сердце горы; каинганги же и еще несколько человек из племени курутон кое-как добрались до горы и остались здесь жить: одни — на земле, а другие — на ветвях деревьев. Прошло несколько дней, вода еще не спадала, а им нечего было есть. Они уже ожидали смерти, когда услышали пение морских птиц саракура, летевших к ним с корзинами, пол-

Ариконтэ и Тамендонаре.

ными земли, которую птицы бросали в воду, отчего вода медленно убывала. Люди кричали птицам, чтобы они торопились; птицы призвали на помощь уток, и общими усилиями им удалось освободить от воды достаточно места для всех людей. Те же, которые

взобрались на деревья, были превращены в обезьян. Когда потоп прекратился, кайнганги спустились вниз и поселились у подошвы горы. Души утонувших индейцев из племени кайурукр и каме пробили себе путь из сердца горы, где находились до тех пор в заточении, и, когда выползли наружу, зажгли огонь. Из пепла костра душа одного индейца вылепила ягуаров, тапиров, муравьедов, пчел и других животных, одарила их жизнью и показала, что им предлагается есть. Душа другого индейца, из племени каме, в подражание первой создала пуму, ядовитую змею и осу для того, чтобы они вели войну с животными, созданными кайурукром, что они и делают до сих пор.

Сказание о великом потопе существует также у индейского племени куруайя в Бразилии, жившего в долине реки Арагуая, которая вместе с рекой Токантинс образует самые восточные из всех крупных притоков Амазонки. Племя это, как говорят, отличается от всех соседних племен своими нравами и обычаями, а также физическими особенностями и говорит на языке, не состоящем в родстве ни с одним из языков других бразильских индейцев. Сказание это таково. Однажды куруайя ушли охотиться на диких свиней и загнали животных в нору. Они стали раскапывать ее, убивая каждую вытаскиваемую свинью. При этом они наткнулись на оленя, потом на тапира, потом на белого оленя, а еще глубже увидели ноги человека. Испугавшись при виде этой находки, куруайя привели великого чародея, знавшего всех лесных зверей, который сумел вытащить этого человека. Вырытый из земли человек был худ, но с большим животом и назывался Анатиуа. Он начал петь: «Я — Анатиуа, дайте мне покурить табаку». Но куруайя не поняли ни слова. Они принесли из леса разные цветы и плоды и предложили их Анатиуа, но он от всего отказался и указал пальцем на курившего трубку человека. Тут они поняли, чего он хочет, и поднесли ему табак. Он взял трубку и курил до тех пор, пока не упал на землю без чувств. Тогда они отнесли его в челнок и привезли в деревню. Здесь он очнулся от обморока и стал петь и плясать. Однако поведение его и непонятная речь пугали куруайя, и они снялись с насиженного места со всеми пожитками. Это очень обозлило Анатиуа, и он превратился в огромную пиранью и последовал за куруайя, имея при себе много тыквенных бутылок, наполненных водой. Он стал кричать куруайя, чтобы они остановились, но те не обращали на него внимания; тогда он пришел в ярость и разбил вдребезги одну из бывших у него бутылок. Пролитая вода вдруг стала подниматься, но куруайя продолжали бегство. Тогда он разбил еще одну бутылку, потом еще одну и еще. Вода поднималась все выше и выше, пока вся земля не оказалась затопленной, и только горы у устья реки Тапирапе возвышались над разливом. Куруайя нашли пристанище на двух вершинах этой горной цепи. Но Анатиуа созвал всех рыб, чтобы столкнуть людей в воду. И ягу, и пинтадо, и паку пытались сделать то, но никому из них не удалось столкнуть людей. Наконец бикудо (рыба с длинным клю-

вообразным рылом) удалось взобраться на гору с тыла и столкнуть куруайя с вершины. Большая лагуна еще и поныне существует на том месте, куда они свалились. Лишь несколько человек остались на вершине горы и спаслись. Когда уровень воды понизился, они спустились вниз.

По поводу этого сказания автор, записавший его, делает следующее замечание: «Хотя регулярно повторяющиеся наводнения, например, на Арагуая, вообще говоря, не служат причиной возникновения сказаний о потопе, как правильно указал на это Андре, однако именно здесь местные условия оказались вполне благоприятными для этого. Путешественник, перед которым после долгого плавания между бесконечных низменных берегов реки вдруг вырастают могучие конические горы по реке Тапирапе, круто поднимающиеся среди равнины, легко поймет, почему у куруайя, так часто страдающих от наводнений, создалась подобная легенда о потопе. Возможно, что некогда действительно имел место такой случай, когда необыкновенно сильное наводнение заставило окрестных жителей искать убежища на тех горах». И далее: «Как и в большинстве южноамериканских легенд о потопе, в настоящей легенде потоп произошел не от дождя, а от разбитой посуды с водой».

Племена паумари, абедери и катауши, живущие по реке Пурус, рассказывают, что однажды люди услышали подземный гул и глухие раскаты грома. Солнце и луна стали принимать то красный, то синий, то желтый цвет, дикие звери безбоязненно стали подходить к людям. Спустя месяц снова загрохотал гром, густая мгла поднялась от земли к небу, и разразилась гроза и ливень. Дневного света и земли как будто никогда не было. Одни люди очутились неведомо где, другие умерли неведомо как, ибо везде царил невообразимый хаос. Вода поднялась так высоко, что вся земля оказалась под ней, только вершины самых высоких деревьев возвышались еще над водой. В одних местах люди бежали, не зная, где укрыться, в других, взобравшись на деревья, они гибли от голода и холода, ибо все время не прекращались мрак и ливень. Спасся один только Уассу со своей женой. Когда они после потопа спустились на землю, то нигде не встретили ни одного человеческого тела, ни одной кости человеческой. Потом они прижили много детей, и один сказал другому: «Что же, построим себе дома на реке; если поднимется вода, то и мы вместе с нею поднимемся». Но, видя, что земля остается под ними сухой и неподвижной, они перестали об этом думать. Однако паумари до сих пор строят свои дома на реке.

Мурато, ветвь племени хибаро в Эквадоре, рассказывают, что когда-то один индеец-мурато пошел ловить рыбу в лагуне реки Пастацы. Небольшой крокодил проглотил его приманку, и рыбак убил его. Мать крокодила, или вернее мать всех крокодилов вообще рассердилась и стала бить хвостом по воде до тех пор, пока вода не разлилась по земле и не затопила все окрестности лагуны. Все люди утонули, кроме одного человека, который взобрался на пальму, где оставался много дней подряд. Все время было темно,

как ночью; он часто бросал пальмовые плоды в воду, но каждый раз был слышен плеск воды. Наконец однажды брошенный плод упал без всплеска. Тогда он понял, что потоп кончился, и слез с дерева. Человек построил себе дом и принялся обрабатывать землю; желая обзавестись женой, которой у него не было, он вырезал часть своего тела и посадил ее в землю, оплодотворенная таким образом земля произвела женщину, на которой он женился.

Арауканы (в Чили) хранят предание о великом потопе, от которого спаслись лишь несколько человек. Эти счастливицы укрылись на высокой горе, называемой Тегтет (это значит «премещаемый» или «сверкающий»), с тремя вершинами, обладающей способностью плыть по воде. «Отсюда, — говорит испанский историк, — можно заключить, что потоп был следствием вулканического извержения, сопровождавшегося страшным землетрясением, и, вероятно, резко отличался от Ноева потопы. При каждом сильном землетрясении народ бежит в те горы, которые в его воображении представляются имеющими тот же внешний вид, что и в легенде, а стало быть, и ту же способность плыть по воде. Свою тревогу народ объясняет при этом боязнью, что море после землетрясения снова вернется и зальет мир потоком. Уходя в горы, каждый берет с собой порядочный запас провизии и деревянные тарелки для защиты головы от солнечного ожога на случай, если Тегтет, поднятый волнами потопа, вознесется к солнцу. Когда туземцам говорят, что для подобной цели были бы более пригодны глиняные тарелки, а не деревянные, которые могут загореться, то те отвечают, что поступают так по примеру своих предков».

Акваваи (в Британской Гвиане) рассказывают легенду о великом потопе, разукрашенную многими подробностями. В начале мира великий дух Маконаима сотворил птиц и зверей и поставил сына своего Сигу править ими. Кроме того, он взрастил на земле большое чудесное дерево с различными плодами на каждой ветви; вокруг ствола росли бананы, индейские фиги, маниоки, маис и всякие злаки, а у корней никли гроздья ямса — словом, все растения, какие теперь разводятся на земле, в необыкновенном изобилии цвели на том удивительном дереве, вокруг него и под ним. Чтобы распространить по всему миру плоды этого дерева, Сигу решил срубить его и посадить всюду на земле семена и черенки дерева. Работу эту он выполнял при помощи всех зверей и птиц, за исключением одной лишь бурой обезьяны, которая по своей лени и злему нраву отказалась участвовать в великом деле распространения растительности на земле. Чтобы удержать обезьяну от возможных проказ, Сигу приказал ей таскать воду в дырявой корзине, полагая, что такая работа хоть на некоторое время отвлечет ее злую волю. Продолжая рубить чудесное дерево, Сигу увидел, что пень был дуплистый и полный воды, в которой плавала мелкая пресноводная рыба всяких пород. Благожелательный Сигу решил выпустить ее во все реки и озера в таком количестве, чтобы вода всюду на земле кишела всевозможной рыбой. Однако этому вели-

кодушному намерению не суждено было осуществиться, так как вода из дупла, сообщавшегося с великим водным бассейном где-то в недрах земли, полила через край. Желая остановить начавшийся потоп, Сигу прикрыл пень плотно сплетенной корзиной. Средство само по себе оказалось действенным, но на беду бурая обезьяна, которой наскучила ее бесполезная работа, украдкой вернулась. Вид опрокинутой корзины возбудил ее любопытство, и она вообразила, что под корзиной лежит что-нибудь съестное. Тогда она осторожно приподняла корзину и заглянула внутрь, но тут же из дупла хлынули потоки воды, которые унесли обезьяну и затопили всю страну. Собрав оставшихся животных, Сигу повел их на самое возвышенное место земли, где росло несколько кокосовых пальм. Он велел птицам и лазающим животным подняться на самое высокое дерево, а всех животных, не умеющих лазать и не принадлежащих к земноводным, он запер в пещере с очень узким входом, запечатав вход воском и дав животным длинную хворостину, которой они могли бы проткнуть воск, чтобы узнать, не спала ли вода. Приняв эти предохранительные меры относительно наиболее беспомощных животных, он сам с остальными тварями взобрался на пальму и укрылся в ее ветвях. Во время наступившей тьмы и бури все сильно страдали от холода и голода, но мужественно переносили всякие лишения. Одна только рыжая обезьяна надрылась от воя до того, что глотка ее распухла и с того времени остается раздутой. По той же причине у нее до сих пор сохранился какой-то хрящ в горле. Сигу время от времени бросал в воду кокосовые орехи, чтобы узнать, не спала ли вода. Наконец вместо плеска Сигу услышал глухой звук падения ореха на землю. Тогда он понял, что потоп прекратился, и стал вместе с животными слезать с дерева. Но птица трубоч так торопилась спуститься, что свалилась прямо в муравейник, где голодные муравьи облепили ее ноги и обглодали до костей. Оттого-то у нее такие худые ноги. Другим животным ее пример послужил на пользу, и они спустились с дерева осторожно и благополучно. Посредством трения одного куска дерева о другой Сигу раздобыл огонь, но когда сверкнула первая искра, оглянувшись, и в то же мгновение индюк, приняв искру за светлячка, жадно проглотил ее и убежал прочь. Искра обожгла глотку прожорливой птице, и с тех пор у индюков появилась на горле красная сережка. Аллигатор в то время стоял тут же и вел себя совершенно спокойно, но так как он пользовался почему-то дурной славой, то все прочие животные заподозрили его в том, что он украл и проглотил искру. Чтобы достать искру из пасти аллигатора, Сигу вырвал у животного язык. Поэтому аллигаторы и поныне остаются без языка.

Араваки, живущие в Британской Гвиане, верят, что после сотворения мира он был дважды разрушен — сперва огнем, потом водой. И оба раза великим «небожителем» Айомун-Конди за грехи людей. Небожитель возвестил заблаговременно о близкой катастрофе, и люди, которые вняли этому предупреждению, приготовили

себе убежище от огня. С этой целью они выкопали глубоко в песке подземное жилище с деревянной крышей, поддерживаемой прочными деревянными столбами. Все сооружение они обложили землей, а поверх земли толстым слоем песка. Старательно удалив все легко воспламеняющиеся предметы, они спустились в это подземелье и спокойно оставались здесь, пока над ними не пронеслись потоки пламени, бушевавшие по всей земле. В другой раз, когда предстояло разрушение мира потопом, один благочестивый и мудрый вождь, по имени Мареревана, был предупрежден об этом и спасся с женой в большой лодке. Боясь, что его унесет течением в море или далеко от родины его предков, он сделал длинный канат из лыка, которым привязал лодку к стволу большого дерева. Когда потоп прекратился, он оказался таким образом недалеко от своего прежнего дома.

Маку из Британской Гвианы говорят, что вначале добрый дух Макунаима, т. е. «творящий ночью», создал небо и землю. Насадив на земле растения и деревья, он спустился из своей небесной обители, взобрался на большое дерево и каменным топором стал снимать с него кору. Стружки падали в реку, протекавшую под деревом, и превращались во всевозможных животных, добрый дух сотворил затем человека. Вновь созданный человек погрузился в глубокий сон; проснувшись, он увидел возле себя женщину. Впоследствии злой дух одержал верх на земле; тогда добрый дух Макунаима наслал великий потоп. Один только человек спасся в лодке; он выпустил крысу посмотреть, не спала ли вода, и крыса вернулась с колосом маиса. Когда потоп прекратился, человек стал вновь заселять землю, подобно Девкалиону и Пирре, бросая через голову камни. В этом рассказе, а именно в обстоятельствах, сопровождавших появление женщины, в упоминании о злом духе и в эпизоде с крысой, посланной проверить глубину воды, мы замечаем подозрительное сходство с библейским преданием. Это сходство можно приписать миссионерскому или, во всяком случае, европейскому влиянию. А способ, каким пережившие потоп люди заново создают человечество, бросая камни через голову, настолько точно воспроизводит соответствующий эпизод в греческой легенде о Девкалионе и Пирре, что едва ли можно считать эти две легенды независимыми друг от друга.

Легенды о великом потопе распространены также среди индейцев с реки Ориноко. Гумбольдт по этому поводу замечает: «Я не могу закончить рассказ о первой цепи Энкамарадских гор не отметив одного факта, который был известен патеру Хили и о котором мне часто рассказывали во время наших остановок в миссиях по реке Ориноко. Туземцы этих стран сохранили предание о том, что во время великого потопа, когда их предки были вынуждены на лодках спасаться от всеобщего наводнения, волны моря разбивались о скалы Энкамарады. Это предание встречается не у одного только племени таманако, оно — часть целой системы исторических преданий, отрывочные сведения о которой удалось получить

среди майнуров, живущих у великих порогов, среди индейцев по реке Эребато, впадающей в Кауру, и среди почти всех племен верхнего Ориноко. Когда таманако спрашивают, каким образом человеческий род пережил великое наводнение, «эпоху воды», как называют ее мексиканцы, то они отвечают, что один мужчина и одна женщина спаслись на высокой горе Таманаку, возле которой течет Асиверу, и что они бросали через свои головы плоды маврикиевой пальмы, из зерен которой вырастали мужчины и женщины, вновь заселившие землю. Так велел им поступить раздавшийся откуда-то голос, когда они, спустившись с горы, со скорбью взирали на обезлюдевший после потопа мир. Плоды, которые бросал мужчина, превращались в мужчин, а плоды, которые бросала женщина, превращались в женщин.

Капьяри, индейское племя в Эквадоре, рассказывают о великом потопе, от которого два брата спаслись, взобравшись на очень высокую гору Гуака-иньян. Когда поднялась вода, то вместе с ней поднялась и гора, так что потоп ни разу не достал вершины, на которой находились братья. После того как вода спала, братья, у которых истощились запасы провизии, спустились с горы и стали искать пищу по холмам и долинам. Они построили себе небольшой дом, где и стали жить, перебиваясь кое-как травами и растениями и сильно страдая от голода и усталости. Однажды, возвратясь домой после обычной утомительной ходьбы в поисках пищи, они увидели, что их ждет неизвестно кем приготовленный обед и чича для питья. Это повторялось десять дней подряд, и они стали думать и гадать о том, кто же это так милостиво выручал их из беды. Однажды старший брат спрятался и вскоре увидел двух попугаев, наряженных в индейцев-капьяри. Птицы вошли в дом и тут же принялись готовить принесенную ими пищу. Тогда человек, заметив, что они имели женские лица и были красивы, вышел из своей засады, но птицы, увидев его, рассердились и убежали, не оставив никакой еды. Когда младший брат вернулся домой после своих поисков и не нашел готового обеда, как привык находить раньше, то спросил брата о причине. Тот рассказал ему, что произошло. Оба были очень опечалены. Через три дня оба попугая снова явились и стали варить пищу. Братья подождали, пока птицы кончили готовить, и тотчас же заперли дверь. Увидев, что они пойманы, попугаи очень рассердились, а когда братья схватили одну птицу, то другая улетела. Братья взяли себе в жены пойманного попугая и прижили с ним шесть сыновей и дочерей, от которых произошли все капьяри. Поэтому гора Гуака-иньян, где попугай жил с двумя братьями в качестве их жены, считается священным местом у индейцев; они почитают попугаев и высоко ценят их перья как украшения во время празднеств.

Индейцы в Уарочири, перуанской провинции в Андах, к востоку от Лимы, утверждают, что однажды мир чуть было совсем не погиб. Случилось это так. Какой-то индеец выгнал свою ламу на хорошее пастбище и хотел ее стреножить, но животное упиралось,

имело печальный вид и жалобно выло. Хозяин сказал ламе: «Что ты воешь, глупая, и не ешь? Или тебе не нравится здешний корм?» Лама отвечала: «Безумец, ты ничего не понимаешь! Так знай же, что я недаром печалюсь, ибо через пять дней море поднимется и скроет всю землю и истребит все земное». Крайне удивившись, что животное заговорило человеческим языком, индеец спросил, нет ли какого-нибудь средства спастись. Лама велела ему взять пищу с собой на пять дней и последовать за ней на вершину высокой горы Вилька-Кото, между приходом Сан-Дамиан и приходом Сан-Херонимо де Сурко. Индеец послушался и пустился в путь с мешком съестных припасов за спиной, ведя за собой ламу. Достигнув вершины горы, он увидел здесь много птиц и животных разных пород. Тотчас же начало подниматься море и поднималось до тех пор, пока вода не затопила долины и не покрыла все горные вершины, кроме вершины Вилька-Кото. Но и здесь вода стояла так высоко, что животные сбились в кучу на небольшом клочке земли, и некоторые из них едва находили место для ног. Хвост лисицы оставался в воде, и поэтому у лисиц до сих пор кончик хвоста бывает черный. К концу пятого дня вода начала убывать, и море вернулось в свои прежние берега, но все люди в мире утонули, за исключением одного человека, от которого и произошли все народы земли.

Инки (в Перу) также имеют предание о потопе. Они говорят, что вода поднялась и залила высочайшие горы в мире, так что все люди и твари земные погибли, кроме одного мужчины и одной женщины, которые забрались в ящик, плавший по воде, и таким образом уцелели. Когда потоп прекратился, ветер умчал ящик с людьми в город Тиауанако, находящийся на расстоянии 70 лье от г. Куско.

По поводу перуанских легенд о великом потопе испанский историк Геррера говорит: «Древние индейцы передавали, со слов своих предков, что задолго до появления инков, когда страна была густо заселена, произошел великий потоп, море вышло из берегов, и вся земля покрылась водой, а все люди погибли. Гуанки, живущие в долине Хауха, и чикито из провинции Кольяно добавляють к этому, что некоторые люди укрылись в пещерах и гротах высочайших гор и потом вновь заселили страну. Другие горцы утверждают, что все погибли от потопа и только шесть человек спаслись на плоту; от них произошло все население страны. Что здесь действительно было частичное наводнение, можно считать вполне вероятным, потому что такое мнение распространено во всех провинциях».

У чиригуано, некогда могущественного индейского племени с юго-востока Боливии, существует следующее сказание о великом потопе. Могучее, но злобное сверхъестественное существо, по имени Агуара-Тунпа, объявило войну истинному богу Тунпаэтэ, создателю племени чиригуано. Причина вражды осталась неизвестной, но надо полагать, что это была просто злоба или дух противо-

Манка-Капак, первый инка.

Его жена

Лок-Юпанки, третий инка

Его жена

Гуаскар, тринадцатый инка

Его жена

речия. Чтобы досадить истинному богу, Агуара-Тунпа поджег все прерии в начале или в середине осени, так что вместе с растениями и деревьями погибли и все животные, от которых в то время зависело существование индейцев, ибо тогда они еще не занимались, как теперь, разведением маиса и других злаков. Таким образом, лишившись всяких средств пропитания, индейцы чуть не умерли от голода. Однако, спасаясь от огня, они отступили к речным берегам, и здесь на земле, еще дымящейся от великого пожара, они кое-как перебивались рыбой, которую ловили в реке. Видя, что добыча ускользает из его рук, раздосадованный Агуара-Тунпа придумал другое средство, чтобы привести в исполнение свой адский замысел против человеческого рода. Он наслал ливень на землю, надеясь потопить в воде все чиригуанское племя, и чуть было не преуспел в этом. К счастью, чиригуано удалось расстроить его план. Действуя по внушению истинного бога Тунпаэтэ, они отыскивали большой лист падуба и посадили на него двух маленьких детей, мальчика и девочку, рожденных от одной матери, и пустили этот крошечный ковчег с его драгоценным грузом плыть по воде. Дождь лил потоками, вода поднялась и затопила всю землю, все чиригуано утонули; спаслись только двое детей на листе падуба. Наконец дождь прекратился, и вода спала, оставив после себя огромные пространства вонючего ила. Дети высадились из ковчега. Останься они здесь дольше, они погибли бы от голода и холода. Разумеется, рыбы и другие твари, живущие в воде, не потонули, напротив, они откормились на приволье и представляли теперь отличную пищу для обоих детей. Но как им было сварить пойманную рыбу, когда везде огонь, конечно, потух во время потопа? Тут им пришла на помощь большая жаба. Прежде чем потоп залил всю землю, предусмотрительное животное успело спрятаться в норе, взяв в рот несколько раскаленных угольков, которые она в течение всего потопа раздувала и таким образом сохранила горящими. Увидев, что земля уже высохла, она выскочила из норы с горящими угольками во рту и, направившись прямо к детям, принесла им в дар огонь. Так они получили возможность жарить пойманную рыбу и согрывать свои коченевшие тела. Со временем дети выросли, и от их союза произошло все племя чиригуано.

Туземцы Огненной Земли, на крайнем юге Южной Америки, рассказывают фантастическую и неясную легенду о великом потопе: солнце погрузилось в море, воды с шумом поднялись, и вся земля была затоплена, за исключением одной очень высокой горы, где нашло прибежище незначительное количество людей.

СКАЗАНИЯ О ВЕЛИКОМ ПОТОПЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ И МЕКСИКЕ

Индейцы в Панаме «имеют некоторое представление о Ноевом потопе и говорят, что от него спасся в лодке один человек с женой

и детьми, от которых впоследствии произошел расселившийся по земле человеческий род». Никарагуанские индейцы думают, что сотворенный мир был впоследствии разрушен потопом, а после разрушения боги заново создали людей, животных и все прочее.

«У мексиканцев,— говорит итальянский историк Клавидже-ро,— существовало, как и у других культурных народов, отчетливое, хотя несколько искаженное вымыслом, предание о сотворении мира, всемирном потопе, смешении языков и рассеянии народов, и все эти события воспроизведены в их национальной живописи. Они говорили, что после того, как человечество погибло от потопа, сохранился только один мужчина, по имени Кокс-Кокс (другие называют его Теоципактли), и одна женщина, именуемая Ксочикетцал, которые спаслись в челноке и впоследствии высадились на горе Колгуакай, где прижили очень много детей. Все эти дети были немymi от рождения, но прилетел голубь с высокого дерева и наделил их языками, столь различными, что они не могли понимать друг друга. Тласкальцы полагали, что люди, пережившие потоп, были превращены в обезьян, но постепенно вновь обрели речь и рассудок».

В мексиканской провинции Мичоакан также сохранилась легенда о потопе. По словам туземцев, в начале потопа некий человек, по имени Тецни, с женой и детьми сели на большое судно, взяв с собою животных и семена различных растений в достаточном количестве, чтобы вновь снабдить ими землю после потопа. Когда вода спала, человек выпустил ястреба; птица улетела, но, найдя мертвые тела, стала пожирать их и не вернулась назад. Тогда человек послал других птиц, но и те не прилетели обратно. Наконец он выпустил колибри, и птичка вернулась с зеленой веткой в клюве. В этой легенде посланцы-птицы сильно напоминают ворона и голубя в Ноевой легенде, которую индейцы могли слышать от миссионеров.

Индейцы хуичоль, населяющие горную местность близ Санта-Катарина в Западной Мексике, имеют свою легенду о потопе. Один хуичоль рубил некогда деревья, чтобы расчистить поле для посева, но каждое утро, к прискорбию своему, убеждался, что вместо срубленных накануне деревьев выросли новые такой же величины. Это было очень досадно, и ему надоело работать понапрасну. На пятый день он решил попытаться еще раз и выяснить причину этого страшного явления. Вдруг среди расчищенной поляны выросла перед ним старуха с посохом в руке. То была сама прама-терь Накаве, богиня земли, без которой ни одна былинка не выглянет на свет из мрака подземного мира. Но человек не знал, кто она такая. Своим посохом она указала на юг, на север, на запад и на восток, вверх и вниз, и все деревья, срубленные молодым индейцем, встали на свои прежние места. Тут он понял, каким образом, вопреки всем его стараниям, поляна все время зарастала деревьями. И он сказал в сердцах старухе: «Так это ты изо дня в день губила мою работу?» «Да,— отвечала она,— и вот что я те-

бе скажу». И она объяснила ему, что он работает зря. «Приближается великий потоп,— сказала она,— остается всего пять дней; поднимется резкий и жгучий, как перец, ветер, от которого ты будешь кашлять; сделай себе ящик из фигового дерева длиной в твой рост и приладь к нему крепкую крышку; возьми с собой по пяти зерен хлебных растений каждого цвета и по пяти бобов каждого цвета; возьми с собой также огонь и пять тыквенных стеблей, чтобы постоянно поддерживать его; возьми с собой еще черную суку». Человек сделал все, как сказала старуха. На пятый день ящик был готов, и он сложил туда все, что она велела ему взять с собою. Потом он залез в ящик вместе с черной сукой, а старуха накрыла ящик крышкой и замазала клеем все щели, велев человеку указать ей всякую малейшую трещину. Сделав ящик совершенно непроницаемым для воды и воздуха, старуха села на ящик сверху, держа на плече макао (американского попугая). Целых пять лет плыл ящик по воде. Первый год он плыл к югу, второй год — к северу, третий год — к западу, четвертый год — к востоку, а на пятый год он поднимался кверху на волнах потопа. На следующий год вода начала убывать, и ящик пристал к горе близ Санта-Катарины, где еще и теперь его можно увидеть. Причалив к горе, человек снял крышку и увидел, что вся земля еще находится под водой. Но макао и попугаи усердно взялись за работу: своими клювами они стали долбить горы и превратили их в долины, в которые хлынула вода, образовав пять отдельных морей. Тогда земля стала просыхать, и выросли деревья и трава. Старуха обернулась ветром и скрылась из глаз. А человек снова принялся расчищать поле, продолжая работу, прерванную потопом. Он жил с сукой в пещере, по утрам ходил на работу, а вечером возвращался домой. Каждый вечер человек, вернувшись с работы, находил в пещере лепешки, кем-то испеченные к его приходу, и он думал о том, кто бы это мог делать. Через пять дней он спрятался за кустами возле пещеры и стал ждать. Тут он увидел, что сука сняла с себя шкуру, повесила ее, и приняв образ женщины, стала на колени и начала толочь зерна для лепешек. Подкравшись к ней сзади, он схватил шкуру и бросил ее в огонь. «Как, ты сжег мою одежду!» — воскликнула женщина и завывала по-собачьи. Но он взял приготовленное ею тесто и вылил ей на голову. Это ее успокоило, и она навсегда осталась женщиной. Они прижили много детей; сыновья поженились, а дочери вышли замуж. Таким образом мир снова заселился.

Индейцы племени кора, считающиеся номинально христианами и живущие по соседству с племенем хуичоль, на запад от них, рассказывают аналогичное предание о великом потопе. Здесь также дровосек был предупрежден женщиной о приближении потопа, а после потопа сожительствовал с сукой, превратившейся в женщину. По этой легенде, человеку было приказано взять с собой в ковчег вместе с сукой также зеленого дятла, морского кулика и попугая. Человек сел в ковчег в полночь, когда начался потоп.

Когда потоп кончился, он прождал пять дней и выпустил морского кулика посмотреть, нельзя ли уже высадиться на сушу, но птица прилетела обратно с криком «и-ви-ви!», из чего он заключил, что земля еще мокрая. Прождав еще пять дней, человек послал зеленого дятла посмотреть, не высохли ли уже деревья. Дятел ткнул свой клюв глубоко в дерево и стал мотать головой из стороны в сторону, но дерево было насквозь пропитано водой, и он долго не мог выдернуть свой клюв, а когда после чрезвычайного усилия ему наконец удалось сделать это, то он потерял равновесие и упал на землю. Вернувшись в ковчег, он сказал: «Чу-и, чу-и!» Человек понял и ожидал еще пять дней, после чего выпустил снова кулика. На этот раз ил оказался настолько сухим, что когда кулик стал подпрыгивать, то ноги его не вязли в земле. Он вернулся назад и доложил, что все в порядке. Тогда человек решил оставить ковчег и вышел, ступая сперва весьма осторожно, пока не убедился, что земля под ним сухая и ровная.

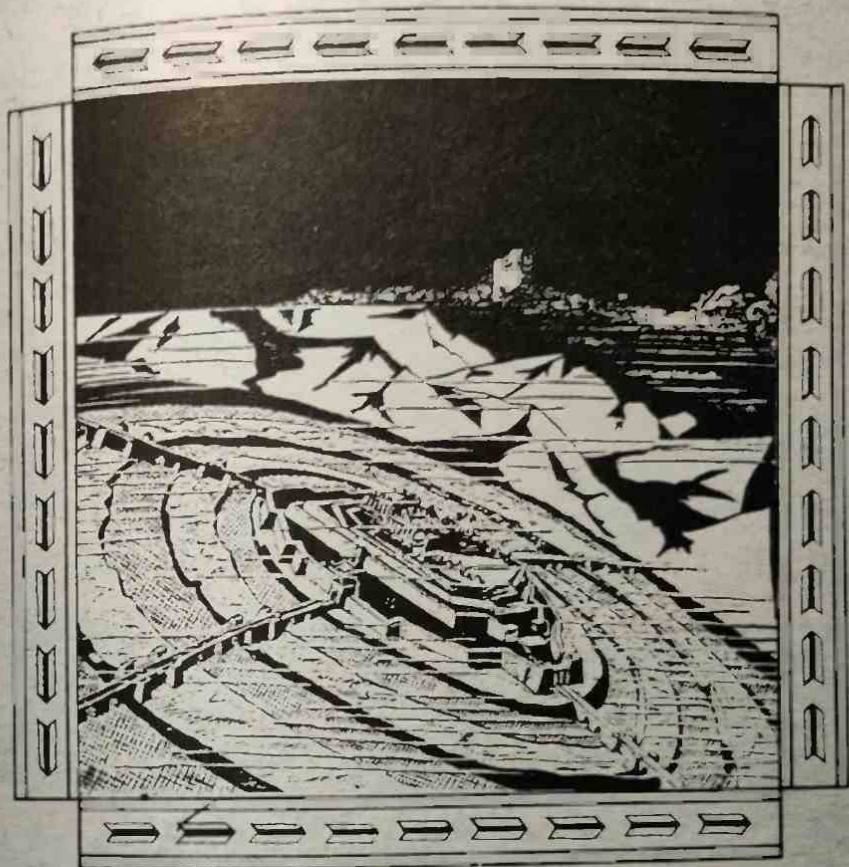
По другой отрывочной версии этой легенды, у того же индейского племени кора люди, пережившие потоп, спаслись в челноке. Когда вода пошла на убыль, бог послал из челнока ястреба посмотреть, не просохла ли уже земля. Но ястреб не вернулся, так как жадно набросился на трупы утонувших людей. Бог рассердился на ястреба и проклял его, превратив из белого, каким он был раньше, в черного; только края крыльев у него остались белыми, дабы люди знали, какой цвет имел ястреб первоначально, до потопа. Потом бог велел дикому голубю посмотреть, как выглядит земля. Голубь рассказал, что земля уже высохла, но реки еще не вошли в берега. Тогда бог велел всем зверям выпить всю воду из рек, и все звери и птицы явились и принялись пить; один только плачущий голубь отказался явиться. Оттого он до сих пор ежедневно выходит пить воду с наступлением ночи, ибо днем ему стыдно бывает показаться, и весь день он плачет и поет. В легенде племени кора эпизод с птицами отражает, очевидно, влияние проповеди миссионеров.

* * *

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

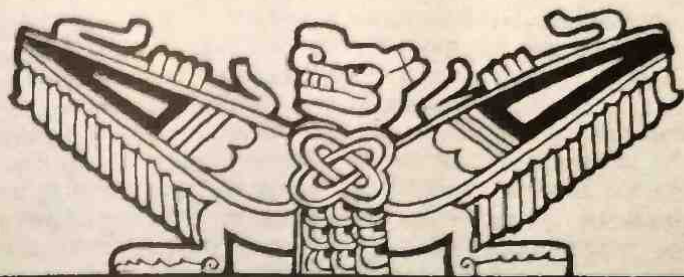
В. В. Хлебников

ДОЛИНА ЗАМКОВ

ДОЛИНА ЗАМКОВ

История «Долины замков», которую правдиво и без утайки рассказал достославный дон Хуан де Гуатавита

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ,

повествующий о начале распри между великим силой и великим саке и о том, как приход суачиас положил конец их лютой вражде

Люди, называющие себя христианами, часто говорили мне, что у нас, муисков, нет в прошлом ничего достойного упоминания, что наше прошлое полно несуразиц и нелепиц. Я, чистокровный индеец Гуаска Паусо, перворожденный из рода Орла, хочу поведать о том, что хранили в памяти наши предки и мудрые жрецы. Мы не умели записывать слова, как это принято было у европейцев, поэтому древние предания обо всем, что давным-давно совершилось на земле муисков, и есть наша история.

Никто из наших отцов — блюстителей старины — не помнит, когда муиски заселили эти благодатные долины и горы. О тех далеких временах ходила среди нас удивительная молва. Вот как, по рассказам, сотворился мир.

Вначале была ночь, и только ночь. Но однажды родился свет, и им овладело Чиминигауа — существо всемогущее и великое. Чиминигауа сперва обучал свет служить ему, а потом создал больших птиц. И разнесли они в своих клювах клочки света во все концы вселенной и озарили самые дальние ее уголки. Владыка всего сущего, Чиминигауа, сотворил также Солнце, Луну и все прекрасное в этом мире. А чтобы земля не пустовала, он населил ее людьми. Мужчин он сделал из желтой глины, а женщин из побегов одной высокой травы.

Недалеко от Тунхи поднимаются скалистые горы, почти всегда скрыты они в тумане. В горах этих есть ложбина, а в ложбине маленькое озеро. Из него, говорят, после того как появился свет и бы-

* Хуан де Гуатавита, умерший в конце XVI в., был дружен с хронистом Родригесом Фресле. Воспоминания Гуатавиты Фресле включил в свою хронику. Выдержки из его труда, а также отрывки из работ других хронистов и положены автором в основу всех четырех рассказов. Печатается по книге С. А. Созиной «На горизонте — Эльдорадо!», М., Мысль, 1972.

ло создано все сущее, вышла одна женщина. Звали ее Бачуе, что значит «выступающие груди». Бачуе велела людям поклоняться Солнцу и Луне и научила их жить по закону. Но еще долго люди жили в невежестве. И вот однажды в селение близ Боготы пришел старец с бородой и длинными волосами до плеч. И пришел он с востока, из мест, где зарождается Солнце. Одни звали его Бочика, другие — Уе или Немтерекетеба. Этот Бочика научил муисков многим полезным делам — ткать красивые вещи и прикрывать ими наготу, возделывать йомги и абу — так муиски называют картофель и маис, — делать разноцветные горшки, ковать украшения из золота.

Так прожил он много лет и, повелев муискам хранить верность его заветам, умер во владениях касика Согамосо. С тех пор правители Согамосо считают себя потомками Бочики и унаследовали от него волшебный дар: могут они насылать и дождь и град, засуху, подвластны им солнце, луна и звезды.

Толкуют, будто со дня смерти Бочики до прихода испанцев в нашу землю минуло ни много ни мало, а двадцать раз по 60 лет. Но этот срок так велик, что я сомневаюсь, мог ли кто-либо его считать.

Однако миром и благоденствием недолго наслаждался наш народ. Вскоре появилась прекрасная женщина — Уитака. Она совратила муисков, научила их пить да плясать, и вскоре забыли они заветы мудрого Бочики.

Тогда возмущенный Чиббачум, бог — покровитель муисков, решил наказать легковверных людей. Он запрудил реки Сопо и Фунсу и затопил долину, в которой лежало селение Богота. А Уитаку превратил в сову и дозволил ей появляться на глаза людей только в полуночную пору. Всем жителям пришлось уйти в горы, и там стали люди умирать от голода. И взмолились они тогда к Бочике. И явился он в образе человека, попирающего радугу, и бросил свой золотой посох на берег реки Фунсы. Разверзлись скалы и ушли прочь лишние воды. А там, где упал посох, родился могучий водопад Текендама. И ныне он краса и гордость наших мест.

Святые отцы — католики, насмехаясь над нами, говорили, что все эти сказания — пустые бредни. Но многим ли отличается от наших сказаний повесть о сотворении мира, записанная в священной книге христиан Библии? И разве не сказал христианский Бог Ною после потопа: «И положу радугу в тучах, и будет она знаком союза между Мною и землей?»

Когда на нашей земле появились чужеземцы из-за океана, они встретили здесь множество касиков, которым простой народ платил дань. И все эти касики служили и подчинялись двум разным владыкам, самым могущественным и великим. Один из них, сипа Тискесуса, правил землями южных муисков, и столица его называлась Богота. Другой — великий саке Кемуинчаточа — повелевал северными муисками и сидел в городе Тунхе.

Были и независимые касики, но их становилось все меньше,

Карта расселения племен в Южной Америке.

а поскольку сипа и саке все время враждовали, малым касикам приходилось туго. Волей-неволей примыкали они либо к сипе, либо к саке, и семена раздора прорастали повсюду, и не было мира на земле муисков. И борьба эта велась издавна и переходила по наследству от древних к их потомкам.

Однако так было не всегда. Старики говорили, что в давнюю пору не было ни сипы, ни саке. Тогда все племена жили привольно

и каждое селение признавало лишь своего касика. Его любили, почитали и платили ему в знак признания легкую дань.

В те времена не было властителя более могущественного, чем наш далекий предок касик Гуатавиты. И признавали его муиски вождем не потому, что он угнетал их свободу. Они чтити касика Гуатавиты как правителя древнего и знатного рода. К тому же в его владениях лежало озеро Гуатавита, а место это издревле почитали священным все муиски.

О той незапамятной старине в народе ходило много удивительных сказаний. Особенно много наслышался я о самых первых саке, творивших будто бы дивные чудеса. Вот одно лишь сказание из множества о великом саке Гаранчаке. Говорят, что некогда жили люди вокруг Тунхи и не было над ними никакого властителя. И были они очень набожны и, дабы не прогневить Солнце, каждое утро посылали на священный холм самых красивых невинных девушек, и светило радовалось их красоте. И вот одна из этих девушек родила «чуеткиту» — большой красивый изумруд. Счастливая мать приложила его к груди, и через несколько дней стал он младенцем. Нарекли его Гаранчакей и воспитали в доме касика как сына Солнца. А когда минуло ему 24 года, стал он править в Тунхе и подчинил себе многие племена. И стал он, этот Гаранчака, большим тираном и не разрешал говорить с ним, иначе как прильнув грудью к земле. Строго карал он даже за самые легкие проступки, обременял подданных чрезмерными податями, а тех, кто не платил, вешал или сажал на кол.

Гаранчака воздвиг своему отцу — великому Солнцу — огромный храм, где в положенные дни приносил обильные жертвы. Дорогу к храму его слуги устилали тонкими раскрашенными плащами. Процессия двигалась так медленно, что три дня шла к святилищу, другие три дня Гаранчака в одиночестве молился там и три дня уходило на обратный путь.

И рассказывают, так он почитал богов, что десять раз за ночь ходил в священную долину Ирака на реке Согамосо молиться в храмах и святилищах. За это рвение Солнце дало ему и его наследникам дар превращать людей в змей, ящериц, гусениц. И жил он будто бы 250 лет.

Поистине древний и знатный род царствовал в Тунхе. Настало время, и прославленные владыки возжелали покорить соседние племена. Первую кровь пролил саке Мичуа. И здесь от сказок и преданий я перехожу к событиям, которые хорошо помнили все.

Итак, саке Мичуа первый решил силой оружия покорить соседей. Он рубил головы касикам и капитанам, защитникам древних вольностей, а их подданных увечил, отрезая им носы, уши, руки и ноги; совершал он и иные жестокости. Все признали его верховным господином и покорились ему. Но очень скоро у саке появился соперник. Поднял голову Сагуанмачика — «Разъяренная пума». Он начал править в 1470 году, за 67 лет до появления на нашей земле европейцев. От предков достались ему сильное войско

и тучные, благодатные поля вокруг Боготы. Сагуанмачика возвысился еще больше и захотел отложиться от правителя Гуатавиты, которому платил дань. Скоро представился и случай. Подданные Гуатавиты индейцы Сутагао и Паска, жившие на юге страны, восстали против своего господина. Собрав 30 тысяч воинов, Гуатавита послал Сагуанмачику против непокорных индейцев. Сипа разбил врагов и с богатыми трофеями вернулся домой. На победном пиру Сагуанмачика, похваляясь своей удастью воинской, говорил, что ему, а не трусливому Гуатавите пристало быть повелителем всех окрестных племен. Узнал об этой дерзости Гуатавита и призвал к ответу неверного вассала. Но тот не явился. Тогда Гуатавита осадил Боготу. Поход этот удачи ему не принес. Гуатавитяне были разбиты, отступили, воины же сипы проникли в их владения.

Пришлось Гуатавите обратиться за помощью к своему союзнику, грозному саке Мичуа. И вот саке Мичуа отправил послов к Сагуанмачике со строгим наказом явиться к нему и объяснить, как тот посмел вторгнуться на земли своего повелителя Гуатавиты. Но непочтительный сипа дурно обошелся с посланцами саке Мичуа и отказался явиться к нему. Этим нанес он владыке владык тяжкое оскорбление.

Издавна у нас существовал обычай избирать среди мудрых и многоопытных старцев самых искусных, чтобы могли они достойно справляться с обязанностями «кеме», так называли мы послов. И были это лучшие знатные люди, приближенные к правителем, члены его семьи и дома.

Перед началом войны было принято обмениваться посольствами. Кеме по очереди излагали требования и претензии враждующих сторон, объявляли войну и просили о перемирии. Соперники с почетом встречали послов противной стороны, воздавали им почести и одаривали их подарками. Сагуанмачика изгнал послов Мичуа и нарушил тем самым древний обычай. Решив наказать выскочку, Мичуа с войском в 40 тысяч человек двинулся против недруга. Но воины, которые охраняли границы владений сипы, не дали пройти войску саке, и тот, убоявшись врага, уклонился от боя.

Более шестнадцати лет длилась передышка. За это время Сагуанмачика не единожды подвергался нападению свирепых панче и подвластных племен, которые никак не хотели смириться с тяжелым рабством.

Все эти годы Сагуанмачика готовился к решительной схватке с воинами Мичуа. Около 1490 года близ селения Чоконты, а оно лежит на самой границе владений сипы и саке, произошла долгожданная встреча грозных соперников. На высоких холмах лицом к лицу сошлись два войска — 50 тысяч воинов сипы и 60 тысяч воинов саке. Однако битва длилась недолго. Ярость бойцов была так велика, что оба правителя были убиты в первые же минуты боя. А после смерти вождей сражение прекращалось — таков был ста-

родавний обычай. Все жители от мала до велика облачились в знак траура во все черное. Великие жрецы совершили торжественное погребение погибших владык.

Место убитого сипы занял его племянник Немеkene, что значит «Кость пумы». За время своего правления он прославился среди муисков как смелый воин и как мудрый муж. Его соперником был восемнадцатилетний Кемуинчаточа, который правил северными муисками долгих 40 лет, до появления христиан. Прежде всего Немеkene укрепил границы своих владений. Своему наследнику племяннику Тискесусе он поручил привести к покорности восставших индейцев Фусасуги, которые отказались выплачивать дань. Виновников смуты принесли в жертву, многим воинам в назидание отрубили руки.

Сам Немеkene, возглавив другую часть войска, отправился на запад против грозных панче и прогнал их прочь. А на севере между тем появились новые враги. Индейцы Сипакиры и Немокона, владельцы соляных копей, решили, что самое время напасть на сипу. Но его воины были наготове. Они рассеяли противников и преследовали их до самой ограды касика. И стал с тех пор Немеkene хозяином этих обильных земель.

Гуатавита воспользовался тем, что великий сипа сражался с врагами на севере, юге и западе, и, желая вернуть былую свободу, перестал платить ему дань. Таким образом, Немеkene вынужден был вновь пойти войной на Гуатавиту и союзных с ним вождей. Это были опасные враги, потому что они всегда могли ударить ему в спину. Тогда сипа задумал покорить Гуатавиту не силой, а хитростью. Подданные Гуатавиты повсеместно славилась как искусные ювелиры. И тот охотно отпускал своих мастеров для работы в чужих владениях, но требовал, чтобы в обмен за одного мастера ему присылали двух слуг. И вот Немеkene вызвал к себе около тысячи ювелиров-гуатавитян. А к Гуатавите явилось 2 тысячи отборных воинов сипы и до поры до времени служили ему так, как если бы он был их владыкой. Но они только ждали сигнала о нападении. Не желая проливать лишнюю кровь, сипа решил подкупить вассала Гуатавиты касика Уэски, который охранял дорогу к селению Гуатавиты. Частыми подарками и лестью Немеkene склонил его к измене, и тот пропустил ночью воинов сипы и сам присоединился к нападающим. Спящего Гуатавиту захватили врасплох вместе с его многочисленной семьей. Он и вся его родня — жены, братья, племянники и сыновья были убиты. Так легко досталась Немеkene победа над богатой и многонаселенной провинцией.

Оставив в ней гарнизон из опытных воинов, Немеkene решил одним ударом покончить с соседом и союзником Гуатавиты касиком Убаке. Шесть или семь лун (месяцев) защищался Убаке, но скоро понял, что не одолеть ему Немеkene, и стал он просить мира. Убаке признал власть сипы не только над собой, но и над всеми своими вассалами. Он согласился и на то, чтобы сипа оставил

воинские гарнизоны везде, где пожелает, но с условием, чтобы Немеkene взял себе в жены двух его дочерей. Этим побежденный касик рассчитывал смягчить бремя рабства. Великий сипа милостиво оставил себе старшую дочь Убаке, которая стала его наложницей, а младшую отдал брату, назначив его править покоренной провинцией Гуатавиты. Воины Убаке долгих 20 дней оплакивали свой разгром, убитых собратьев и тех, кого увели в рабство. С великой скорбью просили они у Солнца прощения за грехи, из-за которых впали к нему в немилость.

Теперь, решил Немеkene, настало время померяться силами с великим саке Кемуинчаточей. Созвал он всех союзных и зависимых вождей и дал им 30 дней срока. И обратился он к ним с такими словами: «Тот касик, который в самый краткий срок соберет опытных и отважных воинов и лучше вооружит их, станет возлюбленным нашим братом и будет награжден знаками отличия. Тем самым смогу я на деле оценить, какие чувства вы питаете ко мне и сколь охотно мне служите».

И так велика была слава Немеkene, что в указанное время в ограду его явилось великое множество касиков, каждый со своим отрядом. Лучшие, прославленные в боях воины отозвались на призыв своего повелителя. А вооружены они были тяжелыми боевыми палицами из пальмовой древесины, длинными пиками и копьями, на которые насажены острые наконечники из закаленного на огне черного дерева. У каждого через плечо переброшена длинная толстая веревка — ею надлежало вязать пленников. С поясов свешивались панцири броненосцев — в них лежали камни для пращей и маленькие стрелы для копьеметалок. Все запаслись деревянными щитами, которые были обтянуты шкурами ягуаров, оленей и пум. У многих были такие же шлемы. Самые знаменитые воины прикрыли грудь и спину простеганными накидками из хлопка. У каждого отряда были свои знамена и знаки различия, особые флажки на пиках и палатки для военачальников. В окружении главных вождей Немеkene устроил генеральный смотр воинов, что собрались на равнине перед Боготой. И радость наполнила его сердце.

Затем, как требовал обычай, принесли пленников в жертву Солнцу и богам войны, чтобы успешен был военный поход. Жрец-прорицатель спросил великих богов и сказал, что удача ждет войско и что в поход надо выступать без малейшего промедления.

Огромное войско, за которым шли носильщики с провиантом и военным снаряжением, вторглось во владения могущественного вассала саке Турмеке. И хотя хозяин Тунхи был богаче сипы и у него было больше вассалов, но в одиночку и он не мог справиться с Немеке. Кемуинчаточа отправил к касикам Гамесы, Согамосо, Туитамы и Сачики посольства, призвав дать совместный отпор грозному врагу.

Армии встретились на равнине, разделенной небольшой реч-

кой. Перед началом битвы соперники обменялись посольствами. Сипа велел передать такие слова: «О Тунха, мудрый повелитель, сдается мне, ты так уверен в своей силе, что тщишься соперничать со мной! Ты, о муж, дающий советы другим! К тебе обращаюсь я, не подвергай себя риску. Путиами более благоразумными, чем война, ты добьешься господства над подвластными народами; не вовлекай же их в битвы, в которых я всегда побеждаю. Известно всем, что я владыка всех гор и долин. Не искушай же судьбу и признай мою власть, ибо знатен и славен мой род. Внемли моему гласу, и я прощу тебя, и тебе уготовано будет достойное место на всех торжествах. Пойдешь же супротив меня, не избежишь моего гнева! Еще есть время, подумай, прежде чем начнется сражение и не кинутся на тебя те разъяренные, которых я веду. Сожаление движет мною, ибо не хочу я смерти стольким славным воинам».

На следующий день Немеkene получил ответ от саке Кемуинчаточи. Он гласил: «Великий Немеkene! Странно мне, что такой владыка, как ты, предлагает покориться без боя... Ты говоришь, что я должен пасть к твоим ногам, ибо род твой знатен, но мой род еще древнее. Пусть битва решит исход нашего спора, пусть каждый на деле покажет свою мощь и докажет знатность крови и происхождения. А если тебе жаль губить воинов, поступи как отважный муж. Выйдем бороться один на один, померяемся силами, и пусть тот, кто не возьмет верха, станет данником победителя и признает его своим владыкой». Уверенный в себе сипа принял вызов и вознамерился тотчас же сразиться с Немеkene, но вожди отговорили его от столь неразумного поступка. Такой великий повелитель, как Богота, сказали они, не может снизойти до боя с касиком, судьба которого уже предрешена.

И битва началась. Ярость сражающихся была велика. Поле покрыли короны и щиты из золота, плюмажи из перьев вперемешку с трупами убитых. Крики нападающих и стоны раненых заглушали могучие звуки морских раковин, которыми музыканты подбадривали воинов. Сипа и саке находились в гуще боя, вдохновляя своих воинов. Телохранители и стражи защищали владык, которые восседали в отделанных золотом носилках. И вот неожиданно острая стрела вонзилась Немеkene в грудь. Вытащив стрелу собственными руками, сипа понял, что рана его смертельна. Он собрал всех военачальников и повелел им отомстить за свою смерть и не прекращать битвы до победы, которая казалась ему совсем близкой. Однако весть о том, что сипа тяжело ранен, вызвала смятение в его войсках. Воины дрогнули, а затем пустились в бегство. Бойцы саке преследовали врагов по пятам вплоть до самой Чоконты.

Немеkene вернулся в Боготу, и хотя жрецы и пытались его исцелить, но смерть пришла к нему на пятый день. Это произошло за 14 лет до появления испанцев, в 1522 году. Не удалось великому сипе стать единовластным хозяином «Долины замков».

Племянник и наследник убитого Тискесуса, хотя и не был так отважен и мудр, как Немекене, с первых же лет своего правления начал готовиться к войне с саке, ибо жаждал возмездия. Рассказывали мне, что Тискесуса (а означает это «Великий, носящий благородные украшения на лбу») как-то увидел знамение. В доме отдохновения близ селения Туны была у него купальня. И однажды ему привиделось, что вода, в которой он омывал свое тело, окрасилась в цвет крови.

Ужас объял Тискесусу. Но жрецы истолковали все это как благоприятное знамение. Они сказали: «О великий! Радуйся! Ты искупался в крови презренного Тунхи». Однако нашелся жрец из Убаке по имени Попон, который часто общался с демоном. Он предрек Тискесусе, что тот будет купаться не в чужой, а в собственной крови, ибо его убьют пришельцы из других земель. Впоследствии тот жрец упорно сопротивлялся крещению, и только перед самой смертью стал пономарем. Так мудрый прорицатель предрек Тискесусе гибель от рук христиан. Но тогда сипа ему не поверил.

Настал 1536 год. Собрав большое войско, Тискесуса решил наконец покончить с саке. Кемуинчаточа узнал об этом через своих соглядатаев, которые тайно шныряли в стане сипы и обо всем доносили своему великому повелителю.

Новый правитель Гуатавиты Гуаска Тикисоке тяжело переносил позорное иго рабства, столь недостойное славы его предков. В нем горела святая жажда мести за смерть своих близких, погубленных Немекене. Вот почему, как только стало известно о вызове, который бросил сипа его старому союзнику и покровителю саке из Тунхи, Парящий орел поспешил ему на подмогу.

И вот снова над полями «Долины замков» заколыхались боевые стяги, разнеслись трубные звуки морских раковин, оповещающая всех о великом сражении. Но нет, на этот раз не скрестились в крепком ударе боевые топоры и палицы. И не потому, что трусы завелись на той или другой стороне: на поле вышла процессия жрецов в черных и оранжевых одеяниях. Призвав к себе военачальников, они объявили, что битву придется отложить, ибо настало время паломничества к священным озерам. Пришлось сипе и саке согласиться на короткое перемирие. Три дня народ муисков, оставив все свои дела и нарядившись во все лучшее, приносил жертвы и совершал праздничные возлияния. И было общее веселье.

В ночь перед паломничеством сипа Тискесуса призвал к себе своих боевых капитанов и сказал им коротко, но настойчиво: «Завтра вы начнете священный бег, однако знаем ли мы намерения наших врагов?! Спрячьте оружие под плащами, и если на нас нападут — мы будем защищаться. Если же вы увидите, что враги безоружны — смело нападайте на них сами, и так победим мы меньшей кровью». Капитаны передали приказ сипы всем воинам и велели держать его в строгой тайне.

На следующий день ликующий народ муисков могучим потоком устремился к священным озерам. И вот тогда-то по сигналу сипы его воины и напали на своих противников. Они не боялись совершить это святотатство, ибо пообещал им сипа прощение грехов, заверив, что сами боги на их стороне. Подданные Кемуинчаточи в смятении бежали к своим домам. Тискесуса праздновал победу. Он считал, что сбылась давняя мечта его предков повелевать всеми долинами и землями муисков.

И тут случилось непредвиденное. К сипе прибыли два посла от саке. Но не весть о повинной принесли они. Воистину чудно было слушать то, что рассказывали кеме. А сообщили они вот что: «О великий! Стало известно, что в твои владения со склонов Офона спустились люди, которых прежде никто не знал и не видел и у которых на лице много волос. А вместе с ними пришли звери, очень большие и ужасные видом. И звери эти громко го-лосят, но речь их нам непонятна. Эти люди собираются наложить дань на твои земли, как это ты сам делаешь в своих владениях. Наши жрецы вопрошали богов, кто эти люди? И ответили боги: они послали своих сыновей, чтобы наказать тебя и твоих подданных за все твои святотатства». Разгневанный Тискесуса прогнал послов саке и выслал своих лазутчиков разузнать все подробности. Вскоре те вернулись и подтвердили прежние сообщения слово в слово. «Послы говорили правду, о великий, сыны Солнца — их восемь раз по двадцать и странные звери — их три раза по двадцать вторглись в наши земли и беспрепятственно продвигаются к тебе».

Пришлось великому сипе забыть о своих дерзновенных помыслах и обороняться от новых невиданных врагов. Но он остался один на один с ними. Подвластные касики и капитаны были рады избавиться от тирании Тискесусы, они не хотели защищать его из-за высокомерия и надменности, с которыми сипа обращался со своими индейцами. Однако бедные индейцы! Избавившись от одного гнета, они вскоре попали в еще худший. И напрасно радовался старый саке Кемуинчаточа посрамлению своего давнего недруга и обидчика. Несчастный, думал ли он, что его ждет подобная же судьба! Только гордый Дуитама вовремя разгадал этих презренных суачиас, но что он мог поделаться один! Разброд погубил страну муисков. Когда же правители поняли, какие беды несет им иго европейцев, было уже поздно. Сыновья Солнца стали полными хозяевами наших жизней.

РАССКАЗ ВТОРОЙ,

где речь пойдет о том, как правили великие владыки многочисленным народом муисков и в каком страхе и покорности их держали

Мне не раз приходилось слышать, как христиане ругали нас, муисков, и называли народом дерзким и непочтительным. Так скажу я: мало в словах этих правды. Ибо смирению и покорно-

сти нас учили с самого детства. И так уж повелось издавна, что младшие повиновались старшим, дети — родителям, жены — мужьям. Что же до правителей, больших и малых, то перед ними муиски испытывали благоговейный трепет. И столь велико было это преклонение, что христианам казалось оно неслыханным и невиданным.

Ни один муиск не посмел бы взглянуть в глаза своему повелителю. И мы немало удивлялись, как вольно и несдержанно вели себя испанские солдаты, когда близко подходили к генералу Кесаде, трогали его за руки и смотрели прямо в лицо. И сколько раз я сам говорил Кесаде, чтобы он наказал наглецов, но он лишь усмехался и говорил, что они, христиане, не видят в этом ничего зазорного.

Для муиска взглянуть в глаза владыки — значило содейть великое святотатство. Ведь правители были люди самой знатной и древней крови, они высоко стояли над простым народом, они беседовали с богами, и дарована им была магическая сила.

Вот почему древний обычай требовал, чтобы к правителю обязательно являлись с подарком. Вошедший должен был упасть на колени поодаль от трона, повернуться спиной к правителю и пасть ниц. При дворе же великого сипы полагалось каждому просителю иметь тяжкий груз на спине, дабы всем воочию было видно, сколь принижен перед ликом владыки его поданный.

Вот почему среди муисков существовало наказание, которое было для нас хуже любой смерти. Так, если вор, предупрежденный дважды, не возвращался к добропорядочной жизни, его приводили к касику, силой поворачивали голову и заставляли взглянуть в глаза повелителя. Затем виновного отпускали домой. Страшнее позора нельзя было представить. С этого дня никто во всей округе не разговаривал с ним, никто не помогал ему на поле, никто не сватал за него своих дочерей, род его прекращался. И провинившийся сам искал себе смерти.

Все, что окружало правителя, почиталось священным. И если великого сипу одолевал кашель, то особа, к нему приближенная, вставала на колени и, отвернув лицо, с трепетом принимала мокроту в тонкий платок.

Стоит ли говорить, с каким почтением и страхом выслушивались все приказания великих. Испанцы такого и в жизни не видели, хотя и превозносили перед нами свои порядки.

Множество касиков управляло народом. Но не все они были равно именитыми, ибо одни были более, другие менее знатного рода. Так, касик Тибакуя был на испанский манер как бы коннетаблем (главнокомандующим армией), касикам Гуатавиты, а значит, и мне, равнялись по знатности герцоги, касик Субы был как бы вице-королем, ну а самого великого сипу можно было сравнить разве только с испанским королем.

Титул «кастик» был нам неведом, его принесли с собой испан-

цы и стали так называть всех наших правителей от мала до велика. Мы же самых главных называли «усаке», и были это вожди древних и многочисленных племен, главы знатных родов и особо отличившиеся военачальники. Сипа Тискесуса был «усаке усакия» — что значит великий из великих.

Знатных усаке окружали зависимые вожди низшего ранга — «сибин тибя», и прозвали их испанцы капитанами. Без этих капитанов правители не решали ни одного важного дела, а прежде советовались с ними, сзывая их в свою ограду: нужно ли заключать мир или начинать войну.

Но, пожалуй, больше всех почитали муиски воинов-атлетов «гуеча» («приносящих смерть»). Храбрейшие из храбрых становились гуеча и получали почетное право обрить голову обсидиановыми ножами. Другие же высокородные лица носили длинные волосы и весьма заботились о том, чтобы они всегда были иссиня-черного цвета. Седина считалась неприличной, так как напоминала всем о старости и близкой смерти.

И были эти гуеча великанами. В бою они сражались с пикой в одной руке и с боевой палицей в другой. А волосы они потому и обрезали, чтобы сподручней им было наносить удары и чтобы не могли их самих схватить за волосы и захватить в плен. Доверенные слуги выискивали гуеча в больших и малых селениях и, найдя, представляли великому сипе. Им отводили особые кварталы в селениях, где они набирались силы и ловкости, учились искусству побеждать врага. Потому гуеча доверяли самые важные дела, они охраняли сон правителей и сопутствовали им в походах. В битвах гуеча сражались отрядами по 50 человек в каждом, и любимые цвета их знамен были красный и черный. Кровь и смерть означали эти краски.

Самые же прославленные воины жили в Фоске, Тобакуе и других селениях, лежащих на самой границе с землями ужасных панче. Собиралось там временами до 5 тысяч гуеча. После первых сражений и первых пленных, отбитых у панче, гуеча прокалывали себе в ушах отверстия. В них они вставляли тончайшие золотые трубочки по числу убитых и плененных врагов. У самых заслуженных гуеча побед бывало так много, что золотые трубочки вставлялись в крылья носа, в губы и в щеки, так что лицо такого гуеча щетинилось золотыми блестками. Великие сипы так ценили своих гуеча, что постоянно награждали их дорогими подарками, раздавали им выгодные должности, назначая править покоренными племенами, посылали им красивых наложниц. На славных же пирах они занимали самые почетные места — по правую руку от правителя.

Но сколько бы ни говорили мы о величии и могуществе знатных касиков, оно не было бы столь полным, если бы не почитали их и не боялись пуще смерти простые индейцы, слуги и «купкуа» — те, кому разрешалось сидеть только около самого входа в дом; и не имели эти купкуа никаких прав, кроме одно-

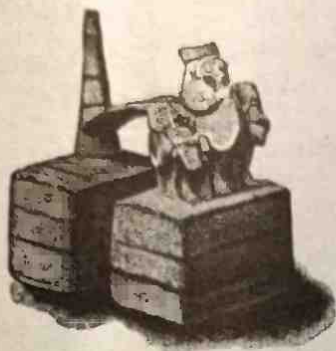

Перуанские сосуды.

го — умереть, когда этого захочет их хозяин и повелитель. Этих «увходасидящих» испанцы называли рабами. Правители муисков добывали себе рабов в боях и походах. Сипа Тискесуса, похваляясь своими воинами, говорил: «Вот мои храбрые мужи, все, кто приносит мне птиц, летающих в небе, кто умерщвляет и берет в плен бесчисленных врагов, восстающих против моей власти, кто добывает нам рабов у многих народов, наших недругов». Рабы были носильщиками и домашними слугами, сопровождали вождей в их походах и выполняли все их прихоти. Красивые пленницы пополняли гаремы знатных правителей и воинов. Жизнь раба не представляла никакой ценности, и их владельцы распоряжались ею, как хотели. Самых знатных пленников оставляли для жертвоприношений на случай закладки нового дома касика или храма или на случай битвы и победы. Пленным касикам имели обыкновение выкалывать глаза. Их оставляли

Древнеперуанский глиняный сосуд с группой музыкантов. Бременский музей.

Древнеперуанский глиняный сосуд. Бременский музей.

в живых, чтобы глумиться над ними в дни великих празднеств. И так росла слава правителей, окруженных рабами и простыми людьми.

Цветущими полями славилась «Долина замков». С утра до вечера работали там в поте лица земледельцы. Сперва они обрабатывали земли правителей и жрецов и уж потом только переходили на свои поля. Другие лепили из глины красивые горшки и посуду. Золотых дел мастера трудились у своих горнов, выделявая из золота фигурки священных птиц, зверей и насекомых, чтобы украшали себя люди и ублажали своих богов.

А когда наступало время, приносили они в амбары и житницы своих касиков много всевозможной снеди. Приносили початки золотистой и медно-красной абы, корзины йомги (испанцы их называли земляными орехами), связки листьев агавы — из нее делалось целебное питье, битую птицу и кроликов, пчелиный мед и оленину — украшение стола великих правителей, плащи и пояса из хлопчатой ткани, тыквенные бутылки, белоснежную соль.

Не забывали и о воинских доспехах: несли пики и палицы, толстые нагрудники, шлемы и щиты. Так оделял своих правителей каждый народ всем тем, что водилось и произрастало на его земле. Но больше всего ценились золотые украшения — браслеты и носовые подвески, короны-полумесяцы, плащи всех цветов и размеров, благословенные богами и правителями изумруды. Так наполнялись доверху амбары и житницы, радуя сердца владык, потому что можно было теперь устраивать пиры, воевать с соседями, воздвигать роскошные храмы и оделять подарками верных воинов и капитанов.

Но у простых людей были и другие повинности. Они возводили и подновляли дома правителей и стены дворцов и храмов, прокладывали новые дороги и следили за старыми, смотрели, чтобы не осыпались террасы на склонах гор. Словом, служили

касику верой и правдой. А когда в ограде правителя трубили священные морские раковины, созывая воинов в поход за данью и рабами, все союзные и вассальные касики быстро откликались на этот зов. Так было заведено исстари и совершалось из года в год на нашей земле.

С радостью подчинялись своим правителям люди, и не было в их сердцах зависти, и не знали они лени. И так продолжалось до той поры, пока сипа и саке не обложили данью многие прежде независимые племена. Под тяжестью дани стали роптать народы. И чтобы взыскать положенное, не раз приходилось подневольным касикам прибегать к силе.

А действовали они таким образом. Когда какой-нибудь индеец опаздывал с уплатой подати, посылал к нему касик своего слугу с дикой кошкой, медведем или пумой, звери же эти содержались во дворце для особых целей. Слуга привязывал зверя к двери дома должника, сам же устраивался рядом. И доколе провинившийся не вносил недоимки, должен он был кормить зверя кроликами и голубями, а слугу одевать и улаживать. Все это накладывало на бедного индейца столько забот, что впредь он не запаздывал с уплатой подати. Когда же при дворе касика не было диких зверей, пользовались другим способом. Если после отсрочки дань не выплачивалась, в дом приходил сборщик податей и заливал водой очаги. Огонь не разрешалось разводить до тех пор, пока долг не погашался полностью. Вот почему должник торопился: ведь без очага нет и жизни. Теперь понятно, откуда у индейских правителей собирались огромные богатства — золотые украшения и изумруды. О сокровищах этих, которые хранились в потаенных местах, знали только жрецы да особо доверенные слуги. Когда стало ясно, что суачиас — обыкновенные люди, а не посланцы богов, и к тому же очень жадные до золота и изумрудов, правители решили не уступать им своих богатств.

Первым тайно пришел к моему дяде Гуатавите касик Симихака. Он нагрузил сокровищами 40 рабов и попросил его как главного хранителя священного озера принести все эти драгоценности в жертву великой жнице-змее, чтобы силой своих чар изгнала она бородатых из пределов нашей земли. Исполнил он волю правителя Симихаки в следующую же ночь. А за ним последовали и другие. Много золота навсегда скрылось в глубоких водах Гуатавиты.

Но были и такие касики, которые зарывали свои сокровища в землю, надеясь, что когда-нибудь они выкопают их и принесут в жертву богам, как и положено. Чтобы скрыть подземные тайники, убивали рабов, которые закапывали сокровища. Так, известно мне, что касик из Чиа нагрузил 100 рабов и отправил их в горы. После того как работа была закончена, рабы эти, так же как и два капитана, указавшие им место захоронения клада, были на пути домой тайно убиты.

Уж кому-кому, а мне все это ведомо доподлинно: ведь старый

Гуатавита поступил таким же образом. Он отобрал сотню самых крепких своих рабов, вызвал сборщика податей и повелел ему уложить в мешки золотые украшения, бесценные плюмажи из перьев священных птиц, сосуды с золотым порошком, которые предназначались для меня, его наследника. Затем указал одну недоступную и неприметную для глаз пещеру. Люди перенесли туда сокровища моих предков, не ведая, какая судьба им уготована. Никто из них не вернулся. Об этом позаботились 50 самых верных гуеча. После того как все узнали, какой грабеж учинили испанцы в столице старого саке и как погиб храм великого Солнца в Согамосо, так же поступили многие правители. И напрасно европейцы ищут наши сокровища. Их надежно хранит земля муисков.

Правда, случалось и иначе, находились и такие легковверные правители, которых обводили вокруг пальца не знающие стыда испанские солдаты и даже католические святые отцы, большие любители индейских сокровищ.

Так, знаю я, что старый касик Убаке был очень дружен с отцом Франсиско Лоренсо, большим знатоком наших языков и обычаев. Стало тому известно, что у старика Убаке есть тайное святилище, но путь к тайнику знал лишь жрец, который его охранял. Тогда Лоренсо подкрался незаметно к хижине, где жил жрец, и забрался на дерево. Он хорошо знал, как индейцы беседует со своими богами, и обратился к хранителю сокровищ, как того и требовал обычай. Сперва пораженный жрец обомлел и лишь на третий призыв отозвался:

— Я здесь, владыка. Приказывай!

— О том, что ты охраняешь, доведались испанцы. Они хотят прийти и лишить меня сокровищ. Перенеси их.

— А куда, о владыка?

— В пещеру, что в лесу за твоим домом.

— Твоя воля — закон, о владыка.

После этих слов жрец поспешно удалился, а хитрый монах слез с дерева и спрятался у входа в пещеру. Пять раз входил в нее индеец, сгибаясь под тяжестью нош. А вечером Лоренсо обнаружил там пять мешков с фигурками из золота. Потом он эти фигурки переплавил и получил 6 тысяч песо. Вот как обманывали нас бесстыдные белые.

Но не только сокровищами владели правители муисков. Боги даровали им многие привилегии и почести, дабы знал простой народ свое место на земле.

Сипа передвигался с пышностью, достойной его великого сана. Специальные слуги несли его на деревянных носилках, обитых в несколько слоев золотым листом. Это были «стражи носилок», их избирали из числа знатных юношей. Они подолгу учились своему делу, чтобы и в воздухе чувствовал себя сипа столь же комфортно, как и на земле. Перед ним шла многочисленная свита, разгоняя встречных.

Рабы и слуги очищали дорогу от камней и мусора, покрывали

ее плащами и цветами. Остатки этих дорог и по сей день сохранились близ Боготы.

Дворцы и храмы строили и украшали лучшие мастера, ибо великолепие дома владыки — его честь и слава. Гаремы знатных касиков были многочисленны, десятки красивых женщин с радостью служили своим владыкам. Так, только в ограде сипы Тискесусы под строгим надзором жили 400 наложниц, которых свозили к нему со всех земель.

Помимо дворцов как в Боготе, так и в других селениях сипа имел летние резиденции в укромных местах, где он отдыхал со своим двором и женщинами. В местечке Табио сипа купался в горячих источниках. В долину Тинансуку сипа приезжал, когда зной выжигал поля вокруг Боготы.

Золотые украшения, отраду богов, и цветной хитрой раскраски плащи носили только правители и их родичи. Плащи не обертывали вокруг тела, а набрасывали на плечи так, что концы их волочились, подметая землю.

Простолюдины носили грубые белые плащи. Мои же предки ввели такой порядок: заслуженных воинов у нас награждали расписными плащами. Того же, кто осмеливался нарядиться в цветной плащ без разрешения, правитель Гуатавиты карал штрафом. Особо выдающимся касикам даровалось право передвигаться в роскошных носилках, и был это высший знак почета.

Для простого юноши срок затворничества, когда жрецы раскрывали ему тайны древних обрядов и церемоний, длился 20 дней. У знатных же юношей обряды посвящения растягивались на долгие месяцы, что отвечало их высокому положению. Будущих же правителей еще в отрочестве отвозили в уединенные храмы, где они жили многие годы.

Затворничество это было очень строгим. Наследнику заказано было глядеть на солнце, поэтому он выходил из дому только ночью; из страха перед жестоким наказанием он избегал соприкасаться с женщинами. В определенные дни жрецы избивали своего воспитанника тяжелыми палками. Как только юноше исполнялось 16 лет, ему просверливали уши и ноздри и вдевали в них золотые подвески. С этого времени он мог украшать себя золотыми нагрудными пластинами и браслетами. Все эти испытания закаляли тело и душу знатных затворников. Лишь пройдя суровый искус, могли они справедливо, достойно и мудро повелевать своими подданными.

Только при дворах правителей лакомились сочным и ароматным оленьим мясом. Со времен Немекене простые индейцы лишились права охоты на этого королевского зверя. И хотя оленей было великое множество и ходили они стадами, словно овцы, делая потраву на полях, без дозволения сеньора никто не мог поднять на них руку. Простой народ кормился кроликами да птицей. Обычно каждый касик держал у себя в доме искусных охотников, которые забивали столько оленей, сколько было надобно хозяину. На

случай войны запасались копченой олениной, которую раздавали воинам перед битвой.

Однако тот, кто жил с почетом в окружении богов и прославленных воинов, должен был так же пышно и достойно умирать. После смерти тело касика переходило во власть жрецов. Они извлекали внутренности и высушивали тело на медленном огне. Затем его натирали смолой «мокоба». В желудок, глаза, рот, ноздри и уши покойного закладывали золотые шарики и изумруды. (Испанцы узнали об этом обычае и выискивали царские захоронения, чтобы очистить покойников, напичканных драгоценностями).

Благородные останки обертывались погребальными мантиями, и на некоторые из них шло по 30 вар тонкой благоуханной ткани; потом тело клали в чехол из оленьих шкур. Чехол обвязывали частой веревочной сетью, а сверху к нему прикрепляли восковую маску умершего.

Не так давно около селения Суэски открыли большую пещеру, вход в которую был завален каменной плитой. Это было древнее кладбище знатнейших людей. Там нашли 150 мумий, и они сидели по кругу, как бы воздавая посмертные почести тому, кто пребывал в середине. А находилась там мумия последнего касика Суэски прославленного Суамене, друга генерала Кесады. Так что всякий нынче может убедиться, что все, рассказанное мной, — правда.

Индейцы же Боготы покойников хоронили иначе. С момента воцарения сипы жрецы готовили ему тайное место для погребения. Когда сипа умирал, тело его помещали в выдолбленный ствол священной пальмы. Снаружи и изнутри ствол покрывали тонкими золотыми пластинами в три слоя. Затем гроб опускали в глубокую яму и засыпали его тонким слоем песка. Сверху же укладывали убитых жен, слуг и рабов, верно служивших своему повелителю при жизни. После чего яму тщательно заравнивали землей, чтобы скрыть всякие следы захоронения. Порой отводили на могилу воды ближайшего ручья, чтобы навсегда утаить от людских глаз место успокоения великого владыки.

Но хотя и велика была честь последовать за своим хозяином в мир иной, а расставаться с жизнью никому не хотелось. Чтобы облегчить женщинам и рабам прощание с землей, их опаивали настоем из табака, дурман-травы «тектек» и сапкуа. Но случалось, и этого было мало. Многие успевали прийти в себя и умирали в отчаянии, как призналась в этом одна индеанка. Христиане откопали ее спустя день после того, как она была похоронена на могиле почившего касика Убаке. Женщину вытащили полумертвой: на голове у нее были глубокие следы от ударов, которые ей нанесли жрецы, прежде чем засыпать землей.

Христиане возмущались, рассказывая об этой истории, но ведь мы, муиски, верим, что наши правители живут и на том свете. А коли так, то справедливо ли лишать их общества тех, кто ревностно и с любовью служил им на земле!

Правители муисков умели держать в страхе своих подданных.

В моих долинах, где повелевал я и мой род, строго каралось любое нарушение древних законов. Ведь наша земля была святая, и на ней не было места отступникам. Если мужчина совершал легкий проступок, то он обязан был поститься дней пять или же его заставляли стоять на коленях с вытянутыми вперед руками. Стоило ему опустить руки, слуги били его по локтям. Воров лупили палкой и заливали им глаза водой с перцем. Женщин сажали на два часа на холодный с острыми выступами камень. Трусов заставляли носить женскую одежду и делать женскую работу, доколе угодно было касику. Беглецов, покинувших поле боя раньше своих капитанов, бросали на съедение диким зверям. В других владениях у простых индейцев отрубали руки, носы, уши, выкалывали им глаза.

Великие и малые правители устраивали во дворцах особые загоны, где содержались разные дикие звери. Обреченного на смерть могли посадить в этот загон, других же бросали в глубокие ямы с водой, где плавали ядовитые змеи. Яму накрывали каменной плитой, и смерть погребенного под ней была так же мучительна, как и позорна.

Но был и другой вид казни — преступнику отрубали голову или сажали на кол. Христиане сперва премного удивлялись обилию этих кольев в наших селениях. Генерал Кесада даже говорил мне, что, по его мнению, на дорогах нашей земли встречается больше столбов и больше висельников, чем на его родине в Испании. Чаще всех так казнил своих людей грозный саке Кемуинчаточа. Когда испанцы овладели его столицей, они набрели к западу от города на холм, весь уставленный высокими, в человеческий рост, столбами. На каждый из них было насажено обнаженное тело индейца. Ходил слух, что такой смертью карал он всех, даже и родичей, за малейшее ослушание. Пораженные христиане так и называли это зловещее место «холмом виселиц».

Но был среди муисков правитель, который держал в страхе индейцев и не прибегая к жестоким казням. Я говорю о касике священной для всех нас долины Согамосо. Все в округе почитали его и стремились заручиться его благосклонностью. Говорили, что он мог по желанию вызвать дождь, снег или град, наслать страшную хворь. И после прихода христиан правитель Согамосо, в язычестве Номпанам, а в христианстве дон Алонсо, поднимался на гору в красном плаще и рассеивал по ветру красную охру, давая этим понять всем, что вскоре людей поразит кровавый понос. В другой раз, одетый в белый плащ, он разбрасывал пепел и объявлял при этом, что скоро наступит засуха и все умрут с голоду. Чтобы пророчества его были более внушительны, он придавал лицу суровое и мрачное выражение.

И хотя много лет живет новой жизнью «Долина замков», а правители Согамосо и поныне пугают своих подданных. Так, нынешний касик дон Фелипе остротки ради говорит своим индейцам гневно: «Вы, собаки, потеряли страх. Забыли, видно, что все мне

подвластно: могу накликать на вас зловонную чуму, наслать черную оспу, ломоту в суставах, жар-горячку и другие страшные недуги. Забыли вы, что это я, всемогущий, создал все, что дает всходы,— травы, овощи и злаки». Вот почему дона Филиппе боялся, как никакого другого правителя, не только индейцы, но и сами католики, которые, я заметил, не менее суеверны, чем мы, индейцы.

Известно мне, что генерал Кесада казнил за разные проступки своих военачальников. У нас же таких порядков не было. Никакие законы и кары, обычные для всех, на знатных не распространялись. А уж если правитель нарушал обычай, смерти он не боялся, ибо не о плоти своей, а о чести заботились сильные мира сего. Любой провинившийся касик предпочел бы лишиться рук и ног, чем расстаться с длинными волосами или показаться на людях в разорванном плаще. Ведь волосы и плащи они приносили в жертву, и, кто терял их, тот обрекал себя не только на позор и бесчестье, но и утрачивал благосклонность богов.

Правда, иногда касиков наказывали их жены, но это случалось редко. Свидетелем одного из таких случаев стал генерал Кесада. Он со смехом поведал мне о нем. Как-то на второй год конкисты он зашел в ограду касика Суамене, что правил индейцами Суэски, и обомлел: Суамене защищал лицо и голову от ударов плетками и палками, которые сыпались на него со всех сторон. При этом он был крепко привязан к столбу. И колотили его девять женщин — его жены. За день до этого Суамене попробовал испанский «сап-куа» — и опьянел. Это серьезный проступок, ведь пить разрешалось только в дни великих побед и праздников. Жрец приговорил касика к наказанию палками, повелев исполнить приговор его женам. И били они своего мужа, как показалось Кесаде, весьма старательно. Но зато никто, кроме них, не видел позора касика Суамене, и была в этом высшая справедливость.

Как только христиане обосновались на наших землях и узнали наши порядки, они стали наказывать непослушных правителей индейским способом — обрезали у них волосы или разрывали их великолепные плащи. Но скоро касики притерпелись к этим оскорблениям. Тогда испанцы стали заключать их в тюрьмы. И постепенно правители утратили в глазах индейцев свою былую мощь. Так покончили с теми, кто был нашей честью и славой, на кого уповали великие боги и возлагала надежды свои многолюдная земля муисков.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ,

в котором будет поведано, сколь трудолюбив и искусен был народ муисков и как привольно жил он в благодатной «Долине замков»

Много дурного говорили о муисках испанцы, не считали индейцев за людей и рассказывали всякие небылицы, возводя на них хулу и напраслину. Будто мы безрассудны и бесчувственны как ослы, трусливы как змеи и грязны как свиньи, не признаем ни за-

кона, ни веры. Будто бы есть среди нас люди престранного сложения, вроде тех, о которых говорил отец Антонио Даса. И индейцы эти зовутся тутанучас, что значит «ушастые», и уши у них будто такие длинные, что волочатся они по земле и под ними могут-де спрятаться пять человек сразу; что есть среди нас и такие, что живут на берегу большого озера, а спят под водой, а иные индейцы якобы берут в дорогу цветы и фрукты, чтобы нюхать их, и в этом вся их еда. И много другого несуразного можно было услышать от белых людей. Горько вспоминать мне об этом.

Лучше расскажу я о том, что они в один голос одобряли и хвалили. О плодородной «Долине замков» с ее благодатным климатом. Испанцы всегда с ужасом вспоминали о жаре на берегах Магдалены. Когда я спрашивал у генерала Кесады, что ему больше всего понравилось у нас, он неизменно отвечал: «Ваш свежий воздух, ваше ласковое солнце, легкие дожди; эти благословенные Богом места по сердцу нам, европейцам».

Что и говорить, прав был главный суачиа. Наша земля холодна, но не слишком, холод не причиняет никакого беспокойства людям, так же, впрочем, как и солнечный зной. Что зимой, что летом у нас и не очень холодно, и не очень жарко. Лето — это когда нет дождя, хотя идет снег и прохладно, зима — когда идет дождь, хотя и жарко. Октябрь и март — самые дождливые месяцы, январь и август — самые сухие. Две зимы и два лета бывали у нас каждый год. Этой завещанной богами смене дождей и засух и подчинялись все земледельческие работы муисков.

Муиски не знали ни пшеницы, ни ячменя, и то, и другое привезли с собой христиане. Хотя христианам был люб их хлеб, но и наш ценили они высоко. Удивлялись они, что мы его ели и зрелым, и зеленым, что он созревал и в жарких, и в холодных землях, долго хранился без порчи, давал высокие урожаи. И называли мы наш хлеб — аба, христиане же прозвали его маисом. И было у нас 13 сортов маиса с белыми, желтыми, розовыми, светло-красными, пурпурными и даже черными зернами.

Початки женщины варили, получалась ароматная похлебка. Зерна мололи и из полученной муки делали «больос» — небольшие булочки или лепешки. Их заворачивали в маисовые листья, опускали в котел с водой или поджаривали, и был это «индейский хлеб». Мягкая и нежная каша из кукурузной муки и поныне называется в деревнях «индейской кашей».

Из заквашенных на воде зерен муиски готовили горячительный напиток — сапкуа, христиане прозвали его чичей. Ее пили на всех празднествах, будь то сватовство, жертвоприношение, день сева или урожая и т. д. Индейцы верили, что в сапкуа заключена магическая сила, приносящая победу над врагами и благополучие в жизни. Из маисовой соломы плели циновки и ковры, корзинки и мешки. Да, были мы, муиски, маисовым народом.

Очень часто в наших котлах варились йомги, второй наш хлеб. Христиане сначала не верили, что эти круглые крепкие клубни

годны в пищу. На йомги испанцы натолкнулись сразу, как только поднялись в наши горы. Первую же долину, покрытую зеленой кудрявой ботвой, христиане окрестили «Долиной земляных орехов». Это и был картофель. Индейцам были известны многие сорта картофеля, различались они по цвету: белый, желтый, фиолетовый, и у всех вкусные мучнистые клубни. А один мой приятель-испанец дон Родригес так описывал нашу йомги своему земляку, который жил в Испании. «Картофель — это род земляной груши, он, коли сварить его, нежен, как печеный каштан, и кожи на нем не больше, чем на трюфелях, а растет он под землей. И корни дают куст как у мака».

Помимо картофеля муиски выращивали «набо», по вкусу она напоминала христианам репу. Любили мы и юку. Муиски умело отмачивали ее ядовитые корни и жарили их. Сажали мы ибиа — сладкую репу, ямс, рубию, а она похожа на брюкву. Очень нравились христианам наши томаты, фасоль, тыква. Особенно пристрастились они к любимой нашей приправе — перцу ахи, без которого не обходилось ни одно кушанье. А на ананасы, гуайяву спрос был особенно велик.

Но что немало поразило пришельцев, так это то, что мы имели обыкновение нюхать пахучие сушеные листья и получали от этого большое удовольствие. Иногда мы размельчали эти листья в порошок, закладывали его в короткие каменные трубки и поджигали. И дым этот радовал сердце и был угоден богам. Испанцы называли эти листья табаком и вскоре стали заправскими курильщиками. Наилучшие сорта табака выращивали индейцы под Тунхой. В первые же годы своего правления испанцы построили там мельницу и на ней мололи табачный лист. Потом они стали вывозить его в Испанию, зелье это там называлось «табаком из Тунхи», и цена его была очень высока.

Год муисков — «сокам» — состоял из 12 месяцев. В январе во всех долинах готовили земли для посевов, чтобы засеять их «к ущербу луны» в марте, до начала дождей первой зимы. Сначала сажали картофель, закладывая по одному клубню в каждую ямку, выбирая для этого самые солнечные дни января, месяца сухого и жаркого. На посев шел самый мелкий картофель. В марте пробивались маленькие ростки, к концу июля урожай уже поспевал. В первых числах июля индейцы имели обыкновение обрывать цветы и листья ботвы, оставляя один главный стебель, так как от этого, по нашему мнению, клубней становилось больше и они быстрее росли. В начале августа, в разгар второго «лета», муиски вновь сажали картофель, но уже на другое поле. Таким образом, собирали два урожая в год — второй урожай в декабре, и картофеля у всех было вдоволь. Маис родился единожды в году, созревая только через десять месяцев после посева, то есть в ноябре — декабре.

Странно нам было видеть, как сеют свою пшеницу христиане, разбрасывая зерна по вспаханному полю. Индейцы никогда так не делали. Муиски аккуратно укладывали несколько маисовых зерен

в одну лунку и засыпали ее горсткой земли. Но прежде собирались сильные мужчины со своими семьями и насыпали высокие гряды шириной в три шага и высотой в две ладони. Такая гряда называлась «суна» (большая дорога), были и гряды, разделенные на две половины — «синка» (маленькая дорога).

С началом новой жизни мы перестали делать эти суны. Много сил и времени отнимали они у земледельцев. Но кое-где на склонах гор еще видны остатки длинных гряд. Словно змеи, они многократно опоясывают склоны и задерживают дождевые воды. Индейцы же гуане так любили свою землю, что постоянно ее поили, отводя воду из рек на свои поля по длинным и глубоким канавам.

Чтобы все посаженное нами росло и приумножалось, было принято перед посевом посыпать землю толченой солью. И еще завещал нам великий Бочика, чтобы не подходили мы близко к полям, пока не заручимся согласием женщин. Ведь сеять, обрабатывать поля, собирать и хранить урожай — это не мужское дело. А все потому, что если сажают женщины, то маис вырастает с двумя или тремя початками, юка — с двумя или тремя корнями. Удел женщин рожать, и они поэтому знают, как вырастить во множестве любые коренья и плоды. Вот почему у нас без жен и дочерей никогда не начиналась работа в полях.

Зверей же и птиц было вдоволь на нашей земле. Ловили мы разных обезьян, медведей, муравьедов, тапиров, охотились на «фуко» (испанцы прозвали их кроликами) и на «кури» — по виду крыс, а также на «пекари» — диких свиней. Благородные же олени — «ксика» — бродили по горным лесам и долинам огромными стадами, как теперь бродят овцы. И хватало их правителям муисков в изобилии, так же как сейчас христианам — свиней и коров, которых они привезли из Испании. На прудах и озерах разводили жирных уток. Что же касается рыбы, то ею кишели все ручьи и реки. Рыбка «гуапча» длиной с пядь — обычная пища жрецов — пришлась по вкусу христианам.

В отличие от испанцев муиски редко употребляли камень для построек. Дерево, глина и тростник — вот из чего возводились дома простых людей и дворцы знати, крепости и храмы. Лишь только наши северные соседи индейцы лаше строили из грубого песчаника квадратные домики, крытые соломой.

От скромных жилищ простых индейцев дворцы правителей отличались не только большими размерами, но и стенами... В ограде, которая окружала мою столицу, было 12 ворот, охраняемых верной стражей. В каждом из четырех углов ограды возвышались столбы высотой в семь-восемь вар ярко-красного цвета. Некоторые столбы оканчивались деревянными клетками. Эти пурпурные сверкающие столбы, видные издали, мы называли «красными руками солнца», а клетки, устроенные на их верхушках, — «сиденьями солнца». Ведь в них помещались знатные рабы, чтобы отдать по капле свою кровь владыке вселенной — Солнцу. И было это так. Выбирали самого красивого и родовитого пленника. Свя-

занного по рукам и ногам, жрецы поднимали и усаживали его в «сиденье солнца» таким образом, чтобы открытой оставалась только грудь и голова жертвы. Затем самые прославленные воины и вожди забрасывали пленника стрелами. Тот, кто первым попал в сердце или глаз, награждался знаками отличия. О нем пели весь год на праздниках и торжествах. Как только жертва выпускала дух, воины бросали свои священные луки. В продолжение всей этой церемонии жрецы, что стояли у подножия «руки солнца», собирали по капле жертвенную кровь. И была она угодна и приятна великому Солнцу, и люди поэтому радовались от всей души. Вот каково было назначение красных столбов, которые так удивляли пришельцев.

Дома наши и дворцы строились надолго. И чтобы всем, кто жил под крышами новых домов, сопутствовала удача, обычай, древний, как само солнце, требовал совершить жестокий обряд. Прежде чем опустить опоры дома в заготовленные для них ямы, приносили человеческую жертву, чтобы умиловить всемогущих богов. Под центральный столб нового дома правителя закладывали тело молодой знатной девушки. И считалось для нее великой честью умереть за благополучие всего народа. Затем начинался многодневный праздник, на который приглашались жители всего селения, а также бродячие шуты и затейники.

И все время, пока пировали, пели и плясали в новом доме как-то его гости, у ворот ограды стояли два старых индейца. Тела их были обнажены, и не полагалось им ни еды и ни питья. Накрытые громадной сетью, которой обычно ловят птиц, старики играли на флейтах грустные мелодии. И знаменовали эти старцы неминуемую смерть, которая всегда на ногах, всегда наготове собирать в свою страшную сеть бедных людей, лишая их всех мирских радостей.

Чем еще богата была земля муисков, так это ремеслами. Золотые руки были у наших людей, и прославили они себя далеко вокруг. И пожалуй, искуснее всех были горшечники и ювелиры-гуатавитяне. И говорю я об этом без ложной скромности, ибо и сейчас еще могут подтвердить все индейцы, что лучшие золотые украшения, радость живых и мертвых, самую красивую посуду делали у нас. Наши ювелиры как прославленные мастера золотых дел расходились по соседним землям и подолгу жили там, выделывая на своих горнах удивительные украшения: короны, тяжелые серьги, оттягивающие до плеч уши знатных правителей и воинов, причудливые нагрудные пластины, жезлы и другие знаки власти. Особенно дорого ценились браслеты и бусы из нанизанных на золотые шнурки маленьких фигурок лягушек, ящеров, змей, всевозможных птиц, обезьян, рыб. И были золотые фигурки священными, ибо многие наши боги принимали облик этих зверей. И каждый, кто хотел заслужить благосклонность богов, имел обыкновение сплошь увешивать свою грудь и руки этими священными связками.

Славились также и другие золотые вещицы, без которых не об-

ходилась ни один индеец, как бы ни был он беден. И назывались они «чунсо», христиане же переделали их на свой лад — в «тунхо». Так вот, их очень смешили наши чунсо.

Чунсо — это человечек размером с ладонь. Из золотой проволоки делались рот, нос и уши. Руки-проволочки держали разные предметы: если это воин — копьеметалку или лук и стрелы, если правитель — скипетр; чунсо-женщина в руках имела ребенка или ткацкий станок. И сотни таких чунсо христиане отыскивали в храмах, озерах, святилищах и алтарях. И было им непонятно, почему мы закапываем золотых человечков и прячем их в жертвенных копилках, и удивлялись они, до чего же похожи на нас эти человечки.

Наполовину угадали правду христиане. Чунсо действительно были нашими подобиями. А как могло быть иначе? Если просила женщина удачи в ткацком ремесле, то заказывала деревенскому ювелиру чунсо-женщину с прялкой в руках. Просил земледelec урожая и получал от ювелира чунсо-мужчину с мотыгой и киркой. А славные воины заказывали чунсо с веревкой через плечо, чтобы взять в плен знатных иноплеменников. И когда о чем-либо просили богов, то оставляли им в знак памяти свое чунсо. Без этих человечков ни одно моление не доходило до богов. Вот почему нашим ювелирам всегда хватало работы.

Правда, они делали вещи не из чистого золота, а всегда пополам с медью и называли этот сплав «тумбагой». И был этот сплав прочный и твердый, но не радовал глаз цветом. И чтобы придать блеск изделию из тумбаги или скверного золота, применяли наши ювелиры тайный способ. Есть у нас одна трава. Берут ее, с положенными молитвами выжимают из нее сок и смазывают им изделие. Затем подносят изделие к огню и высушивают. И чем больше соку пошло на вещь, тем больше времени надо держать ее над огнем. А чем больше она накаляется, тем ярче горит, как будто бы сделана вещьца из самого что ни на есть чистого золота.

Получая от нас украшения, испанцы обычно переплавляли их в слитки. «Чистое» золото на глазах превращалось в чистую медь. Вот и сердились они, но при этом не могли надивиться мастерству наших ювелиров. Все умели муиски: и лить, и чеканить золото, сваривать лист с листом, тянуть тончайшую проволоку. И делали все это муиски лучше, чем европейцы.

Самые лучшие гончары жили в селениях Тинхака, Токансипа, Гуатавита и Гуаска. Рядом с этими селениями располагались древние копи, где и по сей день индейцы добывают прекрасную глину. Бесчисленное множество кувшинов для переноски воды и чичи, горшков для варки, чаш, блюд, подносов, котлов, кадилниц и жаровен расходилось из этих мест по всем долинам. Посуду расписывали яркими красками: белой, желтой, красной, серой, коричневой и черной в двух-трех оттенках. Когда открывались богатые ярмарки, невозможно было пройти мимо гончарного ряда, казалось, сама радуга Кучавира разбросала там свои цвета. Но особенно почитае-

мыми среди гончаров были те, которые изготавливали большие сосуды-копилки, в которых хранились жертвоприношения. И были эти сосуды сделаны в виде человеческих фигур. Многие из них имели отверстие на голове или на животе, куда и складывались золотые чунсо и изумруды. Одни копилки стояли вдоль стен храмов, другие закапывались по шею в пол. Как только такая копилка наполнялась доверху, жрецы прятали ее в потаенном месте.

Из всех ремесел пуще всего славилось ткацкое. Известно, что хлопок растет только в теплых землях. Там и были у нас поля, которые приходилось защищать от грозных панче.

Много хлопка вывозили из льяносов, что на востоке от нас. За каждую ношу хлопка-сырца, а ноша — это кипа, которую может унести на себе человек, давали один плащ... Доставив хлопок домой трудными переходами, муиски пряли его, ткали и раскрашивали. Из одной поклажи можно было изготовить один большой плащ и четыре маленьких. У муисков ткали только женщины. Они постоянно сидели за станком, выделявая плащи, платки, пояса, ленты и другие вещи для своих детей и мужей.

Муиски изготавливали разные ткани: и очень тонкие, из которых делались плащи для всяких надобностей, и грубое, толстое полотно, которое не пропускало воду. Оно шло на мешки, на военные палатки-навесы для вождей, ими покрывали стены крепостей для защиты от дождя и солнца.

Но больше всего любили мы плащи «бой». Были они прямоугольные, края обрубали и обшивали. Обычно плащ был длиной около трех вар*, ширина же его в зависимости от станка колебалась от одной до полторы вары. И мужчины, и женщины одним таким плащом обертывали тело, прикрывая грудь и ноги ниже колен. Второй маленький плащ — «чиркате» накидывали на плечи. Большая заколка — «топо», золотая, серебряная, медная, а то и коственная, кто какую сможет приобрести, соединяла концы чиркате. Обуви не знали, ходили босиком. Для покраски полотна в красный, голубой, черный и прочие цвета ткачихи пользовались тем, что давала им природа. Так, например, из сочных плодов дерева «биха», подобного гранатам, получали жидкость красного цвета, которая шла на окраску тканей и тела. Черный и голубой цвета они получали из индиго.

Плащ расписывали от руки различными узорами. Вдоль всей его длины наносили полосы — «мауре», узкие ленты незамысловатого рисунка, чаще всего красные и черные. Узоры простые, но очень красивые. Чем больше было полосок на плаще, тем дороже он ценился. Но обычно их было не больше четырех и цена за каждую была строго определена. Краски же на ткани были столь яркими и прочными, что ни время, ни дожди ничуть не вредили им. Раскрашенные плащи служили наградой лучшим певцам и бегунам на религиозных празднествах. Плащами одаривали своих

* Вара — испанская мера длины, равная 83,5 сантиметра.

невест женихи, плащами выплачивалась дань. Одним словом, с плащом индеец не расставался со дня рождения до смертного часа.

На плащи у нас можно было приобрести все, что запросит душа. Захватив в плен саке Тунхи и его дворец, испанцы выбросили бесчисленное множество плащей, тканей, цветных бус. Только потом пришельцы поняли, что на них они приобрели бы втрое больше золота, чем награбили.

С появлением христиан за ткацкие станки сели и мужчины, и дети. Теперь в каждом доме сушатся и отбеливаются длинные полотна. Многими податями обложили нас новые хозяева. И платим мы им плащами и поясами из хлопка. Одно золотое песо приравнено к пяти варам ткани. И в Тунхе плащей скопилось уже столько, что нужно строить новые хранилища. А испанцы ненасытны, им подавай новые и новые полотна.

Была и еще одна вещь, всем очень нужная. Я говорю о соли. Близ селений Немокона и Сипакиры во владениях сипы Боготы находились целые горы каменной соли и соленые озера. Соленую воду разливали по огромным кувшинам. Долгое время соль в них оседала, доколе не застывала в твердую массу. Когда же этот осадок измельчали, то получался мелкий порошок с приятным вкусом. А в соленой горе муиски прорубали узкие проходы и каменными топорами отбивали целые куски драгоценной соли. Из-за соляных разработок не раз вспыхивали войны между саке Тунхи и сипой Боготы. Тот, кто владел солью, был всемогущ. Это сообразили испанцы. Придя к нам, они прервали торговлю солью. Тем самым они вынудили воинственных панче им покориться. Как ни грозен был отряд капитана Ванегаса, оружием он завоевать этот народ не смог. Только пообещав индейцам соль, он вынудил их пойти на мировую. Панче, когда испанские послы вручили им дары, отвергли бусы и украшения, но сразу же схватили кусочки соли.

Но чем поистине была богата Новая Гранада, это россыпями изумрудов. «Зеленый лед» сопровождал испанских солдат с первых же их шагов по земле муисков. Мне самому с восторгом говорил генерал Кесада о великих богатствах, которые достались испанцам в нашей стране. Изумрудами же, считал он, «Долина замков» богата так, что в сравнение с нею не идет никакое Перу. И едва ли кому приходилось слышать о чем-либо подобном со дня сотворения мира.

Еще более утвердился Кесада в своем мнении, когда поднялся на знаменитый холм Итоко, что во владениях индейцев мусо. А холм этот отличался от всех других тем, что, кажется, весь был нашпигован изумрудами. Да, это была настоящая гора изумрудов. Зеленые камни зарождались в прослойках голубой клейкой глины, которая своим цветом спорила с небом. И появлялись они сразу, как птенцы из яйца, готовыми, сияя всеми восемью своими гранями, которые природа отшлифовала так, как этого не сделал бы ни

один самый искусный ювелир. Камни появлялись на свет прозрачно-белыми, но со временем начинали темнеть, пока не становились совершенно зелеными. Часто встречались наполовину белые, наполовину зеленые изумруды. И такие запрещалось трогать. Обычно камни вырастали гнездами, но попадались и одиночки, были они очень крупные, и потому называли мы их «сипами». Незадолго до прихода христиан холм Итоко был окружен индейцами-людоедами мусо, и муискам, как это ни прискорбно, пришлось оставить изумрудную гору в руках врагов.

Были у нас и другие изумрудные копи во владениях касика Сомондоко. Его подданные добывали камни во время дождей или сразу же после них. Счастливые индейцы Сомондоко собирали так много зеленых камней, что продавали их всем желающим. Священный камень изумруд считался излюбленным приношением великим богам.

Сомондокцы никого не допускали на свою изумрудную гору. Они усиленно распространяли слух, будто любого чужеплеменника, который только осмелился бы взглянуть на место разработки драгоценного камня, через месяц настигнет смерть. Сдается мне, что сомондокцы нарочно пугали завистников, которые заглядывались на их богатства.

Кроме изумрудов муиски добывали из земли блестящий черный камень, который давал ровное жаркое пламя. Близ селений Топаги, Гамесы, Таско и в других местах были прорыты узкие, но глубокие канавы длиной от 100 до 200 вар. В них и добывался этот камень. Он согревал дома в холодное время, а вечерами разгонял ночную тьму. Хорошо служил этот чудо-камень и ювелирам, которые растапливали им свои горны, и тем, кто выпаривал соль в глиняных кувшинах.

А сейчас я хочу рассказать о том, что более всего радовало сердце каждого муиска, будь то бедный или знатный. И была этим любимым делом торговля. Существовал древний обычай, по которому каждый четвертый день в славном городе Тунхе открывался рынок, и туда приходило бесчисленное множество людей всех племен. Являлось также много касиков и вождей, чтобы поглядеть на властителя Тунхи и справить свои дела.

Не только близкие, но и дальние племена торговали с нами. Индейцы Сомондоко снабжали всю страну изумрудами, индейцы Немокона продавали соль. Морские раковины, предмет особой гордости муисков, служившие нам музыкальными инструментами и украшением для жилищ, доставлялись с восточных гор, из-за которых поднимается солнце. Золото в слитках и в песке поступало от индейцев с другого берега Великой реки. Индейцы северных племен, например люди сутагао, приносили на обмен смолу, меха, агаву — из нее плели веревки и сети, а также коку, биху и мед. Индейцы гуане сперва покупали соль у южных муисков и затем перепродавали ее за золото северным племенам; индейцы читаре-ры торговали причудливо раскрашенными калебасами.

Самым знаменитым был рынок под городом Велесом, в селении Сорокота, на берегу реки Суарес. Здесь раз в восемь дней собиралось великое множество народа из Боготы, Тунхи, Согамосо и соседних с муисками земель. Индейцы жарких и высокогорных долин обменивались тем, что им давала богатая природа. Все товары раскладывали по кругу на огромном камне. Это предвещало счастливый исход всех сделок. Индейцы торговали спокойно, не повышая голоса.

Денег мы не знали, вместо них в ходу были изумруды, плащи и хлопчатые ткани, а иногда небольшие золотые слитки, по форме сходные с монетами, которые стали чеканить при христианах. Впервые Кесаде подарили такие монеты в селении Гуачета. Во дворцах и сипы, и саке испанцы нашли золотые сосуды тонкой работы, наполненные маленькими круглыми дисками. Соизмерялись они особым способом: вставлялись между указательным и большим пальцем руки. В случае если диск был слишком велик, его обмеряли специальными лентами. И называли христиане наши диски индейской монетой. И очень они были похожи на испанское песо, только что не стояло на них печати. Мы быстро поняли значение денег и сами стали плавить золото и делать из него настоящие монеты. Потом их пускали в оборот, торгуя между собой и с испанскими купцами.

Вскоре таких денег накопилось столько, что испанское песо обесценилось. Появились фальшивомонетки, которые на наших слитках низкопробного золота (а они всегда делались из сплава с медью) ставили королевское тавро. Тогда власти спешно приказали собрать всю индейскую монету и промаркировать ее или же принимать ее от индейцев из расчета за одно испанское песо полтора песо индейского.

Муиски были великими ростовщиками. Так, если за товар в срок не платили, то каждый следующий месяц плата за него возрастала наполовину. У нас положено было честно платить долги. Как бы ни был болен, беден или пьян индеец, но, когда нужно было сказать, сколько он должен или сколько должны ему, он говорил чистую правду.

У нас был обычай строго различать дни работы и дни праздников. И мы ни в коем случае их не смешивали. Так, каждый месяц делился на три части, по десять дней в каждой. Первые десять дней мужа не соединялись со своими женами, а все это время жевали коку, смешанную с дурман-травой, чтобы облегчить душу и тело от забот и волнений и предстать чистыми перед лицом грозных наших богов. Следующие десять дней все работали в поле, строили дороги, подновляли дома и приумножали таким образом свои богатства. А последние десять дней отдавались отдыху, домашним радостям и торговле. И такой порядок соблюдали все племена, только у некоторых перемена состояния наступала не через десять дней, как у нас, гуатавитян, а через три или семь дней. Вот почему народ муисков был крепок телом и духом и не знал празд-

ности и лени. Прилежны были наши женщины, трудолюбивы земледельцы, закалены и выносливы войны, мудры жрецы и правители.

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

*в котором будут раскрыты таинства индейской веры
и вся правда о «позолоченном человеке»*

Католические святые отцы, которые наводнили Новую Гранаду, без конца бранили нас прескверными словами за то, что мы плохо молимся своему новому Богу Христу и грешим против Божественных заповедей, втайне поклоняясь идолам. Да, есть правда в этих словах. Я сам, хотя и прошел обряд крещения, а до сих пор, крестясь на деревянного Христа, мыслями обращаюсь к великому Бочике и всемогущему Солнцу. Только напрасно нас называют безбожниками. Это у испанцев есть лишь один бог, да и вспоминают они о нём только по воскресеньям. Мы же, муиски, народ богобоязненный, и не проходило дня и часа, чтобы мы не приносили жертв и не воскурjali благовония в честь наших могучих покровителей. И было их много у нас оттого, что одному божеству не по силам уследить за всем, что творится на земле, под землей и на небесах.

Вот уже много десятков лет католические отцы, как злые собаки-ищейки, выискивают и вынюхивают места, где еще сохраняются наши священные алтари и жертвенники. И хотя жрецы через каждые восемь дней переносят их с одного потаенного места на другое, нетронутых святилищ остается все меньше. Не так давно отец Алонсо Ронкилья привез в Боготу три сотни идолов и под горестные вопли индейцев, которых нарочно согнали на главную площадь, бросил статуи в жаркий костер. Да и сейчас по округе рыщут целые отряды охотников за индейскими идолами. Третьего дня отец Мансера напал на верный след и в поздний час ночи ворвался в укромную пещеру около селения Рамирики. Там при свете чадающих факелов увидел он индейцев, коленопреклоненных перед королевским орлом из дерева в три метра ростом. Вокруг него стояли другие образы. Всех их испанцы вытащили наружу, разрубили на куски и бросили в костер, который тут же разожгли. Индейцы схватились было за палки, видя смерть любимых богов, да устрешились они мушкетов. И так каждый день. Погибают наши боги, вместе с ними медленной смертью умирает народ муисков. Когда откроют и осквернят мое святилище, умру и я.

Великое множество богов, и добрых, и мстительных, в облике птиц и зверей окружало нас, муисков. Обо всех рассказать нет никакой возможности, только о самых великих поведаю я. Очень почитали мы прародительницу муисков Бачуе, являвшуюся нам в образе змеи, и видели мы в ней саму мать-землю, которая посылает своим детям обильные плоды, не давая им умереть с голоду.

Бачуе владела даром покровительствовать плодам, ей приносили в жертву смолу и плоды пальмы.

Ее божественный супруг великий Бочика властвовал над всеми стихиями, и не было ему равных среди богов. И часто являлся он людям в облике царственного орла. Высший среди всех, он покровительствовал только знатым правителям и славным воинам-гуеча. Моления простых индейцев не доходили до его державных ушей. Милосердный Чибчачум, который был «покровителем, опорой народа» Боготы, защищал торговцев, ювелиров и земледельцев.

Радуга Кучавиры покровительствовала роженицам и страдающим лихорадкой, ей приносили в жертву золото низкого качества, изумруды и бусы. Кучавиру боялись. Появление в небе ее семицветного плаща вызывало ужас среди индейцев, ибо, по нашим представлениям, приносила она людям смерть.

Был у муисков бог веселья Ненкатакоа. Отвечал он за порядок в религиозных шествиях и на всевозможных празднествах. Помимо этого он помогал доставлять лес с гор и из жарких земель для постройки храмов и дворцов. В жертву принимал только чичу и вместе с нами напивался допьяна на наших праздниках. Изображали мы его в виде медведя, покрытого плащом, из-под которого торчал хвост. Было у него и другое имя — «Фо», лисица, и ее облик мог он принимать. И был он богом ткачей и художников, которые раскрашивали плащи.

Грозные Гигвае и Чифафруиме, жестокие боги войны, носили на плечах шкуры пум и ягуаров, а головы их закрывали маски в виде морд этих страшных зверей. Ненасытна была их утроба. Они умиротворялись, лишь когда к их ногам складывали головы военнопленных. А без их помощи ни один задуманный поход не бывал удачен.

И еще много можно было бы рассказать о наших богах, да нетерпение заставляет меня перейти к тем из них, кому мы обязаны жизнью. Речь пойдет о богах-вседержителях, великих Суа и Чиа — Солнце и Луне. Не было пределов их величию, от них зависело жить или умереть народу муисков. Вот почему мы всегда заботились, чтобы днем и ночью их благотворные лучи освещали нас и нашу землю, чтобы не теряли они ни на минуту своей благодетельной силы. А для этого Солнце и Луну нужно было постоянно кормить человеческой плотью и кровью. Верили мы — если не жертвовать Солнцу невинных юношей, наступит конец света, все живое исчезнет с лица земли. Вот почему часто проливалась человеческая кровь на жертвенных холмах. Ибо так необъятно величие Суа, что не было на свете стен, которые могли бы вместить его сияние и благодать. Около каждого селения выбирались одинокие холмы и утесы. Вершины их первыми встречали утренние солнечные лучи и поэтому посвящались могущественному Солнцу.

Лучшими, самыми угодными Солнцу жертвами считались мальчики, которых доставали далеко на востоке у чужих племен. На-

зывали их «моха» или «гуеса» — бездомными. Неутомимые торговцы покупали шести-семилетних гуеса и так почитали их, что переносили на своих плечах, не разрешая им касаться грешной земли. Они стоили очень дорого: только правители сильных и больших племен могли приобрести такого мальчика, чтобы вымолить у Солнца расположение к своему народу. Лишь немногие правители, такие, как сипы Боготы, покупали сразу двух или трех «солнечных мальчиков».

Они жили в святилищах, где им воздавали божеские почести. Индейцы считали, что гуеса умели беседовать с Солнцем и передавать ему просьбы жрецов, молившихся о благе людей. Одной из главных обязанностей мальчиков было петь священные гимны. Когда начинали звучать их высокие, чистые голоса, индейцы плакали. По утрам жрецы носили гуеса на руках к источнику или на речку, чтобы они могли омыть лицо и тело. Их необычайно нежли, и никто, даже сам правитель, не мог есть с ними из одного блюда. Но если жрецы узнавали, что кто-нибудь из гуеса познал женщину, его изгоняли из святилища и он становился таким же юношей, как и все прочие.

Но вот приходила пятнадцатая весна, и гуеса достигал возраста, когда великий Суа призывал его к себе, чтобы обрести в его невинной крови и плоти свою бескрайнюю силу и могущество. Наступал у людей великий праздник. Лучшими благовониями и маслами умащивали тело солнечного юноши, наряжая его в богатые одежды. Длинная процессия жрецов, подняв гуеса высоко над головой, медленно и торжественно несла его в последний путь к священному холму. И бывало это в дни, когда боги очищали небо от самых легких облаков, чтобы ничто не мешало великому Солнцу принять к себе желанную жертву. На роскошный плащ опускали гуеса. Тягучие, грустные звуки флейт оглашали окрестности. И знали все, что жрецы, облаченные во все черное, рассекают в эти минуты грудь жертвы и извлекают из нее еще живое, бьющееся сердце! Теперь сердце поместят в священный сосуд, кровью же окропят все выступы солнечного холма. Тело юноши хоронили с почетом в пещере или оставляли непогребенным на вершине. Жрецы возвращались несколько дней спустя и, если не находили останков, радовались, считая, что Солнце удовлетворено и будет и впредь давать людям свет, тепло и обильную жизнь. Повинуясь этому обычаю, индейцы бросали к ногам испанцев тела мальчиков, ибо приняли они поначалу пришельцев за сыновей Солнца.

И хотя оспаривать заветы богов считается непростительным грехом у нас, муисков, но должен признать я, что сомнение давно поселилось в моем сердце. Теперь, когда многое прожито и недалеко свидание с самим Гуахайоке, демоном смерти, сдаётся мне, что жрецы напрасно проливали кровь в честь великого Суа. Ведь от гнева всемогущих европейцев он так и не смог нас спасти. Да и от засухи, и от недородов слишком часто страдали наши земли. Поэтому повелел я своему народу заменить кровь людей на кровь свя-

ценных попугаев. И стали жрецы приносить в жертву Солнцу попугаев по 100—200 штук за один раз. Но прежде птиц обучали говорить на нашем языке, чтобы Солнце думало, что и они люди.

Но Суа принимал с благосклонностью и другие жертвы. В его честь сжигали в жертвенном огне изумруды. Чем могущественнее был правитель, тем больше и лучшего качества камни бросал он в пламя, посвященное Солнцу.

У муисков было множество храмов в больших и малых селениях, вдоль дорог, на берегах рек, озер, на священных холмах. Это были обычные дома или хижины. Пол был покрыт мягкой плетеной и уставлен скамейками. На них лежали различные фигуры из золота, меди, дерева, глины, из нитей хлопчатника и воска, изображавшие богов. Эти фигуры мы приносили всегда парами — женский идол вместе с мужским, и служили они символами плодородия. Дворцы правителей и ворота храмов соединяли ровные дороги с валами по обеим сторонам.

Жрецы «ехчки», или, как называли их христиане, «хеке», считались людьми святыми и непорочными. Сан жреца переходил по материнской линии от дяди к племяннику, сыну его старшей сестры. Хеке — высшие жрецы — молились за целые племена и народы. Каждая община выделяла лучшие земли, чтобы кормить жреца, женскую прислугу и всех его помощников. Ведь не могли жрецы марать себя простой земной работой, так как они разговаривали с великими богами.

В особых зданиях при храмах — «кука» помещались маленькие мальчики — будущие жрецы. Жили они в строгом уединении, вдали от людских глаз, не зная мирских забот. И потчевали их только кашей, из кукурузной муки без всякой соли. Впрочем, иногда им разрешалось подобрать какую-либо птицу или выловить рыбу из ручья. Старые жрецы наставляли их обрядам и церемониям, толковали им о верованиях, старинных преданиях, учили исчислять время, лечить недуги, беседовать с богами, произносить магические слова-заклинания.

Когда юноше-жрецу исполнялось 16 лет, ему прокалывали нос и уши и вставляли в них серьги и кольца из золота. Потом его вели к ближайшей протоке, где он омывал тело и наряжался в новые плащи. Оттуда он следовал со своей свитой в дом правителя, который возводил его в сан хеке, передавая ему право управлять божественными делами на своей земле. Это событие отмечалось как большой праздник, ибо все считали, что молодой жрец, полный сил и способностей, принесет удачу людям, вымолив ее у богов.

Жрец был обречен на безбрачие, иначе он лишался своего сана. Мы полагали, что святой человек, советчик людей в серьезных делах, приносящий жертвы богам, не должен предаваться похоти. Обычно жрец на людях говорил редко и мало, часто постился, подвергал свое тело истязаниям, теряя при этом много крови. Сон его был краток. Большую часть ночи он проводил, молясь богам и жуя листья коки.

И говорили нам жрецы, что души после смерти покидают тело, спускаются под землю оврагами с желтой и черной глиной, а затем переправляются через большую реку на лодках из паутины. Вот почему индейцы никогда не убивали пауков, чтобы не иссякла паутина на земле, и чтобы легок был путь в иную жизнь, к месту, где все пьют, пляшут и веселятся.

Все, о чем я рассказываю, знали и видели многие католики. И часто они смеялись над нами, называя нас невеждами и скудоумами. Однако то же самое я мог бы сказать и о них. Ибо многие их заблуждения сродни нашим. Так, католики считали слюну целебной; верили, что наилучшее лекарство от всех болезней делается из крови змеи с добавлением еще семидесяти трех разных разностей. Я видел сам, как они пытались исцелиться порошком из высушенных глаз раков. Испанцы считали, что можно избавиться от конвульсий, если посадить паука в мешок, и от лихорадки, если повесить на шею цепочку кораллов. Тот же, кто окутает шею волосами индейской женщины, спасется от ревматизма. Змея же, положенная на плечи, будто бы излечивает зоб. И многое другое вспоминается мне, из чего заключаю я, что каждый народ заблуждается по-своему.

Так что много богов повелевало муисками, и потому великое множество больших и малых жрецов служило им в храмах, не зная покоя ни днем, ни ночью. Но были у муисков и такие боги, которых они делали собственными руками. Эти идолы были небольшие — у кого из золота, а если индеец был победнее, то и из глины или дерева, с отверстием в животе, в которое вкладывались золото и изумруды. Индейцы настолько почитали этих идолов, что всегда носили их с собой — и в поле, и на рынок, и на войну в небольшой плетеной корзинке под левой рукой. Особенно набожным были подданные саке. Рассказывали мне, что в пылу сражений с испанцами воины саке частенько роняли свои священные корзинки. Удивленные испанцы поднимали смешных божков, чтобы лучше рассмотреть их. Индейцы же прекращали бой, полагая, что пришельцы отбирают идолов, чтобы молиться им. Из-за этой неосторожности многие индейцы погибали.

Да, набожным и богобоязненным слыл народ муисков. Мы не только носили с собой своих богов, чтобы ни на минуту не расставаться с ними, но и повсюду видели их, куда бы ни падал взгляд. И казалось индейцам, что вся природа населена духами, требующими, чтобы их почитали. И поклонялись мы озерам и протокам, горам и скалам, если была у них причудливая форма. Особенность, которую они имели, казалась нам достойной почитания.

Но более всего на свете муиски почитали воду, живительную воду, сестру радости и дарительницу жизни. Во всякой воде таился для нас сокровенный смысл, ибо приносилась она в жертву великим божествам, озерная же гладь почиталась превыше всего.

Богата озерами земля муисков. Куда ни взгляни, тут и там в распадах между горами, на вершинах холмов голубеют большие

и малые озера. И каждое из них — это слеза прекрасной Чии, грустящей по ночам о своем блистательном солнечном супруге. У каждого племени муисков было свое священное озеро. На севере славилось озеро Фукене, и было оно обиталищем бога Фу. На маленьких островках, рассеянных по водной глади, в святилищах жили жрецы. Множество паломников сходилось на берега Фукене, чтобы принести свои жертвы хозяину воды. На юге знаменита была лагуна Эбаке. Большое озеро Суэска почитали жившие окрест индейцы. Озеро Тота привлекало всех своей красотой. Но самым известным считалось озеро Гуатавита, все признавали могущество женщины-змеи Фуратены, поселившейся в чудесных водах этого озера. И так велика была слава озер у муисков, что неустанно тянулись они к их берегам.

Раз в три года в феврале — марте наступал великий день — «суна кухума», день «великой дороги», начиналось паломничество к священным озерам. И соединялись все муиски в братскую семью и забывали они о старых распрях и кровных обидах. И боги, видя это, также радовались и переставали строить козни друг другу. Всякая вражда и боевые действия прекращались на срок паломничества. Подданные сипы и саке, их союзники и соседи становились участниками праздничного шествия, и длилось оно целых 20 дней. Жители севера начинали паломничество с озера Фукене, а жители юга — с Эбаке.

«Долина замков» приходила в движение. Везде толпились люди в праздничном убранстве, одни встречались с другими, одаривая друг друга богатыми подарками. Встречи превращались в веселые праздники, желтая сапкуа лилась рекой, и забывали индейцы о строгих предписаниях, которых они придерживались в обычное время. Да, в эти дни боги сквозь пальцы смотрели на нарушения древних запретов. А сколько драгоценных даров бросали ликующие паломники в озерные воды! Сколько лакомств скармливали они рыбам, обитавшим в священных водах, которые ходили там огромными косяками! Однако ловить рыбу запрещалось под страхом смерти. И старались все перешеголять друг друга, чтобы завоевать милость богов и привлечь их на свою сторону. И говорили мне старики, что священные воды с такой радостью принимали в свое лоно людские дары, что обычно спокойная и гладкая их поверхность покрывалась волнами. И чем выше были волны, тем лучше билось сердца людей, ибо значило это, что боги довольны. А когда боги довольны — и человек счастлив.

Но было еще одно, что любили наблюдать наши могущественные боги, — священные бега. Муиски считали, что в беге человек набирается мужества и силы, уподобляется птицам небесным, ближайшим помощникам богов. Один из богов, по имени Чакен, что значило «бегущий», больше всего любил бегать с нами по священным холмам и дорогам, помогая самым выносливым. И мы всегда знали, что рядом с тем, кто первым поднимался на священную вершину, всегда стоял легконогий Чакен.

Так преданы были муиски этому искусству, что обучали ему своих детей с самого нежного возраста, чтобы, возмужав, могли они сравниться с самими богами. Священные бега устраивались на всех празднествах — строили ли новый дом правителю, радовались ли хорошему урожаю, поклонялись ли озерам. Если паломники обнаруживали близ озер святые холмы и пещеры, к ним тоже совершались бега.

Обычно состязались мужчины и девушки группами по шесть человек. Сам правитель намечал круг, которым должны были следовать бегуны. Первого, кто достигал священной вершины, премировали золотой короной, которую он получал право надевать на религиозных церемониях и в битвах. И приносила она ему славу и удачу. Индейцы верили, что войско, в котором сражаются прославленные бегуны, не знает поражения. Ибо бегуны были любимцами и избранниками богов. Девушек награждали плащами. Та, которая прибегала первой, получала шесть плащей, вторая — пять, последняя — только один. Победительница получала право носить свои плащи так, чтобы края их подметали за ней землю. И все расступались перед ней, потому что такие женщины считались между нами отмеченными божьей благодатью. Борьба часто была столь ожесточенной, что многие участники умирали, ведь им приходилось пробегать одну-две, а порой и четыре лиги* и при этом без остановки. И бежали они так легко и стремительно, что со стороны казалось, будто они парят над землей. Всех умерших во время священных бегов, а также жертв чересчур обильных возлияний (многих убивала желтая сапкава) как «святых мучеников» хоронили в пещерах, которые с тех пор становились священными. Покойникам жертвовали плащи, золото, изумруды.

Так проходили 19 дней «великой дороги». Наступал и день двадцатый, самый торжественный. Простые индейцы отправлялись к своим потухшим очагам. Все достойные, от глав маленьких общин до великих вождей и знатных воинов, собирались на священных берегах озера Гуатавиты. Великая змея, которая предвещала голод и болезни людей и смерть правителей, призывала к себе самых лучших своих сыновей, чтобы принять от них жертвенные дары.

День и ночь жгли благовония в огромных жаровнях у самой воды. День и ночь поднимались к небу дымки от курящегося моке, запах которого был так угоден богам. Рано утром на озере появлялись большие плоты. На них плыли жрецы и с молитвами бросали на дно богатые приношения. Каждый из них просил покровительства у женщины-змеи, исполняя пожелания простых людей. Сверкающие изумруды, дорогие бусы и ожерелья, золотые короны медленно и бесшумно исчезали в глубинах озера. Некоторым казалось, будто они слышали, как со стуком распахивались ворота подводного дворца. Это выходила из них прекрасная Фуратена,

* Лига — испанская мера длины, равная 5572 метрам.

чтобы полюбоваться на сокровища, которые посылали ей люди. После окончания церемонии начинался трехдневный праздник, которым и заканчивалось паломничество.

Но бывали и другие случаи, когда тот или иной правитель, каждый на своем священном озере, приносил положенные жертвы. Так поступали все властители, если была у них нужда в заступничестве хозяина заветных вод. Только простые индейцы не могли заплывать в эти озера, и они кидали свои приношения прямо с берега, стоя к озеру спиной, ибо опасна была для глаз непосвященных озерная гладь.

Вот почему и в моей земле было принято время от времени нарушать благоговейную тишину озера Гуатавиты. По несколько раз в году мои предки вверяли себя легкой, зыбкой бальсе, чтобы с ее помощью добраться до середины священных вод и попросить Фуратену о будущем, ниспослать ей мольбу о богатом урожае, испросить избавления от тяжкого недуга. И так велики были доброта и щедрость женщины в облике змеи, что все наши просьбы она выполняла. И год от года земля ее сыновей и дочерей становилась богаче и обильнее, и росла ее слава у близких и далеких наших соседей.

Давно не принимает жертв прохладное лоно озера Гуатавиты. Когда я покинул свое суровое обиталище, где жил в заточении, долины и горы уже не принадлежали муискам. Мои подданные гуатавитяне были или убиты, или раздарены новым хозяевам. Погиб мой великий предок Парящий орел, и никто не знал, где он захоронил наши сокровища. И хотя я стал правителем, но не мог совершить священного омовения. Однако нельзя было нарушить древний обычай. В ночь перед избранием тихо выплыл я на середину озера. Не было на мне золотого покрыва и не стояли на плоту блюда с богатыми приношениями. И воззвал я к великой Фуратене, чтобы благословила она меня править моим поверженным народом. Но не ответила мне женщина-змея. Покинула свою обитель всемогущая Фуратена. Не могла пережить она горькие страдания своих сыновей и дочерей. Осквернен и опозорен был ее дом. И видели люди, как однажды нечто огромное и темное вынырнуло из озерных вод. И были это извивающиеся кольца огромной змеи. Быстро поплыла она к берегу и вышла на отмель молодой и прекрасной женщиной. Печально было ее лицо, из глаз струились слезы. Последний раз взглянула она на встревоженные волны и обратилась в камень. Из-под тяжелого его основания вскоре забил звонкий ручей.

Стали приходить к этому камню индейцы, веря, что в нем омертвела Фуратена, бывшая владычица озера. И омывали они лицо ее слезами, чтобы отогнать все несчастья. А еще говорят, что сторожит каменная владычица сокровища подводного дворца. Нет числа этим богатствам. Сам же дворец покоится на золотых сваях, золотые столбы сияют в ограде, золотые щиты и пластины свешиваются с ворот и тихо звенят при движении волн. Змеятся дорож-

ки, выложенные изумрудами, золотыми песчинками вытканы узоры на стенах покоев. А в главном зале на помосте лежат золотые покровы правителей из рода Орлов, всех тех, кого благословляла Фуратена править своим народом. Вот какие драгоценности охраняет от глаз людей хозяйка озера, навечно обратившаяся в береговой камень.

Жадные испанцы давно замыслили добраться до священных недр озера. Первым за это недостойное дело взялся капитан Ласаро Фонте, самый отчаянный воин в отряде генерала Кесады. Как только уехал Кесада в Испанию, Ласаро согнал окрестных индейцев и принялся рыть канаву на берегу озера. Но работа не ладилась. Кто-то по ночам засыпал все то, что землекопы прокладывали за день. Так и отказался испанец от своей затеи.

Но вскоре нашелся другой стяжатель — недостойный брат генерала Кесады Эрнан. Всем была известна его жадность до золота. Собрал он своих рабов-индейцев и под страхом смерти заставил их рыть многие рвы и канавы. Хотел он понизить воды озера. Ему удалось достать несколько золотых рыб и птиц, и эта добыча стоила 4 тысячи песо. Однако важные дела вынудили его покинуть озеро, и больше он туда не возвращался. Потом, говорят, его убило небесным огнем, и была это месть великой женщины-змеи.

Но судьба этих нечестивых католиков не стала уроком для других. И вот недавно объявился некто Антонио Сепульведа. Много дней ходил он по берегу, что-то высматривая и высчитывая. Говорят, он подписал договор с самим испанским королем Филиппом II, и король дозволил ему осушить озеро Гуатавиту. И действительно, согнал испанец множество людей, и принялись они рыть огромную канаву. Вскоре ее заполнили озерные воды. И обнажились прибрежные скалы, дотоле скрытые от глаз людских. Сперва Сепульведа выловил старые башмаки. И все смеялись над ним. Потом в водорослях стали попадаться золотые змейки, орлы, бусы и ожерелья. Всего Сепульведа достал золота на 12 тысяч песо. А однажды сеть принесла маленькую сумку с большим изумрудом. Возликовал испанец и решил провести второй канал, чтобы забраться ещё глубже. Но не хватило у него денег на эту работу. И сколько он потом ни копил, сколько ни сквалыжничал, а не по карману оказалась ему эта затея. Так и умер он в нищете, всеми забытый. И снова свершилась воля хозяйки сокровищ владычицы Фуратены.

Как только испанцам стало известно, что были у нас и другие священные озера, принялись они рыскать по их берегам в надежде на легкую добычу. Не всем прошло это даром. Некто Карриага целыми днями нырял в воды Эбаке, сделав себе плот из надутых оленьих шкур. И однажды озеро выбросило его наверх посиневшего, с пустыми глазницами. И говорили индейцы, что хозяин озера взял душу, а тело послал людям в назидание охотникам за индейскими сокровищами. И с тех пор перестали испанцы тревожить озеро, опасаясь злой гибели.

На этом кончаю я свое повествование о народе муисков. Такова была его история. И да не забудут ее наши дети и дети наших детей! Пусть знают они свое начало, свои корни и пусть чтут своих славных предков. Об одном жалею я, что не передам моему племяннику и наследнику Диегито священной тотумы, полной золотого песка, дабы мог он совершить желанное омовение. Прервались наши традиции...

Силы изменяют мне. Большой паук уже выткал свою волшебную пелену в углу моего дома. Пора готовиться в далекий путь, в другую жизнь. Демон смерти Гуахайоке призывает старого индейца. Меня похоронят по христианскому обычаю, предадут мое тело бренной земле без украшений, жен и верных слуг. Не возложат на веки мои изумруды, чтобы светили они мне в дальней дороге. Но не даром я кормил паука его любимыми яствами. Будет душа моя плыть в паутинном челне. Он доставит меня в край, где я снова стану тем, кем был в далекие времена, и воссоединюсь с моими предками.

Я, дон Хуан де Гуатавита, говорю всем — оставайтесь, я ухожу в страну вечной радости. Все, что поведал я, — чистая правда, и пусть страшный гнев богов обрушится на тех, кто добавит к моей повести хоть одно слово лжи.

* * *

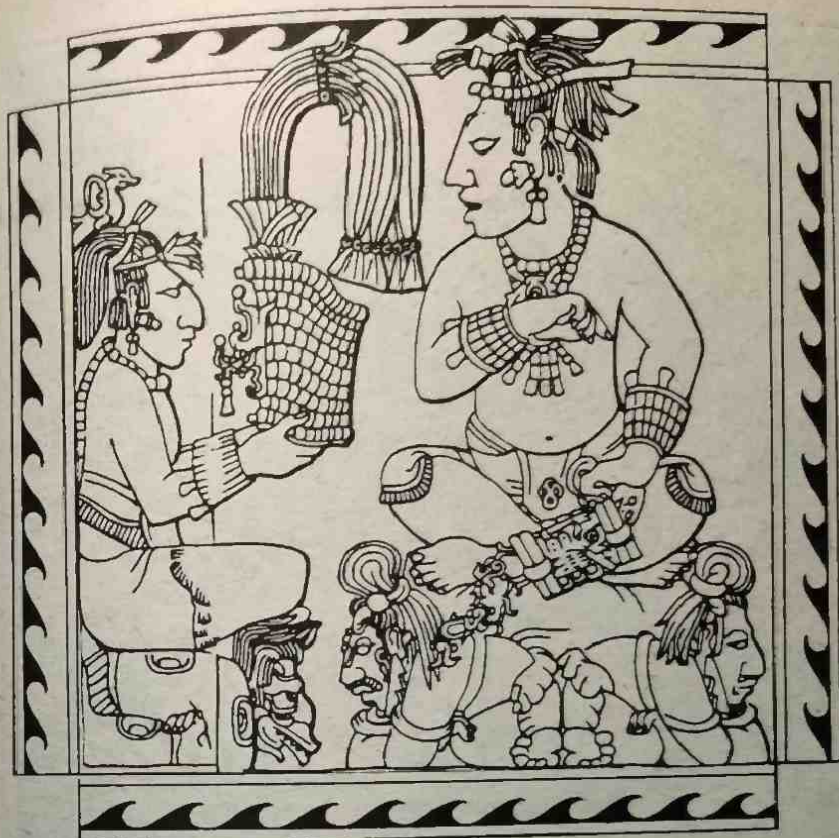
Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скормливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

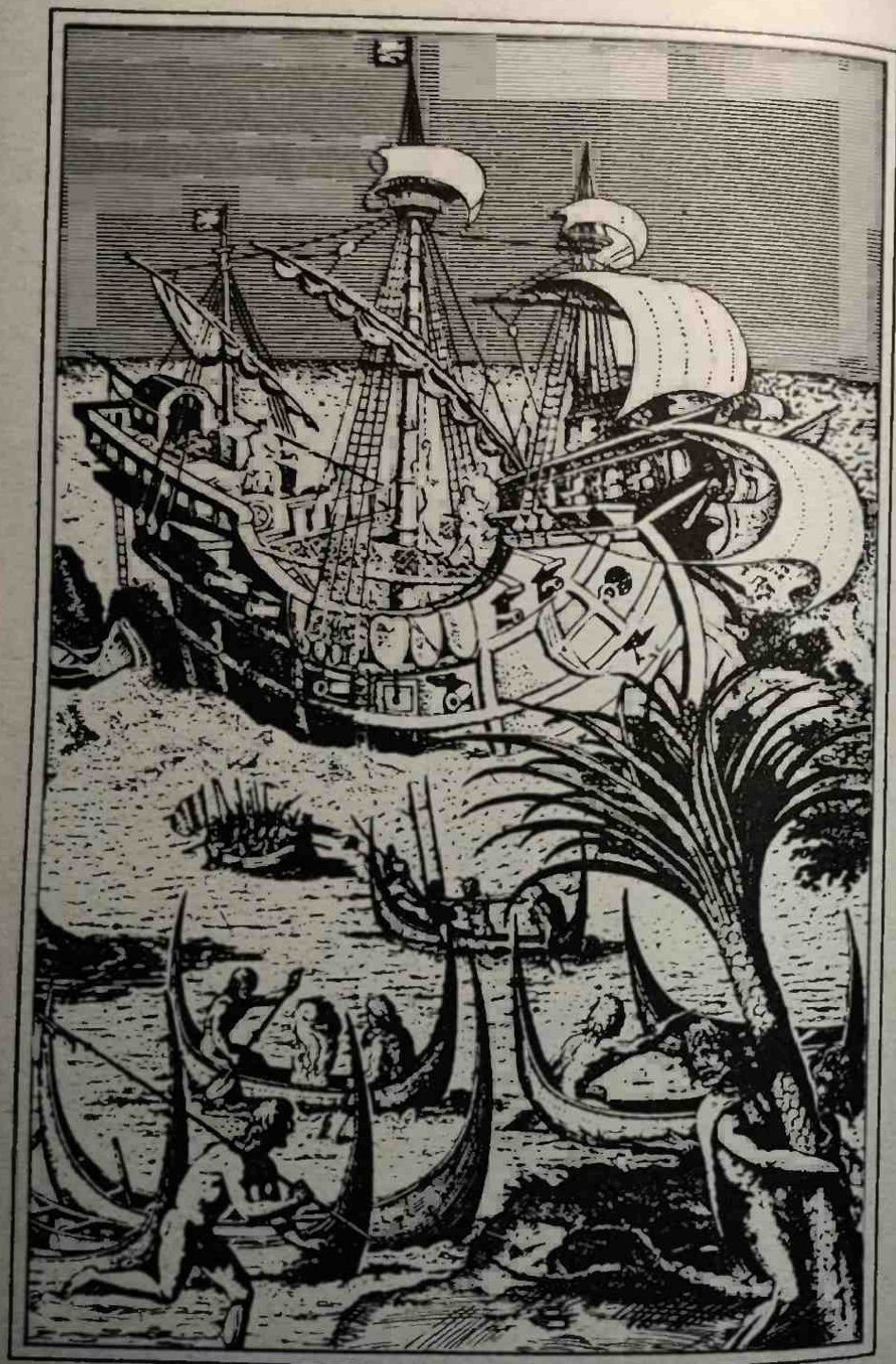
Я разве только я? Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем Ты создал мир и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

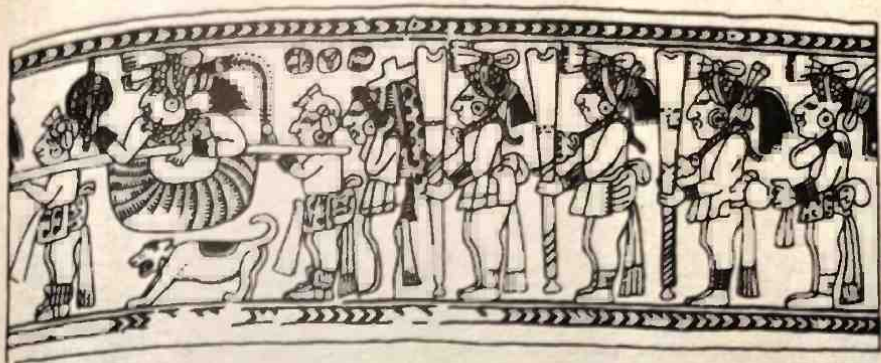
Н. А. Заболоцкий

ДЕТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Фридрих Ратцель

РЕЛИГИЯ И ЖРЕЦЫ АМЕРИКАНЦЕВ

«Повсюду в Америке туземцу свойственно было чувство сверхъестественного. Ему известно было, что невидимые, но могущественные силы действуют вокруг него, имея возможность приносить ему по своему желанию пользу или вред. В каждой груди там находился жертвенник «неизвестного божества».

Д. Г. Бринтон.

Ни один народ Америки не лишен религии. Мы находим у них веру в одного или в несколько высших существ и во множество низших духов, сказания о творении и представления о загробном мире. Идея об Едином Боге смутно носится над поклонением небу или солнцу. Выражения нагуасов вроде «бесконечный», «всемогущий», «душа мира», «творец всего» выказывают по крайней мере предугадывания, ищущие выражения. Но масса не поднималась до такой высоты. Она сводила великих духов творения и мирового порядка к бессмысленным животным образам и низменному антропоморфизму. Здесь миссионерам пришлось испытывать величайшие трудности, отыскивая выражения для нашего понятия «Бог». Там, где можно найти достаточно отвлеченное понятие, оно покрывается лишь словом «душа», «дух», «тень» или просто «чудесный». Но все это обнимает лишь наше понятие «сверхъестественный». Алгонкины словом «Атагокан» обозначали, быть может, высшего, но бездеятельного, далекого от мира творца, которому не воздавалось никакого поклонения. Их выражение «Маниту» обозначает, во всяком случае, не «Великого духа», а нечто таинственное и непонятное. Маниту — бесчисленные души неизвестного

* Фридрих Ратцель — немецкий путешественник и географ. Главы «Религия и жрецы американцев» и «Религия океанийцев» перепечатываются из его книги «Народоведение», СПб, 1903.

происхождения, населяющие всю природу и относящиеся к человеку то враждебно, то доброжелательно. Так же мало что выражает собою слово «вакан», что на языке дакотов означает лишь нечто непонятное. Индейское понятие о божестве лишь тогда выступает из сферы чего-то смутного, когда оно имеет отношение к космогонии. Тогда оно сгущается в единственное представление личного творца мира. Высшее божество создало солнце, луну и звезды. Из всех богов к нему ближе всех солнце: свет, жизнь и дух не различались строго между собою. Целью первого творения было приобретение помощников. Созданные живые существа вышли из воды или из пещер. Верованье, будто когда-нибудь люди света придут, чтобы заявить свои права на землю, созданную богом света перед возвращением его на небо, содействовало столь быстрому распространению власти белых завоевателей в XVI в. При этом так же, как в Африке и Австралии, их почитали и боялись как духов умерших.

Почти все американцы поклонялись солнцу, за исключением эскимосов и северных атабасков. Культ солнца здесь, как и повсюду, оканчивается, по-видимому, на границе земледелия. Около света, солнца, солнечной птицы и т. п. вращаются все великие идеи американской мифологии и с особенною любовью направляются к востоку. В Перу гелиолатрия из политических видов получила единственную в своем роде организацию. Мы должны согласиться с мнением Бринтона, что солнце то считалось одним из божеств, то их символом или формой, то самим высшим божеством. Но при этом следует заметить, что во многих языках небо и солнце обозначаются одним и тем же словом. И в других местах поклонение воздается больше свету, чем образу солнца. Солнцу в хижине начальника приносились в жертву первые плоды земледелия, охоты и войны. Ему воссылались молитвы, когда оно восходило. Клятвы, произнесенные во имя его, считались самыми священными. Благословение его испрашивалось для дальнего пути, войны, охоты. В жертву ему предназначался первый дым трубки. У натчезов название начальника и жреца было «великое солнце», он никого не признавал выше себя, кроме солнца, и утверждал, что происходит от него. Даже у сиусов, отличавшихся от натчезов во многих отношениях, и у других племен к западу от Миссисипи были в обычае жертвы и воскуриванья в честь солнца. Солнце, луна и звезды пользовались почитанием у поэблосов, навахов, суньисов и родственных им племен, правда, не так, как боги (именно они смутно предугадывали невидимого высшего Бога), но как носители плодородия и всевозможных благ. «Съиздавна», «перед началом света» — говорили гвателматеки. В виде «основной догмы» алеутских верований указывается поклонение солнцу и луне. Брат и сестра вспыхнули взаимной любовью, были разлучены и с тех пор отыскивают друг друга. Солнце преследовалось братом и сделало лицо его черным, чтобы опять найти его днем: таково происхождение пятен на луне. Высокоразвитый солнечный культ в Перу, ко-

торый на своей родине по временам успешно боролся против преобладания бесчисленных деревенских и родовых идолов (гаука), светил даже и в тени первобытных лесов Гваяны. В Дарьене солнце считалось творцом мира. У чибчасов одному лишь солнечному богу приносились человеческие жертвы.

Луна почиталась здесь как богиня воды и дождей, а поэтому как богиня плодородия полей, рождающих и новорожденных. Она также и богиня ночи, не приносящая ничего доброго. От нее исходят яды, болезни и дурные сны. Во всех представлениях, где злой дух противопоставляется доброму, основой чаще всего служит отношение луны к солнцу или, правильнее, ночи к дню. Здесь часто выражается и древняя связь богини плодородия с темным духом подземного мира. Отсюда исходит предостережение — во время созревания плодов не оглядываться в поле и не тревожить это опасное двойственное существо. В религиозных обрядах ацтеков жрецами богини луны были прокаженные. Пустыня направляет взор с надеждою или признательностью к облакам. Поэтому в пуэбло-сах и *casas grandes* мы находим почитание воды, так же, как в Мексике или в Перу, подобно тому, как облака почитались в Иране. Там, где влажность для произрастания полевых плодов нужнее, чем тепло, в особенности в Мексике, луна в качестве водяной богини пользовалась особым почитанием при празднествах сева и жатвы. Гумилья рассказывает об одном племени на Ориноко, которое при лунном затмении прилежнее, чем когда-либо, работало мотыгой, так как богиня луны прячет свой лик, гневаясь на людей за их леность.

Неохотно выпускает вода землю из своих недр. Ежедневно она проглатывает солнце и другие светила. В виде змеи она противится творческой силе огня и солнца. Она является в форме большой собаки, проглатывающей солнце во время затмений. На всем протяжении Америки от эскимосов до туписов во время солнечного затмения били собак, чтобы они своим визгом напугали большую собаку. Собак приносили в жертву бурному морю, а некоторые народы поклонялись их изображениям. В бури с грозой и громом слышали шум могучих крыльев, голос Великого духа, призывный крик приближающегося лета, обещание плодородия, бой барабана рогатого исполнина Гаохаха. Огонь молнии считался священным. Перуанцы в громовых камнях, окрашенных красной краской, почитали детей громового бога, а дакоты — своих предков. Камни странной формы принимались за громовые стрелы. Конкреции необычной формы и цвета, особенно если их находили в воде, в «источнике жизни», индейцы считали священными. Бразильские туписы видели в молнии сверкание глаз, а в громе — звук голоса птицы, которая была некогда высшим божеством и творцом и в образе человека принесла огонь и полевые плоды и теперь сводит с неба плодородие. Перуанский громовой бог Апокатекиль призвал людей к жизни, переверотив землю золотою лопатой. Его окружали три помощника — молния, след молнии и удар молнии,

у него было оружие трех родов — молния, громовая стрела и громовой раскат. На облаках ездит Гено ирокезов, бог грома и плодородия.

Гарсиласо де ла Вега сохранил следующий гимн грому:

Прекрасная владычица,	Посылаешь дождь,
Смотри, твой брат	Снег и град.
Разбил чашу	Виракоча,
Всю в осколки.	Основатель мира,
Его удары	Оживитель мира,
Рождают молнии,	К этому делу
Глухие громы.	Тебя предназначил.
И ты, царица,	Тебя создал».
Создаешь воду,	

В положении ветров, в процессах творения, происходящих из совпадения дыхания (души) и дуновения, выступает священное значение числа четырех стран света и вообще усиление астрономическо-метеорологического элемента. Виннебаги рассказывают о своем Великом духе, что он создал четырех мужчин и одну женщину, из которых первые создали четыре ветра, а последняя — землю. Повсюду они принадлежат к благодетельным творческим

духам, иногда по возрасту они бывают даже старше солнца, луны и звезд. Так же, как солнцу, четырем странам света приносится в жертву табак из «священной» трубки. Ветры почитаются наряду с луною, как вестники солнца, приносящие дождь, произрастание растений и прохладу. Далее мы встречаем четырех слуг мексиканского воздушного и солнечного бога, четырех держателей земли, переживших потоп, четырех углов мира, четырех братьев аравакской саги, произведших потоп и т. д. Отсюда развилось общее представление о священности числа четырех и его кратных. Отсюда произошел и крест на американских памятниках.

Помощником творца, который, подобно Прометею, принимает на себя заботу о человеческом роде, бывает то само солнце, то сын или внук месяца. Близнецы Иоскега и Тавискара, «светлый» и «темный», бабкой которых была луна и мать которых умерла, дав им жизнь, вступили между собою в единоборство, причем

Маска ветра (племени тупа-кана, Южная Америка).

оружием одного из них были рога оленя, а другого — шиповник. Второй из них был тяжело ранен и, спасаясь бегством, ронял при каждом шаге струю крови, которая превращалась в кремни. А победитель вернулся к своей бабке, которая стала с тех пор темным злым божеством и построила себе хижину на восходе солнца, на краю моря. Он сделался со временем отцом людей и в особенности гуронов. Он сделал пустую землю пригодной для обитания, умертвив исполинскую лягушку, которая проглатывала всю воду. Он вывел воду на землю, создал дичь и полевые плоды и дал людям огонь. Поэтому Иоскере приносились жертвы и часто он просто назывался солнцем.

Принесение огня, по-видимому, олицетворялось более на западе и северо-западе, чем на востоке и юге, где солнце стояло на первом плане. Сперва род пауков соткал веревку, чтобы добежать до луны, но там он был задержан и должен был уступить первенство роду змей, который по этой веревке взобрался на луну и достал оттуда горящую головню. В качестве Прометея у шастиков признавался волк, добывший блестящий камень на востоке, а мендосины держались безличного воззрения, будто бог послал огонь в виде молнии в дерево, откуда его можно вызвать посредством трения. Нам напоминает легенду о Мауи адский бог чилотов, добывающий огонь трением и окруженный целым штатом «хунчесов», которые не только прыгают сами на одной ноге, но и выламывают ноги красивым мальчикам, которых поймают.

Функции Прометея скрываются и в некоторых чертах сказаний о любимых героях, очевидно, занимающих переходное положение между небом и землей. Менабушо, герой алгонкинов, окрашивает голову дятла в красный цвет из признательности за то, что эта птица посоветовала ему направить стрелу в шейный позвонок неуязвимого начальника Жемчужное Перо. Менабушо, с одной стороны индеец, как и все другие испытывает то нужду, то изобилие, имеет друзей и врагов, женится, охотится, ловит рыбу, а с другой стороны он может оборачиваться в любое животное и владеть могучими волшебными средствами, с помощью которых ему удалось очистить землю от великанов и змей. Но когда алгонкин в светлые дни индейского лета говорит, что Менабушо закурил опять свою трубку, то этим он обнаруживает его космический характер. Действительно, Менабушо выступает в качестве внука луны и сына западного ветра. Сумерки — его мать, умирающая вскоре после его рождения. Сам герой — утро, и его борьба с отцом есть часто прославлявшаяся битва между днем и ночью.

Вечный огонь до прибытия европейцев поддерживался у многих племен Америки в честь солнца. В Виргинии в нем жгли табак для услаждения духов. Табак и в других местах заменял благовонные курения. Суньисы и в настоящее время не съедают ничего, не бросив кусочка в огонь с просьбой съесть эту жертву. Угасание огня было дурным предзнаменованием. Угасший огонь можно было разжечь только огнем из другого храма. Его поддерживали обычно в хижине, заключавшей в себе кости умерших вождей. Особые

стражи должны были питать его. Даже и там, где его не поддерживали постоянно, жертва в виде огня была наиболее употребительной. У многих племен на празднике первых плодов огонь везде гасили и зажигали новый посредством трения. У суньисов это делалось на каждом празднестве.

Помимо неизбежного искажения при устном предании свобода творчества нигде не проявляется так слабо и основных идей нигде не придерживаются так строго, как в истории творения. Сравнивая космогонии с более глубокой исторической точки зрения, мы видим в них мировой миф, наполненный духом всего человечества. Нет ни одной черты полинезийской мифологии, которая не проявлялась бы в Америке, и изменения, замечаемые здесь, сравнительно незначительны.

Прежде всего, положение высшего божества определяется его творческой деятельностью. Часто мы замечаем видимость монотеизма и там, где утрачено уже всякое воспоминание о высшем духе. Но это творческое божество нередко настолько приобретает человеческий характер, что оно сливается с родоначальником народа, который предполагает, что земля создана именно для него и поэтому в творце видит первого человека своего племени. Первый пимас был создан из нерва, который бог-творец выдернул из своей шеи.

Из трех элементов творения, земли, воды и огня, вода стоит выше всех. Земля только остров, небо и солнце существовали еще раньше, и солнце приносит с неба или с его разрешения огонь на остров — землю. Сказание о творении заячьих индейцев рассказывает: отец живет в зените, мать — в надире, сын снует по небу взад и вперед между ними. Во время одного из таких странствий он замечает землю. Вернувшись к отцу, он поет ему: «О, мой отец в вышине, зажги твой небесный огонь, потому что на этом маленьком острове (земле) мои братья давно уже несчастливы. Взгляни на них, отец мой, сжался над людьми».

Творец мира у северо-западных американцев — ворон Ельх или Ешль, главная фигура мифов, полных глубокого значения. Его человеческий характер замечен и в птичьем образе. Божественный ворон родился тогда, когда земли еще не было, но другой бог, Кханух, был еще раньше. Огонь достал он с острова на море. Огонь произошел оттого, что искры падали на камень и дерево. С острова Кханука он принес пресную воду в своем клюве. По другим сказаниям, он в самых удивительных приключениях перехитрил завистливого бога, который хранил в ящике солнце, луну и звезды. Когда Ельх еще во время господства тьмы родился от сестры этого бога, и этот последний, предупрежденный вещими птицами, бросил его в море, дельфин принес огорченной матери камень. Она проглотила его, и Ельх опять появился на свет и поднялся вверх в виде журавля, чтобы долететь до неба и навсегда остаться там (в виде солнца?). В третьей легенде ревнивый бог следит сам за своей дочерью. Но Ельх превращается в маленький травяной сте-

белек и, прильнув к сосуду для питья, проглатывается дочерью, чтобы возродиться опять. Благодаря ему из ящика с небесными телами звезды взлетают на небо, а луну и солнце ворон выносит сам. Или он выносит в виде ворона солнце и спрашивает, слыша под собою голоса, должен ли быть свет. Когда солнце неожиданно засияло на небе, недоверчивые люди превратились в зверей, разбежавшись в испуге в горы, в леса и в воды. В другом варианте ревнивый бог становится первым человеком, который также убивает детей своей сестры. Рядом с Ельхом мы видим его сестру, «женщину под землею», как называют ее тлинкиты, которая при большом потоке разлучается с братом и спускается в кратер вулкана Эджкомб, чтобы поддерживать подпорки, на которых покоится земля. По объяснению конягов, разлука произошла вследствие того, что сестра поела запретной травы, увидела свою наготу и убежала. Младший из детей ее, зачатых на небесной лестнице, остается в живых благодаря песенке, которую выучило дитя.

В виде противоположения и в то же время пополнения творческому божеству выступает темное начало, имеющее иногда дуалистическую форму — отца-мрака, рождающего сына-мрака. Чилуласы помещают в воздухе дьявола с рогами и крыльями, наделенного баснословной быстротою, могущего в один миг уничтожить человека. Это — бог бури, которому придан устрашающий характер, и подобие дьявола христианства, прежде вовсе не известного индейцам. И змея здесь первоначально не имела значения злого духа.

Название «человек» на индейских языках имело часто еще другое значение — земли или камня. Так, в легенде земля или глина является основным веществом человека, или он исходит из камня. Мексиканцы и тескоканы, алеуты и макасы на мысе Флеттери думают, что они произошли из кремней. Там, где творец человека выступает в виде зверя, в нем скрывается творческое божество, которое всего охотнее принимает образ волка или собаки. Ельх на северо-западе не сам создал людей, а ему помог в этом дух по его призыву. В другой мифе он советует спасшимся от потопа бросать камни позади себя; из них произошли люди. Регрессивное развитие мифа заставляет его самого родиться в виде сына первого человека, затем подниматься над водой потопа и перенестись на спине бобра на берег, где он находит вместе свою мать и ее брата и создает народ колошей. Около основных идей происхождения человеческого рода из земли сосредоточиваются различные легенды. Но и эти, второстепенные, по-видимому, сказания, имеют отношение к происхождению всего мира. Согласно легенде, манданы в первые времена жили под землею, куда свет проходил только через корни виноградной лозы. Некоторые из самых смелых влезли по ней, нашли в надземном мире в изобилии буйволов и плоды, нарвали виноградных гроздий и принесли их своим родственникам. Когда уже половина народа была наверху, лоза обломилась под тяжестью толстой женщины, и люди, оставшиеся внизу, оказа-

Индеец из Анагуака, Мексиканское плоскогорье (по фотографии).

лись лишенными света и надежды когда-либо выбраться оттуда. Подобные сказания мы встречаем и у бразильских лесных племен. У навахов путь прокладывает людям енот и гусеница или жук.

Сказания о переселениях отчасти при-
мыкают непосредственно к мифу о творении. Исполн Якке-Элтини чиппеве-
ев, который воло-
сами своей головы
ворочает небесный
свод, заграждает лю-
дям доступ в запад-
ную страну. Но когда
он был умерщвлен,
его труп очутился
между восточным и
западным миром и,
окаменев, превратил-
ся в мост, по которо-
му ходили олени. Ес-
ли бы мы таким ска-
заниям захотели при-
дать континенталь-
ный характер, то это
не соответствовало
бы их местному
горизонту. Заячьи
индейцы полагали,
что на востоке, за
морем, жил лысый
народ, колдуны кото-
рого могли превра-
щаться по ночам в
собак или волков.
Они носили деревян-
ные шлемы, чешуй-
чатый панцирь, щит
и копье. Сюда при-
мыкает легенда тин-

пехов, согласно которой на далеком северо-западе жил народ, мужчины которого были наполовину люди, наполовину собаки, а женщины имели вполне человеческий образ. В основе этой легенды, вероятно, лежали предания о смешении двух племен с тотемическими нравами.

Предания о разделении племен часто связываются с сотворением солнца или появлением первого света на темной земле. За долгое время до прибытия белых, на западо-юго-западе, появилась звезда и в ту сторону направились многие из народа тинне. Отсюда и произошло разделение. Монтаньи с небольшими и плохими стрелами распространились на юге, лучше с некрасивыми женами поместились к северу, настоящие люди тинне поселились в Скалистых горах.

Сказание о потопе мы встречаем и в Америке, где оно содержит все элементы мировой легенды. Орлы предостерегают людей, так как им видны собирающиеся грозовые тучи. У других народов голуби открыли первую землю, а у третьих человеческая чета спаслась на горе, которая росла по мере того, как прибывала вода. Один индеец услышал предостережение птицы койот, построил большой корабль и сделался родоначальником папайосов. Папайосы и в наше время верят, что провидец, спасшийся на корабле, был их предком, и ежегодно посещают гору и маленькую деревеньку Санта Роза в Аризоне; ни один папайос никогда не убьет койота. Замечательно, что и у инков потоп связывается с почитанием тотемообразных племенных святынь (гуака), гор, камней и деревьев, смотря по тому, на чем спаслась чета прародителей этого рода. Иначе сложилось сказание об алгонкинском герое Менабушо. Потоп настигает его в наказание за умерщвление змеиного царя, когда он бежал на высокую гору; он поднимается на дерево, вода настигает его, и он три раза вскрикивает: «Расти!» И каждый раз дерево становится выше, пока, наконец, вода не достигает ему до подбородка. Тогда заставляет он сперва камбалу, потом мускусную крысу приносить ему землю; обе вскоре всплывают на поверхность в виде трупов. Менабушо дуновением возвращает жизнь мускусной крысе, и она приносит ему в когтях землю, из которой герой заново создает земной мир с растениями и животными.

Идея, что вначале была лишь беспредельная вода, из которой чудесным образом поднялась земля, придает этим сказаниям высшее космогоническое значение, чем легендам, в которых потоп происходит уже после создания мира. Идея об участии птиц в происхождении земли имеет мировое распространение: это — ветры, дуновение которых действует творческим образом на воду. Рядом с буревестником мы видим крылатую змею молнии; грозовая туча получает здесь творческий характер. Рей де ла Куэва чилотов покидает свою пещеру, чтобы разъезжать на морской лошади по волнам или подниматься на свой призрачный корабль. Он может добыть огонь трением своего хвоста. По сказанию пимов, земля со-

здана пауком, который, будучи сам первым созданным существом, породил ее в своей паутине. В эту легенду перенесена сеть творения, которою мир был извлечен из первобытного моря. Быть может, отсюда исходит связь почитания рыболовной сети (с которой у гуронов ежегодно ради улучшения рыбной ловли обручались две девушки) с историей творения.

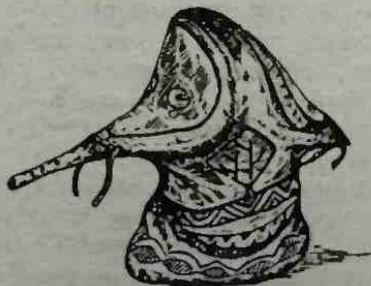
Когда предание становится устойчивее, а быть может также благодаря стремлению жрецов к разнообразию, место одного потоп заступает представление о мировых эпохах. Майясы считали в прошлом три эпохи, из которой две закончились моровой язвой, а одна бурей. Мир, в котором они жили, находился в четвертом периоде. Ацтеки признавали в прошлом четыре крушения, причинами которых были огонь, вода, буря и голод. Кроме того, у них через каждые 52 года тушились все огни и добывался новый трением дерева. Если бы это не удалось, солнце не взошло бы более, а все разрушающая вода распространилась бы по всему миру. Этого боялись и перуанцы при каждом солнечном затмении. О конце мира существовали предсказания, согласно которым нынешние виннебани думают, что будут жить только три поколения их; в связи с пророчеством о пришествии Мессии это еще недавно повело к политическим беспокойствам. П. Лисана сохранил нам следующее пророчество майясов:

«В конце времен, так предназначено,
Почитанию богов наступит конец,
И мир будет очищен огнем.
Счастлив будет тот, кто до этого доживет,
И, сокрушаясь о своих грехах, раньше оплачет их».

Второй потоп облегчает задачу антропологии, заставляя человеческий род погибнуть весь, за исключением одной пары или даже одного человека. Эти последние часто вновь создают мир; согласно верованию толовов души умерших превращались прежде в медведей, оленей и других лесных животных, и таким образом созданы были животные. Это представляет, без сомнения, своеобразную форму регресса творения. И Ману, первый человек браманов, оставшись один в живых, создает собственной силой новые поколения.

Маска тапира (племени тукана).

Маска клеща (племени тукана).

От животных заимствуются маски, которыми прикрываются высшие божества неба, солнце и его сыновья, носители огня, луна и водяные боги, заботящиеся о земном творении. Им приписывается связь со сверхчеловеческим; отсюда развилось ясновидение в Перу и Мексике, предсказывавшее на основании движений и голов животных. Многие странности в почитании животных объясняются тотемизмом, которым человеческие роды приводятся в близкое соотношение с животными и превращениями людей в животных, сказания о которых изменяются до бесконечности. Маска из северо-западной Америки, соединяющая черты человека и козули, относится к сказанию о происхождении этого животного из человека, намеревавшегося убить одного из божеств. Плоские камни из тамошнего аппарата шаманов изображают с одной стороны человека, а с другой рябчика, проглатывающего червяка. Птицы занимают при этом первое место. Поклонение медведю далеко проникает из Азии в Северную Америку и процветает всего более у эскимосов. До известной степени каждое охотничье животное считается священным. Многие «боги-животные» — не что иное, как фантастические олицетворения лесной дичи. Лишь по этой причине манданы могли почитать голову буйвола как высшее существо. Убив животное, там часто говорят длинные речи для оправдания себя и примирения с ним. Дакоты не любят, когда собаки гложут кости убитых животных из боязни, что души их могут не вернуться, и таким образом порода этих животных вымрет. Своеобразные представления о бессмертии и в Америке приводили к поклонению животным. Злые души ведут печальное существование в виде гремучих змей; души, не достигающие счастливых полей, переходят в животных и растения. Многие виды поклонения животным не так легко объяснить. Заячьи индейцы и луше почитают мускусного быка и полагают, что его помет делает неуязвимым; тиннехи Скалистых скал и индейцы «собачьи ребра» рассказывают то же самое о собаке. Волк создает вместе с луной землю и все живые существа или один вытаскивает их из бездны. Вера в змей по своему значению уступает только вере в птиц. Змею видали в реках, и поэтому она считалась водяным божеством; так как она меняла кожу, в ней видели символ возрождения. Здесь само собой обозначается сходство с молнией. Легенда о рогатых змеях рассказывалась у гурунов. К ней близко подходит

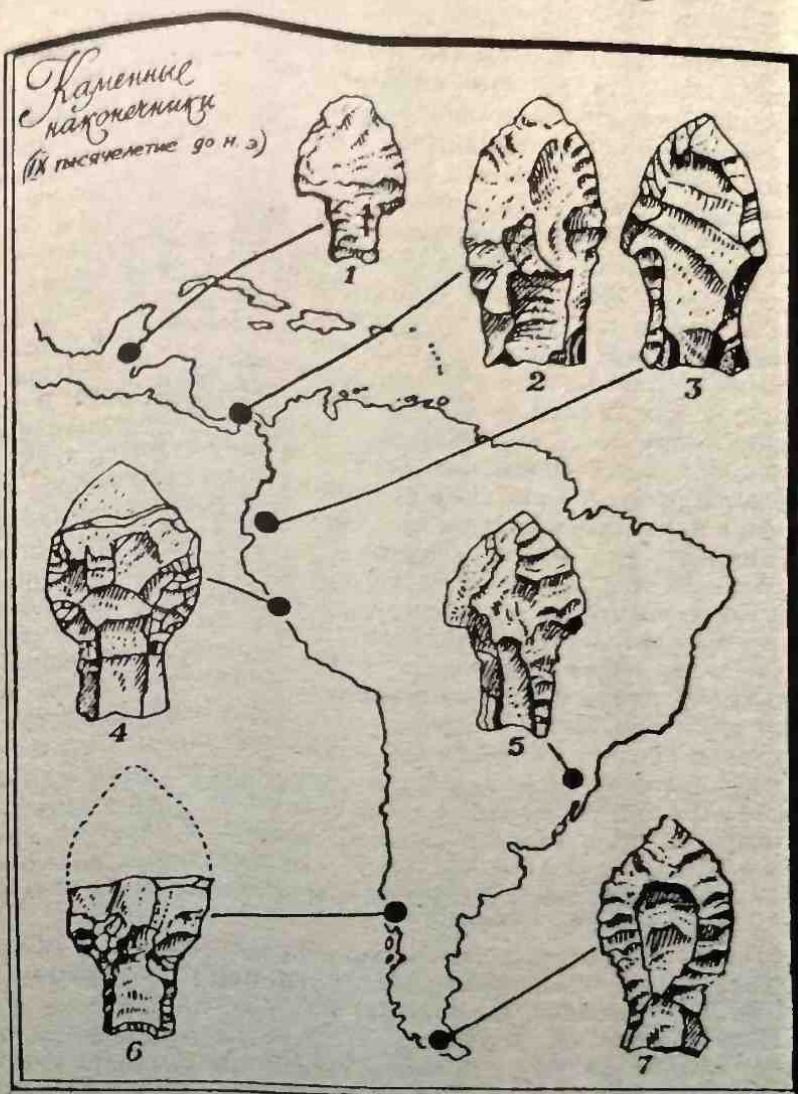
Жрец с головой летучей мыши (сосуд мочика).

перуанская легенда о змеином царе, стерегущем сокровища. Там, куда проникало христианство, змей преследуют. Приверженность св. Павлу, которая выражается в наименовании многих мест Сан Пабло, находится в связи с его качеством охранителя от змей. Мексиканцы верили в баснословное животное Агуицотль, живущее в глубине воды; они почитали его и представляли себе в образе, напоминающем восточно-азиатского дракона. В виде молнии змея сопровождает птицу — бурный ветер и, зарождаясь в оплодотворяющих ливнях, может делаться символом плодородия. Мексиканский государственный герб и до сих пор еще сохраняет это сочетание. Лягушка встречается в бесчисленных пластических изображениях, в особенности в толтекском круге. Черепаха то выступает носителем мира, то ныряет во всепокрывающее море, чтобы достать со дна ил для создания новой земли, что также является мифом, распространенным по всему миру. По указанию Лонга, у омагов в начале этого столетия была большая морская раковина, которая в течение многих поколений переходила по наследству в их племена. Для нее была воздвигнута особая хижина, покрытая шкурами, нечто вроде храма, и она ни в коем случае не должна была касаться земли. Перед началом войны ее вопрошали, как оракула. Тогда отрезывали кусок повешенного над нею табаку и давали его курить знахарю. Тем временем кто-нибудь из присутствующих прикладывал ухо к раковине; если он слышал какие-либо звуки, предвешание считалось благоприятным.

В богатой животными Южной Америке редко приходится слышать легенды о них. Гвайанские индейцы верили, что у животных была душа. В новейшее время Эренрейх сообщил несколько типичных басен о животных у карайясов, но даже и они кажутся нам достаточно знакомыми. Девушка-лебедь наших сказок, волк-оборотень, состязание между оленем и черепахой давно известны бразильским индейцам.

Переходя к поклонению растениям, мы замечаем, что вера в мировое дерево существует и в Америке. Алгонкинский герой Менабушо во время потопа спасся на дереве. Но он — бог света и грома, живущий на востоке, и поэтому тождествен со «старым небесным человеком», Танне караيبов, который, расставаясь с людьми, обещал возвращаться, чтобы переносить их души с верхушки священного дерева на небо. Сваи из священного дерева находили применение у североамериканцев в виде символов высших божеств. Части растений служили амулетами и волшебными средствами. Семена некоторых трав, брошенные в огонь, вызывали, по мнению чолонов, жесточайшие бури.

Камни своеобразной формы почитались под видом громовых стрел. В Мексике не было ни одной деревни, где не поклонялись бы такому идолу. Доисторические топоры, наконечники копий или ножи называли также громовыми стрелами и верили, что они произошли от молнии. Шнурок из бус, который надевали на шею перуанских ваз, напоминает почитание горшков у малайцев. С мя-

Каменные наконечники (IX тысячелетие до Р. Х.), свидетельствующие о родстве племен западного края южноамериканского континента.

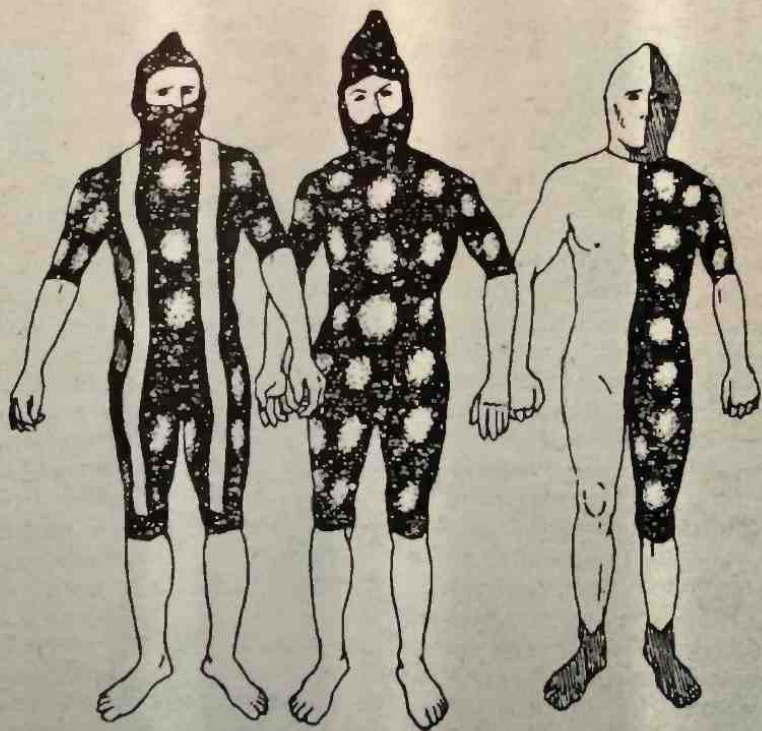
ровым потоком связывалось почитание гор. На высоких скалах обитали злые и редко добрые духи. Речных духов, пока лодки проходили через опасные места, пугали адским шумом. Лукавые духи со смертельным взглядом населяли леса. То страшными, то покровительственными казались эскимосам береговые духи. Пускаться далеко в море в виду духов, которые жили на поверхности и в глубине, считалось доказательством мужества. Там жили большие «кайяряки», которые могли вызывать бурю. Кроме того, существо-

вали «конгенсотекиты», морские люди, которые с удовольствием едят лисьи хвосты, и огненные «игнерсоиты» на берегу или утесах, которые задерживали рыболовов и делали их своими товарищами.

За немногими исключениями все индейцы верили в бессмертие души и в жизнь в надземном и подземном мире. Отличие души от тела выражают сравнением с дыханием и тенью. Душа была просто человек, сделавшийся невидимым, сохранивший еще много свойств живого человека, что достаточно доказывается погребальными обычаями. Идея, будто человек в другом мире продолжает жить так, как он жил в момент смерти, оказывала гораздо более влияния на военные и погребальные обычаи, чем мысль о награде и наказании. Человеку приписывалось две души — одна духовная, которая уже при жизни может случайно покидать тело, и одна, остающаяся при теле, вызывающая жизнь, пребывающая в нем и после смерти и освобождающаяся от него только тогда, когда она призывается в другое тело. Души умерших блуждают вокруг в виде духов; к этому сводится, главным образом, усиливающаяся вера в привидения. Все индейцы верят в многочисленных духов, замысляющих только злое. Отчасти они могли быть первоначально душами умерших, но часто еще теснее связь их с мифологией.

Душа блуждает в сновидениях. Но ни она, ни душа, выходящая из человека во время обморока и вновь вдвухаемая шаманом, не представляет тождества с жизнетворным началом. Шаманы подвергают души испытаниям и хранят их в жестянках. Божество является им во сне, что кажется всем завидным даром. Сны составляют самую важную часть индейского прорицания; они оказывают большое влияние, заключая в себе советы и предостережения. Толкование их было главной задачей жрецов. В Мексике кроме того были в ходу гороскопы, а в Перу — предсказания, выводимые из всевозможных явлений. И здесь в каждой отрасли были особые жрецы и ясновидящие.

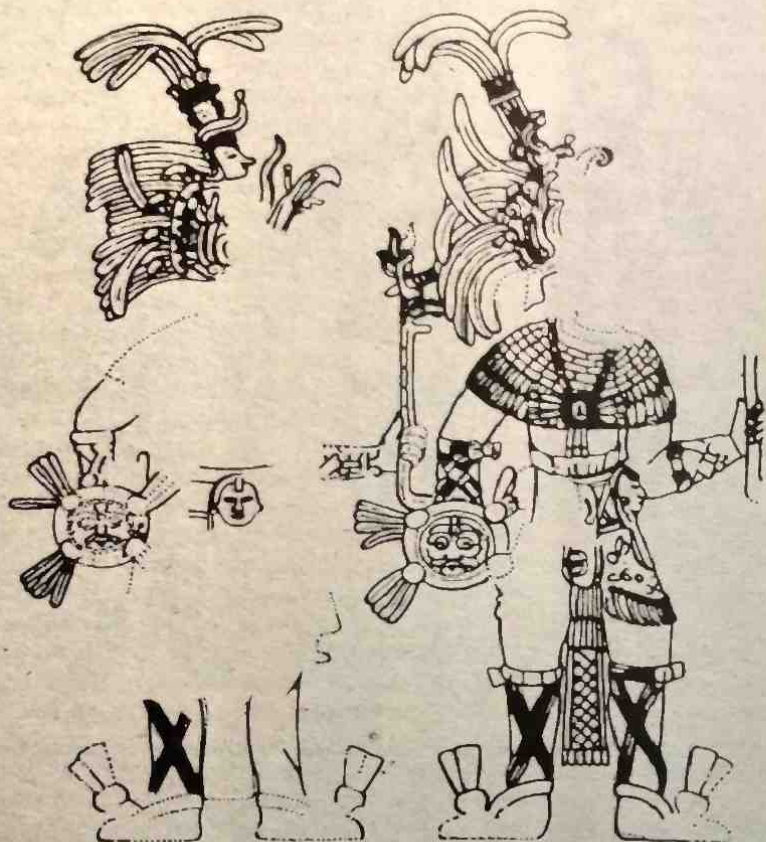
Счастливая страна загробного мира, представления о которой несомненно получили полную ясность лишь под влиянием христианства, не имеет ни ночи, ни облаков, ни зимы, ни бурь; она обладает самым роскошным растительным покровом, так как там произрастает каждое семечко, которое не возшло на земле. Она часто, как и в Полинезии, обладает многими чертами земного мира. Так, команчи представляют себе загробный мир в виде прерии со множеством буйволов, а нишинуа называют рай танцевальным домом богов. В некоторых местах предполагалось, что умерший попадает в жалкий безотрадный мир; но благоприятное представление, по-видимому, брало верх. Для одних рай находился на юге, для других на западе. Для эскимосов он был в теплой земле, а ад — на холодном небе. Так же, как и в Полинезии, в северо-западной Америке души благородных, следуя за солнцем, спускаются вниз, чтобы найти себе приют на счастливых островах в прекрасном длинном доме. Тлинкиты думают, что в детях возвращаются умершие родственники, и мать нарекает ребенку первое имя

Духи Шоорте — демонические персонажи мифологии племени бона, Южная Америка.

по имени одного из предков. Петито никак не мог разубедить молодую девушку тинне, что она никогда не жила уже под другим именем.

В представление о загробном мире входит и представление о награде и наказании. Пайягуасы верят, что злых после смерти сжигают в котлах, а добрые охотятся на берегах прекрасной реки, полной рыбой. Рукуйены признают три степени: добрые уходят на небо, злые должны блуждать в облаках, а души колдунов остаются при их телах в могилах, где другие души, даже животных, могут получать от них советы. На холодном севере, где солнце со своим теплом и блеском резче выделялось на небе, оно брало с собой души храбрых, еще далее то же самое делало северное сияние. Но и в Мексике солнце было счастливым местопребыванием храбрых воинов и женщин, умерших родами. Представление о чистилище у индейцев-христиан в Чилоэ не совсем еще вытеснило верование, что в воздухе носится множество душ. И эскимосы зимою, когда солнце опустилось за горизонт, видят души, наполняющие воздух. Наказание злых после смерти индейцам неизвестно. Все возмещается здесь: и добрые, и злые пользуются вечным блаженством в той градации, как и на земле. Вопрос решается тем, умерли ли

Фигуры правителей подземного царства Болоти-ку (рельефное изображение на стенах гробницы правителя), мифологические персонажи племен Южной Америки.

они как воины или в ленивом покое, естественной или насильственной смертью.

Из общей страны душ выделяется подземный мир, глубоко сплетающийся с мифологией индейцев. Согласно некоторым легендам, души проводят в нем четыре дня. Кабинолеки и ашочимии заставляют души летать вокруг большого очистительного огня, прежде чем они могут войти в загробный мир. У чоктасов злые души попадают в реку, полную разложившейся рыбы и мертвых жаб, где они никогда не видят солнца и испытывают всевозможные бедствия. Через этот Стикс души вообще должны переправляться в каменном челноке, по опасной лестнице, по окоченевшей змее или по скользким перекладинам; злые не могут перенести этого пути и погибают.

Во всей Северной Америке форма религии не столько политеистическая, как в Южной Азии, древней Европе и Мексике, сколь-

ко пандемоническая. Вследствие того сравнительно так редки изображения богов, которые чаще всего встречаются на северо-западе. На берегу залива Нутка Кук во многих домах видели одно или два толстых бревна, метра в $1\frac{1}{2}$ высоты, с резной передней стороной, имевшей некоторое сходство с человеческим лицом. По бокам были вырезаны и руки с кистями, и все это было раскрашено. Занавесь из циновки, закрывающая эту фигуру, показывала, что она была предметом особого почитания. Гайдахи воздвигали художественно вырезанные столбы в память умерших. В восточной части Северной Америки подобные резные изображения были вообще реже. По рассказам, человеческие идола были в храмах Виргинии, а также и раскрашенные подпорки с резными человеческими лицами. Майясы держали в домах деревянные изображения предков. В пещерах на Санта Лусии были найдены каменные изваяния и куски глиняной утвари. Грубо вырезанные человеческие головы и целые фигуры или физиономии баснословных страшилищ на стенах указывают связь с древним культом.

От южной оконечности Флориды до Арканзаса и до Виргинии существовали солнечные храмы — хижины больших размеров с толстыми глиняными стенами, увенчанные куполообразной крышей, с которой одна или несколько фигур орлов глядели на солнце. Кругом виднелись на стене головы врагов или же стояли раскрашенные столбы с резными человеческими лицами. Жертвы приносились в сторону востока и запада, и в тех же направлениях двигались процессии. Из многих остатков этих построек можно заключить об ориентировании по точкам солнцестояния. Внутри здания горел священный огонь. Вероятно, некогда с этими храмами соединены были помещения совета и «паровые бани», они остались после того, как культ огня уже исчез. Женщины в прежние времена, по-видимому, исключены были из храмов, но они имели доступ в хижины совета. Об индейцах язычниках Южной Америки чаще всего приходилось слышать: «У них нет ни церквей, ни обрядов». Но уже Петрус Мартир видел у них деревянные изображения, что подтверждается и другими наблюдателями. О значении жертвы из маиса и маисовой муки мы уже говорили выше. Жертвы из бус, плодов и животных также бросались в текущую воду, вешались на деревьях и коньках крыши или втыкались на высокие шесты. Канадцы вешали собак живыми за задние ноги на сучок дерева. В связи с запретами некоторых кушаньев, исходящими от системы тотемов, находится большое число суеверных обычаев, связанных с едою. Нутки украшали убитого медведя и ставили перед ним кушанья с просьбою отведать их. Лишь после того они разнимали его на части. Пиршество до истощения силы считалось у ирокезов и их соседей крайним средством для спасения жизни больного, заказывавшего празднество.

Человеческие жертвы и даже людоедство, несомненно, существовали в Америке, но нигде они не были обыденным делом. В них повсюду под религиозным покровом скрываются жажда мести

и преувеличенная воинственная ярость. Гойдахи рассказывают, что начальник-знахарь, возвращаясь из леса, у первого попавшегося отрывает зубами кусок мяса из руки. Нутки через каждые три года должны приносить человеческие жертвы. И жертвы при постройке встречаются в Америке: у тлинкитов раб зарывался живым под угóльными сваями нового дома. В Кадьяке, как рассказывают, рабов сжигали по случаю смерти начальника. Индейцы на Путумайо еще немного лет тому назад съели молодого колумбийца, причем в оправдание себе объясняли, что они едят человеческое мясо не потому, что оно кажется им вкусным, но для совершения акта мести по отношению к враждебным племенам. Действительно, никто не слыхивал, чтобы они когда-нибудь съели белого или негра. Эскимосы из страха съедают сердце знахаря или кого-либо, убитого ими из кровавой мести, они думают, что этим способом утоляется месть его близких.

Колдовство привержено всего более к легко отделяющимся частям человеческого тела. Волосами и слюной человека пользуются для того, чтобы вредить ему, одинаково и в Араукании, и на Мильбенкском заливе. В южной Аляске можно найти волшебные камни с маленькими углублениями, в которые кладут остатки кушаньев, оставшиеся между зубами, чтобы они не попали в руку колдуну.

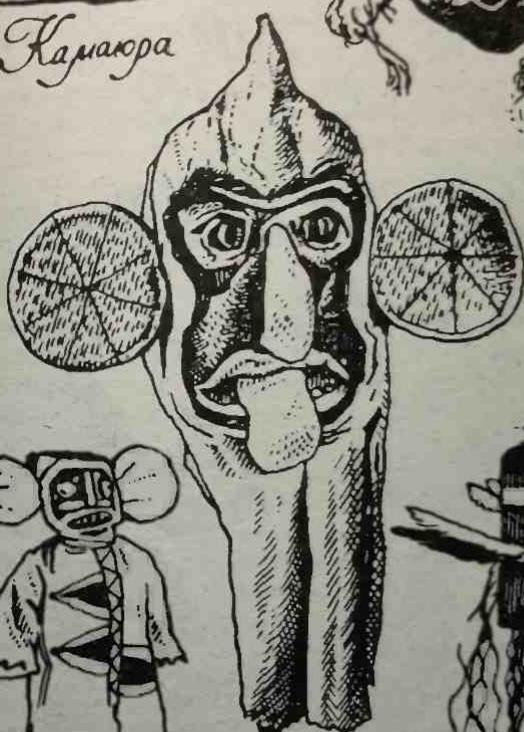
Говорить подробно о жречестве этих народов значило бы повторять с небольшими изменениями то, что мы описали у полинезийцев. Повсюду мы видим отражение типа шаманов. На северо-западе снаряды его отличаются обилием, пестротой и разнообразием трещоток и масок. Резная скамейка служит ему опорой для головы во время экстаза. В Калифорнии шаман имеет вид отрепанного фигляра. В северо-западной Америке колдун прежде всего должен иметь власть над животными. Высшую ценность имеет язык выдры. Колдун, которому удалось вырвать его у выдры, считается самым могущественным, так как сюда присоединяется действие вытекающей при этом крови. Головы животных, изображаемые на изваяниях и масках, олицетворяют силу колдунов. Колдовство посредством изображений встречается довольно часто. У восточных тумасов к северу от Хилы для отвращения моровой язвы делался рисунок на песке из пыли различного цвета и растертых листьев. Мы знаем, что у нэ-персе на Орегоне, у чоктасов и большинства южно-американцев шаманство переходило по наследству в одной и той же семье. Когда у черокисов жрец тотема бесстыдно злоупотребил своим положением, он был смещен, и на его место выбран новый жрец, в роду которого осталось это достоинство. Душа жреца блуждает и после каждого возвращения из области другого мира поднимается на одну ступень. У дакотов существовала изящная легенда, согласно которой душа жреца наподобие крылатого семени уносилась ветрами на небо и там знакомилась с богами, искусством и наукой. Она становится все могущественнее в четырех воплощениях, затем она опять обращается в ничто. У мексиканцев и перуанцев существовали иерархии жрецов

Камаюра

Когги

Тукуна

Бакаври

Маски и идолы южноамериканских племен Камаюра, Когги, Тукуна и Ба-
каври.

Маски богов и идолы южноамериканских племен Мехинаки и Чиригуано.

с твердо установленной выработкой и с строгим разделением. Они учили смешиванию красок, живописи, рисованию иероглифов, музыке, астрологии и счислению времени. Многим из них не позволялось вступать в брак. Их легко было узнавать по одежде, так, у криков светлые одежды и сановитые манеры служили обозначением священного сословия. Богослужение происходило на неизвестном народу языке. Особенность его заключалась в ударе, в говоре и выборе слов и оборотов. Южноамериканские пиаи, пиахи и пр. — прежде всего лекари, знахари, высасывающие болезнь с пением и конвульсиями, заговаривающие ее или излечивающие настоем трав. У пимов жрецы стреляли раскрашенными стрелами из раскрашенных луков в воздух, чтобы убить болезнь. Далее, колдуны могут видеть воров в кристаллах или осколках стекла. Но у них можно найти и более разумные меры против болезней — холодные купанья и паровые бани, нажимание и растирание больного места, взрезывание кожи острыми камнями. Гваяковое дерево, ипекакуана и слабительные, которыми пользуются особенно охотно при посвящении юношей, приобрели известность благодаря индейским знахарям, которые часто и у европейцев пользуются славой удачного лечения болезней. В установленных религиозных празднествах центром опять является знахарь, окруженный целым хором поющих, пляшущих и часто доводящих себя до конвульсивного состояния мужчин и женщин. Его часто сопровождает молодой человек, который должен повторять каждое из трудно отгадываемых слов. Законченные представители такого жречества искусны и в животном магнетизме, чревоужении и фокусничестве. Без сомнения, они встречаются в публике не столько веру, сколько известное настроение. Эпидемическая Виттова пляска и истерика опустошали целые деревни.

В погребальных обычаях по всей Америке до Огненной земли замечается известное однообразие — завывание по умершему, вырывание волос, поранение острыми раковинами и камнями, раскрашивание лица по строго установленному способу, погребение в скорченном виде с обвязыванием веревками и разрушением хижины умершего.

Различия в способах погребения ограничиваются немногими типами. В Мексике у чичимеков, отомисов и майясов было в употреблении сжигание трупов, между тем как мицтеки, сапотекы и михесы зарывали их в землю. В Гваяне рукуйены жгли своих мертвецов, а ойямпи погребали их, согнув ноги, руки и голову, в глубокой яме длиною не более метра. Рядом с хижинами гуарауносов можно видеть тюки, завернутые в пальмовые листья, заключающие в себе труп, на подпорках из крепких, крестообразно вткнутих в землю сучьев. Даже на одном и том же кладбище встречаются различия в положении и погребении трупов. Близ Медисонвилля было выкопано более 400 скелетов, погребенных в самых различных положениях, отчасти в ямах, засыпанных золой с неизвестной целью, у многих недоставало черепа или челюсти. В Нью-

Фаундленде труп, завернутый в кору, оставлялся на помосте или зарывался в глубокую могилу. На этом острове, правда, кроме туземных жителей проживали иногда микмаки, а может быть и эскимосы, поэтому смешение погребальных обычаев могло произойти и в других местах.

Скорченное положение и обертывание трупов в кожи, циновки или кору более распространено, чем их сжигание. Уже Добрицгофер обратил внимание на сходство в данном случае с положением ребенка в утробе матери. Этот способ погребения приписывается и западной Гренландии; в самой чистой форме мы находим его в перуанских могилах. Там не стеснялись переламыванием костей, чтобы уложить труп в возможно компактном виде. Часто это связывалось с погребением большого количества трупов в фамильных могилах. Погребение сложенных таким образом трупов в урнах встречается на всем протяжении от гуаранисов до Северной Америки. У тукуманов детские трупы погребаются в открытых корзинах. Обвязанные веревками мумии находили в пещерах Бразилии близ Санта Анны и у алеутов. Гвайянские рукуйены, сжигающие своих мертвецов, погребали таким образом только знахарей. Для погребения часто пользовались пещерами, имеющими свойство высушивать трупы и предохранять их от разложения. Перуанские мумии с руками, скрещенными наперед, коленями, подогнутыми к подбородку, и выпрямленной головой вкладывались в мешок с морской травой, оболочка которого состояла из цветной хлопчатобумажной ткани, нередко из одежды, даже с рукавами. Благодаря вырезанным местам, заполненным другой тканью, происходит мозаика тканей, которая едва ли бывала в одежде живых. Голова крестообразно обернута пестрым платком, и даже шея нередко прикрыта полосой материи в виде галстука. У винтунов старухи по целым месяцам носят веревку вокруг тела. Как только они испустят последний вздох, труп обвязывается травяными жгутами, шкурами козули и циновками, уподобляясь товарному тюку.

Перуанцы покрывали лицо своих мертвецов деревянными масками с глазами из раковин, с черными восковыми шариками в виде зрачков и носом, вырезанным из дерева. Нашитые бумажные нити обозначали рот, внутренняя полость составлялась из тыквы и тростниковых палочек. Близ Арики найдены были многочисленные черепа, в которые были вставлены глаза каракатицы. Волосы на них заменялись окрашенными в черный цвет волокнами агавы или париком, который у богато обряженных трупов был тщательно приготовлен из пряжи, переплетенной с человеческими волосами, образовавшими на середине макушку и заплетенными в косички. Голова кроме того часто украшалась перьями попугаев, цветными повязками и т. п. Папчесы в северо-восточной части Южной Америки и индейцы Чако сшивали высохшие губы бумажными нитями как будто для того, чтобы они оставались замкнутыми навсегда. Алеуты еще несколько сот лет тому назад погребали в пещерах плотно закутанные мумии, снабжая их множеством вещей.

Прикрытие лица трупа маской было в употреблении и у них. На острове Нунивак трупы покрывались камнями и кругом раскладывались деревянные маски и предметы обыденного употребления. В перуанских гуаках и в могилах майясов находили маски из спиленных лицевых частей черепа, на которых отчасти сохранилась кожа и был прикреплен деревянный нос, и все это сверху покрыто было известью. Знатным лицам в Верапасе тотчас же после смерти в рот вкладывали камень, в который должна была перейти душа.

Временное погребение связано с воззрением, будто душа некоторое время прежде, чем она уйдет в другой мир, находится вблизи трупа. Гуарауносы напоминают нам малайцев, когда тотчас же после смерти выдалбливают деревянный ствол, чтобы сделать из него гроб. Затем туда кладется труп, завернутый в гамак, отверстие заделывается досками, все щели замазываются глиной женщинами, и гроб ставится на сваях вблизи хижины. У галибисов под трупом ставится большой сосуд, куда стекает жидкость, образующаяся при разложении. У некоторых племен через год после смерти гроб открывают опять и останки вновь оплакиваются, причем песни и возлияние чичи продолжается всю ночь и весь следующий день. Переламывание костей и обвязывание их в пучок первоначально, вероятно, имело целью придать трупу такую форму, чтобы его легко было носить с собою во время передвижения. Чоктасы и другие индейцы, а также и береговые чукчи или намоллосы оставляли своих мертвецов на несколько месяцев или на целый год в земле или на подмостках на открытом воздухе, а затем погребали их кости в гробах или в изящно сплетенных циночках. Обычай погребать кости таких мертвецов в общей могиле встречался по преимуществу у гуронов.

Могила бывает то просторные ямы, то неглубокие отверстия. Нередко, как и в Африке, встречается здесь глубокая могила с боковой нишей. С первого взгляда можно узнать, какому народу принадлежали мумии, находимые в гуаках: аймар сидит в круглом углублении, гуанка лежит на спине в яме глубиной до 1½ метра, кечуас помещается в эллипсоидальной могиле не более метра глубиной. Могила в Эквадоре и средней Америке держатся в сущности того же плана, будучи иногда сходны с ним даже в частностях. В Дарьене могилы, напротив, походят на засыпанные колодцы, отверстие в которых обозначается кругом из камней. Глубина изменяется от 2 до 10, а объем — от 5 до 7 метров. На дне этих гуаков по четырем направлениям ветра выкопаны маленькие ниши, куда складываются кости и положенные с ними вещи. Могила, если они не выбиты в скале, покрываются глиной, как у калифорнцев, отсюда могло развиваться погребение в урнах. В этих семейных могилах кости отделялись друг от друга каменными плитами, глиняными перегородками или китовыми костями. Бразильские племена покрывали свои могилы кусками коры и обсыпали труп благовонными ягодами и крыльями блестящих насекомых.

Многие народы не признают видимых надгробных памятников.

Калифорнцы и чуруйесы даже заравнивают свои могилы, хотя и выкопанные весьма искусно. Их можно узнать только по слегка опустившейся земле. Тинне воздвигают, напротив, длинные шести с пестрыми полосами ткани, которые должны радовать душу умершего, когда она возвращается к телу. Это напоминает могильные плиты древних перуанцев, состоящие из прямоугольного слоя тростника, перевитого бумажной материей и воткнутого на длинной палке. На материи находится схема человеческой фигуры в известном стиле, раскрашенная голубым или красным цветом. Вульва-сы отмечают свои могилы большим навесом, сплетенным из соломы, место погребения тщательно очищается от кустов. Урны гуаранисов, огороженные терновником плоские могилы абипонов, каменные насыпи тегуэльчей представляют первобытные могильные памятники. Они ведут к дольменообразным каменным постройкам и окруженным стенами могилам древних перуанцев.

Почти со всеми мертвецами, богатыми и бедными, клали известное число предметов — пищу и оружие с мужчиной, и утварь с женщиной. У более богатых народов, например, у перуанцев, там находили себе место более дорогие безделки, рабочие корзинки, предметы украшения, ремесленные орудия и пр. в оболочке из листьев и хлопка. На Панамском перешейке там находят платья, сосуды, наиболее законченные по форме и исполнению, какие только были доступны американцам, и кроме того, различных зверей, змей и лягушек из золота. Калифорнцы принадлежали к самым бедным племенам, но и они клали вместе с трупом все оружие и утварь, какие употреблялись при жизни. Южно-американские народы, которые воздвигали своим покойникам большие могильные памятники, чествуют их, кроме того, выше своих средств, что нередко совершенно разоряет оставшихся после умершего. На могиле тегуэльча умерщвляются все его лошади, собаки и другие животные. Его пончо, украшение, болласы и орудия складываются в кучу и сжигаются. Все это связывается с их представлениями о загробном мире, напоминающими представления северо-американских охотничьих племен. По их верованию, путь на небо весьма длинен и души устают, если не едут верхом, и должны умереть с голода, если у них нет пищи.

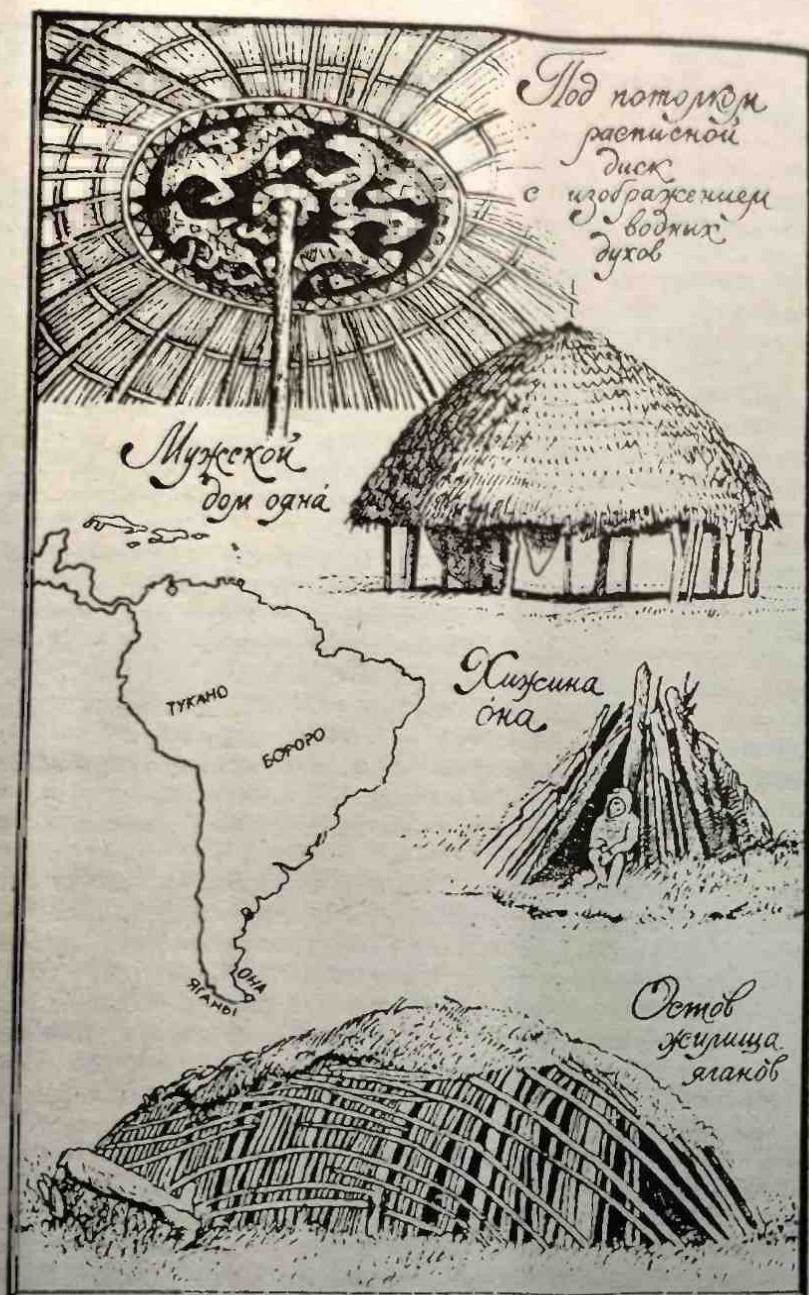
Для места погребения особенно охотно избираются известные местности, преимущественно у края воды. Следует заметить, что лицо мертвецов должно быть обращено к такому месту, откуда открывается свободный горизонт. Большие скопления раковин также казались удобными как места погребения. Их положение у моря, рыхлость и естественная форма кургана делали их втроене пригодными для этой цели. Абипоны предпочитали лес. Гуаки чирикисов лежали, по большей части, у подошвы небольших холмов, там чаще всего можно было видеть глыбы с надписями и рисунками. И северо-американские строители курганов погребали охотно на возвышенностях или поблизости от них. Пепел и остатки костей завертывались в кусок ткани и ставились в ближайшем погре-

бальном домике. Гайдахи зарывают эти остатки или вешают их обернутыми в кору на дерево. К ним нередко прибавляются вещи, принадлежащие умершему, обыкновенно предварительно разломанные. Шаман хоронится у нутков на открытом воздухе, в домике наподобие голубятни, опирающемся на четыре подпорки, так же, как у гайдахов. Рабов, которых прежде сжигали вместе с трупом, теперь просто бросают в море. В устье бухты Якуины трупы клались в выдолбленные колоды и пускались по воде. Постепенно у морского берега собиралось множество таких челноков с их страшным грузом. Когда с этой стороны дул резкий ветер на сушу, оставшиеся слышали жалобные голоса мертвецов. У нутков челноки употребляются в качестве гробов.

У абипонов женщины обряжали труп и выкапывали могилу, у других это доверялось особому лицу, которое могло видеть труп и касаться его, не оскверняясь. Во многих случаях труп относят к могиле в виде тюка на шесте. У вульвасов могильщик сверток с костями вместе с сосудами и украшениями переносит, никем не сопровождаемый, на семейную могилу.

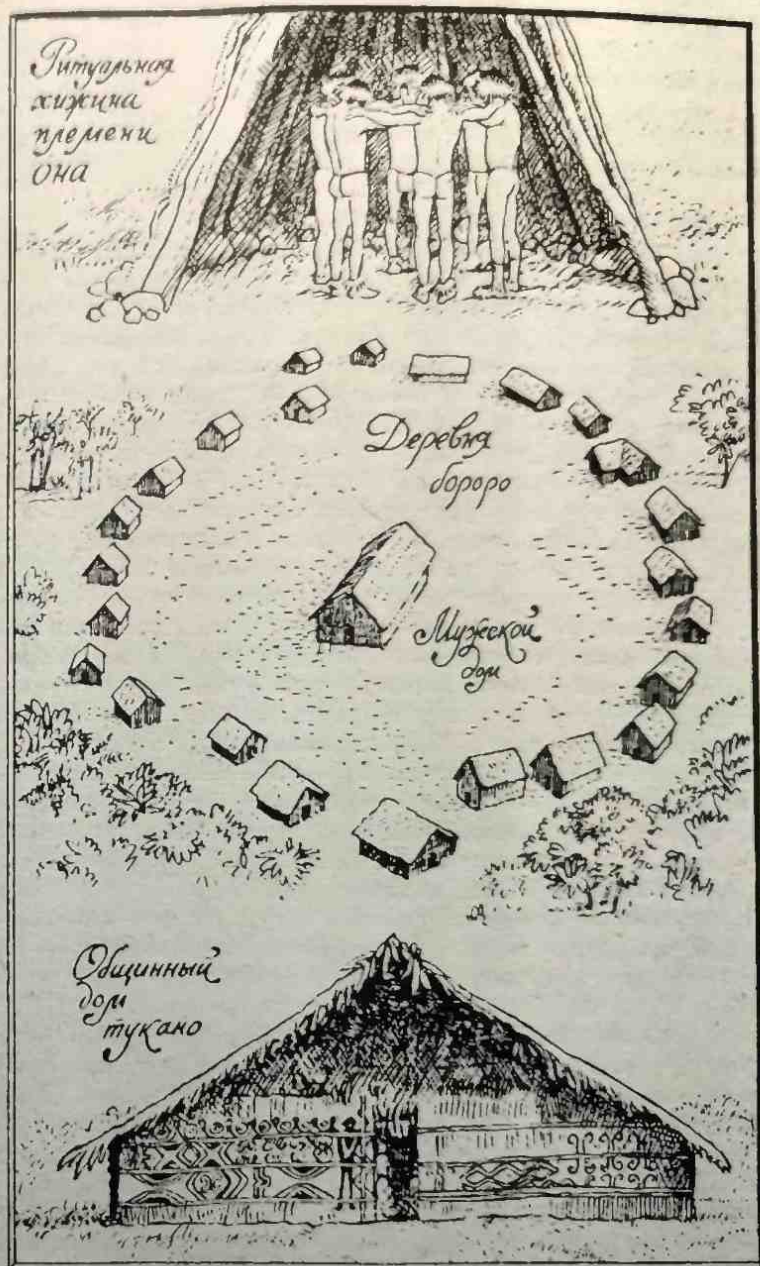
Племена Ориноко от дома умершего до места погребения протягивают бумажный шнурок, через пропасти и ямы, через воды и болота, по возможности в прямом направлении, быть может это делается для того, чтобы показать духу дорогу. Верование, будто душа охотно остается близ прежнего жилища и оставляет его лишь через несколько дней, можно считать общераспространенным. Гидатсы сжигают поэтому на углях пару мокасинов: запах горячей кожи прогоняет духов. Нижнекалифорнцы надевают на своих покойников мокасины, возможно, как остаток сожжения трупа, сгоревшие мокасины могут пригодиться, по их мнению, умершему.

Празднества в честь умерших, в особенности на северо-западе, носят на себе ясные следы веры в возвращение душ. Как только тлинкит умрет, его родственники поднимают громкий жалобный вой, а у чинуков до тех пор говорят шепотом, пока труп находится в доме. В течение четырех ночей продолжаются песни и пляски, угощение и одаривание гостей; на пятый день позади дома на костре из крупных кусков дерева сжигается труп в согнутом положении при жалобных песнях. В знак печали вдове или вдовам и детям обрезают длинные волосы, делают разрезы на теле, лицо вымазывается черной краской и одежда разрывается. Жалобные вопли женщин наполняют место траура обыкновенно в течение нескольких дней. После того у многих племен неуничтоженное имущество умершего раздается детям и родственникам. У сиусов это происходит в форме игры: один из родственников представляет духа, играющего с остальными участниками. В настоящее время для игры часто употребляются карты, но собственно для нее должны служить искусственно раскрашенные косточки диких слив, которых мужчины получают по 8, а женщины только по 7. Смотря по сочетаниям выбрасываемых косточек, согласно установленным

Жилище племен она и ягано.

правилам игры участвующие выигрывают или проигрывают. С туле — праздником в честь умерших — у рукуйенов также связывается распределение желаемых вещей.

Жилища и ритуальные постройки племен она, бороро и тукано.

Имена умерших и в Америке нигде не произносятся добровольно. Смерть кажется страшной, но о ней ничего не хотят слышать. Добрицгоффер думает, что индейцев иногда клали в могилу живы-

ми, так как близкие не могли дожидаться, пока их вынесут из дому. Случаи насильственного ускорения смерти, по-видимому, не представляют ничего необычного и среди крещеных южно-американцев. Все, что принадлежало умершему, после смерти его раздается, уничтожается огнем и даже хижина его сносится, несмотря на опасность, что оставшиеся после него могут впасть в нужду.

* * *

Подобно тому, как в настоящее время для индейцев Мексики день деревенского святого представляется самым важным в году, блеску которого каждый с гордостью готов содействовать деньгами и личной услугой, то же могло быть и в доевропейское время, с тою разницей, что святого заменял прославленный легендарный герой, приведший в порядок и обогативший человеческую жизнь. Легенды о культурном герое в различных местах настолько сходны между собою, что им приходилось странствовать не менее, чем лицам, о которых они рассказывали. Основною их чертой является возможно темное окрашивание времени, предшествовавшего этому важному событию. Люди были рыбаками и охотниками, их страна была только что оставлена первобытным морем, и они часто не имели другой пищи кроме червей и улиток и даже ели собственных детей. Хижин и одежды они не знали. Тогда, согласно сказанию майясов, внезапно появился с запада отряд чужеземцев, во главе которых стоял Самна, которому преимущественно приписывается изобретение графических искусств, но который вообще был основателем цивилизации, господствовавшей на полуострове. Предания Мексики рассказывают, что страна эта была населена исполинами, которые были побеждены толтеками. Герой-предводитель Кетцалькоуатль был волшебником и жрецом и сделался основателем нового культа. Эти пришельцы явились с юга и с северо-запада. Сказание кичесов сходно с толтекским, и вообще оба народа были тесно связаны между собою. Но у чибчасов Чимисапагуа, вестник бога, приходит с востока. Ему приписывались мудрые законы, в особенности искусство прядения и тканья. На одной из скал показывали след его ноги и объясняли, что он отвратил большой потоп, устроив водопад. Перуанцы заставляли своего благодетельного Виракочу выступить из озера Титикака, но он стоял слишком высоко, так как считался в то же время и творцом целого мира, и поэтому впоследствии под влиянием инков вся его целительная и благодетельная деятельность перенесена была на его предполагаемого прародителя Манко-Капака. В виде общей черты этих мифов носитель культуры называется светлым и бородатым, а во многих случаях поразительно рослым человеком. В связи с индейской легендой о сотворении человека находится то, что целые народы выводятся из пещер. Название места «Семь пещер» встречается часто, но отождествлять его с каким-либо местом — такое же праздное дело, как отыскивать лежащую на востоке первоначальную родину с того момента, когда культурный герой сливается

с носителем огня или с самим солнцем. То, что в этих преданиях не составляет общего достояния американцев и, быть может, даже более обширного круга народов, часто носит на себе, соответственно ограниченности горизонта, чисто местный отпечаток. И даже в величественных представлениях обнаруживаются видоизменения, вероятно, местного происхождения. Согласно древнеамериканскому преданию, в такой-то долине земля уничтожается сперва огнем и затем водою. В соседней долине это уничтожение передается в обратном виде, на плоскогорье ему предшествует ураган и т. д. Сказания о переселении племен в немногих случаях переходят за пределы известных естественных областей, и тогда они становятся так неясны, что место исхода редко поддается определению.

В ином виде нам являются, прежде всего, переселения толтеков. Народы, выступающие под этим именем в мексиканском предании как основатели культуры на плоскогорье Анагуак и затем позднее подпадающие власти аптеков, которые к их цивилизованности присоединяют свою воинственную энергию, — эти народы не ограничиваются одной Мексикой. Во мраке первобытной истории средне-американских народов выступает факт, что культурный народ мексиканского происхождения распространен во всех частях средней Америки и, если не является настоящим основателем или, по крайней мере, решительным сподвижником образованности, как об этом часто рассказывается, то, по крайней мере, находится в известной связи с нею. Часто встречающиеся мексиканские названия местностей в пределах данных границ не оставляют в этом никакого сомнения. К этому надо прибавить еще ближайшее совпадение мексиканских и средне-американских традиций, появление мексиканских имен даже в племенной легенде кичесов и поразительное сходство обычаев.

О переселениях обыкновенно рассказывается так, как будто они произошли от одного толчка в общий период времени. Традиции и учреждения в Эквадоре и Перу связывают с «большим американским переселением народов». Никто, однако, не знает в Америке большого переселения народов, какое в этой стране, лишенной стад и пастухов, могло бы идти в сравнение с нашим периодом переселения народов. Совпадения, начиная с основных религиозных идей и исторических установлений до орнамента или черт лица на урне, не могут быть результатом однократного переселения. Мы должны иметь в виду постоянные следствия не только изменений места, но и распада и нового образования племен и государств. Уже были представлены доказательства подвижности индейцев. И. Кольман в своей работе о «коренных обитателях Америки» эту часть света несправедливо называет неблагоприятной для переселения народов, так как, по его мнению, ее вытянутая в длину форма и направление гор менее пригодны для этого, чем Европа. Мексиканцы и перуанцы переходили именно через самые массивные и высокие горы, границей власти инков служил тропи-

Утварь индейцев Бразилии и Парагвая.

ческий первобытный лес юго-восточной низины, а не вторая по величине горная цепь земли. Преобладающее множество сходных черт говорит за частые и тесные смешения, поддерживавшиеся пе-

Оружие и орудия лова индейцев из племен ботокудо, бороро, яганов. Ритуальные топоры чамакоко.

реселениями в том и другом направлении. Особенности вроде отсутствия мексиканского образного письма у перуанцев, незнание с картофелем со стороны мексиканцев, ограничение своеобразной письменности областью майясов, недостаток сведений друг о друге, какой был у инков и ацтеков в XVI веке, не уменьшают значения сходств и подобий, корни которых заключаются в больших глубинах. Этими народами управляло стремление к обособлению, а не к общению друг с другом. Когда европейцы пришли в Мексику, горизонт ацтеков достигал только до озера Никарагуа, и последний инка имел известие о прибытии Нуньеса де Бальбоа на Тихий океан. Между обеими названными географическими точками находится легко проходимая страна, протяжением лишь в несколько миль, и немного было нужно для пересечения этих исторических горизонтов. Если тогда это было так близко к осуществлению, то почему оно не осуществилось прежде, чем европейцы

Древнеперуанские резные изображения из дерева (идолы или начальнические жезлы), напоминающие полинезийские, найденные в гуано островов Макаби (коллекция Кристи в Лондоне).

воспрепятствовали расширению и соприкосновению местных государств? Попытка превратить определенные культурные расы в представителей этих движений разбивается об единство типа индейцев. Во всяком случае, не может не казаться удивительным, что в физических свойствах самого народа можно найти так мало следов культуры, процветавшей здесь, несомненно, в течение многих веков, хотя судьба ее и была довольно изменчива. Такое различие, как, например, между яванцами и даяками, должно было бы замечаться между представителями культуры и детьми первобытного леса. Между тем, выдающиеся краниологи не видят никакого следа культурности на перуанских черепках.

Подобное тому наблюдается и в этнографической области. Оставив в стороне лингвистические особенности, Льюсен Карр сопоставил внутренние различия индейцев Миссисипи и Атлантического океана с теми, какие замечаются теперь между промышленным Род-Айлендом и земледельческой Индианой. Без сомнения, всегда существовали различия между отдельными народами, и для оценки культурных различий вдвойне важны отдельные культурные проявления, поднимающиеся, подобно деревьям, над однообразной травянистой равниной, с которою можно сравнить проявления жизни диких народов. Но в них прежде всего заключается великое поучение, что эта часть человечества задерживается не столько внутренними качествами, сколько внешними условиями, что изменчивостью отличаются не источники даровитости, а скорее производительность почвы, орошаемой ими. Культурное достоинство эскимосов, живущих в самых неблагоприятных условиях в отношении орудий, оружия, технической умелости, обычаев и мифов только в массе уступает культурному достоянию мексиканцев и перуанцев. Различие, на поверхности кажущееся необычайно большим, сводится в конце концов к более крепкой связи культурного достояния в самом себе и с жизнью нации. Древние американские культуры — тоже не отдельные явления, возвышающиеся как башни над уровнем остального американского мира, но скорее вполне часть этого последнего, с которым они имеют общее ядро. Религиозные представления и основные идеи общественных учреждений одинаковы в Перу и Мексике или на Миссисипи и на Ла Плате. То, что здесь взросло выше и с большим блеском, лежит или в зародыше, или в виде упавшего плода и у тех американских народов, которые не строили пирамиды и не основывали царства. Можно назвать весьма незрелым представление, которое выводит все, что имели толтеки, майясы и кечуасы излишнего пред другими, из Азии с помощью колоний жрецов. При такой постановке вопрос о происхождении американской культуры вообще никогда не может быть решен.

Преимущество, какое эти народы или царства имели перед другими американцами, в сущности, заключалось прежде всего в организации, если понимать это слово в обширном смысле. Населению всего Нового света свойствен недостаток свободной индиви-

дуальности, которая по ту сторону границ этих стран приносится в жертву племени, а по эту сторону — племени и государству, недостаток, заключающийся в природных условиях. В нем следует искать главную причину того, что так называемые культурные народы Америки в своей организации не достигли ступени, находящейся на одном уровне с культурными народами Старого света. Оставляя этот последний в стороне, любой американский народ в силу своей даровитости и элементов своего культурного достоинства мог бы достичь высоты, на которой мы видим Перу и Мексику.

Для сравнения ценности культуры Америки и Старого света мы должны начать с наружной стороны. Мы видим перед собой народы с интенсивным, трудолюбивым земледелием, живущие оседло в деревнях и больших городах, воздвигающие громадные каменные постройки, причем они пользуются наряду с каменными медными орудиями, обладающие началами письменности и во многих отраслях промышленности, в особенности, в производстве горшков, обработке камня, тканье и красильном искусстве, производящие много выдающегося по количеству и качеству. Они основывают в формах аристократически-патриархального деспотизма завоеванные царства, которые умеют и поддержать с помощью твердой военной организации. Но деспотизм не опирается здесь непосредственно на грубые народные массы: он имеет поддержку в крепко сплоченном социальном порядке, который тем более способствовал достижению великих целей, что приносил семью в жертву племени. Равносильным племенной организации и отчасти сливающимся с ней является система религиозных правил и жречество, которое, будучи также крепко сплоченным, играет роль хранителя религиозных преданий и науки, занимает в этом качестве выдающееся положение и тесно срастается с государством.

В письменности заключается одно из наиболее богатых последствиями различий культур Старого и Нового света. Эти народы, правда, пошли уже далее так называемых петроглифов. Но письменности даже в смысле древнейших иероглифов Китая или Египта у них не было. Поэтому предания были у них менее прочными, а литература — беднее. Юкатанские майясы отличались от других обладанием высшего рода письменности. То, что нам известно о содержании этой последней, ограничивается скудными данными о культуре, календарной системе и письменных знаках. Замечательно, что именно у перуанцев, народа, стоявшего выше их в других отношениях, письменность совершенно вытеснялась мнемотехническим суррогатом. Напомним прежде всего всего кипу (письменный передник), шнуры с узлами различного цвета и формы, которыми передавались числа и другие факты, а, по маловероятным предположениям, даже приказания и законы. Говорят, что целые архивы связок разноцветных шнурков с их петлями и узлами содержат известия о прошедшем времени, к которым, к сожалению, ключ еще не найден. Риверо рассказывает о находке кипу весом в 1/8 цент-

нера. Только пастухи пун сохранили остаток этого способа общения в узловом счете количества своих лам и овец — очевидно, лишь скудный остаток в сравнении с тем, что было известно хроникерам, знакомым с кипу. Кроме кипу для выражения мыслей служили также камешки, которые располагались в определенном порядке небольшими квадратами. Заветы пророка Тонапы были вырезаны на палке, так же, как и завешание Гуайне-Капака. Как кипу напоминают узловые шнуры тихоокеанских народов, так и эти палочки с нарезками приводят на память такие же способы запоминания у полинезийцев. На числительных камнях или досках, имевших своеобразную форму и снабженных ступенями, посредством зерен различного цвета отмечались подати. Каждое племя обозначалось особым цветом, и каждая высшая ступень на числительной доске показывала количество в десять раз выше. Гарсиласо де ла Вега упоминает о плане Куско, на котором были видны площади и улицы города и протекающие по ним ручьи. О Монтесуме рассказывали, что у него было нечто вроде карты берегов Мексиканского залива. Существовали планы городов и деревень, на которых казенная земля была окрашена пурпурно-красным цветом, земля кальпулли — светло-желтым, а земля знатных лиц — ярко-красным. Однако, все это не могло способствовать передаче знания и опыта одного поколения последующим и закреплению и суммированию умственного достояния, составляющего основу науки и культуры. В Мексике образное письмо развилось до символического сокращения изображений и до применения некоторых из них для обозначения слогов. Тем не менее, это не производит впечатления, будто этот прогресс был общепризнанным и сохранял свое поступательное движение. Значение письменной системы заключается в установленности и обобщении и является гораздо меньшим, если письмо доступно лишь немногим или различным образом применяется отдельными лицами. Представления являются тогда колеблющимися и смутными. И письменность майясов, по свидетельствам XVI века, была понятна только жрецам и некоторым выдающимся туземцам. В письме с подписями юкатекских начальников, посланном Лас Казасом в Испанию, место письмен могли заменять знаки тотемов. Многие наблюдатели описывают книги, которые были «сложены, как пальмовые листья», так как они имели в длину от 10 до 12 локтей и в которых обозначалось «годовое счисление, войны, заразные болезни, бури, наводнения, голод и другие события». Но епископ Ланда говорит: они употребляли буквы или знаки, изображения и некоторые знаки в изображениях в виде письма.

Основное сходство в духовном отношении уже часто упоминалось выше. Мексиканская и перуанская религии содержат почитание предков, переселение душ, явление духов и колдовство, предвещения и одержания болезнями и многочисленные мифы, которыми обладают и другие индейцы, но которые напоминают также Австралию, Африку и северную Азию и некогда, как показывают

Первопредки — мифологические персонажи индейцев Южной Америки.

многие следы, мертвые и живые, были свойственны всему миру... Когда начали проводить параллели между культурными народами Америки и Старого света, оставляли без внимания многочисленные отношения между культурным достоянием отдельных народов всего мира, от высших религиозных представлений до частностей в стиле оружия и татуировки, и искали ограниченную область для выселения и распространения предпочтительно в южной или восточной Азии. Но происхождение древнеамериканских культур не может быть выведено из какого-либо определенного уголка земли или от какого-либо из ныне живущих культурных народов. Все попытки, ставившие себе эту цель, оставались бесплодными. Корни

этих замечательных форм вдаются скорее в первоначальное общее достояние человечества, которое в течение многих доисторических тысячелетий имело время для распространения по всей земле. В других местах оно развивалось быстрее, чем в Америке, в положении и естественных свойствах которой недостает тех способствующих моментов, которыми наделен Старый свет. Европейцам, которые в XVI веке проникли в Мексику, Юкатань и Перу, тамошняя культура показалась сперва чем-то неслыханным, но чем более всматривались в нее, тем более оказывалось в ней родственного, так что уже Александр фон Гумбольдт принадлежал к убежденным сторонникам происхождения ее из Старого света. Результаты измерений черепов уже теперь доказывают, впрочем, что сходство физических признаков, замечаемое нами у нынешних индейцев, может быть признано только внешним. Тем не менее, мы должны остановиться на принадлежности американцев к восточно-океанской ветви монголоидной расы.

* * *

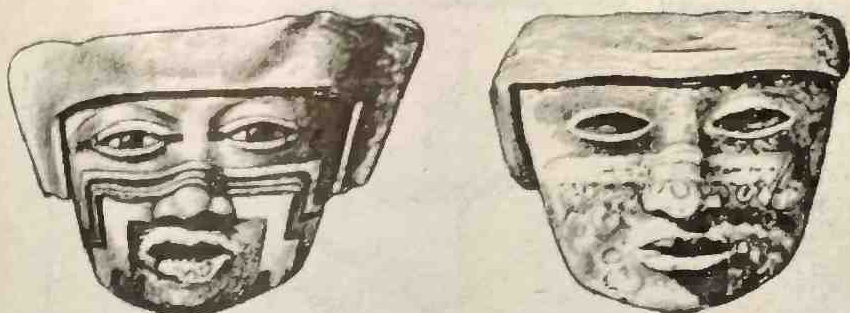
Весьма многочисленны и разнообразны праздники, которыми справляются важные периоды в жизни, в работе или в природе. Индеец-акомас радуется, когда при зимнем солнцестоянии дневное светило достигает низшего положения и диск опирается на известные скалы. Там радуются и летнему солнцестоянию, и каждой перемене луны; когда майс посажен, пшеница сжата и снопы после жатвы убраны, все веселятся и пляшут. Каждое рождение и свадьба служат поводом к веселью. Зимой пляшут каждую неделю, иногда по несколько дней подряд. Но когда кончается власть желтого зимнего солнца и господство на небе переходит к «зеленому» летнему солнцу, пляски прекращаются, и сказочники умолкают;

Пляска духов индейцев сиексов.

тогда гремучая змея выползает из своей норы, и горе тому, кто скажет неправду. Многие празднества имеют религиозный характер; обыкновенные праздники заключаются в угощении гостей, которые выражают свою признательность плясками. Устроители празднеств следят за порядком, и гонцы торжественно приглашают на них. Кушанья гостям, сидящим вокруг огня, прямо вкладываются в рот друзьями хозяина, то, что осталось несъеденным, должно быть взято с собой. На северо-западе гайдахи справляют праздник после окончания лова лососей, после того, как их начальник и знахарь, одетый в медвежью шкуру и древесную кору, вступит в лесу в общение с духами. У нутков сценические представления воспроизводят целые охоты, сражения, движения тюленей и других животных. У тлинкитов, в заключение праздничного танца, один из пляшущих произносит речь, на которую отвечает кто-либо из зрителей. У менее зажиточных и менее развитых в социальном отношении племен юга, как, например, у чинуков, празднества справляются проще — без гонцов, приглашений и торжественных игр. Гостям раздаются подарки, с песнями и тщательным соблюдением разрядов их по общественному положению. Так как при этом оказывают помощь в постройке дома, резьбе и т. п., то у гайдахов этот обычай является основным хозяйственным учреждением. Часто все движимое имущество раздается и выменивается. Во внутренней части Северной Америки индейцы Гудзонова залива, гуруны, алгонкины, племена к западу от Миссисипи праздновали сбор первых плодов или всходы маиса. Этому празднику предшествовало двухдневное воздержание от пищи и от сношения с женщинами и потребление «черного напитка». На третий день ели утром, и при солнечном закате, при общей торжественной тишине, жрец добывал трением огонь, который очищал присутствующих от всех преступлений, кроме убийства. Огонь ставили в глиняном горшке на жертвенник, на который жрец возливал «черный напиток» и возлагал новые полевые плоды, смазанные медвежьим жиром, для духа огня. Тогда каждая хозяйка получала новый огонь для приготовления кушаний, и затем мужчины на месте собраний, а женщины и дети в своих хижинах весело проводили время, и очистившиеся обитатели соседних деревень с пением и плясками посещали друг друга.

Принадлежность танцев, кроме раскрашивания и обвешивания себя бляшками, составляет богатый аппарат искусно вырезанных масок, которые прикрепляются перед лицом или надеваются на голову. Некоторые из них представляют человеческие лица, с волосами, бородами и бровями, другие — головы орлов и буревестников, волков, оленей и дельфинов; обыкновенно они значительно больше естественной величины. Часто они бывают раскрашены или обсыпаны пластинками слюды. Нередко надевают на голову даже большие резные куски дерева, например, переднюю часть лодки! Маски из мягкого дерева в северо-западной Америке вырезаны весьма твердою рукой и прекрасно отполированы. В них ясно

Теотихуаканские глиняные расписные маски.

Теотихуаканские черты культуры в материалах древнего Тикаля.

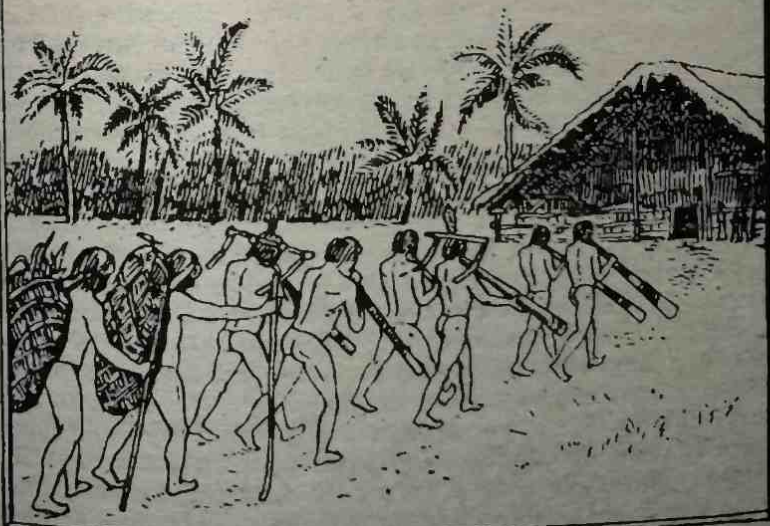
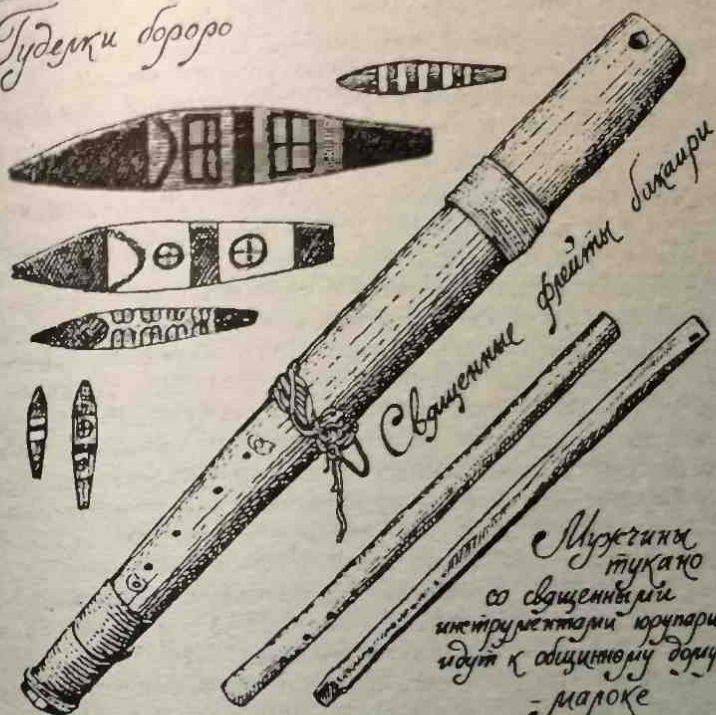
выступает расовый характер, свидетельствуя о точном подражании природе. Животные маски и фигуры, сплетенные из лыка, живо напоминающие меланезийские типы, встречаются в северо-западной и в южной Америке.

У южноамериканцев спиртные напитки играют на праздниках видную роль; эти последние нередко обращаются в простые угощения пайвари. Легко понять, что они обыкновенно оканчиваются опьянением, т. к. участники проводят целые дни в шумных плясках. Чилийские индейцы тянут вино лежа, из ямы, обтянутой овечьей шкурой. И у воинственных абипонов и их соседей ни одно общественное дело не решается без спиртных напитков. Наклонность к последним здесь является роковой. Ни в одной стране мира, за исключением, быть может, Новой Зеландии, они не действуют столь губительным образом; регресс целых племен Северной Америки остановился лишь тогда, когда торговля водкой была подвергнута контролю. Однако, несмотря на все меры предосторожности, спиртные напитки и теперь еще играют губительную роль в жизни индейцев. Их вредное действие перевешивает все хорошее, что внесли туда европейцы. Оно же, в сущности, обрекает индейцев, даже и там, где они возвратили себе свободу, на полную пассивность в экономическом и политическом отношении.

Ритуальные музыкальные инструменты индейцев Южной Америки.

Тудерки бороро

Священные музыкальные инструменты индейцев бороро, бакири, тукано.

РЕЛИГИЯ ОКЕАНИЙЦЕВ

«Народ выказывает большую склонность прислушиваться ко всему, касающемуся как высшего божества, так и подчиненных богов, и в последовании некоторых общепризнанных предписаний заключается сущность его служения богам».

Иог. Рейнгольд-Форстер.

Одушевление всей природы служит широкой основой религии полинезийцев и меланезийцев. У них все было одушевлено или могло быть одушевлено, даже и домашние орудия. Мы не должны под этим подразумевать что-либо исключительно облагораживающее. Слова «дух» или «душа» у них означали вообще проявление жизни. Крысиный писк, бормотание детей во сне таитяне называют духом. Но система воплощения покровительствующих духов сознательно вводила души даже в неодушевленные предметы. Поэтому так же, как душам людей, животных, растений и камней, и для всякого рода ремесленных орудий допускается продолжение жизни в Болоту. Эта система приводила к первичному пантеизму, наиболее характерно выражающемуся в распространенном по всей Океании понятии атуа, акуа, готуа и т. п.

Атуа означает в Полинезии духовное в обширном смысле и «туа» употребляется здесь, по-видимому, в смысле загробного мира; это — бог, обоготворенный человек, дух, душа, тень, призрак. Это слово употребляется сознательно в генерическом смысле, подобно тому, как мана в Меланезии, по Кодрингтону, «было свойственной человеку силой или влиянием, в известном смысле сверхъестественным, но выражающимся в той или другой способности или преимуществе». Оно не находится в неразрывной связи с чем бы то ни было и может переноситься почти повсюду; но души, в качестве душ, лишенных тела, или сверхъестественных существ, обладают ими и могут его передавать. Все религиозные обычаи меланезийцев состоят в том, чтобы призывать «мана» или пользоваться им с выгодой для себя. В практическом отношении загробный мир действует на живых или посредством общения с душами умерших, странствующих между небом и землею, или во временном, или же вечном вселении божества в какой-либо земной предмет. Отсюда возникли покровительствующие духи, крайне важные в практическом служении богам; внушения их были желательны, потому что они могли сообщить о том, что было известно богам, Болоту. Если они не являлись добровольно, их старались понудить к тому просьбами, жертвами и, в крайнем случае, посредством приведения себя в состояние безумия. Полинезийского Атуа мы видим в Ане или Гане на Понапэ, Казингле и Калите на Палау, Ануте на Кузайи и Яресе на Тоби. Это почитание духов, обращенное к предметам, считающимся одушевленными, во многих местах выродилось, по-видимому, в настоящий культ животных. Так, на Мортолоке макрели воздавалось поклонение как богу войны, а курнайи в *Stipiturus* и *Malurus* видели творцов мужчин

и женщин. И калит считался одушевляющим элементом, как мы видим из того, что он приписывался и неодушевленным предметам: у Земпера на Палауских островах расспрашивали о калите, который постукивал в его часах.

На Новых Гебридах «вуи» живут в стране, называемой Панои; они связаны с божественными предками и призываются в случае опасности. Все серьезные болезни там приписываются колдовству или дурному влиянию атаи или таматэ, совершенно отличных от первых (вуи) и от душ умерших. Как только душа оставила тело, начинается ее странствование, имеющее тот или другой конец, смотря по положению и заслугам умершего. Вначале она недалеко отходит от тела и может быть соединенными силами возвращена в него, ввиду чего родственники у смертного одра громко и настойчиво выкликают имя умершего в уверенности, что душа тотчас после смерти еще может вернуться. В одном похоронном плаче Джильбертовых островов мертвый призывается его женою в виде птицы, которая летит на свою родину к своему приемному отцу и улетает все дальше и дальше.

Там, где души и другие духи, никогда не бывшие людьми, обособляются друг от друга, как в большей части Меланезии, из общего культа душ легко возникает божественное почитание известных личностей. Фиджийцы различали первоначальных и обожествленных богов. Они молились изображениям умерших родственников или сговаривались с родственниками, чтобы они, если умрут раньше, превратились в богов. В опасности обращаются к духу отца или деда, с полной уверенностью, что он слышит этот призыв. Души старых начальников обоготворяются после смерти, и, принося им жертвы, их зовут по имени. В эту толпу духов и душ самое отличие положений их прежних земных оболочек вносит известное разделение. Загробная участь душ начальников и жрецов уже потому выше душ низших классов, что в них при жизни обитали высшие силы; без телесной оболочки они становятся еще сильнее; так как души начальников восходят к звездам, а души других остаются на земле или в земле, то звезды просто называются душами умерших. Когда они поднимаются, их на пути во мраке легко могут захватить и похитить злые духи.

Происхождение божественного почитания часто связано с воспоминаниями ныне живущих. Воины поклоняются духу передового бойца, как богу войны приписывая костям и волосам его значение амулетов. Величественные произведения, например, каменные террасы на Вайео на Маркизских островах, приписываются богам, и к ним причисляют людей, построивших подобные сооружения. Это вполне выясняет обоготворение героических людей. Табуарик, главное божество Джильбертовых островов, был прежде начальником; теперь он то показывается в виде акулы, то живет над облаками и гремит, причем сквозь облака просвечивается лицо его жены. Таматоа, начальник Райетеи, еще при жизни считался божеством. Даже в сказаниях о больших космогонических богах высту-

пает представление, что они были и опять могут сделаться людьми; нисхождение с божественных высот постоянно повторяется.

Духи, которые никогда не были душами, стоят, по-видимому, на высшей ступени. Один обитатель Банксовых островов, принадлежавший к старому поколению, следующим образом высказывался о вуи: «Оно живёт, думает, имеет больше разума, чем человек, знает тайные, невидимые вещи, обладает нечеловечески сильным мана, не имеет образа, в котором его можно было бы видеть, и не имеет души, так как оно само — душа» (Кодрингтон). Вполне лишенным образа они, впрочем, не могут себе представить ни одного духа, и многие утверждают, что они видели дух в виде пара, дыма или тому подобной неопределенной формы. Такие духи входят и в людей. На Моте «нопиту» называется и дух, и одержимый духом. Под именем нопиту-вуи на Банксовых островах представляют себе эльфо- или гномообразных добрых духов. Они дарят честным и поддерживают бедных; их присутствие выражается нежным пением, точно детским. Места, где они охотно пребывают, считаются «ронго», т. е. священными, как будто они были табу. И хотя эти духи сами невидимы, но связь их с чем-либо телесным дает возможность телесного общения с ними. Все камни, деревья и животные, находящиеся на таких местах, также считаются «ронго». Это понятие распространяется на животных, которые часто показываются в жилищах, каковы ящерицы, змеи, совы. Даже и некоторые жидкости могут по той или другой причине сделаться «ронго». О духе судят, смотря по тому предмету, где он живет, и тот, кому это доступно, считается посредником между другими людьми и добрыми духами. Он один может вступать в места «ронго» и там приносить жертвы. Тогда он молится и кладет жертву на камень, который считается связанным с духом. На одном из праздников у фиджийцев вызываются водяные дети: их выманивают игрушками, положенными на берег, на сушу, куда они могут обратиться с помощью маленьких плотин, построенных для них; по тому же соображению, на Анайтеуме священные дороги, которые вели от рощ Натмазы к берегу, никогда не огораживались. Если вуи просит причинить врагу болезнь или другое зло, то оно может доставить просящему средства и способы для этого, но само никому не делает зла, потому что оно добрый дух.

При таком обилии духовных существ, всякое выдающееся естественное явление приводится в соотношение с ними. Так возникли тысячи божеств природы, которые — не что иное, как локализованные духи или души. Не менее 20 божеств управляют морем и некоторые из них пользуются большими голубыми акулами, как орудием своей мести. Акулы, которым бросают рыб и свиней, приучаются в известное время подходить к берегу; это убеждает туземцев, что они являются на зов жреца. Весьма известным морским богом считается Гиро, бывший смелым и искусным обитателем Райатеи; он был таким молодым членом группы богов, что его череп до уничтожения язычества показывался в Опоа.

Над божествами воздуха, часто почитаемыми в образе птицы, поставлены двое детей Тангароа — брат и сестра. Они живут вблизи скалы, на которой держится мир; за всякое пренебрежение к их почитанию они наказывают бурей и непогодой. Когда опасались приближения неприятельского флота, к ним обращались с просьбой наслать на него ураган. Еще и теперь многие островитяне верят, что злые духи прежде имели власть над ветрами, так как со времени общего обращения в христианство уже не было таких бурь, как в прежнее время. Верхняя область воздуха также населялась высшими существами. Все небесные тела считались богами, когда происходило затмение солнца или луны, это означало, что их проглатывал какой-нибудь раздраженный демон; богатыми дарами старались заставить его выпустить светила на свободу. Боги или души представлялись в метеорах. Ломон рассказывает об одном мальчике, который при виде падающей звезды заплакал, думая, что видит в ней душу предка. Феи, живущие в горах, становятся видимы в туманную погоду. Самый туман рожден Ранги (небом) с Папату-Ануку (обширной поверхностью). Исполины с огненными глазами живут на уединенных островах, как, например, на пустынном вулканическом острове Мануа близ Райатеи. На Гавайи существуют места, где процессии духов проходят со свистом; тот, кто их услышит, должен умереть. Предвещения окружают всю жизнь этих людей густой сетью неотвратимых роковых случайностей, и суеверие не дает себе труда отыскивать наиболее вероятные отношения между причинами и следствиями; подчинению Таити французскому протекторату в 1842 г. предшествовала трещина в балке, на которую опирались дворцовые ворота.

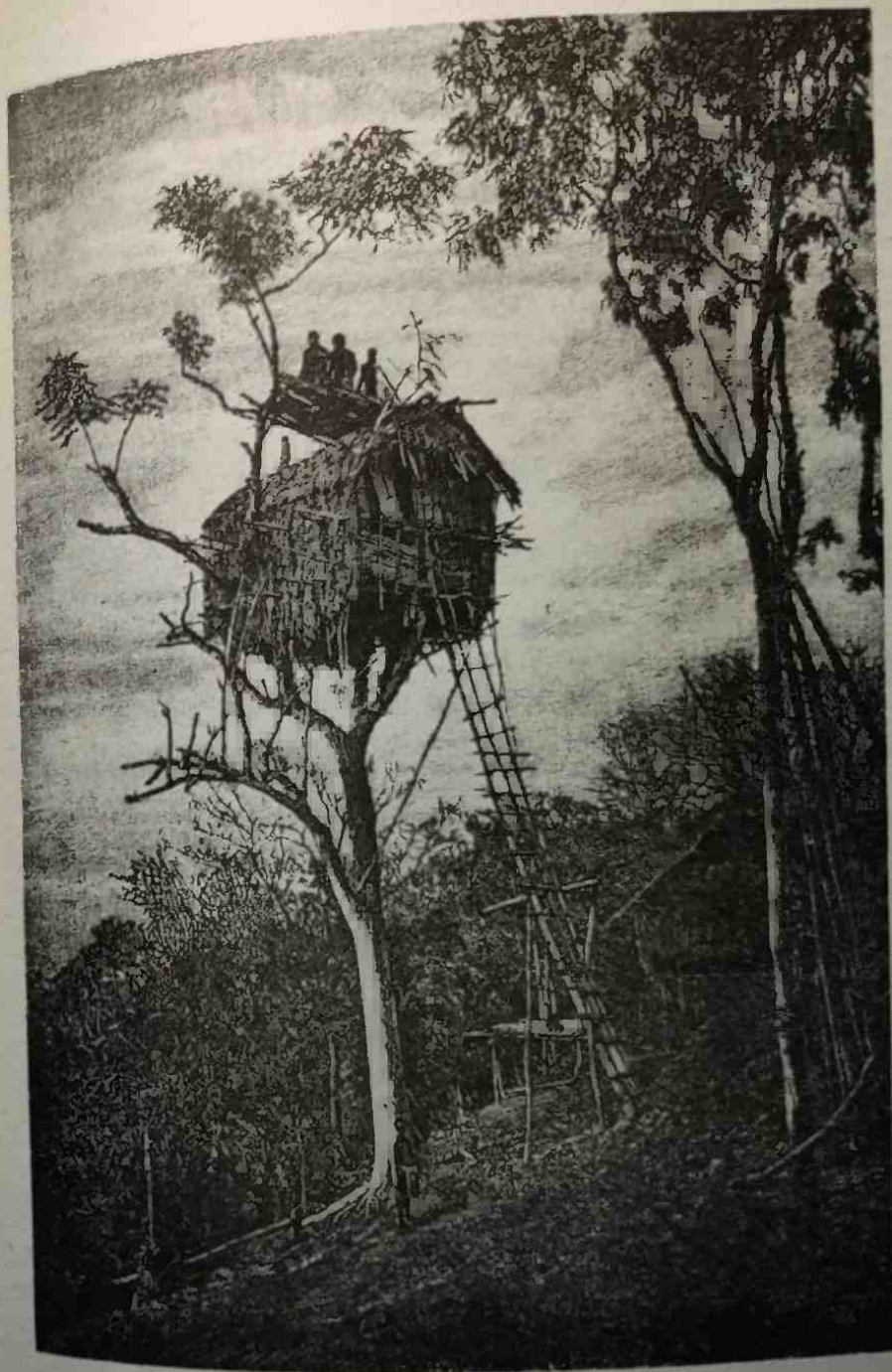
Наконец, духовные существа управляют и занятиями людей. Особые божества посылают рыб в известное время к берегу; особые божества призываются рыбаками, когда они вяжут сети, садятся в лодку или работают на море. Точно так же и у сельских хозяев, плотников, строителей домов и лодок есть свои покровители. И над играми наблюдают пять или шесть духов, и даже над отдельными пороками и преступлениями. Начальники не останавливаются перед призыванием Гиро в качестве покровителя воров в тайных процессиях, для которых всего благоприятнее 17, 18 и 19 ночи месяцев. От украденной свиньи ему приносится в жертву часть хвоста со следующими словами: «Здесь, добрый Гиро, часть свиньи; не требуй ничего больше!»

Склонность к многообразию и параллелизму мышления способствовала увеличению числа богов. Так, многие члены небесного полчища представляют нам произведения жреческого языка, говорящего образами. Он противопоставляется полному предчувствиям, духовно-чувственному воззрению. Таким путем увеличивались образы в сказаниях, рядом с которыми ставились олицетворенные братья и сестры, пока из них образовались целые семьи.

Довольно трудно личных покровительствующих духов отделить от таких духов целого племени. К тем и другим относятся

одинаково и по существу они — одни и те же. Здесь же обнаруживается система тотемизма. Самоанец видел свое божество в угре, другой — в акуле, третий — в черепахе, собаке, сове, ящерице и т. п., во всех классах других морских рыб, птиц, зверей и других существ, даже в некоторых слизняках. Он без опасения ел мясо животного, в котором обитало божество другого человека, но оскорбить или съесть воплощение своего собственного божества было для него равносильно смерти. Бог мстил за оскорбление тем, что входил в человека и, чтобы погубить его, производил в нем те же существа, которые тот ел.

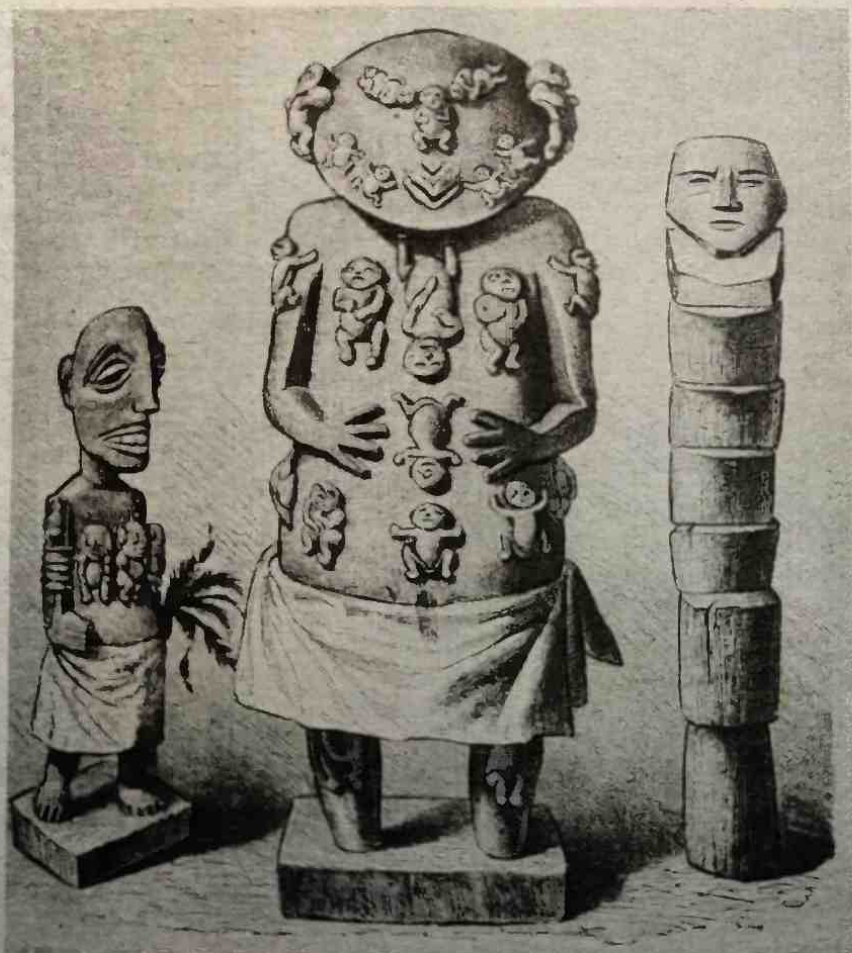
Наряду с обязанностью служить вместилищем покровительствующих духов, оживленным существам принадлежали известные назначения в истории богов и в их общении с людьми. Нам часто приходилось слышать о древе жизни, на верхнюю ветку которого прямо с неба сходят боги, спускающиеся на землю. Поэтому на Тонге дерево тоа поднимается высоко к небу. Говорящее дерево находится рядом с жилищем Икулео, властителя неба; когда он требует смерти человека, за ним посылается лодка и дерево берет его душу. Когда люди появились на мировом дереве, они получили свои души из небесных высот. Легенда принижала небесное растение до простого дерева, откуда человек глядел в небо, как это было на Палау, и оставляла его расти, чтобы божественный Куат (Банксовы острова) мог влезть на него, спасаясь от своих преследователей. И души богов могут быть изгоняемы в деревья: так, Мауи узнал от своего дяди Инопорари о деревьях норо, с которыми была связана жизнь его братьев и сестер и его собственная, и которые росли в подземном мире. У маорисов деревья представляли бога Танэ, дети которого живут в виде водяных и наземных птиц. На Таити дерево ао сажают вблизи храмов, так как в нем живут боги, а из щепок дерева аито Тангароа, происшедший сам собою, создал низших божеств прежде, чем людей. В Меланезии фиджийцы оказывали почитание деревьям, бросая листья на последнее место тени при вечернем солнце. Но наряду с деревом ве-зи, стволы которого употребляются для лодок, смоковница с широко распространёнными корнями считается священной, как седалище богов, так же, как и раздвоенная кокосовая пальма. Добрые карликовые божественные души «вели» поют в дуплах деревьев. Листьями некоторых деревьев натирают оружие с целью достижения успеха; но на Ватэ закапываются листья рядом с домом для причинения болезней. На Новых Гебридах панданус пользуется особым почитанием: во время священных плясок вновь вступающие в тайный союз появляются прикрытые панданусовыми ветвями и обвитые гирляндами из листьев этого дерева. В Микронезии также существует почитание священных деревьев. Так, на Бигоре почитают кокосовые пальмы, обнесенные изгородью, потому что на верхушки их спускаются «ани». Калит, который на Палауских островах придумал имена начальников и первоначально жил внутри земли, воплощен в больших лесных деревьях. Куст перед домом

Дом на дереве в Кояри, британская юго-восточная Новая Гвинея, конец XIX века.

короля Коррора считался последним потомком растений, принесенных из погрузившейся в воду страны духов, а на Тапитусе на Джильбертовых островах в Новый год приносились жертвы под старым деревом Мамани.

Птицы играют роль носителей и хранителей огня в сказаниях о Мауи, а также в одном варианте сказания о творении человека. С помощью кулика или жаворонка, посланного на землю своим отцом Тангароа, были созданы люди — выкапыванием червей из земли. Другое самоанское сказание заставляет этих птиц принести душу человека в виде птицы. И семена полезных растений птица принесла на землю из плодовых садов на луне. Новозеландцы считали какуду священной птицей; для них было дурным

Таитские идолы, вырезанные из дерева (коллекция «Лондонского миссионерского общества», в Лондоне), 12 см.

предзнаменованием, когда птица тарата летела за отрядом, направляющимся в поход. Сова возбуждала настоящий ужас. В качестве носителей душ и огня в Полинезии почитались священными и другие птицы, например, на Таити цапля и птица отараре. Красные перья служили символом огня, который творческое божество вложило во все живые существа. Один знаток Фиджи говорит: «Если бы мы хотели представить точную эмблему старинной фиджийской религии, то мы должны были бы выбрать красивый панданус, под которым спит, свернувшись, большая змея и вблизи которого петух с яркими перьями поет изо всех сил, чтобы разбудить ее». Эта птица, провозвестница дня, вестник света солнца, птица солнечного бога — та самая, за оскорбление которой сыновья Нденгеи навлекли на себя такой гнев своего божественного отца, что он наслал громадный потоп на всю землю. Большие белые раковины служили украшением ее ног, и красивых перьев было так много, что, ощипывая только одно крыло, можно было окружить, точно туманом, целую горную вершину. В остальной Меланезии рядом с ящерицей-вараном в разных изображениях всего чаще попадает птица-носорог. Гамбургский музей хранит деревянное резное изображение такой птицы, где она своим клещевидным клювом извлекает ребенка из чрева матери.

Из млекопитающих роль баснословного животного играет свинья. Чтобы одолеть свинью, поедавшую людей на Эйве, исполнены отправились с Таити на плотах, или ее умертвил Гиро, рожденный солнцем. Свиньи, в хлева которых могли входить только жрецы, были самыми драгоценными жертвенными животными. На Нукугиве было найдено каменное воспроизведение свиной головы вместе с человеческими костями. Сюда можно причислить и зверообразных баснословных существ. Мотив океанического земноводного, тело которого живет на суше, а хвост, подобный змее или ужу, достигает до моря, встречается на Фиджи и в других местах Меланезии в виде хвостатых божеств, а также и душ начальников в Сиулео.

Особый круг легенд, так же, как и в Австралии, окружает ящериц, которые приводятся в тесную связь с живущими в глубине земли божествами землетрясений. Божество это на Фиджи жило в пещере, когда оно было изгнано оттуда волшебством, там осталась в виде игрушки его, содержавшаяся в клетке, исполнская ящерица, которая была, наконец, убита начальником Тарой. С нею легенда связывала какое-то земляное сооружение, имевшее вид большой ящерицы, на реке Вайтио. Встреча с зеленой ящерицей во время похода считалась дурным предзнаменованием. Атуа охотно появляется в виде ящерицы. Подобно тому, как ящерицы заползают в отверстия тела и вызывают болезни, у маорисов бог ящериц Моко-тити вызывает головную боль. И о Танэ говорят, что он жил в ящерице. Змеи пользовались у меланезийцев наибольшим почитанием из всех животных. Некоторые места на Фиджи даже славились своим культом змей. С другой стороны, гаттамца на Новой

Гвинее предпочитали больших змей всем другим животным в качестве кушанья. Среди идолов папуасских храмов на Вайгу можно найти и крокодила. На домах жителей Соломоновых островов ставятся идолы, нижняя половина которых изображает акулу, а верхняя — человека, для отклонения дурных влияний. Щиты черепах, играющих такое важное значение в питании туземцев, сохраняются в храмах. Идолы с рыбьими головами мы знаем на острове Пасхи. Большие угри на Флориде предпочтительно признавались жилищами душ умерших.

Скажем в заключение о широко распространенном поклонении камням. В Меланезии едва ли можно найти священное место без священного камня. Мотивом всевозможных сказаний, напоминающих восточные легенды, служат полуразрушенные береговые скалы. Море у скал представляется любимым местом богов, борющихся между собою и создающих острова. Захваченные дневным светом, они вынуждены были оставить скалы на этих местах. Боги считаются творцами больших каменных фигур на острове Пасхи. Сюда примыкали сказания островов, богатых каменными идолами, как, например, острова Токелау, где первый человек произошел из камня и создал жену из песка, вложив в нее свое ребро. На Тонга-Леву Тангароа построил дольмен, указывающий направление пути богов в Вавай и Гапай. На Джильбертовых островах приносится жертва на камне в каменном кругу, причем камень обвивается листом пальмы. Рыболовы поклоняются стоячим камням, и идолы могут изготавливаться только из камня известного рода. Дождевые камни, когда дождя слишком много, кладутся в огонь, а во время засухи опрыскиваются водою. В камнях видели также каменные останки рыб после большого потопы. Каменные идолы, обернутые тканью, составляют предмет поклонения в Микронезии, многие из них были привезены издалека. Туи-Токелау, почитаемый за божество, живет в камне, обернутом тканью. На Моте маленькие камни употребляются как целебное средство от всех болезней. В Новой Гвинее обрезание совершается свежееобтесанным каменным ножом, в крайнем случае осколком бамбука. Кубари и на Палау нашел идола божества из черной вулканической породы. Маленькие изображения предков из камня рыбаки привязывали к сетям для удачной ловли рыбы. Утесы на Фиджи считаются местом рождения бога Денге, а на Палау — последними остатками погрузившихся в море призрачных островов, откуда пришли в эту страну исполинские предки нынешнего населения — калиты. Там часто находят волшебные предметы, например, под одним утесом Коррора, корень косоля, который, положенный на конец лодки, сам собою приводит ее к цели путешествия.

Почитание воздается и морю. Все, что связано с ним, в особенности мореплавание и кораблестроение, ставится весьма высоко. Жрец на Нукуоре ударяет восемь раз священным топором о ствол дерева, предназначенного для постройки лодки. Только тогда, когда протекут три месяца после смерти духовного вождя, дерево это

может быть срублено и обделано. На особом празднестве жители Понапэ посвящают богам все лодки, построенные в предыдущем году. Весло в качестве могильного знака служит символом выдающейся деятельности мужчины, так же, как веретено — женщины. Не только трупы, но и тяжело больные и ослабевшие от старости на Тоби кладутся в лодки. На Мортлоке высшее почитание морскому богу воздается тем, что к нему отправляют павших в битве, так как умершие естественной смертью погребаются в земле.

Благодаря одухотворению, проникнувшему в мир человека и природы, боги и идолы возникали массами и заводили ум океанийцев в лабиринт вне- и сверхчувствительных представлений. В этом крайнем стремлении к созданию образов мы находим отпечаток расы. Не случайно полинезийцы и мадагасцы обладают общей для них широкой теогонией, первые — крайне политеистической мифологией, а вторые — усиленным фетишизмом. Если только небольшая часть этих духов поднималась на высоту божественного почитания, оставляя главную массу на земле, то все-таки число их было велико: списки, составленные миссионерами на Райатее, содержат почти сотню имен божеств. Причина, почему некоторые из них поднимались выше, зависела от продолжительности жизни племени. В более отчетливом порядке мир богов отражались прочность предания. Поэтому вообще мы находим больше богов на востоке у полинезийцев, и больше духов и призраков на западе у микро- и меланезийцев. Именно тогда, когда христианство коснулось полинезийцев, они находились в состоянии оживленного мифологического творчества; новые отпрыски и цветы, вызываемые к жизни их возбужденной фантазией, находили твердую опору ча-

Идол из Новой Зеландии (коллекция Кристи в Лондоне), 13 см.

стью в прочно кристаллизованных космогонических сказаниях, частью в системе порядка, положения и родства, наивно одухотворявшей отношения здешнего мира. Там, где господствовала склонность беседовать целым обществом о религиозных преданиях на возвышенных местах в тихие вечера, как, например, в Новой Зеландии, время создало органы и методы творчества, и божественное учение приобрело более прочную связь, чем в тех областях, где жизнь была менее устойчива и не имела органов традиции и жречества.

Высших богов связывало происхождение из хаоса, предшествовавшего всякому бытию, их называли рожденными ночью. Впоследствии в их круг попадали полубоги и герои, даже люди высокого происхождения. Это много способствует затемнению полинезийской мифологии. Именно эти, возвысившиеся позднее, имели большое значение в царстве богов, хотя только местное. Более глубокая связь с космогонией, напротив, в высшей мере свойственна только одному: Тангароа под именем Тароа и Каналоа пользовался почитанием и на более дальних островах. Сказания на Раятее в величественном виде изображают его власть, оказывающую действие на все: сперва, облеченный в яйцеобразную раковину, он носился в темном воздушном пространстве, утомленный однообразным движеньем, простер руку, поднял ее, и повсюду тотчас же стало светло. Он взглянул на песок берега и сказал: «Поди ко мне». Песок ответил: «Я не могу лететь в небо». Тогда он сказал скалам: «Пойдите ко мне». Они ответили: «Мы крепко сидим на земле и не можем прыгнуть к тебе в высоту». Тогда бог спустился к ним, бросил свою раковину и прибавил ее к земной массе, которая вследствие того стала больше. Из осколков раковины образовались острова. Тогда он произвел людей из своей спины, и сам превратился в лодку. Когда он плыл в бурю, пространство наполнилось его кровью, которая дала цвет морю. С моря она распространилась по воздуху, и от нее светятся утренние и вечерние облака. Наконец, его остов, лежа на земле спинным хребтом кверху, послужил жилищем для всех богов и, наконец, прообразом храма. Тангароа сделался небом.

По другим преданьям, он выступает в качестве Нептуна полинезийцев. Его почитали также как покровителя плавающих в выдолбленных лодках. Наконец, он, давши образ храма, сделался покровителем художников. Морскому народу свойственно считать морского бога отцом и первым из богов. Между тем, как под его верховной властью творение восходит от растений и червей к человеку, последний с помощью бога Найо становится более утонченным и более близким к богам. Этот Найо, установивший движение солнца и неподвижность земли, примыкает в конце концов к новозеландскому Мауи. Вследствие этого прибавления второстепенных богов или помощников с течением времени положение его стало неясным. Его называли не созданным, живущим от времен мрака, и воспевали следующим образом:

Таароа, основание корней,
Нижнее основание скал,
Таароа, морской песок,
Таароа находится повсюду,
Таароа пробивается как свет,
Таароа управляет внутри...

Официально поклонение воздавалось ему в немногих местах. В качестве создателя мира Тангароа со своей женой, от которой у него были сын и дочь, имевшие в свою очередь двух сыновей, является первым вышедшим из «по» и породившим вследствие объятий со скалистой почвой сушу и море. Когда предвестники дня, темное и светлое голубое небо, пришли к нему и просили у него души для земли, он поручил своему сыну Райтуне исполнить его волю. Этот последний создал, взглянув только на небо и землю, все, что только находится на небе, на земле и в море.

Уже в громадной творческой силе Тангароа, из которой исходит безразлично доброе и злое, лежит корень превращения его в злое начало. На Тонге оно заменяет солнце и луну, а на Гавайи среди четырех главных божеств является злым духом. На Фиджи именем Тагалоа называется трупный запах.

Другой божественный образ представляет в связи с Тангароа человеческая сторона его сознания: во многих преданиях отцом человеческого рода называется Тии. Рожденный Тангароа от объятия берегового песка, он сам создал свою жену, дети его были родоначальниками людей. Поэтому два Тии, земной и морской, приняла на Опоа человеческие тела и заселили острова, обитавшиеся до тех пор только богами. Но существовало также воззрение, что Тии и Тангароа — одно и то же существо, как дневное и ночное солнце. Некоторые уверяли, как относительно Тангароа, так и Тии, что он был первым человеком, который, продолжая жить после смерти, носил это имя, то же название получили впоследствии и души умерших. Это сказание кажется распространенным господствующего во всей Полинезии представления о Тангароа, творце людей. Его заставляют вместе с женою постепенно обитать на всех островах и заселять их. Тии неоднократно играл роль благодетеля человеческого рода, подняв небо над землею, ослабив бога землетрясения, принеся огонь на землю и создав людей. Поэтому он тесно примыкает к Мауи и, соответственно тому, выступает на островах Товарищества в качестве бога света, рожденного солнцем и луною.

Таким образом, из космогонии развилась мифология. И здесь она обязана своим существованием смутной потребности знания. Той же цели содействовало и стремление привести в порядок представления загробного мира. Понадобились властители неба и ада. Так вечно отражающееся антропоморфическое стремление к созданию образов поднимает человеческие образы в виде носителей творческих и разрушительных сил природы, в увеличениях и искажениях, в глубокое сияющее небо и помещает их на дальнем горизонте своего островного отечества. Там действуют и чувствуют настоящие полинезийцы, но в исполинском виде. Стремление

к господству и власти, ревнивое притязание на почести и богатство, беспощадная месть в случае неудачи свойственны всем им. Нравственные преимущества, выдающаяся мудрость и щедрая доброта не украшают ни одного из них. Преступления всякого рода находят прообраз и поощрение в мире духов. Таким образом, очеловечивающий политеизм даже и высшие существа сводит на землю. Только в начале творчества деятельно проявляется стремление выразить в образе предугадывание общего происхождения и связи существ. Творчество начинается в величайшей метафизической глубине. Здесь мифология приближается к происхождению науки. Поэзия и сказания стремятся затем к разъяснению мировой загадки. И напрасно, это навсегда останется блестящим свидетельством умственной силы полинезийцев. Они были бы выдающимся народом, если бы развитие их направилось в другие области. В самой основе их существования среди широкого морского горизонта чувствуется теснота, ограниченная островной жизнью. И космогоническое начало следовало ходу естественного развития: средоточие мира произошло поднятием суши с первоначального дна, острова, открытые позже, были выловлены героями. Вообще повсюду проходит воззрение, что первичные силы природы, которые в божественных воплощениях выделили из себя мир явлений, после органического замкнутого процесса развития опять стремились поглотить их.

Хотя боги имеют начало, но у них нет конца: так говорится на Тонге. Земля, небо все само по себе также божественно, поэтому «по», ночь, помещается в начале вещей. Из кругов по от первой до десятой ночи произошел, наконец, Кака, бывший отцом брата и сестры Ранги и Папы, которые дали жизнь Тане и его восьми братьям. Ночи имели особые названия, которые глубокомысленно истолковывались жрецами. У маорисов ночь также предшествует творению. После бесчисленных периодов пробуждается желание, затем стремление и ощущение. За первым биением жизни следует мысль и затем действие духа. Тогда рождается желание, направленное к священной тайне или великой загадке жизни. Позднее из материальной, производительной силы любви развивается привязанность к существованию, проникнутая радостным ощущением. Под конец Атеа, мировое целое в пространстве, расщепляется развитием полов на Ранги и Папу, небо и землю, и тогда начинаются отдельные творения на земле и небе. Ввиду этих громадных друг на друга идей Бастиан спрашивает: «Не переселился ли сюда переодетый Анаксимандр или Пифагор?» Отношение к космогониям азиатцев и американцев видно, так сказать, в каждом предложении. Нет надобности даже напоминать о Ру и Буто, солнце и ночи египтян: каждая космогоническая мысль океанийцев имеет кровных родственников на востоке и западе океана.

Папа, земля, и Ранги или Ру, небо, брат и сестра, лежали плотно прижатыми друг к другу. Между тем как поэзия старалась объяснить их разлучение и поднятие неба над землею, отсюда возникла целая божественная легенда, в одном виде на Таити, в другом

на Тонге и в третьем на Самоа. От Ру-Ронго, небесного бога, к Тангароа приводит только местное изменение. Кака, брат Папы, земли, заменил по отношению к ней небо, или свет, и в Гавайи является под именем Вакеа и мужа Папы, который производит вместе с нею целое поколение богов, в особенности ряды братьев Мауи. Погрузившись в глубины моря, он соединился с морской богиней и, когда вернулся на сушу, птицы моа (ныряющие морские птицы), рожденные от этого союза, спустились ему на плечи.

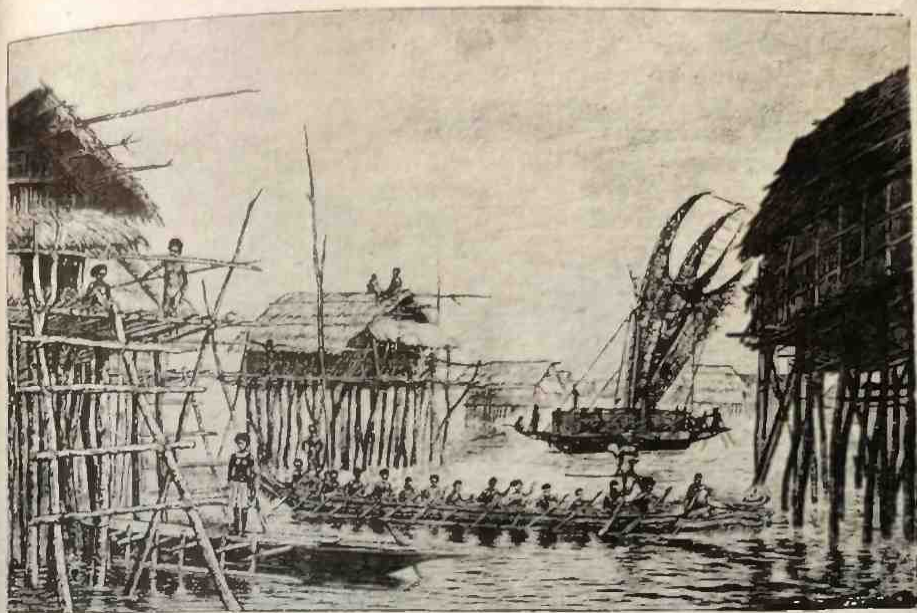
Метафизические толкования того, что было раньше создания земли, мыслимы только при большой общности установленных преданий у полинезийцев, обладавших особым сословием жрецов на островах Гавайских, Товарищества или Новой Зеландии. Там, где учение передавалось смешанными обществами тайных союзов, история творения заключается вполне в сказочном или легендарном мифе. Основные черты, правда, просвечивают и некоторые имена повторяются в нем, но идейное содержание в частности сделалось совершенно иным. Так, нам кажется хорошо знакомым, когда плотники и художественные мастера на Мортлоке почитают средину неба, как настоящего покровительствующего бога под именем Лагейланга, по своей сущности это — Ранги. Еще ближе знакомо нам распространяющееся с востока до Джильбертовых островов воззрение, будто небо — плотно прилегающая к земле круглая чаша, которую один из героев более приблизил к богам. Его сестра помогала ему в виде каракатицы. И в других формах брат и сестра выступают при создании мира как представители мужского и женского начала, например, на Марианских, Каролинских, Палауских и других островах.

Характер меланезийских видоизменений полинезийских сказаний о богах часто является прихотливым сведением их в низшие сферы. То, что в Полинезии можно назвать мифом, здесь мы находим в виде сказки, которая утратила величественность, но сделалась более доступной для человека. Первоначальные обитатели островов, соответствующие калитам Микронезии, вовсе не исполины, а добрые гномы, и глава их, Марави, до сих пор еще показывает бедным людям, доверяющимся ему, сокровища, скрытые в расщелинах скал. Шуточные обороты соответствуют веселому характеру этих людей с курчавыми волосами. На Новых Гебридах так рассказывается о творце людей: сначала он заставил человека ходить на четырех ногах, а свинью на двух. Это рассердило птиц и пресмыкающихся, они созвали собрание, на котором ящерица больше всех требовала перемены, а трясогузка оживленно возражала ей. Ящерица выбралась на свободу, взобралась на кокосовую пальму и прыгнула оттуда на спину свинье, вследствие чего та опустила на передние ноги. С тех пор свиньи ходят на четырех, а люди на двух ногах. Но это значило бы не понимать цены этих преданий, если бы мы в духах, в коренных космогонических образах видели только «сказочных героев», какими, по понятным причинам, их особенно любят представлять миссионеры. Полинезий-

ское сказание о творении в виде извлечения острова из глубины моря так излагается на Япе. Когда Матикетик с двумя старшими братьями выехал на рыбную ловлю, он выудил сперва полевые плоды и таро, а затем остров Фаис. Эта удочка хранится жрецами, и так как в случае ее уничтожения должен погибнуть и Фаис, то жители его находились под постоянными угрозами начальником Япа. Так величественное космогоническое представление может опуститься до уровня обмана и суеверия.

Связь творческой деятельности с солнцем и луной, столь ясная в Полинезии, в Микронезии становится уже совершенно легендарной. На Палауских островах рассказывают, что муж и жена, недовольные своим пребыванием на Палау, отправились к камню в Эймилейке, откуда они происходили, и стали звать к себе луну. Когда она приблизилась, они встали на затылок змеи и добрались до луны, где их можно видеть и теперь. Столь же отчужденными являются и другие представления о солнце и луне. Луну, когда она в ущербе, колдуны едят в тесте, и солнце светит ночью в другой стране. На Палау четыре человека, увидев, что солнце зашло, поспешно сели в лодку. Они добрались до него, когда оно было около дерева Денге, и солнце спросило, чего они хотят... Люди эти сказали, что они пришли посетить его, и тогда им было приказано пустить лодку на воду, даже потопить ее. Островитяне сделали это и очутились в незнакомой стране в хорошо построенном доме, где солнце угощало их. Кушанья, приносившиеся на блюдах, были донельзя малы, но от еды они не убавлялись. Наконец, люди приготовились к отъезду, но так как лодку их угнало, то солнце взяло толстый бамбуковый ствол, которого еще не знали на Палау, и посадил его туда. Солнце приказало стволу плыть в Нгаргинкль. Люди благополучно прибыли туда и сделались четырьмя главными начальниками. Но бамбуковый ствол поплыл к Нгарекобазангу. Там стоят теперь бамбуковые леса, которых нет на Пелелиу. Но в воспоминание их подвига людям Нгаркинкля позволено брать оттуда бамбук.

Происхождение творца из камня или земли составляет начало фиджийской и новогвинецкой космогонии. Жрецы Денге указывают скалу, поднимающуюся из реки у подножия горных высот, на которых живет бог: эта скала — его отец. Объяснение заключается в соединении отца (неба) с матерью (землей). Так, у жителей Банксовых островов высший бог Куат исходит из камня, который был его матерью, и создает с помощью своего товарища Маравы остальной мир. Маравы во всех бедствиях призывается вместе с Каутом и в нем нетрудно узнать Мауи новозеландцев и гавайцев, подавшего повод к стольким легендам. Предназначенный к уничтожению Куат получил возможность взобраться на мускатное дерево. Едва достиг он вершины его, как между враждующими братьями дерево стало расти выше и выше и стало так толсто, что Куат не мог уже спуститься по нему. Но Маравы, видя беду друга, бросил нитку или волос с головы на землю. В этом мы видим солнце, а небесное дерево — то же самое, на вершине которого в дру-

Свайная деревня в западной Новой Гвинее, конец XIX века.

гом сказании целая группа таргаров спаслась от ярости враждебного духа.

Острова, которые часто бывают местом вулканических извержений и землетрясений, должны быть особенно богаты мифами, изображающими силу огня, заключенного в недрах земли. Этой силе приписывали на Маркизских островах животворное влияние и соответственно тому почитали Мауи как творца мира. После того, как Нукугива была поднята божественной силой из подземного мира, одна женщина произвела на свет море вместе с зачатками животных и растений, между тем, как люди и рыбы, заключенные в пещерах, были вулканическими извержениями выброшены наверх. Слияние подземного и надземного огня в одного бога землетрясения, огня и солнца, напрашивается само собой на такой высокой теогонической ступени. Многообразное подвижное существо огня и тепла открывает фантазии неизмеримое поприще. Гавайский Прометей, Мауи, принеший огонь с солнца, на Самоа в то же время — бог землетрясения, на Райатее — творец солнца, а на Маркизских островах — всего живущего. Таким образом, является основание для его высокого положения из того разделения, какое устанавливают маорисы между Ру, богом землетрясения или вулканического огня, и богом огня Мауикой, который находится во всем живом: Мауи является здесь носителем огня и воодушевителем. Вокруг него сплетается ткань сказаний прометео-титанического характера. Слово «мауи» означает — сломанный, разбитый. У Мауи, когда он нес огонь, богом землетрясения Тати была ушиб-

лена или вывихнута рука. Это повторяется в различных видоизменениях. Его братья, в которых он повторяется в различных видах, являются в двойкой форме — как полубоги и как жители земли. Но доставление огня доставалось всегда предпочтительно прославляющимся в сказаниях подвигом Мауи. Получив огонь с помощью птицы с красными перьями, он закончил свой прометеевский жизненный путь после того, как, поссорившись благодаря вмешательству злых духов со своим отцом Канэ, победил его и его брата Каналоа в решении загадок, напал на них и еще кроме того подчинил своей власти целое полчище духов. Канэ и Каналоа из храма улетели ввысь. Мауи хотел последовать за ними, но неожиданно был поражен брошенным копьем в грудь. Вследствие того он утратил свою сверхъестественную силу и вскоре захирел от болезни, как смертный человек.

Какая смесь общих всему миру идей и образов! В ином виде Мауи на островах Товарищества приводится в соприкосновение с солнцем, где он в качестве жреца, желающего закончить божественную службу, прикрепляет уходящее солнце за его лучи. На Гавайи он вернул солнце, убежавшее на Таити, и перебил ему одну ногу, чтобы оно ходило медленнее и высушивало белье его матери. И наконец, мы находим его божеством, родственным Прозерпине, возвращение которого из подземного мира ежегодно испрашивается во время праздника жатвы на Нукугиве. Повсюду огонь приносится на землю против воли богов. Бог, изгнанный с неба, достает его на острове Улеа с помощью угроз от старой женщины Мафуикэ и приносит его на Факаафо, где до тех пор всё ели сырым. С того времени огонь, посвященный богу дня, зажигается там только при рыбной ловле или по окончании ночи. О добывании огня трением двух кусков дерева напоминают сказания на Токелау и Палау.

В этот ряд великих богов Полинезии вступает и Тане или Канэ, находящийся в близком родстве с Ронго, Ранги или Ру, небом или носителем неба. После разлучения неба и земли Тане украсил небо звездами и превратил на земле изувеченных детей в деревья. Он является, таким образом, помощником и завершителем творения. По другому сказанию он создает первого человека или его предшественников. Еще более существенным действием разрешает он в сказаниях маорисов важную задачу разлучения его родителей, Ранги, неба, и Папы, земли, и поднятия неба. Когда он затем вззошел на небо, чтобы найти себе жену, он узнал, что там есть только одна женщина, но получил от своего отца Ранги совет — вернуться к матери. Там он создал из своего ребра себе жену, Гине, и произвел с нею дочь. Узнав в Тане своего отца, она убежала со стыдом к своему брату и превратилась назло Тане в прародительницу Гиненуитепэ (ночь), между тем как Тане остался на земле. Пока Тане всюду искал свою дочь, он встретил Регуа, своего брата, всеоживляющий огонь в верхнем, десятом небе. Этим посещением оживляющего огня Тане примыкает к Прометею-титану

Мауи, так как он в то же время искал воду жизни для охраны от Меру и считался отцом птиц. То и другое сближает его с Тангароа. Регуа был на Таити настоящим звездным богом, звездой начала года, породившей близнецов и плеяд и признававшейся божеством года. Утренняя звезда считается сыном неба и руководителем мореплавателей, а вечерняя звезда — сыном солнца. В падающих звездах видят атуа. Близнецы называются сыновьями людей, которые спаслись на небо, боясь того, что их разлучат.

Тесно связаны с прихотливым мифологическим строем идей, образуя в то же время самобытный мир, полинезийские представления о загробном мире, являясь несколько облагороженным отражением земной жизни, но более близким к последней, чем к миру богов. Только бог подземного мира почитается наравне с последними — Икулео или Гикулео, младший брат Мауи, властитель Болоту, неба благороднорожденных, бог и руководитель их душ. Рядом с его небесным дворцом бьет источник жизненной воды, возвращающий к жизни души умерших вождей, оживляющий мертвых, исцеляющий больных. Или же он пребывает в пещере в Болоту, из которой может выходить не далее длины своего хвоста, сросшегося с землею, и где он живет в роскоши с женою и детьми, заставляя служить себе души начальников. Так как жажда душ составляет одно из его главных свойств, и в то же самое время подданные его царства ушли под предводительством сыновей Тангароа, то он старался вернуть их из Тонги, призывая к себе души главных начальников. Он более всего обращал внимание на первенцев самого знатного происхождения. Однажды наступила между ними такая смертность, что Мауи на земле, а Тангароа на небе должны были сковать Гикулео. Под именем Сиулео он выступает на Самоа во главе воинов, которых он ведет к победе, когда благосклонно принимает их жертвы. В виде Милу и Вакеа, двух однородных половин того же образа, мы встречаем его на Гавайи. Сказания, относящиеся здесь к нему и к его призрачным спутникам, представляют нам материал для представлений полинезийцев об аде и рае. Подземное царство Милу будет продолжаться без конца и было уже с самого начала. Известия о нем приносились мнимо-умершими. Оно представляет плодородную равнину, даже несколько светлую, все растет там само собою. На дворе дворца Милу происходят всевозможные увеселения. Милу выбирает для себя самых красивых из прибывающих туда женщин, которые с этого времени становятся табу для всех других атуа. Другим властителем подземного мира является Вакеа, царство которого было основано позднее царства Милу. На оба эти царства наложено табу: из одного из них нельзя попасть в другое. Вакеа царствовал на земле, прежде чем сделался богом. И Милу был человеком, но менее добрым, поэтому Вакеа царствует над высшими, а Милу — над низшими душами. Души умерших несутся по направлению заходящего солнца к островам Кане и там прыгают со скалы в море или скрываются в отверстие на земле. На Оагу такое место показыва-

ется вблизи западного мыса, что наводит на воспоминание о таком же положении священного места на Палау. Но души не могут тотчас же попасть в загробный мир, а некоторое время бродят у его пределов и могут, если они окажутся только обмершими, вернуться в верхний мир. Отсюда исходит страх пред недавно умершей душой, так как ее полутелесное явление может напугать до безумия. В царстве Милу души развлекаются шумными играми, в царстве Вакеа господствует торжественный покой. Место для мучения злых, которое в качестве мрака продолжительной смерти и темного углубленного места указывается на обратной стороне неба, где привешены звезды, могло быть занесено сюда из чуждого круга идей.

На Гавайских островах, вызванный величественными вулканическими извержениями, образовался целый круг сказаний о подземной огненной богине Пеле, примыкающей к сказаниям об Аиде. Менее проникательные наблюдатели приписывали ей, как самому могущественному из божеств, не только вулканический огонь, но и гавайский потоп. Когда Пеле предприняла путешествие на Гавайские острова, которые были в то время огненной пустыней, с нынешними горами, но без пресной воды и даже без моря, родители дали ей с собой море, чтобы оно могло нести ее челноки. Когда она пристала к Гавайи, волны поднялись до такой высоты, что были видны лишь самые высокие вершины горных исполинов. Но вскоре после того море опустилось опять и достигло своего нынешнего уровня. Пеле со своими старшими братьями и сестрами, властителем пара, молнией, громовым человеком, насылателем огня, разрушительницей лодок с огненными глазами, раздробительницей неба и т. д. удалилась в огнедышащие горы. В шуме потоков лавы канакки слышат их голоса. Пеле часто меняла свои местопребывания, изгнанная морским богом Моаной, она живет теперь в Килауэ, единственном действующем вулкане этой группы. И после обращения островитян в христианство кратер Килауэа еще долгое время оставался под строгим табу. До новейшего времени чужеземцы замечали, что их туземные проводники бросали с непокрытыми головами в огненное озеро маленькие жертвы вроде стеклянных бус, кораллов, раковин и пр. с приветствием: «Алоа, Пеле». Воспоминанием о некогда могущественной богине служат волосообразные стеклянные нити (волоса Пеле), встречающиеся в кратере Килауэа.

Фантазия меланезийцев не поднималась до таких величественных украшений области душ, но дороге туда она обставляла многими и разнообразными препятствиями. Название Мбулу у фиджийцев напоминает тонганское Болоту. Точно так же гавайская игра в мяч повторяется в Новой Каледонии в виде игры душ поморанцами на морском дне. По дороге в Аид прежде всего встречается город, и тени проходят через все его дома, ввиду чего все ворота открываются в одном направлении. Затем они должны пройти мимо исполина, который старается в них попасть большим

каменным топором. Раненные им вынуждены вечно бродить в горах в виде духов, а спасшиеся от него получают после своего освобождения разрешение от Нденгеи наслаждаться запахом человеческих жертв. Самую худшую участь терпят души безбрачных. Их подстерегает Нанга-Нанга и как только схватит одну из них, он поднимает ее обеими руками и бросает на скалу так, что она разбивается пополам. Поэтому у фиджийских племен было в обычае удушение вдов, так как бог мужские души, приходящие без жен, считает за холостяков. Если жена умрет раньше мужа, то вдовец кладет свою отрезанную бороду в левую подмышечную впадину трупа, как доказательство того, что умершая была замужем. Дух, насильственно препятствующий вступлению в подземное царство, известен и в Меланезии. Салатау старается ударить входящих в Аид обитателей острова Вате палицей по голове. Это тот же дух, который на Фиджи в виде Самуйяля, или Саму, или же Равойяля подстерегает души, чтобы вместе со своими братьями съесть их. Души простых людей погибают, а души знатных входят в Мбулу. Они идут на вершину горы и находят там сидящих в пропасти отца и сына с веслом в руке. Если они о чем-нибудь спросят у них, то их сбрасывают и они должны плыть в загробный мир по морю. Могут показаться странными этот отец и сын с веслом в руке, когда душам приходится плыть. Но мы должны помнить значение перевозчиков душ, хотя это не относится к Фиджи, где места, куда пристают души, лежат к северо-западу и где воображают, что слышат вместе с западным ветром из Галонгало шум этого плаванья. После смерти своего короля трое самых старых из мужчин племени идут с платками в руках на берег реки, чтобы найти провожатых для души. Они там громко зовут перевозчика и ждут, пока к берегу не подойдет более крупная волна, служащая признаком невидимой лодки. Тогда они отворачиваются и кричат: «Входи, господин!» Затем уходят оттуда как можно поспешнее, потому что глаз живого человека не должен видеть, как душа входит в лодку. Самый труп погребается по обыкновению.

Души, не попавшие в загробный мир, погибают или возвращаются назад и затем, подобно душам, раненным в борьбе душ, беспокойно блуждают по земле. Подобная же участь подготавливается тем, которые бросают китовым зубом, положенным в гроб, в дерево Такивелайява и не попадают в него, а, по фиджийским сказаниям — для нетатуированных женщин и скупых. Этот исполненный опасностями путь душ разделяется остановками, на которых еще раз умирает каждая из душ. Скупцы, убийцы и другие грешники, по верованию жителей Соломоновых островов, подвергаются очищению таким образом, что превращаются в отвратительных пресмыкающихся — змей, жаб и т. д. Сходные с этими следы неясных представлений о награде и наказании в вечной жизни можно встретить повсюду. Но нельзя считать первичным представление фиджийцев о том, что души должны появляться перед судом Денге.

Обыкновенно души спускаются вместе с солнцем в океан и на следующий день, при его восходе, достигают другого мира. Поэтому островные мысы, откуда души прыгают в темноту, лежат на западе.

Там, где, как у фиджийцев, у каждого человека и у каждой вещи различают две души — тень и отражение, только темная душа уходит в подземный мир, а душа, похожая на отражение, остается у могилы. Этим объясняется появление душ во сне. Другое представление ставит для душ цель даже и в загробном мире, так как за высшей ступенью жизни в Мбулу следует уничтожение. Но это уничтожение олицетворяется и в другом предании принимает характер начальника душ в Мбулу, который при этом, вероятно, является божеством, поедающим души. Другие, однако, заставляют души оставаться на своем месте, пока земля не будет разрушена и обновлена огнем.

В главных чертах меланезийское учение о духах и богах напоминает полинезийское. Мы не заходим слишком далеко, утверждая, что основа ткани меланезийской мифологии состоит из полинезийских нитей; своеобразные нити только вплетены туда и чаще всего выступают вследствие ослабления прежних нитей и красок. При разнообразии божеств в области Полинезии, Меланезии и Австралии не имеет большого значения, кто стоит во главе их. На каждом острове меняется имя и достоинство властителя богов. Только в рассказах о сотворении мира и подземном царстве мы замечаем больше устойчивости. На Фиджи главою всех богов и людей считается Денге, Тенгеи или Нденгеи. Денги вначале обладал свободой движения, но в качестве змеи прирос к земле своим свернувшимся хвостом. Этим он сходен с тонганским властелином местопребывания душ и Диануей, богом душ в Новой Каледонии. С того времени он стал богом землетрясений, бурь и времен года. Говорят, что как только Денге шевелится, выпадают плодотворные дожди, на деревьях появляются ценные плоды и поля яма дают превосходную жатву. Но Денге в то же время — бог гнева, проявляющий себя в ужасающем виде. Он наказывает свой народ то уничтожением жатвы, то наводнениями. Он даже легко мог бы истребить людей на земле, потому что с тех пор, как он живет в глубинах земли, его мучит ненасытный голод и мог он бы привлечь к себе и проглотить целый мир. Сообразно степени родства с Денге боги на Фиджи распадаются на различные классы. Как и в Полинезии, здесь упоминают о семье богов — об отце, сыне, дочери. Мауту-Мауи, помогавший Денге в творении, называется плодом хлебного дерева и сыном верховного бога. Кроме того, у Денге есть еще несколько сыновей, которые принимают обращенные к нему молитвы. Внуки его — боги отдельных местностей, отдаленные родственники — подчиненные божества племен. Символизированные свойства или способности, напоминающие Индию своими грубыми преувеличениями, стоят еще ниже упомянутых божеств. Таковы Механическая ловкость с восемью руками, Муд-

рость с восемью глазами, Валювакатини с 80 желудками. Два перевозчика душ и родившийся из локтя Рокомуту считаются детьми Денге, что основывается на сказании о творении и потопе.

Люди, созданные из камней или земли творящим богом и его помощниками, или они — простые потомки богов, появляющиеся сперва в виде женщины, а затем мужчины. От их союза произошли прочие небесные и земные существа. На Банксовых островах Куат творит существа плетением из гибких ветвей и по смеху тотчас узнает, что он создал женщину. Там, где Денге выступает творцом людей, мы видим рядом с ним в качестве помощника его сына Мауту (Мауи). Денге создал первую человеческую пару из яиц кулика (киту), а сын его dokonчил их создание до той ступени, когда они получили способность воспроизведения. Творение человека происходит там, где оно не примыкает к богам непосредственно путем грехопадения, между прочим и в Меланезии, из неодушевленного камня. На Факаафо первый человек, происшедший из камня, вылепил из глины руки и ноги своей подруги Иви, в тело которой вставил одно из своих ребер. От них произошли все другие люди. На Палау создала людей божественная пара, Иракадернгель и Эйлуайнгадассакор, таким образом, что он создал мужчин, а она женщин. Стыдливая создательница не хотела показывать своего творения, тогда как ее муж на свое позволял смотреть свободно. С тех пор все женщины носят передник из листьев пандуса, а мужчины ходят обнаженными. И душевная дисгармония обоих полов сводится к этому давнему времени. Когда творческая пара соединяла двоих, случалось, что многие не подходили друг к другу. Первыми творениями были, впрочем, калиты, великаны по размерам и силе, обладавшие способностями, которых нет у нынешних людей. Обитатели островов Вознесения считают их строениями своих каменных памятников.

Из богов второго порядка рядом с высшим и старейшим богом чаще всего ставится бог войны, так как в нем особенно ясно выражен героический характер. Видоизменения его также довольно замечательны. Меру является на Самоа в виде бога молнии и грома и переходит в военного бога Мозо или Мезо, напоминающего Оро таитян. Хотя позднее ему воздается почитание всего Мауи, как богу, закончившему творение, но он все-таки человеческого происхождения. Мару в Новой Зеландии посылает дождь, но также и землетрясение. Его узнают в красноватой планете Марс и почитают его на южном острове как военного бога, которому убитые приносятся в жертву. Рядом с тем, боги полей и жатвы имели наибольшее практическое значение. Часть их свойства могла переноситься на Тангароа, Ту и Тане и пользоваться почитанием в лице этих последних. Между ними были полезные и вредные боги. На Тонге одному воздавалось поклонение при посеве и жатве, а другому — при орошении полей. Но богиня ветра, если ее забывали, уничтожала посевы. В Новой Зеландии вместе с жатвой соединено поклонение изображению Тики, первого человека.

В заключение остановимся на одном из толпы героев. Перед нами мощно выступает Тавагаки, родоначальник маорисов, подвиги которого были столь велики, что за него вышла замуж одна из дочерей неба. Когда она после рождения ребенка скрылась на небо, Тавагаки поднялся за ней на паутине. Родители его жены нанесли ему несколько ран, и, чтобы отомстить за себя, он вызвал потоп. В одном предании говорится, что в гневе он топнул о хрустальный небесный свод, разбил его, и потоп прорвался оттуда. В другом предании герой, вылеченный от ран своей женой Гирипирипири, просит потоп уничтожить его врагов. С тех пор Тавагаки, как руководителю душ, который ведет души умерших начальников с земли на небо, приносится искупительная жертва при погребении. Нечто подобное первому варианту мы встречаем и на Тонге: Гуанаки и Фао приплыли с Тонги на Ниуз, с силой ударили ногою в остров, чтобы заставить его подняться выше, а ударив еще раз, вызвали к жизни растения, от одного из которых произошла первая человеческая пара.

Нисхождение обитателей неба на землю, чтобы сделаться там женами земнородных героев, повторяется в другой форме во многих полинезийских сказаниях. Когда дочерям Денге, властителя неба, стало скучно в пустом доме, им захотелось посмотреть ближе народ, живущий под ними на земле. В это самое время сыновья начальников собрались для торжественного питья кавы. Когда они увидали спустившихся богинь, красота их вызвала тотчас же кровавые ссоры и схватки. Ужасный шум достиг до самого Болоту, и боги в месте своих собраний были испуганы. Ланги поспешил наказать нарушителей спокойствия. Но старшая дочь была уже разгоряченными соперниками в горячей схватке разорвана на куски, а младшей раздраженный отец сам отрубил голову. Эта голова, брошенная в море, превратилась в черепаху, с тех пор мясо этого животного запрещено есть начальникам.

Сказание о грехопадении, объясняющее смертность богоподобного человека, повторяется в видоизменной форме, распространенной по всему миру. Между тем как прежде старик просто сбрасывал старую кожу и появлялся в новом, помолодевшем виде на Соломоновых и на Банксовых островах, все живые существа стали умирать следующим образом. Старая женщина обычным способом сбросила свою кожу в море, но кожа эта повисла на выдвинувшемся кусте. Помолодевшая мать вернулась домой. Так как ее ребенок не хотел узнавать ее, то она должна была волей-неволей пойти и опять надеть старую кожу. С тех пор все люди умирают. На Лифу смерть явилась вместе с любимой пищей островитян, с корнем яма. Когда из сыновей первого человека, обращенных в животных, крыса принесла на поверхность земли корень яма из огорода старика, живущего в середине земли, пробравшись в особое отверстие, и корень этот был посажен, люди начали умирать, так как за украденное питательное вещество они должны были платить своей жизнью. Мы видим намек на грехопадение, когда слышим, что бог

Нобу навсегда покинул Эрроманго после того, как он создал людей. На Вате рассказывают, что жители его однажды, во время отсутствия Нугерайна, сожгли его большие раковины и в наказание за то обречены были на смерть.

Грехопадению людей соответствует период общего упадка и ослабления богов. При этом обращение главного бога в животное играет такую важную роль, что в этом можно видеть оправдание бессмысленного поклонения животным. На Фиджи рассказывают о Денге: когда он однажды смотрелся в чистый ручей, он был поражен своим безобразием. Вследствие того он принял вид змеи. «Если я останусь безобразным человеком, — говорил он себе, — меня все будут презирать. А если я сделаюсь змеей, каждый будет меня бояться и повиноваться мне». В предпочтении, оказываемом животным идолам, заключается, вероятно, нечто позднейшее и регрессивное. Более чистое и высокое почитание высшего существа спустилось до поклонения пресмыкающемуся; героическое мужество и мудрость заместились страхом. Поэтому и полубоги — продукты испорченного времени, которое, будучи недовольно старыми богами, искало новых. На Фиджи один из начальников поднялся однажды на гору и воскликнул: «Кто хочет быть моим богом?» Не слыша ответа, он спустился к морю и повторил свой зов. Тогда ему ответила змея: «Я хочу быть твоим богом». Начальник пожелал признать змею в качестве бога и сделался ее жрецом. Но и в образе змеи это поклонение продолжалось недолго. Когда Денге, сросшись концом своего змеиного хвоста с основой земли, улегся в пещере Раки-Раки на покой, его посещал только старый

Разукрашенная лодка (британская Новая Гвинея), конец XIX века.

слуга Уто, который, однако, при возрастающем равнодушии почитателей приходил по большей части с пустыми руками.

Повторяющееся во многих местах сказание о потопе не находится в какой-либо заметной связи с прочими мифологическими представлениями. Потоп то вызывается верховным божеством, то обоготворенные герои открывают путь волнам. Фиджийский Денге — в то же время Нептун Меланезии. С этим сходятся его отношения к Тангароа и Мауи, властителям моря и виновникам потопа. Когда Денге жил еще на берегу моря в качестве главного начальника, некто начал войну с ним. Тогда он призвал океан с севера на всю низменность и потопил неприятеля, а сам убежал на горы. Когда в другой раз его сыновья-близнецы умертвили его любимую птицу, петуха с великолепными перьями, который будил его каждое утро, Денге даже затопил всю страну. Близнецов он отправил под конец в округ Рева, где они сделались покровительствующими божествами строителей лодок. Поэтому положение корабельных плотников считается здесь почти священным, как на Тонге. На Палауских островах рассказывается следующее сказание о потопе. Старая женщина Милат, которая произвела на свет 4 большие страны, жила в преклонном возрасте в стране Нгареко-букит в Эйрайе. Когда люди именно в то время убили там одного из семи калитов и друга его, проходя по всему Палау, пришли к дому Милат, она дружески пригласила их к себе и спросила, чего они желают. Они объяснили, что они — друзья пропавшего. Милат дала им есть, но сообщила им печальную новость, что он убит людьми своей страны. Тогда друзья решили в гневе уничтожить всю страну, пощадив только Милат. Они ей посоветовали сделать себе плот из бамбука, который она должна была держать на длинном канате из лиан перед домом, перед самым полнолунием запастись побольше пищи и даже спать на этом плоту, так как приближается большой потоп. Женщина сделала, как ей посоветовали, и вскоре вода залила всю твердую землю. Только плот старой Милат всплыл на поверхность. Но через некоторое время канат из лиан оказался слишком коротким, Милат была снесена с плота и утонула. Она приплыла без признаков жизни к скале и запуталась волосами в ветвях дерева, где и была найдена друзьями, искавшими ее. Согласно одному преданию, труп ее был превращен в камень, существующий и теперь, а по другому — она ожила с помощью женщины-калит, принявшей ее образ, после чего искавшие ее мужчины прижили с ней пятеро детей, от которых исходит население Палауских островов. Подобное сказание мы встречаем и на Банксовых островах. Потопы вообще не всегда насылаются в виде наказания. Денге причиняет их уже тем, что ворочается под землю. С потопами здесь, как и повсюду, соединены сказания о переселениях. С ними даже связаны исторические странствования тихоокеанских народов.

Служение божествам не всегда бывает делом жрецов, но эти последние занимают выдающееся положение потому, что они сно-

Священное место в Дорэ в Новой Гвинее, конец XIX века.

сятся с высшими из небожителей и принимают на себя заботу о святилищах и жертвах. Наиболее священными считаются предметы, связанные с божествами — храмы, идолы, жертвы, празднества и все, что употребляется при этом, животные и деревья, где боги пребывают по временам, и т. п. На Таити на христианские

Общинный дом; вправо от него — хижина для доброго гения — мифологического персонажа. Остров Палау (Океания). Конец XIX века.

капеллы перешел обычай, в силу которого при освящении храма король сперва входил туда один, как самое священное лицо из народа. Каждый почитал прежде всего божество своего дома. Перед ужином у огня домохозяин молится семейному божеству. При домашних праздниках старейший в доме приносил семейным богам сосуд с авой. Общинному богу, которому служит жрец, дети посвящаются уже при самом рождении. Бог этот является в образе животных, движения которых истолковываются жрецами в качестве предзнаменований. Наконец, большим национальным богам служат жрецы, которыми бывают начальники или лица, близко связанные с ними. Отсюда исходит неправильное понятие, будто частные люди служат лично своим богам, а начальники — только через посредство жрецов.

Эти жрецы обозначаются на Тонге именем «отделённых», так как они — люди с особой душой. За потомками их признаются такие же способности. Жрецеское звание наследуется в одной семье наряду с званием начальника, или начальники сами становятся наследственными жрецами. Известное благоволение богов простирается и на начальников деревень. На Самоа огонь в доме начальника никогда не должен был угасать, даже и ночью. Кто не хотел приносить начальнику деревни свои повинности, подвергался каким-нибудь несчастным случайностям: он разделял подати с Айтиу. Высшие начальники оставались во время войны в деревне, чтобы помогать воинам молитвой. Но в затруднительных случаях жрецы должны были принимать участие в битве, насылая проклятия на врагов. На Гавайских островах по крайней мере к одному члену семьи начальника переходило жрецеское посвящение. В жреца вселялись души умерших, и его семейный бог был его помощником. Вместе с этим одухотворением предание присваивало ему множество ценных знаний, из которых важнейшие исходят от высших божеств и являются источником крупного влияния. Когда удаётся получить какую-нибудь частицу ближнего, то через неё посредством колдовства жрец, в руках которого находятся вред и польза других людей, может проявлять свою власть.

Части умерших служили самыми сильными волшебными средствами. Такими талисманами были на Маре пучок волос, ресницы, кости, ногти рук и ног жреца, в Новой Каледонии — ногти на руках, на Тонге — человеческие фигуры из кости, на Самоа — куски тапы, которую носили знаменитые предки. Но наибольшая ценность придаётся черепу, который самыми различными образами препарировался, сохранялся и служил предметом почитания. Подвергаясь медленному сгоранию в известной смеси волосы, ногти и т. д. какого-либо человека могут причинить ему болезнь и даже смерть. Если кусочек кости трупа завернуть в листья и с пением некоторых стихов положить на дорогу, то нашедший его подвергается нарывам, сыпям и т. п. Жрецы маорисов убивают врага, вставив в его изображение камень на место сердца. Наряду с жрецами в Новой Зеландии существовали особые колдуны, а на Гавайи —

астрологи. Здесь сыновья Гины, полинезийской Селены, были научены ворожке своею бабушкой. Знанию жрецы придавали высокую цену. Их название «тогунга», буквально «толкователь знаков», в Новой Зеландии применялось к каждому, кто несколько выдавался в чём бы то ни было, например, в постройке лодок или приготовлении копий, он считался «учёным». Все тогунги новозеландского племени считали самым учёным тино-тогунга, высшего, который жил с ариком или начальником. Там, где не было общественных певцов, как, например, на Маркизских островах, жрецы были также носителями исторического предания. Таков был катуна на Гавайских островах.

Общественное положение жрецов в разных группах оказывается различным. С внешней стороны оно отличается татуировкой (у маорисов — волнистыми линиями на лбу) и длинной палкой. Начальники жрецов, арики, составляли вершину общественного строя маорисов. Они не ходили на войну, а представляли это начальнику, выбранному из числа их родственников. Они сохраняли силу наложения табу даже и тогда, когда начальническое звание переходило к другому, и гордились происхождением от самой старинной ветви общей родословной племени. Только арики знает священные песни. Место, где он сидел, надо было обходить как «табу», прикосновение к его голове вело за собою смерть. На Тонге рядом с главным начальником, наряду с ним, а в известном отношении даже выше его, стояла начальница жрецов, которою была обыкновенно старшая племянница Туи-Тонги. Вообще постоянное вдохновение приписывалось только жрецам, хотя бы они занимали чисто служебное положение. Судостроители в качестве служителей Тангароа обладали всеми жреческими правами. На Оагу начальник был в одно и то же время жрецом, школьным учителем, рыболовом и изготовителем деревянных чашек. У обитателей маркизских островов во главе табуированных сословий стоят атуа, богоподобные прорицатели. За ними следуют начальники, власть которых переходит по наследству, «туа», прорицающие в судорогах, которым после смерти приносятся жертвы, как атуа, «тагуны», приносящие жертвы согласно преданию, «оугоу» (моа), или помощники жрецов, приносящих жертвы, «тоа», или военные вожди, и, наконец, «нати кага», изрекающие проклятие. И на Гавайских островах жрец считался выше главного начальника. Часто споры о святости или преимуществе жреца должны были подавать повод к разделению племён и к переселениям, странствования идолов, унесённых жрецами, составляют интересную часть сказаний о полинезийских переселениях. Чтобы поддержать и ещё усилить своё влияние, жрец должен был приносить немалые жертвы. У маорисов тогунги жили в безбрачном состоянии, но высший жрец племени должен был жениться, чтобы иметь наследников своего звания. Посвящённые тауиры должны были поститься и жили в стороне от народа, так же, как и жрец, вокруг храма.

Яп, Нукуор и другие микронезийские острова имеют особого

начальника жрецов и таких жрецов, которые отличаются от колдунов. Путём обмана слышат оракулами невидимые калиты, за которыми скрываются жрецы. Во многих округах им посвящены дома и при каждом доме — женщина. Многие приобретают большое влияние вследствие общения со священными животными. В конце концов система табу и здесь создаёт ограничения, посредством которых жрецы получают открытый доступ во все сферы жизни. У мелких племён старейший принимает на себя заведывание религиозными обрядами. В более обширных обществах рядом с ним мы видим жреца, врача, заклинателя погоды и колдуна. Он должен обладать способностью впадать в экстаз. Традиция сохраняется во всём: жрец в своих заклинаниях прежде всего просит вдохновения у собственных предков. Кто имеет предков, в которых верят и другие, тот имеет двойную возможность сделаться жрецом.

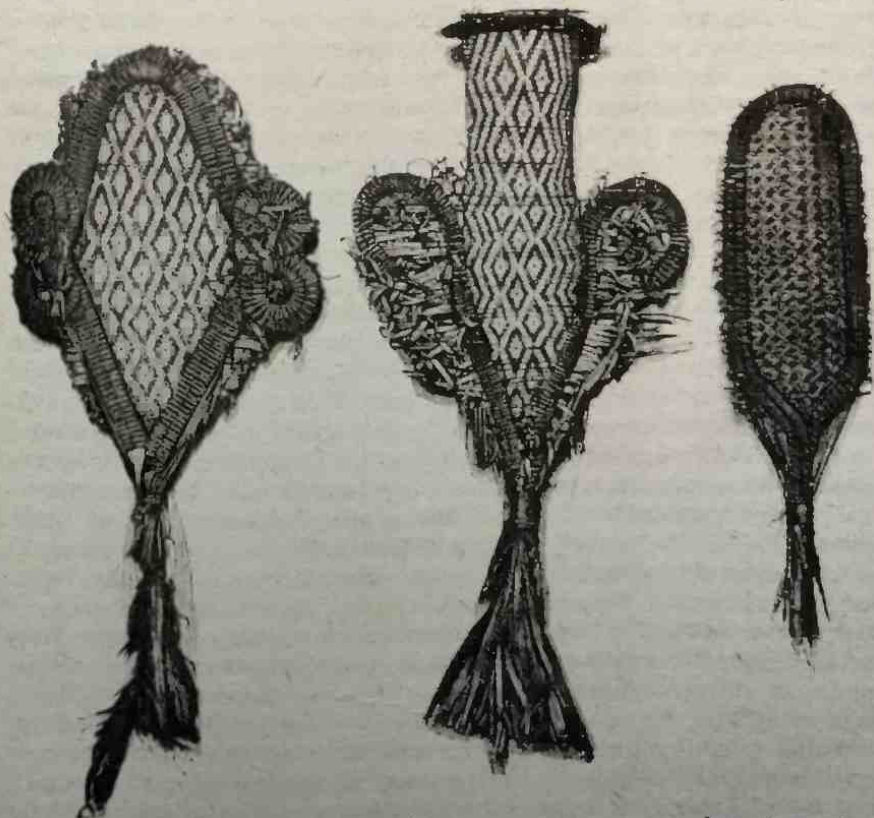
Жрецы предсказывают по состоянию неба, по лаю собак, пению петухов и т. д. или по собственным волшебным орудиям. Об исходе войны маорисский жрец судит следующим способом: он втыкает заострённые палки по числу дружественных и враждебных племён в песчаный холм и бросает в них пучком связанных верёвок. Предвещание считается благоприятным, если палки лягут вверх. Перед каждым предприятием маорис произносит волшебные заговоры. Песни его всегда обладают ритмом и разделены на стихи, чтобы легче могли переходить от поколения к поколению. Другие песни имеют очистительное значение. В «мате», или видении, отражается будущее. Лица, кажущиеся ночью, объясняются как посещение душою страны призраков, поэтому сны имеют значение для постановления решений племени. На Гавайских островах жрец при прорицании вырубал каменным топором знаки грома и молнии, призывая на помощь бога неба.

Посвящение жреца совершается с большими церемониями. В Новой Зеландии, где было нечто вроде школы жрецов, кандидат становился под навес из ветвей, причём одной ногой он стоял в воде, а другой — на земле. Тайная наука жрецов сообщалась ученикам с помощью «Главы источников». Это учение требовало чрезвычайной тщательности во всём своём применении: одно неверное слово при заклинаниях могло испортить всё, даже убить самого жреца. Община и племя гордились как своим божеством, так и своими испытанными жрецами.

В небольшом обществе жрец является в то же время и врачом. Но там, где собраны более значительные массы, например, на Гавайских островах, на Тонге и в Новой Зеландии, существует особый род жрецов, занимающихся по преимуществу врачеванием. Главное дело здесь заключается в том, чтобы узнать что-либо от божества о болезни пациента. При заклинаниях жрец, сидя около больного, обращается с вопросами к божеству и получает ответы пронзительным голосом. Болезни, которые не могут быть излечены жрецом, считаются полученными от «предков». Задача жреца в отправлении правосудия состоит в том, чтобы тайными средства-

ми открыть преступника. Они высматривают его в воде и если не видят там, добывают огонь трением и насылают на него проклятия. Точно так же с помощью волшебного искусства стараются открыть виновников загадочных смертных случаев. Суд божий находится по большей части в руках жрецов. На Гавайских островах подозреваемый должен был держать руки над водою, и та не должна была дрожать в сосуде, пока жрец глядел на него.

Пляски и песни имеют необходимое участие в религиозных церемониях, в особенности в празднестве при собирании плодов хлебного дерева. При этом или употребляются танцевальные палки, или дело заключается только в согласном движении рук и ног. Земпер слышал о сладострастных танцах палауских женщин, исполняемых в лунные ночи в честь какого-то женского божества, но не мог добиться никаких объяснений по поводу их. Пляски в честь счастливых добывателей голов исполняются вместе с песнями, сочинёнными девушками. При этом обычай требует раскрашивания красной краской всей верхней части тела и ног. Но значительная часть почитания божеств заключается в безмолвии. Богов, у кото-

Плетеное танцевальное украшение (стилизованные животные формы) индейцев Гвайяны, употребляемые на празднествах (Стокгольмский этнографический музей). Конец XIX века.

рых нет храмов, не следует беспокоить ни шумной ходьбой, ни криками. Когда Ронгале спускается на остров Фаис, нельзя ни говорить громко, ни шуметь. Жители приближаются к лесу лишь в праздничной одежде и с соблюдением тишины.

Мы там много встречаем священных мест. Их не надо воображать себе всегда в виде зданий: при общем одушевлении мира вся природа является храмом. Места могут быть священными только вследствие пребывания в них духов. В более простых условиях дом жреца, где огонь никогда не угасал, был местом священнодействий. Каждая могила сама по себе священна. Со всеми этими местами было связано право убежища. Распространённый здесь культ душ создавал места поклонения, к которым со временем могло примыкать и служение другим духам. Мест, предназначенных исключительно для поклонения богам, вообще было более в восточных островных группах. Первоначально, впрочем, они были простыми местами погребения. Так как со смертью каждого знатного лица не всегда связывалось создание нового места погребения и оно погребалось уже в освящённом месте погребения предков, то связанное с последним священное значение понемногу возрастало. Большие восьмиугольные каменные постройки с лестницами, предназначавшиеся только для самых знатных, встречались редко и в позднейшие времена, по-видимому, совершенно вышли из употребления. Обыкновенно воздвигались прямоугольные земляные холмы от 3 до 12 метров высоты, окружённые внизу невысоким валом. На верхней площадке, которая часто вымощивалась, ставились один или несколько изящных домиков, пол которых тщательно выкладывался мелкими кремнями, покрывавшими могилу. На более длинной стороне две или три широких ступени приводили к площадке, окружённой с трёх остальных сторон стенами или изгородями. Там стояли алтари, похожие на высокие помосты, идолы, из которых иные прикреплены были к стенам, отдельные хижины для жрецов и даже священные деревья. Изображения главных богов не всегда находились в храмах. Только в торжественных случаях особыми священными носильщиками, которые не должны были заниматься никаким другим делом, они переносились из дома жреца в храм. И в Микронезии местами поклонения (марайе, амалау) служили огороженные места с деревянными и каменными постройками, часто связывавшиеся с могилами. Роль таких «мавзолеев» во внутренней части Ротумы играли дольменобразные каменные строения, прежние могилы, имевшие у Металанимме на Понапе восьмиугольную форму, вставленные по три друг в друга, с углублением в виде погреба, наполненного костями, и подобные же постройки на Уалане. Другие священные возвышения из камней представляют небольшую ступенчатую пирамиду, вершина которой увенчана вертикально стоящим камнем. Калиты на Палауских островах живут в восьмиугольных деревянных хижинах, внутри которых из досок сделана перегородка. С внешней стороны её живёт жрец, чрез посредство которого духи

говорят с людьми. Точно то же мы видим и на Фиджи. Но и здесь старое уничтожается новым. Уже Земпер видел калитов живущими в простых хижинах. И у меланезийцев священными местами считаются могилы, места, где хранятся черепа и другие останки предков, и особенно охотно посещаемые духами уединённые места в лесах, на морском берегу, на горных вершинах и в пещерах. Рядом с храмами могут быть поставлены общинные дома. На Соломоновых островах они назывались «священными» домами. Названия «чёртовых домов», без сомнения, придумано было европейцами. Но они, впрочем, никогда не служили исключительно религиозным целям.

Глубокое влияние на жизнь этих народов оказывал факт, что они своих богов не изображали в настоящем смысле, но чаще представляли их себе временно пребывающими в произвольно избранных предметах. Но такие фетиши не были безусловно необходимыми для сношения с божествами. Немая молитва шепчущими губами у них, как и у нас, возносилась к небу. Употребительные обороты речи на Гавайских островах противопоставляли обращение к невидимым существам поклонению идолам. Идолы почитались только тогда, когда в них вселялся бог (акуа), к этому были направлены молитвы и жертвы жрецов. Выбор предметов был произвольным — плетёные вещи, куски дерева, но лишь священного дерева. К ним ближе всего стояли камни. Обрубки дерева, грубо обделанные, с трудно распознаваемым человеческим лицом и иногда с половыми органами преувеличенных размеров, обделанные в том же роде куски камня и даже внушительные статуи, как, например, на острове Пасхи, или исполинские каменные фигуры подходят ближе всего к нашему понятию об идолах. Но они часто пользовались меньшим почитанием, чем совершенно произвольные предметы, вроде куска дерева, обвитого бечёвками, или ветки банана, обмотанной кокосовыми волокнами. В каждой резной фигуре нельзя видеть идола, так как резьба производилась и ради удовольствия и искусства мастера. В каменных идолах мы скорее можем предположить остатки культа, находившегося в тесном соотношении с мифологическими и историческими представлениями, чем в бесформенных и деревянных обрубках. На западе эти изображения стояли, очевидно, ближе к своим источникам. Когда папуас умирает, сын вырезывает его изображение, ставит его в своём жилище и обращается к нему в важных случаях жизни. Когда умирает этот последний, сын его изготавливает такой же идол и, быть может, бросает ненужное ему теперь изображение деда. Из Нового Лауенбурга нам известны двойные идолы, которые считались изображением супружеской четы предков. Из этих образов душ при схематическом изображении могут возникать идолы. Идолы в Доре в Новой Гвинее, в 15—20 сантиметров высоты, представляют бесполое существо, руки которого опираются на изукрашенные перила. Этот процесс развития переносит изображение предков из

дома в общественное место. На Соломоновых островах такие грубые изваяния подпирают кровлю дома собраний. В изготовлении знаменитых идолов из перьев Гавайских островов вначале лежала, без сомнения, мысль о мифологических птицах, например, о священных «алаэ». На Тонге символом покровительствующего бога племени была сложенная циновка с красными перьями. В Новой Зеландии разбрасывались по земле красные перья, чтоб вызвать плодородие.

Идолы становятся также на тех местах, где от них ожидают непосредственной помощи. На Гавайских островах ставились вдоль дороги камни, обмотанные травой, в качестве местных божеств, а на горных дорогах приносились жертвы перед нависшими камнями, чтобы они не обрушились. К этому классу относится также след ноги божества на камне, к чему сказание возвращалось ещё и в сравнительно недавнее время. Так, один начальник Новой Зеландии оставил близ Таупы след ноги на скале, а следы ног начальника, убитого в войне с Камеамеа, показывались ещё Бирггему. Сень храма повсюду, где были более развитые социальные условия, была общепризнанным убежищем. И здесь храм и могила совпадают между собою. На Гавайских островах убежище давала близость могилы королей, точно так же на Тонге места погребения начальников были священным местом. В том и другом месте давать это право охраны перешло на жрецов: на Ранаи место, считавшееся убежищем, шло поперёк всего острова, жрецы предоставляли его бегущим, скрешивая свои палки перед преследователем.

Там, где души предков стояли в культе на первом месте, им посвящались жертвы и молитвы. Там, где их место занимали духи, и те и другие направлялись к последним. Но молитвы уже сами по себе считались жертвой. Это были формулы, часто давно уже непонятные, но всё-таки переходившие по наследству и сообщавшиеся не знающим людям за известное вознаграждение. Молитвенные песнопения, тщательно составленные и иногда довольно длинные, отличались от коротких обращений, внушаемых иногда минутой. Они считались приятными богам и даже заменяли жертву. Физон отмечает в фиджийских молитвах, что в них просьбы об удовлетворении собственных нужд сопоставлялись обыкновенно с просьбами о причинении вреда врагу.

В погребальных обычаях преобладает основная идея священного характера трупа вследствие близости души. Но это имело значение лишь для родственников, чужие люди не боялись осквернять трупы. Связь с душой, взятой богами, всего легче замечается по близости трупа. Поэтому жрецы в Новой Зеландии пели над трупом, чтобы душа поднялась, по крайней мере, до восьмого неба. В предположении, что душа, призываемая молитвой или колдовством, не может оставить тело без вынуждения, жрец осторожно малхкой водит по трупу и отряхивает её. Посещения душами живых легко могли быть отклонены надеванием маски, которая должна была отрезывать обратный путь. Души, которые не соединились

с богами и не могли быть умиловлены жертвами, бродили по ночам вокруг домов, как привидения. Блуждающие души можно слышать в шуме листьев или в плеске волн, или видеть при лунном свете в виде белых призраков. Душу умершего вдали от родины старались привлечь на разостланный белый платок и считали цель достигнутой, если на призыв являлся кузнечик или муравей. Преклонный возраст уважался только потому, что все хотели заблаговременно установить доброе согласие с душой, готовой умереть. Более глубокий смысл распространённого обычая — отправлять вместе с умершим в вечность его жён и слуг — заключается в желании дать провожатых душе умершего или, по крайней мере, послать другую душу, охраняющую её, если бы она нуждалась в помощи. Поэтому для руководства детскими душами подвергались удушению мать, бабка или тётка. Надо было подумать и о подкреплении в борьбе, которую предстояло вытерпеть по дороге в Аид. После целого ряда дней, когда уже допускается, что душа трупа превратилась в духа, начинается плач по умершему, имеющий целью склонить духа вступить на путь в загробный мир, быть может нежеланный для него. При существовании веры в возможность периодического возвращения этот шум повторяется от времени до времени.

В самых способах погребения существуют большие различия. На западе труп держат, сколько возможно, поблизости и сохраняют по крайней мере некоторые части его, в особенности череп, а ещё чаще нижнюю челюсть в препарированной форме. На берегу Макдая в Новой Гвинее трупы обыкновенно высушиваются в хижине у огня. На других островах их подвешивают между ветвями деревьев в циновках, пока мягкие части разложатся, а затем симметрически укладывают скелеты в скалистых пещерах на морском берегу. Трупы детей подвешиваются просто в корзине под крышею хижин. На Фиджи употребительны погребения в хижинах. У мотусов в порте Морезби знаком печали считался трёхдневный барабанный бой. После этих трёх дней перед домом выкапывалась могила, мёртвый укладывался в неё, завернутый в циновку, а над могилой ставилась маленькая хижина. Через некоторое время могила раскапывалась, труп вынимался и натирался на локтях и коленях красной глиной. Затем он опять погребался, и могильный домик постепенно разносился по частям так, что от могилы не оставалось никакого следа. Все эти обряды сопровождались пиршествами.

На Тонге трупы знатных омывались, украшались, натирались маслом и охранялись женщинами. При настоящем погребении родственники, одетые в изорванные циновки и украшенные венками из листьев дерева ифи, переносили труп в дом умершего и закапывали его там в одежде, чаще в ящике или маленьком челноке, укладывая вместе с ним самое дорогое имущество его. Затем все с громким пением отправлялись на морской берег, плели корзинки из кокосовых листьев и наполняли их белым песком, которым за-

сыпали верхнюю часть могилы. Далее в течение 20 дней мужчины жили в лёгких хижинах у траурного дома, а женщины внутри его, занимаясь священнодействиями. На 20 день все опять отправлялись на берег, приносили в только что сплетённых корзинах мелкий белый и чёрный кремён и выкладывали им пол могильного дома. На Таити тело после удаления внутренностей и наполнения брюшной полости тканями, напитанными эфирным маслом, сохранялось до полного разложения, затем кости погребались, а черепа передавались в семью. На Маркизских островах самые знатные лица погребались в мараи, сидя, с поднятыми коленями, с головою, зажатой между ними, и руками, спрятанными под них. Здесь совершались и похоронные пиршества, к которым приглашения передавались разукрашенными гонцами.

Между значением, придаваемым душе умершего, и способами погребения существует непосредственная связь. Простой народ, по-видимому, мало церемонился со своими умершими. В Гавайи обыкновенно люди хоронили мёртвых сидящими на корточках, завернув их в ткань, в пещерах или в земле, часто и в своём доме. Кушанья ставились рядом с ним. В Новой Зеландии рабы просто зарывались, а иногда выбрасывались собакам или бросались в море. В некоторых странах существовал, по-видимому, обычай сжигать их. В Мангайе обычай требовал бросать мёртвых, обёрнутых в белые материи, в глубокие пещеры, знатных в одну, а простых людей — в другую, так как и вход в подземный мир был для них не один и тот же. Но в высших классах трупы, по большей части, превращались в мумии и выставлялись в храме или в доме для мёртвых. С этой целью внутренности удалялись. На Гавайи мясо тщательно очищалось с костей и сжигалось, а кости частью складывались в семейном святилище, и там им воздавалось поклонение, или же разделялись между друзьями умершего. Нечто вроде бальзамирования существовало и у гавайцев, и даже в Новой Зеландии, где погребение представляло большое сходство с погребением таитян. Могилами там часто служили свои дома, где останки умерших стояли в ящиках. В других местах их хоронили в земле, а трупы детей вешали в ящиках между ветвями дерева. При этом неизбежными были «кегуи» — что значит «запрещённый» и переходит в значение табу — вымазанные красной краской деревянные столбы с вырезанными лицами, которые точно стражи стояли кругом.

Только на некоторых мелких внешних островах мы замечаем отступления от этих обрядов. На островах Гамбье мумии кладутся, обёрнутые циновками и тканями и связанные верёвками, в горных пещерах. На Фалефе мумии начальников хранились в хижине, на двойной лодке или в пещере. На Мульgrave мёртвые клались на камни, покрытые кокосовыми листьями, и относились для погребения в семейную пещеру. В отдельных случаях погребения в лодке, пускаемой по морю, заключается, очевидно, видоизменение обычая — представлять душе челнок для путешествия в загробный мир.

На Джильбертовых островах вдова спит около трупа умершего мужа под той же циновкой, пока у него не отпадёт голова, которую потом в виде очищенного черепа она постоянно носит с собою, так же, как и череп любимого ребёнка. Этот культ черепа в Микронезии встречается и в других местах. На Япе мёртвые никогда не погребаются вблизи моря, а жители гор погребаются не иначе, как на горных вершинах. Вполне возмужалые люди погребаются сидя, с согнутыми коленами, а дети и юноши — в лежачем положении. Замечательное сочетание погребения в земле и в море находим мы на Кузайе, где кости выкапываются из земли и связанные вместе опускаются в море.

Там, где употребительны погребения, череп часто отделяется от трупа. Благодаря этому обстоятельству А. Б. Мейер выменивал много человеческих черепов, так как папуасы не решались после того, как были истерпаны запасы голов убитых врагов, расхищать могилы своего племени. Но они всё-таки не хотели отдавать нижнюю челюсть. Поэтому почитание останков трупа не безгранично. Впрочем, папуасы в западной Новой Гвинее всегда избегали касаться черепов рукою.

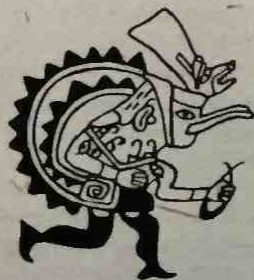
Значительные различия встречаются и в более тесных границах других архипелагов. На некоторых островах Соломоновой группы труп бросается в море, чтобы он мог приплыть в прекрасную страну на западе. На Анайтеуме погребаются только трупы высших начальников. Перед бросанием в море на женские трупы надеваются пояса, а лица мужских трупов раскрашиваются. На других островах тела, завернутые в циновки, переносят на мангровые насаждения, оставляют их здесь на воздухе, пока голова не будет легко отставать от туловища, препарируют её, и всё остальное хоронят на общем погребальном месте. На Сан-Кристовале и в других местах мёртвых кладут на высокий помост и вырывают под ними яму для отпадающих частей тела. Череп и кости ручных пальцев уносятся как семейное наследие, и над ямой строится хижина или пирамидальная подставка, покрытая листьями. Могилы детей усыпают цветами.

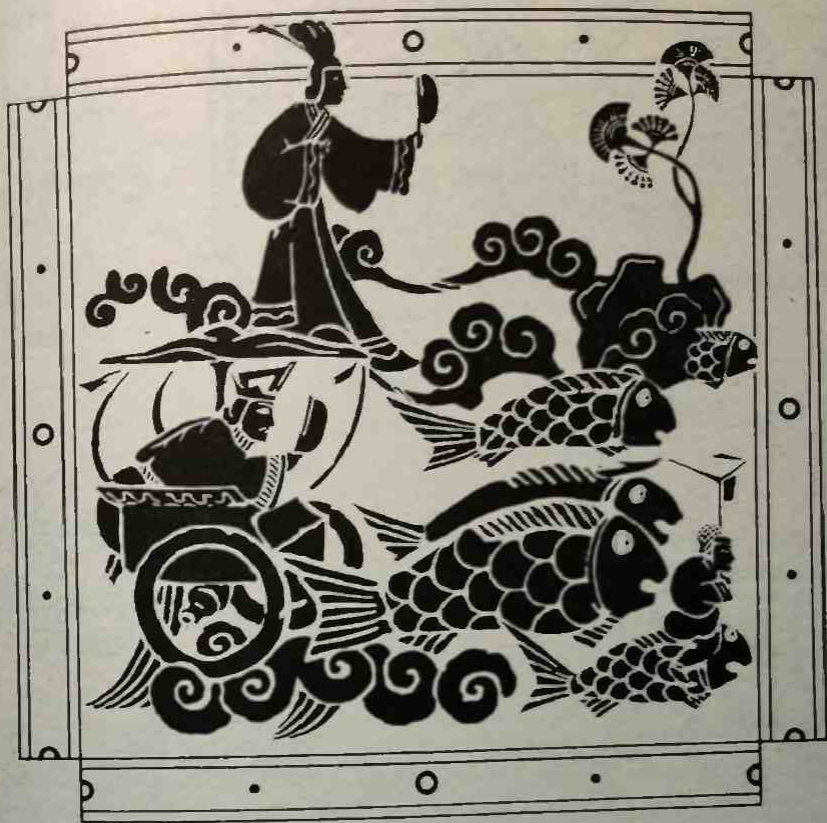
На Танне труп хранится в ладьеобразном гробе, а в Новой Каледонии в могилу втыкаются вёсла и копья. Здесь вместе с трупом кладутся украшения. Если не целый череп, то нижняя челюсть хранится как священный предмет. И то же самое видим мы в Новом Мекленбурге, Новом Лауенбурге и на Ватэ. На Ватэ деревья вблизи могил надрезываются особым образом.

Внешние выражения печали остающихся доходят до нанесения себе ран и увечий. Когда на Тонге умирала мать короля, начальники, происходившие от неё, обжигали себе виски, но когда умирал верховный жрец, все отрезывали себе сустав мизинца. Таитянки ещё на свадьбе вставляли зубы акулы в деревянную рукоятку, чтобы этим наносить себе раны во время траура по мужу. Тогда вместе с друзьями они призывали душу умершего. На Таити тот, кто должен был грустить больше всех, носил одежду, сделанную

из рубашки умершего, а другие ходили в разорванном и запачканном платье. Друзья, жившие по соседству, являясь на поминки, вступали с домашними умершего в мнимое состязание в выполнении общих причитаний. То же самое происходило и на Мангайе, где все друзья умершего ходили по острову в странных одеждах, чтобы одолеть духов других округов.

Обычай погребения живых весьма распространён. Как способ умерщвления детей, он употребляется в обширной мере. Но старые и больные требуют сами, чтобы их хоронили. У новорожденных над могилою разводится огонь, чтобы душа могла задохнуться. Когда на Ватэ хоронят живыми старых людей, им привязывают к одной руке свинью, которая затем съедается на пиршестве и сопровождает душу в загробный мир. На островах Фиджи вместе с тем употребляется и удушение, и верёвка считается там большим благодеянием в сравнении с палицей. Когда на Соломоновых островах умирает начальник, его жён душат сонными. Для них и для памяти умершего считалось бы постыдным, если бы они вышли за мужчин высших сословий. Часто так кончают жёны и ближайшие родственницы у простых людей. И после смерти человек должен быть окружён теми, кто его любит. На Анайтеуме женщины носят на шее роковую верёвку уже с самой свадьбы.

**КТО ОТКРЫЛ
АМЕРИКУ:
КЕЛЬТЫ ИЛИ КИТАЙЦЫ ?**

中國古代船隻

Барри Фелл

АМЕРИКА ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА*

1. Кельты в Америке

Археологические раскопки и теоретические исследования доказали, что авторами надписей на языке огам, высеченных на древних каменных сооружениях Новой Англии, являются не кто иные, как кельты с Иберийского полуострова. Скорее всего, кельты же создали и те сооружения, на которых эти надписи обнаружены. Очевидно также и то, что кельты или их соседи-финикийцы находились на достаточно высоком уровне развития и могли отправиться в Америку, чтобы заселить понравившиеся им земли. Свидетельства, которыми мы располагаем, — еще одно подтверждение того, что туда действительно переселилось значительное количество кельтов.

Особенно большое число кельтских поселений обнаружено в Новой Англии. Это подтверждает и тот факт, что найденные в Америке надписи на кельтском языке никак не могут быть американским изобретением.

Сейчас самое время рассказать о кельтах, как о народе, о том, как они выглядели, как жили. А уж затем мы перейдем к их жизни в Америке.

Сначала о внешности кельтов. Многие античные авторы, например, Юлий Цезарь, Страбон, Диодор Сицилийский оставили нам описания галлов и древних бретонцев. Это были светловолосые, голубоглазые, энергичные, хвастливые и задиристые люди, храбрые воины. Кельты очень любили украшения. Воины, а также другие мужчины племени не носили одежды в теплое время года, когда и было принято воевать; женщины носили одежду; у тех

* Статья Барри Фелла «Америка до Рождества Христова» впервые на русском языке опубликована в книге «Тайны тысячелетий», М., изд. дом «Вокруг света», 1995. Перевод с английского Е. Крыловой.

и других большой популярностью пользовались массивные металлические браслеты, носимые на руках и на шее, и украшенные металлом пояса. Жили кельты в сплетенных из ветвей деревьев грубых хижинах, которые ставились на расчищенных участках в чаще лесов. Хижины накрывали шкурами животных. Зимой мужчины носили плащи из звериных шкур, а вожди племени — из дорогой материи, которую покупали у финикийцев или других торговцев.

Эти описания относятся скорее всего к кельтам Франции, Бретани, северной Италии и северной Греции. Те же кельты, которые примерно в 1000 году до н. э. переселились из Франции на Иберийский полуостров, вскоре смешались с народами, населявшими полуостров до их вторжения. Коренные иберы, очень вероятно, были предками современных басков. Эту теорию первым выдвинул естествоиспытатель и путешественник Вильгельм фон Гумбольдт. Он считал, что иберы поселились в Европе задолго до появления там кельтов, в каменном веке, а затем были вытеснены племенами-завоевателями: кельтами и тевтонами. Гумбольдт полагал, что темноволосые ирландцы, а также племена, населявшие Шотландию, юг Франции, большую часть Испании и Португалии, были потомками басков с Иберийского полуострова, язык которых изменился в процессе общения с теми племенами, которые позднее вторглись на их земли.

Теория Гумбольдта не получила одобрения, главным образом, потому, что считалось: иберийские надписи, сохранившиеся в Испании и Португалии, сделаны на языке древних иберов. Казалось, эти надписи не удастся расшифровать никому. Эта точка зрения была, вне всякого сомнения, ошибочной. В действительности большинство надписей, которые приписывались древним иберам, сделаны на пуническом языке, хотя в них использовался иберийский шрифт. Хотя авторами некоторых из них, тем не менее, являются баски. Это, например, надпись на надгробной плите королевы Бенгерды, и все же большая часть надписей сделана кельтами. Таким образом, мы вернулись к тому, с чего начал Гумбольдт. Я — сторонник его теории, и думаю, что темноволосые ирландцы, шотландцы и галлы, а также темноволосые кельты — это результат произошедшего в древности смешения кельтов и басков с Иберийского полуострова. В процессе их взаимовлияния язык басков был почти полностью вытеснен другими языками.

Поэтому я считаю вполне вероятным, что среди тех кельтов с Иберийского полуострова, которые пересекли Атлантику, должно было быть много брюнетов, потомков иберийских басков, хотя там были также и носители той ветви кельтских языков, которая включает в себя ирландский язык. Все эти блондины и брюнеты, скорее всего, перемешались так же, как и современное население Америки.

Но что мы увидим, если обратимся к скелетам? Не расскажут ли они нам что-нибудь о людях, которым принадлежали? Напри-

мер, были ли они высокими или низкорослыми. О той одежде, которую они, возможно, носили. Идея отличная, но у нас пока нет скелетов, которые можно бы было исследовать. Зато есть огромное количество надгробных плит с высеченными на них на огаме именами тех, кому они принадлежали. Но, увы, тел под ними нет... Почему? Да потому, что все известные на сегодняшний день надгробные плиты были в XVIII веке перевезены местными земледельцами с тех мест, где они находились изначально, и теперь являются составными частями каменных стен, окружающих поля фермеров в молодых лесах Новой Англии.

Когда эти камни были впервые идентифицированы как могильные плиты, мы попытались представить, как могли действовать колонисты-фермеры, надеясь найти места захоронений древних. До сих пор это нам не удалось. Здесь многое против нас. Почти все скалы Новой Англии — это древние образования из гранита, гнейсов и кристаллического сланца с высоким содержанием кислоты. Это значит, что и кислотность почвы там также повышена, и едва ли в такой почве в течение нескольких веков могли сохраниться кости древних обитателей этих мест. Места же обитания кельтов во Франции и Англии — это, напротив, области с преобладанием известняка и мела; почва там щелочная, в такой почве кости сохраняются значительно дольше. Но мы надеемся определить места древних захоронений по каменным остаткам предметов материальной культуры древних умерших. К несчастью, все металлы, кроме золота, в кислотных почвах со временем распадаются, но каменные украшения могли сохраниться и, возможно, лежат где-нибудь, ожидая своего исследователя. В последние годы было найдено большое количество инструментов и оружия из бронзы, например, наконечников копий, кинжалов и мечей.

Вероятнее всего, они изготовлены кельтами, но до сегодняшнего дня музеи, в которые эти инструменты и оружие были переданы, считают, что это предметы материальной культуры бронзового века, привезенные в Америку современными коллекционерами и тут «потерянные». Сейчас исследованием этих предметов занимается Джеймс Вайтел. Он опубликовал ряд работ по материалам этих исследований. В 1924 году в Мэдисоне, штат Мэн, был обнаружен целый склад бронзовых кинжалов. Уильям Гудвин безуспешно пытался их спасти. Остается надеяться, что люди, находящие предметы материальной культуры древних, когда-нибудь перестанут делать тайну из своих находок. А пока нам не удалось обнаружить ни одного захоронения, где до нас уже кто-нибудь ни побывал.

Большую часть того, что Цезарь писал о жизни кельтов в Европе, можно отнести и к кельтам Новой Англии. Я считаю, что они тоже жили в накрытых звериными шкурами хижинах, построенных из ветвей деревьев. Но от них, конечно же, не осталось никаких следов ни в Европе, ни в Америке. Вне всякого сомнения, кельты Новой Англии также занимались охотой, хотя мельница

для помола зерна, найденная недалеко от храма богини-матери в Южном Вудстоке, может быть и кельтского происхождения. Одежда американских кельтов была такой же, как у кельтов европейских. В большинстве своем ее шили из шкур животных. Более состоятельные люди приобретали одежду у торговцев-финикийцев, расплачиваясь за нее кожей и металлами.

Все это, конечно же, лишь гипотеза. Но какие еще сооружения, кроме надгробных плит, под которыми никто не похоронен, оставили после себя кельты?

Это так называемые мегалиты — сооружения из необработанных камней с каменными крышами и дверными перемычками. Вес каждой из глыб, составляющих эти сооружения, часто достигает нескольких тонн. Интересно, что сооружения, очень напоминающие американские мегалиты, встречаются и в Европе, причем в тех же районах, где обитали кельты. Но считается, что многие из этих массивных сооружений — дело рук не кельтов, а их предков.

Книги, посвященные кельтам, очень слабо освещают проблему мегалитов и почти ничего не говорят о том, какие дома строили кельты. Создается впечатление, что европейские кельты были умными и цивилизованными людьми, но почему-то забыли возвести хотя бы одно здание. А труды европейских археологов, посвященные проблеме мегалитов, не дают ответа на вопрос, кто же их возводил.

Не удивительно ли то, что в Америке, в особенности в Новой Англии, мы можем встретить все основные типы мегалитов, которые обнаружили у себя наши европейские коллеги, но на большей части американских мегалитов — надписи, сделанные с использованием древнего огамического письма, что говорит об их кельтском происхождении. Может быть, в Новой Англии, как и в Европе, существовали свои таинственные мегалиты, впоследствии заинтересовавшие кельтов, которые и оставили на них свои надписи? Я считаю, что эта гипотеза не убедительна. По моему мнению, мегалиты Новой Англии — дело рук кельтов. Тот факт, что на мегалитах, возведенных кельтами в Европе, нет огамических надписей, свидетельствует, скорее всего, о том, что, как известно, после принятия христианства священники запрещали своей пастве даже близко подходить к храмам язычников, а если для церковных нужд требовался камень, языческие творения превращались в церкви или монастырские кельи. При этом первым делом уничтожались оскорбляющие христиан надписи древних язычников.

Имеются заслуживающие доверия свидетельства, что европейские мегалиты — действительно, очень древние сооружения, возведенные еще до того, как там появились кельты. Но кельты, а иногда и римляне, пользовались этими сооружениями. Однако это совсем не означает, что все мегалиты были сооружены до появления в Европе кельтов или что кельты были не в состоянии, в случае необходимости, возвести здание. А теперь рассмотрим основные виды мегалитов.

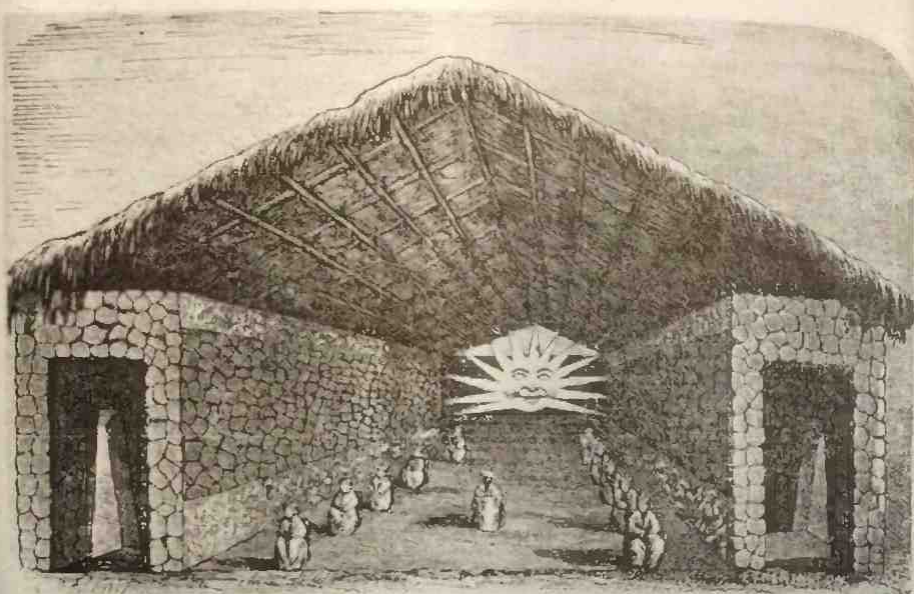
Благодаря своему причудливому виду, лучше всех известны дольмены, что в переводе с бретонского означает «каменные столы». В Ирландии они называются по-другому, но ирландские названия не столь широко известны, поэтому на них мы останавливаться не будем. Дольмены — это, чаще всего, памятники вождям племени. Они возводились также и для того, чтобы отметить какое-либо значительное событие. Основная часть дольмена — огромная каменная глыба, вес которой может превышать 10 тонн, стоящая на трех, четырех или пяти вертикальных камнях-ножках. Прекрасные образцы дольменов были обнаружены в Берлете, штат Нью-Гемпшир, и в Норт-Салеме, штат Массачусетс. Дольмены есть также в Мэне и Вестпорте, штат Массачусетс, но там они несколько меньших размеров.

Эти американские дольмены очень похожи на те, что были обнаружены в Европе и на Ближнем Востоке. Доказано, что ближневосточные образцы — древнейшие, они были возведены задолго до появления в Европе кельтов. Это говорит о том, что замысел дольмена пришел в Европу с востока. Ни один из европейских археологов или геологов ни разу не высказывал мысли о том, что дольмены — создание ледников. Ведь в таких странах, как Сирия, ледникового периода не было, а дольмены там встречаются очень часто. Иногда на выступах скал в горах находят так называемые эратические валуны, занесенные туда пластами льда, которые, сползая вниз, влекли камни за собой, но не обнаружено ни одного дольмена, которые соорудил бы ледник, да это и невозможно. Ледник просто не в состоянии установить вертикально несколько камней одинаковой высоты, а затем аккуратно положить сверху огромный гранитный замковый камень свода! Но до сих пор некоторые американские археологи, встречая дольмены, упорно продолжают утверждать, что их создал ледник...

Все образцы дольменов, найденных в Америке, относятся к более древнему типу, это простейшая их разновидность. В Ирландии дольмены относительно невелики, они похожи на дольмены в Бернт-Маунтин, штат Массачусетс, и наши ирландские коллеги считают, что это — могильные сооружения, первоначально засыпанные землей, которая впоследствии была унесена ветром.

Сооружение дольменов, а в особенности и тех из них, которые находятся высоко в горах, должно быть, требовало колоссального труда. Сначала устанавливались вертикальные камни-ножки, затем на них насыпался огромный земляной холм, по которому на вершину ножек вкатывали и укладывали замковый камень свода. После того, как он водружался на свое место, землю убирали и огромная глыба ложилась на опоры.

Аналогичным образом строился и второй тип мегалитов, часто встречающийся в Новой Англии и реже — в соседних штатах. Это так называемые каменные ящики — прямоугольные или круглые здания, стены которых — цельные глыбы или большие куски камня, а крыша — целый кусок камня весом от полутонны до тонны,

Храм Солнца.

а в случае с более крупными храмами — несколько камней весом до трех тонн каждый. Подобные строения встречаются и в Европе. Они датируются так: одни — самые ранние, так называемые каменные ящики Шотландии — период владычества римлян; другие, более поздние — бронзовый век. Все они или большая часть из них использовались как места для погребений. Самые поздние образцы в Шотландии и Ирландии служили убежищами для семей, например, когда вторгались скандинавы.

Американские каменные ящики считают делом рук фермеров-колонистов и называют «подвалами с крышей». Абсурдность подобной точки зрения на мегалитические сооружения доказана фактами. Судите сами.

Так же, как и в Европе, каменные ящики Новой Англии всегда ориентированы на восток с небольшим отклонением, что может объясняться периодом обращения Солнца вокруг Земли.

Ось, проходящая вдоль каменных ящиков Новой Англии, почти полностью совпадает со следующими астрономическими осями:

а) с осью, указывающей на восток, отклонение ноль, туда, где в дни весеннего и осеннего равноденствия восходит солнце;

б) с осью, отклонение которой составляет плюс 23 с половиной градуса, указывающей на восток, туда, где в день зимнего солнцестояния восходит солнце;

г) с другими четко определяющимися астрономическими осями, например, с осью, указывающей на юг, в направлении максимальной высоты небесных тел над горизонтом. При помощи этой оси, используя астролябию, древние определяли широту.

Внешняя поверхность дверной перемычки или нижняя ее поверхность украшены посвящениями кельтским богам, особенно часто — богу Белу. Надписи выполнены с использованием огамического алфавита. Посвящения могли включать имя бога и быть написаны как по-финикийски, так и с использованием огамического алфавита. Посвящения могут также располагаться и на вертикальных плитах портика.

Внутренняя поверхность потолочных перемычек обычно также покрыта надписями, среди которых встречаются фаллические орнаменты.

Посещение хорошо сохранившегося мегалитического каменного ящика, например, Пантеона в Саут-Вудстоке, оставляет неизгладимое впечатление. Потолочные плиты и размеры ящика, а также его возраст вызывают чувство благоговения. Этот храм украшен посвящениями Белу (богу Солнца). Можно различить и фрагменты посвящений другим богам. Отсюда и название, которое мы предлагаем для этого памятника, — Пантеон. Он ориентирован туда, откуда встает солнце в день зимнего солнцестояния, отклонение — минус 23 с половиной градуса. До сих пор сохранился земляной холм, под которым расположен храм. На холме растут большие деревья. Дверная перемычка расположена так высоко, что даже самые высокие люди могут войти, не пригибаясь, что крайне необычно для каменных ящиков.

Как правило, над алтарем в дальнем углу этих храмов сделано квадратное отверстие для выхода дыма; оно может быть выдолблено в круглом куске камня, диаметром в два фута, или это — просто труба, сложенная из нескольких камней. Отверстие для выхода дыма иногда бывало прямоугольным, с башенкой для вентиляции на крыше. Все эти приспособления говорят, вероятнее всего, о том, что в алтаре храма, в дальнем его конце, постоянно горел огонь.

Нам не удалось как-то связать тех богов, которым были посвящены храмы, с астрономической ориентацией зданий. Так, из двух, расположенных в Вудстоке храмов, один ориентирован на юг, другой — туда, где восходит солнце в день зимнего солнцестояния. Маленький храм, посвященный Белу, в Саут-Роялтоне, штат Вермонт, ориентирован с отклонением ноль туда, где в дни весеннего и осеннего равноденствия восходит солнце; другой, стоящий неподалеку, ориентирован строго на юг.

Дополнительные украшения на стенах или потолке посвящены, главным образом, тому божеству, в честь которого возводится храм. Так, маленький храм бога Бела украшает квадрат, символ Солнца, это — посвящение богу Солнца. На потолке храма богини-матери Бьяну, стоящего у пруда в Саут-Вудстоке, Вермонт, — выбитое и раскрашенное изображение Танит, финикийской богини-матери. Фаллические символы, скорее всего, не имеют никакого отношения к посвящению, так как большой фаллос изображен на потолке храма Бьяну в Саут-Вудстоке, Вермонт, а маленькие фаллосы — в Пантеоне, расположенном там же.

Почему же длинные оси этих строений, которые (и это точно установлено) являются храмами, ориентированы на ту или иную сторону горизонта, где восходит солнце? Вкратце ответ таков. Типичный кельтский храм — это прямоугольник с узким дверным проходом в центре восточной стены и отверстием для выхода дыма (и, следовательно, алтарем) в противоположном конце храма или в западной стене. Они расположены вдоль оси. Окон в храме нет, и свет туда проникает только через дверь. Предположим, вы стоите в храме в Саут-Вудстоке, штат Вермонт. Длинная ось ориентирована с отклонением минус 23 с половиной градуса и указывает на восток. Значит, в те три или четыре зимних дня, когда солнце находится в самом южном положении (сейчас это происходит с 21 по 23 декабря), человек, стоящий у алтаря, посмотрев через дверное отверстие, увидит восход солнца. Во все остальные дни года рассвета он не увидит. Таким образом, из этого следует, что храмы ориентировались подобным образом для того, чтобы в определенный день или дни года, удобные для священнослужителей, в жизни верующих происходили драматические события. В рассматриваемом случае — это дни зимнего празднества. Отсюда следует логический вывод: каждый из храмов был связан с тем или иным из празднеств кельтского года, как церкви христиан, которые обычно посвящались какому-либо святому, чей день — это определенный день года. В этот день у прихожан данной церкви был свой праздник.

Во время солнцестояния солнце движется сравнительно медленно, — таким образом, празднества середины зимы и середины лета длились по нескольку дней. В дни же равноденствия солнце, напротив, движется быстрее, — поэтому весенние и осенние празднества длились лишь один день и происходили на рассвете. Короткие празднества считались менее важными, поэтому не удивительно, что такие храмы, как, например, храм, посвященный богу Белу в Саут-Роялтоне, штат Вермонт, ось которого ориентирована на восток и на запад, на точки, где солнце восходит и садится в дни равноденствия, невелики по размерам и отделаны гораздо скромнее. Следовательно, можно сделать вывод о том, что собрания племени проходили не в храмах равноденствия, а где-то рядом с ними, там, где жрецы производили свои астрономические наблюдения.

Таким образом, выходит, что явления природы, связанные с религиозными взглядами кельтов, оказывали влияние на ориентацию по сторонам света их культовых сооружений. Эта традиция восходит к древнейшему культу солнца, и некоторые из символов, распространенные в Старом Свете там, где в древности поклонялись солнцу, можно найти и на стенах кельтских храмов Новой Англии. Мы видим их также в местах обитания североамериканских индейцев. Нет никаких сомнений, что индейские шаманы узнали эти символы, контактируя с древними американскими колонистами, например, с кельтами.

Солнце, дарившее тепло и способствовавшее росту растений, как деревьев в лесах, так и сельскохозяйственных культур, чье ежегодное весеннее пробуждение совпадало со временем рождения детенышей у диких животных, рассматривалось как Даритель Жизни. Это название впервые появляется в древнем семитском «Гимне Созидания», сохранившемся у народа пима, живущего в Аризоне и Мексике.

Совершенно очевиден тот факт, что астрономическая ориентация кельтских храмов Новой Англии — один из решающих факторов, отмечающих гипотезу о том, что каменные ящики — это подвалы, построенные колонистами уже в наше время. Те фермеры, которые в XVIII веке выкорчевывали деревья, были крестьянами-выходцами из Англии и Уэллса, Шотландии и Ирландии. Их имена сохранились в архивах городков Новой Англии и на памятниках, поставленных в общественных местах, а также на сельских кладбищах, например, в самом сердце страны храмов, в Саут-Вудстоке. Здесь на надгробных плитах первых колонистов мы читаем имена отцов и матерей, первыми добравшихся до Саут-Вудстока, имена их детей и других родственников. Эти простые надписи говорят о том, что люди, похороненные под этими плитами, конечно же, не были астрономами или философами, обладавшими знаниями жрецов.

Менгиры, которые называют также вертикально стоящими камнями, — одна из самых характерных черт тех мест, где в древности жили кельты, как в Европе, так и в Новой Англии. Правда, до сегодняшнего дня в Америке все еще не обнаружено столь впечатляющих образцов, как гигантские менгиры Бретани. Некоторые из них похожи на памятники погибшим героям. Другие, возможно, ставились в ознаменование одержанной в битве победы, церемонии коронования или какого-либо другого значительного, но забытого ныне события. Мы собрали фотографии многих менгиров Вермонта, некоторые из них лежат сегодня на земле, но, по желанию нынешних владельцев земли, могут быть вновь установлены. Менгиры часто возводились в виде группы из трех камней, в большинстве случаев — по прямой линии. Газлы и сегодня считают цифру три магическим числом. Студентом я работал в Шотландии и там услышал вот эту древнюю молитву:

«Число три! Пусть сбудется моя мечта.
Число три! Помоги моей любимой.
Число три! Пусть будет верен мой глаз,
И пусть не спотыкаются мои ноги.
Пусть не спотыкаются мои ноги».

Кромлехи, круги из камней, иногда двойные круги, в середине которых может располагаться центральный камень, — также характерная черта мест, в которых обитали кельты. В этом Вермонт и Коннектикут, Бернт-Маунтин и Массачусетс, а также другие районы Новой Англии похожи друг на друга. В Ирландии радиус окружностей, по которым установлены камни, может достигать

10 и более футов. Американские кромлехи по размерам не уступают европейским. Одни из них, вероятно, имели культовое значение, другие использовались кельтскими астрономами (в них камнями проложены оси с востока на запад), третьи, как нам кажется, служили заборами вокруг захоронений или вигвамов. Круг — символ защиты богов, и в молитвах сегодняшних рыбаков есть следующие строки, которые, возможно, восходят своими корнями к языческим временам, когда круг был символом бога Солнца Бела:

«Защити меня, Боже,
Прими к себе в круг,
О тебе, Боже, мои слова,
О тебе, Боже, мои слова,
О тебе, Боже, мои мысли».

Последнее двустипишие, возможно, было дописано уже после введения христианства.

Когда древний кельт покидал этот мир, его друзья и родственники справляли по умершему поминки (feill у ирландцев и gwill у валлийцев) и после громкого саоин (плач по умершему) его тело предавали земле. Множество древних героев Новой Англии спит среди зеленых гор в той земле, по которой они когда-то ступали. Простые надгробья сохранили лишь их имена, имена их отцов. Эти имена — древние формы имен, которые и сейчас носят кельты: Да, или Дан, Лу, или Лев, Ху, или Хью, Йоган (Эван, или Иван), Габ (Гэвин) и многие другие, которые еще предстоит расшифровать. Окруженные величественной красотой горных долин, лежат здесь дальние предки многих современных американских семей, корни которых — в Европе. Эти люди пересекли океан и поселились на землях Америки. Земля горных пастбищ Вермонта — священная земля. У гаэлов сохранилась древняя молитва, читавшаяся над тем, кто покинул этот мир, и преподающая нам урок покорности:

«Похороните меня ночью
Среди пастбищ и стад,
Закройте мои невидящие глаза,
Как велят таинственные законы жизни».

Это прощальное четверостишие адресовано призванному богам. Тут имеет место типичный кельтский парадокс: «Ты — носитель — закона — пришедший — со звезд», какой-то Бог-созидатель из философии древних, роль которого сегодняшняя церковь отвела Христу. Есть ли у современной церкви для нас что-либо большее, чем покой, предлагаемый богами древних кельтов? Древний кельт, задумываясь о том, что ждет его после смерти, рассматривал свою смерть как нечто несущественное, касающееся лишь его одного. Может быть, здесь корни той силы, что помогла ему пересечь океан и выжить на враждебном и незнакомом берегу?

2. Ливийцы из племени зуни

Переселение на Американский континент ливийцев до сих пор остается одной из самых таинственных страниц истории доколумбовой колонизации Америки. Обнаруженные остатки материальной культуры древних людей не давали ответов на вопросы, когда в Америке появились ливийцы, и где они высадились, прибыв туда. У нас имелись лишь несколько фрагментов их надписей, найденных в разных регионах, — на севере Квебека, в Калифорнии, в долинах рек Арканзас и Симаррон, и ничего больше. Так было до 1879 года, когда был создан и начал свою работу Комитет по этнологии США. Он занимался исследованием жизни зунийцев в Нью-Мексико. К тому времени загадки племен шиви и хоппи уже привлекли внимание профессора Дж. Вальтера Фьюкеса (так же, как и я, занимавшегося биологией моря в Музее сравнительной зоологии Гарвардского университета) и Джеймса Стивенсона. Их работы, а также работы некоторых других ученых легли в основу важнейших статей, а также послужили материалом для лингвистических и лексикографических исследований языка зуни. Составленный словарь этого языка показывает, что язык зуни относится к языкам американских индейцев. Мне кажется, что до сих пор не было предпринято ни одной попытки показать, что этот язык имеет сходство с языками каких-либо других языковых групп.

Когда я изучал в археологическом музее Пибоди Гарвардского университета материалы, привезенные из города Пуэбло, мое внимание привлек белый кожаный солнечный диск, который, согласно прилагавшейся надписи, был найден в 1891 году в Нью-Мексико после окончания там религиозного праздника шиви (зуни). На нем — ливийские буквы Т-М, египетский вариант имени Атум, бога Солнца у первобытных народов Северной Африки. Ливийский язык относится к египетской группе семито-хамитских языков. Большое влияние на него оказали племена, переселившиеся в Ливию. Письменность схожа с финикийским (пуническим) языком, где использовались лишь согласные буквы алфавита. В записках Комитета по этнологии за 1891 год есть рассказ о том, как доктор Матильда Стивенсон присутствовала на зунийских празднествах, посвященных дням зимнего и летнего солнцестояния и стала обладательницей некоторых предметов культа. Ее отчет иллюстрирован фотографиями и рисунками, где на алтарях мы видим хорошо знакомые мотивы культа бога Солнца, характерные для Средиземноморья, хотя автор их к таковым и не относит.

В связи с этим я занялся изучением этимологии языка зуни, используя словари Бернарда Лемана из библиотеки Виленер и других собраний. В результате я пришел к мысли о том, что корни языка зуни — в диалектах народов Северной Африки. Он имеет большое сходство с коптским (Центральный Египет) и нубийским (долина Нила). В нем много заимствований и из языков племен, обитавших по соседству (из алгонкинских диалектов племен, оби-

тавших на севере, и из языков мексиканских племен, обитавших на юге), но в основном словарный состав языка зуни похож на словарный состав языков североафриканских племен.

Таким образом, классификация языка зуни должна быть пересмотрена, его следует отнести к американской ветви североафриканских языков, к так называемым афро-азиатским языкам семито-хамитской группы. Эти языки распространены от марокканских берегов у Гибралтара до Сомали, там, где раньше имели хождение древние ливийский, египетский, эфиопский (амхарский) языки. В связи с тем, что в тех местах, которые я перечислил ранее, были обнаружены надписи на ливийском языке, и, учитывая тот факт, что основная часть этих надписей была обнаружена на юге США, считаю возможным сделать вывод, что авторами этих надписей являются предки народа шиви, прибывшие из Ливии.

В результате раскопок, которые велись в 30—50-е годы в Нью-Мексико командой археологов Гарварда и некоторыми другими исследователями, среди которых был Гарольд Глэдвин, была обнаружена керамика, изготовленная дотоле неизвестным способом, получившая по месту, где она была найдена, название мимберской. Сосуды украшены рисунками, выполненными черной, белой и красной красками. На рисунках изображены люди и животные, а также орнаменты, которые исследователи рассматривают как чисто декоративные. По моему мнению, эти орнаменты имеют много общего с надписями на древнем ливийском языке и являются своего рода кодом тех сцен, которые изображены на рисунках. При определении возраста находок Глэдвин прибегал к дендрохронологии (датировка с подсчетом древесных колец) и отнес их примерно к 1200 г. н. э.

Иллюстрации показывают, что некоторые из жрецов зуни до недавнего времени достаточно хорошо владели системой ливийского письма, чтобы нанести на тот или иной предмет культа «магические» символы, которые в действительности являются названиями этих предметов по-ливийски.

Но главное доказательство переселения ливийцев на Американский континент — все же сегодняшний язык народа зуни. Совпадает большое количество слов в языке племен Нью-Мексико и Северной Африки, сходна их фонетика. Есть возможность проследить законы фонетических изменений, что подтверждает происхождение языка зуни от ливийского языка. Это те же фонетические правила, на которые я опирался в 1973 году, доказывая, что ливийский язык родственен языкам полинезийской группы. Народы Полинезии, как и ливийцы, — потомки «народов моря» — анатолийцев, заселивших Средиземноморье около 1400 г. до н. э., и после набегов на Египет (и, как сообщают египетские источники, после целого ряда поражений), поселившихся в конце концов в Ливии. Позднее ливийцы-моряки поступали на службу к фараонам в египетский флот, а затем ливийские вожди завладели Египтом, где к власти пришли ливийские династии. Ливийское влияние

расширялось, охватив Индо-Тихоокеанский регион, где египтяне добывали золото, например, на Суматре. В период владычества Птолемея (после покорения Египта Александром Великим) ливийские моряки, находившиеся на службе у греков, предприняли ряд далеких путешествий, и некоторые из них поселились на различных землях Тихоокеанского региона.

Все перечисленные события дали лингвистам возможность сделать вывод о том, что полинезийские поселения — это, скорее всего, поселения выходцев из Восточной Азии, поскольку ранние полинезийские надписи очень напоминают ливийские (и по алфавиту, и по языку). Лингвисты, например, профессор Линнус Браннер из Европы и доктор Риэл Лохор из Новой Зеландии, выступили с новыми данными о происхождении языков Малайзии и Полинезии. Они объясняют наличие в полинезийских языках греческих слов. Как пишет профессор Браннер, греческие колонисты в Ливии использовали диалекты греческого языка, в которых некоторые согласные аттических диалектов претерпели изменения, и греческие слова в Полинезии приобрели ливийскую форму. Лохор исследовал наличие элементов анатолийских языков в языках народов Полинезии, и эти элементы еще раз доказывают ливийское происхождение полинезийцев, так как из древнеегипетских источников мы знаем, что Ливию населяли «народы моря» из Малой Азии.

Следовательно, если мои выводы о ливийских корнях полинезийских языков верны, я хочу выдвинуть новую версию о происхождении народа шиви. Я считаю шиви потомками ливийских путешественников, пересекших Атлантический океан приблизительно в 500 г. до н. э.

Анализ языка зуни

Язык зуни, словарный состав которого ограничен (нам известно лишь около 1200 слов), отличается большой многозначностью слов. Так слово *ate* в коптском языке, откуда оно и заимствовано, имеющее значение «жидкость», по-зунийски может означать также «кровь»; а корень слова, который используется для обозначения глагола «кровоточить», совпадает с другим коптским словом, означающим «быть красным». Подобные слова рассматриваются лингвистами как статив (часть речи, означающая состояние). Это одновременно и глагол, и прилагательное. Другой пример экономии слов в языке зуни — использование коптского корня с первоначальным значением «быть незаметным», который сейчас в языке зуни используется как глагол «ползти». И еще одно коптское слово, имеющее значение «колоть», в языке зуни получает значение «спариваться». Подобным же образом древние англосаксы использовали глагол *griscian*, который в современном языке значит мужской разговор! Эти особенности языка зуни позволяют сделать вывод о том, что основой его является ограниченный разговорный

словарь ливийских мореходов и рыбаков или язык ливийских моряков, служивших на кораблях Тарса и Карфагена.

Письмо маури, характерное для ливийского языка, скорее всего, привезли в Северную Америку моряки этих кораблей. Едва ли в Новый Свет были привезены какие-либо литературные труды. Отчеты комиссии по этнологии не упоминают о каких-либо древних памятниках письменности на языке зуни, таких, например, как Песнь Созидания у народа пима. Но этот вопрос еще ждет своих исследователей, ведь, например, в Оклахоме сохранилось большое количество ливийских надписей, что еще раз подтвердили исследования Глории Ферли.

Заемствованные слова

В современном языке зуни много заимствований из испанского и английского языков. Есть также и более древние заимствования. Например, слова *zi* (волосы) и *ahha* (брат) — из отомийского языка (Мексика), такие слова, как *pu'a* (ломать) и *tachchu* (отец) заимствованы из языков мексиканских ацтеков; некоторые другие, например, *polha* (лук) и *ma'* (родник) — из языка хуастек в Мексике, слова *pozulliya* (круг) и *lashokti* (ухо) — из языка майя (Мексика). Заимствования из языков народов Мексики свидетельствуют о тесных контактах с народами, проживающими южнее. О контактах с северными народами говорят слова, обозначающие обувь, сандалии, — заимствование из алгонкинской группы языков.

Основной словарный состав

Это главным образом слова северной группы языков Африки, а также семито-хамитской группы языков (египетская группа — коптский язык и берберская группа — ливийский), к которым после переселения греков в Египет и Ливию в VIII в. до н. э. и покорения Египта Александром Великим и его последователями, Птолемеями, в последующие четыре века добавились греческие корни. Некоторые слова основного словарного состава — из языка нило-тов, они пришли в речь египтян и ливийцев, скорее всего, из языка рабов-нубийцев.

Фонетические изменения

С течением времени язык имеет тенденцию меняться под влиянием определенных правил. Сравнивая написание слов в коптском языке (фонетическое письмо) и современное произношение тех же слов в речи народа зуни, мы можем установить, по каким правилам происходят фонетические изменения в языке зуни. Это почти те же правила, по которым происходят описанные выше изменения в языках народов Полинезии, относящихся к той же языковой семье, что и язык зуни, но в них преобладают анатолийские эле-

менты, которых в языке зуни нет. Вот эти основные правила:

1. *Согласные языка зуни — девокализованные эквиваленты звонких африканских взрывных согласных. Другими словами, мускулы гортани человека, говорящего на языке зуни, не вибрируют, когда он произносит согласные звуки. В результате коптское *b* скорее напоминает *p*. Положите пальцы на горло и произнесите *b* и *p*. Когда вы будете произносить *b*, вы почувствуете вибрацию мускулов. Поэтому *b* мы называем звонким взрывным согласным звуком, а *p* — его девокализованным эквивалентом. Подобным же образом вместо коптского *d* в языке зуни будет звучать *t*, вместо *s* — *z*, и *ch* вместо *g*.*

2. *Звонкие согласные из языков народов Африки в языке зуни сохранились. Это означает, что звуки, подобные *m* и *n* в коптском и ливийском, перешли в язык зуни без изменений.*

3. *Плавные сонанты из языков народов Африки (*l* и *r*) перешли в язык зуни как *l* и *lh*.*

4. *Полугласные звуки из языков народов Африки перешли в язык зуни без изменений.*

Гласные в древних надписях отсутствуют, поэтому мы не можем проследить, произошли ли в системе гласных какие-либо изменения.

Грамматика языка зуни

Во многом она сходна с грамматикой коптского языка, более детальное ее рассмотрение здесь не представляется возможным.

В древней Нумидии (часть современного Туниса) ливийцы писали слева направо, а в Финикии и прилегающих областях — в Карфагене и на юге Испании — поселившиеся там ливийцы переняли особенности языков семитской группы — письмо справа налево. На юге Испании переселенцы из Ливии заимствовали и некоторые из знаков, которые использовались в алфавитах языков народов, которым обозначался ударный полугласный звук «алеф» (превратившийся впоследствии в «а») и знак, напоминающий букву *D* в зеркальном отображении, который соответствовал звуку *g*. Таким образом, ливийское слово «паг» («зубатка»), ливийцы, поселившиеся на юге Испании, писали как «гап». Обратите внимание на тот факт, что изображение зубатки присутствует на мимбрийской керамике из Нью-Мексико (рыба изображена с восемью усиками, тогда как на рисунках, найденных в Ливии, у зубатки 5 усиков), а на рисунках — буквы ливийского алфавита «гап». Это может означать только одно: ливийские переселенцы привезли в Америку и систему письма, и само слово «зубатка», корни которого — в языках народов Северной Африки, люди из Мимбрийской долины знали это слово уже примерно в 1200 г. н. э., когда изготавливалась эта керамика. Как и в случае с уже упо-

минавшимся солнечным диском, это — еще одно доказательство факта переселения ливийцев в Америку. Поддержкой этой версии могут служить и символы, которыми украшали одеяние жреца индейцы племени хопи. Сейчас оно хранится в Гарварде. На нем — чередующиеся символы, которые могут быть прочитаны как ливийские буквы W-t, повторяемые как декоративный мотив. Можно ли считать простым совпадением тот факт, что W-t — это древнеегипетское (а возможно, и ливийское) написание названия священного змея, которого греки называли «урей» и который изображался на короне фараонов как свидетельство их божественного происхождения? Этот и подобные факты заставляют нас признать, что ливийская письменность и ливийский алфавит когда-то использовались в юго-западных районах Северной Америки.

3. Кельто-иберийцы

Потомками переселенцев, «людей из Тарса», основавших колонии на восточном побережье Северной Америки, видимо, были коренные иберийцы (то есть кельты и баски). Они жили в долине реки Гвадалквивир в Андалузии. Скорее всего, колонистам была привычна простая жизнь иберийцев дофиникийского периода, но, как и многие колонизированные народы, они овладели языком своих повелителей, в данном случае, финикийским (или пуническим) языком.

Первой в американской археологии находкой гравированной финикийской таблички была тарсская надпись, обнаруженная в 1838 году. Эта табличка была выкопана из усыпальницы, на холме Маммот в Маундсвилле (Западная Вирджиния). Хотя тарсский алфавит тогда еще не был расшифрован, сходство надписи с иберийским письмом было общепризнано. В отчетах о раскопках того времени курган и его содержимое были отнесены к европейской культуре. Рукотворные погребальные курганы, или тумули, были характерны для многих царских погребений европейского бронзового века.

Идея посещения и заселения европейцами Северной Америки в древние времена рассматривалась как приемлемая гипотеза на протяжении последующих 40 лет. Затем, около 1870 года, утвердилось мнение, что ранее Колумба европейцев на континенте не было.

О маундсвилльской надписи забыли, рассматривали ее лишь как позднейшее включение, случайно попавшее в курган, или украдкой подброшенное некоей безответственной личностью. Иные считали таблички объектом материальной культуры индейцев чироки новейшего времени.

Интерес к ней возродился в 1938-м, когда О. Страндвольд объявил ее норвежской и неизвестно почему решил, что читать ее следует так: «Я коленопреклонен на острове, в поселении Аэнс

Юле Лугового острова. Теперь это святилище, где священные вещи хранятся». Страндвольд действовал весьма своеобразно: удваивал некоторые буквы, игнорировал особенности их произнесения, выделял порой по несколько звуков из одной буквы. В результате оказалась дискредитирована сама идея эпиграфики в Америке. Мнение о Колумбе, как о первом европейце на здешних берегах, укрепились окончательно.

В 1968 году британский эпиграфик Дирингер издал таблицы сравнительной фонетики иберийских алфавитов. Стало возможным прочесть слова и выражения на различных испанских надписях иберийского периода.

Интерес к тарсским надписям в США ожил в 1974 году, когда техасский профессор Дж. Картер заметил сходство многих букв в своих копиях с буквами, о которых я ранее сообщал как о ливийских. Он представил мне копии американских надписей для изучения. Я увидел, что надписи были отнесены к иберийским, родственным ливийским, но во многом от них отличным. Я заметил также, что читать их следует справа налево и что в надписях встречаются финикийские слова, хотя зачастую в сокращенной или искаженной форме. Стил был сжатым, как бы подсказывая нам, что писавшие использовали этот язык не как родной, а как заимствованный, своего рода форму пиджин-инглиш или креольского языка.

Хотя подобные исследования проводились нами не впервые, я, благодаря словарному материалу, мог с уверенностью судить о курганном происхождении надписей.

Кельто-иберийцы, как упоминалось ранее, были этнически пестрым собранием племен, говоривших на разных языках. Одним из наиболее представительных народов были баски. Сегодня народы, говорящие на языках басков, живут только на побережье Бискайского залива и в пограничных Пиренеях. Современные баски разделяются на две основные группы — французских и испанских басков. Внутри каждой из групп имеются множественные диалектные подгруппы.

В 1975 г. я был представлен М. Чандлер, ведущему специалисту по эпиграфике в Новоанглийском обществе изучения древностей. На ее попечении находится свыше 450 покрытых надписями камней, собранных в конце 40-х годов В. Стронгом, в низовьях долины реки Саскуиханна (Пенсильвания). Многие из них — это надписи ранних поселенцев, и разнообразие использованных письменностей и языков свидетельствует, что это были кельто-иберийцы баскского, кельтского и пунического происхождения. Некоторые примеры баскских памятников, приведенные ниже, подчеркивают незамысловатый характер поселений, о которых мы мало что знаем к настоящему моменту. Гораздо большего внимания требуют поселения в Пенсильвании. Образцы надписей хранятся там в запасниках городского музея Гаррисберга. Их там рассматривают как межевые знаки пашенных угодий.

Известен и другой, более богатый в некоторых отношениях, источник, свидетельствующий о кельто-иберийцах. Народность пима, проживающая на юго-западе страны, — это свободное племенное объединение, управляемое макаи. «Макаи» на языке пима означает волшебник, маг, чародей. Связь с семитическим понятием «маги», имеющим то же значение, очевидна. В 1901—1902 годах Ф. Рассел, этнолог Американского этнологического бюро, жил в племенах пима и записал латинскими буквами древний «Гимн Творцу», который к этому времени макаи еще помнили. Он был опубликован в 1908 году, вместе с подстрочным переводом.

Вот образец подстрочника:

«Волшебник земли создал землю.
Посмотри, о чем думал ты.
Круг заставил пойти.
Посмотри, о чем думал ты.
Волшебник земли создал горы,
смотри, что ты сказал.
Равнина появилась,
смотри, что ты сказал»...

Нечего удивляться, что люди непосвященные считают индейские языки примитивными! Произошло невольное убийство целой литературы.

Чистой правдой является и то, что этнографы, собиравшие памятники древней литературы американских индейцев, не прилагали лингвистических усилий для осмысления материала. Ф. Рассел и, видимо, другие исследователи потерпели неудачу, не сумев признать «Гимн Творцу» древним семитическим гимном.

Я предлагаю свое прочтение его, опирающееся на семитическую лексику:

«Вначале Всемирный Волшебник создал землю.
Когда время пришло, он посадил растения
на творении своем.
Волшебством, вода для орошения пришла,
И начался рост растений на земле.
Затем он создал волшебством дождь,
Чтобы поливать творения свои,
И стал зреть урожай».

Если рассматривать текст как семитический, то он представляет собой поэтическую и логическую концепцию сотворения мира, как если бы он был найден в древних записях.

Желая исправить положение, я высказал ряд предположений:

1. Люди племени пима говорят на семитическом языке, очевидно усвоенном от иберо-пунических колонистов, поселившихся в Америке 2,5 тысячи лет назад.

2. Пима полностью сохранили религиозные надписи этих поселенцев.

3. Эти надписи имеют поэтическую и литературную ценность. Свое значение они утратили лишь из-за произвольных переводов на современные европейские языки.

4. Мнение, что языки американских индейцев есть уникальное американское явление, — неверно. Это привело к их классификации, которая не выражает истинного лингвистического родства.

Правда, существование семитского гимна еще не доказано. Отрывки, приведенные в нашем исследовании, — это первые попытки доказать преемственность культуры американских индейцев и культуры Средиземноморья. Что же до языка пима, очевидно, что требуется пересмотреть подход к нему с лингвистической точки зрения и разместить его среди семито-хамитских и креольских языков.

Выходит, пима — это потомки некоего кельто-иберийского племени, использовавшего пунический язык своих финикийских колонизаторов в Испании. Наиболее отважные члены этого племени отправлялись под водительством финикийцев к землям «за закатом». Возможно, они владели креольской формой пунического языка (пиджин-пунийским, если можно так выразиться), потомком которого является язык пима. Так же как и в Европе, «креолизированные» формы латинского языка, используемые кельтскими народами Франции во времена Римской империи, легли в основу старофранцузского языка.

Весьма вероятно, что кое-где в Соединенных Штатах еще говорят на производных от древнего баскского языка. Интересное письмо было получено мною от одного из индейцев племени шошонов, путешествовавшего по Стране басков в Испании. Он пишет мне о сходстве некоторых слов в языке шошонов, включая его собственное имя, со словами современного баскского языка!

4. Присутствие египтян

А сейчас мы познакомимся с доказательствами недавно выдвинутой теории о том, что древние египтяне посещали Северную Америку и во время своего пребывания там передали свое знание сложнейшего иероглифического письма народам, населявшим нынешнюю Канаду и прилегающие к ее территории области Соединенных Штатов.

Я получил возможность заняться разработкой этого вопроса, главным образом, благодаря сотрудничеству с Джоном Уильямсом. Как-то обратился к изучению документов, хранящихся в богатейшей Виденеровской библиотеке Гарвардского колледжа. Он искал упоминания о тех раскопках, которые могли бы подсказать нам, в каких регионах поиски еще не велись, а также данные о музеях, где могли храниться материалы, необходимые для наших исследований. В процессе работы он обратился к книгам на языках индейских племен. Однажды он принес мне копию любопытного документа, опубликованного в Нью-Йорке в 1866 году в книге, посвященной индейцам вабанаки, населяющим штат Мэн. Автор книги — священник Юджин Ветромил, посвятивший свою жизнь приобщению индейцев к христианству. Упомянутый документ, а это

всего одна страница текста, назывался «Молитва Господу, записанная микмакскими иероглифами». Я с первого взгляда понял, что, по крайней мере, половина этих иероглифов очень напоминает египетское иероглифическое письмо или его упрощенную форму — иератическое письмо. Но еще больше удивило и поразило меня то, что значение этих древнеегипетских иероглифов совпадало с их английским переводом, данным в книге. Мне приходилось читать о том, что некоторые племена индейцев, обитавшие на северо-востоке Америки, пользовались иероглифическим письмом, «изобретенным священниками-миссионерами, считавшими, что индейцам будет проще усвоить иероглифы. Но это в корне противоречило лежавшему передо мной документу, свидетельствовавшему о том, что микмакское письмо было изобретено кем-то, знакомым с древнеегипетским иероглифическим письмом.

Микмак — это племя алгонкинских индейцев, живущее в Акейнии, в восточных провинциях Канады. Это племя тесно связано с племенами, населяющими штат Мэн, например, с племенем вабанаки, или так называемыми «людьми-с-востока». В обстоятельной книге Скулкрафта об американских индейцах автор пишет, что сообщил Конгрессу о том, что «чтение и письмо им (алгонкинским индейцам) совершенно не знакомо». Это утверждение, а также сообщение жившего в XVIII веке французского священника Пьера Мейларда о том, что он является автором микмакских иероглифов, казалось, свидетельствовали о том, что письменность алгонкинских индейцев была изобретена совсем недавно. Изучал ли Мейлард древнеегипетские иероглифы с тем, чтобы создать микмакскую систему письма? Вряд ли, вернее, точно, не изучал. Мейлард умер в 1762 году, за 61 год до того, как Шампольон опубликовал свое первое сообщение о расшифровке древнеегипетских иероглифов. Таким образом, совпадение между отдельными иероглифами, предложенными Мейлардом, и древнеегипетскими иероглифами могло быть лишь случайным. Поэтому я попросил Джона найти еще какие-нибудь работы Мейларда, если таковые имелись в Виденерской библиотеке или где-то еще. Вскоре он обнаружил экземпляр книги Мейларда объемом в 450 страниц, написанной по-микмакски. Работа отца Мейларда содержала изложение взглядов католического духовенства, катехизис, историю религии и переводы псалмов и гимнов. Она была издана в Вене в 1863—1866 годах. Основой книги послужили рукописи отца Мейларда, завещанные им перед смертью, в 1762 году, индейцам племени микмак. В этой книге — сотни иероглифов, большая часть которых заимствована почти без изменений из древнеегипетского иероглифического письма или его иератического варианта.

Таким образом, становится совершенно очевидно, что письменность племени микмак (а также, частично, и его язык) заимствованы у древних египтян. Но каким образом это могло произойти? Конечно же, абсурдно предполагать, что Мейлард самостоятельно расшифровал древнеегипетские иероглифы, кроме того, нет ника-

ких данных о его путешествиях в Египте или о каких-либо иных его занятиях, кроме миссионерской деятельности среди индейских племен, которые бережно хранили его труды в течение 120 лет. Здесь мы сталкиваемся с новой загадкой. По первому запросу библиотекари Гарварда подобрали нам все имеющиеся в наличии книги об индейских племенах микмак и вабанаки. Некоторые из них помогли мне понять, что же произошло на самом деле.

Оказывается, Мейлард вовсе не изобретал микмакской письменности, а вместо этого заимствовал и ввел в обращение систему письменности, уже существовавшую у индейцев в то время, когда кардинал Ришелье отправил французских миссионеров работать с канадскими индейцами. Из разных источников мы узнаем, что, когда учителя-христиане пришли в племя микмак и начали учить индейцев, некоторые из священников обратили внимание на то, что дети чертят на бересте какие-то значки во время чтения молитв. Когда детей спросили, что они делают, те объяснили, что записывают некоторые из высказываний учителя. Дети рассказали, что пятиконечная звезда означает небеса, круг — землю и так далее.

Отец Юджин Ветромил (1866) рассказывает то же самое об индейцах племени вабанаки, среди которых он работал в штате Мэн. Его рассказ, проливающий свет на многие факты, может быть с большой степенью вероятности отнесен и к индейцам племени микмак. Мы приводим отрывок из его статьи, и то, что пишет отец Ветромил, подтверждается также фактами, изложенными в работах об индейцах племени микмак.

«Когда французы впервые прибыли в Акейдию, индейцы уже умели писать. Их письма встречали на коре деревьев, на камнях. Ими были украшены надгробные плиты и стрелы воинов, острые камни и другие инструменты. Они посылали в соседние племена куски древесной коры, испещренные этими значками, и получали ответы, написанные тем же способом, точно так же, как мы делаем заметки и пишем письма. Во время войны вожди племени рассылали такие же циркуляры своим воинам. В них вожди спрашивали советов и отдавали приказы».

Этот отрывок свидетельствует о том, что мы долгое время ошибались, считая микмакскую систему письма современным изобретением, и, следовательно, чем-то, что не заслуживает серьезного исследования. Отец Ветромил продолжает свой рассказ, повествуя о том, что у него имеются три манускрипта, написанных микмакским иероглифическим письмом. Конечно, все написанное относится к 1866 году, и мне не удалось найти следов этих манускриптов, авторами двух из которых, как пишет отец Ветромил, были индейцы. Миссионер продолжает: «В вигвамах у некоторых индейцев (когда прибыли первые французские миссионеры) было некоторое подобие библиотек, состоявших из камней и кусочков древесной коры, а знахари владели серьезными медицинскими манускриптами, которые они читали больным... Индейцы утверждают,

что своими значками они могут передать любую мысль, совсем как мы при помощи нашего алфавита. Когда в эту страну прибыли французские миссионеры, они научились пользоваться этими значками для того, чтобы иметь возможность отдавать индейцам приказы и учить их. Отец Мейнард (тут, вне всякого сомнения, имеется в виду Мейлард) и Ле Лутр обратили их в христианскую веру, внося необходимые дополнения в иероглифику для проповеди религиозных догматов.

Отец Ветромил пишет, что подобное письмо использовалось северными алгонкинскими народностями (микмаками, вабанаками и эчемисами). Он пишет, что он встречал стариков индейцев в Оллтауне (Мэн), которые помнят время, когда письмо записывалось и вертикально, и горизонтально (как сейчас), но в другом направлении. Он добавляет:

«Надеюсь, что этот вид письма не утрачен, будучи погребенным во прахе веков, но память о нем будет передана будущим векам. Она станет свидетельством культуры и древности благородного и изысканного, но злосчастного племени микмаков».

Благодаря жизнестойкости индейцев Акейдии, в частности, микмаков, и действиям французских миссионеров, желание отца Ветромила было исполнено. Чрезвычайно интересная задача — исследовать пути проникновения египетского письма в северные алгонкинские народности.

Невольно возникает вопрос: являются ли микмаки и народности алгонкинов потомками египтян-первопроходцев? Ответ однозначен: нет.

Хотя в алгонкинских языках встречаются некоторые египетские лексические элементы.

Бесспорно, систему письма алгонкины просто заимствовали у египтян; для различных алгонкинских племен, особенно для северной их группы, характерно обилие слов, связанных с письмом и письменными принадлежностями. Эти слова совершенно не похожи на французские или английские слова аналогичного лексического ряда, но иногда почти совпадают с египетской лексикой. Большое количество слов этой категории присутствует и в старейшем словаре языка вабанаки. Он был подготовлен в штате Мэн отцом Себастьяном Раслесом (чья миссионерская деятельность началась в 1690 году). Рукопись словаря хранится в библиотеке Гарвардского университета. Составлять его он начал, судя по рукописным материалам, в 1691 году. Работать над ним продолжал вплоть до своей гибели от рук британских солдат в 1724 году.

Однажды, в 1874 году, преподобный М. Гасс, в сопровождении двух студентов, работал на маленьком кургане около Давенпорта (Айова). Они нашли обычное, неглубокое индейское захоронение недавнего времени, но когда увеличили глубину раскопок, то вскрыли захоронение более древнее. Было погребено два скелета, принадлежавших взрослым людям, и скелет ребенка. Поблизости обнаружили гравированную табличку, ныне известную как Давен-

портская календарная стела. Она была обильно украшена странными знаками и поступила в распоряжение Давенпортской академии наук (ныне музей Путнэм). Первоначально она вызывала к себе интерес, но позже была забыта. Произошло это благодаря ученым из Гарварда и Смитсоновского института, объявившим ее подделкой. Они считали ее нечитаемой, так как она включала подозрительно знакомые по финикийским и древнееврейским источникам знаки и буквы. И по этим причинам табличка была признана никчемной и бессмысленной подделкой! К счастью, Давенпортская академия, несмотря на все протесты, сохранила эту табличку.

В центре стелы изображена сцена, окруженная надписями на трех языках — египетском, иберо-пуническом и ливийском. Иберийские и ливийские тексты гласят, что надпись хранит секреты календаря. Завершает надпись египетское иератическое письмо. Его расшифровка приводится рядом с толкованием кельто-ливийских надписей. Египетский текст гласит:

«К столбу прикреплено зеркало так, чтобы когда солнце встает в новогодний день, оно бросало бы лучи на камень, имя которому «Наблюдатель». Новый год бывает тогда, когда солнце встречается с зодиакальным созвездием Овена, когда день растет, а ночь убывает. В это время празднуют Новый год и совершают жертвоприношения».

На табличке изображено празднование Нового года по египетским обычаям утром дня весеннего равноденствия (соотносимым с современной датой 21 марта; в древности — позже). Этот праздник состоял в водружении церемониального новогоднего столба, составленного из связок тростника, называемого ими «джед». Церемония эта по смыслу представляла собой возведение позвоночника бога Озириса. Слева можно видеть зеркало в резной раме, а на ней иероглифы, читаемые как «зеркало египтян». На зеркале — надпись, гласящая: «отражающий металл». Справа — восходящее солнце, с иероглифом «Ра» (Солнечный бог, или Солнце). Над изображением утреннего неба находятся звезды. Как свидетельствуют иллюстрации, айовская стела подтверждает то, что нам известно из захоронений в Фивах о церемонии колонны «джеда» в Новый год. Египетские хроники упоминают об этой церемонии, проходившей в месяц кагахх, соответствующий нашему марту. Это же подтверждает и айовская стела. Египетский текст Давенпортской стелы сообщает, что это работа Внту (Звездочета), жреца Озириса из Ливии.

Как такой ценный документ мог оказаться на могильном кургане в Айове? Подлинный ли он? Да, это так, хотя ливийские и иберийские тексты не были расшифрованы ко времени находки Гасса. Значения текстов на ливийском и иберийском языках совпадают и с иероглифическим текстом. Это наводит на определенные размышления.

Эта стела — безусловно, американского происхождения. Возможно, она была создана ливийским или иберийским астрономом,

скопировавшим подобную, но более древнюю стелу из Египта или, что более вероятно, из Ливии, находившуюся на борту корабля. Жрец Озириса мог считать стелу календарем в далеких землях. Дата ее появления на свет — не позднее VIII в. до н. э., так как мы не знаем ливийских и иберийских надписей ранее этой даты. Египетский текст мог быть только копией. Судя по его стилистическим особенностям, этот текст можно было бы отнести к XVI в. до н. э.

Больше я пока ничего о нем не могу сказать.

Возможно, колонисты прибыли в Америку с ливийским шкипером и египетскими моряками на борту. Их появление относится к XXII ливийской династии, в период, когда фараоны придавали большое значение открытиям новых морских путей. Возможно, с моряками путешествовал и египетский жрец-астроном. Он или его преемники создали Давенпортскую календарную стелу.

Возможно, в этот же отрезок времени другие жрецы-астрономы из Египта сопровождали другие экспедиции, такие, как путешествие на Лонг Айленд (Нью-Йорк) и экспедиция ливийцев в Квебек. Они оставили запись, найденную несколько лет назад профессором Томасом Ли из университета Лавала. Эти путешественники заселили Новую Англию и научили индейцев народностей микмак и вабанаки египетским иероглифам. Иероглифы — это идеограммы, и могут быть прочтены в силу этой своей специфики на любом языке. И поэтому ученым ливийцам или египтянам было несложно обучить иероглифическому письму и чтению как своих соотечественников, так и коренных жителей Америки — индейцев. С течением времени сформировался современный алгонкинский язык, и иероглифы стали читаться как алгонкинские слова.

Сейчас пора сказать о резных камнях с изображениями африканских животных, найденных в Айове много лет назад, как о работе скульпторов, прибывших в Америку из Северной Африки. Резные слоны в полях Давенпорта перестают быть загадкой. Они — творения тех же людей, которые создали упомянутую нами календарную стелу.

Портретные изображения на терракоте и камнях на североафриканских, нубийских, иберийских украшениях и одежде до определенной степени раскрывают инкогнито своих кузев и авторов. Находки были обнаружены в штатах Теннесси и Кентукки, на территориях, прилегающих к реке Миссисипи. Однако существует еще множество таких вещей, которые обычно ускользают от внимания исследователя, но мы сумеем определить их природу и происхождение. Что до погребальных курганов и урн, раскопанных мною, я не нахожу в своих действиях неуважения к усопшим. Раскапывая захоронения, мы проливаем свет на наше происхождение, узнаем своих далеких предках, принесших искусство и науку в Новый Свет.

5. Алгонкины

Племя алгонкинов включает в себя наиболее многочисленную и широко распространенную группу североамериканских индейцев. В Канаде северо-восточной границей их расселения стал юг полуострова Лабрадор, западной — Скалистые горы. В США они поселились вдоль Атлантического побережья: от Северной Каролины на юге до Новой Шотландии на севере. Племя включает в себя носителей свыше 50 племенных диалектов.

На востоке страны алгонкины не живут на каких-то замкнутых территориях, и большая их часть смешалась с современными поселенцами. Подобная интеграция была в какой-то степени неизбежна, поскольку внешне алгонкины сходны с обитателями южной Европы и Средиземноморья. Переодетые в европейскую одежду, они не слишком отличаются от европейцев. На западных территориях расселения алгонкинов в их облике прослеживаются и монголоидные черты, и если внимательно проанализировать некоторые особенности их племенной истории, мы можем смело предположить, что «западные» алгонкинские племена имеют, кроме европейских, еще и азиатских предков.

Попробуем проверить гипотезу о происхождении этого племени, используя имеющийся этнографический, археологический и лингвистический материал.

Традиции

Одновременно приятно и полезно познакомиться с тем, что племена алгонкинов говорили о своем происхождении своим ранним исследователям. Первым опубликованным свидетельством было письмо Джона Джонстона, жившего у людей народности шони, датированное 7 июля 1819 г.

Джонстон писал:

«Народ этот верит, что предки его пересекли море. Это единственная народность, которая принимает чужеземцев у себя. До сих пор (т. е. до 1819 г.) они ежегодно приносят жертву в честь благополучного прибытия на эту землю. От кого они произошли и когда прибыли в Америку, они не знают».

Традиция, о которой писал Джонстон, сохранилась до новейшего времени. Могли быть в Америке также и другие поселенцы. Джонстон говорит, что алгонкины объясняли ему это следующим образом:

«Распространено среди них мнение, что Флорида населена белыми людьми, использующими железо. Почетный вождь племени, Черное Копыто, подтверждает, что от стариков он слышал, что часто под землей находили обрубки деревьев, срезанных острыми орудиями».

Эти свидетельства внушают серьезное доверие. Привлекает внимание и сходство наименований отдельных звезд и созвездий

у алгонкинов и европейцев. Созвездие Большой Медведицы было известно разным средиземноморским народам бронзового века, среди них грекам, называвшим его *Arctos*. Римляне называли его *Ursa major*, и оба названия означают медведя, хотя ничто в данной группе звезд не вызывает ассоциации с этим зверем. Каким образом кельты и иберийцы или другие народы могли принести свои традиционные обозначения в Америку, мы сказать сейчас не можем, но когда Коттон Мэтер спрашивал индейцев натика (Бостон), что знают они о движении звезд, выяснилось следующее:

«Я с удивлением узнал, что они называют ярчайшую звезду Большой Медведицы именем Паукуннауау, или Медведь,— тем именем, которым нарекли ее европейцы».

В микмакском диалекте алгонкинского языка медведя обозначали словом «мооин». В 1884 году доктор С. Рэнд записал, что это слово используется в диалекте для обозначения всего созвездия. Следуя точке зрения Капона Мэтера, можно сказать, что существовала связь астрономических названий Старого и Нового Света. Это не может быть простым совпадением. По моему мнению, древние моряки принесли с собой в Новый Свет легенды о созвездиях, в частности, об *Modeen*, по которому сверяли навигационный курс и время. Эти сведения, какими бы скудными они не были, подразумевают ранние культурные контакты с народами Европы, в частности, Средиземноморья.

Лингвистические свидетельства

Российские лингвисты долгое время занимались кочевыми народами на северо-востоке Сибири и близлежащих островах. Были составлены обширные словари этих языков, включающие в себя в среднем около 25 тысяч слов каждый. Изучая их лексический состав и грамматический строй, можно заметить совершенно явное сходство этих языков с наречиями индейцев северо-запада Северо-Американского континента. Следовательно, контакты между народами Азии и Северной Америки происходили уже довольно давно, вполне возможно, их история насчитывает тысячелетия.

Мы можем распространить этот принцип и на алгонкинские языки. Современные исследования на эту тему доказывают, что существует немалое количество корней сибирских языков в западных диалектах алгонкинских языков. Их число постепенно уменьшается к восточному побережью Новой Англии и Новой Шотландии. Эти факты можно проиллюстрировать, проведя наглядные аналогии. Слово «матсу» используется для обозначения дерева у всех алгонкинских племен. Исключение составляет диалект вабанаки (Мэн) — дерево называется «абасси». Ныне в сибирских языках «абасси» означает «враг», но почему же оно обозначает «дерево» в Новой Англии? Ответ прост. Это не коренное сибирское слово, вместо него используется семитское слово, означающее

дерево и ныне находящееся в ходу в иврите, родственном финикийскому языку.

Очевидно, в этом случае более старое сибирское слово в алгонкинском языке было вытеснено на востоке страны словом из Средиземноморья. Подобные свидетельства подтверждаются сотнями других слов чисто семитского происхождения, обнаруженных в современном языке вабанаки, но отсутствующих на территориях, где распространены западные диалекты алгонкинского, куда, предположительно, финикийцы не проникли.

Кельтских слов значительно меньше в восточноалгонкинских диалектах. В основном, напомним, они имеют отношение к топографическим особенностям местности.

Наши заметки — не более чем попытка очертить область лингвистических поисков, которые еще практически не велись. Мы должны быть готовы к пересмотру утверждения о том, что Атлантический океан был непреодолимым препятствием между Старым и Новым Светом. Если верно то, что неолитический человек Европы обладал мужеством и смекалкой, равными этим же качествам неолитического человека Полинезии, то мы смело можем предположить, что первые великие мореходы, бороздившие Атлантику, были предками алгонкинов.

А. А. Маслов

НЕВОЗМОЖНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Станный рассказ монаха

В самом начале VI века при дворе китайской династии Тан в покоях императора У-ди объявился удивительный странствующий буддийский монах Хуэйшань. Император У-ди благоволил к буддизму, при его содействии было отстроено много новых монастырей, переписаны многочисленные сутры, монахам щедро раздавались подаяния. И вот до У-ди дошли слухи, что нищенствующий монах (бхикшу) Хуэйшань удивляет публику рассказами о некоей стране, откуда он вернулся несколько лет назад, а точнее в 499 году. И вот Хуэйшань был приглашен ко двору еще раз поведать свою забавную историю, которая больше напоминала древние китайские мифы о «землях необычайных», нежели воспоминания путешественника. Один из правителей областей по имени Юй Цзе, который присутствовал при рассказе монаха, подробно записал его изложение под названием «Лян сы гун цзи» («Заметки четырех правителей династии Лян»), которое и дошло до нас.

А рассказ этот оказался поистине удивительным, не случайно большинство слушателей отнеслось к монаху с большим недоверием. Достаточно было вслушаться в некоторые пассажи рассказа монаха, выдержанные в традиционном стиле мифических повествований о далеких землях, где «живут Небожители и бессмертные», чтобы понять яркость фантазии Хуэйшаня. В основном его рассказ был посвящен некоей таинственной земле Фусан и прилегающей к ней территории, полным необычных явлений, где живут люди непривычного вида.

По сути, Хуэйшань отправился в какую-то страну, лежащую за 40 тысяч ли (приблизительно 10 тысяч километров) к востоку от Китая, встретил там народ, находящийся на сравнительно высоком уровне цивилизации, хотя и ниже, чем уровень цивилизации Ки-

* Маслов Алексей Александрович — кандидат исторических наук, востоковед. Статья «Невозможная цивилизация» — часть большой книги, над которой работает автор, была опубликована в журнале «Знак вопроса», № 3, 1995 г.

тая того времени. До нас не дошло упоминаний о том, каким образом Хуэйшань добрался до этой далёкой страны и каким образом вернулся обратно, а также сколь долго он отсутствовал. Известна лишь дата его возвращения — 499 год. Посетил Хуэйшань некие территории, которые назвал «страной Фусан», «Государством женщин», «землями Юйцзе».

Французский китаист Де Гинь еще в конце XIX века обнаружил запись рассказов монаха в древних китайских хрониках, перевод выдержек из которого и приводится ниже:

«В году 499 буддийский монах по имени Хуэйшань приехал в Китай и рассказывал о некой стране, называемой Фусан. Фусан расположена в 20 тыс. ли (т. е. ок. 10 тыс. км) к востоку от страны Великая Хань. Она также расположена на восток от Срединного царства (т. е. от Китая). В нем растет большое количество деревьев фусан, откуда страна эта и получила свое название. Листья этих деревьев цвета дуба. На своих ранних этапах эти деревья выглядят подобно росткам бамбука. На них произрастают съедобные грушевидные плоды, красноватые на цвет. Из коры деревьев может изготавливаться материя, из которой местные жители делают одежду. Строя свои дома, они делают доски... У их городов нет стен. У них есть письменность, и они изготавливают бумагу из коры дерева фусан. Они не ведут войн, а поэтому у них в этой стране нет оружия. В этом государстве есть тюрьмы — одна на юге и одна на севере. За небольшие проступки преступников помещают в южную тюрьму, а за более серьезные — в северную. Если преступник прощен, его переводят в южную тюрьму, но если ему не удалось добиться помилования, он остается в северной тюрьме. Эти люди, что помещены в северную тюрьму, мужчины и женщины, могут жениться друг на друге, а потеряв сестру, они горюют три дня, не принимая пищу. Здесь же вешаются изображения духов, которым совершают поклонение утром и вечером. Люди не носят траурных одежд или знаков траура.

В течение своих первых трех лет востшествия на трон местный правитель не занимается делами государства. Раньше в этой стране не было никаких знаний о буддизме, но во время династии Сун в 458 г. пять монахов (т. е. экспедиция Хуэйшаня — А. М.), отправившись из Кипиня (Кабула), достигли этой страны, привезя с собой буддийские писания и изображения, поведав народу здесь о буддийской идее и отринув их грубые обычаи, изменили их...

Хуэйшань рассказывал также, что в тысяче ли к востоку от Фусана расположено Государство Женщин. По своему виду народ этой страны чистоплотен и опрятен, а цвет их — белый. На их телах растут волосы, а волосы на головах очень длинные и достигают земли. Они входят в воду и становятся беременными. Через пять-шесть месяцев они рожают детей. Женщины почти лишены грудей. На затылке они волосаты, и молоко в волосах этих. Уже через сто дней ребенок может ходить, а через три или четыре года мужает. И все это — правда.

Завидев человека, женщины пугаются и прячутся. Они весьма почитают своих мужей. Народ этот ест листья соленых растений, которые напоминают некоторые китайские травы и имеют приятный запах. В 507 г. несколько человек из Цзинани, пересечя океан, были прибиты сильным ураганом к неизвестному берегу. Высадившись на берег, они обнаружили народ, который весьма похож на китайцев, но мужчины имеют человеческое тело, а голову собаки и издают звуки, похожие на лаянье собак.

Народ ест нечто подобное небольшим бобам или зернышкам. Они носят одежды, сделанные из материи. Они долбят землю и делают обожженный глиняный кирпич для стен своего дома, круглые по форме, а двери или вход подобны норе».

Хуэйшань также поведал, что у этого народа есть свой император — «Правитель множества», который каждые два года меняет цвет своего наряда. Местные жители активно разводят крупный рогатый скот, делают кумыс из молока и выращивают виноград. В этой стране широко используется золото и серебро, которые при этом не считаются особой ценностью, зато железа местные жители не знают».

Были и совсем необычные пассажи в рассказе монаха. «На большом расстоянии к югу от этой страны лежат горы Яньшань («дымящиеся горы»), жители которых едят локустов, крабов и волосатых змей для того, чтобы уберечься от жары. На вершине этой горы живут огненные крысы — хорьки или белки, мех которых используется для изготовления негорючего материала, который очищается огнем вместо того, чтобы очищаться водой. К северу на большом расстоянии от государства женщин находится Черная Глотка или Равнина, а на север от Черной Глотки располагаются горы столь высокие, что достигают неба и покрыты снегом весь год. Солнце здесь вообще не показывается. Рассказывают, что здесь обитают Светящиеся драконы. На большом расстоянии к западу от государства женщин бьют фонтаны, по вкусу напоминающие вино. В этой же местности можно также обнаружить Лаковое море, волны которого окрашены в цвет черного пера и меха, которые погружены в него, а чуть неподалеку располагается еще одно море цвета молока. Территория, окруженная этими чудесами природы, весьма протяженна и плодородна. Собаки, утки и лошади больших размеров живут здесь, и, наконец, встречаются даже птицы, которые производят на свет человеческих детенышей. Младенцы мужского пола, что рождаются от этих птиц, не выживают. И лишь дочери с большой заботой воспитываются их отцами, которые переносят их в клювах или на своих крыльях. Как только они начинают ходить, они становятся хозяевами самим себе. Все они — замечательной красоты и весьма гостеприимны, но все они умирают, не достигнув и тридцати лет. Крысы в этой стране белы и огромны, как лошади, а их шерсть — в несколько сантиметров длиной».

Как отнеслись слушатели к этому необычному рассказу? Даже

китайское сознание, весьма предрасположенное к мифам и всякого рода мистификациям, не способно было все это воспринять всерьез, и хроника так передает нам реакцию императорского двора: «Слушатели при дворе весьма потешались этому рассказу. Они смеялись и хлопали в ладоши, говоря друг другу, что лучшей истории они никогда не слышали». Одним словом, никто не мог всерьез принять рассказ Хуэйшаня.

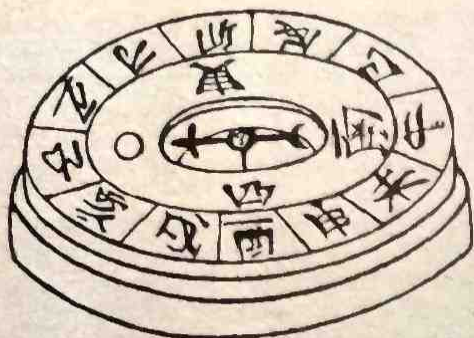
Французский синолог маркиз д'Эрве, комментируя этот фрагмент, заметил: «Это забавное событие показывает нам, что китайцы уже в эпоху Шести династий не были столь легковерны, как часто нам кажется. Они умели отличать правду от невероятного, и экстравагантность рассказчиков, над которой они прежде всего и потешались, ни в коей мере не уменьшает заслугу записывателей, которых они так уважали».

Как будет видно в дальнейшем, если уж над кем-то и смеялись китайские слушатели в царских покоях, то на этот раз только над собой.

За тысячелетие до Колумба

И все же, как ни странно, Хуэйшань не был ни лгуном, ни фантазером, и он действительно побывал в каких-то далеких землях. Эти далекие территории столь поразили его, что он изложил увиденное традиционным языком китайских мифов и легенд. Надо учитывать, что китайцы всегда мыслили себя в центре земли (впрочем, это характерно для архаического мышления всех народов мира), называя свое государство «Чжунго» — «Срединной империей», что сегодня мы переводим просто как «Китай». Само «срединное» положение определялось тем, что китайский император получал с Небес «благую силу» или «Благодать» (дэ), которую он передавал на своих подданных, в результате чего страна процветала. Если же император был по каким-то причинам не способен транслировать небесную благодать на своих подданных, это означало, что «небо лишило его мандата на правление», в стране воцарялся хаос и бедствия. Чаще всего в реальной жизни эта благодать воспринималась именно как часть культуры, в основном — культуры конфуцианской. Те же, кто был не знаком с культурой, например, не соблюдал китайских обрядов, обычаев, не носил китайских одежд, не умел говорить по-китайски, писать иероглифы, исполнять ритуалы, считались «варварами, подобными диким зверям». В их душе не было ни «гуманности», ни «человеколюбия», ни «справедливости», ни осознания ритуальных норм — одним словом всего того, что по китайским понятиям определяет человека именно как человека, отличает его от зверя. В сущности, если, например, человек не обладал «человеколюбием» (жэнь), то он в принципе и не считался даже человеком, его можно было убить или наказать как дикое существо.

Варваров в принципе можно было «окультурить», но речь

Древний китайский компас.

в основном шла о «близких варварах», которые держали посольства при императорском дворе. В основном это были племена, населяющие китайскую равнину. Дальние же варвары, о которых приходилось только догадываться, по-прежнему оставались зверями. Естественно, никакой культурой и «человеческими обычаями» они обладать не могли, и поэтому вели-

ко же было удивление китайского монаха Хуэйшаня, когда он за десятки тысяч километров вдруг встретил вполне цивилизованное и культурное государство. И иначе как сказку он свои впечатления изложить не мог.

По сути дела, если отбросить экзотические названия типа «Черная глотка» и «Лаковое море» (кстати, потом они окажутся весьма точными географическими указателями), то перед нами окажется достаточно точная географическая карта, описанная Хуэйшанем.

Долгое время рассказ странствующего монаха воспринимался не иначе как одна из легенд, на которые столь богата китайская мифология. На самом деле рассказ Хуэйшаня, который со своими пятью спутниками-буддистами побывал в каких-то далеких землях, почти математически точен. У нас есть расстояние и направление, куда отправилась эта экспедиция, есть описание земель и народа. Правда, несколько смущают «моря цвета молока», фонтаны, по вкусу напоминающие вино, огромные животные, страна, где живут одни женщины и приносят детей от собак, и множество других на первый взгляд чисто мифологических подробностей. Но наряду с этим мы встречаем и факты, безболезненно укладываемые в наше сознание, например, горы, весь год покрытые снегом, сама система управления государством, дымящиеся горы (явно вулканы) и немало иных чисто географических и этнических примет. А это уже может нам дать богатую пищу для размышлений.

Прежде всего у нас есть достаточно точное направление и расстояние — ок. 10 тыс. км к востоку от Китая. Мы «приплываем» на Американский континент. Может быть, здесь удастся обнаружить «моря цвета молока» и «Море лака»? Но тогда окажется, что именно китайцы открыли Америку более чем за тысячу лет до того, как каравеллы Колумба в 1492 г. пересекли Атлантику! Причем не только открыли, но и достаточно подробно описали какие-то земли на ее территории. Этот факт парадоксален также и тем, что существуют даже «научные» объяснения того, почему китайцы по-

тенциально не могли открыть Америку! Например, в прекрасно написанной книге М. Тартаковского «Историософия» (М., 1993), лишь одним своим названием претендующей на глобальное осмысление логики исторического процесса, многое построено на рассуждениях о том, «почему же все-таки китайцы не смогли открыть Америку». Из этого даже делается вывод об особом типе восточного нелюбопытно-прагматичного сознания. А тут оказывается, что за тысячелетие до «официального» открытия Американского континента (а может, даже и значительно раньше, но об этом потом) там высадилась целая экспедиция, да к тому же религиозного толка. Экая незадача... Впрочем, факт посещения китайцами Америки следует еще доказать.

О том, что китайцы, вероятно, побывали в Америке, европейские ученые заговорили еще в XVIII в. Известный французский исследователь Жозеф де Гинь в 1761 г. опубликовал труд под весьма длинным названием «Исследования о плаваниях китайцев к американскому берегу и о некоторых народах, обнаруженных на восточной оконечности Азии», а в 1865 г. Густав д'Эшиталь выпустил труд, одно название которого говорило о его основной идее: «Исследования о буддийских истоках американской цивилизации». Он однозначно указывал, что многое в культуре майя и ацтеков проистекает от буддийской традиции, возможно, привезенной сюда китайцами!

Еще дальше в своих рассуждениях пошла Генриетта Мертц, написав весьма примечательную, хотя и не лишнюю известной доли спекуляций книгу «Потускневшая тушь» (Pale ink), ссылаясь в этом названии на известную фразу Конфуция, утверждавшего, что «даже потускневшая тушь все же лучше, чем самая надежная память». Первое издание было опубликовано в 1953 г. и осталось практически незамеченным из-за своей явной абсурдности, как тогда казалось многим. Второе издание 1972 г. было намного точнее проработано в области фактов, снабжено подробными картами странствий китайцев по американскому континенту — и о парадоксе культурного родства китайцев и индейцев широко заговорили.

Прежде всего, что это за страна — Фусан, которая получила свое название от одноименных деревьев? Фусан (другое название — кунсан) — это древнее название полый шелковицы, которое можно встретить обычно в мифах. Дело в том, что в ряде древнейших легенд с полый шелковицей связано рождение первопредка, либо всего человечества, либо государства. Например, именно в полый шелковице был найден мудрый И Инь, который стал первым советником основателя первой китайской династии Инь.

Итак, скорее всего речь идет о шелковичном дереве, из которого действительно, как описывал Хуэйшань, можно делать и материю для одежд и бумагу. Правда, речь может идти и о каком-то аналоге шелковицы, точного названия которого не знал монах и плоды которого действительно были съедобны. Не вызывает со-

мнений и то, о каких съедобных зернышках или бобах говорится в тексте — речь идет, конечно, о кукурузе.

Еще один факт, что бросается в глаза — кратко, но достаточно точно описанные жилища. Круглой или конусообразной формы, с узким входом («подобен норе»), сделанные из глиняных брикетов — мы без труда узнаем в них типичные индейские строения.

Отправившись из Государства Женщин на запад, мы действительно встречаем многое из описываемого, в том числе горы, озера и фонтаны. Далее идет пресловутое «Море Лака» (имеется в виду китайский темный лак), то есть большое озеро с темными, непрозрачными водами. Это — озеро Лабрэ Тарпиц в Лос-Анджелесе, в которое, если обмакнуть перо или кусочек меха, они действительно становятся темными.

Несколько сложнее обстоял вопрос с «морем, воды которого белы как молоко», но и в этом случае нашелся разумный ответ. По сути, это высохшие и когда-то соленые озера, болота, которые, как показали исследования, еще существовали во времена Хуэйшаня, т. е. 1500 лет назад.

Но как объяснить странный вид мужчин, что нижней своей частью подобны людям, а верхней — собакам? Здесь, действительно, мы сталкиваемся с какой-то мистикой. И все же Г. Мертц и здесь находит правдоподобное объяснение — это ритуальные маски, связанные с тотемными животными: «По моему мнению, это лишь показывает нам то, как большинство китайцев рассматривало эти головы и каким образом было способно, вернувшись в Китай, поведать об этом — ничего более того». Объяснение не лишено смысла — в любом этнографическом музее мы можем увидеть индейские ритуальные и тотемные маски собак, змей или вообще невероятных существ. По сути дела, своим описанием Хуэйшань говорит о том, что мужчины надевают на голову «собачьи головы», т. е. маски, подражая повадкам и даже звукам этих животных.

Но вот еще один вопрос: почему буддийские миссионеры называют то место, куда они приплыли, Государством Женщин? Не идет ли здесь речь о неких американских амазонках?

Кажется, исток представлений о Государстве Женщин лежит там же, где и предание об амазонках — женщинах-воительницах, принципиально лишивших себя общения с мужчинами. В этнологии существует понятие локальности брака — куда уходят жить супруги после вступления в брак. В случае жизни в доме женщины это носит название матрилокальности, мужчины — соответственно патрилокальности (в основном у охотников). С этим же частично связано и то, по какой линии передается понятие рода (gendr). Род (не путать его с кланом или семьей!) всегда однолинеен и бывает матрилинейным, когда родство передается по линии матери, и патрилинейным, когда мы принимаем фамилию отца. У европейских народов род обычно патрилинеен, это, в частности, выражается в том, что у нас отчество принимается по имени отца, а не матери.

У большинства народов мира родство также вычисляется по

линии отца, и этот «отцовский» стереотип плотно вошел в наше сознание. Но далеко не везде дело обстоит таким образом, причем в древности многие народы были явно матрилинейны. Сохранились сведения о том, что у ряда индейцев Центральной Америки род был именно матрилинеен, еще в 50-е гг. нашего столетия было установлено явное превалирование материнской линии у народностей Монтана и Пуэблос на юго-западе. Подобную же ситуацию мы встречаем у индейского народа Хопи, связанного с культурой майя и ацтеков. В частности, считается, что ребенок рождается именно в семье матери, а не отца, и дает ему имя исключительно мать жены.

У Хуэйшаня мы встречаем примечательное упоминание о том, что женщины берут себе в мужья змей, от которых и рожают детей. В северной части Мексиканской равнины находилось древнейшее поселение народа Хопи, называвшееся Шунгопави, существовавшее по крайней мере уже в I в. Вероятно, Хуэйшань посетил именно это место, где существовал ритуально-тотемический Танец змей, связанный с тем, что прародителем рода у Хопи считался именно змее. Более того, сами Хопи непосредственно идентифицировали себя с этим пресмыкающимся и даже называли себя змеями. Обратим внимание, что здесь не было элемента наигрыша, но абсолютно полное уподобление человека змее, когда чисто психологически стирались все различия между представителем народа Хопи и животным. Примечательно, что даже маленькие дети безбоязненно играли с ядовитыми змеями, а те не кусали их. Естественно, что женщины Хопи считали, что они вступают в связь именно со змеями и рожают от них детей. Вероятнее всего, именно так они ответили Хуэйшаню на вопрос об отцах своих детей.

Женщины индейских племен вплетали себе в распущенные волосы белые ленты, что было знаком их супружеского положения — и отсюда появилась фраза о том, что «молоко в волосах их».

Удалось и идентифицировать «некие листья соленых растений, которые напоминают некоторые китайские травы и имеют приятный запах». Это — действительно солоноватые растения *Алетопорпис калifornика*, имеющие характерный «медицинский» запах, в прошлом широко использовавшиеся в качестве медицинского препарата в северной Мексике.

Что же касается использования индейцами драгоценных металлов, о чем упоминал китайский монах, то вспомним, что испанцы, высадившись на этот берег, действительно были поражены обилием в обиходе золота и серебра наряду с полным незнанием железа.

Было дано и объяснение животным гигантских размеров, о которых рассказывал Хуэйшань. Предполагали, что речь идет о гигантских скульптурных изображениях животных, в частности, лошадей. Некоторые из них расположены недалеко от городов Блис и Нидл в южной Калифорнии, куда скорее всего и заезжал Хуэйшань и где располагалось его знаменитое Государство Женщин.

А может быть, речь идет и об огромных знаменитых изображениях в пустыне Наска, где мы можем обнаружить рисунки лошадей, пауков, собак. Вероятно, буддийский монах рассказывал именно об этих статуях и рисунках, а те, кто записывали его рассказы, искажали до утверждений о том, что «там живут огромные собаки, утки, лошади», кстати, китайский язык позволяет предположить именно такие искажения.

Таким образом, название «страна Фусан» принадлежит весьма обширной территории к северу от современного Лос-Анджелеса и к югу от Гватемалы и Юкатана. Именно там и странствовали буддийские миссионеры. Удалось «расшифровать» практически весь маршрут странствия Хуэйшаня и идентифицировать все его рассказы с существующими постройками, городами, местными традициями. В процессе странствий он обучал людей тем знаниям, которых достиг Китай к тому времени — способам обработки металла, сельскохозяйственным циклам, постройке храмов и кумирен, календарю и гаданиям.

Но неужели в исторических повествованиях из регионов Центральной Америки, Мексики, Юкатана не сохранилось упоминаний о посещении этой территории какими-то чужестранцами необычного вида? Оказывается такие упоминания есть и разбросаны практически повсюду, правда, представленные в весьма замаскированном виде.

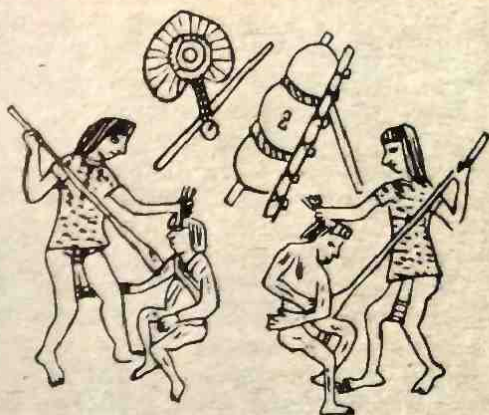
Прежде чем оценить, с какой культурой могли столкнуться китайские странники, напомним в самых общих чертах, что представляла собой Центральная Америка той эпохи. Пожалуй, не найдется человека, который бы не слышал о грандиозных величественных цивилизациях инков, майя и ацтеков. Но их расцвет был еще далек от описываемых событий. Во времена прихода сюда Хуэйшаня со своими спутниками здесь жили племена индейцев, говорящие в большей степени на языке кечуа, частично — аймара хаки.

Судя по многим описаниям, теснее всего китайские странники сталкивались именно с племенами майя, которые достаточно рано (раньше, чем ацтеки и тем более инки) создают развитую цивилизацию на территории полуострова Юкатан, в горных районах современной Гватемалы и Западного Гондураса.

Майя прославились строительством особых пирамид необычной формы, явно служивших храмами или кумирнями. Эти пирамиды встречались в Тикале, Вашактуне. Их отличал особый ступенчатый свод. Пирамиды начали возводиться задолго до возможного прихода сюда буддийских миссионеров (первая относится приблизительно к концу III в.), но постепенно их облик разительным образом меняется. Пирамиды приобретают явные «китайские черты», особенно те, которые возводились в низинных районах, куда и проник Хуэйшань.

Именно с этого момента начинается «золотой век» культуры майя, который характеризовался разительными трансформациями

в архитектуре, астрономических знаниях. Кажется, происходит «взрыв» в культурном развитии народа, который до сих пор развивался хотя и быстро, но в общем-то без скачков. Например, для передачи информации начинает использоваться иероглифическое письмо, которого не знали даже инки, используя узелковую письменность. Возникает и особая каста жрецов-астрономов, которые вели регулярные и вполне «научные» наблюдения за движением Солнца, Луны и планет.

Избиение мексиканских купцов разбойниками.

Примечательно, что система календаря майя была значительно точнее и изящнее, нежели календарь в христианской Европе.

На вершинах пирамид возводились храмы, в которых проводились сложные ритуальные церемонии.

Церемониальным центром майя (мы бы назвали это столицей) считался город Чичен-ица, расположенный на полуострове Юкатан в Мексике. Сохранившиеся остатки древнейших построек обычно относятся археологами к IX — началу X вв., но встречаются и следы более ранних расселений, а это значит, что китайцы действительно могли посещать эти места. В X в., вероятно, племена тольтеков или ица захватили Чичен-ицу, но крупным культурным и торговым центром этот город оставался еще по крайней мере в течение двух веков.

Но вот по причинам, которые не до конца ясны ученым, с начала X в. начинается внезапный и к тому же стремительный закат цивилизации майя, особенно ярко проявившийся в некогда высоко развитых низинных районах. Может быть, иссякли некогда «позаимствованные» у китайцев знания? А может быть, все проще — откат культуры объясняется войнами, не случайно в Чичен-ице столь заметно влияние мексиканских племен, например тех же тольтеков.

Юкатан был покорен испанцами в 1541 г., но уже почти за столетие до этого цивилизация майя пришла в полный упадок, а скромный и заурядный город Майяпан, куда переместился из величественной Чичен-ицы ритуальный центр, был разрушен в междоусобицах.

Существуют, как кажется, в местных преданиях и прямые упоминания о пришельцах из далекого Китая, правда, представленные в традиционной мифологической форме. Прежде всего обращают на себя внимание легенды о некоем «седом бородатом челове-

ке». Нередко в преданиях его образ смешивается с образом одного из высших божеств — Кецалькоатлем.

Кецалькоатль — ключевое божество в пантеоне богов ацтеков, по многим описаниям предстает перед нами в виде пожилого человека с белой бородой. Среди племени майя первейшим из богов был Кукулкан, в котором ряд исследователей усматривают прямую аналогию Кецалькоатлю. Фактически, речь идет об одном и том же человеке, представленном под разными именами.

Существовал и еще один лик Кецалькоатля-Кукулкана. Он изображался в виде пернатого змея. Примечательно, что нередко в виде змеи изображалась и одна из самых почитаемых богинь в китайском фольклоре Нюйва. Она считалась сестрой первопрародителя Фуси. Одновременно она была и его женой, и именно от incestуального брака Фуси и Нюйва, как гласили китайские легенды, и родились все люди. Не рассказал ли Хуэйшань эту распространенную легенду о появлении людей на земле от Нюйва и Фуси на землях майя и ацтеков? Заметим также, что одно из самых знаменитых изображений и одновременно символов брака Нюйва и Фуси показывает их в виде существ, верхняя часть которых — человеческая, а нижняя — змеиная.

Кецалькоатль считался покровителем искусств и ремесел, он подарил людям земледелие и календарь, фактически выполняя здесь ту же самую мироустроительную и окультуривающую функцию, что и Фуси в Китае.

Примечательна двойственная природа Кецалькоатля. С одной стороны, он безусловно божество, но с другой стороны — человек, причем эта сторона явно превалирует в большинстве рассказов. Скорее он представитель неких высших сил, нежели их выражение. Если избавить Кецалькоатля от мифологических наносов, перед нами окажется пожилой, седой человек с убеленной бородой, обладающий большими знаниями в области астрономии, ритуалов, архитектуры и многого другого. Не случайно племена тольтеков называли своего вождя Кецалькоатлем, вполне допуская его земную природу параллельно с обладанием «неземными» знаниями.

Итак, бородатый человек, известный у разных племен индейцев под разными именами, принес на эту землю календарь, систему установления времени по астрономическим наблюдениям, знания о металлургии, об обработке камня, об изготовлении мозаик из перьев птиц и даже сложную систему верований.

Другая легенда майя гласит о том, что в районы Юкатана приходит то ли бог, то ли могучий вождь Кукулкан (синоним Кецалькоатля), который приносит много знаний.

В весьма запутанных и противоречивых легендах майя мы встречаем упоминания о некой группе пришельцев, которых называли «ица» (некоторые относят их к мексиканским племенам). Они то ли захватывают, то ли просто занимают почетные места правителей в местечке Чичен, откуда начинают управлять большей частью Юкатана.

Среди индейцев широко были распространены рассказы о неких странных людях, пришедших с запада, которые заметно отличались от местных жителей. Они не имели детей и жен. Одна из легенд майя гласит о том, что Кукулкан долго путешествовал, а возвратившись в Мехико, был обожествлен в качестве верховного божества Кецалькоатля. Затем он отправился к морскому берегу на восток, позже на юг в район Чапы, после чего отплыл куда-то на запад. Примечательно, что легенды, распространенные у разных индейских народов, практически полностью совпадают друг с другом в описаниях внешности будущего божества и маршрута его передвижения.

Многое в этих индейских рассказах говорит о том, что речь, возможно, действительно идет о Хуэйшане и его спутниках (всего их было пять человек). Прежде всего, Хуэйшань как буддист не мог иметь ни жен, ни детей, на что обратили внимание составители рассказов, поскольку в индейских поселениях наличие жены у взрослого мужчины считалось практически обязательным. В сущности, этот «Кецалькоатль» ведет себя как классический буддийский проповедник: приносит грамоту и учит наукам.

Сохранилась легенда, что Кецалькоатль был по каким-то причинам то ли изгнан из Мексики, то ли ушел сам, но при этом обещал вернуться. Было рассчитано, что маршрут передвижения Кецалькоатля и рассказа о путешествии Хуэйшаня совпадают практически во всех подробностях.

Существуют разные версии, когда же Кецалькоатль пришел на равнину Мехико. Например, среди майя считалось, что это произошло в большом промежутке между 435 и 692 гг. Если измерять от времени создания города Чичен-ицы, то временной промежуток значительно сужается до 435—455 гг. В любом случае точную дату «прихода божества» искать бессмысленно, но все это весьма близко к предполагаемому времени посещения Хуэйшанем загадочных земель Фусан в 485 г.

Когда он вернулся в Мехико и решил вновь покинуть ее, отбывая на родину, он пообещал вновь вернуться в год, который был назван его именем CE ACATL.

Примечательно, что первая высадка испанцев в 1519 г. в местечке Вера Круз пришлась на год, обозначаемый CE ACATL по местному календарю. Естественно, это было воспринято как долгожданное возвращение самого Кецалькоатля, к тому же многие пришельцы носили густые бороды.

Правда, возникает вполне закономерный вопрос: если Хуэйшань действительно проповедовал буддизм, почему же в культе индейцев кечуа мы не встречаем буддийских верований, идеи о Будде и его спасительной миссии? И все же нашлось немало специалистов, которые привели ряд доводов тому, что буддийское влияние в индейской культуре все же существует. Например, многие божества у майя и ацтеков изображались именно в буддийских позах, например, с поджатой одной ногой, с характерной конфигу-

рацией пальцев «в кольцо» и т. д. А архитектура многих ступенчатых сооружений Чичен-ицы воспроизводит структуры китайских буддийских пагод.

На юге горного Перу и в северо-западной части современной Боливии внезапно начинают появляться высокие башнеобразные склепы — чульты. По описаниям в них, вероятно, хоронили вождей и старейшин племен аймара, хаки, чанка. Интересно, что чульты настолько отличаются от всей предшествующей архитектуры, связанной с культурой Тауанако, что родились предположения, что чульты строились какими-то совсем другими племенами, например, урукилья. Но практически в таких же чультях производились и буддийские захоронения.

Дотошным исследователям даже удалось найти географические названия — топонимы на карте Мексики, Гватемалы и других стран этого региона, которые являются производными от слов «хуэйшань», «пику» (китайское производное от санскритского «бхикшу» — «монах»), «сакья» (производное от слова Шакьямуни или Сакьямуни — родовое имя будды Гаутамы, которым нередко называли всех буддистов). Таковы топонимы Хуэйцзуко, Пичукалко, Пикачо, Сакапуолос и еще десяток других. Правда, здесь не исключена явная передержка — местные языки вполне допускают существование таких слов и без китайского влияния.

Поразительным образом оказываются схожи образы Будды III акьямуни и ацтекского божества Хуэйцзылопочитли, что подметил впервые еще Густав д'Эйшитайль в конце прошлого века, сравнивая верования и образ жизни китайцев и мексиканцев, а позже его выводы были подтверждены уже современными учеными. Оба эти божества имели весьма схожее вероучение, историю земной жизни, призывали к самосозерцанию, к уходу в уединенные монастыри для благодной жизни и медитации.

Роль Хуэйшаня в местной культуре ацтеков и майя, по мнению Г. Мертц, была грандиозна. «Он внедрил здесь новую культуру и вскормил ее самостоятельно до такой высокой степени, что и по сей день мир остается в восхищении от нее — хотя бы от календаря, которому он обучил и который более совершенен, чем наш собственный. Может быть, никто другой в мировой истории не сделал так много для такого большого количества народа в столь разнообразных сферах жизни, оставаясь при этом в неизвестности. Его религиозные убеждения безусловно наложили отпечаток на жителей Мексики, и этот глубоко духовный народ по всей стране по-прежнему отражает его учение и через 1500 лет».

Если оставить в стороне столь высокую стилистику слова, не очень гармонирующую с научным исследованием и вероятно не очень верную оценку буддийского миссионера как одного из величайших людей в мировой истории, то, по крайней мере, осмысление центральноамериканской культуры получает совсем иное развитие. Достаточно лишь указать на то, что культурный взлет государств майя и ацтеков, произошедший в VIII—IX вв., таким

образом, является отражением и продолжением проповеди Хуэйшаня. Это же и объясняет саму внезапность культурного скачка в области календаря, наук, обработки железа, астрономических знаний, которых сами индейцы кечуа до этого не знали.

Были обнаружены и другие удивительные совпадения, например, в структуре календаря. Напомним, что по преданиям календарь майя принес сам Кецалькоатль.

Карл Люмгольд еще в 1901 году обратил внимание на примечательную подробность. Он изучал индейцев хуичоли, которые жили недалеко от вулкана Колима, и утверждал, что само это название, употребляемое мексиканцами, представляет собой производное от племенного самоназвания «вира-рика» или «вира-лика», что можно перевести как «проповедники» или «лекари». Они были широко известны среди соседних племен как искусные врачи, опирающиеся в своей практике на сложные религиозные обряды. Люмгольд утверждал, что в практике хуичоли много общего с обычаями буддистов вплоть до того, что формы и украшения их посоха схожи с посохом у странствующих монахов. В своих ритуалах они же используют характерную чашу, похожую на патру для подаяний у буддистов, причем на одной стороне чаши изображен диск заходящего солнца, называемый «сакай-мока», что вполне может быть производным от родового имени Будды Гаутамы — Шакьямуни. Традиции хуичоли столь похожи на китайские, что мексиканцы порой так и называют их — «китайцы».

Карта несуществующих гор и морей

Пока мы умышленно не задавали вопроса, который постоянно напрашивается сам собой: почему китайские буддисты отправились в экспедицию именно в том направлении? Что служило им путеводной нитью? Они не только достигли какой-то земли, но сумели и вернуться домой. Похоже, что то ли они обладали достаточно точными картами, то ли наслушались «путеводных» рассказов.

Откуда Хуэйшань вообще взял, что за 40 тыс. ли от Китая могут находиться какие-то страны?

Он действительно воспользовался древней картой. Но картой своеобразной, закодированной, которую в ту эпоху уже никто и не считал за карту. Но, как потом оказалось, эта карта не только описывала нахождение Америки, но и вполне точно передавала ее географию, рельеф и даже фауну с флорой!

Но не это, возможно, покажется самым удивительным. Само наличие этой карты, которая представляет собой особый текст, дающий пространственную модель мира, свидетельствует о том, что китайцы открыли Америку даже не в V в., а значительно раньше — по крайней мере в I тыс. до н. э. А может быть, знали о ней и раньше.

Речь идет о древнейшем памятнике китайской культуры

«Шаньхай цзин» («Канон гор и морей»), который сегодня тщательно изучается многими специалистами. В «Шаньхай цзине» даже неискушенный взгляд заметит много несхожих между собой слоев текста, скорее всего он составлялся в разные времена и со слов разных людей. Здесь мы можем встретить и чисто географические описания, сведения из области ритуалов, минералогии, ботаники, зоографии, мифологии и много другого.

«Шаньхай цзин» представляет собой анонимный труд, созданный предположительно в конце III — начале II вв. до н. э. Однако все исследователи сходятся на том, что записан этот труд был достаточно поздно, но его отдельные пласты существовали едва ли не в начале I тыс. до н. э. Предания гласят, что впервые записал эти сведения Юй, обычно называемый «Великий Юй», который считается основателем первого протогосударственного образования на территории Китая Ся, датируемого приблизительно кон. III — нач. II тыс. до н. э.

Состоит это произведение из двух частей: «Канона гор» («Шань цзин») в пяти частях (свитках-цзюанях) и «Канона морей» («Хай цзин») в 13 цзюанях. Принято считать, что первоначально в основе «Шаньхай цзина» лежало 32 цзюаня, часть из которых была утрачена, и до нас дошло лишь 18. Это предположение высказал еще в 1839 г. французский ученый М. Базэн, который утверждал, что часть книг была сожжена во время грандиозного уничтожения классических книг в 213 г. до н. э. при первом китайском императоре Цинь Шихуане. Оставшиеся цзюани были скомпилированы в одно произведение, что произошло где-то в V в. н. э. Таким образом, перед нами достаточно позднее собрание, возможно, весьма разнородных и древних книг. Попутно заметим, что М. Базэн счел этот «сборник мифов» недостойным серьезного научного исследования, заметив, что из 30 тыс. иероглифов текста 20 тыс. составляют более поздние комментарии. А это значит, что изначальный смысл повествования безвозвратно утерян.

Долгое время в синологии было принято считать, что текст 18 оставшихся книг лишь в малой степени соотносится с реальными объектами и географическими понятиями, скорее книга казалась сборником мифологических рассказов, например, речь шла о неких «животных с тремя головами», чудовищах, которые «то пожирают человека с головы, а то с ног», могучих единорогах, лисицах с десятью хвостами, змеях с восемью головами и т. д. Фантастасмагоричная и чудовищная картина некоего квази-мира в чем-то схожая с наиболее страшными и именно этим зачаровывающими описаниями Э. Сведенборга о его путешествиях в небесных сферах и их духах-обитателях. Идентифицировать какие-то конкретные места по описаниям не удавалось, поскольку речь шла о таких явно символических и сказочных названиях, как «река Красная», «гора Высокая».

Сами китайские книжники пытались обнаружить «горы и моря», описываемые в «Шаньхай цзине», начиная с III в. до н. э., но

один за другим приходили к выводу, что все это не более чем сборник древних мифов. Правда, существовало предположение, что 18 книг соотносятся с какими-то конкретными 18 областями в Китае, но обнаружить сами области так и не удалось. Порой казалось, что удастся обнаружить аналогии на земной поверхности, например, горный массив Куньлунь, (существует предположение, что именно в горах Куньлунь и располагался прообраз страны Шамбала, где жил какой-то рано сформировавшийся народ с высоким уровнем духовной цивилизации. Подробнее об этом можно прочесть в моей статье «Страна мудрецов?» в «Знаке вопроса», 1993, № 3), но дальше все обрывалось, смешивалось, и карта как бы внезапно заканчивалась, переходя в сказку. Нередко получалось так, что книга описывала некие горы и равнины в тех местах, где на самом деле бушуют морские волны. Было ясно одно — произведение (а быть может, это просто разрозненные книги) описывает огромное пространство, возможно, в десятки тысяч километров.

Вокруг «Шаньхай цзина» велось и ведется масса весьма серьезных исследований, приводящих к самым неожиданным выводам. Перечислим лишь некоторые предположения. «Шаньхай цзин» представляет собой не географическое описание земли, но карту звездного неба, причем ряд ученых достаточно четко идентифицировали в этом произведении описание ряда созвездий. А вот еще одна версия: «Шаньхай цзин» — оригинальный и при этом весьма точный календарь.

«Шаньхай цзин» содержит в себе географическое описание горных вершин и массивов по четырем сторонам света, а также неких гор, находящихся «за морями». Здесь же мы читаем древнейшее предание, которое можно встретить у многих народов мира: существуют пять священных высочайших горных вершин и в этих вершинах берут свое начало все крупнейшие реки земли. Пятиричная схема нередко в китайской философии (пять гор, пять первостихий мироздания, пять священных животных и т. д.), а река, берущая начало на высочайшей вершине и струящая свои воды в низины, являет собой символику небесно-земного союза и даже совокупления «самого верха» и «предельного низа». Здесь ярко виден мотив воды, дающей жизнь всему живому.

Все 18 книг неравноценны ни по языку, ни по объему, ни по стилю изложения, который варьируется от сухого лапидарного отчета до изящных поэтикомифологических пассажей. Как раз сухость большинства отрывков «Шаньхай цзина» и навела ряд исследователей на мысль, что перед ними не просто изложение древних мифов, а нечто большее. Действительно, что может быть интересного и занимательного в предельно краткой фразе о том, что, «путешествуя к югу за сто ли через зыбучие пески, обнаружишь Гору Лысую, рядом с которой река несет свои воды на восток». Пожалуй, разумнее предположить, что перед нами фраза из отчета путешественника, который по китайской традиции должен

был досконально точно, без излишних прикрас описать суть дела, если бы... можно было хотя бы приблизительно установить, о какой точке на карте идет речь.

Загадка казалась неразрешимой, а поэтому о ней решили и не говорить, молчаливо согласившись с тем, что это в основном чисто мифологическое произведение, запись каких-то ранних легенд, существовавших еще во II тыс. до н. э.

И все же тем не менее мы имеем немало достаточно точного исходного материала. Если на время абстрагироваться от «лисиц с восемью хвостами» и многочисленных единорогов, ясно, что речь идет о каких-то вполне конкретных описаниях чьих-то путешествий (например, умелого охотника И, пошедшего на край света и избавившего землю от восьми из девяти солнц), географических ландшафтах и животного мира. Интереснее всего, конечно, те пассажи, где речь идет о неких «заморских» землях.

Именно «заморские земли» и заинтересовали Г. Мертц, которая решила проанализировать километр за километром, объект за объектом в этом удивительном описании. Она рассчитывала высоту гор, расстояние между ними, сопоставляла животный мир и растения. Здесь открылась мудрость древнего текста, по сути дела, он описывал наиболее стабильные вещи на нашей планете — горы и моря. Хотя, как мы знаем, и они подвержены немалым изменениям, эти трансформации не столь заметны, как сезонное изменение природы, вымирание животного мира и другие. Г. Мертц удалось достаточно точно идентифицировать целый ряд географических объектов. И все они оказались на территории современной Мексики, штатов Техас, Нью-Мексика, Колорадо, Вайоминг, на тихоокеанском берегу Британской Колумбии.

Итак, «Шаньхай цзин», или, по крайней мере, какие-то его части представляли собой естественную описательную географическую карту, которая весьма точно отражала конкретные объекты как в Китае, так и на совсем другом континенте — в Америке. Именно этой картой воспользовался в V в. монах Хуэйшань и, четко следуя ее указаниям, приплыл на то же самое место, что было описано за тысячи лет до него. Таким образом, «карта» прошла двойную проверку — буддийским монахом-странником и современными учеными.

Парадоксальный факт: Хуэйшань, приехав в Центральную Америку, встречается там с отголосками своей же культуры — некими полубезыбытыми, существующими, вероятно, лишь на уровне подсознания воспоминаниями. Странная, загадочная связь между коренным, как принято считать, краснокожим народом Центральной Америки и китайцами. На первый взгляд, сколько бы доказательств о связи американоидов и центральнокитайских монголоидов мы бы не приводили, перед нами будет оставаться очевидной суть: два разных народа, различающихся, по меньшей мере, своим антропологическим типом. А поразительные совпадения в материальной культуре можно действительно счесть лишь совпадениями.

Но чуть позже мы попытаемся показать иную грань этой проблемы — ведь расселение людей по земному шару, равно как и вообще формирование человеческой культуры, может оказаться более неоднозначным, нежели нам представляется при первом приближении. Многие китайские и японские истории рассказывают о неких караванах кораблей и десятках тысяч путешественников, которые отправились через Тихий и Индийский океаны на поиски чудесных стран. Эти истории однозначно указывают, что корабли были широки и устойчивы на воде, например, одно из преданий говорит о корабле, вместившем 200 пассажиров, которые находились здесь со своими лошадьми и скарбом. Все странники по Индийскому океану вернулись в Китай, а вот путешественники, отправившиеся на восток, то есть по Тихому океану, кажется, пропали. Куда они делись? Потерпели кораблекрушение и высадились на незнакомом берегу? Сгинули в океанских волнах?

Примечательно, что китайские легенды упорно говорят о неких священных островах, обычно — «островах бессмертных», где живут мудрые люди или «Небожители», растут «плоды бессмертия», дарит мир и покой. Особенно активно обыгрывали эту тему китайские последователи даосизма, маги (фанши), которые упорно работали над изготовлением «пилюли бессмертия». Начиная с II в. китайские правители регулярно посылали морские экспедиции на поиски этих островов. Экспедиции чаще всего пропадали (неудача могла караться смертью). Весьма похоже, что здесь речь идет о неких «воспоминаниях» о священных землях, куда отбыли предки китайцев, унеся с собой многие знания по духовной и материальной культуре.

Итак, оказывается именно китайцы открыли Америку — и здесь приоритет находится за ними. В данном случае интересна не столько сама миссионерская деятельность Хуэйшаня, сколько загадка его предшественников, живших, по крайней мере, 4 тыс. лет назад, «Великого Юя», который, кажется, имел какое-то косвенное отношение к жителям Центральной Америки.

Значит, китайцы не только знали о существовании Америки, но были неплохо знакомы с ее рельефом? Если это действительно так, то разгадка тайны первых жителей Америки окажется намного более шокирующей, чем путешествие Хуэйшаня. Положим, если действительно буддийские миссионеры из Китая не только сумели доплыть в конце V в. до Америки и даже повлиять на формирование грандиозной культуры майя и ацтеков (кажется, отчасти это действительно так), то это говорит нам, в сущности, лишь о культурном обмене двух разных цивилизаций.

Но вот идея того, что китайцы побывали в Америке еще в II тыс. до н. э., а затем еще сумели особым символическим языком описать ее в ряде трактатов, может перевернуть саму концепцию о цивилизационном развитии разных народов земного шара. Важно другое — китайцы не просто действительно могли открыть Америку, но повлияли на формирование ее культуры. А в отноше-

нии цивилизационного процесса это представляется намного важнее, чем простой факт посещения Америки или ее разграбления, как это позже сделали конкистадоры.

Но вот интересный факт: во времена Хуэйшаня, как мы уже замечали, «Шаньхай цзин» никто за реальное описание, тем более за «карту» не считал, равно как и никто не предполагал, какие математико-пространственные откровения таит в себе «И цзин». Почему же Хуэйшань, вероятно, без малейших сомнений, мужественно вверил себя весьма сомнительному на первый взгляд тексту — вверил и достиг берегов Америки? Можно лишь предположить, что в кругах китайских мистиков (о них и о характере их знания должен быть отдельный разговор) сохранились «ключи» к прочтению ряда текстов — карт.

Китай — родина палеоиндейцев?

Впрочем, все это не снимает главного вопроса — кто мог составить тексты, подобные «Шаньхай цзину»? По крайней мере, нам придется согласиться с тем, что действительно «китайцы открыли Америку». А может быть, они же первыми и заселили ее. Конечно, речь может идти собственно не о китайцах, но о выходцах с территории Китайской равнины или с юга Китая, когда племена через Берингов пролив (тогда замерзший или вообще отсутствующий, а ныне отделяющий Азию от Америки) перемещались с юга Китая севернее, попадая, наконец, на Американский континент. Кстати, известным нам сегодня археологическим находкам это не противоречит.

Однако следует обратить внимание, что географические карты-описания касаются далеко не всей Америки, а в основном лишь ее северной и центральной части, куда и приплыли буддийские миссионеры. А значит, описания составлялись не кочевниками по суше, которые должны были двигаться с севера на юг (и мы бы имели тогда в руках «сквозное» описание Америки), но теми, кто начал свое путешествие именно с территории Мексики и двигался на север, вероятно, до территории современных штатов Невада и Калифорния. Во всяком случае, именно в такой последовательности идет описание в китайских текстах. А составить его таким образом можно, лишь приплыв в Америку. Или получив описание от кого-то еще, живущего в Центральной Америке и описывающего территорию к северу от себя.

Но что говорит по этому поводу сама китайская традиция? Неужели она не оставила нам намеков на то, откуда возник этот текст? Как обычно, здесь намеков намного больше, нежели порой нам необходимо для анализа.

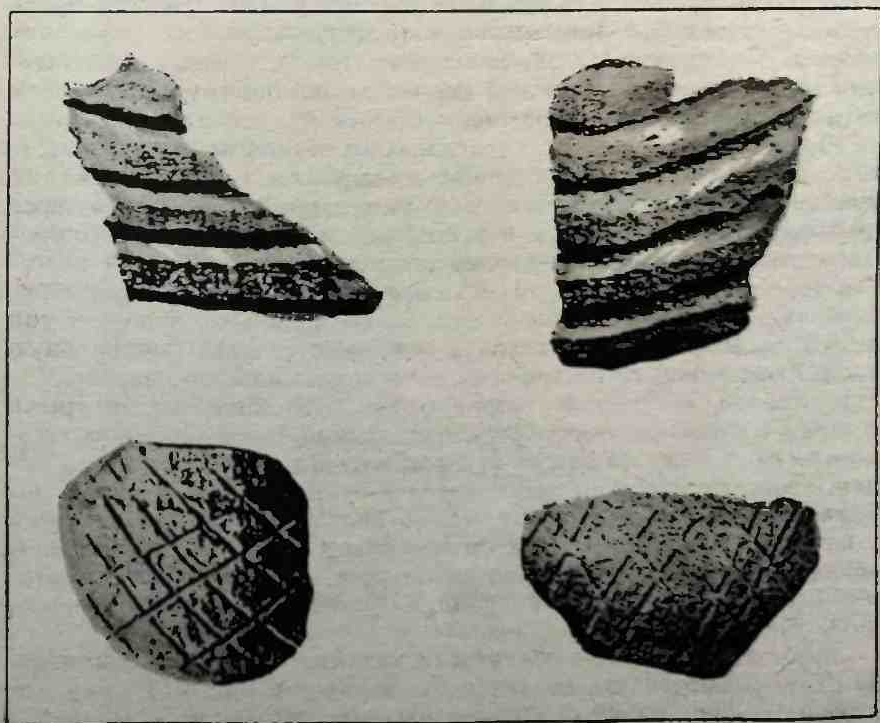
Ряд комментариев к «Шаньхай цзину» так объясняет возникновение тех описаний, географических аналогов которым нет на карте Китая. Последние 13 глав содержат описания тех «заморских стран», что населены духами. Эти духи земли, солнца, небес

правили землей в то самое время, когда Великий Юй был министром при мудром императоре Шуне. В то время состоялся великий потоп, но Юй, упорно трудясь, сумел повернуть реки вспять и осушить.

Именно Великий Юй и составил описания тех мест, которых нет на карте Китая. О них ему рассказывали некие духи (сам же он был человеком), а Юй тщательно записал их повествование.

Юя высоко почитал сам Конфуций, считая его воплощением справедливости и человеколюбия, утверждая, что его поступки «были прямы, как полет стрелы».

Поразительная схожесть ранних материальных объектов на территории Дальнего Востока и Центральной Америки не может не поражать. Мы встречаем полное совпадение орнамента на глиняных черепках, обнаруженных на территории Эквадора и Японии, например, спиральные квадраты, ромбы, «решетки». Хорошо известно, что всякий архаический орнамент представляет собой не просто украшающий рисунок, а символично-магическое выражение неких мифов о мироздании, небесных сферах и многом другом. Совпадение орнаментов — это практически всегда совпадение мировоззренческих и магических представлений. Китайцы не только

Сопоставление керамики Дальнего Востока и Эквадора III тысячелетия до Р. Х.

«открыли Америку», но и «создали» ее культуру, принеся сюда свои достижения? Или они просто питались от одного источника, от одних «духов»? На облике этих «духов» нам еще придется остановиться позже.

Контакты между жителями Китая и Америки, схожесть «внутреннего тела» культуры этих стран, мифов, орнаментов и многого другого объясняются не только посещениями одних другими. Существуют и более сложные причины, связанные вообще с процессом расообразования. И в сущности, речь идет о глобальном единстве ранней человеческой культуры.

Отечественные ученые, в частности Н. Н. Чебоксаров, высказывали мысль о том, что в древности на территории Китая существовали две ветви людей — континентальная (северо-западная) и тихоокеанская (юго-восточная). Первая обладала чертами, несколько сближающими ее с европеоидами, вторая с негро-австралоидами. Таким образом в эпоху верхнего палеолита на юге Китая шел процесс образования южноазиатской группы монголоидов. Здесь — предки современных китайцев.

Тихоокеанская или юго-восточная ветвь была представлена предками тех людей, которые позже стали мигрировать на юг, в сторону Австралии. Около 45 тыс. лет до н. э. первый поток с территории Южного Китая и Юго-Восточной Азии заселил Австралию, Меланезию и Микронезию. В ту пору океан был ниже почти на 50 м, а значит, и меньше по территории, и даже первобытным людям пересечь океан в 65 км не составляло труда. Это были люди привычного нам австралоидного типа, представленные сегодня аборигенами Австралии: с красноватым оттенком кожи, невысокие, сухощавые. По ряду наиболее серьезных предположений именно в это время поток такого же типа людей отправился через центральный Китай, Сибирь и затянутый ледником Берингов пролив в Америку. Наиболее ранние археологические находки костяных скребков, датируемые 30—25 тысячелетиями, на североамериканском Юконе подтверждают это. Примечательно, что этот тип людей (палеоиндейцы) заселил в основном именно центральную часть Американского континента, где и сохранился до сих пор. Таким образом, «безумная» теория о том, что китайцы «открыли Америку» раньше всех, кажется, подтверждается и палеоантропологически. К тому же они не столько «открыли», сколько, как видим, заселили этот континент. Здесь и открываются причины поражающей схожести культур, представлений и даже описаний у китайцев и индейцев. Обратим внимание на то, что не китайцы каким-то образом связаны с индейцами, а именно те люди, которые когда-то жили на территории Южного Китая (не монголоиды!), участвовали в формировании культуры Америки.

А вот монголоиды — фактически китайцы привычного нам вида — активизировались значительно позже. На юг, в сторону Австралии и еще дальше в Полинезию они отправились лишь 5—1 тыс. лет назад. Появляются монголоиды и в Америке, заселяя

северную Аляску (например, эскимосы), а позже и ее самую южную оконечность. Не обладая специальными познаниями в этнографии, жителя Пекина вряд ли отличишь от обитателя самой южной точки Америки — Огненной Земли. Но эти люди пришли позже.

Поразительным образом орнамент на китайских вазах, т. н. культуры Мачан (2000 лет до н. э.), их роспись и форма совпадают с глиняными горшками из Центральной Америки VIII в. н. э. Не смутит ли нас такой грандиозный временной разрыв? Но если допустить, что центрально-американскую культуру создавали именно выходцы с территории Китая, то все становится на свои места. Создается такое впечатление, что здесь протокитайская культура как бы законсервировалась, осталась на прежнем уровне, орнамент почитался как традиция далеких предков, почти богов.

Современные исследования белков и молекул ДНК, содержащихся в хромосомах, подтверждают все высказанные выше предположения. Скорее всего в процессе расообразования общий ствол вида Ното разделился на три больших ветви. Первые две привели к образованию негроидов и европеоидов, а вот третья вновь поделилась на два: австралоидов и монголоидов. Таким образом, генетическая близость австралоидов и монголоидов очевидна, к тому же, вероятно, они формировались на одном участке земли. Другие генетические исследования, проведенные англичанами Дж. Уэнскотом и А. Хиллом в 1986 г., доказали единство происхождения человечества от какой-то маленькой группы африканцев, а первые, кто отделились от них, были полинезийцы, меланезийцы, т. е. все те же австралоиды.

И именно с этими двумя цивилизациями — протоиндейской и ранней китайской, между которыми существует явная связь, соотносятся загадочные символы, знаки, письмена, заключающие в себе, как предполагается, свидетельства о весьма высоком уровне знания в глубокой древности.

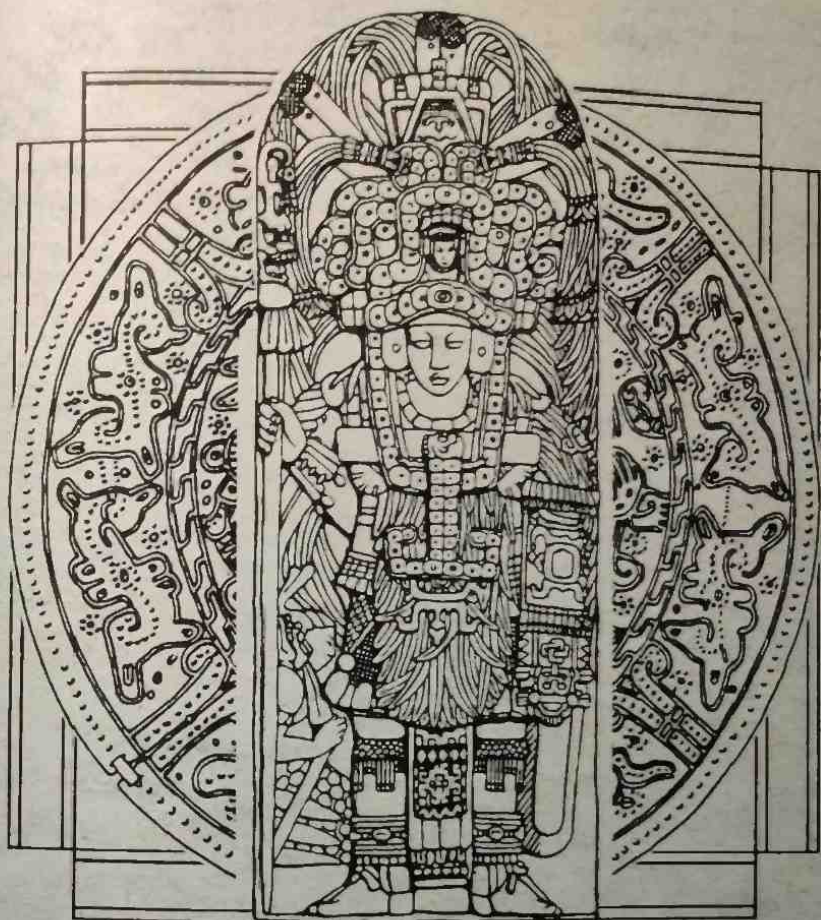

* * *

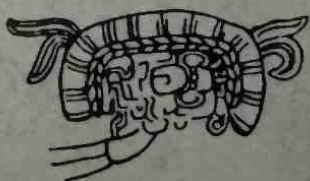
Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

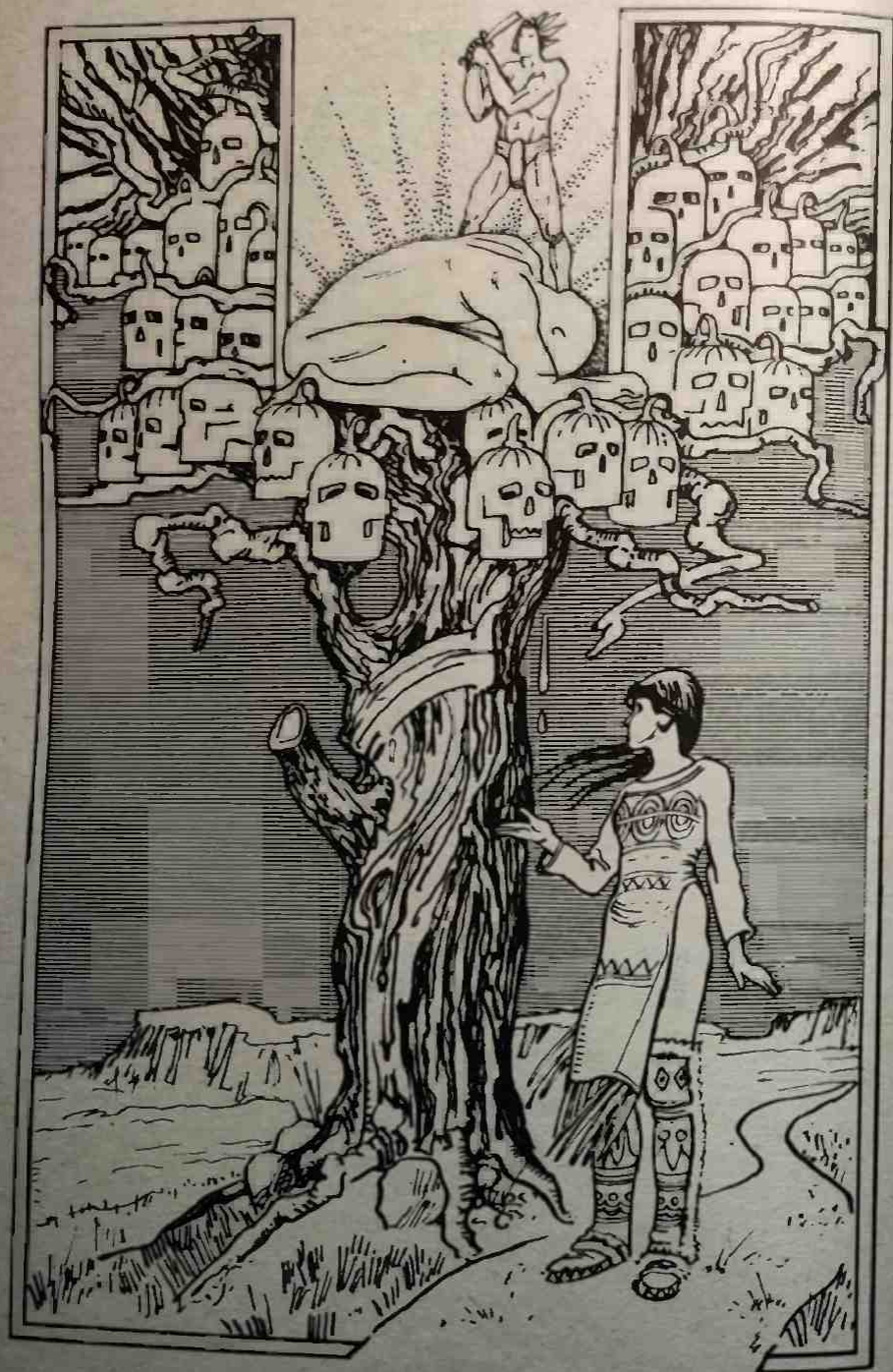
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

А. С. Пушкин

“ПОПОЛЬ-ВУХ”

Милослав Стингл

ИНДЕЙЦЫ БЕЗ ТОМАГАВКОВ*

От первой встречи Колумба с майяскими купцами до окончательного поражения тайясальских майя прошло 195 лет. Майя оказывали испанским завоевателям упорное сопротивление. Однако это сопротивление не было организовано какой-либо центральной властью. В период конкисты на Юкатане властвовало не менее пяти самостоятельных, почти не связанных между собой родов: тутуль шиу (или просто шиу), с их новой столицей — Мани (ранее шиу жили в прославленном Ушмале); кокомы с резиденцией в Сотуте (до того — в не менее знаменитом Майяпане); канеки, столицей которых являлся вышеупомянутый озерный Тайясаль в центральном Петене; чели, главным городом которых был Текох, и, наконец, печи со столицей в Мотуле. Как мы видим, в этот период (так же, впрочем, как и в менее известные нам времена Древнего царства) у майя в отличие от ацтеков и инков не было единого могущественного государства. У них возникали лишь города-государства, в состав которых входили столица (иногда несколько других культовых центров) и деревни, заселенные полусвободными крестьянами, снабжавшими город или, вернее, правителя и жрецов продуктами питания. Попытки объединения были довольно редким явлением и привели лишь к созданию союза городов (некой «тройственной лиги»), куда вошли наиболее значительные в свое время города Юкатана — Чичен-Ица, Ушмаль и Майяпан. Но и эта конфедерация, сложившаяся в X веке, просуществовала недолго.

Теперь, вероятно, следует сказать несколько слов об общественном строе центральноамериканских майя. Впрочем, достоверно нам известны лишь отношения, установившиеся в заключительный период так называемого Нового царства...

Майяское общество было уже *обществом классовым*. И притом обществом, где антагонистические противоречия были обострены до крайности. В городах майя не существовало среднего слоя. На одном полюсе были эксплуататоры — аристократия, из которой

* Публикуется по книге М. Стингла «Индейцы без томагавков», М., Прогресс, 1984. Перевод с чешского В. А. Каменской и О. М. Малевича.

также рекрутировалось жречество, а на другом — эксплуатируемые, почти бесправные земледельцы, кормившие своим трудом майяских трутней. Поскольку у майя, так же как у древних греков, возникают города-государства, мы можем *cum grano salis** сравнить их страну с древними Афинами или, скорее, с древней Спартой. Это явное сходство было одной из причин, почему многие исследователи-майяологи (ведь изучением истории и культуры майя, так же как изучением истории и культуры других великих мировых цивилизаций — египетской, вавилонской, хеттской, шумерской, — занимается специальная научная дисциплина — майяология, или майяистика) сравнивают доколумбовых майя с древними греками. Выражение «майя — греки Нового Света», особенно в англо-американской специальной литературе, стало общепринятым. Итак, какова же была внутренняя организация майяских городов-государств?

Во главе города-государства стоял *халач-виник* (великий человек), власть которого была неограниченной и пожизненной. Преемником умершего правителя, новым халач-виником, всегда становился его первенец. «Великий человек» отличался не только от «народа», но и от представителей господствующего класса в первую очередь своим роскошным одеянием: великолепной большой короной — диадемой, сделанной из перьев редких птиц: цветными сандалиями, нефритовыми перстнями и т. д. Лицо его украшала богатая татуировка, а чтобы у правителя был орлиный профиль, нос его наращивали с помощью особого пластического вещества, так что получался огромный орлиный клюв. Остальные части лица и тела халач-виника тоже были разукрашены или искусственно деформированы, дабы подчеркнуть его исключительность. Зубы затачивались и украшались нефритовыми пластинками, ушные мочки прокалывались и вытягивались, для чего использовались индюшьи яйца.

Хотя «великий человек» был самодержавным правителем, при решении наиболее важных вопросов он консультировался со своего рода государственным советом. Этот совет — по-майяски *ах куч кабоб* — состоял из виднейших представителей знати и жречества. Поселения, принадлежавшие тому или иному городу-государству, управлялись *батабами*, должность которых тоже была наследственной. Батабы подчинялись непосредственно халач-винику. В своей общине батабы были полновластными судьями, а во время войны — предводителями войска общины. Помощники батабов назывались *ах кулелоб*, они контролировали исполнение приказов батаба, приносили депеши и т. д. Должностными лицами общины были также *ах хольпопы*, руководившие обрядовыми танцами и выступавшие в роли запевал во время различных официальных церемоний. Все, о ком мы говорили выше, за исключением их хольпопов, в той или иной мере относились к господам, знати.

* С известной осторожностью (лат.).

Майяская знать жила в центре города в великолепных каменных дворцах, которые строились в невероятно трудных условиях. Этот привилегированный квартал майяских городов иногда обводился крепостной стеной. А за ней селился простой люд. Нищий и униженный. Майяские ремесленники и крестьяне жили на городских окраинах в хижинах, крытых пальмовыми листьями. Каждое утро, задолго до восхода солнца, они покидали свои жилища: одни — чтобы возводить новые дворцы и пирамиды, другие — чтобы изготовлять для владельцев этих дворцов и пирамид роскошные одежды, красивое оружие и художественные украшения, третьи — и таких было больше всего — чтобы возделывать землю. Жестокая ирония истории проявилась в том, что майяская цивилизация, столько давшая человечеству в целом, была полностью оторвана от рядового человека. Майяский ученый все пристальней смотрел на звезды и совершенно не замечал своего бедного «соплеменника» с его заботами, не замечал крестьянина, обрабатывавшего землю так же примитивно, как его предки три тысячи лет назад. Майяскому ученому, умевшему определить продолжительность дня и предсказать время лунного затмения точнее, чем его тогдашний европейский коллега, и в голову не приходило создать для крестьянина более продуктивные орудия труда.

Майяских простолюдинов мы можем разделить на две группы: на зависимых, но лично свободных земледельцев, строительных рабочих и ремесленников и на рабов. Лично свободные назывались *ах чембаль виникоб*, *мемба виникоб*, иногда *йальба виникоб*, что означает «низкие люди», или «низшие люди». Большая часть «низших людей» была занята обработкой земли. И так же, как в Тау-антинсуйу, им принадлежала лишь треть урожая. При низкой продуктивности майяского земледелия это обрекало их на полуголодное существование. Подготовка почвы к посеву происходила у майя примерно так: сначала каменными топорами вырубали лес, деревья сжигали, на месте вырубki крестьянин жердью делал ямки и клал в них семена самого замечательного растения, известного индейцам Америки, — кукурузы. Как только поле было засеяно, крестьянин больше о нем не заботился и возвращался на него лишь тогда, когда перезрелые початки начинали усыхать. Тогда он собирал урожай. Через два-три года почва совершенно истощалась, майяский крестьянин бросал это поле, и все начиналось сызнова... Кроме «божественной» кукурузы, майя возделывали хлопок, бобы, табак, какао, собирали в лесах мед диких пчел и т. д. Море, омывавшее полуостров, давало им множество рыбы, из морской воды они добывали соль.

Майя охотились на диких кроликов, агути и армадильо (вид броненосцев, дававших отличное мясо), ловили ящериц. Каждая семья держала индеек, а иногда и уток. Тем не менее пища майя на 90 процентов состояла из кукурузы. У майя современное человечество позаимствовало... жевательную резинку. В юкатанских и петенских лесах росло дерево чикле, плоды которого майяские

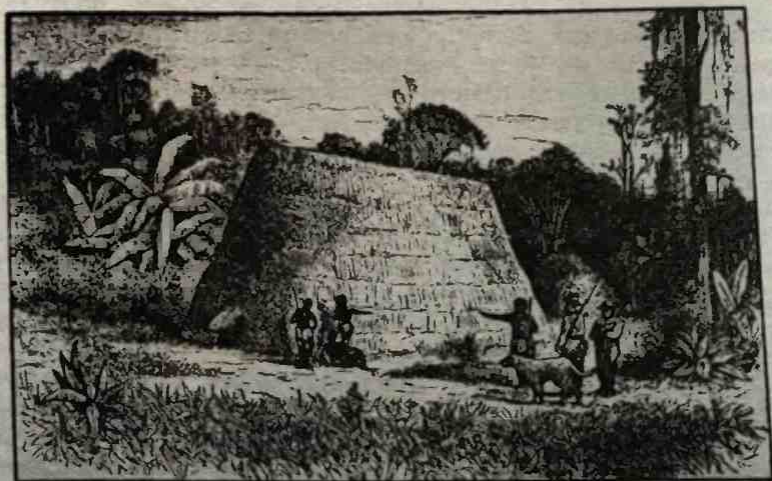
мальчишки собирали, чтобы потом жевать содержащуюся в них «резиновую смолу». Другой достопримечательностью здешних лесов было «мыльное дерево» (*sapidus saponaria*), по-майяски *амоле*. Корни этого дерева майя использовали как мыло. Они умывались им перед едой и после еды и даже стирали им одежду.

Помимо натуральных податей, которые «низшие люди» давали в пользу своих властителей, они строили дворцы для знати, а также храмы и пирамиды. «Низшие люди» строили также *сакбе*, мощенные камнем широкие дороги, соединявшие главным образом важнейшие культовые центры майя.

Самое низшее положение занимали рабы — *пентакоб*. Основную массу рабов составляли военнопленные, которые не были принесены в жертву богам. Их изображения мы видим на стелах майяских городов (например, на стеле 12 в Пьедрас-Неграс) и на фресках недавно открытых храмов Бонампака. У майя существовало и наследственное рабство. По целому ряду причин свободный человек мог превратиться в бесправного раба. Либо он совершил какое-то преступление (например, кражу) и был за это наказан пожизненным рабством, либо задолжал и стал собственностью кредитора до тех пор, пока члены семьи не выкупят его. Наконец, в майяский город мог быть продан в качестве раба и чужеземец.

Раз уж мы заговорили о продаже, следует заметить, что как платежное средство майя использовали бобы какао. В одном старинном сообщении говорится, что «раб стоит сто какаовых бобов». Как видно, майя не слишком дорого ценили своих рабов.

Жители майяского сельского поселения составляли *соседскую общину*. Земля была общинной собственностью. Община же выделяла каждой семье очищенный от леса участок. Через три года,

«Паленка» — дом для нескольких семей в Кострихе, Центральная Америка.

когда почва истощалась, семья получала новый участок. Майяская семья была *патриархальной*. Пережитки матриархата у майя в период Нового царства, ко временам которого относятся наши достоверные сведения, были значительно менее заметны, чем у других высоких индейских культур. Майя носили «фамилию» отца, а не матери. Кстати, с именами дело у них обстояло следующим образом: почти каждому майя давалось четыре имени. Первое — *пааль каба*, имя, данное при рождении, второе — фамилия или имя отца, третье — *нааль каба*, фамилия отца + фамилия матери, как это принято у испанцев, португальцев и других народов, говорящих по-испански и португальски. (Например, Фиделя Кастро правильно называть Фидель Кастро Рус: Кастро — по отцу, Рус — по матери.) И наконец, четвертое имя — *коко каба* — характеризовало внешний вид его носителя, то есть было чем-то вроде прозвища (Верзила, Толстяк, Лысый и т. д.).

Одежду майя изготавливали из прекрасных материй, сотканных на особых ткацких станках из хлопка и волокон агавы. Обувью служили кожаные сандалии, часто роскошно разукрашенные.

Основным очагом жизни майя в начале Древнего периода была территория по реке Усумасинте и ее притокам (нынешняя Гватемала). Здесь, в Петене, выросли прекрасные города: Копан, Тикаль, Киригуа, Паленке, Йашчилан, Вашактун и десятки других. Во второй фазе истории Древнего периода — в V и VI веках — новые города зарождаются и на севере Юкатана. Ведущее положение среди них вскоре занимает город, основанный в 495 году и названный по имени своих обитателей Ица, а позднее — Чичен-Ица (У источника [племени] ица).

Все эти великолепные города в классической области Древнего периода — на реке Усумасинет — существуют недолго. Древнее царство (ни о каком царстве, разумеется, речь в действительности не шла) неожиданно в пору своего наивысшего расцвета гибнет без видимого внешнего повода. Прекрасные города на юге умирают, как бабочки-однодневки; среди колоннад и на ступенях пирамид разрастается тропический лес. Новые даты на стенах не появляются. Центр жизни майя перемещается на север Юкатанского полуострова.

Неожиданное падение Древнего царства не было вызвано вмешательством извне, столкновением с более могущественным противником, этой обычной причиной гибели империй. Как полагают некоторые американисты, оно погибло потому, что все близлежащие земельные угодья были уже истощены. Другие видят причину катастрофы в эпидемии, третьи объясняют все (хотя и с довольно большой натяжкой) неожиданной переменой климата, четвертые — землетрясением.

Нам представляется, однако, что скорее, чем педология, климатология или сейсмология, решить эту загадку американистам поможет марксистское учение о борьбе классов. Разве исключено, что нещадно эксплуатируемые майяские «низшие люди» и рабы,

воздвигавшие по воле жрецов и знати и в соответствии с системой майяского календаря через каждые пять лет, через каждые двадцать лет, через каждые пятьдесят два года грандиозные храмы, ступенчатые пирамиды и таинственные стелы, однажды сказали «довольно», перестали вырубать джунгли и разрушили странные каменные памятники? Ведь были же найдены стелы и храмы, кем-то намеренно поврежденные, а кто это мог сделать, если многие из них были открыты всего лишь десять лет назад? Кто мог это сделать, если до ученых, их обнаруживших, в майяские джунгли не проникал никто — ни испанские завоеватели, ни тольтеки?

До времен конкисты внешний мир вторгся к майя лишь однажды. Это было в X столетии, когда воинственные чужеземцы пришли к ним из Мексики. Нам не нужно их представлять: это *тольтеки*, вынужденные покинуть Тулу. Согласно преданию, в Чичен-Ицу вернулись легендарные ица, некогда оставившие этот город, а с ними пришел из Мексики народ, предводительствуемый «вождем» Кукульканом (Кукулькан — майяское имя уже известного нам змея в птичьем оперении Кецалькоатля). Смешанные потомки ица и тольтеков создали в Чичен-Ице новое государство, явственно носящее следы влияния мексиканской культуры. Мексиканское влияние сказывается, например, в почитании Пернатого змея. Потомки тольтеков учат майя использовать новые материалы: бирюзу, оникс, горный хрусталь, а также металлы. Впрочем, сами «эмигранты» из Тулы — Толлана, которые вместе с майяскими ица пришли во второй половине X века на север Юкатана и в 987 году овладели городом Чичен-Ица, говорили уже на языке майя. Два других видных участника похода Кукулькана в северный Юкатан — Коком и Шиу, или Тутуль Шиу, — создают затем два самостоятельных города-государства. Коком основал Майяпан, а Ах Суйток Тутуль Шиу — Ушмаль. Эти города быстро растут. В Чичен-Ице воздвигаются пирамиды в честь нового бога, пришедшего с тольтеками из Мексики, в честь Кецалькоатля, теперь уже называемого по-майяски Кукулькан. Изображением божественного Пернатого змея украшены прекрасные колонны Чичен-Ицы, возвестившие, что у города появился новый покровитель. Ушмаль был построен в стиле «майяского ренессанса», ярчайшим образцом которого является Дворец правителей.

Эти три главенствующих майяско-мексиканских города первого периода Нового царства, который американисты с полным основанием нарекли периодом «*майяского ренессанса*», в 1007 году образуют так называемую *Майяпанскую лигу*. Возможно, что и возникновение этой конфедерации городов-государств было отзвуком федерального объединения тогдашней Мексики. Но чем великолепнее становились эти города, тем больше увеличивались зависть и взаимная вражда в сердцах их правителей. В 1194 году происходит открытое столкновение. Хунак Кеель из династии майяпанских правителей Кокомов при поддержке нескольких отрядов мексиканских воинов нападает на Чичен-Ицу и захватывает ее. Так

Кокомы становятся неограниченными правителями северного Юкатана. Чтобы утвердить свое могущество, они приводят в Майяпан майяских халач-виников и принуждают их остаться здесь на постоянное жительство. Даже «великий человек» Ушмалья, третьего города бывшей Майяпанской лиги, не участвовавшего в междоусобице, вынужден был обосноваться в Майяпане. О военной мощи Майяпана свидетельствовали городские укрепления — настоящие крепостные стены (до этого ни в одном майяском городе не было внешних укреплений).

Владычество майяпанских Кокомов над остальными юкатанскими майя продолжалось 250 лет. Но затем против диктатуры Кокомов вспыхивает общекатанское восстание, которым руководили халач-виник Ушмалья Ах Шупан Шиу. Восстание было успешным. В 1441 году победители уничтожили центр самовластия, а вместе с гибелью Майяпана был положен конец и единству юкатанских майя. С этого времени существует 18 независимых майяских государств, иногда совсем небольших. Из них только пять играют более значительную роль.

Вскоре жители покидают разрушенный Майяпан и основывают новый центр в Техоке, где теперь правит династия Чель. Приходит в упадок и некогда прославленная Чичен-Ица. По до сих пор не установленным причинам ица вновь покидают свой прекрасный город и под началом нового вождя переселяются на юг, в Петен, где строят озерную столицу Та-Ица или уже известный нам Тайясаль. А поскольку переселение становилось всеобщим, переселяются и главные победители. Ушмальская династия Шиу (потомки ее до сих пор живут на Юкатане!) основывает новую резиденцию, город-государство, который весьма пророчески был назван Мани, что примерно можно перевести как «все потеряно». И действительно, все было потеряно. Еще до появления первых испанцев на майяские города обрушивается страшная эпидемия (вероятно, чума). А вслед за ней в их двери стучит меч Кастилии. Шиу (теперь уже, собственно, Напот Шиу) приносят в жертву богам сотни людей, дабы отвратить грозное бедствие, но ни осуждение на закание красивейших девушек, ни паломничество к сеноту (священному колодезю) в Чичен-Ице не могут предотвратить беды, которую несли с собой бледнолицые люди. Да, все было потеряно. Боги прогневались.

Боги, кровавые майяские боги... О них мы еще не говорили. А ведь религиозные представления играли в жизни майяского общества совершенно исключительную роль...

В майяских городах, расположенных на севере Юкатана (благодаря Диего де Ланда именно о них мы имеем наиболее достоверные сведения), жрецы провозглашали творцом мира бога Хунаб Ку. Этот бог-зидитель имел сына Ицамну. А Ицамна, господин небес (возможно, вместе с богиней плодородия), являлся верховным богом майяского пантеона. Иногда Ицамну отождествляют с солнцем. Ицамна якобы дал людям письменность и книги, он же

Глиняная статуэтка танцующего бога майаса, Горная Гватемала, Альта Верепас, VIII—IX вв. по Р. Х.

распоряжается сменой дня и ночи. Понятно, что особо важное значение имел для майяских крестьян Чак, бог (или боги) дождя. Каждый из Чаков владел одной из четырех сторон света и собственным цветом небес. Так, были Чак Шиб Чак (Красный Чак востока), Сак Шиб чак (Белый Чак севера), Эш Шиб Чак (Черный Чак запада), и Кан Шиб Чак (Желтый Чак юга).

Следующим по рангу был бог кукурузы Йум Кааш, затем бог по имени Ах Пуч (бог смерти), майяское божество, которому, очевидно, приносились жертвы и которое изображалось в виде скеле-

Архаичная глиняная статуэтка женщины с ребенком из Сальвадора, I тысячелетие до Р. Х.

та; Шаман Эк (бог Полярной звезды), по всей вероятности, покровитель путешественников и купцов; далее весьма почитаемый Кукулькан, повелевавший ветрами. Из женских божеств юкатанские майя поклонялись Ишчель — богине женских работ и, возможно, луны, а также Иштаб (по-видимому, богине самоубийств!). Ведь, по представлениям майя, самоубийца обеспечивал себе прямую дорогу в «рай». С небом дело у майя обстояло в высшей степени сложно. Небо было не одно, а тринадцать (по-майяски они назывались Ошлахунтику). Небо над небом, и у каждого свой бог. Итак,

над землей, согласно верованиям майя, было тринадцать небес, а под землей — потусторонний мир, ад. И опять-таки не один. Этим подземным миром тоже правили боги (Болонтику). В девятом, самом темном и глубоком пекле властвовал Ах Пуч. Собственный бог имелся и у каждого дня майяского календаря. Имели своих богов и все цифры от единицы до тринадцати, да иначе и не могло быть у таких завязтых математиков, как майя. Собственный бог был даже у нуля.

Религиозный культ майя отличался невероятной разветвленностью, а майяский ритуал был необычайно пышен. Жрецы, профессиональные церемониймейстеры, принадлежали к избранным, к верхушке майяского общества. По-видимому, и у майя отправлением религиозных обрядов в каждом из городов-государств руководил первосвященник (майялог Диссельгоф называет его «князем змей»). Князь змей следил также за воспитанием детей высшей знати и «читал лекции» подчиненным жрецам, то есть был высшим теологом майяского государства. Помимо религиозных знаний, он преподавал жрецам основы иероглифического письма, астрономию, астрологию и т. д. Все эти блестящие достижения культуры были доступны лишь немногим. Майяских высших жрецов называли *ах кинами* (кинйах — по-майяски «пророчествовать»). В эпоху владычества Майяпана было всего двенадцать *ах киноу*. Ах кинам подчинялось низшее майяское духовенство — *чиланы*, *накомы* и *чаки*. Жрецы в отличие от халач-виника и остальных представителей светской аристократии носили одежду, как у престоначальника, и высокую корону.

Основным обрядом майяского религиозного культа, особенно в последний период, были, так же как в Мексике, жертвоприношения, и прежде всего человеческие. О них многократно повествуют не только первые хронисты, но и настенная роспись в майяских зданиях, и женские скелеты, найденные в сеноте Чичен-Ицы.

Майяский ритуал жертвоприношений был во многом аналогичен ацтекскому. Человека, предназначенного в жертву, жрецы обмазывали священной жертвенной краской (особый вид лазури), а на голову ему надевали специальный высокий жертвенный «колпак». Потом (очевидно, под аккомпанемент религиозных песнопений) его вели на вершину пирамиды. Четыре помощника первосвященника (по имени своих божественных покровителей они назывались *чаками*), тоже обмазанные священной жертвенной лазурью, хватали жертву каждый за одну конечность и клали навзничь на алтарь. Затем приближался *наком* — церемониймейстер — и каменным ножом вскрывал жертве грудь. Стремительно вырвав из разверстой груди живое сердце, он передавал его главному *чилану*, а тот брызжущей из все еще пульсирующего сердца кровью окроплял изображение или статую бога, в честь которого совершалось жертвоприношение. Тело жертвы *чаки* сбрасывали со ступеней пирамиды. Внизу все еще дергающимся в конвульсиях телом завладевали другие жрецы. Они сдирали (в буквальном смыс-

Каменный рельеф с изображением бога солнца, город Копан, Гондурас, VIII век до Р. Х.

ле слова) с еще теплого трупа кожу, в нее тотчас же облачался главный чилан и на виду у тысяч зрителей исполнял неистовый ритуальный танец. Затем тело жертвы либо сжигалось, либо — в том случае, когда умерший был мужественным воином, — разрезалось на множество мелких кусочков и тут же поедалось знатью и жрецами (видимо, для того, чтобы участники трапезы обрели достоинства покойного). Кровь у майя почиталась «любимейшей пищей богов».

В самом деле, трудно себе представить, до какой жестокости доходила религия столь миролюбивого, культурного и эрудированного народа. Ибо не может быть сомнения в том, что самые гениальные достижения доколумбовой индейской цивилизации, науки и искусства принадлежат прежде всего майя. Джон А. Кроу в книге «Эпическая поэма Латинской Америки» («The epic of Latin America») говорит, что «майя дали Новому Свету древнейшую и во многих отношениях наиболее высокоразвитую культуру». И он, бесспорно, прав. Нелегко решить, какое из достижений майяского гения следует поставить на первое место. Мы назовем три из них: письменность и связанную с ней литературу, затем математику и астрономию — науки, на которых основывался в высшей степени совершенный майяский календарь, ставший, однако, скорее идолом и бичом общества, нежели средством его развития.

Начнем с математики. Майя впервые в истории человечества применили идею учета местоположения при записи больших чисел, разработали точную систему нумерации. Впервые в мире

(и на тысячу лет раньше, чем Старый Свет) они изобрели нуль, что, как это на первый взгляд ни комично, было в высшей степени ценным и гениальным открытием. Майя пользовались двадцатиричной системой исчисления. Числа записывались следующим образом. Единицу майя обозначали одной точкой, два — двумя точками, три — тремя, четыре — четырьмя. Пять они изображали в виде горизонтальной черты, шесть — как пять, то есть горизонтальной чертой с единицей, или точкой, сверху и т. д. Десять обозначали две черты одна над другой, пятнадцать — три черты, девятнадцать — три черты и над ними четыре точки. Нуль символизировала морская раковина.

На этой двадцатиричной системе исчисления покоилась майяская календарная система отсчета, с помощью которой теоретически можно было выразить любые числа и периоды времени, равные миллиардам дней. Единицей первого разряда в календарной системе служил один день, по-майяски *кин*. Двадцать дней составляли *виналь* (продолжительность майяского месяца) — единицу второго разряда. Единица же третьего разряда в порядке исключения определялась не на основе двадцатиричной системы исчисления. (Делая это исключение, майяские математики следовали астрономам, определившим, что продолжительность года составляет 365,242 дня, или примерно 18 виналей.) Она принималась равной $1 \text{ кин} \times 20 \text{ (1 виналь)} \times 18 = 360 \text{ кин}$, или по-майяски *тун*, приблизительно соответствующий одному году!

Затем майяские математики считали так:

20 тунов составляют 1 катун (7200 дней)

20 катунов — 1 бактун (144 000 дней)

20 бактунов — 1 пиктун (2 880 000 дней)

20 пиктунов — 1 калабтун (57 600 000 дней)

20 калабтунов — 1 кинчильтун (1 152 000 000 дней) и, наконец

20 кинчильтунов составляют 1 алаутун, что равняется 23 040 000 000 дней.

И так мы можем вычислить и записать любой день и любое число. Например, 1 388 308 по-майяски записывается следующим образом: 9 бактунов, 12 катунов, 16 тунов, 7 виналей и 8 кино. Как мы видим, майя обладали высокоразвитой способностью к абстрактному мышлению.

Майяская астрономия отличается еще большей сложностью. Путем тщательных наблюдений майя определили, в частности, продолжительность года значительно более точно, чем это удалось создателям юлианского и современного григорианского календарей! Майя определили также и продолжительность обращения Луны вокруг Земли и вычислили ее необычайно точно даже с точки зрения людей нашей кибернетической эры: 29,53059 дня. Изучали они и другие небесные тела. Так, астроном Вильсон нашел майяские «таблички» для предсказания фаз Марса. Из прочих небесных тел наибольшее внимание майяские астрономы уделяли созвездиям Близнецов (по-майяски *Ах Эк*) и Плеядам (по-майяски

Цаб). Майяские астрономы умели так же точно предсказывать затмение Луны и т. д. У майя было два календаря. Согласно первому, «священному» календарю, который назывался *цолькин*, в году насчитывалось 260 дней, согласно второму (его называли *хааб*) — 365 дней. Майяский месяц в обеих календарных системах состоял из двадцати дней. Все дни месяца имели свое название и свое иероглифическое обозначение. Подобно ацтекам, для определения даты в цолькине майя пользовались, кроме названия месяца, порядковыми числительными от 1 до 13. Так что день мог именоваться, например, 12 акбаль, 4 чуэн, 7 сиб и т. п. Раньше представители некоторых майяских групп, в частности гватемальские качикели, даже детям своим давали имена по названию дня их рождения в цолькине. Итак, «священный» майяский год цолькин продолжался всего 260 дней. Почему? Хотя майяская календарная система привлекла к себе интерес ученых всех стран мира, они еще не ответили на этот вопрос. Наиболее правдоподобное объяснение предложил один из известнейших современных американистов Леонард Шульце-Йена. Он связал продолжительность цолькина с нормальным периодом беременности (9×29 дней), то есть тем временем, которое проходит от зачатия до рождения ребенка.

Второй майяский год, хааб, состоявший из 365 дней, включал в себя 18 месяцев по 20 дней и еще один «короткий», пятидневный, девятнадцатый месяц (*вайеб*). Этот длинный год начинался всегда месяцем *поп* и днем, который обозначался как *О поп*. Таким образом, отсчет дней в хаабе начинался не с единицы (первого дня месяца), а с нуля (нулевого дня месяца).

Итак, мы знаем два майяских года — хааб и цолькин. Однако у майя, живших под настоящим диктатом календаря, многие обряды были связаны с цолькином и хаабом в их взаимной зависимости. Обычно американисты сравнивают два этих календаря с двумя зубчатыми колесами, из которых в одном 365 зубцов, а в другом — 260. При вращении зубцы последовательно соприкасаются друг с другом. Для того чтобы какой-то зубец малого колеса и соответствующий зубец большого колеса вновь сошлись, необходимо определенное число оборотов обоих колес. А именно 52 оборота большого и 73 оборота малого колеса. Если мы помножим цолькин на 73 или хааб на 52, то получим 18 980 дней. Таким образом, мы видим, что майя использовали те же пятидесятидвухлетние циклы, которые были приняты у ацтеков. Ацтеки, а возможно, и другие высокие культуры доколумбовой Мексики, вероятно, заимствовали этот большой цикл у майя. Посредниками тут могли быть мексиканские воины, в начале второго тысячелетия н. э. принимавшие участие в майяских междоусобных войнах. Наконец, мы можем предположить, что майя признавали и еще более длительный временной цикл, заключавший в себе пять раз по 18 980 дней, то есть — и это любопытно — ровно 365 двухсотшестидесятидневных цолькинов или 260 трехсотшестидесятипятидневных хаабов. В данном наивысшем гипотетическом разряде зависимость между

цолькином и хаабом вполне очевидна.

Значительную роль в жизни майя, особенно в поздний период, играл также двадцатилетний *малый цикл*, так называемый *катун*.

Была у майя, как свидетельствует надпись на стеле 9 в Вашактуне, и какая-то определенная изначальная дата, от которой, как в нашем календаре от Рождества Христова, шел отсчет дней и лет. Эта изначальная дата (ее записывали как 4 ахау 8 кумху) соответствует 3113 году до н. э. Происхождение ее не установлено и представляет большой интерес хотя бы потому, что 4 ахау 8 кумху означает не начало года, а один из дней хааба. Что за событие произошло 4 ахау 8 кумху, нам не известно. Ни майя, ни даже ольмеков, о которых не следует забывать при изучении майяской культуры, тогда еще не существовало.

Майя, которые за всю свою историю не создали великой империи и часто жили в полной изоляции не только от соседних племен, но и от ближайших соседних городов (например, Паленке всегда было весьма мало связано со своими майяскими соседями), регулярно созывали общемайяские «конгрессы», посвященные астрономии и календарю, чтобы в первую очередь совместно уточнить (буквально до минуты) начало нового хааба. Американисты установили, что один из таких всемайяских календарных «конгрессов» состоялся в VIII веке в Копане. Наряду с установлением начала ближайшего хааба главной задачей этого астрономического «конгресса» было исправление календарных неточностей, допущенных в течение предыдущего пятидесятидвухлетнего цикла.

Чтобы датировка была еще точней, в Древний период к обычным датам добавлялись данные, вычисленные или на основе кругообращения Луны, или чаще на основе кругообращения Венеры.

Примерно до середины VIII века для обозначения того или иного дня майя применяли очень сложный способ записи, требовавший использования целых десяти иероглифов и указывавший, грубо говоря, сколько бактунов, катунов, тунов, виналей и кино в прошло до этого дня от изначальной даты майяской истории. Эту весьма сложную систему датировки, которую мы находим преимущественно на майяских памятниках V—VIII столетий, в американистской литературе принято называть долгим счетом.

Впервые подобные записи на майяских стелах были дешифрованы Дж. Т. Гудменом, который известен сейчас широкой публике, особенно североамериканской, прежде всего как издатель провинциальной газетенки «Вирджиния-сити интерпрайс», выходящей в Неваде. Дело в том, что именно Дж. Т. Гудмен первым предложил место репортера никому неведомому тогда молодому человеку, писавшему под псевдонимом Марк Твен.

С середины VIII века с майяских стел исчезают записи долгого счета и появляется новый способ датировки, *краткий счет*, который называется по-майяски у *кахлай катуноб*. Краткий счет был значительно проще. Дата обозначала, сколько дней прошло от окончания последнего катунового периода до момента записи.

Голова молодого мужчины из гробницы в «Храме Надписей», алебастр, VII век по Р. Х.

До сих пор мы говорили о двух общепринятых майяских годах — цолькине и хаабе. Однако изучение одной из трех сохранившихся майяских книг, так называемого Дрезденского кодекса, доказало, что майяские жрецы в своих «математических» религиозных обрядах использовали еще третий календарь, в основу которого был положен отрезок времени, равный 584 дням, то есть синодическому периоду обращения Венеры. Майя без труда высчитали, что пять таких лет соответствуют восьми хаабам. Последний день этого цикла, связанного и с Солнцем и с Венерой, майяские жрецы отмечали с особой торжественностью. Еще более пышно праздни-

валось окончание «большого цикла Венеры», продолжавшегося $5 \times 13 \times 584$ дня, или по этому календарю 65 лет, что в точности соответствовало двум большим циклам хааба, или 104 годам. Существование третьего майяского года и сложные соответствия между отдельными календарными системами, над установлением которых трудились майяские астрономы и жрецы, убедительно показывают, что потрясающе точный майяский календарь полностью утратил свое первоначальное назначение — служить потребностям земледелия — и превратился, по сути дела, в бесполезную самоцельную игру числами и ирреальными соотношениями. Соотношениями, которым майяская религия всегда приписывала некое высшее, сверхъестественное значение.

В заключение можно добавить: майяские календарные системы настолько сложны, что, как правильно заметил Керам, «для исчерпывающего их объяснения нужна целая книга».

Как в астрономии и математике, так и в развитии письменности майя превзошли все иные высокие индейские культуры доколумбовой Америки. Можно предположить, что, хотя бы в основных чертах, майя позаимствовали иероглифическое письмо у ольмек. Но даже если мы откажемся признать майя авторами основополагающих принципов этого письма, мы не можем отказать им в том, что они развили и щедро обогатили его систему новыми элементами. Майя в большей степени, чем какое-либо иное племя или народность древней Америки, могут быть названы создателями настоящих книг. Однако из-за фанатика Диего де Ланда и его коллег до нас дошли всего три майяских иероглифических манускрипта. В майяских городах сохранилось также несколько сот вырезанных на камне иероглифических надписей.

Майяское письмо представляет собой одну из важнейших научных проблем американистики. Расшифровать его пытались десятки и сотни европейских и американских исследователей. И долгое время безрезультатно. Немецкий американист Пауль Шельгас пришел даже к выводу, что дешифровать майяское письмо невозможно.

Но не так давно этой проблемой начала заниматься советская американистика. Достигнутые ею результаты в области расшифровки иероглифического письма месоамериканских майя доказывают необоснованность скептического мнения Шельгаса. Начало интенсивного изучения майяского письма в СССР тесно связано с именем ленинградского американиста Юрия Кнорозова (он только в 1949 году закончил Московский университет), который со школьных лет увлекся изучением проблем майяской письменности. Уже в 1955 году на основе изучения в первую очередь Дрезденского кодекса он смог опубликовать работу «Система письма древних майя», где, во-первых, приходит к заключению, что майяское иероглифическое письмо сколько-нибудь существенно не отличается от иероглифических письменностей Старого Света, прежде всего китайской и египетской, а во-вторых, указывает, что май-

ясные иероглифы в большинстве своем имеют строго определенное фонетическое значение и представляют собой слог. Эти знаки он разбил на четыре группы:

1. Гласные так называемого типа «А», которые используются для записи начального или заглавного гласного звука в слове.

2. Слоговые типа «АБ», состоящие из гласного, за которым следует согласный (например, Ах, Ак, Эт и т. д.).

3. Слоговые согласные типа «Б (А)», состоящие из согласного звука, за которым следует гласный. Чаще всего они встречаются на конце слов.

4. Наконец, слоговые знаки типа «БАБ», представляющие согласный + гласный + согласный (например, Бел, Тхул, Нал и т. д.).

Настоящих идеограмм, которые выражали бы целое понятие, целое слово, как утверждает Кнорозов, очень мало. Так, например, в майяском иероглифическом письме существует идеограмма для слов «болай» — ягуар, «йаш» — зеленый и т. п.

Здесь нужно отметить только одно обстоятельство. В данной научной сфере — не только в американистике, но и в изучении других великих цивилизаций прошлого — до сих пор первую скрипку играли, казалось бы, западные авторы. Столь популярный Керам во всем своем обширном «романе археологии» не называет, например, ни одного советского или русского исследователя, а из наших соотечественников упоминает только Киша — популяризатора. И вот советская наука, долгое время остававшаяся в тени, разрешила проблему, перед которой на протяжении десятков лет один за другим капитулировали самые талантливые ученые.

Нам известны три майяских иероглифических кодекса: Парижский, Дрезденский и Мадридский, получившие свое название по месту, где они хранятся. Дрезденский был найден в 1739 году. Длина его три с половиной метра, и состоит он из 38 листов. В 1859 году среди бумаг, выброшенных в мусорную корзину, был обнаружен второй кодекс — Парижский. Третий, Мадридский или Трокортезианский, наиболее обширен. Его длина 6 метров 55 сантиметров. Состоит он из 56 листов*.

Наряду с тремя этими кодексами майя оставили нам еще несколько рукописей, написанных или переписанных латиницей в первые годы после конкисты, и самые прославленные из них, величайшие эпические произведения доколумбовой индейской литературы — «Пополь-Вух» и «Чилам-Балам». Напомним, что чиламами называли майяских жрецов-прорицателей. Балам, а также балай, или болай, — по-майяски «ягуар». Нам известно несколько Чилам-Баламов — рукописей с различными данными об истории и религиозных представлениях майя. Обозначаем мы их по месту, где они были обнаружены (например, «Книги пророка ягуара из

* В 1975 г. был опубликован перевод на русский язык этих хроник, сделанный Ю. Кнорозовым.

Чулы» — написанная по-майяски рукопись, рассказывающая историю гватемальского майяского племени какчикель и его правящей династии Шахила.

Однако наиболее известным литературным памятником майя остается «Пополь-Вух»... Переводы «Пополь-Вух» вышли, вероятно, во всех цивилизованных странах. Эта жемчужина в сокровищнице мировой литературы представляет ценность как для специалистов, так и для рядовых читателей, поскольку она верно передает эстетические, религиозные и философские представления киче, одного из племен великой семьи центральноамериканских майя.

Первоначально «Пополь-Вух» был, очевидно, записан иероглифами. После прихода в Гватемалу испанцев кто-то переписал рукопись «Пополь-Вух» латиницей. Личность переписчика, которому мы должны быть благодарны за сохранение этого уникального литературного памятника, представляет собой одну из загадок майяистики. Возможно, «Пополь-Вух» переписал (скорее всего, в 1530 году) крещеный индеец Диего Рейносо. Согласно новейшим взглядам (например, по мнению гватемальского американиста Адриана Ресиноса), латинская копия относится к 1554—1558 годам. Переписанный экземпляр «Пополь-Вух» пережил пору губительной деятельности Диего де Ланда и его фанатичных коллег. В начале XVIII века эту рукопись, надежно спрятанную в гватемальской индейской общине Чичикастенанго, нашел образованный доминиканский монах, благородный друг индейцев и почитатель их культуры Франсиско Хименес. Он скопировал ее и, владея языком киче, сделал также испанский перевод текста. С рукописью Хименеса познакомились позднее европейские исследователи (и прежде всего австриец д-р Карл Шерцер, впервые ее опубликовавший, и француз Шарль Этьен Брассер де Бурбур, издавший в 1861 году в Париже ее перевод). С тех пор эта удивительная книга, представляющая собой одно из немногих подлинных свидетельств великой цивилизации доколумбовой Америки, неизменно вызывает к себе интерес.

Произведение это довольно объемистое. В нем три главные, почти самостоятельные части. Первая посвящена космогоническим представлениям киче — в ней, например, описывается сотворение мира главными божествами киче, возникновение животных, создание людей, затем рассказывается о потопе и об уничтожении «деревянных людей». Тут повествование неожиданно прерывается, и начинается вторая, самая пространная и, вероятно, самая прекрасная часть, напоминающая греческую мифологию, — рассказ об удивительных судьбах двух друзей — героев Хун-Ахпу и Шбаланке, о их борьбе с гордым «полубогом» Вукуб-Какишем и о том, как они убили его самого и двух его сыновей; далее повествуется, как оба они спустились в преисподнюю, в подземное царство Шибальбу, рассказывается об страшных приключениях, о правителях Шибальбы и о том, как Хун-Ахпу и Шбаланке состязались с ними в игре в мяч, о похождениях героев в «доме тьмы», в «доме ягуа-

ров», в «доме летучих мышей» и о том, как они в конце концов победили правителей подземного мира.

В третьей части продолжается рассказ о сотворении людей. Божественные создатели, недовольные первым и вторым своим творением — людьми из глины и людьми, вырезанными из дерева, — вновь сделали человека, на этот раз из священного растения — кукурузы. Человек этот удался, и все киче — его потомки. Затем в «Пополь-Вух» повествуется о первых четырех людях, сотворенных из кукурузы, о Балам-Кице, Балам-Акабе, Маху-Кутахе и Ики-Баламе, которые были праотцами киче, и о том, как позднее боги создали прародителей других народов.

Завершается «Пополь-Вух» весьма ценным для историка описанием: переселением киче и рассказом о возникновении отдельных кических племен и племенных божеств. В конце перечисляются правители отдельных групп киче: нихаиб, кавек, ахау-киче — от «праотцев» до дня написания книги.

ПОПОЛЬ-ВУХ*

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот начало старинных преданий о тех, кто в этой местности носит имя киче.¹ Здесь мы (все) напишем. Мы начнем с древних историй, с начала и происхождения всего того, что было совершено в городе киче² племенами народа киче.

Здесь также мы откроем и сообщим то, что было раньше скрыто; изложим, как это было освящено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, как они именуются. Здесь будет рассказано о Хун-Ахпу-Вуч, о Хун-Ахпу-Утиу, о Саки-Нима-Циис, о Тепеу, о Кукумаце, о Сердце озера, о Сердце моря, о Владыке зеленого блюда и Владыке зеленой чаши, как зовутся они.³ Здесь будет также возведено и рассказано о Прародительнице и Прародителе, чьи имена — Шпийакок и Шмукане, защитниках и хранителях, дважды почтенной Прародительнице и дважды почтенном Прародителе, как именуются они в сказаниях киче. Там рассказывается все, что они совершили в свете существования, в свете истории.

Мы пишем теперь это уже при Законе Божиим и при христианстве. Мы излагаем это потому, что у нас нет уже более светоча, Пополь-Вух, как он именуется, ясного света, пришедшего с другой стороны моря, символа нашей защиты, светоча для ясной жизни. Подлинная книга, написанная много времен тому назад, существует, но зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает. Величественным было ее появление и повествование в ней о том, как совершилось возникновение всего: неба и земли; как были образованы и обозначены четыре ее угла и четыре главные точки; как она была расчленена и как было разделено небо; и была доставлена веревка для измерения и натянута в небесах и на земле, на четырех углах, на четырех главных точках, как это было названо Создательницей и Творцом, Матерью и Отцом жизни и всех сотворенных вещей, теми, кто создали дыхание и создали мысль, теми, кто дает рождение детям, теми, кто бодрствует над счастьем народа, детьми света, сыновьями света, теми заботливыми мыслителями, кто размышляет над благополучием всего, что существует в небе, на земле, в озерах и море.

ЧАСТЬ I

Глава 1

Это — рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности,¹ все холодное, все в молчании; все бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто.

* Литературный памятник майя «Пополь-Вух» печатается по книге «Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана», М., научно-издательский центр «Ладомир» — «Наука», 1993.

Это — первый рассказ, первое повествование. Не было ни человека, ни животного, ни птиц, рыб, крабов, деревьев, камней, пещер, ущелий, трав, не было лесов; существовало только небо.

Поверхность земли тогда еще не появилась. Было только холодное море и великое пространство небес.

Не было еще ничего соединенного, ничто не могло произвести шума, не было ничего, что могло бы двигаться или дрожать или шуметь в небе.

Не было ничего, что существовало бы, могло бы иметь существование; была только лишь холодная вода, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего.

В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание.

Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах.² Да, они находились там, скрытые под зелеными и голубыми перьями,³ и потому они назывались Кукумац. По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось Сердце небес — таково имя бога и так он назывался.

Тогда пришло его слово. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, в ночи пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним. И вот они говорили, обсуждая и совещааясь; они согласились друг с другом, они объединили свои слова и свои мысли.

И в то время, когда они размышляли, им стало ясно, что при наступлении зари должен появиться и человек. Тогда они распределили сотворение мира, рост деревьев и лесных чащ, рождение жизни и сотворение человека. Так было установлено это во мраке и в ночи силой того, кто есть Сердце небес, кто именуется Хуракан.

Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес.⁴

Тогда Тепеу и Кукумац сошлись вместе с ними, тогда они совещались о жизни и свете, о том, что должно быть сделано, чтобы появились свет и заря; кто должен быть тот, кто заботился бы об (их) пище и пропитании.

— Так пусть это свершится! Да будет заполнена пустота! Пусть воды отступят и образуют пустоту, пусть появится земля и будет прочной; пусть это свершится, — так говорили они. — Пусть будет свет, да будет заря на небе и над землей! Но нет ни славы, ни величия в этом нашем творении, в нашем создании, пока не будет создано человеческое существо, пока не будет сотворен человек, пока не будет создан человек! — Так говорили они.

Тогда была сотворена ими земля. Так в действительности совершилось ее создание. «Земля!» — воскликнули они, и немедленно она была сотворена.

Подобно туману, подобно облаку и подобно облаку пыли была (земля) при своем сотворении, в начале своей телесности. Затем горы появились из воды; большие горы выросли мгновенно.

Только чудом, только магическим искусством были образованы горы и долины; и немедленно кипарисовые и сосновые рощи пустились побеги на поверхности земли.

И тогда Кукумац исполнился радости и воскликнул:

— Полезен был твой приход, Сердце небес; и твой, Хуракан, и твой, Чипи-Какулха, Раша-Какулха!

— Наша работа, наше творение должно быть закончено! — ответили они.

Сперва была создана земля, горы и долины; был указан путь водным потокам, ручьи стали свободно бежать у подножья холмов и между ними. С тех пор отделены были друг от друга реки, когда появились высокие горы.

Так была сотворена земля, когда она была образована Сердцем небес, Сердцем земли, как они называются, теми, кто впервые сделал ее плодородной, когда небо было в состоянии неизвестности, а земля была погружена в воду.

Вот что было совершено ими после обдумывания, после размышления, что должно стать, благодаря им, действительностью.

Глава 2

Затем они создали малых диких животных, лесных человечков,¹ духов гор, оленей, птиц, пуму, ягуаров, пресмыкающихся, змей, ехидн, хранителей лесных чащ.

И спросили Великая мать и Великий отец: «Неужели только молчание и только тишина будут под деревьями, под лианами? Хорошо, чтобы в будущем кто-нибудь был там, чтобы охранять их».

Так говорили они, когда они размышляли и беседовали друг с другом. И быстро были созданы олени и птицы. Немедленно они указали оленю и птицам их жилища: «Ты, олень, будешь спать в полях, на берегах рек и в ущельях. Ты будешь бродить среди кустов, среди трав; в лесах ты будешь умножаться; ты будешь ходить на четырех ногах, и они будут тебя поддерживать. Так да будет сделано!». Так говорили они.

Затем они назначили также жилища птицам, большим и малым: «Вы, птицы, будете жить среди деревьев, среди лиан. Там вы сделаете себе свои гнезда, там вы будете умножаться; там вы будете увеличиваться в числе, в ветвях деревьев, посреди лиан».

Так было сказано оленю и птицам; они сразу же выполнили то, что им надлежало делать, и все они получили свои жилища и свои гнезда. Вот таким образом Великая мать и Великий отец дали земным животным их обиталища, так для оленя и птиц все обошлось хорошо.

И когда это было закончено, Создательница и Творец, Великая мать и Великий отец сказали им: «Говорите, кричите, щебечите, зовите, говорите друг с другом, каждый согласно своему виду, согласно своему роду, каждый согласно своему способу!». Так было сказано оленям, птицам, пуме, ягуарам и змеям.

«Называйте же наши имена, восхваляйте нас, вашу мать, вашего отца. Призывайте же Хуракана, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Сердце небес, Сердце земли, Создательницу и Творца, Великую мать и Великого отца, говорите же громко, призывайте нас, почитайте нас», — так было сказано им.

Но они не могли заставить их говорить подобно людям; они лишь свистели, и пищали, и кудахтали; они не были способны произносить слова, и каждый пищал на свой лад.

Когда Создательница и Творец услышали, что для них невозможно говорить друг с другом, то они сказали: «Для них совершенно невозможно произносить наши имена, имена нас, их творцов и создателей. Это нехорошо», — сказали Великая мать и Великий отец друг другу.

Затем они сказали им: «Раз для вас невозможно говорить, вы должны быть изменены. Мы изменили свои намерения: ваша пища, ваши пастбища, ваши жилища и ваши гнезда останутся при вас; это будут ущелья и лес, потому что для вас невозможно почитать нас или призывать нас. Будут еще те, кто будет почитать нас, мы создадим другие существа, какие будут послушными. Примите ваше предназначение: ваша плоть будет разорвана на части. Да будет так! Вот что будет вашей участью». Так сказали они, когда они возвестили свою волю большим и малым животным, сколько их есть на поверхности земли.

Они желали дать себе новое испытание, они желали сделать новую попытку; они желали создать (существа, способные) почитать их.

Но (животные) не могли понять говора один другого; они не могли преуспеть в чем-либо и не могли сделать что-либо. Вот по этой причине их плоть была принесена в жертву, и все животные, какие есть на земле, были осуждены на то, чтобы их убивали и ели. Вот по этой причине Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом была сделана новая попытка создать и сотворить людей.

«Давайте, без промедления, попытаемся снова. Уже приближается время для зари и света. Давайте создадим того, кто будет питать и поддерживать нас! Что мы должны сделать, чтобы нас призывали бы, чтобы нас помнили на земле? Мы уже пытались в нашем первом творении с нашими первыми созданиями, но не могли мы заставить их восхвалять и почитать нас. Так давайте же попытаемся создать послушных, исполненных почтительности существ, которые бы кормили и поддерживали нас», — так говорили они.

Затем (существо) было сотворено и создано. Из земли, из глины они сделали (человеческую) плоть. Но они увидели, что это получилось неудачно. Она расплывалась, она была мягкой, без движения, не имела силы; она падала вниз, она была слабой; голова ее совершенно не могла двигаться, лицо ее было скошено на одну сторону; зрение ее было полностью затуманено, и она не могла видеть сзади. В первый момент она зато могла говорить, но разума

у нее не было. Она быстро намокла в воде и не могла стоять.

И тогда Создательница и Творец сказали: «Давайте попытаемся снова, потому что эти (создания) не способны ни ходить, ни размножаться. Давайте обдумаем это!» — сказали они. И вслед за этим они разломали и разрушили свою работу и свое создание.

И они говорили: «Что же мы должны делать, чтобы (наша) мысль осуществилась и (появились) существа, которые вызвали бы к нам, молились бы нам?».

Так говорили они, совещаясь снова друг с другом: «Давайте же скажем Шпийакоку и Шмукане, Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу: бросьте ваш жребий снова, возвестите судьбу и создание такого существа». Таким образом Создательница и Творец беседовали друг с другом, и так говорили они Шпийакоку и Шмукане.

Тогда они сказали этим предсказателям, Старцам дня, Старцам зари, как они именовались Создательницей и Творцом, тем, чьи имена были Шпийакок и Шмукане.

И сказали Хуракан, Тепеу и Кукумац, когда они говорили с предсказательницей и с создателем, кто суть предвещатели:

«Прежде всего надо ясно узнать и найти средства, чтобы этот человек, которого мы создадим, человек, которого мы намереваемся создать, мог бы кормить и поддерживать нас, мог бы призывать и помнить нас!

«Примите же горячо наши слова, о Прародительница и Прародитель, о наша Праматерь и наш Праотец, Шпийакок, Шмукане, создайте свет, создайте зарю, сделайте нас призываемыми, сделайте нас почитаемыми, сделайте нас помнимыми сотворенным человеком, созданным человеком, настоящим человеком, совершенным человеком. Скажите же: пусть будет сделано так!

«Пусть будут известны (ему) ваши имена: Хун-Ахпу-Вуч, Хун-Ахпу-Утиу, дважды почтенная мать, дважды почтенный отец, Ним-Ак, Ним-Циис, хозяин изумрудов, работающий над драгоценностями, скульптор, строитель, создатель прекрасных блюд, создатель прекрасных сосудов, творец благовонных смол,² мастер из Тольтеката, Праматерь солнца, Праматерь зари. Так вы будете именоваться теми, кто будет нашим делом и нашими созданиями.

«Бросьте же жребий вашими зернами кукурузы и семенами дерева цитэ».³ Сделайте это так, и это будет сделано! Мы тогда узнаем, сможем ли мы создать или вырезать его рот и глаза из дерева». Так было сказано предвещателям.

Они спустились сразу же, чтобы сотворить свое волшебство, чтобы бросить свои жребии зернами кукурузы и семенами дерева цитэ. «Судьба, создание!» — сказали Праматерь и Праотец в угоду им. И этот Праотец был тот, кто предсказывает судьбу по семенам дерева цитэ, тот, кто называется Шпийакок. А Праматерь была прорицательница, создательница, та, которую называют Чиракан Шмукане.

Начиная прорицание, они говорили: «Сойдитесь вместе, схватите друг друга! Говорите, чтобы мы могли слышать, — говорили

они, — скажите, будет ли хорошо, если дерево будет обработано и будет вырезано Творцом и Создательницей? Будет ли это (деревянный человек) тем, кто должен питать и поддерживать нас, когда будет свет, когда будет день?

«Ты, кукурузное зерно, вы, семена дерева цитё, ты, день судьбы, ты, творение, ты, охваченная зудом желания, и ты с напряженным фаллом, — говорили они кукурузе, цитё, дню судьбы, созданию. — Приди, принеси здесь жертву кровью, Сердце небес, не казывай Тепеу и Кукумаца».

Так говорили они тогда и сказали истину: «Ваши фигуры из дерева удадутся; они должны говорить, они будут разговаривать на земле».

«Да будет это так!» — ответили (Создательница и Творец).

И в то же мгновение, пока они говорили, были созданы фигуры из дерева. Они имели лица подобно людям, говорили подобно людям и населили поверхность земли.

Они существовали и умножались; они имели дочерей, они имели сыновей, эти деревянные фигуры, но они не имели ни души, ни разума, они не помнили свою Создательницу и своего Творца; они бесцельно блуждали на четырех (ногах).

Они уже более не помнили о Сердце небес, и поэтому они погибли.

Это было не больше, чем проба, чем попытка (создать) человека. Правда, они говорили, но лицо их не имело выражения; их ноги и руки не имели силы; они не имели ни крови, ни сукровицы, они не имели ни пота, ни жира. Щеки их были сухими, их ноги и руки были сухими, а плоть их была трухлявой.

Поэтому они не думали более ни об их Создательнице, ни об их Творце, о тех, кто создал их и заботился о них.

Вот каковы были первые люди, существовавшие в большом числе на поверхности земли.

Глава 3

Немедленно деревянные фигуры были уничтожены, разрушены, сломаны и убиты.

Потоп был создан Сердцем небес, был устроен великий потоп, который пал на головы деревянных созданий.

Плоть мужчины была сделана из дерева цитё, но когда Создательница и Творец создавали женщину, ее плоть была сделана из сердцевины тростника. Вот таковы были материалы, которые Создательница и Творец желали использовать, создавая их.

Но те, которых они создали, те, которых они сотворили, не думали и не говорили перед лицом своей Создательницы, пред лицом своего Творца. И из-за этого они были уничтожены, они были потоплены. Густая смола пролилась с неба. Тот, кто называется Шекотковач, пришел и вырвал их глаза; Камалоц¹ пришел и оторвал их головы; Коцбалам пришел и пожрал их плоть. Тукумба-

лам тоже пришел, он сломал и растерзал их кости и их жилы, он перетер и сокрушил их кости.

Это (было сделано), чтобы наказать их, потому что их мысли не достигали до лица их матери, до лица их отца, Сердца небес, что зовется Хураканом. И по этой причине лик земли потемнел, и начал падать черный дождь; ливень днем и ливень ночью.

Тогда сошлись малые животные и большие животные, а деревья и скалы начали бить (деревянных людей) по лицам. И все начало говорить: их глиняные кувшины, их сковородки, их тарелки, их горшки, их собаки, их камни, на которых они растирали кукурузные зерна, — все, сколько было, поднялось и начало бить их по лицам.

— Вы сделали нам много дурного, вы ели нас, а теперь мы убьем вас, — сказали их собаки и домашние птицы.

А зернотерки сказали:

— Вы мучили нас каждый день; каждый день, ночью и на заре, все время наши лица терлись (друг о друга и говорили) холи-холи, хуки-хуки из-за вас. Вот какую дань платили мы вам. Но теперь вы, люди, наконец-то почувствуете нашу силу. Мы измелем вас и разорвем вашу плоть на кусочки, — сказали им их зернотерки.

А затем заговорили их собаки и сказали:

— Почему вы не хотели давать нам ничего есть? Вы едва замечали нас, но вы нас преследовали и выбрасывали нас. У вас всегда была палка, готовая ударить нас, когда вы сидели и ели. Вот как вы обращались с нами, потому что мы не могли говорить. Разве мы не подошли бы, если бы все шло по-вашему? Почему же вы не глядели вперед, почему вы не подумали о самих себе? Теперь мы уничтожим вас, теперь вы почувствуете, сколько зубов в нашей пасти, мы пожрем вас, — говорили собаки, и затем они разодрали их лица.

А в это же самое время их сковородки и горшки также говорили им:

— Страдания и боль причинили вы нам. Наши рты почернели от сажи, наши лица почернели от сажи; вы постоянно ставили нас на огонь и жгли нас, как будто мы не испытывали никаких мучений. Теперь вы почувствуете это, мы сожжем вас, — сказали горшки, и они били их по лицам.

Камни очага, сгрудившись в одну кучу, устремились из огня прямо в их головы, заставляя их страдать.

Пришедшие в отчаяние (деревянные люди) побежали так быстро, как только могли; они хотели вскарабкаться на крыши домов, но дома падали и бросали их на землю; они хотели вскарабкаться на вершины деревьев, но деревья стряхивали их прочь от себя; они хотели скрыться в пещерах, но пещеры закрыли свои лица.

Так совершилась вторая гибель людей сотворенных,² людей созданных, существ, которым было назначено быть разрушенными и уничтоженными; и уста и лица всех их были искалечены.

Говорят, что их потомками являются те обезьяны, которые живут теперь в лесах; это все, что осталось от них, потому что их плоть была создана Создательницей и Творцом только из дерева.

Вот почему обезьяна выглядит похожей на человека; (она) — пример того поколения людей, которые были сотворены и созданы, но были только деревянными фигурами.

Глава 4

Облачно и сумрачно было тогда на поверхности земли. Солнца еще не существовало.

Но тем не менее было (на земле) существо, звавшееся Вукуб-Какиш,¹ и был он очень надменным.

Небо и земля, правда, существовали, но лики солнца и луны были еще совершенно невидимы.

И (Вукуб-Какиш) сказал: «Поистине, они — ясный образец тех людей, которые потонули, и их природа есть природа сверхъестественных существ.²

«Я буду теперь великим над всеми существами, созданными и сотворенными. Я емь их солнце, их свет и их луна, — воскликнул он. — Да будет так! Велика моя блистательность! Из-за меня будут люди ходить и стоять. Потому что мои глаза из серебра, широкие, сверкающие, как драгоценные камни, как изумруды; мои зубы блистают подобно замечательным камням, подобно лику небес. Мой нос сияет издалика подобно луне, мой трон — из серебра, и лик земли освещается, когда я прохожу перед своим троном!

Итак, я солнце, я луна для всего человечества. Да будет это так, потому что я могу видеть очень далеко».

Так говорил Вукуб-Какиш. Но Вукуб-Какиш не был в действительности солнцем; он лишь возгордился из-за своих перьев и своих богатств. И видеть он мог только до той линии, где небо соединяется с землей; не мог он видеть всего мира.

Лик солнца еще не появился, и лик луны также; не было еще звезд, и заря еще не занималась. Поэтому Вукуб-Какиш и гордился, как будто бы он был солнцем и луной; потому что солнце и луна не показали еще своего света, еще не появились. Его единственным честолюбивым желанием было возвысить себя и властвовать. И все это случилось, когда произошел из-за деревянных людей потоп.

Теперь мы расскажем, как умер Вукуб-Какиш, как он был провергнут и как затем был создан Создательницей и Творцом человек.

Глава 5

Вот начало (повествования) о поражении и разрушении величия Вукуб-Какиша, погубленного двумя юношами,¹ первый из которых именовался Хун-Ахпу, а второй — Шбаланке. В действи-

тельности они были богами. Когда они увидели вред, который сделал высокомерный и собирается сделать, то юноши сказали перед лицом Сердца небес:

— Нехорошо, чтобы это было так. Ведь человек еще не может жить здесь, на земле. Поэтому мы попытаемся застрелить его из нашей выдувной трубки, когда он будет есть. Да, мы выстрелим в него из выдувной трубки и заставим его заболеть. И это будет концом его величия и богатства, его зеленых камней, его серебра, его изумрудов,² его драгоценностей, которыми он так гордится. Это же может сделать каждый! Но не должен уподоблять себя огненному божеству тот, кто есть всего-навсего серебро.

— Так да будет! — сказали юноши, и каждый положил свою выдувную трубку на свое плечо.

И вот, Вукуб-Какиш имел двоих сыновей: первый назывался Сипакна, второй же — Кабраканом. А мать этих двух носила имя Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

Этот Сипакна играл с огромными горами, как с мячом: с горой Чикак, с горой Хун-Ахпу, Пекуль, Нашка-Нуль, Макамоб³ и Ху-лиснаб. Вот имена гор, которые существовали, когда появилась заря; в одну-единственную ночь они были созданы Сипакной.

И Кабракан также заставлял дрожать горы; благодаря ему большие и малые горы плавильсь.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша провозглашали о своей гордости. «Слушайте, я есмь солнце!» — говорил Вукуб-Какиш. «Я, я тот, кто создал землю!» — говорил Сипакна. «Я тот, кто создал небо и заставил землю дрожать!» — говорил Кабракан.

Вот каким образом сыновья Вукуб-Какиша следовали примеру своего отца и его предполагаемому величию. И это казалось юношам большим злом. Ни наша первая мать, ни наш первый отец не были тогда еще созданы.

Вот почему была решена юношами смерть Вукуб-Какиша и его сыновей и их разрушение.

Глава 6

Здесь рассказывается о том, как двое юношей выстрелили из своих выдувных трубок в Вукуб-Какиша. Мы сообщим, как каждый из тех, кто стал таким надменным, пришел к своей гибели. У Вукуб-Какиша имелось большое дерево тапаль,¹ и он ел плоды его. Каждый день он направлялся к дереву и взбирался на его вершину.

Хун-Ахпу и Шбаланке увидели, что этот плод является его пищей. И они улеглись в засаде у подножья дерева; оба юноши глубоко спрятались в листву кустарника. А Вукуб-Какиш пошел прямо к своей еде из плодов дерева тапаль.

Мгновенно он был поражен выстрелом из выдувной трубки Хун-Хун-Ахпу. (Шарик) ударил его прямо в челюсть, и он, вопя, сразу же упал с верхушки дерева на землю.

Хун-Хун-Ахпу быстро подбежал, он действительно побегал, чтобы осилить его, но Вукуб-Какиш схватил руку Хун-Хун-Ахпу, вывернул ее и вырвал ее из плеча. После этого Хун-Хун-Ахпу выпустил Вукуб-Какиша. Конечно, (юноши) поступили хорошо, не допустив, чтобы они были первыми побеждены Вукуб-Какишем.

Неся руку Хун-Хун-Ахпу, Вукуб-Какиш отправился домой и, прибыв туда, начал нянчить свою челюсть.

— Что это случилось с тобой, владыка мой? — спросила Чимальмат, жена Вукуб-Какиша.

— Что же может быть иного? Эти два чудовища выстрелили в меня из выдувных трубок и сдвинули мою челюсть. Поэтому она шатается, и мои зубы страшно болят. Но сперва поместим над огнем то, что я добыл, пускай она повисит! Пусть она повисит там, над огнем; конечно, эти чудовища скоро придут, чтобы снова завладеть ею, — сказал Вукуб-Какиш и подвесил руку Хун-Хун-Ахпу.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Шбаланке хорошо продумали все это, они отправились поговорить со старцем, имевшим снежно-белые волосы, и со старицей, а она была поистине очень стара и смиренна, и оба они были уже согнуты, как очень старые люди. Старца звали Саки-Ним-Ак, а старицу — Саки-Нима-Циис. И юноши сказали старцу и старице:

— Пойдемте вместе с нами к дому Вукуб-Какиша, чтобы получить нашу руку. Мы же пойдем сзади вас, и вы скажете им: «Эти вот, с нами, наши внуки; их мать и отец мертвы; поэтому они следуют за нами повсюду, где нам подают милостыню. Ибо единственное занятие, которое мы знаем, — это как вытаскивать червей из резцов и коренных зубов».² Поэтому Вукуб-Какиш подумает, что мы маленькие дети, и мы будем там, чтобы давать вам советы, — сказали двое юношей.

— Хорошо! — ответили (старец и старица).

Тогда они отправились в путь к своей цели, и увидели Вукуб-Какиша, сидевшего на своем троне. Старица и старец пошли по дороге, а за ними следовали два мальчика, державшиеся позади них. Таким образом, они прибыли к дому владыки, а Вукуб-Какиш корчился и вопил из-за боли, которую причиняли ему его зубы. Когда Вукуб-Какиш увидел старца и старицу и тех, кто сопровождал их, он спросил:

— Куда же вы идете, прародители? — так сказал владыка.

— Мы идем поискать чего-нибудь поесть, почтенный владыка, — ответили они.

— А что вы едите? И не дети ли ваши те, кто сопровождает вас?

— О нет, почтенный владыка! Они наши внуки, но мы жалеем их и от каждого куска, что подают нам, мы уделяем им половину, о почтенный владыка, — ответили старица и старец.

Между тем владыка испытывал страшную боль из-за своего зуба: он метался из стороны в сторону и мог говорить только с величайшим трудом.

— Я умоляю вас о помощи, имейте же ко мне сострадание. Что можете вы делать? Что вы знаете, как лечить? — спросил их владыка.

И ответили (старые):

— О почтенный владыка! Мы можем только вытаскивать червей из зубов, только лечить глаза и только вправлять кости.

— Хорошо! Исцелите тогда мои зубы, которые поистине заставляют меня страдать день и ночь. Из-за них и из-за моих глаз я не могу быть спокоен и не могу спать. Все это из-за того, что два чудовища выстрелили в меня шариком из выдувной трубки, и вот с той поры я не могу больше есть. Имейте же ко мне сострадание! Моя челюсть совсем расшатана, мои зубы качаются!

— Хорошо, почтенный владыка! Это червь заставляет тебя страдать. Все это кончится, когда эти зубы будут вытащены и на их место поставлены другие.

— Хорошо ли будет, если вы вытащите мои зубы? Потому что только благодаря им я являюсь владыкой; мои зубы и мои глаза — вот и все знаки моего достоинства.

— Мы вставим другие из блестящей кости на их место. — Но блестящая кость в действительности была только зернами белой кукурузы.

— Хорошо, вытащите их тогда и помогите мне по-настоящему, — сказал он.

Тогда они вытащили зубы Вукуб-Какиша, но на их место они вставили только зерна белой кукурузы, и эти кукурузные зерна замечательно блеснули у него во рту. Мгновенно черты лица его изменились, и он уже более не выглядел подобно владыке. Они вытащили все, до последнего, его зубы, которые сверкали, подобно драгоценным камням, у него во рту. И наконец они исцелили глаза Вукуб-Какиша; они содрали кожу с его глаз; они сняли с них все его серебро.

Но он не чувствовал никакой боли и мог видеть по-прежнему. У него только были отобраны все те вещи, которыми он так сильно гордился. Так именно это и было замыслено Хун-Ахпу и Шбаланке.

Тогда Вукуб-Какиш умер. Хун-Ахпу же возвратил себе руку. Чимальмат, жена Вукуб-Какиша, также погибла.

Вот каким образом Вукуб-Какиш потерял свою величественность. Целители взяли все изумруды и драгоценные камни, которые были его гордостью здесь на земле.

Старица и старец, сделавшие это, были чудесными существами; взяв руку (Хун-Ахпу), они приложили ее к ее месту, и когда они точно приладили ее, все было снова хорошо.

Только для того, чтобы осуществить смерть Вукуб-Какиша, совершили они все это; потому что им казалось дурным, что он стал таким надменным.

И тогда двое юношей отправились дальше, выполнив таким образом то, что им было приказано Сердцем небес.

Дальше здесь следуют дела Сипакны, старшего сына Вукуб-Какиша.

— Я творец гор,— говорил Сипакна.

И вот этот Сипакна купался у берега реки, когда мимо проходили четыре сотни юношей, тащивших бревно, чтобы подпереть свой дом.¹ Четыре сотни (юношей) возвращались после того, как они срубили большое дерево, чтобы изготовить из него главную балку для крыши своего дома.

Тогда Сипакна вышел (из воды) и, подойдя к четырем сотням юношей, (сказал) им:

— Что это вы делаете там, юноши?

— Вот (тащим) это бревно, (— ответили они,—) мы не можем поднять его и нести на своих плечах.

— Я отнесу его. Куда с ним идти? Для чего вы его хотите?

— Для главной балки в крыше нашего дома.

— Хорошо,— ответил он, поднял его, положил его на свои плечи и отнес к входу дома, (где жили) четыре сотни юношей.

— Теперь оставайся с нами, юноша,— сказали они,— есть ли у тебя мать или отец?

— У меня нет никого,— отвечал он.

— Мы собираемся завтра приготовить еще одно бревно для подпорки нашего дома.

— Хорошо,— ответил он.

Четыре сотни юношей начали совещаться друг с другом и сказали:

— Этот молодой человек там... как это нам устроить, чтобы мы смогли его убить? Как мы убьем этого мальчика? Потому что не предвещает ничего хорошего то, что он сделал, когда высоко поднял бревно один. Давайте сделаем большую яму и толкнем его, чтобы он упал в нее. Мы скажем ему: ступай вниз, выгребь землю и вытащи ее из ямы, а когда он спустится вниз, углубится в яму, мы сделаем так, что на него свалится большое бревно, и он умрет там, в яме.

Так говорили четыре сотни юношей. Затем они вырыли большую, очень глубокую яму. Тогда они позвали Сипакну.

— Ты нам очень нравишься. Иди же, спустись и рой землю, потому что мы не можем добраться (до дна),— сказали они ему.

— Хорошо,— ответил он. И после этого он сразу же полез в яму.

— Ты громко позови нас, когда накопишь много земли. Основательнее спускайся в глубину! — было приказано ему.

— Да будет так,— ответил он. И затем он начал углублять яму.

Но яма, которую он делал, должна была спасти его самого от опасности. Он знал, что они желают убить его; поэтому он рыл вторую яму, он делал сбоку другое углубление, чтобы освободить себя.

— Как далеко (ты углубился)? — крикнули ему вниз четыре сотни юношей.

— Я еще копаю, я крикну вам, когда я кончу копать, — сказал Сипакна со дна ямы.

Но он не копал себе могилу; вместо этого он отрывал другое углубление, чтобы спастись.

Наконец, Сипакна громко позвал их. Но когда он крикнул, он уже был в безопасности, во второй яме.

— Идите, соберите и вытащите выкопанную землю, мусор, находящийся на дне ямы, — сказал он, — потому что поистине я сделал ее очень глубокой. Разве вы не слышите моего зова? Но вот ваши крики, ваши слова повторяются здесь однажды и дважды, так что я хорошо слышу, где вы находитесь. — Так зывал Сипакна из ямы, в которой он спрятался, так он громко кричал из глубины.

Тогда юноши быстро подтащили то самое огромное бревно и с силой швырнули его в яму.

— Пусть никто ничего не говорит! Давайте подождем, пока не услышим его предсмертного крика, — говорили они друг другу шепотом. И ни один из них не мог посмотреть в лицо другому, когда бревно шумно полетело вниз.

(Сипакна) заговорил затем, крикнул, но он вскрикнул только один лишь раз, когда бревно упало на дно.

— Как мы преуспели в этом! Мы действительно его поразили! Теперь он мертв, (— восклицали юноши, —) если бы, к несчастью, он продолжал то, что начал делать, конец был бы нам; он прежде всего набросился бы на нас, а тогда с нами, четырьмя сотнями юношей, было бы все кончено!²

И, исполненные радости, они говорили:

— Теперь в течение следующих трех дней мы должны делать себе опьяняющий напиток. Когда эти три дня пройдут, мы будем пить за постройку нашего нового дома, мы, четыре сотни юношей.

Затем они сказали:

— Завтра мы посмотрим, и на следующий день, послезавтра, мы также посмотрим; может быть, мы увидим, как выйдут муравьи из земли, когда он начнет пахнуть, когда он начнет разлагаться. Вот тогда наши сердца станут совершенно спокойны, и мы выпьем наш опьяняющий напиток, — говорили они.

Но Сипакна из своей ямы слышал все, что говорили юноши.

И действительно, на второй день появились полчища муравьев; они приходили и шли и собирались под бревном. И некоторые из них тащили в своих ртах волосы Сипакны, а другие тащили его ногти.

Когда юноши увидели это, они воскликнули: «Этот злодей теперь погиб. Посмотрите, как собрались муравьи, как они идут полчищами, и одни из них несут его волосы, а другие — его ногти. Посмотрите же! Вот что мы сделали!». Так говорили они друг другу.

Но Сипакна был в действительности жив. Он обрезал себе волосы и обгрыз зубами свои ногти, чтобы отдать их муравьям.

И вот четыре сотни юношей поверили, что он мертв, и на третий день они начали праздновать, и все юноши напились пьяными. А когда четыре сотни становились пьяными, они не разумели ничего другого. И тогда Сипакна заставил дом упасть на их головы, и все они были убиты. Даже один или двое не спаслись среди этих четырех сотен; все они были убиты Сипакной, сыном Вукуб-Какиша.

Вот каким образом умерли четыре сотни юношей. Говорят, что они стали группой звезд, которую из-за них называют Моц³, но это может быть и неправда.

Теперь мы расскажем о том, как Сипакна был окончательно побежден двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 8

Теперь следует (повествование) о поражении и смерти Сипакны, побежденного двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Сердца этих юношей были полны злобы, потому что Сипакна убил четыре сотни юношей.

А он лишь ловил рыбу и раков на берегах всех рек, и это составляло его ежедневную пищу. В течение всего дня он ходил, выискивая себе пищу, а по ночам он таскал на своей спине горы.

При помощи листа растения эк, которое растет во всех лесах, Хун-Ахпу и Шбаланке быстро сделали фигуру, выглядевшую подобно очень большому раку. Из этого (листа) они сделали туловище рака, тонкие клешни его они сделали из пахака, а для панциря, который покрывает спину и зад рака, они использовали круглый плоский камень.

Затем они поместили рака в глубине пещеры, у подножья большой горы; Меауан¹ — вот имя горы, где (Сипакна) был (впоследствии) побежден.

Затем юноши отправились дальше и как будто случайно встретились с Сипакной на берегу реки.

— Куда ты идешь, юноша? — спросили они его.

— Никуда я не иду, — ответил Сипакна, — я лишь ищу себе пищу, о юноши.

— А что является твоей пищей?

— Только рыба и раки, но здесь ничего нет, и я ничего не нашел. А я не ел вот уже два дня и не могу уже больше переносить голод, — сказал Сипакна Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Там, в глубине ущелья, есть рак, поистине огромный рак, и конечно хорошо было бы, если бы ты съел его. Только он нас укусил, когда мы пытались его поймать, и мы испугались. Ни за что не будем теперь пытаться его поймать, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Пожалейте меня! Пойдемте, покажите мне путь, о юноши, — попросил Сипакна.

— Ни за что на свете! Иди ты один, там невозможно заблудиться. Иди по берегу реки, вверх по течению, и ты выйдешь к подножью большой горы; там он и шумит, в глубине ущелья. Тебе надо туда только быстрее дойти, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Ох, горе мне! Он, наверное, вообще вам не встречался, о юноши! Пойдемте со мной, я покажу вам место, где имеется воистину множество птиц. Идемте, вы сможете застрелить их вашими выдувными трубками, а я знаю, где найти их, — сказал Сипакна.

Его смирение убедило юношей. И (они спросили его):

— Но ты в действительности сумеешь поймать его? Потому что только из-за тебя мы возвращаемся. Мы не собирались снова пытаться поймать его, потому что он укусил нас, когда мы влезали на животе в пещеру. После этого мы испугались и не влезли, но мы почти ухватили его. Так что лучше будет, если ты влезешь внутрь, — сказали они.

— Хорошо, — сказал Сипакна, и тогда они отправились вместе с ним. Они пришли на дно ущелья, и там, простертый на своем животе, находился рак, выставя свой прекрасный тонкий панцирь. И там же, на дне ущелья, находилось и колдовство (юношей).

— Хорошо, хорошо, — сказал Сипакна, очень довольный, — хотелось бы мне, чтобы он уже был у меня во рту. — А он действительно умирал от голода.

Он хотел попытаться влезть (в пещеру) на животе, он хотел войти туда, но рак начал подниматься.

(Сипакна) сразу же вышел, и (юноши) спросили его:

— Ну что же, ты не поймал его?

— Нет, — ответил он, — потому что он начал подниматься, но еще немного, и я схватил бы его. Но, может быть, будет лучше, если я влзу (в пещеру) сверху, — добавил он. И тогда он снова попытался войти, уже сверху, но когда он был почти внутри и были видны только его пятки, как вдруг огромная гора соскользнула и медленно упала на его грудь. И Сипакна никогда уже не возвратился; он был превращен в камень.

Вот каким образом Сипакна был полностью повержен двумя юношами, Хун-Ахпу и Шбаланке. Он был старшим сыном Вукуб-Какиша, и по старинному преданию он был тем, кто создал горы.

У подножья горы, называемой Меауан, был побежден он. Только из-за магического искусства (юношей) был он побежден, второй из надменных. Остался еще один, и теперь мы расскажем о нем.

Глава 9

Третьим из надменных был второй сын Вукуб-Какиша, и имя его было Кабракан.

— Я тот, кто ниспровергает горы, — говорил он.

Но Кабракан был также побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Хуракан, Чипи-Какулха и Раша-Какулха говорили и сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— Пусть будет также побежден и второй сын Вукуб-Какиша. Таково наше неизменное пожелание, потому что нехорошо, что они существуют на земле, возвеличивая свою славу, свое величие и свое могущество больше, чем солнце. Так не должно быть! Завлеките его туда, где поднимается солнце, — сказал Хуракан двум юношам.¹

— Хорошо, почтенный владыка, — ответили они, — потому что мы видим, что это дурно. Разве не существуешь ты; ты, кто есть жизнь, ты, Сердце небес? — сказали юноши, когда они слушали повеление Хуракана.

А между тем Кабракан занимался тем, что тряс горы. При самом легком ударе его ноги о землю большие и малые горы раскрывались. Так юноши нашли его и спросили Кабракана:

— Куда же ты идешь, юноша?

— Никуда, — ответил он, — я здесь двигаю горы и сравниваю их навсегда с землей, — добавил он.

Затем Кабракан спросил Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А что вы пришли сюда делать? Я не знаю ваших лиц! Как ваши имена? — спросил Кабракан.

— У нас нет имени, — ответили они, — мы не что иное, как стрелки из выдувных трубок² и охотники с клеевыми ловушками для птиц на горах. Мы бедны, и у нас нет ничего, юноша. Мы лишь бродим по горам, большим и малым, как и ты, о юноша. Только что мы видели огромную гору, вот там, где ты видишь розовеющее небо. Она действительно поднимается очень высоко и превышает вершины всех (других) гор. Она так (высока), что мы не смогли поймать даже одну или двух птиц на ней, о юноша. Но это правда, что ты можешь сравнять все горы? — спросили Кабракана Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Вы действительно видели гору, о которой вы говорите? Где она? Вы тогда увидите сами, что я ниспровергну ее. Где вы ее видели?

— Она вот там, где поднимается солнце, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, идите впереди, покажите мне дорогу, — сказал он двум юношам.

— Ох, нет, — ответили они, — ты должен идти между нами; один пойдет слева от тебя, а другой — справа от тебя, потому что у нас выдувные трубки и если будут птицы, мы сможем стрелять в них.

И, довольные, они отправились, пробуя свои выдувные трубки. Но когда они стреляли из них, они не клали глиняных шариков в дуло выдувной трубки. Вместо этого они сбивали птиц только дуновением воздуха, когда стреляли в них, и это очень удивляло Кабракана.

Затем юноши разожгли огонь и начали жарить на нем своих птиц. Но спинку одной из них они натерли мелом; белой землей покрыли они ее.

— Мы дадим ему это (кушание), — сказали они, — чтобы пробудить его аппетит тем запахом, который оно издает. Эта наша птица будет его гибелью. Как мы покрываем эту птицу землей, так же мы сведем его в землю и погребем его в земле. Велика будет мудрость сотворенных существ, существ созданных, когда наступит заря, когда будет свет, — сказали юноши.

— Так как для человека естественно хотеть откусывать и проглатывать, то сердце Кабракана пожелает пищи, — говорили Хун-Ахпу и Шбаланке друг другу.

Между тем, птицы жарились, они начинали становиться золотистыми, а жир и сок, капавший с них, распространяли приятный запах. Кабракану очень захотелось съесть их; они наполнили его рот водой: он зевал, а слюна и пена текли (из его рта) из-за запаха, который издавали птицы.

Тогда он спросил их:

— Что это вы там едите? Запах, который доходит до меня, действительно замечателен. Дайте-ка мне маленький кусочек! — сказал он им.

Тогда они дали Кабракану птицу, ту самую, которая должна была быть его гибелью. И когда он кончил есть ее, они отправились по направлению к востоку, где была большая гора. Но руки и ноги Кабракана уже полностью ослабели, и он не имел силы, потому что спинка птицы, которую он съел, была натерта землей. Он не мог ничего сделать с горами и был бессилен сокрушить их.

Тогда юноши связали его; они связали ему руки, они укрепили его руки за спиной; они связали его ноги. Затем они бросили его на землю и похоронили его в ней.

Вот каким образом Кабракан был побежден Хун-Ахпу и Шбаланке. Но невозможно было бы поведать о всех делах, которые они совершили здесь на земле.

Теперь мы расскажем о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке, предварительно сообщив о поражении Вукуб-Какиша, Сипакны и Кабракана здесь на земле.

ЧАСТЬ II

Глава I

Теперь мы назовем имя отца Хун-Ахпу и Шбаланке. Полумрак скрывает его голову, и в полумраке находится все то, что сообщается и повествуется о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Мы расскажем только лишь половину ее, только часть того, что рассказывается об их предках.

Вот повествование (о них); вот имена: Хун-Хун-Ахпу (и Ву-

куб-Хун-Ахпу)¹, как назывались они. Родителями их были Шпий-акок и Шмукане. В ночи были рождены² ими, Шпийакоком и Шмукане. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И вот Хун-Хун-Ахпу породил двух детей, и это были сыновья: первый носил имя Хун-Бац, а второй — Хун-Чоуэн.³

Мать этих двух сыновей именовалась Шбакийало; так называлась жена Хун-Хун-Ахпу.⁴ Что же касается другого сына, Вукуб-Хун-Ахпу, то он не имел жены; он был одинок.

По природе своей эти два сына были очень мудрыми, и великим было их звание; они были предсказателями здесь на земле, и дела и привычки их были прекрасны.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн, сыновья Хун-Хун-Ахпу, имели навыки и способности ко всему. Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, ювелирами, серебряных дел мастерами, — всем этим были Хун-Бац и Хун-Чоуэн.⁵

И вот Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу не занимались ничем, кроме игры в кости⁶ и мяч в течение целого дня, а когда они сходились все четверо вместе для игры в мяч, то одна пара играла против другой.

И Вок,⁷ посланник Хуракана, посланник Чипи-Какулха и Раша-Какулха, приходил туда, чтобы наблюдать их (игру). Не далека для этого Вока ни поверхность земли, ни преисподняя Шибальбы. В одно мгновение он может унести на небо и быть около Хуракана.

(Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу) пребывали еще здесь, на земле, когда умерла мать Хун-Баца и Хун-Чоуэна.

И вот, когда они играли в мяч, на дороге, которая вела в Шибальбу, они были услышаны владыками Шибальбы⁸ Хун-Каме и Вукуб-Каме.⁹

«Что это такое? Что происходит там, на земле? Кто эти, что заставляют дрожать землю и вызывают столько смутения? Подите и позовите их! Пусть они придут играть в мяч сюда! Здесь мы победим их! Эти (создания) уже более не почитают нас! У них нет более ни почтения, ни уважения к нашему положению, и они даже занимаются своими причудами над нашими головами», — восклицали все владыки Шибальбы.

Тогда они, все вместе, собрались на совет. Те, которые назывались Хун-Каме и Вукуб-Каме, были высшими судьями. Всем владыкам были назначены свои обязанности, и каждому из них Хун-Каме и Вукуб-Каме дали свою, соответствующую ему власть.

Там были Шикирипат и Кучумакик, владыки с такими именами.¹⁰ Они были те двое, которые причиняют кровотечение у людей.

Там были другие, назывались они Ах-Альпук и Ах-Алькана, тоже владыки.¹¹ И их делом было заставлять людей пухнуть, чтобы из их ног изливался гной, и окрашивать их лица в желтый цвет, что называется чуканаль.¹² Вот над чем владовали Ах-Альпук и Ах-Алькана.

Там были также владыка Чамиабак и владыка Чамиахолом, жезлоносцы Шибальбы, чьи посохи были из чистой кости.¹³ Их делом было заставлять людей чахнуть, пока от них не оставалось ничего, кроме черепа и костей и тогда они умирали, потому что живот у них приклеивался к позвоночнику. Вот что было делом Чамиабака и Чамиахолома, как именовались эти владыки.

Там были также владыка Ах-Альмес и владыка Ах-Альтокоб; их делом было приносить людям несчастья, когда те находились перед своим домом или позади него, — так, чтобы их нашли израненными, распростертыми, с лицом, уткнувшимся в землю, мертвыми. Вот над чем владычествовали Ах-Альмес и Ах-Альтокоб, как именовались эти (владыки).¹⁴

Там были, наконец, владыки по имени Шик и Патан.¹⁵ Их делом было заставлять людей умирать на дороге — то, что называется внезапной смертью, — заставляя кровь устремиться к их горлу, пока они не умирали, изрыгая кровь. Делом каждого из этих владык было наброситься на них, сжать их горло и сердце, чтобы хлынула у них горлом кровь во время пути. Вот над чем владычествовали Шик и Патан.

И вот собрались они на совет, и решили совместно, что должно преследовать и мучить Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-хун-Ахпу, чтобы сделать их уступчивыми. Но в действительности то, чего домогались владыки Шибальбы, было другим. Снаряжения для игры в мяч Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу — их наколенников из кожи, нашейников, перчаток, головных уборов и масок, — всего того, что было игральными принадлежностями Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу, — (вот чего добивались они).

Теперь мы расскажем о их путешествии в Шибальбу, и как они оставили после себя двух сыновей Хун-Хун-Ахпу: Хун-Баца и (Хун)-Чоуэна, мать которых была уже мертва. А в конце мы расскажем и о том, как Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Глава 2

Тотчас по повелению Хуна-Каме и Вукуба-Каме (перед ними) предстали посланные.

— Отправляйтесь, мужи совета, — сказали они. — Идите и позовите Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу. Скажите им: «Идемте с нами. Владыки говорят, что они должны придти. Они должны придти сюда поиграть с нами в мяч, чтобы сделать нас счастливыми, так как мы поистине изумлены ими». Поэтому они должны придти к нам, — сказали владыки. — И пусть они принесут с собой свое снаряжение для игры,¹ их нашейники, их перчатки, и пусть также они принесут и свой каучуковый мяч, — говорили владыки. — Скажите им, чтобы они пришли как возможно скорей! — так повелели они своим посланцам.

А эти посланные были совы: Чаби-Тукур, Хуракан-Тукур, Ка-

киш-Тукур и Холом-Тукур.² Таковы были имена посланников Шибальбы.

Чаби-Тукур был быстр, как стрела, Хуракан-Тукур имел только одну ногу, но у него были крылья; Кикиш-Тукур имел красную спину и крылья, а у Холом-Тукура имелась только голова, ног не было, но имелись крылья.

Эти четыре посланных имели достоинство ах-поа-ачиха.³ Оставя Шибальбу, они быстро прибыли, принеся свое послание в то здание, где Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу играли в мяч, в здание для игры в мяч, которое называлось Ним-Шоб-Карчах. Совы-посланники направились прямо в здание для игры в мяч и передали свое поручение точно, так, как оно было дано им Хун-Каме, Вукубом-Каме, Ах-Альпухом, Ах-Альканой, Чамиабаком, Чамиахоломом, Шикирипатом, Кучумакиком, Ах-Альмесом, Ах-Альтоком, Шиком и Патаном, как назывались те владыки, которые послали поручение с совами.

— Действительно ли владыки Хун-Каме и Вукуб-Каме сказали, что мы должны идти с вами?

— Они определенно сказали так, и мы будем сопровождать вас. «Пусть принесут они с собой все их снаряжение для игры», — сказали владыки.

— Хорошо! — сказали (юноши). — Подождите нас, мы только сходим проститься с нашей матерью.

И вот они направились прямо домой и сказали своей матери, потому что отец их был уже мертв:

— Мы уходим, мать наша, но уходим только на время. Посланники владык пришли, чтобы взять нас. «Они должны придти как возможно скорей», — сказали (владыки); так передали нам их посланцы. Мы оставим здесь наш каучуковый мяч в качестве заложника, — добавили (братья).

И они немедленно пошли и повесили его в углублении крыши дома, там, где находилась ниша. «Мы возвратимся и будем потом играть», — сказали они.

И подойдя к Хун-Бацу и Хун-Чоуэну, они сказали им: «играйте на прекрасной флейте и пойте прекрасно, занимайтесь живописью и резьбой по камню, согревайте наш дом и согревайте сердце вашей бабушки!».

Когда они прощались со своей матерью, Шмукане очень огорчилась и горько заплакала. «Не печалься, мы уходим, но мы еще не умерли», — сказали Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, когда они покидали ее.

Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу отправились немедленно, и посланные шествовали впереди них по дороге. И вот они начали спускаться по дороге в Шибальбу по очень крутым ступеням. Они спускались вниз до тех пор, пока не подошли к берегу постоянно изменявшейся реки, быстро текущей между двумя склонами узкого ущелья, называвшимися Нусиван-куль и Кусиван, и переправились через нее. Затем они пересекли местность с очень изменчи-

вой рекой, которая текла среди колючих тыквенных деревьев. Там было очень много тыквенных деревьев, но они прошли между ними, не причинив себе вреда.

Затем они подошли к берегу другой реки, реки из крови, и пересекли ее, но не пили из нее воды, они только перебрались на другой берег, и поэтому они не были побеждены. А затем они подошли к другой реке, реке целиком из гноя; но она не принесла им вреда; они прошли снова беспрепятственно.

(Братья) двинулись дальше, пока они не пришли на место, где соединялись четыре дороги, и здесь, на этом перекрестке четырех дорог, они были настигнуты судьбой.

Одна из этих четырех дорог была красная, другая — черная, третья — белая и последняя — желтая. И черная дорога сказала им: «меня, меня должны вы избрать, потому что я — дорога владыки», — так сказала дорога.

И в этом месте они были уже побеждены. Они приняли эту дорогу, дорогу к Шибальбе, и когда (братья) прибыли на место совета владык Шибальбы, они уже потеряли в игре.

И вот, первыми, кого они увидели там, были сидящие деревянные куклы, изготовленные обитателями Шибальбы. (Братья) приветствовали их первыми: «Привет, Хун-Каме!» — сказали они деревянной кукле. — «Привет, Вукуб-Каме!» — сказали они другому деревянному изображению. Но те не отвечали. Немедленно владыки Шибальбы разразились хохотом, и все другие владыки начали громко смеяться, потому что они смотрели на Хун-Хун-Ахпу и Вукуба-Хун-Ахпу, как на уже обессиленных, как на уже побежденных. Вот почему они продолжали смеяться.

Тогда Хун-Каме и Вукуб-Каме заговорили. «Хорошо», — сказали они, — «вот вы прибыли. На завтра приготовьте маску, ваши нашейники и перчатки», — прибавили они.

«Подойдите и сядьте на нашу скамью», — сказали они. Но скамья, которую они предложили (братьям), была из раскаленного камня, и когда они сели на нее, то они обожглись. Они начали извиваться на скамье, но не находили себе никакого облегчения. Конечно, они вскочили со скамьи, но седалища их были обожжены.

Владыки Шибальбы снова разразились хохотом; они умирали от смеха; они корчились от боли в своих сердцах, в своей крови и в своих костях, причиненной им смехом. Так смеялись все владыки Шибальбы.

«Теперь идите к этому дому», — сказали они, — там вы получите ваши смолистые лучины и ваши сигары и там вы будете спать».

Немедленно прибыли они в «Дом мрака». Внутри него была только тьма. А пока они были там, владыки Шибальбы обсуждали, что они должны предпринять.

«Давайте принесем их в жертву завтра, пусть они умрут быстро-быстро, так, чтобы мы могли пользоваться их игральным снаряжением при игре в мяч», — говорили владыки Шибальбы друг другу.

А лучинами у них были липкие от крови каменные ножи; они назывались «сакиток» — так называлась сосна Шибальбы. Обоюдоострой была и их игра в мяч; каждое мгновение их кости могли быть расчленены; роковой могла быть для них игра в мяч с владыками Шибальбы.

Итак, Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вошли в «Дом мрака». Там им были даны их смолистые лучины, единственная зажженная лучина, которую Хун-Каме и Вукуб-Каме послали им, вместе с зажженной сигарой для каждого, которые послали им владыки. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу сидели в темноте, совершенно скорчившись, когда вошел (посланец) с лучинами и сигарами. Лучины ярко осветили помещение, когда он передавал (слова владык):

«Каждый из вас имеет горящую лучину и сигару; приходите на заре и принесите их обратно. Вы не должны сжигать их, но вы должны возвратить их целыми, в том же виде, что и сейчас, — вот что поручили сказать мне владыки».

Так было сказано им. И этим (братья) были побеждены. Они сожгли лучины, и они также искурили сигары, которые были даны им.

Многие места испытаний имелись в Шибальбе; и испытания были многих видов.

Первое — это «Дом мрака», Кекума-Ха, в котором была только непроглядная тьма.

Второе было Шушулим-Ха, так он именовался; дом, где каждый дрожал, в котором было невозможно холодно. Ледяной невыносимый ветер дул внутри.

Третье — было «Дом ягуаров», Балами-Ха, как его называли, в котором не имелось ничего, кроме ягуаров, которые толпились, теснились друг к другу от отчаяния, рычали и щелкали зубами. Ягуары были заперты в этом доме.

Цоци-Ха, «Домом летучих мышей», называлось четвертое помещение для испытаний. Внутри этого дома не было ничего, кроме летучих мышей, которые пищали, кричали и летали везде и всюду. Летучие мыши были заперты внутри и не могли вылететь наружу.

Пятое называлось Чайим-Ха, «Дом ножей», в котором были только сверкающие заостренные ножи, предназначенные то к покою, то к уничтожению (всего находящегося) здесь, в этом доме.

В Шибальбе было много мест для испытаний, но Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-хун-Ахпу не входили туда. Мы должны были только упомянуть здесь названия этих домов для испытаний.

Когда Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хуб-Ахпу появились перед Хун-Каме и Вукуб-Каме, эти им сказали: «Где же мои сигары? Где моя смолистая лучина, которая была дана вам на прошлую ночь?».

— Они все кончились, владыка!

— Хорошо. Сегодня будет концом ваших дней. Теперь вы умрете. Вы будете уничтожены, мы разорвем вас на куски, и здесь

будут спрятаны ваши лица. Вас принесут в жертву! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме.

Они немедленно принесли (братьев) в жертву и погребли их; они были погребены в месте, называемом Пукбаль-Чах. Перед их погребением (владыки Шибальбы) отрезали голову Хун-Хун-Ахпу и похоронили лишь тело старшего брата вместе с младшим братом.

«Возьмите его голову и поместите ее на дереве, находящемся около дороги», — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме. И когда туда пришли и поместили голову Хун-Хун-Ахпу среди ветвей дерева, оно, никогда раньше не приносившее плодов, внезапно покрылось плодами. И это тыквенное дерево — так оно зовется — и есть то самое, которое мы теперь называем головой Хун-Хун-Ахпу.

С изумлением смотрели Хун-Каме и Вукуб-Каме на плоды этого дерева. Круглые плоды виднелись повсюду, но Хун-Каме и Вукуб-Каме не могли распознать, где голова Хун-Хун-Ахпу; она была совершенно подобна другим плодам тыквенного дерева. Так это казалось всем обитателям Шибальбы, когда они пришли посмотреть на него вблизи.

Они единодушно решили из-за того, что произошло, когда они поместили среди его ветвей голову Хун-Хун-Ахпу, что дерево это — волшебное. И владыки Шибальбы сказали:

«Пусть никто не смеет срывать эти плоды! Пусть никто не смеет подходить близко и садиться под этим деревом!» — сказали они. Так владыки Шибальбы решили держать в стороне (от дерева) всякого.

Голову Хун-Хун-Ахпу более уже нельзя было узнать, потому что она стала по виду совершенно подобной плоду тыквенного дерева. Тем не менее об этом говорилось очень много, и одна девушка услышала этот чудесный рассказ. Теперь мы расскажем об ее прибытии (к этому дереву).

Глава 3

Вот рассказ о девушке, дочери владыки по имени Кучумакик.

До этой девушки, дочери владыки, также дошел рассказ об этом. Имя отца было Кучумакик, а имя девушки — Шкик.¹ Когда она услышала рассказ о плодах на дереве, который постоянно рассказывал ее отец, она, слушая это, была очень изумлена.

«Почему я не могу пойти посмотреть на это дерево, о котором они столько говорят, — воскликнула девушка. — Я уверена, что плоды, разговоры о которых я (постоянно) слышу, должны быть очень вкусными».

И вот, (девушка) пошла совершенно одна и приблизилась к подножью дерева, росшего в Пукбаль-Чах.

— Ах, — воскликнула она, — что это за плоды, растущие на этом дереве? Разве не удивительно видеть, как это покрыто плода-

ми? Разве не вкусны эти плоды? Неужели я умру, неужели я погибну, если сорву один-единственный из этих плодов? — сказала девушка.

Тогда череп, находившийся среди ветвей дерева, заговорил и сказал:

— Что ты хочешь от (дерева)? Эти круглые предметы, покрывающие ветви дерева, всего лишь черепа. — Так говорила голова Хун-Хун-Ахпу, обращаясь к девушке. — Ты, может быть, хочешь их? — добавила она.

— Да, я хочу их! — ответила девушка.

— Хорошо, — сказал череп. — Протяни ладонь своей правой руки сюда! Посмотрим!

— Пусть будет! — сказала девушка, выдвигая свою руку и протягивая ее прямо к черепу.

В этот момент череп выронил несколько капель слюны прямо в девичью ладонь. Она быстро и внимательно посмотрела на свою руку, но слюны, упавшей из черепа, на ее ладони уже не было.

— В моей слюне и влаге я дал тебе потомство, — сказал голос из дерева. — Теперь моя голова не нужна больше ни для чего; она только лишь череп без плоти. Таковы и головы великих владык, ибо только плоть есть то, что дает им приятный вид. И когда они умирают, люди пугаются при виде их костей. Такова же природа их сыновей, которая подобна влаге и слюне; их жизненная сущность, будь то сын владыки, сын мудреца или оратора. Они не теряют своей сущности, когда отходят, но завещают ее. Образ владыки, почтенного мудреца или оратора не должен исчезнуть или быть искоренен; он остается в тех дочерях и сыновьях, которых он порождает. Так должно быть! То же самое я сделал с тобой. Поднимись же на поверхность земли; ты не умрешь. Верь словам моим. Да будет это так! — сказала голова Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу.

И все то, что они сделали вместе, было воистину совершенно по повелению Хуракана, Чипи-Какулха и Раша-Какулха.

После этого девушка возвратилась прямо домой, и много забот легло на нее. Она немедленно зачала сыновей в своем теле силою только слюны. Вот каким образом были порождены Хун-Ахпу и Шбаланке.

Итак, девушка возвратилась домой, и после того, как прошло шесть месяцев, ее отец, именовавшийся Кучумакик, заметил ее положение. И тогда девушка вспомнила (слова, сказанные ей головой Хун-Хун-Ахпу), потому что даже ее отец увидел, что она ожидает потомства.

И тогда все владыки и Хун-Каме и Вукуб-Каме собрались на совет с Кучумакиком.

— Моя дочь действительно ждет ребенка, владыки, она беременна из-за чистого распутства, — воскликнул Кучумакик, когда он появился перед владыками.

— Хорошо, — сказали они, — вырви признание из ее рта, и ес-

ли она откажется говорить, накажи ее. Пусть она будет уведена далеко отсюда и принесена в жертву.

— Хорошо, почтенные владыки, — ответил он.

И тогда спросил Кучумакик у своей дочери:

— От кого эти дети, которых ты носишь в чреве, дочь моя?

А она ответила:

— У меня нет ребенка, почтенный отец мой, потому что я не знала еще лица мужчины.

— Хорошо, — сказал он, — так ты, значит, действительно блудница. Возьмите ее и принесите ее в жертву, почтенные мужи, принесите мне ее сердце в тыквенной чаше; в этот же день оно должно трепетать в руках владык, — приказал он совам.

Четыре посланца взяли тыкву и отправились в путь, неся юную девушку на своих плечах. Они взяли с собой также и сверкающий каменный нож, предназначенный для ее заклания.

И она сказала им:

— Нет, не может быть, чтобы вы убили меня, о вестники, ведь то, что я ношу в чреве своем, — это не от бесчестия, а оно зародилось, когда я пошла подивиться на голову Хун-Хун-Ахпу, ту, что в Пукбаль-Чах. Вот поэтому вы не должны приносить меня в жертву, о вестники! — сказала девушка, обращаясь к ним.

— А что мы положим вместо твоего сердца? Так приказал нам твой отец: «Принесите ее сердце; владыки будут вертеть его так и сяк; им будет любопытно (смотреть) на него; они будут смотреть все вместе, как оно будет гореть. Итак, принесите ее сердце в чаше возможно быстрее, ее сердце, лежащее на дне чаши». Может быть, он не говорил так нам? Но что положим мы тогда в тыквенную чашу? Мы тоже хотим, чтобы ты не умерла, — сказали посланцы.

— Хорошо, но мое сердце не принадлежит им. Ни дом ваш не должен находиться здесь, ни вы не должны быть принуждаемы ими силой, чтобы убивать людей. Наступит время, воистину, когда действительные распутники будут в ваших руках, а в моих руках Хун-Каме и Вукуб-Каме. Им должна принадлежать только кровь и только череп;² вот что будет отдано им. Никогда мое сердце не будет сожжено перед ними. Да будет так! Соберите то, что даст вам это дерево, — сказала девушка.

Красный сок, хлынувший из дерева, полился в чашу; и тотчас же он загустел и из него образовался комок; он блестел и имел форму сердца. Дерево дало сок, подобный крови, имевший вид настоящей крови. Тогда кровь, или лучше сказать кровь красного дерева, сгустилась и образовала очень широкий блестящий слой внутри чаши, подобный свернувшейся крови. Так это дерево стало прославленным из-за девушки; оно называлось раньше «красное дерево кошенили»,³ но (с той поры) оно получило имя «дерево крови», потому что сок его называется кровью.

— Вы будете теперь очень любимы, и все, что есть на земле, будет принадлежать вам, — сказала девушка совам.

— Хорошо, девушка. Итак, мы сейчас исполним приказанное (нам, а затем) укажем тебе дорогу туда, наверх, ты же продолжай свой путь как можно быстрее. Мы же пойдем и предъявим это изображение, эту замену вместо твоего сердца, владыкам, — сказали вестники.

Когда они появились перед владыками, все ожидали их с нетерпением.

— Кончили ли вы? — спросил Хун-Каме.

— Все кончено, владыки мои. Вот здесь на дне чаши находится ее сердце.

— Хорошо! Давайте посмотрим! — воскликнул Хун-Каме. И схватив его кончиками своих пальцев, он поднял сердце; оболочка разорвалась, и заструилась блестящая кровь, ярко-красного цвета.

— Разожгите огонь и приложите его на уголья, — приказал Хун-Каме. Как только они бросили его на огонь, обитатели Шибальбы начали принюхиваться и пододвинулись ближе к нему. Им очень нравилось благоухание, исходившее от сердца.

А в то время, пока они сидели и пристально смотрели на (огонь), совы скрылись и показали девушке путь, и она радовалась, что поднимается из подземных глубин на поверхность земли. Совы же, указав ей путь, возвратились назад.

Так владыки Шибальбы были побеждены девушкой, они все были поражены слепотой.

Глава 4

И вот, Хун-Бац и Хун-Чоуэн находились со своей матерью дома, когда (туда) пришла женщина, именовавшаяся Шкик.

Когда женщина Шкик появилась перед матерью Хун-Баца и Хун-Чоуэна, она уже носила сыновей в своем животе, и это было незадолго перед тем, как Хун-Ахпу и Шбаланке, как они звались, должны были быть рождены. Когда женщина прибыла к старице, она сказала ей: «Я пришла, мать моя, я — твоя невестка и твоя дочь, о почтенная моя мать». Она сказала это, когда вошла в дом старицы.

— Откуда ты пришла? Где мои сыновья? Может быть, они не умерли в Шибальбе? Разве ты не видишь этих двух, оставшихся, их порождение и их кровь, зовущихся Хун-Бацем и Хун-Чоуэном? И тем не менее ты приходишь? Иди отсюда! Прочь! — закричала старица на девушку.

— И все же то, что я говорю — истина. Я — твоя невестка, и была таковой уже долгое время. Я принадлежу Хун-Хун-Ахпу. Они живы в том, что я ношу. Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу вовсе не мертвы; то, что они сейчас невидимы, — это великий их подвиг. А ты — моя свекровь. И ты скоро с любовью увидишь их образ в том, что я приношу тебе, — сказала она старице.

Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн рассердились. Они ничего не дела-

ли, а только играли на флейте и пели, рисовали и занимались резьбой по камню в течение всего дня и были утешением для сердца старицы.

Тогда старица сказала:

— Я не желаю, чтобы ты была моей невесткой, потому что то, что носишь ты в своем чреве, — это плод твоего бесчестья. А потому, ты обманщица; мои сыновья, о которых ты говоришь, давно мертвы.

Неожиданно старица добавила:

— То, что говорю я тебе, — истина, но пусть ты моя невестка, согласно тому, что я слышала. Иди тогда, принеси пищу для этих, они должны быть накормлены кукурузными лепешками. Иди и собери большую сеть (полную зерна) и возвратись сразу же, потому что ты — моя невестка, согласно тому, что я слышу, — сказала она девушке.

— Хорошо, — ответила девушка, и она сразу отправилась на кукурузное поле, которое было засеяно Хун-Бацем и Хун-Чоуэном. Дорога также была устроена и расчищена ими: девушка пошла по ней и так пришла на поле. Но она нашла там только один стебель кукурузы, не два или три. И когда увидела только один стебель с одним лишь початком на нем, у девушки сжалось сердце.

— Ох, так я в самом деле грешница? Ох, несчастливая я! Откуда же я соберу полную сеть зерна, как мне было приказано ею? — воскликнула она.

Немедленно начала она молить Чахалю о пище, которую она должна была собрать и принести назад.

— Штох, Шканиль, Шкакау,¹ вы, что готовите зерно, и ты, Чахаль, хранитель пищи Хун-баца и Хун-Чоуэна! — воскликнула девушка. И затем она схватила нити, пучок нитей от початков и оторвала их, не повреждая початка. Затем она расположила эти нити в сети, и они превратились в початки кукурузы, и большая сеть была совершенно наполнена.

Девушка возвратилась немедленно; полевые животные шли рядом, неся сеть. Когда они прибыли, то поставили ношу в углу дома, как будто девушка смогла нести ее. Старица подошла и заглянула туда. Увидев большую сеть, наполненную едой, она воскликнула:

— Откуда ты взяла всю эту еду? Может быть, ты растащила все на нашем поле и принесла сюда всю нашу кукурузу?

— Пойду, посмотрю сейчас же, — сказала старица и вышла на дорогу к кукурузному полю. Но единственный стебель кукурузы по-прежнему стоял там; отчетливо было видно и место, где находилась сеть у подножья стебля. Старица быстро возвратилась назад, вошла в свой дом и сказала девушке:

— Это достаточное доказательство, что ты действительно моя невестка. Я увижу теперь твоих малышей, которых ты носишь и которые будут мудрецами, — сказала она девушке.

Теперь мы сообщим о рождении Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь мы расскажем об их рождении.

Когда наступил день их рождения, девушка по имени Шкик родила их, но старица не видела их в лицо, когда они были рождены. Мгновенно были рождены два мальчика, названные Хун-Ахпу и Шбаланке. Здесь, в лесу, появились они на свет.

Потом внесли их в дом, но они не хотели спать.

— Ступай выбрось их! — сказала старица, — ибо поистине они кричат слишком много. — Тогда (Хун-Бац и Хун-Чоуэн) вышли и положили их в муравейник. Там они мирно спали. Тогда они вынули (новорожденных) из муравейника и положили на чертополох.

То, чего желали Хун-Бац и Хун-Чоуэн, это, чтобы (Хун-Ахпу и Шбаланке) умерли в муравейнике или умерли на чертополохе. Они желали этого из-за той ревности и зависти, которую Хун-Бац и Хун-Чоуэн чувствовали к ним.

Сначала они даже отказались принять своих младших братьев в дом; они не хотели признавать их, и поэтому они были воспитаны в лесной чаще.

Хун-Бац и Хун-Чоуэн были великими музыкантами и певцами; они выросли среди испытаний и нужды, и у них было много горя, но они стали очень мудрыми. Они были флейтистами, певцами, художниками и резчиками по камню, все это они знали, как делать.

Они сознавали свое назначение, и они знали также, что они — приемники своих родителей, тех, кто отправился в Шибальбу. Они знали, что их отцы умерли там. Хун-Бац и Хун-Чоуэн были исполнены большого знания, и в своих сердцах они знали все относительно рождения их двух младших братьев. Тем не менее, будучи завистливыми, они не показывали своей мудрости, и их сердца были наполнены злыми желаниями против них, хотя Хун-Ахпу и Шбаланке не обидели их никаким образом.

Эти два (последних) ничего не делали в продолжение всего дня, кроме того что стреляли из выдувной трубки; их не любили ни их бабушка, ни Хун-Бац и Хун-Чоуэн. Им не давали ничего есть; только тогда, когда еда была закончена и кончались есть Хун-Бац и Хун-Чоуэн, тогда приходили поесть младшие (братья). Но они не оскорблялись за это и не приходили в гнев, а переносили все терпеливо, потому что они сознавали свое положение и понимали все совершенно ясно.

Они приносили с собой птиц день за днем, когда приходили, а Хун-Бац и Хун-Чоуэн ели их, не уделяя никакой доли ни одному из них, ни Хун-Ахпу, ни Шбаланке.

Единственно, чем занимались Хун-Бац и Хун-Чоуэн, — это игрой на флейте и пением.

И вот однажды, когда Хун-Ахпу и Шбаланке пришли, не при-

неся на этот раз с собой ни одной птицы, то их бабушка разозлилась, когда вошли они в дом.

— Почему на этот раз не принесли вы птиц? — спросила она Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили:

— Вот что случилось, бабушка. Птицы наши запутались на вершине дерева, а мы не смогли взобраться и достать их, дорогая бабушка. Если наши старшие братья так желают, то пусть пойдут вместе с нами и спустят птиц вниз, — сказали они.

— Хорошо, — отвечали старшие братья, — на заре мы пойдем с вами.

(И когда они это говорили), они шли к своей гибели. Слепотою были поражены они оба, на свою гибель, Хун-Бац и Хун-Чоуэн.

— Мы хотим лишь изменить их природу, их жирную внешность, так, чтобы осуществилось бы наше слово и предсказание, за все страдания и мучения, которые они причинили нам. Они желали, чтобы мы умерли, чтобы мы были уничтожены, мы, их младшие братья. В своих сердцах они действительно считают, что мы созданы быть их служителями. Из-за этих причин мы должны одолеть их и дать им урок. — Так говорили друг другу (Хун-Ахпу и Шбаланке).

Тогда они направились к подножью дерева, называвшегося канте.¹ Их сопровождали два их старших брата, когда они отправились в путь. Тут они начали охотиться своими выдувными трубками. Невозможно было сосчитать птиц, щебетавших на дереве, и их старшие братья удивлялись, видя так много птиц. (Застреленных) птиц было много, но ни одна не упала к подножью дерева.

— Наши птицы не падают на землю. Идите и доставьте их вниз, — сказали (Хун-Ахпу и Шбаланке) своим старшим братьям.

— Хорошо, — ответили (последние).

И тогда они тотчас вскарабкались на дерево, но дерево начало становиться все выше и выше, и ствол его увеличился. Тогда Хун-Бац и Хун-Чоуэн захотели спуститься вниз, но не могли они уже больше спуститься с вершины дерева.

И тогда сказали они с вершины дерева:

— Что случилось с нами, о наши братья? О мы несчастные! Это дерево устрашает нас только при взгляде на него. О наши братья! — воскликнули они с вершины дерева.

А Хун-Ахпу и Шбаланке тогда ответили:

— Распустите ваши набедренные повязки, крепко привяжите их под вашим животом, оставив висящими длинные концы, и потяните их снизу. Таким образом вы легко сможете сойти вниз. — Так сказали им младшие братья.

— Да будет так! — ответили они, оттягивая концы своих поясов назад.

Но в то же мгновение эти концы превратились в хвосты, а они сами стали обезьянами. Тогда они начали скакать по ветвям де-

ревьев, среди деревьев больших и малых гор, а затем они исчезли в лесу, все время гримасничая, крича и качаясь на ветвях деревьев.

Таким способом Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке; и только из-за своего чародейства могли они совершить это.

После этого они возвратились в свой дом, и когда они пришли, они сказали своей бабушке и своей матери:

— Что это могло быть, о наша бабушка, что случилось с нашими старшими братьями, потому что их лица стали грубыми, а они сами неожиданно превратились в зверей? — Так говорили они.

— Если вы чем-нибудь повредили вашим старшим братьям, вы огорчили меня, вы наполнили меня печалью. Не делайте подобных вещей вашим братьям, о (дети) мои, — сказала старица Хун-Ахпу и Шбаланке.

А они ответили своей бабушке:

— Не огорчайся, о наша бабушка. Ты увидишь снова лица наших братьев. Они возвратятся, но это будет трудное испытание для тебя, бабушка. Будь осторожна и не смейся при (взгляде) на них. А теперь давайте испытаем их судьбу, — сказали они.

Немедленно (братья) начали играть на своих флейтах, наигрывая (песню) «Хун-Ахпу-Кой».² Затем они пели, играя на флейте и барабане, схватив свои флейты и барабан. После они уселись рядом со своей бабкой и продолжали играть на флейте; они звали (назад) своих братьев музыкой и песней, произнося нараспев песню, называвшуюся «Хун-Ахпу-Кой».

Наконец, появились Хун-Бац и Хун-Чоуэн и, подходя, начали танцевать; но когда старица взглянула и увидела их безобразные лица, то она стала смеяться. Старица не смогла удержать своего смеха, и они сразу удалились, так что не было больше видно их лиц.

— Ну, вот и все, бабушка! Они ушли в лес. Что ты сделала, наша прародительница? Мы можем сделать эту попытку только четыре раза, и осталось лишь три. Мы попытаемся снова позвать их (сюда) с помощью игры на флейте и песни, но ты постарайся удержать свой смех. Пусть еще раз начинается испытание! — сказали снова Хун-Ахпу и Шбаланке.

И тотчас начали они снова дуть во флейты, и снова (Хун-Бац и Хун-Чоуэн) возвратились; танцуя, они дошли до середины двора дома. Они гримасничали, возбуждая в их бабке такую веселость, что, наконец, она разразилась громким смехом. Они, действительно, были очень забавны с их обезьяньими лицами, их широкими животами, их узкими хвостами, судорожно двигавшимися, чтобы выразить их чувства. Все это заставляло старицу смеяться.

Тогда снова (старшие братья) ушли назад в горы. И сказали Хун-Ахпу и Шбаланке:

— А теперь что мы будем делать, о бабушка? Попытаемся еще раз. Это (уже) третий!

Они снова заиграли на флейте, и те (обезьяны) возвратились, танцуя. Теперь старица смогла удержать свой смех. Тогда они вскарабкались на (главную балку) — самое теплое место в доме; их глаза светились красным светом, они отворачивали прочь свои лица с широкими кривыми ртами и втянутыми губами. Они были очень взволнованы и пугали друг друга гримасами, которые они делали.

И когда старица увидела все это, она разразилась бурным хохотом. И они опять не увидели лиц (старших братьев) из-за смеха старой женщины.

— Только еще раз мы позовем их, бабушка, и они придут в четвертый раз, — (сказали юноши).

Они начали снова играть на флейте, но (их братья) не возвратились в четвертый раз; наоборот, они убежали в лес так быстро, как только могли.

И они (юноши) сказали своей бабушке: «Мы сделали все, что было возможно, о бабушка, они пришли один раз, затем мы пытались еще позвать их снова. Но не печалься! Вот мы здесь, мы твои внуки; ты должна смотреть на нас, о наша мать! О наша бабушка, (мы здесь, чтобы напоминать тебе о наших старших братьях, тех, кого называли и кто имел имена Хун-Баца и Хун-Чоуэна, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

(Хун-Баца и Хун-Чоуэна) призывали игроки на флейте и певцы в древние времена. Художники и мастера резьбы по камню также призывали их в прошедшие дни. Но они были превращены в животных и стали обезьянами, потому что они были высокомерными и оскорбляли своих младших братьев.

Таким путем были опозорены их души; такова была их потеря; таким путем Хун-Бац и Хун-Чоуэн были побеждены и превращены в животных. Они постоянно находились в своем доме, они были музыкантами и певцами и сотворили многое поистине великое, когда жили со своей бабкой и своей матерью.

Глава 6

Тогда (Хун—Ахпу и Шбаланке) начали работать, чтобы их бабушка и их мать думали бы о них хорошо. Первое дело, которое они сделали, было кукурузное поле.

— Мы идем засеять поле, о наша бабушка и мама, — сказали они. — Не печалься, мы здесь, мы, твои внуки; мы займем место наших старших братьев, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Без промедления они взяли свои топоры, свои мотыги и свои большие деревянные копательные палки и отправились в путь, неся каждый на плече свою выдувную трубку. Когда они выходили из дома, они попросили свою бабушку принести им еды.

— Приди точно в полдень и принеси нашу пищу, бабушка, — сказали они.

— Хорошо, внуки мои, — ответила им их бабушка.

Скоро они пришли туда, где хотели устроить кукурузное поле. И когда они просто воткнули мотыгу в землю, она начала обрабатывать землю; она совершала всю большую работу одна.

Таким же образом (братья) вонзали топор в стволы деревьев и ветви, и мгновенно они падали, и все деревья и лианы оказывались лежащими на земле. Деревья падали быстро, от одного удара топора, и образовалась большая поляна.

И мотыга также сделала большое дело. Нельзя было сосчитать, сколько сорных трав и колючих растений было уничтожено одним ударом мотыги. Невозможно было и перечислить, что было вырыто и расчищено, сколько было срезано всех больших и малых деревьев.

Затем (Хун-Ахпу и Шбаланке) приказали птице, называемой Шмукур, горлинке, подняться и усесться на вершине высокого дерева, и Хун-Ахпу и Шбаланке сказали ей: «Сторожи, когда наша бабушка придет с едой для нас, и как только она пойдет, начиная сразу ворковать, а мы схватим мотыгу и топор».

— Хорошо! — ответила горlinka. А они хотели стрелять из своих выдувных трубок; заниматься в действительности устройством кукурузного поля им вовсе не хотелось.

Немного позже горlinka, как ей было приказано, заворковала, и (братья) быстро побежали и схватили один — мотыгу, а другой — топор. Они накрыли свои головы; один из них намеренно загрязнил свои руки землей и тем же самым образом вымазал свое лицо, чтобы выглядеть, как настоящий земледелец, а другой нарочно набросал деревянных щепок на голову, как будто бы он в действительности срубал деревья.

Так их и увидела их бабка. Они сразу же поели, хотя в действительности они не работали в поле и получили пищу, не заслужив ее. Через некоторое время они вернулись домой.

— Мы поистине очень устали, бабушка, — сказали они, возвратившись, и протянули свои руки и ноги перед ее глазами, но без всяких оснований.

(Братья) возвратились на следующий день и, придя на поле, увидели, что все деревья и лианы снова полностью стоят на своих местах, а колючие растения и сорные травы снова перепутались. (Вот что увидели Хун-Ахпу и Шбаланке), когда пришли.

— Кто это сыграл с нами такую штуку? — сказали они.

А совершили это все животные, большие и малые; они сделали это: пума, ягуар, олень, кролик, лисица, койот, дикий кабан,¹ коати, малые птицы и большие птицы — они, вот кто, совершили все это, и за одну только ночь.

И вот (Хун-Ахпу и Шбаланке) начали снова готовить поле для кукурузы и почву и срубать деревья. Они советовались друг с другом, в то время как рубка деревьев и расчистка кустарника шла сама собой.

— Теперь мы прежде всего будем сторожить наше поле, — сказали они друг другу, когда советовались, — может быть, мы смо-

жем захватить тех, кто придет сюда творить все эти разрушения. — Потом они возвратились домой.

— Кто же видел что-нибудь подобное, бабушка? Они зло подшутили над нами. Наше поле, обработанное нами, они превратили в кусок земли, покрытый густыми зарослями и толстыми деревьями. Вот что мы нашли, когда пришли туда немного раньше, бабушка, — сказали они ей и своей матери. — Но мы возвратимся туда и будем сторожить всю ночь, потому что несправедливо, что они совершают против нас такие вещи, — добавили (братья).

Затем они вооружились и снова возвратились на свое поле, к срубленным деревьям, и втихомолку спрятались там, прикрытые темнотой.

Тогда все животные собрались снова, пришли представители каждого рода, все большие и малые животные собрались вместе. Сердце ночи было спокойно, когда они пришли, все говоря между собой, и вот каковы были их слова: «Поднимитесь, деревья! Поднимитесь, лианы». Так говорили они, подходя и собираясь под деревьями и лианами. Наконец, они приблизились и появились перед глазами (Хун-Ахпу и Шбаланке).

Пума и ягуар были первыми, и (Хун-Ахпу и Шбаланке) жаждали схватить их, но (животные) не дались. Затем приблизились олень и кролик, но единственные части их, которые (братья) могли схватить, были их хвосты, их-то они и вырвали. Хвост оленя (и хвост кролика) остались в их руках, и поэтому с тех пор у оленя и кролика такие короткие хвосты.

Ни лисица, ни койот, ни дикий кабан, ни коати не попали в их руки. Все животные прошли перед Хун-Ахпу и Шбаланке, и сердца (братьев) были полны гнева из-за того, что не смогли поймать их.

Но, наконец, появился еще один зверь, отставший от других, и прибежал он, шмыгая то в одну, то в другую сторону. Они мгновенно преградили ему путь и, накинув на него ткань, схватили; это оказалась мышь. Поймав ее, они повернули ей голову назад и попытались задушить ее. Они опалили ей хвост на огне, и с тех пор хвост у мыши, ее хвост всегда безволосый. И глаза у нее всегда (выпучены), потому что юноши, Хун-Ахпу и Шбаланке, пытались ее задушить.

Мышь сказала: «Я не должна умереть от ваших рук. И не ваше это дело — возделывать кукурузные посевы».

— Что ты там такое рассказываешь теперь нам? — спросили юноши мышь.

— Освободите меня немножко, потому что у меня внутри есть кое-что, что желаю сказать вам, и я скажу вам это немедленно, но сперва дайте мне что-нибудь поесть, — промолвила мышь.

— Мы дадим тебе пищу потом, — ответили (братья), — сперва скажи!

— Хорошо! (Узнайте же) тогда, что собственность ваших родителей — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, как назывались они,

тех, кто умерли в Шибальбе, — принадлежащие им вещи для игры в мяч сохранились и висят под крышей дома: их кольца, перчатки и каучуковый мяч. Тем не менее ваша бабушка не хотела показывать их вам, потому что (эти вещи) были причиной, из-за которой умерли ваши родители.

— Ты уверена в этом? — спросили юноши мышь. А сердца их были очень счастливы, услышав о каучуковом мяче. И так как мышь им все теперь рассказала, то они показали ей, что будет ее пищей.

— Вот что будет твоей пищей: кукурузные зерна, белый перец, бобы, паташте² и какао, — все это принадлежит тебе, и если что-либо будет запасено и позабыто, это также будет твоим. Ешь это! — так было сказано мыши Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо, о юноши, — ответила она, — но что будет сказано вашей бабушке, если она увидит меня?

— Не беспокойся, потому что мы здесь и мы подумаем, мы найдем, что сказать нашей бабушке. Идем же! Мы быстро посадим тебя в этом углу дома, а ты сразу же поднимайся туда, где висят эти вещи. Мы же посмотрим на жерди крыши и уделим внимание нашей пище, — сказали они мыши.

И условившись таким образом, после разговора друг с другом в течение ночи, Хун-Ахпу и Шбаланке прибыли (домой) точно к полуденному часу. Когда они пришли, то принесли с собой мышь, но никому не показали ее. Один из них прямо прошел в дом, а другой подошел к кровле и там мышь быстро вскарабкалась наверх.

Тотчас же они попросили у своей бабушке свой обед: «Прежде всего приготовь нам в чаше еду, мы хотим перцовой подливки, бабушка», — сказали они. И тотчас же в чаше была приготовлена для них пища, и горшок с похлебкой был поставлен перед ними.

Но все это было только для того, чтобы обмануть их бабушку и их мать. Осушив кувшин с водой, они сказали:

— Мы поистине умираем от жажды; пойдя и принеси нам пить, — сказали они своей бабушке.

— Хорошо! — сказала она и вышла. Тогда (братья) начали есть, но в действительности они вовсе не были голодны; то, что они делали, была лишь хитрость. Они видели при помощи их перцовой подливки, как мышь быстро побежала к каучуковому мячу, подвешенному к стропилам крыши дома. Видя это в их перцовой подливке, они послали к реке комара с жалом, насекомое, называемое шан, которое подобно москиту, и оно пришло туда и пробуравило бок у кувшина для воды, (который унесла) их бабушка. И хотя она пыталась остановить вытекавшую воду, она никак не могла заделать дыру в кувшине.

— Что там случилось с нашей бабушкой? Иди поскорее к реке, наши рты сухи от жажды, мы умираем от жажды, — сказали они своей матери и послали ее (принести воду). Немедленно мышь перегрызла (веревку, державшую) мяч, и он упал со стропил дома

вместе с кольцами, перчатками и кожаными щитками. (Юноши) схватили их и, выйдя из дома, спрятали на дороге, ведущей к площадке для игры в мяч.

После этого они пошли на берег и присоединились к своей бабушке и своей матери, которые усердно старались заделать дыру в кувшине для воды. Тут прибыли они со своими выдувными трубками и, подойдя к реке, сказали:

— Что же вы делаете? Мы устали (от ожидания) и пришли сюда, — промолвили они.

— Посмотрите на дыру в моем кувшине, которую я не могу заткнуть, — сказала бабушка. Но они тотчас же заделали ее и вместе возвратились домой, идя перед своей бабушкой.

Таким образом был обнаружен каучуковый мяч.

Глава 7

Обрадованные юноши возвратились на площадку для игры в мяч; они принялись за игру и играли там долгое время одни. Они расчистили площадку, где играли их родители.

А владыки Шибальбы услышали их и сказали: «Кто это те, что снова начинают играть над нашими головами и тревожат нас производимым ими шумом? Может быть, не умерли Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу, желавшие возвысить себя перед нами? Идите и сразу же призовите их сюда!».

Так сказали Хун-Каме, Вукуб-Каме и другие владыки. Они тотчас же призвали своих вестников и сказали им: «Отправляйтесь туда и скажите им, когда вы окажетесь там: „Пусть они придут“, — сказали владыки, — мы желаем играть в мяч с ними здесь, через семь дней после сегодняшнего мы желаем играть; так скажите им, когда вы придете (туда)». Так сказали владыки. Таково было (приказание), которое они отдали вестникам.

И они пошли туда по широкой дороге, (проложенной) юношами; она вела прямо к их дому.

Идя по ней, посланцы появились прямо перед бабушкой (и матерью юношей). Они были заняты едою, когда прибыли посланцы из Шибальбы.

— Скажи им, чтобы они пришли, без обмана, так приказали владыки, — сказали вестники Шибальбы. И посланцы Шибальбы указали точный день (прибытия): «В течение семи дней (владыки) будут ожидать их», — сказали они Шмукане.

— Хорошо, посланцы, они придут, как было приказано, — ответила старица. И посланцы отправились в обратный путь.

И тогда сердце старицы исполнилось беспокойством: «Кого же я пошлю позвать моих внуков? Разве не тем же самым образом явились в прошлый раз посланцы Шибальбы, когда они увели родителей (юношей)», — говорила старица и горько плакала, печальная и одинокая в своем доме.

И вдруг с ее одежды упала вошь. Она схватила ее и положила

на ладонь своей руки. Вошь начала двигаться и быстро поползла.

— Доченька моя, не хочешь ли ты, чтобы я послала тебя позвать моих внучат с площадки для игры в мяч, — сказала она вши. — «Исполнители приказаний, посланцы (Шибальбы) пришли к вашей бабушке и сказали ей: „Ты должна позаботиться, чтобы они пришли бы в течение семи дней, пусть придут они“, — вот что сказали посланцы Шибальбы. Это велела мне передать ваша бабушка», — так приказала она вши.

Вошь, послушная приказанию, отправилась тотчас же в путь. На дороге ей повстречался сидевший юноша по имени Тамасул,¹ жаба.

— Куда это ты идешь? — спросила жаба вошь.

— Я несу в своем (животе) послание, я отправилась искать юношей, — отвечала вошь Тамасулу.

— Хорошо, но я вижу, что ты двигаешься недостаточно быстро, — возразила жаба вши, — ты не хочешь, чтобы я проглотила бы тебя? Ты увидишь, как я побегу, и таким образом мы быстро прибудем.

— Прекрасно! — ответила вошь жабе. Тотчас же жаба проглотила ее. И жаба путешествовала долгое время, но шла она без всякой спешки. Затем она встретила большую змею по имени Сакикас.

— Куда это ты идешь, юный Тамасул? — спросила Сакикас жабу.

— Я иду, как посланец, у меня в животе послание, — отвечала жаба змее.

— Я вижу, что ты не можешь двигаться быстро. Может быть, я, я прибуду быстрее, — сказала змея жабе.

— Иди-ка сюда! — прибавила она.

И тотчас же Сакикас в свою очередь проглотила жабу. И с тех пор только это является пищей змей, которые и теперь глотают жаб.

Змея быстро отправилась вперед, но встретила (сокола) Вака, большую птицу. Сокол в свою очередь мгновенно проглотил змею. Вскоре после этого он появился на стене площадки для игры в мяч. С этого времени вот что стало пищей соколов, пожирающих в горах змей.

Прилетев, сокол уселся на карниз стены здания, в котором забавлялись, играя в мяч, Хун-Ахпу и Шбаланке. Усевшись, сокол начал кричать: Вак-ко! Вак-ко! — что обозначало: «Вак здесь! Вак здесь!».

— Кто это там кричит? Давайте-ка сюда наши выдувные трубки! — воскликнули (юноши). Они выстрелили в сокола и попали шариком из выдувной трубки в зрачок глаза. (Сокол) кругами спустился на землю. Они подбежали, быстро схватили его и спросили: «Что ты пришел сюда делать?». Так спросили они сокола.

— Я принес в своем животе послание, — отвечал сокол, — сперва излечите мой глаз, а потом я вам расскажу.

— Прекрасно! — сказали (юноши) и, взяв кусочек от каучукового мяча, с помощью которого они играли, они приложили его к лицу сокола. «Лоцкик»² назвали они (это средство), и мгновенно он выздоровел, сразу же глаз сокола был исцелен полностью.

— Говори теперь! — сказали они соколу. И он немедленно изрыгнул большую змею.

— Говори, ты! — сказали они змее.

— Хорошо! — сказала змея и в свою очередь изрыгнула жабу.

— Где же послание, что ты принесла? Говори! — приказали (юноши) жабе.

— Здесь, в моем животе находится послание, — отвечала жаба.

И немедленно она попыталась, но не могла ничего изрыгнуть; рот ее был наполнен слюной, но ничего из (ее рта) не вышло. Тогда юноши захотели ее побить.

— Ты обманщица! — сказали они.

Они ударили ее ногою в крестец, и кости ее бедер поднялись вверх. Она попыталась снова, но из ее рта снова потекла только лишь слюна. Тогда юноши открыли руками рот жабы и, когда он открылся, заглянули внутрь его. Вошь застряла в зубах жабы; она осталась в ее рту и не была проглочена, а только казалась проглоченной. Так была искалечена жаба, и пища, предназначенная ей, не известна. Она не может бегать и стала (с тех пор) пищей змей.

— Говори, — приказали они вши, и тогда она передала свое послание. «Ваша бабушка сказала мне, о юноши, — иди, позови их сюда; прибыли исполнители приказаний, посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме пришли сказать им, чтобы они отправились бы в Шибальбу. (Посланцы) говорили: они должны явиться туда в течение семи дней, чтобы играть в мяч с нами; они также должны принести свои принадлежности для игры: мяч, кольца, перчатки и кожаные наколенники, чтобы могли забавляться здесь! — сказали владыки. Они (посланцы) действительно приходили, — сказала ваша бабушка. Вот почему я нахожусь здесь. Поистине, ваша бабушка сказала это, и она плачет и скорбит, по этой причине я и пришла (сюда)».

— Неужели это правда, — спросили юноши друг у друга, когда они услышали это. Быстро они побежали домой и добрались к своей бабушке, но они пришли только, чтобы попрощаться с ней.

— Мы должны отправиться в путь, бабушка, мы пришли только попрощаться с тобой. Но мы оставляем здесь знак о нашей судьбе: каждый из нас посадит по тростнику; в середине дома мы посадим его; если он засохнет, то это будет знаком нашей смерти. «Они мертвы!» — скажешь ты, если он начнет засыхать. Но если он начнет пускать свежие ростки снова, — «они живы!», — скажешь ты, о наша бабушка. И ты, мама, не плачь, потому что мы оставляем знак о нашей судьбе. — Так говорили они (бабушке и матери).

И перед отправлением Хун-Ахпу посадил один (тростник), а Шбаланке посадил другой; они посадили их в доме, а не в поле; они посадили их не во влажную почву, а в сухую землю; они посадили (тростники) в середине их дома и затем оставили их.

После этого (братья) отправились в путь, неся каждый свою выдувную трубку, и стали спускаться к Шибальбе. Они быстро сошли вниз по ступеням и пересекли несколько различных потоков и ущелий. Они прошли среди неких птиц, и эти птицы назывались Молай.

Затем они перешли через реку гноя и через реку крови, где они должны были быть уничтожены — так думали люди Шибальбы, — но они не коснулись ее своими ногами; вместо этого они пересекли ее на своих выдувных трубках.

Они вышли оттуда и пришли к перекрестку четырех дорог. Они прекрасно знали, какие дороги (ведут) к Шибальбе: черная дорога, белая дорога, красная дорога и зеленая дорога. Там же они призвали к себе насекомое, москита по имени Шан. Он должен был идти и собрать те сведения, которых они хотели.

— Ужаль их, одного за другим; сперва ужаль сидящего на первом месте, затем ужаль всех их, так как это будет твоим уделом: сосать кровь людей на дорогах, — так было приказано москиту.

— Прекрасно! — ответил москит.

И немедленно он полетел по черной дороге и наткнулся прямо на вырезанных из дерева людей, сидевших первыми и покрытых украшениями. Он ужалил первого, но он не сказал ничего, он ужалил второго, сидевшего, но он также ничего не сказал.

После этого он ужалил третьего, а сидевший третьим был Хун-Каме.

— Ой! — воскликнул он, когда его ужалили. — Ох! — сказал Хун-Каме.

— Что это, Хун-Каме? Кто это тебя ужалил? Не знаешь ли ты, кто тебя ужалил? Ох! — воскликнул четвертый из сидевших (владык).

— В чем дело, Вукуб-Каме? Что тебя ужалило? — спросил в свою очередь пятый из сидевших.

— Ох! Ой! — воскликнул затем Шикирипат. И Вукуб-Каме спросил его:

— Что ужалило тебя?

И когда был укушен сидевший на шестом месте, он закричал: «Ой!».

— Что это, Кучумакик? — спросил Шикирипат. — Что тебя (ужалило)?

А когда был ужален седьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!».

— В чем дело, Ах-Альпукх? — спросил Кучумакик. — Что тебя ужалило?

И когда был ужален восьмой сидевший, он воскликнул: «Ой!».

— В чем дело, Ах-Алькана? — спросил Ах-Альпукх. — Что ужалило тебя?

И когда был ужален девятый из сидевших, он воскликнул: «Ой!».

— Что это, Чамиабак? — спросил Ах-Алькана. — Что тебя ужалило?

И когда десятый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!».

— В чем дело, Чамиахолом? — спросил Чамиабак. — Что тебя ужалило?

И когда одиннадцатый из сидящих был ужален, он воскликнул: «Ой!».

— Что случилось? — спросил Чамиахолом. — Что укусило тебя?

И когда двенадцатый из сидевших был ужален, он воскликнул: «Увы!».

— Что это, Патан? — спросили они. — Что тебя укусило?

И тринадцатый из сидевших воскликнул: «Увы!» — почувствовав, что он ужален.

— В чем дело, Кикшик? — спросил Патан. — Что тебя укусило?

И в этот момент четырнадцатый из сидевших воскликнул, (почувствовав), что он ужален: «Увы!».

— Что укусило тебя, Кикришкак? — спросил Кикре.¹

Таким образом, они называли свои имена, когда они все говорили их один другому. Так они выявили себя, говоря свои имена, называя каждого из владык, одного за другим. И этим способом каждый из сидевших на своем месте сказал имя своего соседа.

Ни одно из этих имен не было упущено. Все сказали свои имена, когда Хун-Ахпу вырвал волосок со своей ноги, ужаливший их всех. Потому что в действительности не москит жалил их; он отправился, чтобы подслушать для Хун-Ахпу и Шбаланке имена всех их.

(Юноши) же, продолжая свой путь, прибыли, наконец, туда, где находились обитатели Шибальбы.

— Приветствуйте владыку, того, кто сидит там! — было сказано им, чтобы обмануть их.

— Это не владыка. Это не более, чем вырезанное из дерева чучело, — сказали они и подошли ближе. И немедленно (юноши) начали почтительно приветствовать их: — привет тебе, Хун-Каме! Привет тебе, Вукуб-Каме! Привет тебе, Шикирипат! Привет тебе, Кучумакик! Привет тебе, Ах-Альпук! Привет тебе, Ах-Алькана! Привет тебе, Чамиабак! Привет тебе, Чамиахолом! Привет тебе, Кикшик! Привет тебе, Патан! Привет тебе, Кикре! Привет тебе, Кикришкак! — говорили они, проходя перед ними. И смотря в их лица, они говорили имена всех, не упустив ни одного-единственного имени из них.

А как желали бы владыки (Шибальбы), чтобы их имена не были раскрыты.

— Садитесь здесь! — сказали они, надеясь, что (братья) сядут на (указанное им) сиденье. Но те не захотели.

— Это не сиденье для нас; это всего лишь раскаленный ка-

мень, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке, и (владыки Шибальбы) не могли обмануть их.

— Прекрасно, тогда идите в этот дом, — сказали (владыки).

И они отправились и вошли в «Дом мрака», но и там они не были побеждены.

Глава 9

Это было первым местом испытаний в Шибальбе. Владыки Шибальбы думали, что когда (юноши) вошли туда, это должно было стать началом их поражения. После того как (юноши) вошли в «Дом мрака», им были немедленно принесены зажженные лучины из смолистой сосны, и посланцы Хун-Каме взяли (с собой) по сигаре для каждого из них.

— Вот сосновые лучины для вас, — говорит владыка — вы должны придти с ними на заре завтрашнего дня, вместе с сигарами; вы должны придти и возвратить их назад целыми, — говорит владыка! — Так сказали посланные, когда они пришли.

— Хорошо! — ответили (юноши).

Но в действительности они не жгли сосновую лучину; вместо этого они поместили на конец их что-то красное: несколько перьев из хвоста красного попугая, а ночная стража приняла их за зажженные сосновые лучины. К концам же сигар они прикрепили огненных червей.

Всю ночь (каждый из обитателей Шибальбы) думал, что (братья) побеждены. «Ха, мы победили их!» — говорила ночная стража. Но сосновые лучины совершенно не были обугленными и выглядели по-прежнему, а сигары не были искурены, и вид их был такой же, как прежде.

Они отправились сообщить (происшедшее) владыкам.

— Что это за люди? Откуда они пришли? Кто зачал их? Кто родил их? Поистине, это заставляет загореться наши сердца, потому что нехорошо для нас то, что они делают. Странны их лица и странно их поведение, — говорили они друг другу. И вскоре все владыки призвали (юношей) к себе.

— Ну, давайте же поиграем в мяч, юноши! — сказали они. И в это же самое время они были спрошены Хун-Каме и Вукубом-Каме:

— Откуда же вы оба пришли? Расскажите-ка нам, о юноши! — сказали им владыки Шибальбы.

— Кто знает, откуда мы пришли! Мы не знаем, — ответили они и не сказали больше ничего.

— Прекрасно. Давайте же играть в мяч, юноши, — сказали им обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — ответили они.

— Давайте-ка используем вот этот наш мяч, — сказали обитатели Шибальбы.

— Никоим образом. Вы будете пользоваться не этим, а нашим, — отвечали юноши.

— Нет, мы не хотим использовать никакого, кроме нашего, — настаивали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно, — сказали юноши.

— Давайте тогда бросим жребий на червяка чиль, — сказали обитатели Шибальбы.

— Нет, вместо этого пусть заговорит голова пумы,¹ — сказали юноши.

— Нет, так не пойдет! — закричали обитатели Шибальбы.

— Хорошо, — сказал Хун-Ахпу.

Тогда владыки Шибальбы схватили мяч, они бросили его прямо на кольцо Хун-Ахпу. Немедленно, в то время как обитатели Шибальбы схватили ручку кремневого ножа, мяч отскочил и запрыгал по полу площадки для игры в мяч.

— Что это такое? — воскликнул Хун-Ахпу и Шбаланке. — Вы желаете убить нас? Может быть, это не вы посылали за нами? И (к нам) приходили не ваши собственные посланцы? Поистине, мы достойны сожаления! Мы сейчас же оставим вас, — сказали им юноши.

А это было именно то, чего желали обитатели Шибальбы: чтобы с ними случилось что-нибудь, чтобы они немедленно умерли бы прямо здесь, на дворе для игры в мяч, и чтобы таким образом они были побеждены. Но этого не случилось, а побеждены были юношами обитатели Шибальбы.

— Не уходите, о юноши, давайте поиграем в мяч, мы будем употреблять теперь только ваш мяч, — сказали они юношам.

— Прекрасно! — ответили (юноши), и затем они прогнали свой мяч через (кольцо обитателей Шибальбы), и этим игра была кончена.

И оскорбленные своим поражением обитатели Шибальбы немедленно сказали: «Что же мы будем делать, чтобы победить их? Надо покончить с ними!». И, обратясь к юношам, они сказали им:

— Подите, соберите и принесите нам завтра рано утром четыре сосуда, наполненных цветами, — так сказали обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! А какой род цветов? — спросили юноши обитателей Шибальбы.

— Букет красного мучита, букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака,² — сказали обитатели Шибальбы.

— Хорошо! — ответили юноши.

(Этим кончился разговор); сильными и уверенными были слова юношей. Но когда они отдавались нависшей над ними опасности, сердца юношей были спокойны.

Владыки Шибальбы были счастливы, думая, что они уже нанесли им поражение.

— Это хорошо мы сделали! Прежде всего, они должны собрать (цветы), — говорили обитатели Шибальбы, — но куда же они пойдут, чтобы получить эти цветы? — спрашивали они в своем сердце.

— Вы, конечно, дадите нам наши цветы завтра, ранним утром, идите тогда срезать их,— сказали обитатели Шибальбы юношам Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Хорошо! — ответили они, — на заре мы снова померимся с вами силами, — сказали они, расставаясь.

И вот после этого юноши вошли в «Дом ножей», второе место испытаний в Шибальбе. (Владыки) желали, чтобы они были изрезаны в куски ножами и были быстро убраны, — так задумали они. Вот, чего желали они в своих сердцах.

Но (юноши) не умерли. Они сразу же заговорили с ножами и сказали им: «Вам будет принадлежать мясо всех животных», — сказали они ножам. И они больше не двигались; все ножи были спокойны.

Так (юноши) провели ночь в «Доме ножей» и, призвав всех муравьев, они сказали им:

— Идите, муравьи-резчики, идите, муравьи с высокими ногами, все вы приходите сюда. Идите же сразу, идите и принесите все виды цветов, которые мы должны собрать для владык.

— Хорошо! — сказали они, и все муравьи направились в путь, чтобы принести цветы из садов Хун-Каме и Вукуба-Каме.

Но (владыки) заранее предусмотрительно предостерегли стражу цветов в Шибальбе:

— О почтенные (стражи), будьте внимательны к нашим цветам, не допускайте, чтобы они были украдены. Правда, юноши уже в нашей власти, а кто же другой может придти, чтобы посмотреть и срезать цветы? Это, конечно, невозможно! Но все же сторожите (их) всю ночь!

— Хорошо! — ответили они.

Но стражи садов не заметили ничего. Понапрасну они кричали посреди ветвей деревьев в саду, повинаясь приказанию. Они были там всю ночь, повторяя одни и те же свои крики и песни.

— Шпурпувек! Шпурпувек! — кричал один, начиная свою песню.

— Пугуйю! Пугуйю! — отвечал другой, когда он хотел петь.

(Пугуйю) — ночными ласточками назывались оба стража садов, садов Хун-Каме и Вукуба-Каме. Но они даже не заметили муравьев, похищавших то, что они охраняли. (Муравьи) полчищами сновали друг за другом, двигаясь туда и сюда и срезая цветы. Они поднимались по деревьям, чтобы срезать цветы, а цветы падали на землю у подножья деревьев и благоухали.

А стражи между тем продолжали прилежно кричать, и они не чувствовали, как зубы (муравьев) отгрызают у них хвосты, отгрызают их крылья.

И муравьи тащили, таким образом, цветы, которые они срезали, и, собирая их с земли, они уносили их в своих зубах.

Быстро наполнили они четыре тыквенных сосуда цветами, влажными (от росы); уже занималась заря. И вот пришли вестники, чтобы вести (братьев). «Скажи им, чтобы они пришли, — ска-

зал владыка, — и принесли сюда сразу же то, что они срезали», — так было сказано юношам.

— Прекрасно, — ответили они.

И юноши отправились, неся цветы в четырех тыквенных сосудах.

А когда они прибыли пред лицо владыки (Шибальбы) и других владык и он взял цветы, приятно было посмотреть на цветы, принесенные ими с собой. И в этом (состязании) обитатели Шибальбы оказались побежденными.

Юноши послали только муравьев (срезать цветы), и в течение одной ночи муравьи срезали их и поместили их в тыквенные сосуды.

Мгновенно разъярились все обитатели Шибальбы, а их лица побледнели из-за этих цветов. Сразу же они послали за стражами цветов:

— Почему допустили вы красть наши цветы? Это ведь наши цветы из нашего сада, те, что мы видим здесь! — сказали они стражам.

— Мы ничего не заметили, владыка. Наши хвосты тоже пострадали, — ответили те.

И тогда (владыки) разорвали их рты в наказание за то, что было украдено то, что им было поручено сторожить. Так Хун-Каме и Вукуб-Каме были побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. И это было начало их деяний. А ночные ласточки получили (такие) клювы; с этого времени рот у них разделен на две части клювом, как и теперь.

Немедленно (все) они отправились играть в мяч и сыграли опять несколько игр с равными результатами. Тогда они закончили игру и условились играть снова утром следующего дня. Так назначили обитатели Шибальбы.

— Прекрасно! — ответили юноши по окончании (игры).

Глава 10

После этого (юноши) вошли в «Дом холода». Там было невозможно холодно. Дом был заполнен множеством льда; это было настоящее владение холода. Но скоро холод прекратился, потому что юноши зажгли огонь из сосновых сучьев, совсем старых, и заставили холод исчезнуть.

Вот почему они не умерли; они были еще живы, когда началась заря. А обитатели Шибальбы желали, чтобы (юноши) умерли там. Но так не случилось, и когда занялась заря, они были еще полны здоровья. И снова появились исполнители приказаний; снова пришли посланные, чтобы вести их.

— Как же так? Они еще не умерли? — воскликнул повелитель Шибальбы. И вновь они смотрели с изумлением на деяния юношей Хун-Ахпу и Шбаланке.

После этого (юноши) вошли в «Дом ягуаров». Этот дом был

полон ягуарами. «Не кусайте нас! Вот что будет принадлежать вам!» — сказали (братья) ягуарам. И они быстро разбросали перед животными несколько костей, а те с жадностью набросились на кости.

— Ну, теперь-то с ними покончено! Теперь их сердца уже пожраны ягуарами. Наконец-то они побеждены! Теперь их кости переломаны, — так говорили стоявшие на ночной страже, и сердца всех их были счастливы из-за этого.

Но (братья) не умерли. Как обычно, бодрые и здоровые, они вышли из «Дома ягуаров».

— Какого же рода эти люди? Откуда они появились? — спрашивали все обитатели Шибальбы.

После этого юноши вошли в средоточие огня, в «Дом пламени». Внутри этого дома был только бушующий огонь, но они там не сгорели, хотя там все превращались в уголь и пепел. И, как обычно, они были бодрыми и здоровыми, когда занялась заря. А очень хотелось (владыкам Шибальбы), чтобы (братья) быстро погибли там, где они находились. Но не случилось, однако, по желанию обитателей Шибальбы, и в сердцах их погасло мужество.

Тогда они направили (братьев) в «Дом летучих мышей». Ничего, кроме летучих мышей, не было внутри этого дома, дома Камасоца,¹ большого животного. Орудия убийства были у него, как у Чакицами;² они были похожи на закаленные остря. Мгновенно погибали те, кто появлялся пред лицом его.

(Юноши) находились там, но они спали внутри своих выдувных трубок. И те, кто находились в этом доме, не укусили их. И все-таки (братья) должны были сдаться, потому что один из них (был побежден) Камасоцем, спустившимся с неба. Да, он появился, когда они делали следующее.

Летучие мыши совещались друг с другом в течение всей ночи и летали вокруг и шумели: «Килиц, килиц», — говорили они. И так говорили они всю ночь. Но затем они постепенно остановились; летучие мыши совершенно перестали двигаться и затем спокойно повисли на одном из концов выдувной трубки.

Тогда Шбаланке сказал Хун-Ахпу:

— Долго ли еще осталось до наступления зари? Посмотри!

— Долго ли еще? Кто знает? Сейчас я взгляну, — ответил (Хун-Ахпу).

И когда он, горя нетерпением, выглянул из дула выдувной трубки, желая поскорее увидеть восход зари, Камасоц мгновенно срезал его голову, и лишено было головы тело Хун-Ахпу.

Шбаланке спросил снова: «Ну, как? Не занялась ли заря?». — Но Хун-Ахпу был недвижим. «Как? Куда ты ушел, Хун-Ахпу? Что же ты сделал?» — Но он не двигался и продолжал молчать. Тогда опечалился Шбаланке и воскликнул: «Несчастные мы! Мы совершенно уничтожены!».

(Исполнители приказаний) пошли и немедленно повесили голову (Хун-Ахпу) на стене площадки для игры в мяч по специаль-

ному приказанию Хун-Каме и Вукуба-Каме. И все обитатели Шибальбы радовались из-за того, что случилось с головой Хун-Ахпу.

Глава 11

Немедленно (Шбаланке) созвал всех животных, коати и кабана, всех зверей, больших и малых, созвал их в течение ночи и в эту же самую ночь спросил их, какова была их пища.

— Что ест каждый из вас? Что (из пищи) соответствует каждому роду? Ведь я собрал вас для того, чтобы вы могли избрать себе подходящую пищу, — сказал им Шбаланке.

— Очень хорошо, — ответили они. И немедленно каждый отправился выбирать свою (собственную пищу), и все они добрались до цели. Одни отправились взять себе как владение сгнившие деревья, другие отправились взять растение цалик,¹ третьи — камни. Были и такие, что выбрали только землю. Различной была пища (малых) животных и больших животных.

Сзади них ползла покрытая панцирем черепаха, она двигалась, переваливаясь, чтобы также найти свою (пищу). И когда она достигла конца (тела Хун-Ахпу), она превратилась в обманное подобие головы Хун-Ахпу, и в то же самое мгновение были созданы (на ее теле) его глаза.

Много мудрецов спустилось тогда с неба. Вот даже Сердце небес, Хуракан, появился и пребывал там, над «Домом летучих мышей».

Не легко было закончить изготовление лица (Хун-Ахпу), но вышло оно прекрасным: поистине привлекательно выглядел его рот, и он мог даже по-настоящему говорить.

Но уже наступала заря, и начал багроветь край неба.

— Сделай его снова темным, о старец! — было сказано коршуну.

— Да будет так! — сказал старец, и мгновенно он затемнил (небо). «Теперь коршун затемнил его», — говорит народ и теперь (при наступлении зари).

Итак, во время утренней свежести (Хун-Ахпу снова) начал свое существование.

— Хорошо ли это будет, — говорили они, — выглядит ли она подобной (голове) Хун-Ахпу?

— Она очень хороша! — отвечали они. И, правда, казалось, что кость (черепахи) превратилась в настоящую голову.

После этого (братья) начали совещаться друг с другом и согласились. «Не играй в мяч, делай только вид, что ты играешь. Я буду делать все один!» — говорит Шбаланке (Хун-Ахпу).

После этого он отдал свои распоряжения кролику: «(Иди) и поместись над двором для игры в мяч, оставайся там среди выступов карниза, — сказал Шбаланке кролику, — а когда мяч подлетит к тебе, выбегай немедленно, а я сам сделаю все остальное». Так было сказано кролику, когда они давали ему эти приказания.

И вот настал день, а оба (юноши) были веселы и здоровы. Тогда они отправились играть в мяч. Голова Хун-Ахпу же была помещена на стене площадки для игры в мяч.

— Мы победили! — (торжествовали владыки Шибальбы). — Вы опозорили себя! Вы погибли! — говорили им (обитатели Шибальбы). Так они издевались над Хун-Ахпу.

— Сшиби его голову мячом, — говорили они (Шбаланке). Но они не оскорбили его этим, он не обращал ни малейшего внимания на (их насмешки).

Тогда владыки Шибальбы бросили мяч. Он понесся на Шбаланке и упал прямо перед кольцом его на землю. Затем мяч отскочил, быстро пронесся над площадкой для игры в мяч и прыжком достиг выступов карниза.

Тотчас же кролик выскочил (оттуда) и побежал быстрыми прыжками. Все обитатели Шибальбы устремились в погоню за ним. Они бежали за кроликом, шумя и крича. Кончилось тем, что за ним погнались все обитатели Шибальбы, до последнего человека.

А Шбаланке в этот момент овладел (настоящей) головой Хун-Ахпу и, схватив черепаху, поместил ее на стену площадки для игры в мяч. А Хун-Ахпу получил обратно свою настоящую голову. И тогда оба (юноши) были очень счастливы.

А обитатели Шибальбы отправились искать мяч и, найдя его между выступов карниза, начали звать их, говоря:

— Идите сюда! Вот наш мяч! Мы нашли его! — кричали они. И они принесли его.

Когда обитатели Шибальбы возвратились и игра началась снова, они воскликнули: «Что это, кого мы видим?».

А (братья) играли вместе; они снова были вдвоем.

Неожиданно Шбаланке бросил камнем в черепаху, она сорвалась и упала посреди площадки для игры в мяч, разбившись перед (владыками) на тысячу кусков.

— Кто из вас пойдет искать ее? Где тот, кто возьмется принести ее? — сказали обитатели Шибальбы.²

Так владыки Шибальбы были снова побеждены Хун-Ахпу и Шбаланке. Эти (двое) перенесли великие трудности, но они не умерли, несмотря на все свершенное над ними.

Глава 12

Вот сообщение о том, как умерли Хун-Ахпу и Шбаланке. Теперь мы расскажем, что живет в воспоминаниях об их смерти.

(Хун-Ахпу и Шбаланке) были предупреждены о всех страданиях, которым (владыки Шибальбы) желают подвергнуть их, но они не умерли от пыток Шибальбы и не были побеждены всеми хищными животными, имевшимися в Шибальбе.

После этого (братья) послали за двумя провидцами, которые были подобны пророкам; звали их Шулу и Пакам,¹ и были они исполнены мудрости. (И юноши сказали им):

— Возможно, вы будете спрошены владыками Шибальбы относительно нашей смерти, которую они замышляют и приготавливают теперь, потому что мы не умерли, потому что они не смогли победить нас, потому что мы не погибли под их пытками и не были растерзаны зверями. Мы предчувствуем в сердцах наших, что они попытаются убить нас при помощи раскаленного камня. Собрались уже все обитатели Шибальбы, но истина то, что мы не умрем. Поэтому вот наши наставления относительно того, что должны вы сказать (владыкам Шибальбы): если они придут советоваться с вами о нашей смерти и относительно того, как нас можно принести в жертву, что вы скажете им тогда, Шулу и Пакам? Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы выбросим их кости в пропасть?» — «Нет, не будет это хорошо, — скажите им, — потому что после этого вы, конечно, обязательно увидите снова их лица возвращенными к жизни!». Если они спросят вас: «Хорошо ли будет, если мы повесим их на высоких деревьях?» — вы ответите: «Конечно, не будет это хорошо, потому что вы обязательно снова увидите их лица!». И тогда в третий раз они спросят вас: «Может быть, лучше всего будет бросить их кости в стремнину реки?». И если у вас будет спрошено ими все, что говорилось раньше, (вы ответите): «Это будет лучше всего, если они (братья) умрут таким образом; хорошо будет истереть потом их кости на плоском камне, как мелют в муку кукурузные зерна; пусть каждый из них будет измолот по отдельности. Затем бросьте их немедленно в речную стремнину в том месте, где вода с шумом падает вниз, чтобы их (останки) были рассеяны среди малых гор и больших гор». Вот что вы ответите им, когда все то, что мы советовали вам, будет исполнено, — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке. И когда (юноши) отдавали эти приказания, они уже знали относительно своей приближающейся смерти.

И вот был сделан тогда огромный костер с камнем внизу, вроде полуподземной печи; обитатели Шибальбы сделали его и наполнили кучами раскаленной золы.

Вскоре после этого прибыли посланные, которые должны были сопровождать (юношей), посланцы Хун-Каме и Вукуба-Каме.

— Скажите, чтобы они побыстрее пришли. Идите и возьмите юношей. Люди должны собраться там и увидеть, как мы испечем их живьем! — так сказал владыка, о юноши! — возвестили (им посланные). — Хорошо! — отвечали они.

(Братья) быстро отправились и подошли к краю земляной печи. Здесь (владыки Шибальбы) захотели заставить (юношей) участвовать в издевательствах над собой.

— Давайте выпьем нашего опьяняющего напитка и перелетим (над костром) по четыре раза каждый, кто как умеет, о юноши! — было приказано им Хун-Каме.

— Не пытайтесь обмануть нас! — отвечали (братья). — Ила, быть может, мы не знаем о нашей (предстоящей) смерти, о владыки? Так смотрите же!

И обнявшись друг с другом, лицом к лицу, они оба вытянули свои руки, пригнулись к земле и прыгнули в подземную печь. Так они погибли, оба вместе.

Все обитатели Шибальбы были исполнены радости, они всюю кричали, раскрыв рты, всюю свистели и восклицали: «Вот теперь-то мы победили их! И поистине не так уж легко они сдались!».

Немедленно они позвали Шулу и Пакама, которым (братья) дали свои наставления, и подробно расспросили их, что нужно сделать с костями (погибших).

Затем обитатели Шибальбы, после того как спросили судьбу, смололи кости (юношей) и бросили их в речную стремнину. Но кости не удалились далеко; они тотчас опустились на речное дно и превратились снова в прекрасных юношей. И когда они появились опять, у них были те же самые лица и облик.

Глава 13

На пятый день (Хун-Ахпу и Шбаланке) появились снова и были увидены в воде людьми.¹ Оба они имели вид людей-рыб, когда обитатели Шибальбы видели их. И они охотились (за братьями) по всей реке.

А на следующий день они явились, как два бедняка с очень старыми лицами, жалким видом и в лохмотьях; ничего привлекательного не было в их наружности. Так они были увидены всеми обитателями Шибальбы.

И они совершали самые различные деяния. Они исполняли танец ночной ласточки, двуутробки,² танец броненосца, а в особенности танцевали «сороконожку» и танец на ходулях.

Кроме того, они совершали многочисленные чудеса. Они сжигали дома, как будто они горели в действительности, и тотчас восстанавливали их снова. Многие обитатели Шибальбы в изумлении смотрели на них.

Наконец, они умышленно разрезали друг друга на куски; они убили друг друга. Тот, кто первый дал себя убить, распростерся и лежал, как мертвый, и в то же мгновение (другой) возвращал его к жизни. Обитатели Шибальбы смотрели в удивлении на все, что они делали, а они совершали это, как начало своей победы над обитателями Шибальбы.

Слово об их представлениях дошло, наконец, до ушей владык Хун-Каме и Вукуба-Каме. Когда они услышали это, они воскликнули: «Кто эти два бедняка? Они действительно доставляют так много удовольствия?».

— Да, поистине прекрасны их танцы и все, что они совершают, — ответил тот, кто принес эти известия владыкам. Услышав о таком искушении, (владыки) послали своих посланных позвать (пришельцев): «Скажите им, чтобы они поскорее пришли сюда, скажите им, чтобы они пришли и мы могли бы видеть, что они делают, чтобы мы могли удивляться им и оказать им внимание, —

так сказали владыки. Так вы должны возвестить им», — вот что было сказано посланным.

Они сразу же направились к танцовщикам и передали им послание владык.

— Мы не можем желать этого, — (сказали юноши), — потому что поистине мы устыжены. И как же мы можем не стыдиться появиться в доме владык? Ведь наши лица поистине отвратительны. Разве наши глаза не жадны из-за нашей крайней нищеты? Разве вы не видите, что мы всего-навсего лишь бедняки-танцовщики? Что скажем мы нашим товарищам по бедности, которые еще не пришли с нами и хотят принять участие в наших танцах, порадоваться вместе с нами? Как можем мы исполнять наши танцы без них перед владыками? Вот по какой причине мы не хотим идти, о вестники! — сказали Хун-Ахпу и Шбаланке.

Наконец, с потупленными лицами, выражая явное нежелание, горечь и глубокую печаль, они отправились; но через некоторое время вновь отказались идти, и вестники били их много раз по лицам, когда они вели (братьев в дом) владыки.

И вот, прибыли они к владыкам, боязливые и со склоненными головами; они подошли и простерлись, они выказывали почтительность и смирение. Они выглядели слабыми и оборванными, и облик их был действительно внешностью бродяг, когда они прибыли.

Их немедленно спросили об их родине и об их народе; они спросили их также об их матери и их отце.

— Откуда вы идете? — спросили их (владыки).

— Мы совершенно ничего не знаем, владыка! Мы не знали лиц нашей матери и нашего отца; и были очень малыми, когда они умерли, — ответили они и не сказали ни слова больше.

— Хорошо! Теперь исполняйте ваши штуки, чтобы мы могли дивиться на вас. Что вам для этого требуется? Мы удовлетворим ваши пожелания, — было сказано им.

— Мы ничего не желаем, но мы поистине очень испуганы, — ответили они на это владыке.

— Не бойтесь ничего и не стыдитесь! Танцуйте! И изобразите прежде всего, как вы убиваете друг друга, а затем сожгите мой дом, делайте все, что вы умеете делать. Мы будем дивиться на вас; этого желают наши сердца. Итак, быстро (принимайтесь) за дело, бедные создания; мы дадим вам все, что вы пожелаете, — говорили они им.

Тогда они начали петь и танцевать. Все обитатели Шибальбы прибыли и собрались, чтобы видеть их. И они исполнили все танцы: они станцевали «двуутробку», они станцевали «ночную ласточку» и они станцевали «броненосца».

И тогда владыка сказал им: «Разрежьте мою собаку на части, и пусть она будет снова возвращена вами к жизни», — так приказал он им.

— Да будет так! — ответили они и разрезали собаку на кусочки. Затем сразу же они возвратили ее снова к жизни. И собака во-

истину была полна радости, когда она была возвращена к жизни, и виляла хвостом, когда (братья) оживили ее.

И тогда владыка сказал им: «Сожгите же теперь мой дом!». Так он приказал им. Сразу же они подожгли дом владыки, и хотя все владыки собрались там, внутри дома, они все же не были обожжены. Быстро они сделали его снова целым, и ни на одно мгновение дом Хун-Каме не был разрушен.

Все владыки (Шибальбы) веселились; они даже танцевали сами (от восторга), и это доставило им много удовольствия.

Тогда им было приказано владыкой:

— Теперь убейте человека, принесите его в жертву, но не допускайте, чтобы он умер, — так было сказано им.

— Очень хорошо! — ответили они.

И, схватив одного человека, они быстро принесли его в жертву. А затем они вырвали у него сердце и высоко (подняли) его, чтобы все владыки могли видеть (сердце).

И снова Хун-Каме и Вукуб-Каме были восхищены. Мгновение спустя человек был возвращен к жизни (братьями), и его сердце было исполнено бурной радости, когда он воскрес.

Владыки были удивлены.

— Принесите теперь в жертву друг друга, пусть мы увидим это, — сказали владыки, — наши сердца поистине жаждут такого представления от вас!

— Очень хорошо, о наш повелитель! — ответили они.

И тогда они приступили к жертвоприношению друг друга. Вот Хун-Ахпу был принесен в жертву Шбаланке; одна за другой его руки и его ноги были несколькими кусками отрезаны от (туловища), его голова была отрублена от его тела и унесена прочь; его сердце было вырвано из его груди и брошено на (ветви) растения цалик. Все владыки Шибальбы были опьянены (этим зрелищем). Они хотели только одного: только смотреть на представление, которое устроил Шбаланке.

— Встань! — воскликнул он, и мгновенно (Хун-Ахпу) возвратился к жизни. Тогда (братья) были очень счастливы, счастливы были и владыки. Действительно, то, что совершали они, наполняло восторгом сердца Хун-Каме и Вукуб-Каме, и они чувствовали себя так, как будто они сами совершали все это.

Тогда их сердца наполнились желанием и стремлением раскрыть загадку представлений Хун-Ахпу и Шбаланке; и у Хун-Каме и Вукуб-Каме вырвались слова:

— Сделай то же самое с нами! Принеси в жертву нас! — сказали они. — Разрежьте нас на куски, одного за другим! — сказали Хун-Каме и Вукуб-Каме Хун-Ахпу и Шбаланке.

— Очень хорошо! После этого мы возвратим вас снова к жизни. Разве существует для вас смерть? Ведь мы те, кто обязан доставлять вам развлечения, а вы — повелители над вашими сыновьями и подданными, — сказали они владыкам.

И случилось так, что они принесли в жертву первым того, кто

был предводителем владык, того, кого звали Хун-Каме, повелителя Шибальбы.

И когда Хун-Каме был мертв, они схватили Вукуб-Каме, и они не возвратили ни того, ни другого снова к жизни.

Обитатели Шибальбы бежали, как только они увидели, что оба их владыки убиты и расчленены на куски. А это было сделано (братьями), чтобы покарать их. В одно мгновение был убит главный владыка, и они не вернули его снова к жизни.

А один из владык смирился и явился перед лицами танцовщиков. Они не открыли его, и они не нашли его.³ «Пощадите меня!» — сказал он, когда он пришел в чувство.

Все сыновья и подданные (владык Шибальбы) бежали в глубокое ущелье, и все они собрались одной огромной толпой в этой узкой, глубокой пропасти. Там они собрались огромной толпой, и полчища муравьев пришли туда и нашли их и вытеснили их из ущелья. Так (муравьи) гнали их по дороге, и когда они вернулись назад (в Шибальбу), то простерлись (перед победителями) и сдались. Они все покорились и когда приходили, то горько плакали.

Вот таким образом было сокрушено владычество Шибальбы. Только чудесами и своими превращениями смогли (братья) совершить все это.

Глава 14

Немедленно (Хун-Ахпу и Шбаланке) объявили свои имена и были превознесены перед всеми обитателями Шибальбы.

— Слушайте наши имена, которые мы вам назовем! Мы скажем вам также и имена наших отцов. Мы сами, мы Хун-Ахпу и Шбаланке, — вот наши имена. А имена наших отцов — тех, кого вы убили, — Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. Мы — те, кого вы видите здесь, — мстители за пытки и страдания наших отцов. Вот причина, почему мы негодуем за все злое, что вы свершили по отношению к ним. Поэтому мы положим конец всем вам, мы умертвим вас, и ни один из вас не сможет ускользнуть, — сказали они.

Все обитатели Шибальбы сразу же пали на колени, умоляя:

— Пощадите нас, Хун-Ахпу и Шбаланке! Действительно, мы провинились перед вашими отцами, как вы говорите, и они погребены в Пукбаль-Чак, — сказали они.

— Хорошо! Вот наш приговор, который мы возвещаем вам. Слушайте его, вы все, обитатели Шибальбы. Поскольку ни ваша великая мощь, ни ваше племя более не существует и поскольку вы не заслуживаете пощады, то вы займете низкое положение, не будете вам оказывать больше почестей. Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить ваше время в изготовлении глиняных горшков и сковородок и камней для перемола кукурузы. Только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они бу-

дут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печалей, изменники, отдающиеся порокам, — вот те, кто будет приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей (для жертвоприношений); помните, что ваше положение теперь низкое!

Так говорили они всем обитателям Шибальбы.

Так началось разрушение их величия и их печали, хотя их и призывали еще потом. Не велико было их могущество и в былые дни. Им нравилось лишь причинять людям злое в те времена. В действительности и в те дни они не принадлежали к разряду богов. Кроме того, их страшные лица вызывали у людей ужас и отвращение. Они порождали только распри и несчастья. Они подстрекали к злу, к греху и к разногласиям.

Они были также фальшивы сердцем, черные и белые в одно и то же время, завистливые существа и угнетатели, согласно тому, что говорилось о них. Кроме того, они раскрашивали свои лица и мазали их жиром.

Вот таким образом они потеряли свое величие и свой блеск; так произошло падение их владычества.

И это свершили Хун-Ахпу и Шбаланке.

Между тем бабушка плакала и печалилась перед посаженными и оставленными ими тростниками. У тростников этих сперва появились побеги и они зазеленели, но затем засохли. Когда же (братья) бросились в подземную печь, (тростники) засохли снова. Тогда бабушка зажгла огонь и сожигала благовония перед тростниками в память своих внучат. И сердце бабушки исполнилось радости, когда тростники зазеленели вторично. Бабушка оказывала им почести, как богам, и называла их «Центром дома», «Никах» назывались они.¹

«Зеленые тростники, растущие на равнинах», — вот было их имя. И они назывались «Центром дома» и «Центром», потому что (Хун-Ахпу и Шбаланке) посадили тростники в самой середине дома. И тростники были названы «зелеными тростниками, растущими на равнинах», потому что (братья) посадили их в выровненную землю.

Их также называли «зеленые тростники», потому что они зазеленели. Эти имена были даны им Шмукане, даны тем (тростникам), которые посадили Хун-Ахпу и Шбаланке, чтобы они напоминали бы о них их бабушке.

Итак, их отцами, умершими давным-давно, были Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахпу. (Хун-Ахпу и Шбаланке) теперь увидели лица своих отцов здесь, в Шибальбе, и их отцы разговаривали со своими потомками, с теми, кто победил (владык) Шибальбы.

А вот как их отцы были почтены ими. Вукуб-Хун-Ахпу они почтили следующим образом: они отправились почтить его в Пукбаль Чах.

Прежде всего им хотелось, чтобы возникло его изображение, и поэтому он был спрошен о его голосе и обо всем: о его рте, его

носе и его глазах. Они обнаружили его голос, но он мог свершить лишь очень немногое. Он мог только что-то произносить; его рот не мог назвать по имени своего брата-близнеца; он только лишь что-то лепетал.

А сердце их отца, которое оставалось лежать там, — которое оставалось лежать там, в Пукбаль-Чах, — почтили они таким образом: «Пусть будут призывать тебя, да будет так! — сказали ему его сыновья, когда они утешали его. — Прежде всего, вы должны стать почитаемыми, и вам первым будут молиться порождения света, сыновья света. Ваши имена не будут никогда забыты! Да будет так! — говорили они своему отцу и этим утешали его сердце. — Мы — отмстители за вашу смерть, за вашу гибель, за страдания и печаль, которая была причинена вам».

Таковы были их слова прощания, когда они уже полностью победили всех обитателей Шибальбы.

Тогда они удалились от них и поднялись наверх, в средоточие света; в одно мгновение они были подняты на небо. Одному было дано Солнце, другому — Луна. Тогда осветился свод небес и лицо земли. Теперь они обитают на небесах.

И вот, тогда четыреста мальчиков, убитых Сипакной, также поднялись (на небо); они снова стали товарищами (братьев) и обрatiлись в звезды на небе.

часть III

Глава 1

Здесь вот начало (рассказа о том), как было решено создать человека и как искали то, что должно было войти в плоть человека.

И Великая мать и Великий отец, Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, как гласят их имена, говорили: «Приближается время зари; так пусть наша работа будет закончена и пусть появятся те, кто должен нас питать и поддерживать, порождения света, сыновья света; пусть появится человек, человечество на лице земли!» — Так говорили они.

Они собрались, сошлись вместе и совещались в темноте и в ночи, и вот они искали и обсуждали, и здесь они размышляли и думали. Таким образом их намерения убедительно подошли к ясному решению; и они искали и открыли, что должно войти в плоть человека.

Это было еще перед тем, как солнце, луна и звезды появились над головами Создательницы и Творца.

Из Пашиля, из Кайала, как именовались (эти страны), появились желтые початки кукурузы и белые початки кукурузы.

Вот имена животных, доставивших эту пищу: лисица, койот, попугай и ворона. Эти четыре животных принесли известия о жел-

тых початках кукурузы и о белых початках кукурузы. Они сказали (Создательнице и Творцу), что они должны идти в Пашиль, и они показали им дорогу в Пашиль.

И так они нашли пищу, и это было то, что вошло в плоть сотворенного человека, созданного человека, это была его кровь, из этого была создана кровь человека. Так вошла кукуруза в (сотворение человека), по желанию Великой матери и Великого отца.

И вот тогда они были исполнены радости, потому что они нашли такую прекрасную страну, полную удовольствий, изобилующую вкусными початками желтой кукурузы и вкусными початками белой кукурузы; изобилующую также прекрасным паташте и семенами какао. Нельзя и перечислить, сколько там было деревьев сапоте, кавуэш,¹ хокоте, тапаль, матасано,² какое множество меда. Там было изобилие восхитительной пищи, в этих селениях, именовавшихся Пашиль и Кайала. Там была пища всякого рода, малая пища и большая пища, малые растения и большие растения. И дорога к ним была показана животными.

И тогда, размолот початки желтой кукурузы и початки белой кукурузы, Шмукане изготовила девять напитков, и из этой пищи пришла сила и плоть, и из кукурузы были созданы мускулы и сила человека. Вот что сделали Великая мать и Великий отец, Тепеу и Кукумац, как именовались они.

После этого они начали беседовать о сотворении и создании нашей первой матери и отца; только из желтой кукурузы и из белой кукурузы они создали плоть; из кукурузного теста они создали руки и ноги человека. Только тесто из кукурузной муки пошло на плоть наших первых отцов, четырех людей, которые были созданы.

Глава 2

Вот имена первых людей, которые были сотворены и созданы: первый человек был Балам-Кице, второй — Балам-Ахаб, третий — Махукутах, а четвертый был Ики-Балам.

Таковы имена наших первых матерей и отцов.

Было (уже) сказано, что только лишь они были созданы и сотворены, не имели они матери, не имели они отца. Только лишь они одни могли исключительно называться людьми.¹ Они не были рождены женщиной и не были зачаты, как сыновья, Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом. Только чудом, только средствами заклинаний они были сотворены и созданы Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом, Тепеу и Кукумацем.

И так как они имели внешность людей, (то) они были люди; они говорили и вели беседы, они хорошо видели и слышали, они ходили, брали вещи руками; они были хорошими и красивыми людьми, и их фигура была человеческой фигурой.

Они были наделены проницательностью; они видели, и их

взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли.

Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая (даже) попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились.

Великая была мудрость их, их зрение достигало лесов, скал, озер, морей, гор и долин. Поистине они были изумительными людьми, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам!

Тогда Создательница и Творец спросили их: «Что вы думаете о вашем состоянии? Не видите ли вы? Не слышите ли вы? Не хороша ли ваша речь, так же как (ваша) походка? Смотрите тогда! Созерцайте все, что находится под небом, посмотрите, как появляются горы и долины! Попытайтесь же это увидеть!» — сказали они (первым людям).

И немедленно они увидели полностью все, что существовало в этом мире.² Тогда они воздали благодарность Создательнице и Творцу: «Поистине воздаем мы вам благодарность тысячу раз. Мы стали людьми, нам даны рот и лицо, мы говорим, мы слышим, мы думаем и ходим, мы совершенно чувствуем, и мы знаем, что находится и далеко и что находится близко. Мы видим также большое и малое в небе и на земле. Мы воздаем вам благодарность поэтому за то, что вы сотворили и создали нас, о Создательница и Творец, за то, что вы дали нам существование, о наша Праматерь, о наш Праотец!» — говорили они, воздавая благодарность за сотворение и создание их.

Они были способны познать все, и они исследовали четыре угла неба, четыре точки неба, свод небес и внутренность земли.

Но Создательница и Творец слышали эту (благодарность) с неудовольствием. «Это нехорошо, что говорят наши создания, наши творения; они знают все: большое и малое!» — сказали они.

И поэтому Великая мать и Великий отец устроили совет снова: «Что же мы будем делать с ними теперь? Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немного на лице земли! Это нехорошо, то, что они говорят. Разве они по своей природе не простые создания нашего творения? Разве они тоже должны стать божествами? А что если они не будут рождать и умножаться, когда наступит заря, когда поднимется солнце? И что (будет), если они не умножатся? — так говорили они. — Давайте немного сдержим их желания, потому что нехорошо это, что мы видим. Разве они должны быть равными нам, своим творцам, кто может видеть далеко, кто знает все и видит все?».

Так говорили друг другу Сердце небес, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Создательница и Творец. Так они говорили, и немедленно изменили природу своих созданий, своих творений.

Тогда Сердце небес наваял туман на их глаза, который покрыл облаком их зрение, как на зеркале, покрытом дыханием. Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко, только это было ясно видимо для них.

Таким образом была потеряна их мудрость, и все знание четырех людей, происхождение и начало (народа киче) было разрушено.

Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли.

Глава 3

Тогда получили существование их жены, и были созданы для них женщины. Еще раз божество осуществило свое намерение. И они появились во время (их) сна. Поистине прекрасными были женщины, находившиеся рядом с Баламом-Киче, Баламом-Акаб, Махукутахом и Ики-Баламом.

Их женщины находились там, когда они пробудились, и сердца их мгновенно были наполнены радостью при виде их жен.

Вот имена их жен: Каха-Палуна именовалась жена Балама-Киче, Чомиха была женою Балама-Акаба, Цунуниха именовалась жена Махукутаха, и Какишаха было именем жены Ики-Балама.¹ Таковы были имена их жен, и они были владычицами.

Они зачали людей, (людей) малых племен и больших племен, и они были началом нас самих, нас — народа киче.

Много было владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, их было не только четыре; но эти четыре были нашими праматерями, (праматерями) народа киче.

Различны были имена каждого (народа), когда они умножились там, на востоке, и имелось много названий народов: тепеу-оломан,² кохах, кенеч, ахау, как именовались эти люди там, на востоке, где они умножились.

Известно также начало людей тама и людей илока, которые пришли вместе оттуда, с востока.

Балам-Киче был праотцем и отцом девяти великих домов Ка-века; Балам-Акаб был праотцем и отцом девяти великих домов Нимхаиба; Махукутах — праотец и отец четырех великих домов Ахау-Киче.

Существовало три объединения родов,³ и они никогда не забывали имя своего праотца и отца, тех, кто распространялся и умножался там, на востоке.

Таким же образом пришли люди тама и илока. С тринадцатью ветвями народов, тринадцатью из Текпана, (пришли они), а также люди Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха, а также захаха и ламаха, кумац, тухальха, учабаха, люди из Чумилаха, люди из Кибаха, из Батенаба, люди акуль, баламиха, канчачель и балам-коль.

Это только лишь главные племена, ветви народов, которые мы

упоминаем; мы будем говорить только об этих главных. Многие другие еще пришли из каждой части главного населения, но мы не будем писать их имена. Они также умножались там, на востоке.

Возникло великое число людей, и в темноте они множились: не были рождены еще ни солнце, ни свет, когда они умножались. Они все жили вместе, существовали и блуждали там, на востоке.

И не было у них (божества), которому они должны бы были приносить жертвенные дары и (искать) покровительства; они могли лишь поднимать свои лица к небу. И они не знали, почему они пришли так далеко, как (это) они сделали.

Там находились тогда в большом количестве черные люди и белые люди, люди с разной внешностью, люди столь многих наречий, что удивительно было слушать их.

Разные люди существуют под небом; имеются люди пустынь, лица которых никто никогда не видит, которые не имеют домов, они только блуждают, как помешанные, по малым горам и большим горам, поросшим лесами. Так рассказывали те, кто презирал этих людей пустынь; так рассказывали те, кто сами были там, на востоке.

Все они имели только одно и то же наречие. Они не зывали ни к дереву, ни к камню, но они хранили в памяти слово Создательницы и Творца, Сердца небес и Сердца Земли.

Вот таким образом они говорили, когда они хранили в сердцах мысль о наступлении зари. И они слагали свои молитвы, наполненные словами любви, полные любви, послушания и страха. Они поднимали лица к небу, когда просили себе дочерей и сыновей:

— О ты Создательница, о ты Творец! Посмотри на нас, внемли нам! Не прогоняй нас прочь, не устраивай нам препятствий, о божество, сущее в небесах и на земле, Сердце небес, Сердце земли! Дай нам наших потомков, наше последование, пока будет двигаться солнце и будет свет. Пусть наступит заря, пусть придет день! Дай нам много хороших дорог, ровных дорог! Пусть у людей будет мир, много мира, и да будут они счастливы! Дай нам хорошую жизнь и полезное существование! О ты, Хуракан, Чипи-Какулха, Раша-Какулха, Чипи-Нанауак, Раша-Нанауак,⁴ Вок, Хун-Ахпу, Тепеу, Кукумац, Великая мать и Великий отец, Шпийакок, Шмукане, Праматерь солнца, Праматерь света, пусть наступит заря, пусть придет день.

Так говорили они, когда они высматривали и призывали, полные ожидания, восход солнца, наступление дня. И в то же самое время они выслеживали утреннюю звезду, великую звезду, что движется перед солнцем. А солнце — пожар, освещающий небеса и землю, — озаряет шаги людей, созданных и сотворенных.

Глава 4

И Балам-Киде, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сказали: «Давайте спокойно подождем наступления дня!». Так говорили эти

великие умные люди, мудрецы, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Так было сказано ими.

Наши первые матери и отцы еще не хранили (изображений богов) ни из дерева, ни из камней, и их сердца устали от ожидания солнца. Уже были очень многочисленными все племена и между ними народ йаки, а также владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений.

— Давайте пойдем, давайте пойдем, осмотрим все и поищем, нет ли чего, что мы могли бы признать, как наших покровителей. Не сможем ли мы найти то, что должно гореть перед нами. Ибо так, как мы живем теперь, мы не имеем никого, кто бы бодрствовал для нас, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

И, услышав о городе, они отправились туда.

И вот, имя того места, куда отправились Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам и люди (народов) там и илок, было Тулан-Суйва, Вукуб-Пек, Вукуб-Сиван.¹ Таково было имя города, куда они отправились, чтобы получить своих богов.

Итак, они все прибыли в Тулан. Невозможно было сосчитать (число) людей, которые (туда) прибыли; туда отправились очень многие, и странствовали они, построившись в ряды.

Тогда было появление богов, и первыми (появились боги) Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, а они были исполнены радости: «Наконец-то нашли мы то, чего искали!» — говорили они.

Первым появившимся был (бог) Тохиль, как именовался этот бог, и Балам-Кице положил его на спину, на свою раму. Затем появился бог по имени Авилиш, и Балам-Акаб унес его. Бог по имени Хакавиц был унесен Махукутахом, а Ики-Балам унес бога по имени Никакахтахках.

И таким же образом вместе с народом киче получили (свое божество) и люди тама. И вот почему Тохиль было имя бога у людей тама, кого получили праотцы и отцы владык тама, которых мы знаем еще и теперь.

На третьем месте были люди илока. Имя бога, которого получили праотцы и отцы этих владык, которых мы знаем еще и теперь, было также Тохиль.

Таким образом, трем (группам) киче были даны их имена, и они не разделялись, потому что они имели бога с одним и тем же именем: Тохиль у киче, Тохиль у тама и (Тохиль) у илока; только одно было имя бога, и с тех пор эти три (группы) киче не разлучались.

Велики, воистину, были бытие и сущность этих трех: Тохиль, Авилиша и Хакавица.

Затем прибыли все (другие) народы: люди из Рабиналя, какчикели, люди из Цикинаха и народ, который теперь носит название йаки. И там изменилась речь народов; их языки стали различными. Они уже не могли больше ясно понимать то, что слышали друг от друга, после того как прибыли в Тулан. Там же они и раздели-

лись: были такие, кто отправился на восток, но большинство пришло сюда.

И одеяниями их были только лишь шкуры животных; они не имели хороших тканей, чтобы одеться; шкуры животных были их единственной одеждой. Они были бедны, они не владели ничем, но они были людьми, дивными по своей природе.

Когда они прибыли в Тулан-Суйву, Вукуб-Сиван — как говорится в старых сказаниях, — их странствования, пока они добрались до Тулана, были очень продолжительными.

Глава 5

И они не имели еще огня. Только народ Тохиль имел его. Он был богом племен, который первый создал огонь. Неизвестно, как он был создан, потому что он уже ярко горел, когда Балам-Кице, Балам-Акаб увидели его.

— Увы! Мы не имеем еще огня! Мы умрем от холода! — говорили они.

И тогда Тохиль сказал им: «Не беспокойтесь! Ваш это огонь, о котором вы говорите, что он недоступен для вас», — сказал им Тохиль.

— Это действительно так? О ты, наш бог, ты наша поддержка, ты, кому мы приносим жертвы, ты наш бог! — говорили они, благодаря его.

И Тохиль ответил:

— Хорошо! Конечно, я ваш бог. Да будет так! Я — ваш владыка, да будет так! — так сказал Тохиль владыкам страха перед богом и устроителям жертвоприношений. И таким образом племена получили огонь и были рады по причине этого.

Внезапно начался сильный ливень. Масса града выпала на головы всех племен, и огонь был потушен из-за града; только что приобретенный огонь снова исчез.

Тогда Балам-Кице и Балам-Акаб снова попросили Тохиль об огне. «О Тохиль, мы воистину умираем от холода», — сказали они Тохилью.

— Хорошо, не печальтесь, — ответил (им) Тохиль, и сразу же он создал огонь, пробуравив свою сандалию.¹

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам сразу же стали счастливы и немедленно согрелись.

И вот, огонь у (других) народов тоже погас, и они умирали от холода. Они немедленно пришли еще раз просить огня у Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутах и Ики-Балама. Они не могли больше переносить ни холода, ни града; они дрожали, и зубы их стучали; они совершенно оцепенели и были едва живы; их руки и ноги тряслись, и они не могли ничего держать в них, когда они пришли.

— Мы не устыдились придти к вам и попросить немного вашего огня, — сказали они. Но они не получили ничего в ответ. И тогда сердца племен были очень опечалены.

— Речь Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама отлична (от нашей). Увы! Мы потеряли нашу речь! Что мы сделали? Мы погибли! Как же мы были обмануты? Мы имели только одно наречие, когда мы прибыли туда, в Тулан; в одном и том же месте мы были сотворены и стали людьми. Нехорошо это, что мы сделали, — говорили все племена под деревьями, под лианами.

Тогда некий человек появился перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом, и (этот человек), который был посланником Шибальбы, сказал им так: «Поистине это ваш бог; он — ваша поддержка, он, кроме того, подобие вашей Создательницы и вашего Творца и должен напоминать вам о них. Не отдавайте вашего огня племенам, пока они не представят приношений Тохилю. Но необходимо, чтобы они дали что-нибудь вам (сейчас). Вопросите самого Тохилья, что они должны дать, когда они придут, как цену за огонь», — сказал (человек) из Шибальбы. Он имел крылья, подобные крыльям летучей мыши.

«Я послан теми, кто вас сотворил, теми, кто вас создал», — сказал (человек) из Шибальбы.

Они тогда исполнились веселья, а Тохиль, Авилиш и Хакавиц были очень обрадованы в своих сердцах, когда человек из Шибальбы сказал это. И затем он мгновенно исчез из их глаз.

Но племена не погибли, они пришли, хотя и умирали от холода. Много было града, шел черный дождь, был туман и неописуемый холод.

И они подошли, каждое племя дрожало и ежилось от холода, когда они приблизились туда, где были Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Велика была опустошенность их сердец, их рты были крепко сжаты, а взоры потуплены.

Сразу же они, как нищие, появились перед Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом и сказали: «Неужели у вас нет сострадания к нам; ведь мы только просим немного от вашего огня? Разве мы не были (когда-то) вместе и объединенными? Разве мы не имели один и тот же дом и одну и ту же страну, когда вы были сотворены, когда вы были созданы? Имейте же тогда к нам милосердие!» — сказали они.

— Что же вы дадите нам за то, чтобы мы над вами жались? — было спрошено у них.

— Хорошо! Мы дадим тогда вам серебро, — отвечали племена.

— Мы не хотим серебра! — сказали на это Балам-Кице и Балам-Акаб.

— А что же именно вы хотите? — (спросили племена).

— Это мы должны сперва узнать, — (сказали Балам-Кице и Балам-Акаб).

— Очень хорошо! — сказали племена.

— Мы спросим у Тохилья и тогда мы ответим вам, — добавили (Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам).

После этого они задали Тохилю вопрос:

— Что должны дать племена, о Тохиль? Те, кто пришел к нам

просить твоего огня? — так спросили Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам.

— Хорошо! Согласны они отдать то, что находится у них под грудью и под мышками? Желает ли их сердце обнять меня, кто есмь Тохиль? Если они не хотят делать этого, то и я не отдам им огня, — отвечал Тохиль. — А вы скажите им, что это произойдет позднее. Совсем не теперь они будут обязаны (мне) тем, что находится у них под грудью и под мышками. Вот что Тохиль приказал передать вам, скажете вы.

Таков был ответ (Тохиля) Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу.

Тогда они передали слова Тохиля.

— Очень хорошо, мы принимаем это, и мы обнимем это, — сказали те (племена), когда они услышали, и им были сказаны слова Тохиля. И они не медлили с ответом.

— Хорошо, — сказали они, — мы согласны, но пусть это свершится вскоре! — И немедленно они получили огонь. Тогда они согрелись.

Глава 6

Тем не менее оказалось, что одно племя украло огонь из дыма; и были они из дома Цоциль. Бог какчикелей именовался Чамалькан, и он имел вид летучей мыши.¹

Когда они проходили через дым, — а они прокрадывались через него очень тихо, — тогда они подошли и схватили огонь. Нет! Какчикели не просили об огне, потому что они не хотели отдаваться и быть побежденными.

А путь, который (избрали) другие племена, был путь побежденных, когда они отдали то, что находилось у них под грудью и под мышками, чтобы это расцвело. А это расцветание, о котором говорил Тохиль, означало, чтобы каждое племя было принесено перед ним в жертву, чтобы у них были вырваны сердца из груди, из-под мышек.

Но это еще не началось, когда Тохиль предрекал получение мощи и верховной власти Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутах и Ики-Баламом.

Там, в Тулан-Суйва, откуда они пришли, они привыкли воздерживаться от пищи, они беспрерывно постились, пока они ожидали появления зари и бодрствовали, ожидая восхода солнца.

Они чередовались, сторожа великую звезду по имени Икоких, которая поднимается первой перед солнцем, когда занимается день, блестящую Икоких. Туда, на место солнечного восхода, постоянно были устремлены их взоры, еще тогда, когда они находились в месте, называемом Тулан-Суйва, откуда пришли их боже-ства.

Не там, однако, они получили свою мощь и верховную власть, но только лишь здесь они подчинили и покорили большие племена

и малые племена, когда они принесли их в жертву перед Тохилем и поднесли ему кровь, плоть, груди и подмышки всех людей.

Но уже в Тулане могущество внезапно пришло к ним; велика была свойственная им мудрость, когда они свершали свои деяния во мраке и в ночи.

Тогда они ушли оттуда, они отправились и оставили восток позади себя. «Это не наш дом, отправимся и посмотрим, где мы будем селиться», — сказал (им) тогда Тохиль.

Поистине, он привык беседовать с Баламом-Кице, Баламом-Акабом, Махукутахом и Ики-Баламом:

— Воздайте же благодарность перед отправлением; совершите, что необходимо: проколите ваши уши, пронзите ваши локти и совершите ваши жертвоприношения; в этом будет ваша благодарность перед божеством, — (сказал Тохиль).

— Очень хорошо! — сказали они и пустили кровь из своих ушей. И они плакали в своих песнях из-за своего отправления из Тулана; их сердца горевали, когда они уходили (оттуда), когда они навсегда оставляли Тулан.

— Увы нам! Мы не увидим здесь зари, когда поднимается солнце и озаряет лицо земли! — говорили они при уходе. Но они оставили нескольких (человек) по дороге; да, находились люди, которые хотели оставаться там и спать.

Каждое из племен продолжало бодрствовать, чтобы увидеть звезду, которая есть вестник солнца. Этот знак зари они несли в своих сердцах, когда они шли с востока, и с той же самой надеждой они покидали то место, которое было на большом отсюда расстоянии. Так говорится об этом теперь.

Глава 7

Наконец, они пришли на вершину горы, и там все люди киче и племена объединились. Там все они держали совет, чтобы совершить свои намерения. И теперь эта гора называется Чи-Пишаб, таково имя этой горы.¹

Там они объединились и там они получили свои имена: «Я здесь, я — народ киче! А ты, ты из народа там, таково будет твое имя!» — было сказано людям там. А людям из народа илок было сказано: «Ты из илока, таково будет твое имя. И эти три (народа) киче никогда не исчезнут; наша судьба будет одной и той же», — сказали они, когда они давали себе свои имена.

Тогда же они дали имя и какчикелям: «какчекели» было их имя,² а кроме того — рабиналь — это также было их именем, и оно не потеряно ими до сих пор. К этому же присоединились и люди из Цикинаха, как они называются еще и теперь. Вот имена, которые они дали друг другу.

И вот, они сошлись на совет. Прежде всего они хотели ожидать зарю и сторожить появление звезды, которая восходит как раз перед солнцем, когда оно намеревается подняться. «Мы пришли от-

туда, но мы были разделены», — говорили они друг другу.

И сердца их разрывала великая скорбь; они очень сильно страдали; они не имели пищи; они не имели чего-нибудь поесть; они только лишь нюхали концы своих посохов и благодаря этому воображали, что они едят; но они ничего не ели с тех пор, как пришли.

Не совсем ясно, однако, как они пересекли море; они пересекли его по этой стороне, как будто бы там и не было моря; они пересекли его по камням, помещенным в ряды на песке. По этой причине, в воспоминание, они были названы «камнями в ряд», «песок под морской водой», — имена, данные (той местности, где) они (племена) пересекали море; воды разделились, когда они проходили.

И печаль разрывала их сердца, когда они говорили друг с другом, потому что у них не было ничего есть; они имели только поток воды и пригоршню кукурузы.

Там собрались они тогда на вершине горы, называемой Чи-Пишаб. И они принесли с собой также и Тохилья, Авилиша и Хакавица. Балам-Кице и его жена Каха-Палуна, таково было имя этой женщины, соблюдали строгий пост. То же самое делали и Балам-Акаб со своей женой, которая называлась Чомиха; и Махукутах и его жена по имени Цунуниха также соблюдали строгий пост, и Ики-Балам со своей женой, которая называлась Какишаха, (поступали) таким же образом.

Вот кто были те, кто постился в мраке и в ночи. Велика была их печаль, когда они находились на горе, называемой теперь Чи-Пишаб. И их боги говорили с ними слова.

Глава 8

Так сказали Тохиль, Авилиш и Хакавиц Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу:

— Идите, поднимите нас, не оставляйте нас здесь. Нам нельзя оставаться здесь. Унесите нас в какое-нибудь потаенное место! Заря уже приближается. Разве не будет для вас бесчестьем, если мы будем захвачены в плен вашими врагами внутри этих стен, где мы находимся по вашему желанию, о владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений! Унесите тогда каждого из нас в безопасное место! — Таковы были их слова, когда они говорили.

— Очень хорошо! Мы отправимся, мы пойдем искать (потаенное место) в лесах, — отвечали они все вместе.

Немедленно после этого они взяли (богов) и взвалили их на свои спины. И каждый взял принадлежащее ему божество. Таким образом они несли Авилиша к ущелью, называемому «Ущелье сокрытия», так они называли его, к большому ущелью в лесу, называемому теперь Павилиш, и там они его оставили. Он был оставлен в этом глубоком ущелье Баламом-Акабом.

После того, как был установлен в стороне первый по порядку

(бог), они перенесли затем и Хакавица. Он был установлен на большой огненной горе. Хакавиц называется теперь эта гора, на ней затем был основан их город. Итак, там находилось божество, называемое Хакавицем.

Таким же образом, (как и Балам-Акаб), Махукутах остался около своего божества, которое было вторым божеством, спрятанным ими. Но Хакавиц находился не в лесу; на горе, лишенной растительности, был спрятан Хакавиц.

Тогда отправился Балам-Кице; он отправился туда, к огромному лесу; Балам-Кице отправился спрятать Тохилья на горе, которая теперь именуется Па-Тохиль. И они восхваляли укрытие в ущелье, убежище Тохилья. Большое количество змей и огромное число ягуаров, гремучих змей и ехидн¹ жило там, в этом лесу, где был спрятан владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений (Тохиль).

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам находились вместе; вместе ожидали они зари, там на горе, называемой Хакавиц.

А на очень недалеком расстоянии находились боги людей тама и людей илока. Амак-Тан называлось (место), где находился бог людей тама, здесь началась для них заря. (Место, где) люди илока ожидали зарю, называлось Амак-Укинкат; там находился бог людей илока, он был на небольшом расстоянии от них, на горе.

Там (находились) также все люди Рабиналя, и какчикели, и люди из Цикинаха, все малые племена и большие племена. Да, они пребывали все вместе, неподвижные, ожидая наступления зари, совместно ожидая подъема большой звезды, называемой Икоких,² которая поднимается как раз перед солнцем, когда наступает заря, согласно сказанию.

Вместе находились тогда там Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. Не было для них сна, не было покоя, и велика была тоска их сердец и их желудков о наступлении зари, о наступлении дня. На их лицах было только уныние; огромная печаль и великая подавленность опустилась на них; они были совершенно подавлены страданиями.

Они зашли так далеко. «О как плохо это, что мы пришли сюда! Если бы только мы могли увидеть восход солнца! Как это мы сделали, зачем отделились от подобных нам в наших горах?» — восклицали они, и много беседовали друг с другом, полные печали, испоненные уныния, с громкими возгласами горести.

Так они говорили, и никак не могли успокоить свои сердца, тосковавшие о наступлении зари.

«Боги сидят в ущельях и лесах, они находятся среди ползучих растений и мхов; у них нет даже сидения из досок», — говорили они.

Первыми из (богов) были Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Велика была их слава, их сила и их могущество над богами всех (других) племен. Многочисленны были их чудеса и бесчисленны их средства

и их пути; и поэтому их существование вызывало страх и ужас в сердцах племен.

Но Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам успокоили их желания. Они не чувствовали в своих сердцах страха перед богами, которых они получили и тащили на своих спинах, когда они шли туда из Тулана-Суйва, туда, где восходит солнце.

И вот находились они (боги) там, в лесу. Сакирибаль-Па-То-хиль, Па-Авилиш, Па-Хакавиц — так называется теперь эта (местность).

Там же наши праотцы и наши отцы стали владыками и там засияла для них ранняя заря.

Теперь мы расскажем о наступлении зари и о появлении солнца, луны и звезд.

Глава 9

Здесь (рассказывается о) заре и появлении солнца, луны и звезд.

Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были очень счастливы, когда они увидели утреннюю звезду. Она поднялась первая, с сияющим ликом появилась она перед солнцем, и оно следовало за ней.

Немедленно они развязали свои курения, которые они (доставили) с востока, надеясь в душе, что они смогут позже пригодиться. Тогда они раскрыли три (дара), которые они намеревались преподнести (в жертву) в знак благодарности своих сердец.

Курение, которое доставил Балам-Кице, называлось Маштан-Пом, курение, которое доставил Балам-Акаб, называлось Кави-стан-Пом, а курение, которое доставил Махукутах, называлось Кабавиль-Пом. Таковы были три благовонных смолы, которые они имели. И они зажгли его, когда начали танцевать, обратясь лицом к востоку.

Они плакали от радости, когда они танцевали и сжигали свои благовония, драгоценные благовония. Потом они горевали, потому что все еще не видели и не созерцали восхода солнца.

И вот тогда взошло солнце.

Малые звери и большие звери были счастливы; они поднялись с берегов рек, в ущельях и на вершинах гор, и все поспешно обратили свои глаза туда, где вставало солнце. Тогда зарычали пума и ягуар. Но первой залилась песней птица, называвшаяся келецу. Воистину все звери были счастливы; орел и белогрудый коршун, малые птицы и большие птицы распростерли свои крылья.

Они же, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, опустили на колени; велика была радость владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха и из Тухальха, Учабаха, Кобаха, людей из Батена и йаки-тепеу, всех этих племен, которые существуют теперь. И сосчитать людей было

невозможно. Свет зари упал на все племена в одно и то же время.

Сразу же поверхность земли была высушена солнцем. Солнце было подобно человеку, когда оно показалось, и его лик пылал, когда оно высушивало поверхность земли.

Перед тем как поднялось солнце, поверхность земли была влажной и илистой, ведь солнце тогда еще не взошло. Но затем солнце поднялось в первый раз и было подобно человеческому существу. И зной его был непереносимым, хотя оно только еще показалось в тот момент, когда оно было рождено. То, что осталось в настоящее время,— это только лишь отражение в зеркале. Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим (теперь); как об этом говорится в их древних сказаниях.¹

Немедленно после (появления солнца) Тохиль, Авилаш и Хакавиц превратились в камень вместе с божественными существами пумой, ягуаром,² гремучей змеей, ехидной и белыми чудовищами, находящимися среди древесных ветвей. Когда появились солнце, луна и звезды, все подобное превратилось в камень. И, может быть, нас теперь не было бы в живых из-за этих хищных животных: пумы, ягуара, гремучей змеи, ехидны, а также белого чудовища; может быть, мы не могли бы наслаждаться теперь дневным светом, если бы эти первые животные не были превращены солнцем в камень.

Когда (солнце) поднялось, сердца Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама были наполнены радостью. Велика была их радость, когда наступила заря. И там, в этом месте, было немного людей; только лишь малое количество (их) находилось там, на горе Хакавиц.

Там пришла к ним заря, там они сожигали свои благовония и танцевали, обращая свои взгляды к востоку, откуда они пришли. Там находились их горы и их долины, откуда пришли Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, как они именовались.

Здесь, на горе, они умножились, и здесь возник их город; именно здесь находились они, когда появились солнце, луна и звезды, когда наступила заря и когда осветилось лицо земли и весь мир. Здесь же они начали свою песнь, которую они называли «наш голубь»; они пели ее и выражали в этой песне скорбь своих сердец и свое самое сокровенное.

— Увы нам! Мы были уничтожены в Тулане, мы были разединены, и там остались наши старшие и младшие братья. Да! Мы видели солнце! Но где теперь они, когда наступила заря? — так говорили они, (обращаясь) к владыкам страха перед богом, устроителям жертвоприношений из племени йаки.

— Ведь тот, кто называется Тохилем, является тем же самым богом йаки, и имя его — Йолькуат Кицалькуат.

— Мы получили его в Тулане, в Суйва, с ним оттуда мы вышли, и там был создан им наш род, когда мы вышли,— так говорили они друг другу.

И они живо вспоминали своих старших братьев и своих млад-

ших братьев, людей йаки, к которым заря пришла туда, в (страну), называемую теперь Мексикой. Кроме того, часть людей осталась там, на востоке; они называются тепеу-олиман. — Мы потеряли их навсегда, — говорили они.

Они чувствовали большую печаль в своих сердцах там, в Хакавице; огорчены также были и люди из гама и йлока, которые также находились там в лесу, называемом Амак-Дан, где взошла заря для владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений тама, вместе со своим богом, который также звался Тохиль, потому что у трех ветвей народа киче было одно и то же имя бога. И такое же (имя) имел и бог людей Рабиналя, потому что мало разницы между (именем Тохиль) и именем Хун-Тох, как называется бог людей Рабиналя. Из-за этой причины — так говорится — они желали приравнять свое наречие к наречию киче.

Речь же какчикелей, однако, отлична от них, потому что имя их бога звучит по-иному еще с тех пор, как они пришли оттуда, из Тулан-Суйва. Цоциха-Чималькан было имя их бога; и по сей день они говорят на отличном (от киче) языке. И от их бога также произошли имена родов Ах-Поцоциль и Ах-Поша[хиль] как они называются.

Речь бога также изменилась с тех пор, как они получили своего бога там, в Тулане, около камня; их речь изменилась, когда они ушли из Тулана в темноту.

Они были все вместе, когда наступила для них заря, и засиял свет над всеми племенами, но имена божеств остались в каждой группе теми же самыми.

Глава 10

А теперь мы расскажем об их пребывании и промедлении там, на горе, где четверо, именуемые Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, находились вместе. Их сердца печалились по Тохилью, Авилишу и Хакавицу, которые по их вине все еще находились среди ползучих растений и мхов.

Мы расскажем теперь, как они решили совершать Тохилью жертвоприношения, когда они появились перед Тохилем и Авилишем. Они отправились посмотреть их, они отправились приветствовать их и воздать пред их лицами благодарность за наступление зари. (Боги) же блистали среди скал там, в лесных зарослях. И благодаря своему магическому искусству говорили они, когда владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений появились перед лицом Тохилья.

Они не принесли (с собою) больших даров или необычайных благовоний; только сосновую смолу, а также смолу, называемую «рачак-нох», и траву по имени «йиа»¹ сожгли они перед своими богами.

Тогда Тохиль заговорил, благодаря чудодейственной силе; он сообщил владыкам страха перед богом и устроителям жертвопри-

ношений предназначения богов. И вот что (боги) сказали:

— Поистине здесь будут наши горы и наши долины. И мы полностью принадлежим вам! Велика будет наша слава и судьба над всеми многочисленными людьми. Вашими же будут всеотдавшиеся в (ваши) руки племена, потому что мы будем всегда с вами. Заботьтесь о вашем городе, а мы будем давать вам советы.

— Не показывайте нас перед племенами, когда мы будем разгневаны словами, (идущими) из ртов их, или их поступками и поведением. И не давайте нам впасть в какую-нибудь западню. Приносите нам только создания лесов, создания пустынь, только самку оленя и самок птиц. Приходите и приносите нам немного вашей крови, имейте к нам жалость. Вы можете иметь шкуры оленей и оберегать нас от тех, чьи глаза вводят нас в заблуждение.

— Итак, пусть (шкура) оленя будет нашим символом, который вы будете показывать перед племенами. Когда спросят у вас: «Где Тохиль?» — покажите оленю шкуру перед их глазами. И не показывайтесь (им) сами, потому что вы будете иметь другое, что делать. Велико будет ваше положение; вы будете главенствовать над всеми племенами; вы принесете их кровь и их сущность пред наши лица. Они должны придти к нам, принадлежать полностью нам, обнять нас! — Так говорили Тохиль, Авилиш и Хакавиц.

Они (боги) имели внешность юношей, когда те, кто явился возгласить пред их лицами курения, увидели их. Тогда началось преследование птенцов всех птиц и молодых оленей, и владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений устроили поиски. И когда они находили птенцов и молодых оленей, они сразу же отправлялись намазать оленьей и птичьей кровью рты камней, Тохиль и Авилиша.

И как только кровь была выпита богами, камни начинали говорить, когда приближались владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, когда они приближались, чтобы поднести свои воскурения. То же самое они делали и перед их (богов) символами, сожигая травы «йиа» и «холоп-окош».

Символы² каждого из (божеств) находились там, где они были помещены, на вершине горы.

Но они сами (Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам) не жили днем в своих домах, а бродили по горам и питались только лишь личинками слепней, личинками ос и личинками пчел, за которыми они охотились. Не было у них ни хорошей еды, ни хорошего питья. Не были известны дороги к их домам, и никто не знал, где находятся их жены.

ЧАСТЬ IV

Глава 1

И вот, уже основывались поселения, одно за другим, и различные ветви племен общались друг с другом; они ходили и путешествовали по дорогам, и их дороги были отчетливо видны.

Что же до Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, то совершенно не было известно, где они находятся. Но когда они видели племена, проходившие по дорогам, они сразу же начинали кричать на вершинах гор. Они то завывали подобно койоту, визжали подобно горной кошке, то подражали рычанию пумы и ягуара. Вот что они делали.

И племена слышали это, проходя то туда, то оттуда, и говорили: «Их вопли подобны воплям койота, горной кошки, пумы и ягуара. Они хотят появиться перед племенами, как будто бы они не люди, и делают они это только лишь для того, чтобы обмануть нас, людей. Их сердца втайне жаждут чего-то. Конечно, они не пугают нас тем, что они делают. Они преследуют какую-то цель этим рычанием пумы, этим криком ягуара, который они издают, когда видят одного или двух человек, идущих по дороге. Покончить с нами — вот что хотят они».

День за днем (предводители народа киче) возвращались к своим домам и своим женщинам, но они приносили только личинки шмелей, личинки ос и личинки пчел, чтобы отдать их своим женам.

День за днем также они появлялись перед лицами Тохилья, Авилиша и Хакавица и говорили в своих сердцах: «Вот здесь находятся Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Мы можем принести им только лишь кровь оленей и птиц; мы берем кровь только из наших ушей и наших локтей. Попросим же у Тохилья, Авилиша, Хакавица силы и мощи. Кто сможет проследить что-нибудь, когда начнут умирать племена, когда мы начнем убивать людей, одного за другим?» — говорили они один другому, когда появлялись перед лицами Тохилья, Авилиша и Хакавица.

И затем они пронзали свои уши и свои локти перед божествами; они собирали свою кровь, наполняли ею сосуд и прикладывали его к устам камней.

Но в действительности они были уже не камни; каждый из них выглядел подобно юноше, когда появлялся перед (предводителями киче).

И вот владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений радовались по причине жертвенной крови. И тогда им был дан знак: как они должны действовать.

— Пусть иссякнут их [жертв] слезы! Ничего другого не остается вам (делать). Оттуда, из Тулана, пришло это,¹ когда вы взяли нас с собой! — так было сказано им.

И одновременно с этим была вручена им кожа, называемая Пасилисиб, вместе с кровью, которой они должны были себя окропить. Да, появившаяся кровь была подарком от Тохилья, Авилиша и Хакавица.

Глава 2

Вот как было это осуществлено и как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам начали похищать людей из племен (вук-амак). Вот как они умерщвляли этих людей.

Они схватывали человека, когда он шел один, или двух, когда они шли вместе, и никогда не было известно, когда они похищены. И тогда они (предводители киче) отправлялись и приносили их в жертву перед Тохилем и Авилишем. После этого они кропили на дороге кровью и разбрасывали головы (убитых) по отдельности на дороге. И люди из племен (вук-амак) говорили: «ягуар пожрал их!». И они говорили так потому, что (Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам) оставляли следы, похожие на отпечатки лап ягуара, а сами они не показывались.

Уже много было людей, утащенных таким образом, но племена поняли все это только очень поздно. «Как? Может быть, это Тохиль и Авилиш, которые находятся здесь, среди нас? Это должны быть те, о ком заботятся владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений. Где же находятся их дома? Давайте выследим их по их следам!» — говорили люди всех племен.

Тогда они устроили между собою совет. Тогда они начали слеживать отпечатки ног владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, но они были неясны. Там были только следы оленей, только следы ягуаров, вот что они видели, но следы были неотчетливые. Первые следы были неясны из-за того, что они были обращены в разные стороны, так, (как бывает), когда люди ходят, заблудившись, и путь их был неясен. Образовался туман, выпал черный дождь и образовалось много грязи. Начало моросить. Вот что люди увидели перед собою. И их сердца стали усталыми от поисков и преследования тех (на дорогах), потому что велики были существа Тохилия, Авилиша и Хакавица. А (предводители киче) удалились туда, на вершины гор, и расположились поблизости от тех племен, людей которых они убили.

Так началось похищение тех, кто служил жертвами, когда устроители жертвоприношений ловили на всех дорогах людей из племен и приносили их в жертву перед Тохилем, Авилишем и Хакавицем; но своих собственных сыновей они поместили на вершине горы, в безопасном месте.

И вот Тохиль, Авилиш и Хакавиц имели внешность трех юношей и ходили благодаря чудодейственным свойствам камня. Была там река, в которой они купались у берега воды, и только там можно было видеть их. Из-за этой причины это (место) было названо «В купальном месте Тохилия» и таким же было название реки. Люди из племен много раз видели их, но они немедленно исчезали, как только были увидены людьми.

И тогда распространилась весть о том, где находятся Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И сразу же племена устроили совет относительно того, каким образом (предводители киче) могут быть убиты.

Прежде всего племена хотели обсудить, каким образом подчинить себе Тохилия, Авилиша и Хакавица. И все владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, стоявшие во главе племен, сказали народу:

— Поднимитесь, все вы, призовите каждого, пусть не будет ни одной семьи, ни двух семей среди нас, которые бы остались позади других.

Все собрались, они собрались все в большом числе и совещались друг с другом. И они говорили, спрашивая один другого:

— Что должны мы сделать, чтобы победить киче (из дома) Кавека? Потому что все наши знатные и сыновья умерщвляются, совершенно неизвестно, каким образом из-за них (предводителей киче) исчезают люди. Если мы должны погибнуть по причине этих похищений, то да будет так! Если же могущество Тохиль, Авилиша и Хакавица так велико, тогда пусть нашим богом будет этот Тохиль, овладейте им! Невозможно, чтобы они победили нас. Разве не достаточно еще людей среди нас? А ведь люди Кавека не многочисленны, — так говорили они, когда собрались все вместе.

И тогда часть людей сказала, (обратившись) к племенам: «Кто видел тех, кто купается в реке каждый день? Если они — Тохиль, Авилиш и Хакавиц, тогда сперва мы должны подчинить своей власти их, а затем мы начнем уничтожать владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений».

Тогда часть людей заговорила снова и спросила:

— Но чем же мы сможем подчинить их (богов) своей власти?

— Вот каков будет наш способ действий, чтобы стать их владыками. Так как они имеют внешность юношей, когда они появляются и когда их можно видеть в воде, пусть тогда две девушки, самые прекрасные и пленительные, пойдут (туда) и возбудят в них желание (овладеть) ими,¹ — сказали они.

— Очень хорошо! Пойдемте же и отыщем двух прекрасных девушек! — воскликнули они, и отправились отыскивать таковых среди своих дочерей. И поистине ослепительными были (выбранные) девушки.

Затем они начали давать (девушкам) наставления: «Идите, наши дочери, поспешно идите стирать одежды у реки, и если вы увидите трех юношей, то предстаньте перед ними обнаженными. А если их сердца пожелают вас, то пусть они овладеют вами. Если же они скажут вам: „Можем ли мы подойти к вам поближе?“ — тогда отвечайте им: „Да будет так!“. И когда вас спросят: „Откуда вы пришли, чьи вы дочери?“ — если они это спросят, (то отвечайте им): „Мы дочери владык“. И затем вы скажите им: „Дайте нам что-нибудь, как знак любви от вас“. И после того как они дадут вам что-нибудь, знак они захотят поцеловать ваши лица, (тогда) по-настоящему отдайтесь им. А если вы не отдадитесь им, мы вас убьем. Сердца наши будут удовлетворены лишь тогда, если вы получите (от них) знак любви и принесете его сюда. Это и будет доказательством для нас, что они действительно соединились с вами».

Так говорили владыки, когда они отдавали свои приказания двум девушкам. Вот имена этих девушек: Штах было имя одной из девушек, а другой — было Шпуч. И две девушки, Штах и Шпуч,

так они именовались, были посланы к реке, к месту купания Тохиль, Авилиша и Хакавица. Вот что было решено всеми племенами.

Они отправились сразу же украшать себя, чтобы выглядеть действительно пленительными. И они были поистине крайне прелестны, когда они пошли туда, где имел обыкновение купаться Тохиль. И когда они отправились, владыки были счастливы, потому что они послали двух своих дочерей.

И они подошли к реке и начали купаться. Эти две уже сняли прочь свои одежды и трудились со своей работой над камнями,² когда пришли Тохиль, Авилиш и Хакавиц. Они подошли туда, к речному берегу, и остановились на мгновение, удивленные тем, что видят двух купающихся молодых девушек. А девушки смутились в то мгновение, когда появился Тохиль. Но не случилось так, чтобы у Тохилья появилось бы желание к двум девушкам. И тогда он спросил их:

— Откуда вы пришли?

Так спросил он обеих девушек и добавил:

— Что вы хотите, раз вы пришли сюда, к краю нашей воды?

А они ответили:

— Владыки послали нас, чтобы придти сюда. «Пойдите, посмотрите на лица Тохилья, (Авилиша и Хакавица) и заговорите с ними, — сказали нам владыки, — и соответственно принесите доказательство, что вы действительно видели их лица», — говорили они нам. — Так сказали девушки, выдавая цель их прихода.

Итак, племена хотели, чтобы эти две девушки занялись бы распутством и уничтожили волшебную силу Тохилья. Но Тохиль, Авилиш и Хакавиц сказали, обращаясь снова к Штах и Шпуч, как звали девушек:

— Очень хорошо, мы дадим вам доказательство нашего разговора с вами. Подождите немного, и вы отдадите тогда его владыкам, — так было сказано им.

Затем (боги) призвали на совет владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений и сказали Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Ики-Баламу: «Раскрасьте хорошенько три покрывала, нарисуйте на них символ вашего существа, чтобы племена могли узнать их, когда эти девушки, пришедшие мыться, отнесут их назад. Дайте им эти плащи». — Так было приказано Баламу-Кице, Баламу-Акабу и Махукутаху.

Сразу же эти трое начали рисовать. Сперва Балам-Кице нарисовал ягуара; фигура (зверя) была сделана и изображена на поверхности покрывала. Затем Балам-Акаб нарисовал фигуры орлов на поверхности (другого) покрывала, а Махукутах, наконец, изобразил шмелей и ос на всех сторонах (третьей ткани); фигуры и рисунки их он изобразил на поверхности покрывала. И трое кончили свои рисунки; три куска складчатой ткани были разрисованы.

Тогда они отправились отдать покрывала Штах и Шпуч, как эти (девушки) именовались. И Балам-Кице, Балам-Акаб, Махуку-

тах сказали им: «Вот вам доказательство вашего разговора (с Тохилем), покажите их перед лицом владык. Скажите им: „Воистину Тохиль говорил с нами; вот здесь мы принесли доказательство“. Так скажите им, и пусть они заботливо хранят те одеяния, которые вы дадите им». Так говорили они девушкам, когда прощались с ними. Девушки же сразу отправились, неся (с собой) те раскрашенные плащи, о которых говорилось выше, и вернулись домой.

Когда они прибыли, владыки исполнились радости, увидев их лица и их руки, с которых свисали те (вещи), за которыми девушки были посланы.

— Вы видели лицо Тохилья? — спросили они их.

— Да, конечно, мы видели его, — ответили Штах и Шпуч.

— Очень хорошо! А это вы принесли как доказательство, не так ли? — спросили владыки, думая, что эти (вещи) были доказательством их прегрешения.

Тогда девушки развернули расписанные покрывала, все покрытые яркими (изображениями) орлов и ягуаров, покрытые шмелями и осами, нарисованными на поверхности ткани; и покрывала сверкали перед ними. Сразу же (владыки) почувствовали желание надеть на себя покрывала, набросить их на свои плечи.

Ягуар не сделал ничего, когда владыка набросил первое изображение на свои плечи. Затем владыка надел на себя второе покрывало с изображением орла. Владыка, закутанный в него, чувствовал себя очень хорошо. И он повертывался во все стороны перед взглядами всех (собравшихся). Тогда он разделся перед глазами всех догола и надел третье разрисованное покрывало. И как только он надел на свои плечи шмелей и ос, которые были нарисованы на третьем покрывале, то мгновенно шмели и осы начали жалить его тело. И не будучи в состоянии сдержаться, переносить жала этих насекомых, он начал вопить из-за насекомых. А (только лишь) их фигуры были изображены на ткани, (только) рисунок Махукутаха, третьего рисовавшего.

Так они были побеждены. Тогда владыки стали упрекать двух девушек по имени Штах и Шпуч.

— Что же это за ткани, которые вы принесли нам? Откуда вы их принесли, вы, злодейки? — говорили они девушкам и ругали их. Так все племена были посрамлены Тохилем.

Итак, они желали, чтобы Тохиль отправился бы за Штах и Шпуч, чтобы его желание было удовлетворено и чтобы (девушки) стали блудницами. Племена думали, что они послужат к соблазнению их (богов). Но победить их (богов) было невозможно, благодаря чудодейственным людям: Баламу-Кице, Баламу-Акаб, Махукутаху и Ики-Баламу.

Глава 3

После этого племена снова устроили совет.

— Что же мы будем делать с ними? Поистине, их могущество

очень велико, — сказали они, когда собрались снова на совет.

— Хорошо, тогда мы просто устроим для них засаду, мы убьем их, мы вооружимся стрелами и щитами. Разве мы не многочисленны? Пусть среди нас не будет ни одного, ни двух, кто остался бы позади! — Так говорили они, когда они устроили совет. И каждое племя без промедления вооружилось. Много было воинов, когда собрались вместе все воины от каждого племени.

А между тем Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были там, они находились на вершине горы Хакавиц, на горе, носившей это имя. Они находились там, и поместили в безопасности своих сыновей, которые были на горе.

И они не имели при себе много (людей); у них не было такого множества, как у племен. Вершина горы, где они поместились, была малой, и поэтому, когда племена собрались вместе, устроили совет и созвали всех, они решили убить всех (находившихся на вершине).

И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов; и все они неукоснительно повиновались приказаниям.

— Нет сомнения, что они будут разгромлены! — говорили они друг другу, — что же касается Тохилья, этого божества, то он будет нашим богом, и мы будем почитать его, если захватим его в плен.

Но Тохилья знал все, и все знали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах. Они слышали все, что было решено (врагами), потому что они не спали и не отдыхали с того времени, как были вооружены все стрелки из лука.

Тогда все воины поднялись и отправились в путь, намереваясь проникнуть (в горную крепость) ночью. Но они не прибыли (туда), потому что они провели всю ночь в пути и были одурачены Баламом-Кице, Баламом-Акабом и Махукутах.

Они провели всю ночь в пути, но не заметили сами ничего и, наконец, все заснули. Тогда (Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах) начали срезать у них брови и бороды; они сняли серебряные (украшения) с их шей, их диадемы и ожерелья. И они содрали серебряную обкладку с концов их начальнических жезлов. Они сделали так, чтобы наказать их и унижить их, чтобы дать им пример могущества народа киче.

Когда (воины) пробудились, они тотчас пожелали взять свои диадемы и свои жезлы, но не было более ни серебра на их шеях, ни их диадем.

— Кто же это ограбил нас? Кто отстриг у нас бороды? Откуда пришли те, кто ограбил нас и унес все серебро? — восклицали все воины. — Может быть, это те чудовища, которые похищают людей? Но им не удастся устроить нас! Мы войдем в их город силой, только таким образом мы сможем снова увидеть лик нашего серебра, мы это так и сделаем! — говорили все племена, и они воистину собирались выполнить свое слово.

Но спокойны были сердца владык страха перед богом и устроителей жертвоприношений, находившихся на вершине горы, поистине глубоко обдумали и обсудили все Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам. И после того как Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам поговорили друг с другом, они построили стену вокруг своего поселения и окружили поселение срубленными деревьями и колючим кустарником. Затем они изготовили фигуры, выглядевшие как люди,¹ благодаря их искусству, и поместили их рядами по стенам крепости, они вооружили их щитами и стрелами и украсили их, поместив на их головы серебряные диадемы. Они поместили эти венцы на простые деревянные фигуры, они украсили их серебряными украшениями, отнятыми у племен на дороге; при помощи этих (вещей) они украсили фигуры.

Они вырыли ров вокруг города и затем спросили Тохилья, надеваясь получить от него совет:

— Убьют ли они нас? Победят ли они нас? — так спросили их сердца пред лицом Тохилья.

— Не печальтесь! Я здесь! И от этого вам будет польза. Не будьте испуганы! — сказал Тохиль Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху, Ики-Баламу.

И им были предоставлены шмели и осы. Вот за чем они отправились и принесли их туда. И когда они пришли, они поместили их в четыре большие тыквы, которые разместили на стенах поселения. Они закрыли шмелей и ос внутри тыкв, чтобы поражать с их помощью людей.

Разведчики племен внимательно осмотрели поселение издалика, изучили и расследовали его. «Они вовсе не так многочисленны», — сказали они. Но (разведчики) видели лишь деревянные фигуры, слегка двигавшие своими стрелами и щитами. Поистине у них была человеческая внешность, поистине у них была внешность воинов, когда племена смотрели на них. И все племена были счастливы, потому что они видели их немногочисленность.

Там сошлось много племен; невозможно было сосчитать людей, воинов и приносящих смерть, приготовившихся убить Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутах. А эти находились на вершине горы Хакавиц — имя той местности, где они жили. Теперь мы расскажем, как это происходило, об их прибытии туда.

Глава 4

Итак, они были там, Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам были все вместе на горе, с своими женами и их детьми, когда пришли все воины и приносящие смерть. И число их не измерялось ни дважды восемью тысячами, ни трижды восемью тысячами человек, а значительно больше.¹

Они окружили стены поселения, громко крича, вооруженные стрелами и щитами. И они били в барабаны, издавали боевые кли-

чи, свистели, кричали, их стрелы свистели, и они вопили раскрытыми ртами, побуждая (осажденных) сражаться, когда они подошли к поселению.

Но владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений не были испуганы; они лишь внимательно смотрели на них с верхнего края стены, где они находились вместе со своими женами и детьми. Их сердца были совершенно спокойны. Они не думали о силе и криках племен, когда те поднимались по склону горы.

И только они намеревались броситься к входу в поселение, как четыре тыквы, помещенные на (стенах) города, были открыты. Шмели и осы вылетели оттуда; подобно большому облаку дыма было то, что появилось из тыкв. И воины тотчас же погибали, потому что насекомые жалили зрачки их глаз и прилипали к их носам и их ртам, к их ногам и их рукам. «Где они, — (восклицали ужаленные), — те, кто взял и собрал вместе всех шмелей и ос, находящихся здесь?».

Они летели и жалили зрачки их глаз, эти взбешенные насекомые, жужжавшие роями над каждым из этих людей; и они были все ошеломлены шмелями и осами и не могли уже больше удерживать свои стрелы и свои щиты. И (оружие) лежало поломанным на земле.

Когда (воины) падали, они расprostиались по горному склону и уже не чувствовали, что их поражают стрелами, что их убивают топорами. Балам-Кице и Балам-Акаб били (их) потом просто палками. И жены их также приняли участие в этом избиении. Только часть (из побежденных) людей возвратилась назад, и все племена начали бегство. Но первых пойманных подвергали смерти; и в действительности умерло не мало людей. И те, кто умерли, умерли не потому, что сердца (предводителей киче) жаждали убийства, а потому, что они были ужалены насекомыми.

И не было это делом доблести, потому что воины были убиты не стрелами или щитами.

И тогда все племена подчинились. Люди смирились перед Балам-Кице, Баламом-Акабом и Махукутахом. «Сжальтесь над нами, не убивайте нас!» — восклицали они.

— Хорошо! Хотя вы и заслуживаете смерти, вы (не умрете), вы станете (нашими) данниками и будете ими, пока движется солнце, пока есть свет! — так было сказано им.

Вот таким способом все племена были побеждены нашими матерями и отцами. И это случилось там, на вершине горы Хакавиц, как она называется еще и теперь. Это было там, где они впервые поселились, где они умножились и возросли в численности, где они породили своих дочерей и дали жизнь своим сыновьям, на горе Хакавиц.

И тогда они были очень счастливы, когда победили все племена, которых они истребили там, на горной вершине. Так они довели до конца подчинение племен, покорение всех племен. И после этого их сердца успокоились. И они сказали своим сыновьям, что

когда (племена) собирались убить их, час их собственной смерти уже приближался.

А теперь мы расскажем о смерти Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, как они назывались.

Глава 5

И когда у них появилось предчувствие своей смерти, своего ухода, они поучали своих детей. Они вовсе не были больны, они не испытывали ни страдания, ни предсмертных мук, когда давали свои наставления своим детям.

Вот имена их сыновей: Балам-Кице имел двух сыновей, Кокаиб было имя первого и Кокавиб было имя второго сына Балама-Кице, предка и праотца людей Кавека.

А вот имена двух (сыновей), которых породил Балам-Акаб, здесь их имена: Коакуль звался первый из его сыновей, и Коакутек было имя второго сына Балама-Акаба, прародителя людей Ни-хаиба.

Махукутах же имел только одного сына, который назывался Коахау.

Эти три имели сыновей, но Ики-Балам не имел детей. Они в действительности были владыками страха перед богом и устроителями жертвоприношений, и таковы были имена их сыновей.

И вот как они попрощались (со своими сыновьями). Эти четыре сошлись вместе и начали петь, чувствуя горечь в своих сердцах. И их сердца плакали, когда они пели «Камаку», как называется та песнь, которую они пели, прощаясь со своими сыновьями.

— О наши сыны! Мы уходим отсюда, мы уходим далеко, здравое поучение и мудрый последний совет оставляем мы вам. И вы, кто пришел с нами из нашей далекой страны, о супруги наши! — говорили они своим женам и прощались с каждой. — Мы отправляемся назад к нашему народу, уже находится на месте Владыка оленей, он виден там, в небе. Мы начинаем наше возвращение, мы выполнили свою задачу, кончаются наши дни. Думайте же о нас, не стирайте нас из своей памяти и не забывайте нас! Вы увидите еще свои дома и свои горы. Поселитесь там. Да будет так! Идите своим путем; вы увидите снова ту страну, откуда мы пришли!

Вот какие слова говорили они, когда прощались. И тогда Балам-Кице оставил символ своего существа: «Вот воспоминание обо мне, которое я оставляю здесь для нас. Это будет вашей мощью. Я прощаюсь, исполненный печали», — добавил он. И он оставил, как символ своего существа, «Писом-Какаль», как он был назван.¹ Нельзя было различить, что он представляет собой, потому что он был полностью закутан и не мог быть раскрыт. У него не было видно швов, потому что никто не видел, как они закутывали этот (символ).

Вот так они прощались и немедленно после этого исчезли там, на вершине горы Хакавиц.

Они не были похоронены их женами или их детьми, потому что не было видно, когда они исчезли. Было ясно видно лишь их прощание, и поэтому «Писом» был очень дорог (их сыновьям). Это было напоминание об их отцах, и они тотчас же зажгли курения перед этим напоминанием об их отцах.

И тогда владыки, последовавшие за Баламом-Кице, породили новые (поколения) людей, после того как он положил начало, как предок и праотец людей Кавека. И никогда его не забывали его сыновья, те, кто звались Кокаиб и Кокавиб.

Вот как умерли четверо, наши первые предки и праотцы; вот как они исчезли, оставив своих детей на горе Хакавиц, там, на вершине, где они находились.

Племена были уже подчинены, и их величие кончилось. Никто из них² не имел уже более могущества, и все они уже привыкли служить каждый день.

Те же (владыки киче) помнили почтительно своих отцов, и велика для них была слава «Писома». Никогда они не могли раскутать его, он всегда был плотно закутан и всегда оставался с ними. «Узел величия» — называли они его, когда они восхваляли и именовали то, что их отцы оставили для их благоденствия, как действительный символ своего существа.

Таково было исчезновение и конец Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама. Они были первыми людьми, пришедшими туда с другой стороны моря, где поднимается солнце. Они пробыли здесь долгое время; когда они умерли, они были уже очень старыми, владыки страха перед богом и устроители жертвоприношений, как они назывались.

Глава 6

Тогда (преемники Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха) решили идти на Восток, думая таким образом исполнить приказание своих отцов, они не забыли его. Прошло уже много времени с тех пор, как отцы их умерли, и племена дали им жен, а потому они приобрели вторых отцов и братьев — отцов и братьев их жен, — когда они все трое взяли себе жен.

И, отправляясь в это странствование, они говорили: «Мы идем на Восток, туда, откуда пришли наши отцы». Так сказали трое, рожденные, как сыновья, когда они отправились в путешествие. Один носил имя Кокаиб, и он был сыном Балама-Кице, прародителя людей Кавека. Другой, именовавшийся Коакутек, был сыном Балама-Акаба, прародителя людей Нихаиб. И Коахау было именем третьего, единственного сына Махукутаха, прародителя людей Ахау-Киче.

Итак, вот имена тех, кто ушли туда, на ту сторону моря; трое их отправилось в путь, и они были наделены разумом и опытом, но их сущность не была сущностью обычных людей. Они простились со всеми своими братьями и родственниками и, испол-

ненные радости, отправились. «Мы не умрем, мы возвратимся», — сказали трое, отправляясь в путь.

И вот действительно пересекли они море и пришли туда, на Восток, куда они отправились, чтобы получить знаки правления. И вот каково было название у владыки, к которому они пришли: «Повелитель мужей Востока». И когда они появились перед лицом владыки Накшита,¹ — такое имя было у великого владыки, единственного высшего судьи среди всех правителей, — он дал им знаки правления и все отличительные символы. Тогда появились знаки достоинства ах-попа и ах-попа-камха, и тогда пришли знаки величия и власти ах-попа и ах-попа-камха. Полностью Накшит дал им знаки отличия владык, и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, сделанные из костей, барабаны, желтые бусы, когти, когти пумы, голова ягуара, ноги оленей, помост, ожерелья из раковин, табак, маленькие тыквы, перья попугая, перья белой цапли для головных уборов, татам и кашеон. Все перечисленное они принесли (в свой город), — те, кто после пребывания на той стороне моря получили (звание) картин Тулана, картин — так они назывались, — которыми они писали все то, что содержалось в их истории.²

Тогда, после того как они прибыли в свой город, называвшийся Хакавиц, все люди тама и илока собрались там; все племена собрались сюда и были преисполнены радости, когда Кокаиб, Коакутек и Коахау прибыли и снова взяли на себя управление племенами.

Радовались люди Рабиналя, какчикели и люди из Цикинаха. Перед их взорами (возвратившиеся) показали знаки отличия владык. Великими были эти племена, хотя и не проявили они тогда еще своей мощи. И они находились в Хакавице; они были все с теми, кто пришел с Востока. Здесь они провели много времени, очень много было их на вершине горы.

Здесь также умерли жены Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха.

Позже они покинули, оставили навсегда эту местность и искали других мест для поселения, чтобы поселиться там. Неисчислимыми были те местности, в которых они селились, где они пребывали и которым они давали наименования. Там соединялись и возрастали первые матери наши и первые отцы наши. Так говорили древние люди, когда они рассказывали, как они оставили навсегда свое первое поселение Хакавиц и отправились основывать новое поселение, названное Чи-Киш.

Они пробывали долгое время в этом другом городе, где они породили дочерей и породили сыновей. Много их было там; имелось четыре горы, и все они были заняты одним и тем же городом. Их дочери и сыновья вступали в брак; они просто отдавали их на сторону (замуж), а подарки и приношения, которые получали за них, они считали ценой своих дочерей. Таким образом, они жили счастливо.

Впоследствии они прошли каждую из четырех частей города;

вот различные имена этих частей: Чи-Киш, Чи-Чак, Хуметаха, Кульба и Кавиналь. И они осматривали холмы и свои поселения и искали необитаемых мест, потому что все вместе они были теперь очень многочисленны.

Те, кто отправлялся на Восток, чтобы получить знаки владык, были теперь мертвы. Они были уже старыми, когда прибыли в каждый из этих городов. (Киче) не привыкли к различным местам, через которые они проходили; они терпели много трудностей и печалей, и только после долгого времени предки и праотцы прибыли в свой город.

Вот имя поселения, в которое они пришли.

Глава 7

Чи-Исмачи — имя места их города, где они впоследствии поселились и где они обосновались. Там при четвертом поколении правителей они увеличили свою мощь и мололи свою известь и белую землю.¹

Правили Коначе, Белехеб-Кех и калель-ахау. Тогда владычествовали повелитель Котуха и Истайуль, так звались они; это они были ах-попом и ах-попом-камха, правившими там, в Исмачи. Это был прекрасный город, который они там построили.

В Исмачи имелось только три великих дома. Тогда еще не было двадцати четырех великих домов; только три великих дома (имелось) у них: только великий дом Кавека, только великий дом во главе Нихаиба и, наконец, лишь великий дом Ахау-Киче. Только лишь двое (из этих родов) имели великие (дома), украшенные изображениями змей; две ветви родов.

И жили они там, в Исмачи, с одной только мыслью,² без раздоров или недоверия; мирным было правление, они не имели ни ссор, ни раздоров, в сердцах их были только мир и счастье. Они не были ни завистливы, ни подозрительны в своих поступках. Могушество их было еще ограниченным; они не думали ни о своем возвеличении, ни о расширении (своих владений). Когда они попытались сделать это, то они прикрепили в Исмачи щит, но только чтобы дать малый знак своего владычества, как малый символ своего могущества и символ своего величия. Видя это, люди илока начали войну; они хотели придти и убить правителя Котуха, желая иметь вождя только из своего собственного (племени). А относительно владыки Истайуля — они хотели наказать его, чтобы он был наказан и убит людьми илока.

Но их злые намерения против правителя Котуха не имели успеха, потому что он напал на них прежде, чем люди илока были в состоянии убить его.

Таково тогда было начало восстания и разногласия войны. Сначала они атаковали город и пришли убивать. Они хотели уничтожить народ киче, они хотели править одни, в этом было их намерение. Но они пришли только для того, чтобы умереть, они

были схвачены и попали в плен, и было мало среди них, кто спасся бегством.

Немедленно после этого начались жертвоприношения; люди илока были принесены в жертву перед богом. Таково было наказание за их грехи по приказанию правителя Котуха. Многие из них попали также в рабство и зависимость, были сделаны рабами. Они пришли только для того, чтобы отдаться побежденным, потому что они подняли предательскую войну против владык и против города ущелий. Разрушить (город) и уничтожить народ киче и их повелителя — вот чего они желали в своих сердцах, — но не удалось им осуществить этот (замысел).

Таким образом начались человеческие жертвоприношения перед богами, когда разразилась война щитов. (Эта война) была причиной того, что они начали (строить) укрепления вокруг города Исмачи.

С этой поры началось и зародилось их могущество, потому что владения повелителя киче были действительно большими. (Правители) были во всех отношениях изумительными повелителями; не было никого, кто мог бы властвовать над ними; не было никого, кто смог бы унижить их. И в то же самое время они были строителями величия царства, которое они основали там, в Исмачи.

Там увеличился почтительный страх перед богом, они были воодушевлены благоговением, а все племена, большие племена и племена малые, были исполнены страха, потому что они видели прибытие пленных, которых приносили в жертву и убивали из-за мощи и величия повелителя Котуха, повелителя Истайуля и людей Нихаиба и Ахау-Киче.

Имелось только три ветви родов (киче) там, в Исмачи, как назывался этот город. Там же они начали устраивать пиры и неистовства из-за своих дочерей, когда (женихи) приходили просить их в брак. Там собирались эти три великих дома, как они себя называли, там они пили свои напитки и там они пожирали свои кукурузные лепешки, которые были ценой их сестер, ценой их дочерей, и сердца их были исполнены радости, когда они делали это. И они ели и пили из разрисованных тыквенных сосудов в своих больших домах.

— Таким образом мы показываем нашу благодарность, и этим мы открываем дорогу нашему потомству и нашим преемникам, это знак нашего согласия на то, чтобы они стали мужьями и женами, — говорили они.

Там же они уговаривались и там они получили свои имена; (там) они разделились на роды, на семь главных родов, и на части города.

— Давайте объединимся, — мы, люди Кавека, мы, люди Нихаиба, и мы, люди Ахау-Кице, — сказали три рода и три великих дома.

И долгое время находились они там, в Исмачи, пока не нашли и не увидели другой город и не оставили тогда город Исмачи.

После того как они поднялись и оставили ту (местность), они пришли сюда, в город по имени Кумаркаах,¹ как киче называли его, когда пришли повелители Котуха и Кукумац и все владыки. Тогда началось пятое поколение людей с начала света, с начала существования народа, с начала жизни и человечества. Они построили там много домов, и там же выстроили они храм бога; они поместили его в середине самой возвышенной части города, когда прибыли и поселились там.

Тогда вновь разрослось их царство. Они были очень многочисленны, их было очень много. И тогда великие роды снова сошлись на совет, они снова сошлись вместе и предприняли новое разделение, потому что среди них уже возникла зависть и поднялись разногласия из-за цены их сестер и цены их дочерей. Поэтому они больше никогда не пили вместе.

Вот это и было основной причиной, почему они разделились, почему они полностью обратились друг на друга и бросали черепа и кости мертвых и швыряли их вокруг и один в другого.² Вот в какой ярости они находились.

Тогда они разделились на девять родовых групп. Кончив раздор из-за сестер и дочерей, они выполнили то, что решили, и (разделили) царство на двадцать четыре великих дома.³ Так это и произошло. Прошло уже много времени с тех пор, как они все пришли сюда, в свой расположенный в горах город, и закончили (создание) двадцати четырех великих домов там, в городе Кумаркаах, который был (потом) благословлен епископом.⁴ Позже город был навсегда оставлен.

Там же они достигли величия, там поместили они свои блестящие троны и царские сидения, и (там) они распределили полагающиеся почести среди всех владык. Девять владык Кавека образовали девять родов, владыки Нихаиба образовали девять других, владыки Ахау-Киче образовали четыре других (рода), и владыки Саких образовали два других рода.

Они стали очень многочисленны, и много (людей) следовало за каждым из владык; эти были первыми среди их подданных; каждый из владык имел (в своем подчинении) многих, много родов.

Мы назовем теперь звания владык каждого из великих домов.

Вот звания владык, которые правили у людей Кавека. Первый из владык был ах-поп,⁵ (затем) ах-поп-камха,⁶ (затем) ах-тохиль,⁷ ах-кукумац,⁸ ним-чокох-кавек, пополь-винак-читуй, лольмет-кех-най, пополь-винак-па-хом-цалац и учуч-камха.

Таковы были правящие владыки Кавека, девять владык, каждый из которых имел свой собственный великий дом; впоследствии они будут приведены снова.

А вот (звания) владык, которые правили у людей Нихаиба. Первым владыкой был ахау-калель, затем ахау-ах-цик-винак, кале-камха, нима-камха, учуч-камха, ним-чокох-нихаиб, авилиш,

йаколатам-уцам-поп-саклатоль и нима-лольшмет-йеолтуш, (вот) девять владык Нихаиба.

А для таковых у Ахау-Киче — вот звание их владык: ах-цик-винак, ахау-лольшмет, ахау-ним-чокох-ахау [-киче] и ахау-хакавиц, четыре владыки имелись во главе Ахау-Киче, по порядку их великих домов.

А дом Сакик имел две группы родов: (звания их) владык были цутуха и катель-сакик. Эти два владыки имели только один великий дом.

Глава 9

Вот таким образом образовалось число двадцати четырех владык, и соответственным образом появилось двадцать четыре великих дома. Тогда росло величие и могущество сынов киче, возрастало и крепло величие и значение державы киче. И они построили из камня и извести города, окруженные ущельями.

Тогда малые племена и великие племена сходились туда, привлекаемые именем повелителя. Киче возрастали, тогда увеличивалась их слава и величие, тогда они воздвигли дом своего божества и дома для своих владык. Но они сами, впрочем, не утруждали себя никакой работой, не они это делали, не они сооружали свои дома или работали над воздвижением дома для божества; все это было (сооружено) их сыновьями и подданными, которые постоянно росли в числе.

И они вовсе не обманывали их, не грабили их, не схватывали их силой, потому что каждый (из них) принадлежал владыке по праву, и много было их старших и младших братьев. Они жили вместе и они собирались вместе, чтобы слушать приказания каждого из владык.¹

(Владыки) были поистине почитаемы, и поистине велико было их могущество. И сыновья и подданные соблюдали дни рождения владык с большим почтением, а жители ущелий² и города увеличивались в числе.

Но это случилось не потому, что все племена подчинились, и не потому, что (жители) ущелий и поселений пали в битве, нет, наоборот, они возрастали из-за чудесной силы владык, повелителя Кукумаца и повелителя Котуха. Кукумац был поистине чудодейственным повелителем. За семь дней он поднимался на небеса и за семь дней он спускался вниз в Шибальбу. Семь дней он пребывал в личине змеи, в действительности становился пресмыкающимся; на семь других дней он превращался в орла, на семь других дней он становился ягуаром; и его вид был действительно видом орла и ягуара. В другие семь дней он превращался в свернувшуюся кровь и был лишь застывшей кровью.

Природа и дела этого повелителя были поистине чудесны, и все владыки других племен были исполнены перед ним страха. Слухи о чудесной природе повелителя распространились всюду,

и все владыки поселений слышали их. И это было началом величия киче, когда повелитель Кукумац проявил эти знаки своей мощи. Его сыновья и его внуки никогда не забывали о нем в своем сердце. А он совершал это не для того, чтобы проявить себя необычайным повелителем, он сделал это, чтобы господствовать над всеми поселениями, чтобы показать, что только он единственный призван быть вождем народа.

Поколение чудодейственного правителя по имени Кукумац было четвертым поколением (правителей), а Кукумац был неоспоримым ах-попом и ах-попом-камха.

Они оставили преемников и потомков, которые управляли и возвеличивались и тоже порождали детей; и эти их сыновья свершили многие дела. Были порождены Тепепуль и Истайуль, правление которых было пятым поколением повелителей. Таким образом, каждое из поколений этих владык имело свое продолжение в сыновьях.

Глава 10

Здесь следуют имена шестого поколения повелителей. Было два великих повелителя, первый звался Как-Кикаб, а другой — Кависимах. Кикаб и Кависимах совершили великие дела и возвеличили имя киче, потому что они были воистину чудодейственной природы.

И вот, они опустошали равнины и города малых племен и больших племен; они рассеивали повсюду (жителей) поблизости и вдали от городов, которые некогда стояли здесь. Это была страна какчикелей, теперешняя Чувила, и страна людей Рабиналя, Памака, страна людей каоке, Сакабаха, и город людей Сакулеу, (города) Чуви-Микина, затем Шелахух, Чува-Цак и, наконец, Цолохче.¹

Эти (народы) ненавидели Кикаба. Он начал против них войну и действительно завоевал и разрушил поля поселения людей Рабиналя, какчикелей и людей Сакулеу. Он пришел и завоевал все эти племена, и воины Кикаба пронесли свое оружие в различные части (страны). Если то или другое племя не приносило дани, то (воины киче) нападали на их поселения и они были принуждаемы приносить свою дань Кикабу и Кависимаху.

Они (эти народы) стали рабами, они были ранены копьями и они были убиты стрелами, (привязанные) к деревьям,² не было для них уже более славы; они не имели более мощи. Рассказывают, что разрушение этих поселений произошло так внезапно, как будто бы раскрылись уста земли.³ Подобно вспышке молнии, которая ударяет и разбивает вдребезги скалу, так мгновенно завоеванные народы исполнились ужаса (перед народом киче) и принесли свою покорность.

Перед Колче, как свидетельство о городе, (разрушенном) им (Кикабом), находится теперь каменная скала, которая выглядит

почти как вырубленная острием топора; она вся вдоль и поперек изрублена. Она находится там, на побережье, называемом Пета-тайуб, и теперь люди, проходящие мимо, могут ясно ее видеть — доказательство могучей силы Кикаба.

Они не могли ни убить его, ни победить его, потому что он поистине был мужественным человеком, и каждый народ приносил ему полагающуюся дань.

И все владыки собрались на совет и затем отправились укреплять ущелья и стены поселений, после того как были завоеваны поселения всех племен. Тогда дозорные отправились наблюдать за врагом, и они оставили памятные знаки в (завоеванных) местностях. «Только на случай, если вдруг племена вернутся, чтобы занять поселение»,⁴ — говорили владыки, когда собрались снова на совет.

Затем они вышли, чтобы занять предназначенные им (места). «Это будет, как наши укрепления и наши поселения, как наши стены и защитные сооружения, здесь будет доказана наша боевая сила и наше мужество», — говорили все владыки, когда они отправились занять места, предназначенные каждому роду, чтобы бороться с противником.

И, получив свои приказания, они отправились к поселениям, которые были основаны в стране племен.⁵ Они должны были отправиться в эти местности.

— Не страшитесь, если там еще имеются враги и они снова придут, чтобы убить вас. Быстро возвращайтесь и дайте мне знать, а я пойду и сам убью их! — говорил Кикаб, когда он прощался со всеми ними в присутствии калеля и ах-цик-винака.

Тогда отправились стрелки из лука и пращники,⁶ как их следует называть. Тогда распространились деды и отцы всего народа киче.⁷ Они находились на каждой из горных вершин, и они были, как стражи гор, они сторожили со своими луками и пращами, они были тогда стражами войны. Они не имели никаких увеселений и не имели ни одной (статуи) божества, когда они отправились. Они отправились только, чтобы укрепить стены своих поселений.

Тогда вышли все: владыки из Увилы, владыки из Чулимала, Сакийя, Шахбакиех, Чи-Темах, Вахшалахуха, а также и владыки из Кабракана, Кабикак-Чи-Хун-Ахпу и еще владыки из Мака,⁸ владыки из Шайабаха, владыки из Саккабаха, владыки из Сийаха, владыки из Микина, владыки из Шелахуха, а также владыки с побережья. Они отправились, как военная стража, как защитники земли; они отправились по приказанию Кикаба и Кависи-маха — ах-попа и ах-попа-камха, а также (по приказанию) калеля и ах-цик-винака, — тех, кто был четырьмя повелителями.

Они были посланы, чтобы сторожить врагов Кикаба и Кависи-маха — имена правителей, оба из дома Кавека, (чтобы сторожить врагов) Кеема — имя владыки людей Нихаиба, и Ачак-Ибой'а — имя владыки людей Ахау-Киче. Вот таковы были имена владык, пославших их и назначивших их разведчиками. И они, как их сы-

новья и данники, отправились к горам, к каждой из гор. Они отправились сразу же первыми, и они захватили пленных, они доставили своих пленников пред лицо Кикаба и Кависимаха, калеля и ах-цик-винака. Лучники и пращники воевали и брали все больше пленников и заложников.

Некоторые из защищавших укрепления были храбрецами. И в их словах и требованиях росла их самостоятельность от повелителей, когда они приходили отдавать всех своих пленных и заложников.

После этого властители собрались на совет — ах-поп, ах-поп-камха, калель и ах-цик-винак — и вот что они решили:

— Давайте предоставим почетные звания первым из тех, кто находится там и несет знаки родов; пусть они будут допущены к этому! Я (все же остаюсь) ах-попом! А я — ах-попом-камха! Достоинство ах-попа, которое я имею сам, должны иметь и они. И твой, о ахау-калель: достоинство калеля должно быть (и для них)! — так говорили правители, когда они совещались на совете.

Люди тама и илока поступили точно таким же образом; равными по положению были три ветви киче, когда они впервые назвали своих сыновей и данников предводителями и сделали их знатыми. Вот что было исходом этого совета. Но они не были сделаны предводителями здесь, среди киче. Гора, где сыновья и данники были сделаны впервые предводителями, имела свое имя; после того как они были все посланы каждый к своей местности, они все (затем) сошлись в одном и том же (месте). Шебалаш и Шекамаш — вот названия гор, где они были сделаны предводителями и где они получили свои почетные звания. Это случилось в Чулимале.

Вот таким-то образом произошло наименование, возвышение и отличие двенадцати калелей, двенадцати ах-попов, какие получили эти почетные звания, благодаря (пожеланию прежних) ах-попа и ах-попа-камха, калеля и ах-цик-винака. Все (новые) калели и ах-попы получили знаки своего достоинства, а также и одиннадцать ним-чокохов, калель-ахау, калель-сакик, калель-ачих, ах-поп-ачих, ах-цалам-ачих,¹⁰ цам-ачих, — вот почетные звания, которые получили воины, когда достоинства и отличия были распределены среди них, когда они находились на своих тронах и на своих сиденьях, будучи первыми сынами и данниками народа киче, их лазутчиками, их разведчиками, лучниками, пращниками, стенами, дверями, укреплениями и крепостями киче.

Совершенно таким же образом поступили и люди тама и илока; они наименовали и сделали знатыми первых сыновей и данников, которые находились в различных местностях.

Вот таковым было происхождение калелей и ах-попов, тех званий, которые сохраняются и теперь в каждой из этих местностей. Вот каким образом были созданы их звания; ах-попом и ах-попом-камха, калелем и ах-цик-винаком были они созданы, наподобие их званий.

Теперь мы расскажем о жилище бога. Этому жилищу было дано то же самое имя, что и богу. «Великое здание Тохилья» было именем храма Тохилья, принадлежащего людям Кавека, в котором жил Тохиль. «Авилиш» было имя храма Авилиша, принадлежавшего людям Нихаиба, в котором жил Авилиш, и «Хакавиц» было имя храма бога людей Ахау-Киче.

«Цутуха», (здание) которое можно было увидеть в Кахбаха,¹ было именем (другого) большого здания, в котором находился камень, почитавшийся всеми владыками киче; он почитался также и всеми (завоеванными) племенами.

Люди приносили сперва свои жертвоприношения Тохилью, а затем шли отдать почести ах-попу и ах-попу-камха. Тогда они отправлялись принести свои драгоценные перья и свою дань перед повелителем. А повелителями, о которых они заботились и за которыми они ухаживали, были ах-поп и ах-поп-камха, основавшие их поселения.

Великими владыками и чудодейственными людьми были изумительные повелители Кукумац и Котуха, а также изумительные повелители Кикаб и Кависимах. Они знали, будет ли война, и все было ясно перед их взорами; они видели, будет ли смерть или голод, будут ли какие-нибудь споры. Они поистине хорошо знали, где можно все это было увидеть, где была книга, которую они называли «Пополь-Вух».

Но не этим только, не таким только образом было велико положение владыки; великое значение имели также и их посты. И это совершалось в признание того, что они были созданы, в признание того, что им были даны их дворцы и царствование. Они постились долгое время и совершали жертвоприношения пред лицом своего божества.

Вот как они постились: постилось девять человек, а девять других совершали жертвоприношения и сожигали благовония. Тринадцать человек еще постились, а еще другие тринадцать совершали приношения и сожигали благовония перед лицом Тохилья. И пока они находились пред своим богом, они питались только фруктами, только плодами тулуль, ахаче и кином. И они не могли съесть ни одной кукурузной лепешки. Поистине, будь то семнадцать человек, совершавших жертвоприношения, или десять, которые постились, они не ели. Они выполняли свои великие предписания и этим показывали свое положение как владык.

И не имели они женщин, с которыми могли бы спать, нет, они оставались одни и были воздержанными; они постились. Они находились в доме бога, где они день за днем молились, возжигали благовония и совершали жертвоприношения. Так они оставались с сумерек до зари, печалась в своем сердце и в своей груди, прося счастья и жизни для их сыновей и данников, для их царства и поднимая свои лица к небу.

Вот их моления к их богу, когда они молились, вот что было мольбою их сердец:

— О ты, красота дня! Ты, Хуракан, ты, Сердце неба и земли! Ты, податель изобилия и богатств, податель дочерей и сынов! Обрати к нам свое могущество, излей на (нас) свое изобилие и свои богатства. Дай жизнь и рост моим сыновьям и данникам, да умножатся и возрастут в численности те, кто должен поддерживать и кормить тебя, те, кто призывает тебя на дорогах, в полях, на берегах рек, в ущельях, под деревьями, под лианами!

— Дай им дочерей и сынов! Да не встретятся они ни с бесчестьем, ни с несчастьем, ни с глупостью, ни с обманом. Да не появится чудовище ни впереди, ни позади их. Да не будут они грешить, да не будут они ранены, да не будут они ни прелюбодеями, ни осужденными правосудием! Да не падают они ни на поднимающейся, ни на спускающейся вниз дороге! Да не будет кровавых ударов ни позади их, ни впереди их, ничего, что может повредить им! Дай им хорошие дороги, прекрасные, ровные дороги! Да не будет у них ни несчастья, ни позора по причине твоей слюны, по причине твоего волшебства!

— Дай хорошую жизнь и деяния тем, кто должен давать тебе пропитание и помещать пищу в твой рот, перед твоим лицом, тебе, Сердце небес, Сердце земли, тебе, «Писом-Какаль»! И ты, Тохиль, ты, Авилиш, ты, Хакавиц, свод неба, поверхность земли, четыре угла, четыре основные точки. Да будет только мир и спокойствие в твоём (жилище), в твоём присутствии, о ты, бог!

Так (молились) владыки, в то время как внутри постились девять человек, тринадцать человек и семнадцать человек. Они постились в продолжение дней, и их сердца печалились о их сыновьях и данниках, о всех их женах и их детях, когда каждый из владык совершал свое жертвоприношение.

Это было ценой за счастливую жизнь, ценой за могущество, ценой за власть ах-попа, ах-попа-камха, калеля и ах-чик-винака. Пара за парой они правили, каждые двое следуя за другими, чтобы нести бремя (управления покоренными) племенами, а также всем народом киче.

Одно лишь было начало преданий их, (одно лишь) начало обычая поддерживать и питать (богов) и одно лишь также начало преданий и обычаев людей тама и илока, людей Рабиналя, какчикелей, людей из Цикинаха, людей тухалаха и людей из Учабаха. Имелось всего лишь одно-единственное, что их уши должны были слушать там, в Киче, что все они должны были делать.

Но не только в одном этом было их предание. Не с неохотой доставляли им безвозмездно свои дары те, что поддерживали их и питали; те, кто приготавливал для них их кушанья и напитки. С полным правом получали они все это; (с полным правом) получили и схватили они свои владения, свое могущество и свою власть.

И не малой ценой (достигали они) этого: они завоевали поля

и поселения; малые племена и большие племена платили большие подати, они приносили драгоценные камни и серебро, они приносили муку и пчелиный мед, браслеты, браслеты из изумрудов и других камней; они приносили головные уборы, сделанные из голубых перьев, дань всех поселений. Они появлялись перед чудодейственными повелителями Кукумацем и Котуха и перед Кикабом и Кависимахом, ах-попом, ах-попом-камха, перед калелем и ах-цик-винаком.

Не малое совершили они, и не малочисленны были племена, которых они покорили. Многие ветви племен приходили платить дань киче, полные печали, приходили они, чтобы отдать ее. Но могущество (киче) росло не быстро. Кукумац был тем, что начал расширение владычества. Вот что было началом могущества и расширения (владычества) народа киче.

А теперь мы поименуем поколения владык и дадим их звания; мы снова поименуем всех владык.

Глава 12

Вот поколения и порядок последования всех правителей, которые начались с наших первых праотцев и наших первых отцов, Балама-Кице, Балама-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама, когда появилось солнце и стали видны луна и звезды.

И вот теперь мы (дадим) начало поколений, порядок царствований, с начала их родословной, как владыки приобрели мощь, с их вступлений до их смертей, (мы дадим) каждое поколение владык и предков, а также и владык поселений, всех и каждого из владык. Здесь будет показано лицо каждого из владык киче.¹

Балам-Кице — корень людей Кавека.

Кокавиб — второе поколение (рода) Балама-Кице.

Балам-Коначе, с которым началось звание ах-попа, — он был третьим поколением.

Котуха (I) и Стайуб — четвертое поколение.

Кукумац и Котуха (II), первые из чудодейственных правителей, они были пятым поколением.

Тепепуль и Стайуль — шестые по порядку.

Кикаб и Кависимах — седьмые по порядку в наследовании царством; они тоже были чудодейственными. Тепепуль и Штайуб — восьмое поколение.

Текум и Тепепуль — девятое поколение.

Вахшаки-Каам и Кикаб — десятое поколение повелителей.

Вукуб-Нох и Кууатепеч — одиннадцатые по порядку повелители.

Ошиб-Кех и Белехеб-Ци — двенадцатое поколение повелителей. Они были те, кто правил, когда пришел Донадиу,² и кто был повешен испанцами.

Текум и Тепепуль, которые платили дань испанцам; они оставили сыновей, а прежде они были тринадцатым поколением повелителей.

Дон Хулио де Рохас и дон Хулио Кортес, четырнадцатое поколение повелителей, они были сыновьями Текума и Тепепуля.

Вот таковы поколения и последовательность царствования владык ах-попов и ах-попов-камха у киче Кавека.

А теперь мы снова назовем роды. Вот великие дома каждого из владык, следовавших за ах-попом и ах-попом-камха. Здесь (перечисляются) названные раньше девять родов людей Кавека и их девять великих домов, а вот звания владык каждого из великих домов:

повелитель ах-поп, один великий дом. Куха было именем этого великого дома;

повелитель ах-поп-камха, великий дом которого назывался Цикинаха;

ним-чокох-кавек, один великий дом;

повелитель ах-тохиль, один великий дом;

повелитель ах-кукумац, один великий дом;

пополь-винак-читуй, один великий дом;

лольмет-кехнай, один великий дом;

пополь-винак-па-хом-цалац-шкушеба, один великий дом;

тепеу-йаки, один великий дом.

Вот таковы девять родов Кавека. Очень многочисленными были сыновья и данники, следовавшие за этими девятью великими домами.

А здесь вот девять великих домов людей Нихаиба. Но сперва мы дадим родословную правителей царства. Все они происходили только из одного корня, когда начало сиять солнце, когда начался для людей свет.

Балам-Акаб — первый предок и праотец.

Коакуль и Коакутек — второе поколение.

Кочахух и Коцибаха — третье поколение.

Белехеб-Кех (I) — четвертое поколение.

Котуха (I) — пятое поколение правителей.

Затем дальше Баца — шестое поколение.

Стайуль — седьмое поколение повелителей.

Котуха (II), восьмой по порядку царствования.

Белехеб-Кех (II), девятый по порядку.

Кема — так назывался — десятое поколение.

Повелитель Котуха — одиннадцатое поколение.

Дон Кристоваль — так он назывался, — который правил во времена (прихода) испанцев.

Дон Педро де Роблес, тот, кто повелитель калель в настоящее время.

Вот таковы все повелители, которые происходят от повелителя калель. Теперь мы назовем (звания) владык каждого из великих домов:

повелитель калель, первый владыка Нихаиба, глава одного великого дома;

повелитель ах-цик-винак, один великий дом;

повелитель калель-камха, один великий дом;
нима-камха, один великий дом;
учуч-камха, один великий дом;
нима-камха, один великий дом;
ним-чокох-нихаиб, один великий дом;
повелитель авилиш, один великий дом;
йаколатам, один великий дом;
(нима-лольмет-йеолтуш, один великий дом).

Вот таковы великие дома Нихаиба, таковы были названные раньше имена девяти родов людей Нихаиба, как они назывались. Многочисленными были роды каждого из владык, имена которых мы дали сперва.

Здесь вот (родословная) людей Ахау-Киче, кто были их пра-отец и отец.

Махукутах, первый человек.

Коахау — имя повелителя второго поколения.

Каклахан.

Кокосом.

Комахкун.

Вукуб-Ах.

Кокамель.

Койабакох.

Винак-Бам.

Вот таковы (имена) повелителей людей Ахау-Киче; такова последовательность и порядок их поколений.

А здесь вот звания владык, которые (составляли) великие дома; всего было только четыре великих дома:

ах-цик-винак-ахау — звание первого владыки, один великий дом;

лольмет-ахау, второй владыка, один великий дом;

ним-чокох-ахау, третий владыка, один великий дом;

хакавиц, четвертый владыка, один великий дом.

Итак, было четыре великих дома у Ахау-Киче.

Имелись, итак, три ним-чокоха,³ которые были подобны почетным отцам для всех владык киче. Единодушно советовать имели обычай три чокоха. Велико было их положение: они были матерями слова, отцами слова; они действовали в великих и малых (событиях), три чокоха.

(Имелись) тогда ним-чокох людей Кавека, ним-чокох людей Нихаиба — он был вторым, и ним-чокох-ахау (людей) Ахау-Киче, он был третий. Каждый из трех чокохов представлял свой род.

[ЗАКЛЮЧЕНИЕ]

Больше о существовании народа киче сказать нечего, потому что нельзя больше видеть светильника (книгу Пополь-Вух), которую повелители имели в древние времена, она совершенно исчезла.

Вот таким образом тогда все люди киче, (люди из местности, которая) называется теперь Санта Крус, пришли к теперешнему состоянию.

ЛЕТОПИСЬ НАРОДА КИЧЕ

Происхождение «Родословной владык Тотоникапана», этого важного для восстановления древней истории киче документа, следующее. В 1834 г. индейцы, жители небольшого гватемальского города Тотоникапан (в доиспанское время на языке киче называвшегося Чименекенха), обратились с просьбой к губернатору провинции. Просьба их состояла в том, чтобы священник селения Сакапулас Дионисио Хосе Чонай перевел на испанский один важный документ. После того как Чонай выполнил это поручение, индейцы представили оригинал документа и его перевод местному судье, прося, чтобы «два понимающих человека» освидетельствовали бы документ и заверили бы точность выполненного перевода. Желание индейцев было выполнено, а перевод по приказанию судьи оставлен в архиве суда.

Хосе Чонай, переводя документ, сократил его. Это явствует из его письма, приложенного к переводу. Приводим заключительную часть его:

«Перевод приложенной рукописи, написанной на языке киче теми, кто подписал ее в 1554 году, в согласии с традициями их предков.

Вышесказанная рукопись состоит из тридцати одной страницы и четверти; но перевод первых страниц опущен, так как в них говорится о сотворении мира, о Адаме, земном рае, в котором Ева была обманута не змеем, а самим Люцифером, как ангелом света. Повествуется о потомстве Адама, следуя в каждой детали тому же порядку, как в Генесисе и священных книгах, до пленения Вавилонии. Рукопись утверждает, что три великих народа киче, с которыми она в особенности имеет дело, являются потомками десяти племен царства Израиля, которых Салманесер принудил к вечному плену и которые, оказавшись на границе Ассирии, решились бежать.

В этом переводе я старался следовать, насколько это возможно, орфографии и порядку слов оригинала».

В 1860 году, во время своего вторичного пребывания в Гватемале, Ш. Э. Брассер де Бурбур, находясь в Тотоникапане, обнаружил этот перевод и снял с него копию. Эта копия — в настоящее время единственный источник, так как ни оригинал «Родословной...», ни ее перевод не обнаружены. После смерти Брассера де Бурбур копия перешла в руки французского американиста Шаранси, который опубликовал ее, сопроводив своим переводом на французский, в 1885 году. С этого издания и сделан перевод для русского издания.

Название этого документа, предложенное Брассером де Бурбур и уже вошедшее в научную литературу, не вполне удачно, так как не отражает его подлинного содержания. В действительности в нем излагается история народа киче от выхода из Тулана до правления повелителя киче Кикаба, жившего в середине XIV века. По всей видимости, он был составлен с целью доказать права знати киче на какие-то земельные участки в районе тихоокеанского побережья Гватемалы; не случайно «Родословная...» заканчивается описанием путешествия Кикаба по этому району и сообщением о совершенных им там разделах земли. С целью доказать какие-то свои права на эти земли обратились в 1834 году к тексту «Родословной...» и жители Тотоникапана.

По предположению А. Ресиноса, «Родословная...» была составлена в 1554 году в бывшей столице киче — Уататлане, на что указывают подписи под документом, перечисляющие наиболее важных лиц из знати киче.

РОДОСЛОВНАЯ ВЛАДЫК ТОТОНИКАПАНА

Глава I

Путешествие народов киче и других родственных племен¹

Мудрые люди, нахуали,² вожди и предводители трех великих народов и других, присоединившихся к ним, называемые у-мамае,³ простирали свой взгляд на четыре части мира и на все то, что находится под небом. Не обнаружив препятствий, они отправились с другой стороны океана, оттуда, где поднимается солнце, из места, называвшегося Па-Тулан, Па-Сиван.

Главных вождей было четверо: первый именовался Балам-Киче, дед и отец наш, людей Кавека; второй — Балам-Акаб, дед и отец людей Нихайа; третий — Махукутах, ствол и корень киче; четвертый именовался Ики-Балам. Эти были вождями первого народа или первого племени киче; а жена Балама-Киче носила имя Сака-Палума, жена Балама-Акаба — Цунуниха, жена Махукутаха — Какишаха, Ики-Балам был холостым.

Вожди второго народа или племени киче назывались тамуб; их было также четверо: Копичоч, Кочохлам, Махкиналон и Коканавиль. Эти были стволom и корнем принцев тамуба, каковые носили звания какох (и) эгоме.⁴ Совместно пришли эти племена с другой стороны моря, с Востока, из Па-Тулана, Па-Сивана.

Вождей третьего племени или народа киче было также четверо, — и они были Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум, Йолчирамак и Чипель-Камукель.⁵ Эти были ствол и корень домов и семей Кала-Сиха и Цунуниха, но это племя различалось именем илокаб.

Вот таковы были три народа киче, и пришли они оттуда, где поднимается солнце, потомки Израиля,⁶ того же самого языка и тех же самых обычаев.

Когда они поднялись из Па-Тулана, Па-Сивана, первым предводителем был по единодушному выбору назван Балам-Киче, и тогда великий отец Накшит дал им дар, называемый «Кирон-Какаль».⁷

Когда они прибыли к берегу моря, Балам-Киче коснулся его своим посохом, и сразу же открылся проход, который затем снова закрылся, ибо великий бог желал, чтобы это так произошло, потому что они были сыновьями Авраама и Иакова.⁸ Это было так, эти три народа прошли (через море) и с ними тринадцать других, называвшихся вук-амак.⁹

На этой другой стороне моря они были принуждены питаться кореньями из-за отсутствия пищи, но они странствовали довольные. Они пришли к берегу озера, где имелось множество животных; здесь они построили хижины, но (затем), не удовлетворенные местностью, оставили ее. Они пришли на место, называемое Чикпач; остановились там, а (затем), оставив большой камень в качестве памятника, продолжали свое странствование, поддерживая себя кореньями. Они пришли к другому месту, которое называли Чи-Киче; они оставались там некоторое время и, покинув его, прибыли, наконец, к горе, которую называли Хакавиц-Чипаль.¹⁰

Это было (место), где они остановились, и это было (то место), где Балам-Киче, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам решили поселиться. Три народа или племени киче находились вместе, а именно кавекиб, тамуб и илокаб, а также тринадцать других народов, называемых вук-амак-текпан.

И они (уже) находились в Хакавице некоторое время, когда согласились разжечь огонь. «Мы слишком много страдали от холода, — сказал Балам-Киче, — давайте попробуем разжечь огонь».

«Хорошо, — ответили тринадцать народов вук-амак, — давайте договоримся о том, какой вид платы будут иметь те, кто первым зажжет его; если это устраивает вас, мы согласимся отдать наших дочерей тем, кто первым зажжет огонь». — «Хорошо», — ответил Балам-Киче.

И когда они начали тереть дерево и камни, первыми, кто зажжет огонь, были Балам-Киче, Балам-Акаб, Махукутах, а народы вук-амак никак не могли разжечь его. И тогда последние сказали:

Индеец, потомок народа киче.

«Дайте нам немного вашего огня!». — «Дайте нам, — возразили они, — то, что мы выиграли, или же дайте нам залог или обеспечение». — «А что за залог хотели бы получить от нас?» — спросили люди вук-амак. — «Если это устраивает вас, — сказал Балам-Киче, — мы поцелуем вашу грудь в знак того, что вы в долгу перед нами за ваших дочерей». — «Хорошо», — ответили тринадцать народов, и, допустив, чтобы их поцеловали, они утвердили договор.

Разделение народов

Здесь следует объяснение, почему народы разделились.

Четыре вождя первого племени собрались, и, взяв слово, Балам-Кице сказал: «Владыки Копичоч, Коканавиль, Махкиналон, вожди гамуба, и вы, Чийатох, Чийа-Цикин, Йолчитум и Йолчирамак, вожди илокаба, слушайте. Если это нравится вам, я скажу, что мы можем разделиться, но не навсегда, потому что в конце концов мы снова объединимся. Мы не нашли еще наших домов и полей; здесь, в этом месте Хакавиц-Чипаль, мы сделали не больше того, что повиновались голосу, который вел нас».

После того как это было сказано, племя тамуб сразу же оставило (эту местность) для горы Амак-Тан. Люди илокаба отправились к горе Укин, и с ними народы вук-амак; племя же, которым предводительствовали Балам-Кице, Балам-Акаб, Махукутах и Ики-Балам, осталось там, на горе Хакавиц-Чипаль.

Там они умножились, и там Балам-Кице породил Кокаиба и Каковиба. Другие народы также умножались. Нахуаль или бог Балама-Кице был назван Тохилем, бог Балама-Акаба — Авилишем, бог Махукутаха — Хакавицем. Ики-Балам умер холостяком.

Там, в Хакавиц-Чипале, они жили многие годы, и там они впервые раскутали дар, который старый Накшит дал им, когда они ушли с Востока. И этот дар был причиной того, что их боялись и почитали.

Случилось, что сыны народов вук-амак начали пропадать; никоим образом не было возможности найти тех, кто похищал и убивал их. «Может ли быть, — сказали они, — что сама гора, на которой мы живем, причиняет нам это зло?».

Они напрягали все свои силы, чтобы найти следы и расследовать их, но все, что они могли обнаружить, — были следы тигров и койтов и кровь, которые вели к святилищу нахуалей Тохила, Авилиша, Хакавица. Это было достаточным основанием для народов вук-амак; они решили убить наших отцов, Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха. Но как только Балам-Кице узнал об этом решении, он отправился сообщить это и посоветоваться с нахуалями, а они ответили и сказали: «Не печалься, как только будет известен день, в который враги нападут на вас, приди и сообщи это нам».

Когда наши отцы затем узнали день, назначенный для их убийства, они отправились и сообщили об этом нахуалям, а те сказали, что им делать. Враги вооружились луками, стрелами и другими орудиями войны. В первый раз война угрожала Хакавиц-Чипалю. Враги пришли, и после дневного перехода они устроили лагерь у подножья горы. Здесь их охватил такой глубокий сон, что они не заметили, когда наши отцы отобрали у них их луки, стрелы и все их оружие, а кроме того и (отрубили) у них мизинцы и пальцы на

ногах, так что, пробудившись, они увидели себя в таком постыдном положении, что (немедленно возвратились), пристыженные, домой.

Тогда народы вук-амак начали готовить другую войну. (У них) продолжало исчезать много сыновей, и это было причиной. Они (думали) также, что эти несчастья могли быть следствием поцелуев, которые они допустили, когда их дочерей просили для (брака). Они объявили войну и назначили день, а наши отцы, узнав об этом, отправились посоветоваться с нахуалями, и те ответили: «Сделайте двенадцать деревянных чучел, вооруженных луками и стрелами, и всем тем, что вы отобрали в прошлый раз у противников, устроив так, разместите их на холмах, по порядку, как будто они собираются нападать. Возьмите четыре больших кувшина; наполните их — один шершнями, другой маленькими осами, третий змеями и последний жуками — и поставьте между каждым четырьмя чучелами по кувшину».

Они использовали эту уловку потому, что по сравнению с тринадцатью народами вук-амак племя, над которым главенствовали Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах, было маленьким. Народы (вук-амак), уверенные из-за своей численности, решили устроить нападение и убить наших отцов. Но последние, будучи хорошо наученными (нахуалями), использовали свои заклинания, чтобы создать облака, гром, молнию, град, землетрясение и другие явления, сопутствовавшие чучелам. Тем не менее враги напали, но наши отцы поместили чучела в боевом порядке, и враги стреляли в них, пока не утомились. Тогда женщины, жены Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутах, открыли кувшины с змеями и осами, которые, добравшись до врагов, заставили одних бежать, бросив оружие, а других убили. Наш народ ограбил их. Так закончилась первая война; с того времени наши предки приобрели славу необычайных и доблестных людей.

Вот имена вражеских вождей: Роцхаиб, Кибаха, Ушаб, Баках и Кебацунуха. Они встретились снова, чтобы в третий раз совместно посоветоваться, каким образом они могут убить наших отцов: Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутах. Они вывели, что через каждые семь дней наши отцы отправляются купаться к одному источнику с теплой водой, и сказали: «Может быть они могущественны и как бы наполнены божественным огнем потому, что не знают других женщин? Давайте выберем и украсим трех прекрасных юных девушек: если они полюбят их, то их нахуали возненавидят их и, когда они будут лишены этой помощи, мы сможем убить их».

Когда замысел был одобрен, они выбрали трех прекрасных девушек,¹¹ украсили их, снабдили благовониями и посоветовали им, что они должны делать в купальне. Когда Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах прибыли, юные девушки сказали им:

— Бог да хранит вас, владыки и вожди этих высот! Наши отцы и владыки приказали нам приветствовать вас от их имени

и повиноваться всему, что вы пожелаете приказать нам. Или, если у вас будет желание жениться на нас, мы будем счастливы и согласимся. Так сказали наши отцы Роцхаиб, Ушаб, Кибакха и Кебацунуха.

— Хорошо, — ответил Балам-Кице, — но лучше вы скажите вашим отцам, что вы не видели нас или не говорили с нами.

— Этого не может быть, — возразили девушки, — потому что наша задача — поговорить с вами. Наши отцы сказали нам: «Принесите доказательства, что вы действительно говорили с теми владыками, к которым мы вас посылаем, иначе вы будете жертвами нашего гнева». Имейте к нам сочувствие, дайте нам какое-нибудь доказательство, что мы сделали так, чтобы мы не погибли.

— Тогда подождите доказательства, какое мы можем дать вам, — сказал Балам-Кице.

И он отправился посоветоваться с нахуалями и, объяснив им положение вещей, сказал:

— Возвестите же нам, о Тохиль, Авилиш, Хакавиц, что мы должны делать или какое доказательство мы можем дать этим юным дочерям народов вук-амак?

— Возьми три покрывала, — ответил Тохиль, — на одном нарисуй осу, на другом — орла, а на третьем — тигра; дай их девушкам и скажи им, что это — доказательство, а также подарок, который вы посылаете для главных владык этих народов.

Разрисовав три белых покрывала, Балам-Кице дал их девушкам, имена которых были Пуч, Тас и Кибацинах. Они, очень довольные, возвратились к своим владыкам и сказали им: «Мы исполнили порученное нам, и в доказательство вот подарки, которые эти владыки посылают вам».

Очень довольные принцы вук-амак исследовали подарки, распределили их и немедленно накинули их на себя, но нарисованные (звери) тотчас ожили и стали так мучить владык вук-амак, что они сказали своим дочерям: «Адские женщины, что это за бичи вы принесли нам?».

Так была сокрушена вражда, поднявшаяся против наших отцов. Так все их враги стали бояться и почитать их. Это было там, в Хакавице, там наши отцы показали достоинство и величие, в которое они были облачены, и там они жили долгое время.

Глава III

Об общественных должностях, достоинствах и почестях

Когда Балам-Кице поразил своих врагов и получил мир, он сказал: «Наступило время отправить посланников к нашему отцу и владыке Накшиту; тогда он узнает положение наших дел, тогда он снабдит нас средствами, так что в будущем наши враги никогда не смогут победить нас; тогда они никогда не преуменьшат знатности нашего рождения, тогда он назначит почести для нас и для

всех наших потомков и тогда, наконец, придет общественные должности для всех, кто заслуживает их».

Это решение было одобрено другими вождями; они пытались избрать лиц, достойных такого поручения, и большинством голосов были избраны Кокаиб и Кокавиб, оба сына Балама-Кице.

Получив эти наставления, Кокаиб отправился на восток, а Кокавиб — на запад. Кокаиб следовал по своему пути, пренебрегая опасностями, пока не выполнил (возложенное) на него поручение. А Кокавиб, встретив какие-то затруднения на берегах озера Мехико,¹² возвратился, не сделав ничего. Обнаружив затем слабую душу, он недозволенно познал свою невестку, жену Кокаиба. При таких обстоятельствах до Хакавиц-Чипаля дошел слух о приближении Кокаиба, нагруженного общественными должностями и почестями.

Эти новости огорчили Кокавиба, который сказал: «Было бы лучше, если бы я повесился на дороге, по которой я возвращался; тогда бы принц Кокаиб, прибыв (сюда), не узнал, что получилось из совершенного мной поступка!».

Кокаиб прибыл и дал отчет в своем поручении. Он доставил звания ах-попа, ах-цалама, цамчинимиталья и многие другие; он показал отличия, которые должны сопровождать эти звания, а это были когти ягуаров и орлов, шкуры других животных, а также камни, палки и другое.

Вожди поздравили Кокаиба и проводили его до его дома. Когда он увидел, что в его отсутствие родился ребенок, он сказал своей жене:

— Чей это ребенок? Откуда он появился?

— Он — твоей крови, — ответила женщина, — твоей плоти и твоих же костей.

— Раз это так, то я не буду ненавидеть его, я, наоборот, возложу на него почести.

И взяв колыбель ребенка, Кокаиб сказал:

— С сегодняшнего дня и навсегда этот ребенок будет называться Балам-Коначе.

Так начался ствол дома Коначе и Истайуль, и здесь также начало звания и должности ах-поп-камхайль, второго звания дома Истайуль.

Глава IV

Другое странствование на восток

Слушайте, что я собираюсь рассказать, что я собираюсь объявить, я, Диэго Рейносо,¹³ пополь-винак, сын Лахух-Ноха.

Великие люди, мудрые люди, доблестные люди решились на второе путешествие на восток. Этими людьми были Кокаиб, Кокавиб, Коакуль, Акутек и вскоре после ним-чокох кавек, который позже имел звание чокохиль-тем. Когда они достигли местопребы-

вания Накшита, там, где поднимается солнце, они разъяснили свое поручение. Накшит принял их, благосклонно выслушал, подарил им то, что они просили, и дал много других знаков отличия, которые должны были носить (люди), получившие звания, и другие достойные лица. Кокаиб и его товарищи возвратились радостные из своего счастливого путешествия и, когда прибыли в Хакавиц-Чипаль, показали все знаки и символы, которые они доставили с собой. Они объяснили, как и какие знаки отличия должны сопутствовать носителям званий.

Владыка, который должен был впредь с этого времени иметь звание ах-попа, обязан был употреблять четыре балдахина и арку. Владыка ах-поп-камха — три, и так же с другими. Вновь созданные звания были: калель-тем, ацивинакиль-тем, ним-чокохиль-тем, кале-йамхайль-тем, нима-йамохаль-тем, четыре ах-тохиле, три чоко-хил, три уцам-пот, три йакольха и поп-камха. Лица, которые получили эти должности, обязаны были сопровождать короля иначе, который в знак почета также имел все эти звания.

Глава V

О генеалогии Балама-Кице. Страх нахуалей и странствования народа киче

Балам-Кице, Балам-Акаб и Махукутах, после того, как они были возвеличены и украшены новыми почестями, весьма наслаждались в Хакавиц-Чипале, где они претерпели многие трудности и где также умножились, потому что все они имели помногу детей.

Балам-Кице породил Коцаха и Корашонамака. Коцаха породил Цикина, последний породил Ахкана, который породил Кокаиба и Кокавиба. Кокаиб имел пять сыновей, каковые суть Кехнай, Койой, Шмаикех, Чоккой и Кокамаль, и все они назывались Ахкан. Кокавиб породил Балама-Коначе, который взял своей женой прекрасную Ципитабан.

Когда они были весьма неподготовлены, нахуали заговорили и сказали Баламу-Кице и другим вождям: «Перед тем как поднимется солнце, перед тем как наступит заря, возьмите нас из этого места и спрячьте в другой глубокой горе, а если вы не сделаете этого, вы без сомнения погибнете. Отправьтесь туда и спрячьте нас; вы можете (там) советоваться с нами. Спешите, спрячьте нас, перед тем как засияет солнце, перед тем как появится другая луна, перед тем как засверкают другие звезды».

Испуганные вожди повиновались. Тохиль, бог Балама-Кице, отправился к холму, названному с тех пор Па-Тохиль, где жили три пары орлов, три пары змей и три (пары) гадюк-канти.¹⁴ Бог Балама-Акаба отправился к холму, который стал называться Авилиш; бог Махукутаха отправился вверх, на высоту и ширину самого Хакавица. Когда показалась утренняя звезда, когда начали петь маленькие птицы и когда поднялось солнце, боги были уже на своих

положенных им местах, и, обернувшись лицом к звезде дня, они воздали хвалу. Вожди отправились к своим богам и, вынув курения с различными запахами, поднесли им, говоря: «Дважды и трижды мы благодарим вас, творцы всего, что окружает нас, мы благодарим вас, потому что снова увидели солнце и надеемся увидеть его еще много раз, и звезды. А ты, наша древняя страна Тулан-Сиван, где находятся наши братья, прими наши клятвы». Так говорили они, сожигая благовония. И дымок от них поднялся сперва прямо, показывая, что они были приятны великому богу, а затем склонился по направлению к солнцу, показывая, что эти приношения и эти клятвы, рожденные в тайных местах сердца, достигли присутствия нашего отца Накшита.

Когда они выполнили эти обязательства, они погрелись на солнце и затем собрали всех вместе. Балам-Кице сказал другим: «До сих пор мы выполняли наши обязанности целиком для вашего блага, — сказал он, — мы оставляем вас покрытых почестями, свободными от врагов; они, испытав вашу храбрость и узнав о вашем превосходстве, всегда боятся вас. Храните драгоценный дар, который наш отец Накшит дал нам; он будет еще полезен, потому что мы еще (не) достигли местности, в которой мы должны поселиться. Порождайте сыновей, достойных званий ах-попа, ах-попа-кама, калеля, ацивинака и других; творите сыновей, полных огня и величия, которым наш отец Накшит наградил нас; заботьтесь о ваших матерях. Мы же, кто были до сих пор вашими вождями и предводителями, смертны; мы скоро исчезнем!».

Так сказал Балам-Кице. И они хорошо провели этот день и оставались в добром здоровье, но когда наступила заря, их уже больше не существовало; они исчезли, и никто не знал как. Но не пугайтесь, услышав это, потому что сыновья Балама-Кице, Балама-Акаба и Махукутаха приняли имена своих отцов.

Не зная, как это случилось, они обнаружили, что находятся со всеми своими детьми в горах, там же, где находились и боги. Благодаря этому удивительному происшествию, эти холмы были названы с того (момента) Сакирибаль-Тохиль — первый, Сакирибаль-Авилиш — другой и Сакирибаль-Хакавиц — третий.¹⁵

Здесь, на этих холмах, они построили дома и жили некоторое время. После этого они все собрались на (горе) Па-Тохиль, а (затем), оставя ее, прибыли в местность, которую они называли Чикибакиха. Там они оставались некоторое время, всегда храня у себя дар Накшита, терпя нужду и перенося недостатки. Они оставили эту местность и пошли в другую, которую они называли Чиваих, несомненно из-за голода, который они (там) терпели.¹⁶ Ибо они жевали палки, чтобы поддержать себя там. Они построили большие хижины. Они оставили эту местность и прибыли в Пахаха-Шехойен. Там они воздвигли несколько зданий и оставались некоторое время.

Пятая стоянка (как они называли ее, не говорится). Они пришли к местности, (называемой) Барабик-Чум,¹⁷ здесь они остано-

вились на несколько дней. Из Барабик-Чум (они передвинулись) в Памбилиль-Панцокан, здесь они также остановились на некоторое время и питались личинками ос и жуков.¹⁸

Восьмая стоянка, которую они называли Тиках-Чалиб; они строили дома. Из Тиках-Чалиба они пошли в Тибаци, они построили дома и пострадали от страшного урагана.

Десятое место, которое они называли Хобалам-Кана-Улеу; (в нем) они оставались некоторое время.

Двенадцатое место, которое они называли Йамримба. Из Йамримба они пришли на место, которое они позже называли Чики-Туха, потому что они узнали, что там живет человек. Они действительно нашли его охотившимся за перепелкой. Захваченный врасплох предводителями, он сказал:

— Не убивайте меня и ничего со мной не делайте!

— Каково твое имя и что ты здесь делаешь? — спросил Балам-Кице.

— Они называют меня Котуха, — ответил старик, — а я охочусь за перепелкой!

— Хочешь присоединиться к нам? Мы смотрим на тебя как на брата!

— Я с удовольствием принимаю вашу любезность, — сказал Котуха.

— Хорошо! Тогда с сегодняшнего дня ты наш брат и товарищ, — сказали предводители, — твоим будет место и все почести и превосходство Ики-Балама, умершего в этих странствиях, и ты будешь товарищем Махукутаха.

И он был признан за такового всеми; вот как восполнилось число четырех предводителей, пришедших с Востока.

Там они нашли также камень, подобный тому, который Накшит дал им. Там, в Котуха или Цутуха¹⁹ они оставались долгое время. Из Котуха они отправились в Чуви-Кабаль; (здесь) они построили дома и находились долгое время. Из Чуви-Кабаль — в Йамукутурашох; там необходимость принудила их есть личинки ос и других насекомых. Из Йамукутурашоха они пошли в Чильцареб. Там они воздвигли дома и терпели нужду, хотя позже они нашли способ сеять кукурузу, удовлетворявшую их потребности. Они оставались (там) долгое время. Из этой местности они пришли в Калемиаль-Кукурабах, бесплодное место, и страдали там от голода и жажды. Из Кукурабаха они пошли в Паче-Чикохон; там наши отцы оставались долгое время.

Из Чикохона — в Чи-Кабавиланик. Они назвали это (место) так потому, что камень Накшита, который они использовали для своих заклинаний, был полезен им. Здесь они оставались долгое время, (находясь) под руководством четырех предводителей. Здесь они занялись охотой на оленя, кровь которого они подносили нахуалю Тохилю; там же они использовали и свои заклинания, принужденные к этому следующим случаем.

Когда они обезглавливали одного из своих оленей, мимо прохо-

дили двое людей из горцев, с которыми, как это было установлено позднее, вражеские племена, называвшиеся вук-амок, были уже знакомы. Эти двое людей сказали:

— У кого это вы отрезаете голову? Наверное, это один из наших товарищей. Мы будем мстить!

Наши отцы ответили:

— Хорошо, мы принимаем вызов!

Там же появился замаскированный человек, которого они, естественно, приняли за разведчика, потому что он был покрыт с головы до ног ушами какого-то животного. Старые враги Ах-Цалакан и Ах-Тибильшат приняли участие в споре. Наши предводители приказали, чтобы следы разведчика были прослежены. Их проследили и (увидели), что вражеские силы окопались на горе, которую наши люди называли «Горой дыма» из-за того, что из нее постоянно шел дым.

Когда нахуалам сообщили об этом, они отправились туда и с помощью своего искусства создали два новых ливня, громы и молнии, разразившиеся над противником. А враги, услышав такой страшный шум с нашей стороны, в ужасе бежали. В первый раз (в жизни) сам Котуха испугался.

Двадцатая остановка. Оставив Котуха, они пришли на место, которое они называли Чи-Хумет, потому что там было большое изобилие известняка и потому что они построили из него свои жилища. Они нашли (там) несколько банановых деревьев²⁰ и маленьких птиц. Но несмотря на это они терпели в этих горах большие трудности. Из Чи-Хумет они отправились в Кульба-Кавиналь. Здесь они также воздвигали дома и строили хижины. Там они и встретили тех, кого называли акааб.²¹ Эти (люди) сказали Баламу-Кице, Баламу-Акабу, Махукутаху и Котуха: «Вы наши дедушки, наши отцы и наши вожди». Они стали почитать нахуалей, приносили им в жертву небольших птиц и таким образом объединились (с народом киче).

Наконец, они (киче) пришли к месту, которое они называли Чи-Исмачи. К тому времени, когда это случилось, король Балам-Кице имел многих сыновей и внуков, и мы, люди Кавека, очень умножились, так же как и люди Нихайиб, потомки Балама-Акаба, и киче, сыновья и внуки Махукутаха. Здесь они провозгласили звания и должности, созданные Накшитом; здесь Котуха был публично признан как принц и владыка, получив звания ах-попа и ах-попа-камха; здесь же было дано звание ах-попа-камха и Истайулу, сыну Коначе.

Должности, которые должны были, согласно инструкциям Накшита, иметься в государстве, были следующие: ах-поп, ах-цалам, цамчинамитель, калель-тем, ах-ци-винак, накель-туй, ним-чокохиль-тем, калель-кан, хаитуй, нима-камохиль-тем, ах-тохиль, чокохиль, у-цам-поп, йаколха и поп-камха. Все эти звания и почести имели свои эмблемы, а такими были когти ягуаров, пумы, орлов и так далее. Таковы были знаки отличия и почести, возведенные

и дарованные там, в Исмачи, все в согласии с наставлениями Кокайба, доставленными с Востока. После этих действий они воздали за все хвалу богу, творцу всего, что ограничено небесами и землей; они воздали хвалу солнцу и луне, звездам и в особенности звезде, возвещающей день. Они воскурили благовония и с печалью вспоминали свою старую родину, братьев и родственников, оставшихся там, на другой стороне моря, в Сиван-Тулане.

Когда они исполнили эти обязанности, то развеселились, запели, и, наконец, стали пьяными из-за перебродившего меда, который они находили обычно на деревьях. Тогда они начали предлагать своих дочерей, которых они выдавали замуж с определенными церемониями и несколькими глиняными кувшинами белого батида,²² к которым (прибавлялась) корзина с маленькими авокадо, нога дикой свиньи и маленькие пироги, завернутые в (листья) и перевязанные побегами. Таковы были (свадебные) подарки, и после этого брак считался заключенным.

Глава VI

Женитьба Котуха и другие события

Имелось три группы киче, а именно группа кавик, группа илок и там, (все они) находились в одной местности, Исмачи, на небольшом расстоянии друг от друга. У всех них были те же самые обычаи, один и тот же образ жизни и язык.

И вот Котуха, желая жениться на дочери владыки народа, называвшегося малах, послал двоих своих людей. Их задачей было просить (его дочь ему в жены), согласно наставлениям Накшита. Он приказал им взять с собой нескольких кроликов и птиц, которых они должны были положить на горе, где жил владыка (народа) малах. (Котуха) предостерег (посланцев), чтобы они тщательно скрывались. Они так и поступили и два или три раза помещали кроликов и птиц на предназначенное место. (Посланцев) не видели, но и они не находили упомянутых выше животных, а всякий раз находили там куваль.²³

Когда, наконец, их увидели разведчики, то последние сказали выслеженным:

— Кто вы такие и что вы хотите? Может быть, вы посланцы Котуха-Кукумацеля?

— Это так, — ответили они, — мы послы владыки Котуха, и мы желаем говорить с вашим принцем.

Они проводили их. И когда были выпиты крепкие напитки — был обычай предлагать их в таких случаях, — владыка (народа) малах спросил, каково же было их поручение. «Принц и владыка Котуха, — ответили посланные, — желает жениться на твоей дочери».

— Хорошо, — сказал владыка народа малах, — скажите Котуха, чтобы он посылал за ней, а как задаток возьмите для этого три кубка с батидо и хлеб.

Посланные возвратились с этим ответом, и тогда Котуха послал четырех ах-попов-камха, несших выкрашенные в желтый цвет носилки, красное петате и несколько кантес. Молодая девушка Хамаи-Улеу прибыла в Исмачи вместе со своей кормилицей. Владыка малах послал батидо из патасте и из какао, пакайас и гирналлас (фрукты), перец и несколько птичек. Это было сделано, чтобы испытать этих людей, но даже и так они могли не избежать возможных раздоров. Люди малах назывались также цутухиль.

К этому времени (туда) пришел народ, называвшийся ах-актукуль, он состоял из племен ах-цуке, ах-оанем, манакот, манасакепет, ванкох, йабакох и ах-цаколькех. Они поселились в горах и долинах цутухилей, и сыновья их умножились. Люди по имени ах-цикинаха желали досадить этим подданным Котуха, но когда двое из их предводителей — Текпан и Шуцин — были побеждены и взяты в плен, то оставшиеся испугались и удалились прочь.

К этому времени владыка Котуха решил единодушно с владыкой Истайулем, что люди малах, как союзный (с киче) народ, должны получить почести. (Они также решили), что дадут этим племенам принцев и другие звания. Когда это намерение было одобрено, они дали им некоторые должности, такие, как должность ах-попа, ах-попа-камха, алаи-туи и несколько других. (Это было сделано), чтобы оскорбить их врагов, в частности врагов, (живущих) у озера, которые желали обидеть их. Все это было сделано в Исмачи, где (киче) построили три больших белых дома.

К этому же времени мир и спокойствие, поддерживаемые владыками Котуха и Истайулем, были готовы нарушиться: те, кто были назначены как ах-попа-камха, явились источником и носителями огня разногласий. Они сказали владыке Котуха: «Принц Истайуль оскорбляет тебя; он говорит, что ты несчастный и что ты питаешься только отбросами, чикиринес²⁴ и другой дрянью, не подходящей для владыки». С другой стороны, Истайулю они сказали: «Принц Котуха оскорбляет тебя; он говорит, что ты бесполезный человек, что ты питаешься навозом, хрящами и мухами, а его пища, наоборот, состоит из хорошей свежей рыбы, горной форели и других вещей, достойных принца!».

Эти речи так оскорбили Котуха и Истайуля, что они были уже готовы взяться за оружие. Но когда причины были раскрыты и обманщики выявлены, то они были преданы всеобщему позору. Затаив злобу из-за этого, ах-поп-камха организовал заговор, чтобы убить владыку Котуха в его купальне. Последний, когда его предупредили, расставил людей, и предатели были побиты камнями. Так огонь, начавший было распространяться, был затушен. Все это произошло в Исмачи, где (киче) значительно умножились. Владыка Котуха породил семнадцать сыновей, стволы и корни многих других домов и фамилий, которые названы Кика-Кависимах, Кикавиль-Винак, Текум, Истайуль-Винак, Тепепулька-Винак. О потомках Балама-Кице было уже сказано (выше).

Последствия смерти Котуха.²⁵ Встреча многих народов

Два года (спустя) после смерти Котуха, Кика-Кависимах²⁶ начал большую войну с народами койахиль и улахиль, которые убили его отца, состоявшего в союзе с Текум-Тепепулем. Тепепуль, когда (к нему) пришли тринадцать владык этого народа, убил их, раскроив или расколов их головы. Так было предсказано Котуха, и поэтому Кика-Кависимах должен был отомстить за его смерть. Очень хорошо было бы направить огонь на любого (врага), существующего на земле. Это событие дало повод для устройства большого праздника, чтобы решить, что должно быть сделано, потому что тринадцать народов вку-амак и многие другие начали уже мстить. Для этой цели боги тама и илока были доставлены в то место, Исмачи-Киче. С богом тама прибыли кале-тем, ах-потем, кале-цакох, шакох-иколь и ах-тунала. Пришедшие с богом илока были калель-рошче, люди из Сиха. Владыка Татеаха прибыл также, а с ним люди Рабиналя, далматия и ах-поп-каль.

Враждебными народами были ах-поцоциль, ах-пошахиль, ах-бакахоль, какакуч, ухубаха и чималаха. Прибыли (племена) ах-каб-баламиха, кабалькаль, камац, прибыли также налитиха, ах-кибаха, ах-кула-киче, ах-кабовиль, ах-по-полола, ах-пова, ах-по-булаша, ах-по-рунум, ах-по-саккучак, балам-утну, ах-по-коче, ах-потулаха, ах-покон, ах-по-туктум, ах-по-хум, ах-пуле, уканай и лольмет-куминай.

Все это были народы, пришедшие из Цикинаха, люди озера, а также старые враги (киче) вук-амак, последние были те, кто покрывал себя большими кусками кожи, (с ними пришли) также тринадцать принцев с преспехос тех, кто убил Котуха. Они пришли в Исмачи, чтобы совершить свои обряды, выказывая те чувства, которые они питали к тем, кто был убит по приказанию Кикаба-Кависимаха.

Они начали свои обряды и песнопения, повертывались кругом и использовали все инструменты, которые доставил для этой цели туда один из ах-поп-цах. Когда эти церемонии были окончены, они выстрелили и ранили Кикаба-Кависимаха и всех тех, кто имел эмблемы и знаки отличия, таких, как ах-поп (который имел четыре эмблемы), ах-поп-камха (который имел три эмблемы), нима-рах-поп-ачих (который имел две) и чути-рах-поп-ачих (который имел одну эмблему). Все это случилось в этом месте, Чи-Ку-маркаах-Исмачи.

Девять великих ветвей произошло из дома принца Кокаиба, это были многие владыки, называемые кавикиб-кикабиль-винак. Девять других великих ветвей произошло из дома принца Нихайиб; четыре великих ветви из дома принца [Ахау] Киче Махукутаха. Две великие ветви от владыки Саких-Котуха. Всего было двадцать четыре принца и владыки киче.

Званий у этих домов было четыре, а именно: ах-поп-кикабиль-винак, ах-поп-камха, нима-рах-поп-ачих, чути-рах-поп-ачих, кика-биль-винак. Они были также из семьи Лахун-Хо, товарища Кикаб-Кависимаха, женой которого была Рокчах, все эти ветви произошли от нее.

Когда они уже намеревались и решили оставить местность Исмачи, старые вожди и предводители выбрали и отдали публичные должности другим владыкам, чтобы они могли иметь трон в различных местах, которые они занимали, и были бы вторыми вождями. Итак, они избрали девять (человек), которым они дали звание ах-цалама, девять других со званием рах-поп-ах-цалама и девять со званием уцам-чинамиталь. Они дали эти должности, когда собрались в одном доме полным советом; они избрали этих великих владык, которые должны были стать вождями земель, которые они намеревались занять.

Глава VIII

Экспедиция вновь выбранных вождей, назначенных акалелем и ах-попом. А их было тринадцать из Кулаха, двенадцать из Цихбачах и восемь из тех, кто назывался цалам-коштум

Когда вновь вожди во главе бесконечного количества людей уже были готовы отправиться (в путь), старые вожди обратились к ним со следующим увещанием: «Наши сердца взволнованы, видя, что вы отправляетесь, но вы не должны обращать на это внимания. Мы передали вам нашу доблесть, вы — наша надежда. Отправляйтесь, ищите и подчиняйте все враждебные народы, сражайтесь с (людьми) ах-посоциля, ах-пошахиля и ах-порамонера. Покажите доблесть и стойкость во всех опасностях, помните, что от вас зависит счастье такого большого количества людей. Идите же, внимательно осматривайте и захватывайте в собственность те горы и долины, которые понравятся вам!».

После того как это было сказано, они обнялись и попрощались друг с другом. Они взяли свое оружие и отправились. Это были люди, которые ничего не домогались, они не стремились ни к каким должностям или почестям, которые были возложены на них. Они были выбраны за их известное мужество и бескорыстность.

Оставив Киче-Чи-Исмачи, они пошли к местности, которую называли Икийак, а оттуда — в Чинкаца. Здесь они поднялись (на гору) Хокоб-Канашек, где жили некоторое время. Из Канашека (они отправились) в Пацам-Каккик, оттуда — в Чайбальмет-Какикиль, который называется также Хойамканак. Они разделились, чтобы лучше обследовать горы и поля, и люди из Цихбачаха остались здесь, где они воздвигли здания. А (другие), перед тем как уйти, выбрали тринадцать калелей и тринадцать ах-попов племени калах. Оставшиеся там увеличились в численности, они избрали две-

надцать калелей, двенадцать ах-попов и двенадцать у-калечих-рах-поп-ачихов племени цихбачах.

В одной местности они закутали свои ноги, и поэтому они называли ее Эсухулакан. И они разделили ее на три части: одну часть для кикабиль-винак, кикаб-нимакас и тепепуль-кикабиль-винак, другую для кале-нихайиб, ах-цивинак-нихайиб, а третью — для владыки киче.

Восемь цалам-коштумов и сиха, а также люди йохоут балкин сабаче взяли направление прямо вперед, пока не дошли до Пашаш-Тумпека, а затем вскоре пришли к местности, которую называли Субит. Здесь они построили дома, и чути-сабаче и нима-сабаче остались там, а йохоут двинулись дальше, вперед.

Они следовали за каксай, которых мы теперь называем ах-самайаке. Люди тама, люди илока и люди Нихайиб уже встретились, и число мужчин дошло, вместе с людьми сиха, до семи тысяч. Так как теперь собралось много (людей), то они избрали других калеля и ах-попа. Двенадцать цихбачах, остававшихся в Хойаме, также пришли, чтобы разведать, некоторые остались там.

Вожднями этих семей цихбачах были: первый — ахау-ах-поп-кикабиль-винак-нимака, второй — ахау-ах-поп-калель-нихайиб и третий — ахау-ах-цик-винак ахау-киче.

Из упомянутых выше местностей они отправились в Рашчи; оттуда — в Мучулик-бак, в Омуч-Кахолаб. Из Омуча — в Чопикнам, оттуда — в Кашон, оттуда — в Кенбанаб, у подножья горы, оттуда — в Навала, затем к горе Чутун-Абаль, оттуда они прибыли в Савальшукукаб. Оттуда они направились в Панкиш или Шолтаканабах, в Кулькульпек и снова в Чичиль, в Чикичаких-Чо. Оттуда они направились прямо к горной вершине или пику Цихбачах-Цактинамит.

Первым и главным предводителем был именовавшийся ах-йикаль-нимака-йашом-балам-кавек-кикавинак. Вторым — калель-нихайиб-ах-цивинак, принц киче.

Они были первыми, оставившими Киче-Исмачи, чтобы исследовать и захватить во владение все упомянутые земли. Они достигли местности, называемой Микина-Цикиче-Па-Буааль-Сахок. Оттуда они отправились и исследовали местность Сакмала, они поднялись на Кушликель, а оттуда (двинулись) к местности Чуиацикин.

У Кикаба было пять сыновей: Шитапуль, первый, второй — Кам, третий — Искет, четвертый Йаму, а пятый, именовавшийся Каниль-Шитапуль, отделился от других братьев, которые поселились и построили дома в Чувистока и в Чиква. Они были там, когда пришел слух об Альварадо.

Когда Кикаб-Кависимах оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, когда он оставил Киче-Чи-Кумаркаах-Исмачи, тогда он отправился, сопровождаемый тремя из Кулаха и двенадцатью цихбачах. Это было (время), когда сила и могущество Кикаба-Кависимаха, предка и отца нашего, людей Кавек, достигло вершины. Тогда он обошел кругом все горы и долины и все земли и участок, где (на-

ходил) Киче-Исмачи, в котором он так долго пребывал. И оставя его, он двинулся по направлению озера Лемоа,²⁸ на берегах которого (все племена) собрались и определили путь, который надлежит взять каждому.

Новые предводители взяли тот путь, о котором говорилось, а Кикаб-Кависимах, поднявшись с берегов этого озера, двинулся к месту, которое они называли Какиш-Канше. Взяв во владение эту местность, он отправился в Пабаль-Абах, оттуда в Чакашак, а из него в Чи-Капох, где он встретился с теми, кто избрал другой путь. Когда они осмотрели (эту местность), то изменили свой путь и отправились в Чи-Капох в Цамцола и Пекбалам-Абах. Поллиги было для людей апотохия, а другая часть для людей Кикаба. Он пришел к вулкану Чоихуйуб, оттуда в Хукбайках, в Цанкана-Улеу, оттуда в Чуа-Наранхос. Когда он прибыл в Мукуликрикат, то отправился с людьми, называвшимися йаки, в Сейба Инуп, оттуда в Маколабах-Табаламин, где Кикаб-Кависимах оставил людей из Кулаха и Чихбачах.

Он отправился в Кахакалькат-Нахуаль, около впадения или устья (реки) Самала, оттуда в Сиван, а затем, сопровождаемый всеми могучими воинами, прибыл к устью Реве, руке моря. Здесь было закончено измерение земель, которые должны были занять йаки. Они посадили там два дерева — одно, служившее пограничным знаком для йаки, и другое — для жителей Айутар и масатекков. Пограничными знаками земель тех, кто назывался какулебаль, были Канчивиес и Какалиш.

Девять месяцев оставался здесь Кикаб, наш истинный предок и отец наш, людей Кавека. Все это время, когда он вел народ, он показывал свое мужество и талант, совершая удивительные чудеса. Границами для тех, кто называется акааб, были Кошомшак, Вейатио, Кабалцам-Киче, Лаканабах, Пайаки и Акашокакут.

Здесь конец измерений.

Теперь, двадцать восьмого сентября 1554 года, мы подписываем это свидетельство, в котором мы написали то, что по традиции наши предки рассказали нам, (наши предки), которые пришли с другой стороны моря, из Сиван-Тулана на границе с Вавилонией.

Мы, перворожденные Кавека, подписываемся, мы, потомки Балама-Кице.

Хуан де Роса Кикаб.

Диэго Гарсия Читуй.

Хорхе Нихайиб.

Диэго Перес Ах-Кукумац.

Хоче Перес, владыка киче.

Кристобаль Фернандес Нихайиб.

Кристобаль Веласко, Ним-Чокох-Кавек.

Хуан Лукас Ах-Тохиль.

Педро Шикицаль Шепек.

Кристобаль, писец муниципального совета.

Подписываемся мы, главные киче, Кавикиб, Нихайиб, владыка киче, Ах-Тохиль, Кукумац, Читуй и Кехавай.²⁹

Я, Хосе Кордес Кикаб, подписываю это свидетельство Кикаба-Нимайаш.

Я, Хуан де Роса Кикаб, подписываю это свидетельство ах-попа.
В Тотоникапане.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

Вступление

¹ Слова quiche, qiesche значат «лес» на майяских языках Гватемалы. Центральные области страны, занятые киче в XV в., назывались «Киче», т. е. «страна, покрытая лесами». Вероятно, киче, наиболее могущественный народ в этот период на территории Гватемалы, и получил свое имя от этого названия.

² *в городе киче...* — В подлиннике *tipamit* — слово, заимствованное из языка пипиль и обозначающее укрепленное поселение, обнесенное оборонительными стенами; употребляется также для обозначения главного города, где проживает вождь племени.

³ *...Создательницей и Творцом...* — Автор дает здесь перечисление главных божеств пантеона киче, перечисляя их по супружеским парам.

ЧАСТЬ I

Глава 1

¹ *...все было в состоянии неизвестности...* — Следует отметить философскую концепцию в этом месте. Вкратце она такова: мир, вселенная — явление историческое, возникающее в определенный момент и начинающее развиваться по определенным закономерностям. Если вспомнить, что в Европе подобные взгляды были сформулированы лишь в работе «Новая наука» Джамбаттисты Вико, опубликованной в 1726 г., то нельзя не оценить по достоинству высоту философского мышления анонимного автора «Пополь-Вух».

² *...Кукумац, Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах.* — Киче сочетали Кукумаца с водным элементом. В «Летописи какчикелей» упоминается, что одно из переселившихся в Гватемалу племен было названо Кукумац из-за их связи с водой.

³ *...скрытые под зелеными и голубыми перьями...* — Длинные зеленые перья из хвоста птицы кечаль высоко ценились у всех народов древней Мексики и Гватемалы и употреблялись для головных уборов знатных лиц.

⁴ *Первый называется Какулха-Хуракан. Второй — Чипи-Какулха. Третий — Раша-Какулха. И эти три суть единое Сердце небес.* — Киче представляли Хуракана как триединое божество. Какулха — значит «блеск молнии», значит, это — бог-громовик. Интересно отметить, что во время испанского завоевания бог бури на Антильских островах назывался Хураканом. Отсюда это слово вошло в испанский, а затем и в другие европейские языки для обозначения бури, урагана. Таким образом, русское слово «ураган» восходит, в конечном счете, к языку киче.

Глава 2

¹ *...лесных человечков.* — Вера в духов, обитателей лесных чащ, была широко распространена у народов Южной Мексики и Гватемалы. Их представляли в виде маленьких уродливых человечков, которые могли сыграть с заплутавшим в лесу человеком злую шутку, однако могли и оказать помощь.

² *...хозяин изумрудов...* — Здесь в качестве эпитетов богов перечисляется целый ряд профессий. «Хозяин изумрудов» — вероятно, резчик по изумрудам или зеленого цвета нефриту, высоко ценившемуся у всех народов Центральной Америки и Мексики.

³ *...деревя ците...* — Содержащиеся в его стручкообразных плодах похожие на бобы красные семена употребляются и доныне индейцами Мексики и Гватемалы при гаданиях.

Глава 3

¹ *Камалоц.* — Название этого чудовища почти совпадает с названием другого (Камасоц), срезавшего в Шибальбе голову у Хун-Ахпу (см. ниже, часть II, гл. 10).

² Так совершилась вторая погибель людей...— Миф о восстании домашних вещей против человека имелся также у народов Перу.

Глава 4

¹ Вукуб-Какиш.— Большой попугай арава с пыльным красно-зелено-голубым оперением. Имя Вукуба-Какиша, следовательно, надо переводить как «Семь арава».

² ...их природа есть природа сверхъестественных существ.— Значение этих слов не совсем ясно. В них содержится какой-то намек о деревянных людях, «которые потонули». Возможно, вся фраза говорит об обезьянах, схожих с деревянными людьми (см. конец предшествующей главы), которых Вукуб-Какиш принимает за сверхъестественные существа.

Глава 5

¹ ...погубленного двумя юношами...— Мифологические образы двух братьев, создателей культуры, имеют параллели в мифологических циклах почти всех народов земного шара (Диоскуры — в Греции, Ашвины — в Индии, близнецы в фольклоре индейцев Северной Америки и Океании).

² ...его изумрудов.— Драгоценные и полудрагоценные камни зеленого цвета особенно высоко ценились у всех народов майя.

³ Макамоб.— Название на языке киче вулкана Суньяль.

Глава 6

¹ ...дерево тапаль...— Плоды этого дерева напоминают по форме вайши, имеют белый цвет и своеобразно пахнут.

² До сих пор среди индейцев Гватемалы распространено поверье, что зубная боль вызывается червем, поселившимся в зубе.

Глава 7

¹ В сказании о четырехстах юношах следует отметить два момента. Первый: юноши живут вдали от родителей в одном доме в едином коллективе. Не случайно и число 400; оно обозначает просто «множество». Вероятно, в этом сказании сохранились какие-то отзвуки представлений о мужских домах или домах для юношеских инициаций.

² Причина, которой пытаются оправдать попытку убийства Сипакны четыреста юношей, звучит неубедительно. По всей видимости, первоначально здесь был миф о «строительной жертве», вся обстановка рассказа соответствует этому: 400 юношей строят дом, они роют яму, в которую спускается жертва и т. д. Существование таких жертвоприношений в древности засвидетельствовано археологическими находками на территории Мексики и Гватемалы.

³ Моц.— семь звезд, Плеяды. В древнем Перу они считались семью глазами Хуиракочи, наблюдавшими за урожаем.

Глава 8

¹ Меауан.— Высокая гора, носящая это имя, находится в нижнем Верапазе, в 10 километрах восточнее Рабинала.

Глава 9

¹ Речь идет о борьбе между богами и титанами, но, по греческому мифу, боги сражаются сами, а в мифе киче — при помощи своих орудий, полубогов Хун-Ахпу и Шбаланке.

- ² стрелки из выдувных трубок... — традиционное оружие индейцев Гватемалы.
³ Все дети Вукуб-Какиша, как и он сам, гибнут при принятии пищи.

ЧАСТЬ II

Глава I

¹ Хун-Хун-Ахпу и Вукуб-Хун-Ахлу — буквально «один хун-ахпу» и «семь хун-ахпу». Имена этих героев представляют собой названия двух дней в календаре киче. Месяц древних киче состоял из двадцати дней (названия их — имош, ик, акбаль, кат, кан, камей, кех, канель, тох, ци, бац, э, ах, балам, цикин, ахмак, нох, тихаши, каок, хун-ахпу). Племена майя до испанского завоевания обозначали день года путем соединения цифрового коэффициента (от 1 до 13) и названия дня. Благодаря этому получался непрерывный ряд из 260 дней; сочетание числа и дня могло повториться лишь через данный промежуток времени. Этот период в 260 дней составлял у киче ритуальный год; существовал обычай, по которому рожденный в тот или иной день ребенок получал название этого дня как свое имя. Этим и объясняются встречающиеся далее имена действующих лиц, совпадающие с названиями дней.

² ...в ночи были рождены — т. е. до того, как были созданы солнце и луна.

³ Хун-Бац — «одна обезьяна» — одиннадцатый день календаря киче; Хун-Чоуэн — «одна обезьяна» — одиннадцатый день в календаре юкатанских майя.

⁴ Шбакийало — «из связанных костей».

⁵ Ah chuep — на языке майя обозначает «ремесленник».

⁶ Индейцы майя играли в мяч, а также, используя бобы, в игру вроде костей.

⁷ Bok — сокол, посланник богов.

⁸ Chi-Xibalba — буквально «Место ужаса». Киче верили, что Шибальба — подземная область, населенная врагами человека, царство богов смерти.

⁹ Хун-Каме — «один мертвый» и Вукуб-Каме — «семь мертвых» — дни календаря киче.

¹⁰ Имя первого обозначает «летающая корзина», имя второго — «собранная кровь».

¹¹ Ahalpuh — «тот, кто причиняет нарывы». У современных какчикелей это слово обозначает венерическую болезнь.

¹² Chuganal — род желтухи.

¹³ Chamiabac — «тот, кто носит костяной жезл». Chami-holom — «тот, кто носит жезл с черепом». И тот и другой жезл — символы смерти. Ahchami — «человек с жезлом» (жезл или палка — символ власти) — люди, поддерживающие общественное спокойствие в городе-государстве.

¹⁴ Ahalmex — «тот, кто делает нечистоты». Ahaltocob — «тот, кто причиняет несчастья».

¹⁵ Xic — «сокол». Patan — кожаная лента, носимая индейцами на голове; к ней прикрепляется носимая на спине ноша.

Глава 2

¹ Так как при игре в мяч игрок мог получить в пылу игры увечья (мяч из каучука был очень тяжелым), то перед игрой он надевал наколенники, защищавшие ноги и часть бедер, нашейник (несколько специальных колец), перчатки, головной убор наподобие шлема, маску.

² Послы Шибальбы носили имена: «Сова-стрелы», «Одноногая сова», «Сова-ара-ра» и «Сова-голова».

³ Ах-поп-ахи — «благородный муж ах-попа» — почетное звание в ранне-рабовладельческом обществе киче.

Глава 3

¹ ...имя девушки — Шкик. — слово «шкик» может значить «кровь женщины» или «малая кровь, кровинка».

² Им должна принадлежать только кровь и только череп... — В подлиннике — непереводаемая игра слов. Девушка намекает, что владыкам подземного царства, символом которых являются кровь и черепа, вместо ее сердца достанутся сок и листья «дерева крови».

³ Вероятно, американское дракононое дерево.

Глава 4

¹ Штох — богиня дождя, Шканиль — богиня желтой кукурузы, Шкакау — богиня деревьев какао.

Глава 5

¹ ...дерева, называвшегося канте. — Заимствовано из языка юкатанских майя и должно переводиться как «желтое дерево».

Хун-Ахпу-Кой — «обезьяны Хун-Ахпу». Танец под этим названием исполнялся в Гватемале еще в середине прошлого века; участники его, одетые в обезьяньи маски, сопровождали танец пением.

Глава 6

¹ дикий кабан. — на языке киче — ас.

² Паташте — современное название одного из видов какао. На языке киче — рес.

Глава 7

¹ Юноша по имени Тамасул... — слово, заимствованное из языка нагуа, означает определенный вид жаб.

² Лоцких. — лоц — растение, ких — мяч. Из текста «Пополь-Вух» не ясно, примешали ли братья к каучуку растение лоц, но в названии лекарства ово, во всяком случае, фигурирует.

Глава 8

¹ Перечисленные здесь имена владык Шибальбы несколько отличаются от упомянутых в первой главе этой же части. Возможно, в этом месте — следы какой-то иной версии мифа.

Глава 9

¹ ...пусть заговорит голова пумы. — Вероятно, речь идет о каких-то правилах игры в мяч; не исключено, что автор сознательно использовал игру слов.

² мичит или мучиль — название на языке киче одного из растений.

Глава 10

¹ Камасоц — буквально «хищная летучая мышь».

² ...как у чакицама... — от слов «чак» — рана и «цам» — острие: «настоящее раны острие» — чудовищное животное в виде летучей мыши, на носу которого находится нож.

Глава 11

¹ Растение цалих — Burseraceae *Elaphrium simarubra*.

² Кто из вас пойдет искать ее? — Смысл этой фразы, очевидно, в том, что

владыки Шибальбы подозревают какую-то хитрость со стороны братьев. Об этом говорит их предыдущее восклицание: «Что мы видим?» Этой второй фразой они признают свою беспомощность в отыскании вещественных доказательств обмана — кусков искусственной головы.

Глава 12

¹ ...звали их Шулу и Пакам. — буквально «прорицатель» и «почтенный».

Глава 13

¹ Нельзя не обратить внимание на роль, которую играет вода при оживлении Хун-Ахпу и Шбаланке. Ср. «живую воду» русских сказок.

² Речь идет о маленьком хищнике, напоминающем по внешнему виду ласку.

³ Они не открыли его, и они не нашли его — т. е. он спрятался при уничтожении и потом добровольно явился просить пощады.

Глава 14

¹ *nicañ* — «центральное место»

ЧАСТЬ III

Глава 1

¹ *Кауэш* — одна из разновидностей анноны.

² *Дерево матасано*. — В подлиннике слово *ahache* дерево *Rutacee Casimiroa edulis Llave et Lexarza*.

Глава 2

¹ В подлиннике слово *achih* — «благородный, знатный по рождению человек».

² В древнейшей версии мифа подобных обращений божеств к первым людям, очевидно, было несколько. С каждым таким обращением люди получали соответствующее чувство или способность (видеть, слышать, ходить, говорить и т. д.). В данной версии результатом всех обращений богов является лишь одно — острое зрение.

Глава 3

¹ *Вот имена их жен...* — Хименес переводит имена первых женщин так: «вода водопада», «прекрасная, избранная вода», «вода колибри», «вода попугая» — все эти имена подчеркивают водную сущность женщин. В «Родословной владык Тотоникапана» (глава 1) имена первых женщин даются с некоторыми отличиями.

² ...*тепеу оломан* — «могущественные из Олимана» — племя, которое предки киче встретили в своих странствованиях.

³ *Существовало три объединения родов...* — Племя киче делилось на три объединения родов (Кавек, Ниха, или Нихаиб, и Ахау-Киче), возводивших себя к трем тольтекским предводителям: Баламу-Киче, Баламу-Ахабу и Мухукутаху.

⁴ Об этих божествах см. прим 4 к гл. 1, части I.

Глава 4

¹ *Вукуб-Пек, Вукуб-Сиван*. — «семь пещер», «семь ущелий». Это место «Пополь-Вух» наиболее ясно говорит о тольтекском происхождении предводителей киче.

Глава 5

¹ Способ, которым Тохиль получает огонь, напоминает древнейшие способы получения человеком огня при помощи трения.

Глава 6

¹ Он имел вид летучей мыши. — Летучая мышь была тотемом какчикелей; глава их племени именовался «ах-по-социль» — «владыка — летучая мышь».

Глава 7

¹ Гора Чи-Пишаб. — пишаб — «приказание, мольба, совет».

² ...какчекели — буквально «происходящие от красного дерева».

Глава 8

¹ ехидн. — На языке киче сапи — ядовитая змея.

² ...звезды, называемой Икоких. — буквально «обгоняющая солнце звезда», т. е. Венера.

Глава 9

¹ Конечно, это было не то самое солнце, которое мы видим. — В этой фразе отражено общее для всех древних народов Центральной Америки представление о том, что мир пережил несколько эпох, каждая из которых имела свое особое солнце.

² ...с божественными существами пумой, ягуаром. — Культ ягуара был очень распространен у индейцев Центральной Америки. Многие божества имели облик ягуара.

Глава 10

¹ ...трава по имени йиа. — Вероятно, дикий анис.

² ...символами. — Имеются в виду те олених шкуры, которые Балам-Киче и его братья должны были показывать при вопросе «Где же Тохиль?»

ЧАСТЬ IV

Глава 1

¹ Оттуда, из Тулана, пришло это, когда вы взяли нас с собой! — Эти слова божеств указывают в туманной форме на человеческие жертвоприношения. Вожди киче, следуя указаниям Тохиль, Авидиша и Хакавица, вводят обычай человеческих жертвоприношений, усвоенный ими в Тулане.

Глава 2

¹ ...возбуждают в них желание овладеть ими. — В этом месте ясно выражено древнее представление, широко распространенное в мифологиях народов Старого Света, что божество имеет силу, только оставаясь девственным.

² ...трудились со своей работой над камнями. — Девушки делали вид, что они собираются стирать свою одежду.

Глава 3

¹ Затем они изготовили фигуры, выглядывшие как люди... и поместили их рядами по стенам крепости. — В описании несохранившегося главного здания

в юкатанском городе Исамаль говорится: «На башнях были сделаны из смеси извести с песком фигуры вооруженных гигантов с щитами и шлемами».

Глава 4

¹ И число измерялось ни дважды восемь тысяч, ни трижды восемь тысяч, а значительно больше.— Слово *сичу* значит буквально «мешок, в котором хранились бобы какао»; обычно он вмещал ровно восемь тысяч бобов; отсюда и употребление этого слова, как счетной единицы.

Глава 5

¹ *Писом-Какаль* — буквально «закутанная сила, закутанное величие». Можно полагать, что эти таинственные символы представляли собой не что иное, как мумифицированные трупы прародителей. Мумии прежних правителей обладали, по индейским представлениям, могучей магической силой. Их выносили, например, перед сражением, чтобы они сокрушили силу врага.

² *Никто из них...* — Подразумеваются покоренные племена.

Глава 6

¹ ...они появились перед лицом владыки Накшита... — Накшит — сокращенное имя, которым у киче и какчикелей обозначался легендарный тольтекский предводитель Топильцин Акшитль Кецалькоатль, возглавивший в конце X в. тольтекскую экспансию в прибрежные области современных мексиканских штатов Табаско, Кампече и Юкатан.

² ...картин... которыми они писали все, что содержалось в их истории.— Саагун сообщает, что тольтекские жрецы, отправляясь на восток (Юкатан), взяли с собой «все свои картины, в которых они имели все вещи древних времен, искусств и ремесла».

Глава 7

¹ *мололи свою известь и белую землю* — т. е. строили каменные здания при помощи извести.

² *И жили они там, в Исмахи, с одной только мыслью...* — т. е. жили без разногласий, имели единое общее мнение.

Глава 8

¹ ...город по имени Кумаркаах... — буквально «гнилые, испорченные хижины». К моменту испанского завоевания был столицей государства киче и наиболее важным городским центром на территории Гватемалы.

² ...бросали черепа и кости мертвых и швыряли их вокруг и один в другого.— Черепа умерших использовались в качестве кубков, а кости рук и ног, оправленные в металл, служили жезлами и колотушками для ритуальных барабанов.

³ ...на двадцать четыре великих дома.— *Nimha* — «великий дом»; первоначально обозначало общий дом для собраний того или иного рода, впоследствии стало термином для знатного рода.

⁴ Речь идет о переименовании этого города первым епископом Гватемалы Фр. Маррокином в 1539 г. Кумаркаах был назван Санта Крус дель Киче.

⁵ *Привитель, царь* — буквально: «владеющий циновкой», т. е. имеющий право сидеть на совете старейшин.

⁶ Второе по значимости лицо в государстве, предназначенное наследовать ах-попу.

⁷ Жрец Тохилья.

⁸ Жрец Кукумаца.

Глава 9

¹ Чудодейственные свойства правителей Котуха и Кукумаца, которыми автор «Пополь-Вух» пытается объяснить завоевательные успехи киче, являются легендой, сознательно распространявшейся знатью, чтобы упрочить свое влияние среди побежденных.

² ...жители ущелий. — т. е. местностей, окружающих город.

Глава 10

¹ Не все упоминаемые в этой главе названия древних городов и поселений могут быть с достаточной точностью сопоставлены с современными географическими пунктами. Чувила — современный город Чичикастенанго; Памака — современная Сакуальпа; Колче — местность на тихоокеанском побережье Гватемалы.

² Человеческое жертвоприношение, при котором пленного привязывали к дереву, а затем убивали выстрелами из лука, было широко распространено у древних народов Мексики и Гватемалы.

³ ...раскрылись уста земли — т. е. словно земля разверзлась и поглотила эти города.

⁴ ...если вдруг племена вернутся, чтобы занять поселение. — Киче, по всей видимости, в ряде случаев изгоняли из захваченных областей население.

⁵ ...к поселениям... в стране племен. — Данное место «Пополь-Вух» показывает, что киче обращались с завоеванными племенами так же, как ацтеки. В захваченных поселениях оставлялись специальные лица, наблюдавшие за исправной уплатой дани.

⁶ Працники — воины, вооруженные оружием, подобным праще.

⁷ Состав гарнизонов состоял только из воинов киче, воины покоренных племен не могли входить в их состав.

⁸ Мака. — В испанском переводе Хименеса вместо этого имени написано: Сакуальпа.

⁹ Люди там и илока поступили точно таким же образом — т. е. после того, как совет санкционировал притязания на власть представителей знати у киче, подобный же процесс повторился и у племен тамуб и илокаб, а также у подчиненных киче племен.

¹⁰ Ахцалам. — «мастер доски, постройки», архитектор — почетное звание у киче; возможно, лицо, наблюдавшее за постройкой храмов и общественных зданий.

Глава 11

¹ Кахбаха — по предположению Брассера де Бурбур, поселение возле реки Лакандон, современный поселок Саккабаха Сан Андрес.

Глава 12

¹ В неизданной рукописи XVI века, хранящейся ныне в Латино-Американской библиотеке Техасского университета, находится несколько иная генеалогия правителей киче:

«Первый король, который был у этих людей Утатлана, назывался Балам-Кисе. Этот король пришел с восточной стороны, с ним пришли и два других брата, один по имени Балам-Ахал, другой — по имени Маху-Кутах. Эти три были равными по значению, и они были первыми, заселившими страну Рабинала. Балам-Кисе, старший брат, имел двух сыновей, один из них именовался Кокоха, а другой — Корохон-Амак. Эти два сына Балама-Кисе были первыми, кто открыл провинцию Утатлан, исследовал, населил и подчинил ее. Кокоха породил Э. Этот царствовал вместо отца, который назывался Кокоха, и он был тот, кто завоевал страну Рабиналь и окружающие области. Корохон Амак, второй сын Балама-Кисе, брат Кокоха, породил Цикина. Этот Цикин и Э были равными по значению; они сражались по ночам. И они отправлялись ночью, чтобы убивать врагов, которых они находили рассыпанными и беззаботными. Чтобы люди пугались их, они появлялись перед ними,

как ягуары и пумы, благодаря делам дьявола. Они летали ночью по воздуху, изрыгая огонь из своих ртов, и причиняли таким образом большой вред, потому что их страшно боялись, и вся земля Рабиналь подчинилась им. И они убедили людей, что они сыновья Цаколь Питоль, т. е. что они были сыновьями Творца всех вещей.

«Действительным королем был Э, так как он был старшим братом, и он породил Аха. Этот также был волшебником и поступал, как поступали его предки. Цикки породил Акана, они были равны по значению, так как были двоюродными братьями. Они были большими волшебниками.

«Ах, законный владыка, породил Кокайба и Кокайвима. Кокайб был наследником королевства по своему отцу, и он был первый, кто создал государство (в своей стране). Этот Кокайб подчинил 11 владык, оставшихся (не завоеванными) его предками, и он был первый, кто основал город. Он построил и соорудил свой королевский дворец и крепость в Робинале. Он был первым разделившим земли и создавшим вождя, правителей и вождей, он разделил их на главы общин. Он был первым, создавшим законы и установившим законные права; он был первым, заставлявшим их платить дань, каждый согласно тому, что он имел и владел. А тот, кто не имел ничего, чтобы заплатить дань, должен был служить сам или другими соответствующими вещами.

«Этот Кокайб сделал своего брата Кокайвима главным в своей стране, каковая (должность) называется ах-поп; этим он сделал его равным (себе), хотя и не признавал права (брата) на старшинство. Этот последний учредил и назвал (должности) девяти вождей или правителей, которые управляли городом и помогали ему. И ни один из них, кто был еще юным, не мог управлять, пока он не достигал необходимого возраста и пока его не сочли и не нашли подходящим. А если он не имел (необходимого возраста), то правил один из ближайших ему по семье и родству, пока он не достигал возраста.

«Этот Кокавим, второй брат, из-за отсутствия своего брата, который путешествовал вдали от своего дома, имел сына от своей невестки. А когда его брат Кокайб должен был вернуться (из своих странствий), то из-за наказаний, которые были установлены его [т. е. Кокайба] законом, перед тем как он отправился, а именно повешением, бабушка ребенка держала его спрятанным. А когда он вырос, его дядя и отчим дали ему должность его отца, назначили его одним из ах-попов. Таким образом королевство было поручено этому Кокайбу, и никто больше не был допущен править или быть королем.

«Этот Кокайб породил Кехнай'а и пять других сыновей, которые были назначены правителями этим королем. И с того времени и до прихода испанцев короли носили это имя Кехнай, потому что оно (почиталось) среди туземцев как Цезарь.

«От второго брата, который назывался Кокайвим, последовали все те, кто назывался ах-попом, пока не появился преемник, называвшийся Коначе, дед дон Хуана Кортеса, живущего теперь. Этот Коначе умер в сражении, которое было дано главнокомандующим доном Педро де Альварадо на равнине около Кесальтенанго, при надлежавшего королевской короне».

² *Донадиу*. — «Солнце» — имя, данное ацтеками испанскому конкистадору Педро де Альварадо.

³ *...ним-чокох* — буквально: «великий избраннык» или «великий советник» — лицо, на обязанности которого было объявлять решение правителей и наблюдать за его исполнением.

ПРИМЕЧАНИЯ
К «РОДОСЛОВНОЙ ВЛАДЫК ТОТОНИКАПАНА»

¹ История появления рукописи дана в предисловии к этому разделу книги «Летопись народа киче».

² *Нахуаль* — на языках индейцев Гватемалы обозначает «дух-хранитель», «дух-покровитель» того или иного лица.

³ ...у-мамае — старцы.

⁴ ...какох (и) эгоме — Потомки Копичоча и Кочохлана имели звания «экоамак», «эгоамак» или «экомакиб», а потомки Махкиналона и Коканавила — звания «какох» или «какохиб».

⁵ Хотя в тексте говорится о четырех предводителях людей илока, дается список, состоящий из пяти имен, что обусловлено, вероятно, ошибкой переписчика, разделившего одно имя на два.

⁶ ...потомки Израиля. — См. предисловие к разделу книги.

⁷ ...дир, называемый Кирон-Какаль. — «Узел закутанного величия» — см. «Пополь-Вух», часть IV, глава 5.

⁸ ...были сыновьями Авраама и Иакова. — См. предисловие.

⁹ ...вук-амак (далее — вук-амак-тепан). — Буквально: «семь племен»; Брассер де Бурбур считал, что племена вукамак — покомам и покончи.

¹⁰ *Хакавиц-Чипаль*. — По предположению А. Ресиноса — гора к северу от Рабиняля вблизи от главного притока Усумасинты р. Чишой.

¹¹ «Пополь-Вух» (часть IV, глава 2) упоминает только двух девушек: Штах и Шпуч.

¹² ...на берегах озера Мехико. — А. Ресинос полагает, что Кокавиб спустился вниз по течению р. Усумасинты и достиг лагуны де Терминос, которая называется здесь озером.

¹³ «Пополь-винак» — почетное звание у древних киче.

¹⁴ *Канти*. — Разновидность ядовитых змей.

¹⁵ «Заря Тохила», «заря Авилиша», «заря Хакавица».

¹⁶ *Viah* — «голод».

¹⁷ буквально — «глиняные косогоры».

¹⁸ Фуэнтес и Гусман сообщают, что в Памбилиле киче нашли три кукурузных стебля, с которых и получили семена для дальнейших посевов.

¹⁹ Согласно «Пополь-Вух» (часть IV, глава II), Цутуха было именем не поселения, а большого здания, находившегося в Кахбаха.

²⁰ Они нашли (там) несколько банановых деревьев. — По мнению многих исследователей, банан появился на территории Америки задолго до Колумба. Возможно и другое: Хосе Чонай, не зная, как перевести название какого-то растения на языке киче, употребил слово «банан».

²¹ ...кого они называли акааб. — По мнению А. Ресиноса, жители местности около р. Чишой, расположенной к северу от Сакапуласа и к западу от Рабиняля.

²² ...батидо. — Опыняющий напиток из кукурузы и какао.

²³ ...всякий раз находили там куваль. — Куваль — драгоценный или полудрагоценный камень зеленого цвета. Этим словом киче обозначали и изумруд, и жадеит, и другие различные камни; отличительным признаком считался лишь интенсивный зеленый цвет.

²⁴ ...chiquirines — цикада.

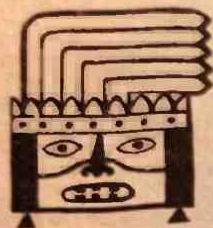
²⁵ Глава седьмая. Последствия смерти Котуха. — «Здесь страница рукописи безусловно потеряна, так как о том, как и когда умер Котуха, ничего не говорится» (Х. Чонай).

²⁶ *Кика-Кависимах.* — Согласно «Пополь-Вух», Кикаб и Кависимах были различными лицами; первый был правителем — ах-попом, второй — заместителем правителя: ах-попом-камха.

²⁷ *Глава восьмая.* — «Эта глава соответствует двадцать девятой странице рукописи» (Х. Чонай).

²⁸ *...озера Лемоа...* — Лето — «зеркало» на языке киче.

²⁹ *Кехавай* — Кехнай?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Незатонувшая Атлантида	5
Дизго де Ланда. Боги и люди майя	12
В КОРОЛЕВСТВЕ БОЛЬШОГО ЗМЕЯ	
З. Косидовский. В королевстве Большого Змея	41
Как Кортес завоевал страну ацтеков	41
Конец пожирателей человеческих сердец	64
Слепой ученый открывает погибшие цивилизации	74
Мир существует только 52 года	79
Разбитая барка в зеленом море джунглей	84
В королевстве Большого Змея	90
Обручение бога Дождя	100
Помпеи Нового Света	107
Сокровища позолоченного человека	114
В стране тысячи тайн	120
БЕЛЫЕ БОГИ ИНДЕЙЦЕВ	
Н. Непомнящий. Белые боги индейцев	127
Пропавшая экспедиция	127
Успех конкистадоров	128
Шествие бородатых богов	131
И. Федоров. Перуанские мумии	141
В. Лебединский, Л. Кириченко. Камень в доколумбовой Америке	146
Камень в культуре майя	147
Города и дороги инков	152
Мачу-Пикчу — город-крепость инков	154
Каменный календарь ацтеков	156
Каменные загадки Перу	157
А. Сандерсон. Размягчение камня	161
НЕАНДЕРТАЛЬСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	
Ю. Зубрицкий. Неандертальская цивилизация	169
Джеймс Д. Фрэйзер. Потоп в легендах Северной Америки	177
Потоп в легендах Центральной и Южной Америки	188
ДОЛИНА ЗАМКОВ	
Рассказ первый, повествующий о начале распри между великим сипой и великим саке и о том, как приход суаичи-ас положил конец их лютой вражде	195
Рассказ второй, где речь пойдет о том, как правили великие владыки многочисленным народом мунсков и в каком страхе и покорности их держали	204

Рассказ третий, в котором будет поведано, сколь трудолюбив и искусен был народ муисков и как привольно жил он в благодатной «Долине замков»	214
Рассказ четвертый, в котором будут раскрыты тайны индейской веры и вся правда о «позолоченном человеке»	224

ДЕТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Фридрих Ратцель. Религия и жрецы американцев	237
Религия океанийцев	278

КТО ОТКРЫЛ АМЕРИКУ: КЕЛЬТЫ ИЛИ КИТАЙЦЫ?

Барри Фелд. Америка до Рождества Христова	317
1. Кельты в Америке	317
2. Ливийцы из племени Зуни	327
3. Кельто-Иберийцы	332
4. Присутствие египтян	335
5. Алгонкины	341
Традиции	341
Лингвистические свидетельства	342
А. А. Маслов. Невозможная цивилизация	344
Станный рассказ монаха	344
За тысячелетие до Колумба	347
Карта несуществующих гор и морей	357
Китай — родина палеоиндейцев?	362

ПОПОЛЬ-ВУХ

Милослав Стингл. Индейцы без томагавков	369
Пополь-Вух	388
Вступление	388
Часть I	388
Часть II	404
Часть III	440
Часть IV	455
Заключение	478
Летопись народа киче	479
Родословная владык Тотоникапана	480
Глава I. Путешествие народов киче и других родственных племен	480
Глава II. Разделение народов	483
Глава III. Об общественных должностях, достоинствах и почестях	485
Глава IV. Другое странствование на восток	486
Глава V. О генеалогии Балама-Кице. Страх нахуалей и странствования народа киче	487
Глава VI. Женитьба Котуха и другие события	491
Глава VII. Последствия смерти Котуха. Встреча многих народов	493
Глава VIII. Экспедиция вновь выбранных вождей, назначенных акалем и ах-попом	494
Примечания к эпосу «Пополь-Вух»	498
Примечания к «Родословной владык Тотоникапана»	507

Литературно-художественное издание

МИФЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Составитель В. И. Вардугия

Художник К. В. Бутенко

Художественный редактор
В. К. Бутенко

Технический редактор
Л. А. Боткина

Корректор
Т. Е. Никольская

Сдано в набор 25.1.96. Подписано в печать 12.1X.96. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 32. Уч.-изд. л. 30,2. Тираж 25 000.
Заказ 72.

Издательство «Надежда», г. Саратов, ул. Мисницкая, 3.

Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфический комбинат.
Комитета Российской Федерации по печати.
410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

